

Владимир Мединский

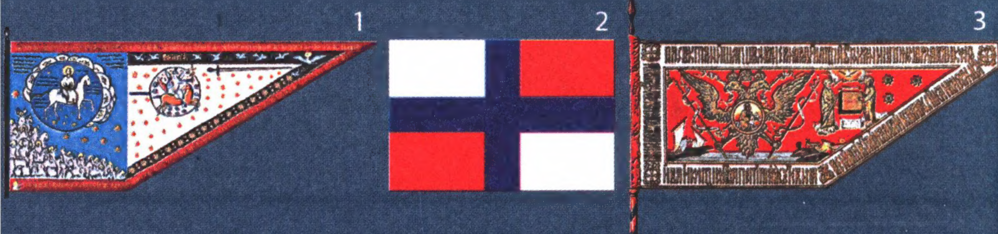
Мифы о России-2

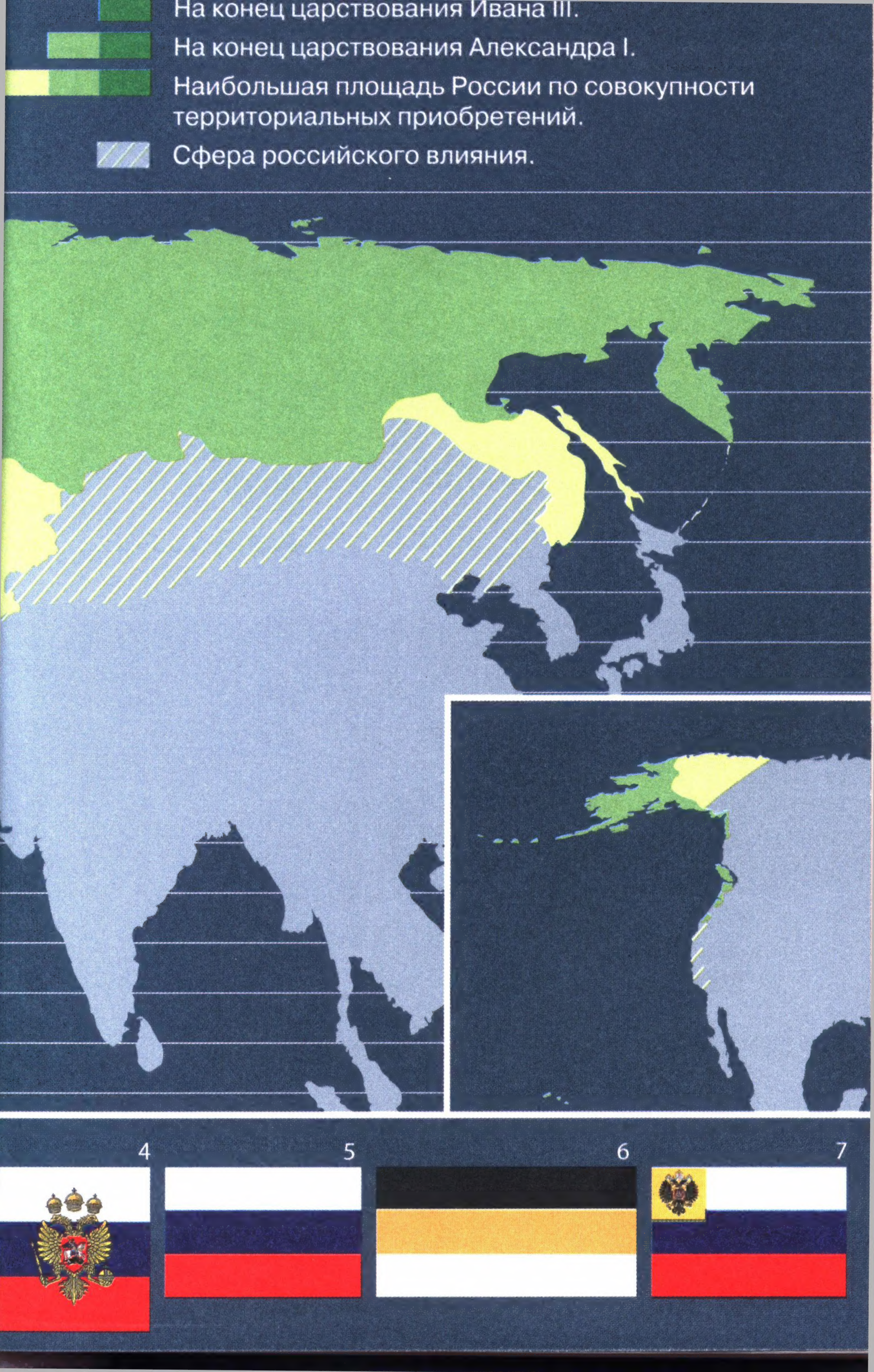
О русской демократии, грязи и "тюрьме народов"

продано более 450 000 экземпляров

Схема территориальной экспансии России

1. «Великий стяг» Ивана Грозного (1560)
2. Предполагаемый вид флага корабля «Орел» (1668)
3. Гербовое знамя Петра I (1696)
4. Флаг царя Московского (1693)
5. Флаг России, де-юре (1883 – апрель 1918)
6. Первый официальный флаг Российской империи (1858 – 1883), династический флаг Романовых
7. Флаг России «для частного употребления» (1914 – 1917)

На конец царствования Ивана III.
На конец царствования Александра I.
Наибольшая площадь России по совокупности территориальных приобретений.
Сфера российского влияния.
4
5
6
7

Владимир Мединский

О русской демократии, грязи и "тюрьме народов"

Новое издание

Мифы о России-2

Москва
2015

УДК 17
ББК 87.7
М 42

Мединский В. Р.

М 42 О русской демократии, грязи и «тюрьме народов». – Изд. 4-е, исправленное и дополненное. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. – 624 с. (Мифы о России)

ISBN 978-5-373-04742-5

Россия никогда не имела демократической традиции и поэтому не может существовать без «сильной руки». Вся ее история: от князя Святослава до Суворова и Жукова, от щита над вратами Царьграда до казаков в Париже, советских танков в Вене и ракет на Кубе – это история непрекращающейся военной экспансии военно-бюрократического государства.

Сожжены и вырезаны Новгород и Казань, украден у татар Крым, разделена и обезглавлена Польша, закабалены свободолюбивые народы Кавказа, царскими колониальными войсками покорены независимые ханства Средней Азии. Везде Империя насаждала свои порядки, свою единственно верную «православную» веру, свой чиновничий аппарат. Так крошечная мононациональная Московия превратилась в гигантскую «тюрьму народов» почти в 1/5 суши.

При этом отсутствие европейской культуры быта породило в крестьянской стране ту ужасающую антисанитарию, неряшливость и вековую грязь, избавиться от которой Россия не в состоянии по сей день...

Так вот, все вышесказанное, по мнению автора, – ложь. В этой книге, второй в серии «Мифов о России», он доказывает совершенно обратное.

Читайте. Думайте. Спорьте.

УДК 17
ББК 87.7

ISBN 978-5-373-04742-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

Этот народ находит более удовольствия в рабстве, нежели в свободе.

С. Герберштейн, *XVI ВЕК*

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ.

М. Лермонтов, *XIX век*

Проблема России – это россияне. Главный враг России – это мы сами, наше многовековое рабство, лицемерие, чинопочитание... потомки крепостных, люди с рабским самосознанием...

Б. Немцов
«Исповедь бунтаря», XXI век

Помнить хорошее
(Вместо предисловия)

Глубокоуважаемый Читатель!

У вас в руках вторая книга из серии «Мифы о России».

Первая – «О русском пьянстве, лени и жестокости» – вызвала массу читательских откликов. И восторженных, и возмущенных. Признаюсь, не ожидал столь бурной реакции. Это доказывает, насколько важными для всех нас оказались вопросы, поднятые в «Мифах».

Спасибо всем, кто меня поддержал. Но остановлюсь на критических письмах, которые пришли ко мне и в издательство.

Читатели указывают на неточности, какие-то описки, оговорки. Сразу подчеркиваю: представленные книги – не узкоисторическое исследование. Историки работают с первоисточниками. «Ворошат летописцы», по выражению Ивана III, рассматривают в лупы берестяные грамоты, опрашивают участников Куликовской битвы...

Так что давайте называть вещи своими именами: исторических открытий здесь не ждите. Мои книги основаны на известных работах отечественных историков и свидетельствах иностранных наблюдателей. Больше скажу: активно использую публикации в прессе. И даже в Интернете. «Мифы о России» – это историческая публицистика.

Я не открываю Атлантид (и даже Трой). Просто подбираю факты в определенной последовательности и преломляю их под определенным углом зрения. И здесь возникают открытия...

Вот, например, в интервью «Комсомолке» по поводу выхода книги вспомнил историю, как в 1812 году в сражении под деревней Красное (по другим сведениям – Дашковкой), когда русские солдаты – вчерашние мужики, крепостные, засели под шквалом

французской картечи в окопы и головы боялись поднять, их командир – генерал Раевский взял за руки двух своих служивших (!) при штабе армии несовершеннолетних сыновей – одному было 10 лет, другому 14 – и сам пошел с ними в атаку. Один из мальчиков поднял знамя Смоленского полка, и весь полк ринулся за ними в штыковую. Известный исторический эпизод Отечественной войны. Об этом писали Пушкин, Жуковский.

После этого интервью я получил массу читательских писем. Забавно, но нашлись знатоки, которые стали уточнять, что сыновьям Раевского было, по «их информации», 11 и 15 лет, что знамя они не несли и что якобы в атаку с отцом шел вообще только один его сын... Да, есть разные свидетельства, я это знаю. Но что для нас важно?

Для нас важен не десяток версий, в которых историческая правда порой блуждает как в темном лесу. Это-то как раз значения не имеет. Зато есть яркий пример, который должен быть в каждом учебнике для курсантов российских военных училищ. Который нужен, например, чтобы пристыдить тех современных политиков и генералов, которые прятали за широкими спинами своих сыновей от Чечни.

По моему убеждению, не имеет значения, говорил ли в действительности Александр Невский: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет», или эту фразу можно оставить на совести сценаристов гениального фильма 1938 года. Не имеет значения, было ли сказано в 1941-м политруком Клочковым его ставшее знаменитым: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади – Москва». И было ли героев-панфиловцев именно 28, а не «целая» рота, как утверждают некоторые новомодные «историки Великой Отечественной»[1].

---

[1] Вот свежий пример. Когда было принято решение о создании президентской Комиссии по противодействию фальсификации истории, «Ежедневный журнал» выступил с комментарием: «Теперь нужно понять, что комиссия будет считать фальсификацией. Всякую ли информацию, представляющую советскую армию в дурном свете, а отдельных немецких солдат обычными людьми без склонности к зверствам? Или, может быть, напротив, комиссия обратит внимание на то, что повсюду по-прежнему тиражируются мифы вроде истории о 28 героях-панфиловцах, давно уже признанные вымыслом?» (ej.ru, 19 мая 2009 г.)

Этих бы «исследователей», да туда, под Волоколамск, как говорится, «с одной гранатой против двух фашистских танков». Там бы и поупражнялись в арифметике. Или – под Дашковку. Помочь «мифическому» отроку – сыну Раевского держать «мифическое» русское знамя, шагая навстречу шрапнели.

Речь в нашей книге не об «исторических деталях».

Речь о том, как наши представления влияют на сознание людей. Как формируется то, что называют духом нации. Наша тема – актуальная национальная самоидентификация.

Доведу этот тезис до крайности. Оставляю историю историкам. Мои книги, как я уже упомянул, – историко-публицистические. И слово «публицистические» должно было бы стоять на первом месте.

Дюма говорил, что для него история – лишь гвоздь, на который он вешает свою картину. Разовью ту же мысль: для меня историческая фактура – это рамка для картины. Главное действие моих книг развивается не в далеком прошлом, а сегодня, в наших собственных головах. И шире – в общественном сознании сегодняшней России.

У США, считайте, просто нет истории. По сравнению с нами хотя бы. Каких-то 200 лет. Но как же американцы умело, с любовью создавали ее, мифологизировали, вытаскивая на свет Божий все мало-мальски героическое и позитивное.

У нас история есть – великая, мудрая и богатая. Есть аристократ генерал Раевский, шагнувший, чтобы поднять мужиков в атаку, навстречу смерти со своими сыновьями. Есть никому до того неведомый политрук Клочков с его 28 чудо-богатырями. Примеров множество. Есть, наконец, «сиволапые» русские крестьяне, которые своими трудами столетиями создавали нашу страну. Тот самый русский народ, который веками подвергался оболганию. И, поверьте, мотивы тех, кто плодил мифы о России, значения не имеют.

Иван Солоневич пишет в «Народной монархии» про «германскую экспертизу» – про то, как немцы оценивали своего противника, СССР, перед войной: «Основной фон всей иностранной информации о России дала русская литература: вот вам, пожалуйста. Обломовы и Маниловы, лишние люди, бедные люди, иди-

оты и босяки... На этом общем фоне расписывала свои отдельные узоры и эмиграция: раньше довоенная революционная, потом послевоенная контрреволюционная. Врали обе. Довоенная (имеется в виду, конечно, Первая мировая война. – *В. М.*) болтала об азиатском деспотизме, воспитавшем рабские пороки народа, послевоенная – о народной азиатчине, разорившей дворянские гнезда, единственные очаги европейской культуры на безбрежности печенежских пустынь...» Таким образом, в представлении иностранцев о России создалась довольно стройная картина... В частности, для немцев Россия – «колосс на глиняных ногах». По Солоневичу, Гитлер сделал ту же ошибку, что и Наполеон. Тоже думал, что русские терпеть не могут свое государство и своих правителей, и стоит их от этой ненавистной власти освободить, как колосс Империи падет.

Сталин при всем своем тираническом и преступном складе характера оказался мудрее. Он вовремя понял, что под одним знаменем коммунистической идеи победить в Мировой войне невозможно, и извлек из большевистского забытия и Александра Невского, и Петра Первого, и полулегальную Русскую Православную церковь. Страна ощутила под ногами почву, родную землю, фундамент нашей героической истории.

Ошибочность своей «Германской экспертизы» вермахт ощутил уже в первые дни войны, под Брестом. Брестская крепость вообще-то бралась штурмом дважды. Поляки в 1939 году ведь тоже не капитулировали. Они защищались и продержались в ней 2 дня. Советский гарнизон – без комиссаров, заградотрядов, без воды и без надежды, на одном русском мужичьем упорстве против стократного превосходства немцев – 2 месяца.

Мы не имеем права думать о себе плохо. Мы не имеем права думать плохо о нашем народе. Это – основа основ. Не «говор пьяных мужиков» с их пляской, топаньем и свистом остался в истории, а величайшая страна в мире, которую мы от этих русских мужиков унаследовали. Низкий им поклон.

Это надо понимать и ценить. Нужно говорить о кулаках, о крепких хозяйственниках, о тружениках. Помнить надо хорошее и доброе. А те, кто рвет рубаху на груди: «Я любую Россию люблю – и грязную и пьяную люблю, вот и этого пьяненького, уснув-

шего на паперти, люблю...» Что про них сказать? Я тут вижу только интеллигентское юродство и кокетство. И, кстати, леность мысли. Такое впечатление, что последнее, что читали эти риторы, – журнал «Огонек» образца 1990 года.

«Значит, никакой критики?» – немедленно раздастся ехидный вопрос. Ну почему же? Самокритика нужна, важна и все, что хотите. Но не надо в самокритике, как говорится, доходить до хамства. Нельзя выплескивать вместе с водой ребенка. Прошлое формирует наше сознание. И этот процесс требует бережного отношения.

Я изложил свое кредо.

Но все вышесказанное совсем не означает, что историческая точность для меня как автора не имеет значения. Все факты проходят скрупулезную проверку, которая требует поистине энциклопедических знаний.

Поэтому у этой книги есть научный редактор – ученый, доктор наук, профессор Андрей Михайлович Буровский и научный консультант — Геннадий Владимирович Потапов. Если читатель найдет, что уточнить в фактической части, пусть пишет мне в Твиттер по адресу: ***@medinskiy_vr***. Ошибки будут исправлены, пожелания учтены – хотя не обещаю, что со всем сказанным буду соглашаться. В любом случае – обсудим.

С уважением к нашим замечательным читателям

Владимир Мединский

Введение

Итак, перед вами вторая книга из задуманной серии «Мифы о России». В одну книгу, увы, все мифы не умещаются. За века их накопилось столько, что хватит на целую библиотеку.

В первой книге речь шла о происхождении черных мифов о России. Самых ходких и самых зловредных... но, конечно, не обо всех. Далеко не обо всех. Было подробно разобрано, насколько соответствуют действительности мифы о кровавости и жестокости русской истории, о русской лени, о запойном русском пьянстве.

Это была непростая работа, ведь мифы о жестокости русских правителей, о низкой цене жизни и крови в нашей стране, об историческом пьянстве русских, о нашем неумении и нежелании работать так вошли в сознание, что уже и возражать трудно. Не всегда и поймешь, где миф, а где сама действительность.

Например, «всем известно», что российская история от Ивана Грозного до Сталина самая кровавая, а русские как встанут поутру – тут же, не успев натянуть штаны, засаживают стакан с сивухой.

Самым наглядным стало сравнение положения дел в России и Европе... Как только начнешь ОБЪЕКТИВНО, В ИСТОРИЧЕСКОМ РАЗРЕЗЕ сопоставлять факты – и сразу оказывается, что живем мы не в «черной дыре» истории, а в стране нормальной, с нормальным, бодрым и умным народом.

В первую книгу не вошел миф о русской грязи. А ведь этот миф даже более яркий, чем миф о пьянстве. Полезно, поучительно, даже весело сравнить русскую цивилизацию с ее непременным атрибутом – баней и заросшие жуткой грязью города сред-

невековой Европы, во всей красе представленные в исторических исследованиях, а порой и в беллетристических романах (взять хотя бы нашумевшего «Парфюмера»).

Изучение традиций в области «гигиены и санитарии» в России и Европе стало частью «Мифов-2». Надеюсь, это исследование получилось нескучным и даже веселым. Я ведь не обязан всегда писать серьезным слогом – особенно если речь идет не о пытках и убийствах, а о блохоловках на увешанных брильянтами дамских платьях в Версале (отнюдь не на сарафанах русских красавиц) и о коридорах Лувра, превращенных в уборные. Впрочем, не буду забегать вперед.

Но разве миф о русской угрозе миру, о постоянной русской агрессии не влияет на наше отношение к самим себе и к этому миру? Он не менее опасен для национального самосознания. А в политике играет даже более значительную роль, чем «бытовые» мифы – о русской лени, пьянстве и грязи. Что мы ленивые и вечно пьяные «руссиш швайн» – об этом пусть балагурят розовощекие немецкие солдатики в многочисленных «кино о войне». Это не опасно. А вот что мы страшно агрессивные и все время пытаемся кого-то завоевать – тут уже результат совсем иной. Это – руководство к действию правящим мировым элитам. Это – ментальная опора при принятии всех антироссийских «ястребиных» решений: французский десант – в Крым (Наполеон III: «Упредим агрессию русских в Средиземноморье!»), «Першинги» и «крылатые ракеты» – в Европу: «Остановим продвижение коммунистов!» (Рейган), систему ПРО – в Чехию и Польшу: «Хватит Путину зазнаваться!» (Дж. Буш-мл.).

«Русские идут!» – не просто миф, это идеологический лейтмотив всей антироссийской внешней политики наших геостратегических партнеров-конкурентов, начиная с XVII века и по сегодняшний день.

А рядом с ним живет и его родной брат: миф о России – «тюрьме народов». Как он родился, какую совесть надо иметь для его распространения – это особый вопрос.

Но миф существует и «доказывает» всему миру, зачем русские постоянно хотят завоевать все страны и народы. Видимо, чтобы посадить их в свою «тюрьму народов» и постепенно в ней

уморить. Ведь согласно этому мифу все нерусские в многонациональной России – это покоренные силой оружия, исчезающие с лица земли полурабы, подавленные «империей зла».

Этот черный миф действительно пугает, и не только слабонервных барышень. Каждый раз, когда наши милые соседи или сносят памятник советскому воину-освободителю в Таллине, или находят «русское военное НЛО» в воздушном пространстве Грузии, этот миф извлекается из запасников и заботливо проветривается от нафталина. Его моментально вспоминают, как только политика России перестает устраивать Запад или когда важно поддержать очередного сателлита-«союзника» «империи добра» – США.

Завершает книгу анализ мифа об извечной русской авторитарности и неспособности к демократии и самоуправлению.

Опять же «все знают» не только о постоянных попытках «русского медведя» расширить свою берлогу до границ ойкумены, но и о том, что в том русском берложьем царстве демократии и самоуправления нет и никогда не было. А были только всевластные самодержцы, свирепые бояре и творившие дикий произвол чиновники, управлявшие Россией, как Бог на душу и проситель в карман положит.

Наверное, современным читателям покажется диким утверждение, что реальной демократии в России нередко было не меньше, а во многие периоды истории и побольше, чем в Европе. А ведь это факт легко доказуемый. Широчайшее распространение местного народного самоуправления сделало Россию страной вольного духа. Страной, в которой до 1917 года на душу населения приходилось в 6–7, а порой даже в 20 раз меньше чиновников, чем в Британии и Франции.

Не в королевствах Европы, а на Руси царь мог бить рука об руку с представителями народа на площади у дворца. Не в светоче демократии США, с их «американской мечтой» и полностью отмененным только в 1870 году рабством[1], а в России простолюдин даже в эпоху крепостного права вполне мог сделать блестя-

---

[1] Только согласно 15-й поправке к Конституции США, принятой Конгрессом в 1870 г., негры получили всю полноту политических прав. (*Прим. науч. ред.*)

щую карьеру. В США много говорили о чистильщиках сапог, которые могут стать миллионерами и президентами. Только вот показать миллионера, который начинал бы с чистки обуви, пока что никому не удавалось. А в России сын сельского священника становился всесильным министром-реформатором, сын крестьянина – Патриархом и официально (!) – вторым Государем Всея Руси, а бывший крепостной – архитектором Казанского собора.

В своей статье «Полет из свободы. Что русские думают и чего они хотят» в журнале «Форин афферс» (2004 г.) Ричард Пайпс пишет: *«Имеющиеся данные говорят о том, что только одному из десяти россиян дороги демократические свободы и гражданские права»*. (Откуда имеются у Пайпса такие данные?)

По убеждению многочисленных советологов, с давних веков по сей день свободы русские не хотят. А если и хотят, то свободы абсолютной, которую они называют волей («volya» — непереводимый русский фольклор), свободой разрушительной, которая ничего общего с цивилизованным нормальным понятием не имеет: *«Русская воля означала полную необузданность, право на буйство, гулянку, поджог. Она была абсолютно разрушительным понятием»* (Р. Пайпс, «Россия при старом режиме», 1993).

Очень предвзятое мнение. А я скажу, что русская воля у донских и уральских казаков вплоть до 1917 года означала полное самоуправление и высочайший уровень жизни – даже по стандартам американского фермерства того времени. Означала высокую ответственность, глубокую религиозность, нравственность, удивительное сочетание частной инициативы с чувством долга и служением государству.

Ведь это были фактически селяне, которые, получая бесплатно землю и небольшую дотацию от государства, самостоятельно, за свой счет выполняли функции регулярной армии на гигантских пограничных рубежах России. Огромной добровольческой армии, на содержание которой не хватило бы никаких лесов, никакой пушнины.

Где еще в мире мы найдем примеры таких устойчивых, саморегулирующихся, самодостаточных свободных общин, как наше казачество? Это тоже – русская воля.

Даже избирательное право на Руси имело преимущество пред западным. Неограниченная монархия? Да, только мы забыли, что поначалу русских царей выбирали. Причем выбирали Земские соборы, более демократичные по составу, чем британский парламент того времени. Не верится? Мне тоже первое время не верилось. Но факты, факты...

Убежден и надеюсь донести это до читателя: Россия имеет все основания гордиться своей историей и ее деятелями. Будет у нас гордость за Отечество, осмысленное отношение к его истории, уважение к самим себе – будет и современная промышленно развитая, богатая и славная во всех отношениях и прославленная во всем мире Россия. А чтобы это произошло, необходимо развенчать и обезвредить черные исторические мифы, как обезвреживают мину, вынимая из нее запал.

Нет, не будет и не может быть у россиян гордости за свою страну, пока большинство населения верит, что мы родились в государстве, где демократией отродясь не пахло, вся история которого – бессмысленные имперские амбиции, угрозы соседям, насилие над народами, запойное пьянство, непролазная грязь, лень и тупость.

Россия – грязная, ленивая, жестокая, вечно пьяная?

Ее населяют люди, не умеющие работать и чистить зубы?

Русская история – ошибка, патологическое отклонение от «гуманистически ориентированной» истории других народов?

Нам так долго говорили об этом, что мы почти поверили. Если будем верить и дальше, России конец, потому что жить в такой стране и растить в ней своих детей и вправду совершенно невозможно.

К счастью, все это – не более чем МИФЫ!

Иногда МИФЫ – собственного изготовления.

Иногда – придуманные нашими недоброжелателями. И со странным энтузиазмом подхваченные нами. У нас заминированное сознание.

Идеологическая мина, сидящая внутри тебя, страшнее любой бомбежки извне.

Мифы опаснее нашествия Наполеона и плана «Ост» Гитлера. Наполеона изгнали за 6 месяцев. С Гитлером справились за 4 года.

Очень напряженных, ужасных года, но справились полностью и окончательно.

А вот с неверием в самих себя не можем совладать уже которое столетие.

Обвинения в авторитарности и в неуважении к человеку, недоразвитости личности в России в XVII, XVIII, XIX веках легко переходят в обвинения в нарушении прав человека в XX и в XXI, и далее – в полное отрицание исторической перспективы России и русского народа.

На самом деле никакой книги не хватит для анализа всех мифов. Да куда всех! Для описания даже самых основных, самых зловещих и опасных.

Рассказ о мифах русской истории мы продолжим и в следующей, заключительной части этой книги. Поговорим о так называемой «извечной» русской отсталости от «стран передового мира» – в первую очередь об отсталости технической.

Ведь стоит посмотреть, в чем, когда и от кого «отставала» Россия – и это будет ударом по многим представлениям современных отечественных либералов.

Поговорим о мифе про «бесконечное» долготерпение и рабскую покорность русских, о «загадочной русской душе» и «непостижимом русском пути», особом и исключительном. Поговорим и о «русском воровстве» – ведь в России, «как известно», все всегда воровали и никто не работал. Вот мы и посмотрим на исторические факты, проверим их соответствие МИФАМ О РОССИИ.

Часть V

Миф о русской грязи

Обычное для России – пренебрежение к отхожему месту.

А. П. Чехов
«Путешествие на остров Сахалин»

Свинья везде грязь найдет.

Русская народная пословица

Глава 1

Откуда взялся миф?

Прощай, немытая Россия...
М. Ю. Лермонтов

Эти строки известного стихотворения, рожденные поэтом в первой половине XIX века перед отъездом в ссылку на Кавказ, стали одним из аргументов и художественной метафорой «мифотворцев» в пользу подтверждения тезиса о грязи и неопрятности русских.

Как всегда в таких случаях не учитываются ни обстоятельства написания стихов, ни кому именно адресовал автор слово «немытая». Если заняться «скучным» анализом, быстро выясняется: это оскорбительно-дерзкое, экспрессивное определение лирический герой относит скорее к вполне конкретной, «официальной» России. То есть никак не ко всему русскому народу, а только к тем, кто обвинил и сослал поэта.

Но, как и водится, в этом никто не стал разбираться. И строки, в которых поэт признается в любви к Родине, проникновенно пишет о своих патриотических переживаниях, у нас практически не цитируются. А определение «немытая Россия» было подхвачено и приклеено ярлыком ко всем русским, ко всей стране. Теперь это очередной аргумент в пользу традиционной русской нечистоплотности. «Вот видите? Даже патриот Лермонтов так полагал!»

Объяснить этот «выверт логики» можно исключительно упорным желанием видеть Россию непременно грязной и нечистоплотной. Причина в конечном счете – в логике нашего «подкинутого сословия». Еще реформы Петра заставили «прогрессив-

ное» дворянство считать, что Запад культурнее и чище России, а мы – отсталые и немытые.

Довершил начатое век XIX, насыщенный «освободительными» движениями и революционными организациями, основными героями которых был не народ, а дворяне, разночинцы, интеллигенты. Сознание интеллигентов было так же раздвоено, как и сознание дворян, но еще больше отягощено комплексами, истерическим стремлением примирить разные стороны своего бытия. Одна из важнейших особенностей нравственно мятущегося русского интеллигента – поиск и обличение собственных пороков. Примерно в таком стиле: «Конечно, я скверный, я гадкий, но зато я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием». Волна «обличающих» самих себя статей, литературных произведений и мемуаров поднялась в конце XVIII столетия и достигла апогея в середине–конце XIX века. Эта линия самокритики и самопорицания очень хорошо видна во всех культовых произведениях того времени – от «Путешествия из Петербурга в Москву»[1] и трудов Новикова[2] до произведений Чернышевского[3], Герцена[4], Чаадаева[5].

М. Ю. Лермонтов. Акварель Е. Тремера.
«Прощай, немытая Россия...» – бросил в сердцах молодой офицер Лермонтов, уезжая из столицы на Кавказ. И мы до сих пор соглашаемся: «Да, мы такие, мужичье сиволапое, борода во щах, грязь под ногтями...»

При этом, конечно, никто и никогда, по обычаю, не критикует лично себя. Хочется критиковать «систему в целом». Поэтому при моде на самобичевание, конечно, достается не отдельным интеллигентам, а России целиком.

[1] *Радищев А. Н.* Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1954.
[2] *Новиков Н. И.* Избр. соч. М.–Л., 1951.
[3] *Чернышевский Н. Г.* Что делать? М., 1963.
[4] *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 2007.
[5] *Чаадаев П. Я.* Философические письма. М., 2001.

Дворянский историк Н. М. Карамзин упрекал Петра I в потере национального чувства, в стремлении насильственным путем сделать из России «вторую Голландию». Народовольцы же обвиняли царя скорее в противоположном: по их мнению, он еще «мало» сломал в России, делая ее «второй Голландией» недостаточно жестоко и стремительно.

Среди прочих упреков звучало и обвинение в «вековой» русской грязи. Итак, что есть Россия? Деревня. Лапотник-мужик. Что есть мужик? Грязь, вонь, вши. Спят вповалку, не раздеваясь на полу. Совокупляются в грязной общей и единственной комнате в деревенской избе. Сальные волосы, всклоченные бороды. Дырявая рубаха, подпоясанная веревкой, да рваные лапти. Зубов нет. Изо рта – вонь. Дети – засранцы – возятся где-то вперемешку со скотом. Вот вам – Святая Русь! Все: «Прощай, немытая Россия», гуд бай, май лав, гуд бай!..

Якобы только реформы Петра и вытащили дикую Россию из пучин азиатской грязи. Чтобы подтвердить свои суждения, народовольцы щедро черпали высказывания из книг Олеария, Маржерета, Флетчера, Герберштейна...[1] Кого угодно.

Как правило, заезжие мемуаристы XVI–XVII веков представляли противоречивые, взаимоисключающие описания образа жизни и быта русских. «Приходилось» с кровью выдирать из них то, что ложилось в теорию. Олеарий описывает страну, в которой на каждом шагу стоят бани, мыться в них – народный обычай, и люди любят горячую воду и березовые веники. Впрочем, об этом писали практически все путешественники.

Писали и о том, как к мосткам летом, к прорубям зимой сходятся женщины стирать.

---

[1] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1905. *Маржерет Я.* Состояние Российской державы и Великого княжества Московского с 1590 по 1606 г. // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 1. СПб., 1859. *Флетчер Д.* О государстве Русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны // О государстве Русском. СПб., 1906. *Герберштейн С.* Записки о Московии. СПб., 1866.

Кстати, ни одного описания грязного русского или русского в грязной одежде нет. Ни у Маржерета, ни у Олеария, ни даже у ярого русофоба Штадена[1].

Это, конечно, остается без внимания. Но вот у Олеария мелькнуло: мол, близ Москвы, на самом въезде в город – свалка. Ага! Получен нужный аргумент! И авторитет Олеария уже работает на нехитрую идею – про грязную, заваленную нечистотами московитскую столицу.

Адам Олеарий, дипломат и путешественник.
Русские бани потрясли его до глубины души. В этом он, как и многие другие приезжие иностранцы, увидел, впрочем, не тягу русских к чистоплотности, а некий национальный мазохизм. Это же надо: самому залезть в такую жару, позволять себя хлестать там какими-то розгами, а потом прыгать в снег, а то и в прорубь! Явно русские столь жестокосердным образом изгоняют из себя Диавола

Этот миф оказался настолько глубоко внедренным, что даже тогда, когда русский путешественник сталкивался с особенностями европейской «гигиены», у него не возникало соблазна уличить европейцев в нечистоплотности. В книгах, написанных русскими о Западе, есть много просто устрашающих описаний антисанитарии и грязи. Но нигде вы не найдете и тени сомнения по поводу чистоплотности европейцев в целом.

В свое время меня поразило описание, сделанное русским эмигрантом Борисом Завадским. Пять лет провел он в Северной Америке, с 1927 по 1932 год. Работал там и грузчиком, и поломойкой, слесарем, механиком, пекарем, и в числе прочего – ковбоем. Итак, конец рабочего дня...

«Джек вынес ведро, табуретку, большой таз, мыло и полотенце. Первый из подоспевших ковбоев насосом... накачал ведро воды, напился из него, наполнил таз, основательно вымыл в тазу руки и затем этой же, уже грязно-серой водой умыл свое пыльное лицо и вспотевшую шею. За ним подошел второй, потом сра-

---

[1] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925.

Родео.
Cowboys («коровьи мальчики») были совсем не такими молодцами, как обычно изображаются в вестернах. Достаточно отметить, что примерно половина ковбоев были... неграми и индейцами. Этого «Коламбиа пикчерс» точно «не представляет»

зу трое. Умывались все вместе, не меняя воду, вытирались общим мокрым и серым полотенцем. После ковбоев умылся Джек.

– Ну что же ты? – обратился он ко мне, приглашая последовать общему примеру.

Я выплеснул грязную воду, ополоснул таз и, наполнив его свежей водой, умылся. Взгляды окружающих, тяжелые и насмешливые, как бы говорили презрительно: "Эх ты, чистюля!" »[1].

Спать парню пришлось положив носовой платок на серую от грязи наволочку, не раздеваясь: тут так полагается. Стоит ли тратить время на то, чтобы снимать и надевать одежду? Во сне па-

[1] *Завадский Б. И.* Пять лет за океаном. М., 1960.

рень видел ковбоев, «умывающихся черной водой из грязного таза». Утром он достал зубную щетку и пасту, мыло и полотенце, пошел умываться и чистить зубы.

«Хозяин смотрел на меня неодобрительно. Будто я занимался колдовством.

– Ты чего это до работы умываться вздумал? ...Все равно сейчас вымажешься.

– А я тогда еще раз умоюсь.

– Вздумал! Это у нас не принято! Еще зубы чистить – подумаешь, лорд какой»[1].

Представляю, какие далеко идущие выводы сделал бы иностранец, наблюдая такого рода сцены в России. И как долго его цитировали бы, в том числе сами русские. А вот у Завадского нет ни малейших попыток анализа и обобщения. И никто в США не цитирует его книгу, повторяя: «Видите! Видите, какая она грязная, эта наша дикая страна, отсталая от России – образца чистоплотности!»

Кстати, нет ничего более далекого от реальности, чем ковбой из кино, символизирующий свободный дух Америки. Похоже, про них придумано просто все.

В фильмах ковбои изображаются гарцующими на красавцах-рысаках, хотя на самом деле скакать на таких конях им было не по карману и не очень удобно. Ездили они на маленьких выносливых лошадках, меняя их по несколько раз в течение дня. Обычно это были пони – так, кстати, пишут сами американские писатели. Но для киномифа ковбой на пони – это не круто.

Прицельная дальность стрельбы из револьвера того времени – до десяти метров. Поэтому стрельба от бедра, равно как и с двух рук, по-македонски – тоже чисто киношная фантазия. Это просто смешно. Любопытно, что по этическим соображениям того времени носить два револьвера считалось моветоном. Примерно как сегодня ходить с несколькими мобильниками сразу, говоря по ним одновременно.

Поэтому носить два револьвера могли себе позволить только военные – но не для того, чтобы стрелять с двух рук перед кино-

---

[1] *Указ. соч.*

камерой. А для того, чтобы не перезаряжать револьверы – это очень муторное занятие, особенно в движении. Стреляли сначала из одного – шесть патронов. Потом доставали второй, и стреляли из второго.

Многочисленные перестрелки в салунах, которые являются непременным атрибутом любого вестерна, также относятся к разряду абсолютнейших фантазий. Просто потому, что качество пороха было тогда такое, что после первого же выстрела образовывался клуб очень едкого дыма. Два-три выстрела, и весь салун был бы в дыму. Этот черный ядовитый дым заволакивал бы помещение и выгонял бы всех стрелков и посетителей вместе с барменом на улицу.

Зато совершеннейшая правда, что именно в США во второй половине XIX века в войсках появились первые **комиссары** – во время войны Севера и Юга. Комиссаров назначали в помощь командирам воинских частей, и они были ответственными за моральный и политический дух своих солдат. Идиотского двоевластия, как в Красной армии, правда, не было, власть принадлежала командиру. Но институт комиссаров, считавшихся как бы заместителями командира, был – и примерно с тем же функционалом. Так что «комиссары в пыльных шлемах», точнее в пыльных шляпах и сомбреро, – американское изобретение.

Особенности национального водопровода

> Русский крестьянин по субботам так же регулярно ходит в баню, как английский рабочий — в пивную.
>
> Джеймс Александер,
> британский офицер.
> 1830 гг.

Каждого русского путешественника, приезжающего в Англию уже XXI века, до сих пор удивляет одна особенность, если не сказать, странность британской повседневной культуры. Это два крана в ванной комнате. Краны – отдельно для горячей и отдельно для холодной воды. Затыкаешь слив пробкой. Наполняешь

раковину. И умываешься. В грязной непроточной воде. В точности как американские ковбои в 1920-х.

Советский дипломат и писатель В. Овчинников описывает, что *«поскольку плескаться в умывальнике, как это делают англичане даже в гостиницах, поездах и общественных туалетах, я так и не полюбил, мне приходилось после бритья ополаскивать лицо теплой водой из кружки»*[1].

У самих британцев сложилось просто очаровательное объяснение, почему в России нет таких пробок... Оказывается, все дело в тяжелой нашей истории: война, революция, снова война... Ясное дело, сразу всего необходимого не напасешься. К тому же, по мнению англичан, отсутствие пробок в раковине – еще одно свидетельство русского разгильдяйства. Не умеют русские экономить, ведь вода – это деньги! Да и вообще, не мыслят «экономически». Вон сколько зазря утекает воды, пока этот русский умывается. Что еще тяжко потрясает душу британца: почему же в России есть пробки для ванны, но нет пробок для раковины?! Впрочем, и классическая ванная у британцев по нашим понятиям своеобразная – в ней отсутствует душ.

Дело в том, что британцы «не имеют обыкновения и окатываться водой после ванны, а прямо в мыльной пене начинают вытираться. Но еще труднее свыкнуться с тем, что этот обычай распространяется и на мытье посуды». Попросту говоря, посуду окунают в воду с жидким мылом, проводят по ней щеткой и ставят сушиться. *«Именно так и только так моют бокалы и кружки, тарелки и вилки во всех английских пабах и ресторанах»*[2].

Обычаи англичан не кажутся россиянину, мягко говоря, верхом гигиены. Невольно думаешь – не подцепить бы чего в стране, где посуду моют так небрежно, а ванну даже не ополаскивают.

Но Всеволод Овчинников объясняет: мол, просто обычаи у нас разные, и все тут. Ну не моются британцы под струей проточной воды, не принято у них это. А ведь у него много оснований говорить о неряшливости, нечистоплотности англичан! Какие выводы можно было бы сделать! Но деликатный писатель не расска-

---

[1] *Овчинников В. В.* Сакура и дуб. М., 2003.

[2] *Указ. соч.*

зывает британцам об их традиционной грязи, о скверном обычае, нарушающем все правила гигиены. А те в свою очередь не используют книгу В. Овчинникова, чтобы демонстрировать друг другу, какие они плохие.

Кстати, вспоминаю, как в совсем недалеком 1987 году мне довелось побывать в социалистической Чехословакии. Недалеком 1987-м... Прошло лишь 20 лет, но молодежь уже и не знает, что было такое государство – «социалистическая Чехословакия» – первая страна, попытавшаяся провести «перестройку», «обновление и гласность» в рамках отдельно взятой социалистической страны. Мы вспоминали об этом в первой книге – о так называемом «социализме с чехословацким лицом». Конечно, тогда, летом 1987 года, уровень жизни в Праге, выбор продуктов и особенно «пива и напитков, изготовленных на его основе»[1] нас, студентов МГИМО, приятно удивляли.

Что и говорить, вкус чешского «Козела» или «Будвара» несколько контрастировал с «амбре» желтой мутноватой жидкости, именуемой «"Жигулевское" в розлив», которую мы иногда могли себе позволить в ближайшей к нашему институту пивнушке на юго-западе Москвы под «народным» названием «Ракушка»[2]. Однако речь не об этом. Чехи пиво делать умеют: вкусно, недорого, и закуска хорошая – всякие там «тычинки» да «брамборки»[3].

К тому, что пиво в Чехии лучше московского, мы тогда, в 1987 году, привыкли быстро. А вот к тому, как в «Золотой Праге» моют пивные кружки, привыкнуть не могли долго. Дело в том, что в «классической» чешской пивной их... вообще не мыли. Порядок был такой: грязные кружки, с пеной и остатками пива официант ставит на стойку бара. Там – две раковины, наполненные водой из-под крана. Слив в обеих закрыт пробкой. Бармен, схватив по 2–3 кружки в каждую руку, ловко черпает ими явно грязно-желтую воду из одной раковины, затем выливает ее обратно, а потом также «ополаскивает» кружки во второй раковине, где вода,

---

[1] Цитирую наше российское федеральное законодательство.

[2] Пивбар по архитектуре был выстроен в виде ракушки. (*Прим. ред.*)

[3] Соленые палочки-соломка и картофельные чипсы.

как ему представляется, более чистая. После сего в эти же кружки сразу наливается пиво для новых посетителей. На фоне такой «посудомоечной» процедуры даже наша автоматическая «кружкомойка»[1] в околоинститутской пивной казалась нам верхом гигиены.

Без водопровода

Где-то прочитал, что в 40 % частных домов Британии водопровода нет и сегодня. А в 40 % тех, где есть водопровод, нет ванной комнаты. Думаю, преувеличение. Однако факт, что процедура умывания во многих британских домах и сегодня часто такая, как она описана у Агаты Кристи: цветной фаянсовый кувшин и тазик, наполняемый водой[2]. Хочешь умыться? Наливай воду в тазик из кувшина и умывайся!

Понятно, что старинный русский рукомойник с проточной водой несколько гигиеничнее, чем английские тазик с кувшином и раковина с пробкой. Наверное, европейцы и сами понимают, что от такого умывания толку не так уж много. По крайней мере, 82 % мужчин в современной Великобритании считают, что личная гигиена не стоит того, чтобы тратить на нее время[3].

В первой книге «Мифов о России» я уже приводил наблюдения молодого английского офицера Джеймса Александера, написавшего книгу о поездке в Россию в первой половине XIX столетия[4].

Вот что он пишет точно по нашей теме: *«Чистоплотны ли русские, если сравнить их с другими европейскими нациями? На этот вопрос я должен ответить утвердительно. Каждый крес-*

---

[1] Кто забыл «застойную» пивную, напомню: у нас бармен переворачивал кружку, ставя на специальную круглую площадку с дырочками. Надавливал, и она ополаскивалась изнутри струей проточной воды. Такие же мойки были установлены во всех советских автоматах с газированной водой и в уличных бочках с квасом.

[2] *Кристи А.* Отель «Бертрам». Рассказы. М., 1989.

[3] См.: Русско-британский информационный портал: http://www.russiancourier.com/

[4] *Александер Дж.* Россия глазами иностранца. М., 2008.

тьянин, по крайней мере, раз в неделю в любое время года ходит в баню. Считаю, что люди, которые моются раз в неделю, даже если при этом они не меняют нательного белья, чистоплотнее тех, кто не моется по полгода, как это принято во многих европейских странах». Правда тут же автор говорит о том, что в домах очень холодно, а поскольку крестьянам неохота переодеваться, то спят они в тех же полушубках, в которых ходят днем. Что поделать, вздыхает он, ведь: *«Русские заслуживают снисхождения, поскольку это – молодая нация, ведь до Петра Великого Россия находилась в диком, варварском состоянии»*. Еще бы! Как же без упоминания московитского варварства, ведь иначе читатель просто не поверит в честность автора!

Мне кажется, подобная дань стереотипам только повышает ценность тех положительных отзывов о нашей стране, которые оставил Александер. Дальше он пишет: *«У русских очень развито чувство гостеприимства, и это извиняет многие их недостатки. Каждый, кто путешествовал по России или жил в этой стране, мог оценить этот обычай, конечно, при условии, что сам он вел себя достойным образом»*. Побольше бы таких книг! Но увы...

В общем, при желании как раз русские могли бы многократно обвинить европейцев в пренебрежении правилами гигиены и объявить Европу нечистоплотной и грязной. Но мы этого не делаем, говорим разве что о различных традициях.

Зато свидетельствами и обвинениями в грязи в адрес русских едва ли не с XV века наполнены все записки о путешествиях в Россию.

Глава 2

Древние предания об образе жизни и гигиене

Хочешь улучшить настроение? Помой голову.

Индусская поговорка

Баня – не только чистота

Сама баня и обычай мыться в ней древнее любого из современных народов. Бани были у жителей Древнего Востока, и часто омовение связывалось у них с ритуальной, религиозной чистотой. Если ты чист телесно, то значит чист и мыслями, намерениями, душой. Умылся, постирал – готов общаться с высшими силами. По поверию, когда умываешься, вместе с водой стекают вчерашние мысли и душевные переживания, дурное настроение и хлопоты. Переключаешься, взбадриваешься, испытываешь приятное чувство здорового тела и приток энергии.

Вот на Древнем Востоке и считали, что перед общением с богами надо сначала привести в порядок тело и одежду. Страшным невежеством было бы предстать грязным перед лицом божества или обожествляемого царя.

Так же относились к воде, чистоте и мытью в Индии, Китае, Японии, в Древней Греции и Древнем Риме. И в Библии, и в Махабхарате, и в стихах Гомера описывается древний обычай омовения ног почетному гостю. Как правило, чем важнее и почтеннее был гость, тем более сановитый человек мыл ему ноги в тазике. Очень уважаемому гостю омывал ноги сам хозяин дома.

Никогда и нигде чистота тела не воспринималась лишь как гигиена, а баня – только как место для мытья. Всегда и везде чистота была способом гармонизировать свое бытие, стать угоднее богам, приблизиться к совершенству.

Русская баня

То, что мы называем русской баней, на самом деле возникло гораздо раньше русского народа. Еще Геродот в V веке до н. э., говоря о жителях степей Причерноморья, упоминал, что «они льют воду на камни и парятся в хижинах»[1]. Древний историк писал о «скифах-пахарях» – земледельцах, которые жили сами по себе, старинным земледельческим укладом. Не только литераторы-романтики[2], но и многие ученые сегодня видят в них предков славян.

Задолго до этого времени общие предки славян и германцев уже знали баню. Бани, в которых раскаляли камни, археологи находят в поселениях, возраст которых 2–3 тысячи лет до н. э. Вероятно, такая баня с печью-каменкой была не только местом, где наводили телесную чистоту, но и своеобразным первобытным храмом. А березовые веники, которыми хлещут себя и друг друга в парилке, прямо происходят от веников, которые заготавливали скотоводы в лесах, чтобы кормить скот в зимнюю бескормицу. Наши предки хлестались, делая себя чистыми, готовыми к общению с богами, теми самыми вениками, которые шли потом на корм корове – самому ценному животному в хозяйстве.

Баня – это не только чистота. Это путь к гармонии. Это оздоровление, профилактика болезней. Баня – это и терапия, и массаж, и прогрев. Очень показательно повеление князя Владимира строить бани как «заведения для немогущих», то есть для больных.

---

[1] *Геродот.* История. В 9 кн. М., 2001.

[2] Помните у Блока: «Да, скифы мы. Да, азиаты мы...»

По легенде, в бане вылечился строитель Софии Новгородской «мастер Петр». Немолод был, заболел во время строительства и испугался, что не успеет закончить храм. Но в парной бане исцелился и завершил великий проект.

По разным преданиям, в I веке баней встретили славяне пришедшего на Русь Апостола Андрея Первозванного. Если это и легенда, то очень характерная.

Упоминавшийся выше Джеймс Александер давал в XIX веке такую рекомендацию соотечественникам: *«Русская баня – это любопытная достопримечательность, которую следует не только посетить каждому приехавшему в страну иностранцу, но и воспользоваться ей как средством для предупреждения и лечения многих болезней»*. Дальше он подробно описывает саму банную процедуру и приходит от нее в полнейший восторг.

Тут же весьма любопытное для нас замечание: *«Русский крестьянин по субботам так же регулярно ходит в баню, как английский рабочий в пивную»*.

Что ж, воистину, каждому свое.

Славянский дух Банник

Наше славянское отношение к бане было типично для многих народов мира, но у нас ей придают истинно религиозное значение.

Любопытный факт: нигде, ни в одном из регионов мира, не было божества чистоты. Даже у римлян, которые очень любили теплые бани, термы, и сделали их своего рода клубом. В термах встречались с друзьями, пировали, справлялись праздники. Термы были местом общения, где в ходе «тусовки» создавались и рушились репутации, договаривались о сделках, обменивались мнениями... Очень может быть, наши предки точно так же собирались в банях или сразу после бани, с той же целью. Если это так, то и обычай общего застолья после бани — традиция собирать своего рода «банные клубы» очень древнего происхождения.

Но, повторяю, особого божества, эдакого Термника, у римлян не было. А у славян такой божок был. В славянских поверьях мы находим описание маленького, тощего нагого старика, облепленного листьями от веника. Этот старичок – Банник.

Видимо, баня сделалась настолько важным элементом культуры предков, что это привело к созданию особого языческого божества. Банник, дух бани, жил в народном сознании до XX века. Баннику ставили блюдце с молочком, его просили «пустить в баню, не прогневаться», с ним старались поддерживать такие же хорошие отношения, как с домовым.

Ведь в жизни крестьян баня всегда занимала очень важное место. В ней не только мылись и парились, знахари в ней лечили людей от простуды, вывихов и разных других болезней, там часто принимались роды.

С баней и Банником был также связан старинный свадебный обряд: мать невесты выпекает особый хлеб-банник и посыпает его солью. Этим хлебом благословляют молодых к венцу. Хлеб вместе с жареной птицей и двумя столовыми приборами зашивают в скатерть. На следующий день сваха распускает скатерть к выходу молодых из бани. Молодые обязательно должны отведать хлеб-банник.

К Баннику обращались в святочные вечера, когда девушки гадали о своей судьбе. В полночь они приходили к бане, чтобы узнать о своем суженом.

Для русских создание семьи, рождение детей – символ чистоты. Поэтому и связаны эти ритуалы с баней и духом Банником.

Праздник Ивана Купалы

До наших дней дошел праздник языческих времен: Ивана Купалы. Предки в этот день шли на реку и как можно дольше не вылезали из воды[1].

[1] Благо, праздник приходится на 7 июля. *(Прим. ред.)*

Древнее значение имени божества Купалы (кипеть, вскипать) постепенно забылось, оно стало ассоциироваться со словом «купаться», поскольку смысл этого праздника – массовое купание-очищение.

Прослеживается и связь Ивана Купалы с брачными обычаями. В этот день славяне-язычники искали себе жен и «умыкали их у вод». Попросту говоря, имитировали похищение. Но до этого мылись в реке, радуясь теплу и долгим летним дням.

В Христианской Руси этот праздник сохранился и стал праздником Иоанна Крестителя. Как известно, языческие праздники и божества порицались христианством. Однако привычку славян мыться, купаться невозможно было уничтожить. Невозможно было упразднить и этот ритуал. Вот только девиц уже, конечно, во время праздника не «умыкали».

Слово арабам

На древнем мусульманском Востоке придавали огромное значение чистоте тела. Тем интереснее свидетельство авторитетных в этом плане арабов: «Страна славян – ровная и лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей. И есть у них что-то вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находятся ульи и мед...

Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. У них много городов и живут они привольно»[1].

Соблюдают чистоту своих одежд... От образованных арабов этот комплимент получить более лестно, чем от средневековых европейцев.

---

[1] *Бейлис В. М.* Арабские авторы IX–первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // Древнейшие государства на территории СССР. 1985.

«Повреждение нравов» Европы

Среди народов, для которых чистота и мытье были священны, исключением предстаем не мы, а как раз европейцы. Сами европейские ученые склонны связывать это с вырубкой лесов. Период с XI по XIV век официально именуется в учебниках «временем Великой Распашки». В это время в Европе вырубили и превратили в поля и луга так много лесов, что наступил своего рода «энергетический кризис». Топливо стало дорогим, и европейцы почти перестали купаться в банях – большинству населения это сделалось не по карману.

Тогда же европейцы полюбили «быструю еду», пресловутый «фаст фуд» – блюда, которые не надо долго варить и жарить, тратя драгоценные дрова.

Анна Ярославна, королева Франции. Скульптурное изображение. Дочь Ярослава Мудрого рассматривала брак с королем Франции как ссылку к дикарям. Ведь ее супруг даже не умел... читать! Но, как говорится, «жениться по любви не может ни один, ни один король»

Несомненно, «энергетический кризис» в Европе был, нет слов. Но европейские историки лукавят, сводя к его последствиям весь «грязный» период европейской истории.

Во-первых, не везде и не во всей Европе вырубили леса. В Германии и в Скандинавии леса шумят и сегодня. А бани исчезли давным-давно.

Во-вторых, и в других странах: Франции, Англии и Центральной Европе XII–XIII веков оставались большие массивы леса... Робин Гуд жил в огромном Шервудском лесу, и никакой ноттингемский шериф не мог его там поймать. Леса были бескрайние, густые, правда охотиться в них было категорически запрещено. Всем, кроме короля, – хоть с голоду помирай. Нарушивших запрет казнили там же, в лесу, и оставляли

для устрашения висеть на деревьях месяцами – до полного истлевания трупа.

В-третьих, по мере исчезновения лесов европейцы все больше стали топить печи углем. Добыча угля стала важной частью экономики Британии и стран Северной Европы. Уголь был экономически доступен. Если можно было отапливать углем жилища и готовить на нем пищу, что мешало протопить раз в неделю баню? А ведь не топили, это же факт.

В-четвертых, «грязный период» в Европе начался до Великой Распашки. По сути, со времени падения Западной Римской империи в 476 году европейцы моются все реже и реже. Лесов еще много, дрова используются для печного отопления во всей Европе... А гигиены в Европе становится все меньше и меньше. Во Франции XI века киевская княжна Анна, ставшая французской королевой, а после смерти мужа – женой графа Рауля Валуа, была не только единственным грамотным человеком при дворе, но единственной, кто имел привычку мыться и содержать себя в чистоте. Правда, приучить к этому своего сына Филиппа[1], будущего французского короля, она так и не смогла, ведь все окружение принца, кроме мамы, считало мытье делом совершенно никчемным. Примерно как у американских ковбоев.

Средневековая Европа практически не мылась — этот факт отмечают многие историки.

И если бы не крестовые походы, то не мылась бы еще больше. Крестоносцы поразили и арабов, и византийцев тем, как от них разило. Запад предстал для Востока олицетворением дикости, грязи и варварства, каковым по сути и был.

Здесь речь не только о гигиене. Первую тысячу лет европейской истории (до самой эпохи Возрождения) ближневосточные арабы, испанские мавры да константинопольские греки учили «цивилизованных европейцев» медицине, математике, астрономии, философии, богословию и даже мытью в бане.

---

[1] До него во Франции очень редко встречается имя Филипп – оно более распространено на Руси. Однако впоследствии на французском троне было как минимум пять или даже шесть его тезок. Имя Филипп считалось во Франции королевским, а моду на него создала королева Анна Ярославна.

Вернувшиеся в Европу с Переднего Востока пилигримы попытались было внедрить подсмотренный обычай мыться в бане. Это было своего рода возвратом к цивилизации. Но тут бани уже официально попали под запрет Церкви как источник разврата и заразы. Почему разврата – нетрудно предположить. Почему в банях увидели источник заразы, понять труднее[1].

И обеспеченные горожане, и уж тем более аристократия, жившая в своих поместьях, могли бы мыться и при росте цен на топливо. Но мытье было объявлено грехом! В результате этих странных решений сначала банное удовольствие под давлением «просвещенной» католической церкви стало недоступным горожанам, а потом от привычки мыться отказалась и аристократия. Гигиена в нынешнем понимании появилась в Европе лишь в самом конце XIX века. Для миллионов людей – слишком поздно.

Потрясающая подробность. Считается, что одной из причин возникновения в Европе в новое время моды на парики – а раньше, во времена Возрождения, на длинные волосы – явилось стремление кавалеров таким образом продемонстрировать дамам свое здоровье. Дело в том, что при некоторых формах сифилиса и других болезнях человек лишается естественной растительности. А длинные волосы – ну или парик – показывают, что он в этом смысле «гигиенически чист».

---

[1] Вообще, надо отметить, что средневековая европейская медицина как-то «мало дружила» не только с научно-медицинскими достижениями, доступными уже в ту эпоху жителям Востока, Индии, Китая, Японии, но и попросту со здравым смыслом. В великолепном романе Дж. Клавелла «Сёгун» о приключениях капитана британского военного флота в закрытой для иностранцев феодальной Японии описывается, как всячески противится капитан (высокообразованный для Британии своего времени человек) тому, как лечит его японский доктор. Мучаясь от горячки, например, он старательно закупоривает в своей комнате после ухода врача все окна и щели, ибо «любому английскому лекарю известно, что нет ничего губительней, чем свежий воздух с улицы». Мыться и сменить одежду он категорически отказывается, ибо знает, что горячая вода и пар уничтожат всю защиту организма, и недаром омовения делают уже лишь покойникам перед погребением, коим это «повредить уже не может». Так что в отношении католической и протестантской церквей к бане не было ничего удивительного.

Не знаю, насколько это правда. Но нет дыма без огня. Действительно, объяснить с точки зрения здравого смысла моду на парики и букли невозможно – мало того, что это не очень красиво, это еще и очень негигиенично. Под париком, каких только животных не водилось. Потому граф Суворов и боролся с модой Павла I на букли в армии, всячески отстаивая право солдат мыть голову, а не носить на ней эту гадость.

Почему же в Европе с наступлением Средневековья полностью «вымывается» культура мытья, чистоты и гигиены?

Видимо, дело все же не в ухудшении ситуации с дровами, а в каких-то важных изменениях в культуре. В Европе не сделали чистоту и баню чем-то священным, как во всем мире, и особенно на Руси. Вы не найдете, как уже говорилось, ни в одном западном предании или народном эпосе персонажа, хотя бы отдаленно «отвечающего» за чистоту или «помывку».

То, что наличие бань напрямую связано с культурой, а не с лесами, доказывает и такой факт: после ополячивания богатых лесами Галиции и Волыни бани исчезли и там.

После великого переселения Руси на Северо-Восток в XI–XII веках вместе с русской культурой, русским языком, сказками, песнями, столицей, правящей династией из Малой Руси ушло многое. Русский язык превратился в «мову», а народные сказки стали повествовать не о подвигах Ильи Муромца и не о Стольном Киев-граде, а о ксендзах и хитрых крестьянах.

Леса шумели и в Малой Руси, на Галиции и в Карпатах. Но бани исчезли вместе с русской культурой.

Глава 3

Быт и образ жизни Западной Европы и России

Европейские города-душегубки

> Невозможно представить нигде в России такого количества нечистот, какое легко видеть на любой из окраин Города-Светоча[1]. У нас хотя бы прикопали, но французы совершенно равнодушны к зловонию.
>
> В. Ф. Ходасевич
> *«Письма к Н. Берберовой»*

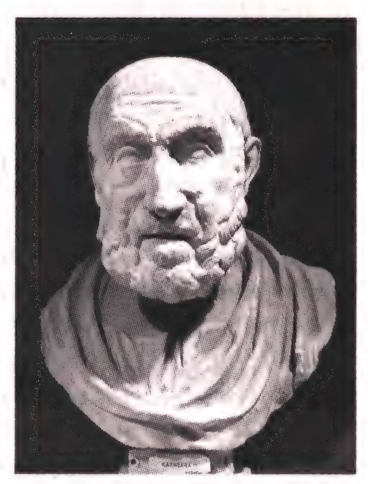
Во всех черных мифах о России можно найти много забавного. Но миф о русской грязи, пожалуй, самый сюрреалистичный. Потому что он был сочинен едва ли не самой нечистоплотной цивилизацией за всю историю Земли. В античное время было не так... Религия греков и римлян не препятствовала гигиене, и знаменитые Гиппократ и Цельс придавали мытью большое оздоровительное значение.

Античные города строились в здоровых местностях. Отводя место для нового города, римляне интересовались, долго ли тут живут люди, какими болезнями болеют и от чего умирают. Города строили просторными, с таким расчетом, чтобы ветер их продувал, чтобы легко можно было подать нужное количество воды и чтобы городу было куда расти.

Собственно, изначально Рим был построен правильно – недале-

[1] Имеется в виду Париж.

ко от моря, в устье Тибра, на холмах[1]. И стратегически выгодно, и, так сказать, экологически оправданно. Однако спустя несколько столетий чудовищная перенаселенность Рима (более 1 млн. чел. во время Цезарей, притом дома выше двух этажей были редкостью – представьте себе скученность населения) вызвала, по сути, коммунальную катастрофу. Собственно, история повторяется. Современная Москва, стянув на себя все возможные административно-ведомственные функции, штаб-квартиры корпораций и учреждения культуры, разросшись до невероятных размеров, когда никто не возьмется подсчитать реальное население столицы[2], уже столкнулась с коллапсом транспортным. И теперь стремительно приближается и к случившемуся в Древнем Риме коллапсу коммунальному. 2000 лет назад римлянам удалось (по меркам того времени, конечно) справиться с катастрофой: появившиеся акведуки, прообраз водопровода, сливные ямы, система прорытых канав для смыва нечистот и, главное, попытки системной фундаментальной застройки центра Рима – все это сделало миллионный город относительно приемлемым для жизни. Будем лелеять надежду, что Москва тоже смо-

Гиппократ.
Великий врач рекомендовал горячую воду и пар как целебное средство от многих хворей. Увы, его рекомендации были забыты средневековыми европейцами

[1] Холмов было 7, ровно как спустя многие века в Москве.

[2] Вспомните анекдотичную ситуацию с переписью 2002 г., когда численность населения Москвы несколько раз просто «исправлялась» столичными чиновниками в угоду «высшим политическим интересам», в т. ч. для получения дополнительных денег из федерального бюджета в качестве «столичных субвенций». То было 9 млн человек, то 10, то даже 11. При этом любой здравомыслящий человек, хоть изредка сворачивающий на машине с наезженной колеи Барвиха – Новый Арбат, 36 – Тверская, 13, осознает, что РЕАЛЬНАЯ численность населения города не имеет к этим абстрактным цифрам НИКАКОГО отношения.

жет как-то совладать со своей капиталистическо-гормональной болезнью роста. Или же болезнь городского гипофиза погубит и Москву, и москвичей. Впрочем, богатые римляне и тогда предпочитали селиться на загородных виллах, оставляя центральный Рим на съедение плебсу. Кесарям – Рублевку, слесарям – Бирюлево-Собачье или какие-нибудь Паскудники. Времена меняются, нравы – нет... О тэмпора, о морэс, понимаешь.

Кризис Римской империи положил конец «экологическим» городам без стен. Уже в конце античности города ощетинились стенами и башнями – в империю вторгались варвары. К VI–VII векам все воевали со всеми, города как бы втягивались внутрь собственных стен. Население за этими стенами все больше скучивалось, культурные навыки утрачивались.

Города же Средней Азии, Переднего Востока, Руси все же оставались более просторными, в них прокладывалась канализация и проводился водопровод.

Трудно представить себе, в какой нездоровой среде жило все городское население Европы в Средние века.

Внутри городских стен изначально было не так много места. Тысячи жителей оказывались скучены внутри пространства в 2–5, самое большее в 10 гектаров. У некоторых, правда, были собственные дома с садами и огородами, но большинство ютились на головах друг у друга, по нескольку человек в комнатке.

Водопровод? Если он и был, то чаще всего тот, что остался от римлян. И каждая хозяйка сама ходила за водой к городскому фонтану. Отличный способ разносить инфекции, между прочим. На севере Европы, где римляне не построили городов, воду брали прямо из реки или из колодцев. Уже гигиеничнее, но в колодезную воду тоже попадали «отходы жизнедеятельности».

Канализации не было вообще. Никакой. Ночная ваза – изобретение европейцев, и возникло оттого, что в городе не было канализации, а в домах – уборных. Совсем. Люди использовали горшки, а потом выливали их содержимое прямо на улицу. Туда же хозяйки выплескивали все кухонные помои и остатки еды. Крытых канав, как в Риме, не копали. Содержимое горшков вместе с помоями стекало «ароматными» ручейками по мо-

стовой, пропитывало землю, фильтровалось в ту же воду, которую использовали для питья.

Практически у каждого дома европейского средневекового города непременно стояли ходули – наряду с деревянными башмаками. Грязь на улицах была такой чудовищной, что иногда было недостаточно высоких деревянных легко моющихся башмаков чтобы перейти улицу, не замарав обычной обуви. Деревянные башмаки редко носили сами по себе – ноги натрешь. Они выполняли роль калош, ногу в обычной кожаной обуви богатые горожане, выходя на улицу засовывали в деревянные башмаки, потом оставляли их у входа, чтобы слуги помыли. Но «деревянные калоши» спасали от грязи не всегда. Особенно после дождя. Тогда предпочитали пользоваться ходулями. Представьте себе глубину.

Эркер-туалет в замке Марксбург (Германия). Это – навесной туалет в европейском замке. Кроме шуток, свидетельствует об удивительной чистоплотности его хозяев: большинство замков обходилось без этих «глупостей». Главное – не пройти случайно *под* этим сооружением в неподходящий момент

Каждый хозяин отвечал только за собственное «приватизированное» жилье, а чистота мест общего пользования – дворов, улиц и площадей, никого не волновала[1]. Муниципалитеты богатых городов нанимали иногда бригады чистильщиков, но сами же жители сопротивлялись: не хотели платить.

Средневековые путешественники многократно отмечали, что приближение большого города они сначала чуяли по нестерпимой вони и лишь потом начинали видеть его стены.

[1] Примерно с этим, кстати, столкнулись и все мы в последние годы: квартиры в советских муниципальных домах перешли в частную собственность, а вся остальная часть дома – от подъезда до чердака, техэтажа и лестниц – в долевую. В результате как бы в ничью. И если в доме не создано нормальное ТСЖ, следящее за порядком на «общинные» деньги, то вся эта «ничья» территория пребывает в ужасном запущении. Хотя стоит переступить порог частной квартиры – и внутри чистота и порядок.

Рыцарские замки были ничем не лучше. Маленькие, невероятно тесные, они, конечно, являлись защитой от нападения, но и в них не было ни канализации, ни водопровода.

Слово «альков» наверняка известно читателю, но не все знают, откуда оно пошло. Только в XVI веке альковом стали называть покои знатной дамы. Целую комнату, а то и несколько. Первоначально слово означало нишу в стене залы рыцарского замка. В нишу ставилась кровать, над которой натягивался балдахин: не подумайте – не от москитов, а чтобы конденсат не капал с каменного потолка. На кровати – перина. В алькове не было окон, и его НИКОГДА не проветривали. Перину никогда не перебирали, не просушивали, не мыли и не чистили. В алькове водилось столько клопов, вшей и прочих насекомых, что арабам, прибывшим ко двору Карла Великого, показалось: перины шевелятся.

Великая королева Испании Изабелла Кастильская (конец XV–начало XVI в.) признавалась, что мылась в своей жизни всего два раза – при рождении и в день свадьбы[1].

Эта ужасающая нечистоплотность была свойственна не только светским, но и духовным особам. Несколько римских пап страшно страдали от «гигиенических» болезней. Например, папа Климент V, как считается, умер от банальной дизентерии. Но это еще ладно. А вот папа Климент VII скончался от... чесотки.

Прекрасная Франция, Версаль, чудесная архитектура, просвещение, доминирование французской армии в Европе... Все это связывается у нас с именем Короля-Солнце Людовика XIV. Энергичного, умного и, как считается, достаточно просвещенного монарха. Однако мы не добавляем еще одного эпитета, характерного для того времени, – немытого монарха. Русские послы, прибывшие ко двору Людовика XIV, из «дикой Московии» писали, что «его величество смердит аки дикий зверь». Людовик мылся крайне редко – и только по настоянию врачей, потому что испытывал своего рода водобоязнь.

---

[1] Как там говорят на Руси? Если красть – миллион, если спать – то с королевой? А хотите с Изабеллой Кастильской? Что? Пропало желание?

Монахи, служители церкви, подавали особый пример нечистоплотности и вшивости. Вшей вообще называли «божьими жемчужинами» и они почему-то считались не признаком неопрятности человека, а следствием какой-то непонятной святости и высокой духовности. Вот что писал доктор Ф. Е. Бильц в популярном учебнике медицины конца XIX века «Новое природное лечение» (цитируется по интернету, автор Дмитрий Панкратов, интернет-издание «Летописи жизни»): *«Есть люди, которые не отваживаются купаться в реке или в ванне, ибо с самого детства не входили в воду. Боязнь эта безосновательна, после пятой или шестой ванны к этому можно привыкнуть»*.

В общем, простые горожане жили ничем не лучше аристократов. Маленькие окна никогда не открывались, дома никогда не проветривали. Бань не было. Помыться горожанин мог только в реке, если она была. Постирать одежду было негде и не в чем.

Наши эстеты просто млеют от узких улочек, придающих некий шарм и изящество европейским городам. Да, эти улочки красивы, изящны. Но это – в наше время, когда город чистый, дома помыты и готовы к созерцанию туристами. А жить в этих домах и в средневековых условиях мало кто из современных русских туристов согласился бы.

Неизбежные последствия

В 1930 году в прекрасном французском городе Бордо решили отпраздновать очередную годовщину города, одев актеров в рыцарские латы из музея. И оказалось – латы малы для современных французов. Было это, подчеркну, в 1930 году, до начала акселерации, и французы к тому же – народ не крупный, даже по европейским меркам, в среднем сантиметров на 10 ниже голландцев. Выяснилось, что рост рыцаря XIV века – не превышал 160 см. Только самые крупные латы соответствовали размерам человека ростом в 165 см, а таких было очень мало.

После неудавшегося праздничного шествия в Европе начали изучать этот вопрос... И обнаружился удивительный факт: люди

галльских племен до римского завоевания были выше! Они имели средний рост порядка 168–170 см. В Римское время средний рост не изменился. Но с VII–VIII веков рост француза резко уменьшился. Особенно уменьшился рост горожанина – вообще до 155 см. Чуть крупнее оставались крестьяне. Рыцари были еще покрупнее и посильнее, попадались здоровяки и в 165 см ростом.

Вот как тот же Дмитрий Панкратов (интернет-издание «Летописи жизни») описывает классического европейского рыцаря позднего Средневековья: *«По данным европейских археологов, настоящий французский рыцарь на рубеже XIV–XV вв. выглядел примерно так: средний рост этого средневекового "сердцееда" редко превышал один метр шестьдесят (с небольшим) сантиметров (население тогда вообще было низкорослым). Небритое и немытое лицо этого "красавца" было обезображено оспой (ею тогда в Европе болели практически все). Под рыцарским шлемом, в свалявшихся грязных волосах аристократа, и в складках его одежды во множестве копошились вши и блохи.*

Изо рта рыцаря так сильно пахло, что для современных дам было бы ужасным испытанием не только целоваться с ним, но даже стоять рядом (увы, зубы тогда никто не чистил). А ели средневековые рыцари все подряд, запивая все это кислым пивом и закусывая чесноком – для дезинфекции.

Кроме того, во время очередного похода рыцарь сутками был закован в латы, которые он при всем своем желании не мог снять без посторонней помощи. Процедура надевания и снимания лат по времени занимала около часа, а иногда и дольше. Разумеется, свою нужду благородный рыцарь справлял прямо в латы.

Некоторые историки были удивлены, почему солдаты Саладина (Салах-ад-Дина) так легко находили христианские лагеря. Ответ пришел очень скоро – по запаху»[1].

Я не склонен доводить все до абсурда – не думаю, что рыцари справляли нужду прямо в латы, наверняка там открывалась не-

[1] Саладин родился в 1138 году в небольшой деревушке в стране курдов на правом берегу Тигра. Деревушка называлась Тикрития. Любопытно, что она сохранилась по сей день – теперь это город Тикрит. Более того – именно оттуда родом Саддам Хусейн.

обходимая панелька, но все равно вряд ли это описание уж очень отличается от реальности Средневековья. Скорее всего, так оно и было. Во всяком случае, малый рост – вещь очевидная, доказанная.

Одной из причин уменьшения роста населения был голод. Еды постоянно не хватало, рыцари были крупнее, потому что постоянно ели мясо и вообще лучше питались.

Общим местом в медиевистике стал факт — количество людей в средневековой Европе постоянно превышало возможности их прокорма. Главное чувство, которое испытывал небогатый европеец того времени, – это чувство голода. Любому общественному потрясению, как правило, предшествовал неурожай. Семь подряд голодных лет – и сотни тысяч верующих устремились в первый крестовый поход.

Социолог Питирим Сорокин еще в 1922 году писал[1], что «какие бы ярлыки ни наклеивались на мотивы войны», в конечном счете войны ведутся за выживание, за пищевые ресурсы. Вся история Европы – это непрерывная череда войн. В условиях ограниченных ресурсов шло простое сокращение числа едоков.

У исследователя Александра Горянина есть любопытное наблюдение: *«Не подлежит сомнению еще один интегральный способ оценки прошлого – не знаю, писал ли кто-либо об этом раньше. Тот факт, что китайская кухня признала съедобным практически все, вплоть до личинок насекомых, говорит очень ясно: в этой стране голодали много и подолгу. То же относится и к кухне французской. Только солидный опыт голодных лет мог заставить найти что-то привлекательное в лягушках, улитках, в протухших яйцах, подгнившем мясе, сырной плесени. В русской кухне нет ничего похожего. В голод едали, как и везде, всякое, но не настолько долго, чтобы свыкнуться. Черную икру в России веками скармливали свиньям, пока французы не открыли нам глаза»*[2].

Ну, свиней, жрущих черную икру, мы, пожалуй, оставим на совести исследователя. У нас, конечно, тоже бывали голодные

---

[1] *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

[2] *Горянин А. Б.* Мифы о России и дух нации. М., 2001.

годы, но лес-то кормил. Николай Костомаров[1] отмечал, что охота в России, в отличие от западноевропейских стран, никогда не была привилегией высших классов, ею занимались и самые простые люди. И река кормила. Так что с питанием на Руси несомненно было лучше.

Русская природа кормила свой народ. Рыба, грибы и ягоды на протяжении почти всей нашей истории были неправдоподобно, с точки зрения иностранцев, дешевы (поговорка «дешевле грибов» возникла у нас). Бескрайние леса буквально кишели зверем и птицей, в связи с чем путешествующим иностранцам Русь представлялась «огромным зверинцем».

Второй причиной низкого роста у европейцев было антисанитарное состояние среды обитания. В России считают каменное жилье более дорогим и потому более престижным. У нас строили из дерева, а в Европе – из камня! Они богаче! Но не забудьте: камень пригоден для нормальной жизни, только пока в здании хорошо топят. Если топка плохая, в каменном здании кроме жаркого лета все время сыро. Не зря же конденсат все время капал с потолков замка, заставляя натягивать балдахины над альковами.

Европейцы с рождения до смерти жили в сыром холоде каменных городов и замков. Они ели однообразную пищу, в составе которой не хватало овощей и фруктов. Спали на сырых, грязных перинах вповалку по несколько человек. Грязь пропитывала все вокруг, а гниющие отходы и фекалии громоздились сразу за порогом.

Раскопки кладбищ европейского Средневековья показывают: европейцы не только сделались меньше ростом, большая часть населения страдала самыми разнообразными заболеваниями. Не все болезни можно диагностировать по костям, но всевозможные артриты, остеохондрозы, искривления позвоночников, подагры, рахитизм, уродливые изменения пропорций человеческого тела антропологи могут определить именно по скелетным останкам.

---

[1] *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: Избр. главы. М., 2008.

Да и жили недолго. Детская смертность в городах была совершенно фантастическая – до 90 % родившихся умирало не достигнув 5 лет. Вообще отношение к детям и к детскому труду было в средневековой Европе довольно своеобразным. В Англии вплоть до XX века считалось, что девочки достигают половой зрелости в 12 лет, а мальчики – в 14. С этого возраста, собственно, разрешалось официально вступать в брак. Жизнь небогатого европейца была коротка, редко когда переваливала лет за 35. Времени было мало, жить надо было торопиться.

Прошедшие горнило детской смертности тоже оказывались недолговечны: только 10 % населения Парижа XIV–XV веков доживало до 45 лет[1].

Один мой знакомый побывал в Манчестере в пабе – пивнушке, – где точно воспроизводится атмосфера Викторианской Англии.

Такой милый паб конца XIX века, в котором сознательно сохраняются все старинные мелочи. И вот там прямо над стойкой висит примечательное старинное объявление: «Крепкие алкогольные напитки не продаются мужчинам моложе 13 лет». Сейчас в Америке не продают до 21... Вот и не знаю: то ли мы стали поздно взрослеть, то ли детей тогда не любили.

Города все время пополнялись прибывшими из деревень. Будь иначе, города Европы давно бы обезлюдели. Даже в начале XX века, в 1902 году, Джек Лондон справедливо писал: *«Рабочий, чей отец и дед родились в Лондоне, такая редкость, что его и не отыщешь»*[2].

Кого не забирали смертельные болезни, добивали врачи. То, что собой представляла медицина того времени, полезно знать, чтобы окончательно лишиться иллюзий. Вновь цитирую того же Панкратова, насобиравшего фактов из самых разных источников и выложившего в интернете занимательную статью про гигиену средневековой Европы.

«Медицинские методы оказания помощи в то время были примитивными и жестокими. Особенно в хирургии. Например, для

[1] Данные см.: http://www.worlds.ru

[2] *Лондон Дж.* Люди бездны // Лондон Дж. Люди бездны. Рассказы. М.: Правда, 1987.

того, чтобы ампутировать конечность, в качестве «обезболивающего средства» использовался тяжелый деревянный молоток, «киянка», удар которым по голове приводил к потере сознания больного, с другими непредсказуемыми последствиями. Раны прижигали каленым железом или поливали крутым кипятком и кипящей смолой. Повезло тому, у кого всего лишь геморрой. В средние века его лечили прижиганием раскаленным железом. Это значит – получи огненный штырь в задницу – и свободен. Здоров».

Естественно, это заявление на совести автора. Но всем, кто любит исторические книги, прекрасно известны основные лекарственные средства европейской медицины того времени, как будто сошедшей с ума и забывшей великую медицину Востока и античности, где врачи уже пытались применять обезболивающие на основе трав, морфия, алкоголя, пытались лечить травами. Все это теперь было объявлено ересью, колдовством.

Венерические заболевания лечили только... ртутью. После такого лечения, естественно, мало что оставалось от «зараженных органов». Еще лечили клизмами – это, пожалуй, самое безобидное, ну, и естественно, кровопусканием. Исповедовался следующий нетривиальный принцип: болезнь – это дьявол, поселившийся в человеке, и плохую, больную кровь надо выпустить из организма. Тогда плохой дух выйдет вместе с кровью, и больному станет лучше. Правда, больной зачастую умирал не от болезни как таковой, а просто от недостатка крови, чудовищных кровопотерь. Но это считалось издержками производства.

И наверное, «вершиной» католической монашеской медицины того времени была практика, когда лекарства приготовляли... из трупов. Не хочу вдаваться в подробные описания, но трупные ткани шли в качестве материала для приготовления отваров, настоек, примочек и порошков. Причем я веду речь не о каком-то там темном VIII веке, это XVI–XVIII века – мушкетеры, Людовик XIV и канун Французской революции.

Города XVI–XVIII веков

Может быть, все эти ужасы так и остались в мрачном Средневековье? Нет... И в Новое время ведущие столицы Европы, даже Лондон, Милан или Париж, оставались средневековыми городами с узкими улочками, без канализации и водопровода. Перенаселенная каменная пустыня, без садов и парков внутри городского контура.

Но зато окруженная практически непреодолимой преградой. Как правило, функцию канализации в средневековых городах выполнял ров, наполненный водой, окружавший городские стены. В этом рве копились нечистоты за многие, многие годы. Наверное, в этом был особый стратегический смысл: ров выполнял дополнительную защитную функцию. Можно предположить, что не каждый из желающих захватить город отважился бы подобный ров переплыть.

Описания Парижа в нашумевшем сериальном романе Анн и Сержа Голон просто пугают[1], не говоря уже о Бальзаке и Золя («Чрево Парижа»). В России никогда не было настолько отвратительного, грязного и опасного для жизни города.

Еще более смачное описание Города-Светоча, главного города Европы, Парижа, предстает со страниц книги Зюскинда[2].

Вот каким видится ему Париж «галантного» XVIII века:

«Улицы провоняли дерьмом, задние дворы воняли мочой, лестничные клетки воняли гниющим деревом и крысиным пометом, кухни – порченым углем и бараньим жиром; непроветри-

[1] *Голон А. и С.* Анжелика. В 8 т. М., 1993.

[2] Сразу отметим: если в современной Франции «исторически политкорректный» критик попрекнет Зюскинда в недостатке галло-франко-мушкетерского патриотизма и обвинит его, негодника, в очернении светлого образа «Прекрасной Франции», Зюскинд сразу же ему ответит: «Помилуйте, мон шер ами, ведь все эти зловонные запахи Парижа в моем романе так ощущаются именно уникальным обонянием моего героя, это такое литературное вуаля-падеде, прием, так сказать. А герой мой – зловреднейший персонаж, извращенец и маньяк. Что ж вы от него хотите? Добропорядочные парижане такой вони не почувствовали бы. Болезненное, обостренное восприятие всего у моего несчастного юноши, так что увольте...»

ваемые комнаты *воняли затхлой пылью, спальни – жирными простынями, сырыми пружинными матрасами и едким сладковатым запахом ночных горшков. Из каминов воняло серой, из кожевенных мастерских воняло едкой щелочью, из боен воняла свернувшаяся кровь. Люди воняли потом и нестиранной одеждой, изо рта воняло гнилыми зубами, из их животов – луковым супом, а от тел, если они уже не были достаточно молоды, старым сыром, кислым молоком и онкологическими болезнями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах. Крестьянин вонял, как и священник, ученик ремесленника – как жена мастера, воняло все дворянство, и даже король вонял, как дикое животное, королева, как старая коза, зимой и летом...*

И, разумеется, в Париже стояла самая большая вонь, ибо Париж был самым большим городом Франции. А в самом Париже было такое место между улицами О-Фер и Ферронри под названием Кладбище невинных, где стояла совсем уж адская вонь. Восемьсот лет подряд сюда доставляли покойников из Отель-Дьё и близлежащих приходов, восемьсот лет подряд сюда на тачках дюжинами свозили трупы и вываливали в длинные ямы, восемьсот лет подряд их укладывали слоями, скелетик к скелетику, в семейные склепы и братские могилы. И лишь позже, накануне Французской революции, после того как некоторые из могил угрожающе обвалились и вонь переполненного кладбища побудила жителей предместья не только к протестам, но и к настоящим бунтам, кладбище было наконец закрыто и разорено, миллионы костей и черепов сброшены в катакомбы Монмартра, а на этом месте сооружен рынок».

А вот так представляется автору появление на свет его «героя»:

«И вот здесь, в самом вонючем месте всего королевства, 17 июля 1738 года был произведен на свет Жан-Батист Гренуй. Это произошло в один из самых жарких дней года. Жара как свинец лежала над кладбищем, выдавливая в соседние переулки чад разложения, пропахший смесью гнилых арбузов и жженого рога. Мать Гренуя, когда начались схватки, стояла у рыбной лавки на улице О-Фер и чистила белянок, которых перед этим вынула из ведра. Рыба, якобы только утром выуженная из Сены, воняла уже так сильно, что ее запах перекрывал запах

трупов. Однако мать Гренуя не воспринимала ни рыбного, ни трупного запаха, так как ее обоняние было в высшей степени нечувствительно к запахам, а кроме того, у нее болело нутро, и боль убивала всякую чувствительность к раздражителям извне. Ей хотелось одного – чтобы эта боль прекратилась и омерзительные роды как можно быстрее остались позади. Рожала она в пятый раз. Со всеми предыдущими она справилась здесь у рыбной лавки, все дети родились мертвыми или полумертвыми, ибо кровавая плоть, вылезшая тогда из нее, не намного отличалась от рыбных потрохов, уже лежавших перед ней, да и жила не намного дольше, и вечером все вместе сгребали лопатой и увозили на тачке к кладбищу или вниз к реке. Так должно было произойти и сегодня, мать Гренуя... была еще молодой женщиной (ей как раз исполнилось двадцать пять), и еще довольно миловидной, и еще сохранила почти все зубы во рту и еще немного волос на голове, и кроме подагры, сифилиса и легких головокружений ничем серьезным не болела, и еще надеялась жить долго, может быть, пять или десять лет, и, может быть, даже когда-нибудь выйти замуж и родить настоящих детей в качестве уважаемой супруги овдовевшего ремесленника...»[1]

Самое удивительное – это потомки таких вот Гренуев теперь рассказывают об извечно грязной и нечистоплотной России.

А вот наблюдавший Россию в XIX веке англичанин Джеймс Александер впечатлился обеими нашими столицами. Санкт-Петербург у него «волшебный город, похожий на чудо. Его здания и дворцы – величайшие творения нашего времени». В Москве «приятно удивил вид чистых красивых улиц, отсутствие каких-либо развалин». И вообще нет никаких следов ужасного нашествия 1812 года (англичанин Александер прибыл в Первопрестольную через полтора десятка лет после француза Наполеона). Поднявшись на колокольню Ивана Великого и окинув взглядом сотни золотых куполов, Александер заявил: «Это, должно быть, самый красивый вид в мире».

Согласитесь, несколько отличается от того, что писал немец Зюскинд про столицу Франции.

---

[1] *Зюскинд П.* Парфюмер. История одного убийцы. СПб., 2006.

Волшебный и восхитительный Версаль

С XIV века резиденцией французских королей был замок в центре Парижа, Лувр.

Париж разрастался, и в 1627 году (по другим данным, в 1624 году), когда в краснокаменном Кремле правил молодой царь Михаил Романов, его французский коллега король Людовик XIII купил деревушку Версаль, чтобы можно было охотиться и просто пожить на свежем воздухе вдалеке от города.

Король-Солнце Людовик XIV (1638–1715) особенно любил это место, к тому же после восстания Фронды Париж стал казаться королям слишком опасным. С тех пор Версаль и стал его официальной резиденцией – главной резиденцией французских королей.

Что ж, короли хотели, чтобы их резиденция выглядела достойно и отражала бы место, которое Франция занимала в мире. Все счета, связанные со строительством Версальского дворца, сохранились до нашего времени. Поэтому мы точно знаем, что расходы составили 25 725 836 ливров.

Как перевести в современные деньги эту стоимость? Если исходить из современных цен на серебро, то это около 3 млрд евро. Если исходить из относительной покупательной стоимости ливра, то получаем сумму уже в 40 млрд евро. Если соотнести государственный бюджет современной Франции и Франции XVII века, то получится: в наше время эти расходы эквивалентны затратам в 260 млрд евро.

Впрочем, эта астрономическая сумма тратилась не сразу, постепенно.

Итак, с 1661 года началось грандиозное строительство. Лучшие умы всей Европы создавали это новое чудо света, Большой Версальский дворец.

Только в 1710 году, через 50 лет, колоссальное (550 метров по фасаду) здание перестали строить и перестраивать. Дворец в стиле барокко и классицизма выходит в регулярный парк площадью 6 600 гектаров. Парк, с подстриженными деревьями, с более чем 500 статуями, с 80 беседками, гротами и фонтанами, – сам по себе произведение искусства.

Весь фасад дворца со стороны парка занимает Зеркальная галерея, или галерея Людовика XIV. Своими картинами, зеркалами и пилястрами она производит потрясающее впечатление.

Впрочем, так полагается думать обо всем Версальском дворце. Туристов водят осматривать Королевские апартаменты, где парадные комнаты-«салоны» окнами выходят в парк.

Самые известные и роскошные – салон Меркурия (Гермеса) – спальня короля и салон Аполлона – Тронный зал, где под балдахином стоял знаменитый королевский трон из литого серебра высотой 2,6 м.

А есть еще салон Войны – большой кабинет короля. Комната отдыха короля, Часовой кабинет, Собачий кабинет, Столовая, Внутренний кабинет короля, Задний кабинет короля, Комната Золотой посуды, Библиотека короля, Фарфоровый зал, Бильярдная, Игральный салон.

Все это громадные залы, с невероятным, избыточным богатством, расписанные лучшими живописцами, с богатой и пышной лепниной, переполнены прекрасными статуями и вычурной, роскошной мебелью. Чтобы создать Версаль, трудились три поколения лучших живописцев, скульпторов, мебельщиков.

Г. Риго «Людовик XIV».
Одна из причин, по которой королевский двор при Людовике XIV так легко перебрался из Лувра в Версаль, – Лувр был чудовищно загажен

Конечно, делалось все это не для одной королевской четы. В Версале и окрестностях постоянно жили до 100 тысяч человек. Далеко не все так уж рвались жить в Версале. Обязанность дворян жить при королевской резиденции было своеобразной мерой предосторожности со стороны Людовика XIV. Дворяне были на глазах, как бы под присмотром. Король таким образом обеспечивал себе полный контроль над деятельностью аристократии.

Но многие сами хотели попасть в Версаль: ведь только при дворе было возможно получить достойные чины и государственные посты. Обитавшие в Версале дворяне танцевали в Зеркальной галерее – зале для балов, торжественных мероприятий. Высота Зеркальной галереи – 12,5 м, длина – 73 м, ширина – 10,5 м.

Они видели Дворянский салон – зал для приемов иностранных послов, Зал королевской гвардии, Первый вестибюль или салон «Большой прибор» – зал, в котором король ужинал, где проходили и встречи с подданными.

Дворяне «тусовались» и попивали изысканные вина в салонах Геркулеса, Изобилия, в кабинете Редкостей, салоне Венеры, салоне Дианы, салоне Марса. Они слушали концерты в Королевской капелле Сен-Луи и Королевской опере. Они были приобщены ко всей показной роскоши Версаля, перегруженной деталями, золотом, драгоценными сортами дерева. Дворцово-парковый комплекс Версаля на полтора века стал важнейшим городом Европы. В России по образцу Версаля построен Петергоф. Да и все остальные дворцово-парковые комплексы Петербурга тоже несут на себе печать чуть менее откровенного подражания Версалю. Но есть в этих русских подражаниях некая особенность, отличающая их и от самого Версаля, и от его европейских подобий.

Однако, прежде чем говорить об этих отличиях – вот еще о чем. Французы, как заметит любой русский турист, хоть раз побывавший в «прекрасной Франции» – народ весьма экономный, даже я бы сказал прижимистый. На строительстве Версаля они тоже экономили, и не слабо. За экономией лично следил знаменитый министр финансов Кольбер. Купцы получали конкурсные подряды на поставку материалов и ведение работ. Если они хоть на сантим выходили за пределы заявленной сметы, эти расходы не оплачивались.

Подрядчики соответственно экономили, как могли, на оплате и питании рабочих. Чтобы получалось дешевле, в мирное время к работам также, как и в России, привлекали солдат. Число умерших во время строительства Версаля называют разное, но если проанализировать и сопоставить источники, то маловероятно, что меньше 6000 человек.

Мимоходом сравним: при возведении Петербурга за всю эпоху Петра, с 1703 по 1725 год, умерло не более 4 тысяч рабочих. Молва, правда, стократ преувеличила эти цифры, и в историю вошел очередной мрачный русский миф – о Петербурге – «городе на костях». Но это миф, в котором концы не сходятся с концами.

Так что лучезарный Версаль в гораздо большей степени, чем Петербург, – город на костях. Если расспросите экскурсовода во время посещения Версаля, наверняка шепотом он вам это подтвердит. Только об этом как-то мало писали, и уж, конечно, такие подробности никогда специально не афишировали во французских учебниках для средней школы. В историю вошло другое: Великий Версаль – украшение Мира!

Пример для цивилизованной Европы! Но это так, между прочим, ведь миф о кровавости русской истории нас тоже интересует, но я уже писал о нем, и весьма подробно в 1-м томе «Мифов о России».

Но главная особенность Версаля даже не в этом, – Версаль был очень плохо построен. Плохо и без учета того, как будут жить 90 % его обитателей. В Версале не работали многие камины, не закрывались окна, и жить во дворце зимой было крайне неуютно и попросту холодно.

Жизнь большинства постояльцев Версаля была лишена всяких удобств. Дворяне, за исключением близких родственников королевской семьи, жили в обычных... каморках. Комнаты у них в большинстве случаев были узкие, сырые и неудобные. Такая типичная гостиница «ноль звезд».

Но у дворян хотя бы были кровати! Прислуга же спала чаще всего на каменном полу. Не раздеваясь, а только прикрывшись ветошью вместо одеяла. Вышеописанный рай для короля и кучки титулованной знати оборачивался чистилищем для большинства дворян и адом для всех простолюдинов.

Вот в этом и состоит первое принципиальное отличие Версаля от его русских аналогов: во всех русских дворцах в Петербурге и его окрестностях предусматривались более-менее человеческие условия жизни для всех, в том числе и для крепостной прислуги. Не говоря уже о придворных.

Вторая особенность Версаля в том, что в нем была только одна(!) ванная комната – лично для короля. Ни для каких других лиц ни ванных комнат, ни тем более бань предусмотрено не было. Совсем.

А уборных в Версале не было вообще , даже персонального сортира для короля. Как же быть?! Очень просто – пользоваться ночными горшками... Впрочем, почему именно горшками? Использовались и блюда, и тарелки, и вазы. Почти забытый словесный уродец «ночная ваза» – именно об этом. А выливать ночные горшки куда?! Да куда угодно. Ведь ни канализации со стоком, ни ям-отстойников в Версале тоже предусмотрено не было.

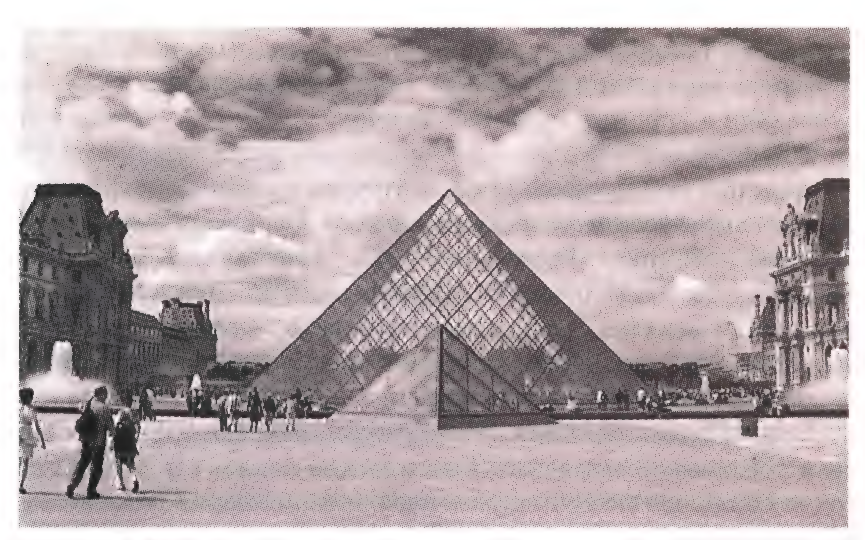
В этом второе принципиальное отличие Версаля: во всех русских дворцах в Петербурге и его окрестностях предусмотрены были ванные комнаты, бани, уборные. И придворные, и прислуга регулярно ходили в баню, а дворцовые покои не было нужды чистить от груд экскрементов.

Короли среди куч мусора и нечистот

Действительно, странно представить себе придворных Екатерины II или Александра I, которые вынуждены устраивать свидания или спешить на прием к монарху, лавируя между куч фекалий и кухонных отбросов. Странно, потому что ничего подобного в «немытой» России не было никогда.

В отличие от «диких и грязных» русских, европейцы с такими проблемами сталкивались каждодневно. Ведь не только в Версале – уборных не было в замках и дворцах всей французской аристократии. Говорят, в том числе по этой причине европейские монархи и высшая знать стремились обладать не менее чем десятком замков и дворцов.

Ведь как выходили «из положения» хозяин замка, его семья, придворные и гости, если приспичило, и не успеваешь «сбегать во двор»? А если еще гостей много понаехало, да не все знают, куда, по какой темной лесенке ночью бежать до уличного нужника?

Пирамида Лувра.
Пирамиду, как знаем мы все из «Кода да Винчи», соорудили совсем недавно, чтобы дать наводку искателям сокровищ тамплиеров. Туалеты в Лувре тоже, кстати, появились не так давно

Выход был один... Уединялись в укромных закоулках замка, на балконах или под лестницами, а то и отгибали прикрывавший лестницу ковер. А сделав свое дело, пришпиливали ковер на место.

За считанные недели замок или дворец приходил в такое состояние, что жить в нем становилось невозможно. И двор переезжал в другой замок, а слуги начинали чистить оставленный и как можно шире открывали все двери и окна – проветривать.

Одна из причин, по которой королевский двор так охотно перебрался из Лувра в Версаль, – Лувр был чудовищно загажен.

Французские авторы как о само собой разумеющемся пишут, что «еще в XVI веке кучи человеческих экскрементов можно было найти на балконах Лувра»[1].

В королевских дворцах в гардеробных всегда стоял стул с дыркой, а также набор ночных горшков, соответствующих делу мисок и ваз...

---

[1] *Фукс Э.* История нравов. Т. 2. Галантный век. М., 1993.

Однако придворным особам обоих полов было лень идти до отхожего места либо до горшка в гардеробной, поэтому нужду справляли в укромных уголках дворца.

В Версале происходило то же самое и даже хуже: большее количество людей скопилось на ограниченном пространстве. Версаль, при всей величественной роскоши своих интерьеров, изрядно praванивал. Громадный парк с фонтанами и статуями вызывал чувство величавой грусти, но у кавалеров и дам, уединявшихся в этих беседках, могли возникнуть не совсем романтические настроения. Увы, в беседке могли побывать до них, и отнюдь не с намерениями целоваться.

Дворец и парк чистили, а продукты жизнедеятельности Версаля сбрасывали в главный Королевский канал, так что эта сегодня столь приятная глазу главная артерия парка тоже весьма «благоухала».

Первая генеральная уборка Парижа от подобного сорта отходов человеческой жизнедеятельности была произведена только в XVII веке. Это событие явилось в глазах парижан таким торжественным событием, что по его поводу была выбита медаль.

По поводу чистки Версаля медали выбить не довелось: вплоть до Французской революции 1789–1794 годов балконы и укромные комнаты, беседки, гроты и заросли парка служили отхожими местами для обитателей чудного Версаля, образца для подражания всей Европы.

Города Руси

В городах России тоже не выбивали медалей в честь их генеральных уборок, но по совершенно другим причинам, чем в Версале: у нас убирали постоянно. Одной из причин чистоты в городах был общинный образ жизни. В Европе хозяин отвечал, как уже говорилось, только за свою собственность, а по улице пускай течет река нечистот.

На Руси люди жили общинами-подворьями, миром. Это значит, улицы были «общими». Поэтому никто, как в Париже, не

мог выплеснуть ведро с помоями просто на улицу, демонстрируя, что только мой дом – частная собственность, а на остальное наплевать!

К тому же русские по-другому относились к чистоте. В каждой усадьбе была баня и уборная: «нужный чулан», попросту «нужник». Ямы под нужниками регулярно чистили люди, которых нанимали общины. Например, известно, что чистка таких ям и вывоз фекалий в Новгороде XIV века предпринимались регулярно два раза в год: в апреле и в октябре.

В XVII веке появилось шутливое наименование у лиц этой профессии – «золотари». Ведь содержимое выгребных ям – это «ночное золото». Золотари выгребают его по ночам, зарабатывая на нем деньги.

Слова «золотарь», «нужник» очень старые, это бытовые исконные слова русского языка. Тогда как в европейских языках слова, отражающие чистоту, уборку, вывоз нечистот, совсем недавнего происхождения.

Средневековые русские города меньше были привязаны к линии крепостных стен. Во-первых, не было перманентной войны всех против всех. Во-вторых, обычно строились деревянные стены, а их легче и дешевле переносить.

Дома не только в деревнях, но и в городах Руси не лепились друг к другу, а стояли широко. Возле домов были просторные, проветриваемые дворы. Описаний сохранилось мало, в них просто не было необходимости. Вот одно из них, сделанное на Московском подворье профессиональным археологом: *«По направлению к Никольским воротам следовало подворье Симонова монастыря с церковью Введения, которая была построена еще в 1458 г. и с палатою. Затем следовал переулок, шириною в 2 саж., выходивший от Житницкой улицы на Никольскую. Симоновское подворье занимало со своей стороны всю линию переулка против церкви подворья. Местность церкви Входа в Иерусалим простиралась вдоль по улице на 25 саж. Длина его дворовой земли занимала 12 саж., ширина 4 саж. К самому алтарю церкви примыкал забором двор попа Благовещенского собора Алексея, в длину по направлению улицы 16 саж., поперек 10 саж. и от Рождественского подворья 13 саж.*

Остальное пространство по улице, приближаясь к Никольским воротам»[1].

Это письменный источник. Еще больше сохранилось археологических источников, изданы многочисленные карты, схемы, таблицы иллюстраций[2].

Хорошо известны и планы городов России XVIII и XIX веков, сколько земли приходилось на усадьбы и как усадьбы организовывались. Ключевский отмечал, что в Москве «при каждом доме был обширный двор (с баней) и сад» и ее жители не знали недостатка в воде: во дворах были колодцы.

Иностранцы XVI–XVIII веков, приезжающие в Россию, подчеркивали чистоту и аккуратность русских городов.

Уже в XIX веке британец М. Уоллерс, описывая российские города, отмечает: *«Улицы широки и прямы. Дома или деревянные или каменные, но большей частью одноэтажные и отделяются один от другого большими дворами»*[3].

Дом тоже полагалось убирать и чистить, как правило, к каждому празднику. Есть такой православный праздник, сохранившийся на Руси с языческих времен и дошедший до наших дней, – святки. Во время святок по обряду люди рядились в разных персонажей народной мифологии, в том числе и в животных. Поведение ряженых сводилось к нескольким стереотипным действиям. Одно из них – обрядовое очищение дома (обметали углы дома или обливали присутствующих водой) или проверяли соблюдение хозяевами дома норм обрядового поведения (подметено ли в доме в определенные дни, убраны ли орудия ткачества, приготовлены ли к празднику обрядовые блюда и т. п.).

Единственный город в России, который был весьма мерзок и вонюч, не на площадях, конечно, а в подворотнях и жилых кварталах, был самый европейский город – Санкт-Петербург. Недаром эту его специфику запечатлел Достоевский в «Преступлении и наказании», но это уже было в XIX веке. И не случайно это как раз тот город, который стал образом «русской Европы».

---

[1] *Забелин И. Е.* История города Москвы. М., 1905.

[2] Древняя Русь. Город, замок, село. М.: Наука, 1984.

[3] Россия. В 2 т. Т. 1. СПб., 1880. С. 200–202.

Королева Виктория в 1897 г.
Символ целой эпохи британского могущества. Была родственницей практически всех значимых европейских монархов, включая, кстати, и нашего Николая II. В нашем сознании викторианская Англия ассоциируется в первую очередь с артистами Василием Ливановым, Виталием Соломиным, а также собакой Баскервилей

Личная гигиена?

Юст Эль, датский посол в России в начале XVIII века, удивлялся русской чистоплотности. И в XIX веке при Александре II английский военный атташе Уэллеслей все еще очень удивлялся еженедельному мытью русских[1]. Видимо, и при королеве Виктории, в «золотой век» Британии, это для англичан еще было в диковинку.

Как отмечал Теофиль Готье: *«Под своим рубищем русский мужик чист телом, в отличие от моделей Риберы и Мурильо»*[2].

О прелести парфюмерии

Не было у наших предков и других диковинок, которыми отличалась Европа. В «культурной» Европе XVII века на стол за трапезой специально ставили блюдца, чтобы желающий мог культурно давить пойманных на себе вшей. А вот в России блюдец не ставили, но не по скудоумию, а просто потому, что надобности не было.

В России писались книжки о «куртуазном обхождении» в дворянском кругу. Но в них почему-то не было советов не обращать внимания, если на лицо дамы во время свидания выползет вошь. Мол, невелика беда, с вошью дама и сама справится. Вот если клоп – тут надо помочь даме, снять и раздавить клопа.

Избавившись от бань, Европа изобрела блохоловки, чесалки для спин и, наконец, одеколон, который, однако, боролся не с грязью, а с запахом. Но и одеколон не мог заглушить запах немытых тел.

Вся современная парфюмерия обязана своей популярностью своеобразным гигиеническим привычкам средневековых европейцев. Изначально одеколон, или кёльнская вода, представлялся как чудодейственный эликсир, средство от всех болезней. Так,

---

[1] См.: Россия – это сама жизнь. Заметки иностранцев о России с XIV по XX век. – http://www.pravoslavie.ru/put/041028173051

[2] «Voyage en Russie». 1867. – Это портрет русских мужиков.

во время эпидемии оспы в Берлине изготовители Eau de Cologne к каждому флакончику прилагали вот такую инструкцию:

«Эта чудодейственная вода является средством против яда, предохраняет от чумы. Она лечит желтуху, катар, обмороки, колики, боль в животе, боку, груди, исцеляет от ожогов, является прекрасным средством от зубной боли, придает силы женщинам при родах, способствует откашливанию, а также ослабляет звон в ушах, и, наконец, придает красоту, так как это косметическое средство делает кожу гладкой и наделяет ее прекрасным цветом».

В воспоминаниях Екатерины Великой[1] есть упоминание, что мать в детстве не раз заставляла ее целовать подолы платьев знатных посетительниц. И что пахли эти подолы чем угодно, в том числе и духами. Но только не свежей стиркой... Неудивительно! Духи и одеколон и придумали для того, чтобы отбивать дурные запахи месяцами немытого тела.

[1] Записки императрицы Екатерины II. М., 2007.

Глава 4

О здоровье физическом, и не только

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам!
А нечистым трубочистам
Стыд и срам! Стыд и срам!

К. Чуковский

Всегда уж едут в бани, как от болезни выправятся... Так полагается: «смыть болезнь».

И. Шмелев *«Лето Господне»*

Об эпидемиях

Трудно поспорить с тем, что гигиена, чистота имеют колоссальное оздоровительное значение. Иммунная сопротивляемость болезням у русских была необычайно высокой, в том числе и благодаря традиции устраивать еженедельные, а то и чаще банные дни.

История подтверждает: и в Средние века, и в Новое время эпидемии в России возникали намного реже, чем в Европе. Хотя приходили чаще всего — из нее же. До XI века Россия не знала ничего о серьезных болезнях. Европу же с VI века каждое столетие сотрясали страшные эпидемии.

Историки Европы говаривали, что опаснее врагов бывали для норманнов трупы этих врагов[1]: в скоплении тел часто начиналась

[1] *Видукинд Корветский.* Деяния саксов. М.: Наука, 1975.

чума. В 842 году норманны прервали осаду Парижа и в панике отступили: начавшаяся болезнь пугала их больше, чем рыцарская конница франков.

Тогда массовые болезни до Руси вообще не доходили. Только в XI веке, через пять лет после того как вся Европа была заражена горячкой, или «антоновым огнем», первая серьезная эпидемия была зарегистрирована в России. Событие было настолько экстраординарным, настолько поразило русичей, что нашло отражение во всех без исключения летописях. Поскольку эпидемия имела место только в западных областях Руси, она, несомненно, была занесена туда из Европы.

В XIV веке глобальная эпидемия чумы, известная под названием «черная смерть», началась с того, что татарская орда ворвалась в Крым и осадила крепость Кафу (нынешнюю Феодосию), принадлежащую генуэзцам. Три года осаждавшие не могли взять город. На третий год осады в их лагере вспыхнула чума... Предприимчивые татары с помощью метательных машин стали перебрасывать через крепостную стену трупы своих умерших.

«Чума в Марселе». 1720. Фрагмент картины неизвестного художника.
Чума шла в Европе бок о бок с чудовищной грязью и антисанитарией в городах

Генуэзцы спешно погрузились на корабли и бежали на родину. Но часть из них уже была инфицирована... Так в середине XIV века «черная смерть» появилась сначала в Италии, затем перекинулась во Францию и Испанию, затем — Англию и Ирландию. Далее она охватила Германию, Скандинавию, Исландию, и даже Гренландию. Всего заболели две трети европейцев, половина из которых, 25 миллионов человек, умерли. Из-за «черной смерти» Англии и Франции даже пришлось прервать свою Столетнюю войну.

Никаких реальных способов сопротивляться чуме у тогдашних европейцев не было. Как-то в самой что ни на есть европейской здравнице Карловы Вары я наткнулся на мемориальный

«чумной столб». Заинтересовался. Оказалось, что во многих старинных европейских городах установлены производящие удручающее впечатление колонны с барельефами – чумные столбы, которые поставлены в память об эпидемии.

Та страшная чума XIV века добралась и до России, но только не с Юга, а с Запада. У нас «черная смерть» впервые появилась в Пскове, который имел самые оживленные торговые связи с Западной Европой. Новгородская летопись приводит важное свидетельство: *«...И по всем градом и страном бысть мор велик и страшен. Не успеваху бо живии мертвых опрятывати, везде бе мертвые в градех и селех, в домех и у церквей»*[1].

Впрочем, неоднократно упоминаемый нами Александр Горянин утверждает, что, по западноевропейским источникам, чума, *«обойдя всю Западную и Центральную Европу, достигнув самых отдаленных мест, остановилась где-то в Польше»*[2]. Не «где-то», а на границе Великого княжества Литовского (чье население состояло на 90 % из русских, в связи с чем его называют еще Литовской Русью), то есть на границе распространения бани. А еще точнее – на стыке отсутствия и наличия бытовой гигиены.

По мнению исследователя, пострадали некоторые русские города, посещаемые иностранцами (в первую очередь Новгород), но размах бедствия был для русских несопоставим с тем, что пережили их западные соседи. И много позже даже самые тяжкие чумные моры нашей истории – особенно в 1603, 1655 и 1770 годах – не становились причиной демографического кризиса для страны.

Шведский дипломат Петрей Эрлезунда отмечал в своем труде о Московском государстве, что *«"моровая язва" чаще появляется на его границах, чем во внутренних областях»*[3].

По свидетельству английского врача Сэмюэля Коллинса, прожившего в России девять лет, когда в 1655 году в Смоленске по-

---

[1] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 89.

[2] *Горянин А. Б.* Указ. соч.

[3] См.: *Грекулов Е. Ф.* Православная инквизиция в России. М., 1964.

явилась эта самая язва, *«все были изумлены, тем более что никто не помнил ничего подобного»*[1].

Да и о венерических заболеваниях Россия узнала только в XV веке и тоже от европейцев-итальянцев. Итальянцы в большом количестве появились в России как раз в XV веке. Много их было, например, в строительной бригаде Аристотеля Фиорованти, возводившего Успенский собор в Кремле. От них, любвеобильных итальянских «шабашников», как считается, и познакомились впервые москвички с сифилисом, или как его тогда называли в Москве – «латинской болячкой».

Такое сомнительное наследие итальянский Ренессанс завещал молодой России.

Динамика роста населения

Вообще-то исторически здоровье народа можно определить вполне объективно – по росту численности населения. Поскольку никакой контрацепции ни в одной стране не было и в помине, а рождаемость традиционно была высокой практически везде, следовательно, показатель увеличения численности населения и коэффициент превышения рождаемости над смертностью наглядно демонстрирует состояние качества жизни народов и то, как обстояло дело с эпидемиями и болезнями.

Легко заметить, что с этой точки зрения Россия до 1913 года не уступала европейским странам в качестве жизни. А скорее, заметно их превосходила. Если сегодня быстрый рост населения отличает самые неблагополучные страны, то тогда все обстояло с точностью наоборот.

Судите сами: со времен римского императора Августа, когда в нынешней Западной Европе жили примерно 26 миллионов человек, до конца XV столетия (т. е. за 1500 лет) ее население едва удвоилось. А за три века с 1500 по 1800 год – как раз в этот период наблюдался особенно высокий интерес у путешественников к

[1] *Коллинс С.* Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846.

России, и к этому времени относятся многие мемуары об образе жизни русских – в Англии население выросло вдвое, в Германии, у которой, кстати, не было заморских колоний, – на 170 %, а в России – в три раза! С 15 до 45 миллионов[1]. И это еще не все.

Системный учет населения в России начался с 1897 года, – тогда провели первую полную перепись населения. В этом году в России жило 126 411 736 «душ обоего пола»[2].

Таким образом, получается, что за XIX век, с 1800 по 1897 год, численность населения Франции выросла в 1,8 раза, Британии – в 1,6 раза, а России – еще в 2,6 раза, с 45 до 126 миллионов человек. Быстрее, чем в России, росло население только в США, куда въезжало огромное число эмигрантов.

С 1897 по 1913 год динамика населения России показывала прирост со скоростью 2–3 миллиона (!) человек в год. К 1913 году в Российской империи жило уже 135 миллионов человек[3]. По некоторым источникам – более 150 миллионов человек. Это означает, что с момента, когда Россия закончила экстенсивное расширение своей территории, более того, лишилась Аляски и ряда «островков» в Калифорнии, за 25–30 лет царствования Александра III и Николая II (до 1913 г.) население империи исключительно за счет превышения рождаемости над смертностью выросло на треть (!).

Практически на 40 миллионов человек. Вдумайтесь в эту цифру! Именно эти темпы роста и населения, и экономики давали тогда ученым возможность совершенно обоснованно утверждать, что при сохранении территории население России к 1950 году составит не менее 300 миллионов человек, а ВВП (внутренний валовый продукт) уже к 1930 году будет крупнейшим в мире.

Напомним, в 1913 г. ВВП Российской империи – 5-й в мире. При этом Англия и Франция остаются крупнейшими колониальными державами. Германия куда больше по территории и мощнее нынешней Германии. А есть еще безнадежно отставшие от России Япония, Китай, Италия и Бельгия (с Конго), Испания (с колониями) и Австро-Венгрия (Австрия, Венгрия, Чехия, Словакия, часть Польши, часть Югославии). Вот так... Сравните с нашими потуга-

---

[1] По данным Центра демографии и экологии человека РАН.

[2] Россія. Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1898.

[3] Там же. 1914. С. 74.

ми вползти в G8 («Большую восьмерку»), заявлять себя на равных с Бразилией и стремиться догнать по уровню жизни Португалию...

В 1500 году численность населения России была ниже, чем во всех крупных странах Европы. Между 1700 и 1800 годами наступил примерный паритет. В течение XIX века Россия стала самой населенной страной. А ведь численность населения и болезни – верный показатель санитарной и гигиенической действительности.

Об идеалах красоты

О вкусах не спорят.

А спорить обо всем том, что касается женской красоты, вообще небезопасно. Но, согласитесь, забавно, как англичанин Александер, привычный к долгоносым британским красавицам, видит лица славянок: «У русских женщин из низших сословий очень некрасивые носы, обычно называемые «кнопками». Полагаю, этот недостаток можно отнести за счет сурового климата. Будь у них римские или греческие носы, они бы их отмораживали, как это часто случается с иностранными путешественниками». ☺

Истый британец шутит с серьезным видом, даже не поймешь – шутит или серьезно. Молодец. А положение-то с женской красотой на Старом континенте действительно невеселое.

Тяжелые условия «грязной» жизни Европы породили идеалы красоты, которые трудно считать здоровыми. Как нельзя лучше исследовал и описал взаимосвязь здорового и нездорового идеалов красоты известный советский писатель Иван Ефремов:

«...В истории человечества было немало периодов, когда здоровые идеалы красоты временно заменялись нездоровыми. Подчеркиваю: я имею в виду только здоровый идеал, канон, называйте его как хотите, – в природе никакого иного быть не могло. Да и во всех культурах в эпоху их наибольшего расцвета и благоденствия идеалом красоты было здоровое, может быть, с нашей современной точки зрения, и чересчур здоровое тело. Таковы, например, женщины, которых породили матриархатные общества Крита и протоиндийской, дравидийской цивилизации, древняя и средневековая Индия. Интересно, что у нас в

Европе в средние века художники, впервые изображавшие обнаженное тело, писали женщин-рахитичек с резко выраженными признаками этой болезни: вытянуто-высоких, узкобедрых, малогрудых, с отвислыми животами и выпуклыми лбами. И немудрено – им служили моделями запертые в феодальных городах женщины, почти не видевшие солнца, лишенные достаточного количества витаминов в пище. Поредение волос и частое облысение, отодвигание назад границы волос на лбу даже вызвало моду, продержавшуюся более двух столетий. Стараясь походить на самую рахитичную городскую аристократию, женщины выбривали себе волосы надо лбом. Они все одинаковы, эти патологические, трагические фигуры Ев, "святых" Ариадн и богинь пятнадцатого века на картинах Ван Эйка, Бурдиньона, Ван-Геса, де Лимбурга, Мемлинга, Иеронима Боша, Дюрера, Луки Кранаха, Николая Дейтша и многих других. Ранние итальянцы, вроде Джотто и Беллини, писали своих красавиц в кавычках с таких же моделей, и даже великий Сандро Боттичелли взял моделью своей Венеры типичную горожанку – рахитичную и туберкулезную. Позднее итальянцы обратились к моделям, происходившим из сельских или приморских здоровых местностей, и результаты вам известны лучше, чем мне. Интересно, что печать ослабления здоровья в городских условиях жизни лежит уже на некоторых фигурах позднейших римских фресок – те же более слабые в солнечном климате следы рахита, нехватки витаминов, отсутствия физической работы.

Насколько глубоко непонимание истинно прекрасного, можно видеть в известном стихотворении Дмитрия Кедрина "Красота": "Эти гордые лбы винчианских мадонн я встречал не однажды у русских крестьянок..." Загипнотизированный авторитетом великих мастеров Возрождения, наш поэт считает выпуклые, рахитичные лбы "гордыми". Находя их у заморенных работой и голодом русских женщин прошлого, что, в общем-то, вполне естественно для плохих условий жизни, он проводит знак равенства между мадоннами и ими. А по-нашему, врачебному, чем меньше будет таких "мадонн", тем лучше. В нашем веке начинается возвращение к этим канонам – ярко выраженные рахитички составляют темы живописаний Мюнха, Матисса, Пикассо, Ван-Донгена и иже с ними.

Мода современности ведет к признанию красоты в удлиненном, как бы вытянутом теле человека, особенно женщины, – явно городском, хрупком, слабом, не приспособленном к физической работе, успешному деторождению и обладающем малыми резервами сил. И опять появляются "гордые" рахитичные лбы, непомерно высокие от отступающих назад жидковатых волос, некрасиво выпуклые, с вдавленной под лоб переносицей. И опять идеальный женский рост в 157–160 сантиметров сменяется "городским" в 170–175, как бы специально для контраста со странами, где у бедно живущих народов "экономный" женский рост в среднем около 150 сантиметров»[1].

Э. Мунк «Крик». 1893.
Картина Мунка «Крик» – один из столпов современной европейской культуры. Но если к ней внимательно присмотреться, то у героя знаменитого полотна найдешь все признаки вырождения

Раз уж мы коснулись современности, вспомним и идеал нынешних творцов моды: чтобы рост был как в одном современном кино «от 180 и выше», «ноги от зубов», чтобы тощая и с маленькой грудью. Слава богу, хоть вышла из моды легендарная «Твигги» («веточка») – совершенно безгрудая, изможденная, с тонкими ручками подростка. А между тем сотни девушек умерли от голода и недоедания, чтобы уподобиться своему идеалу.

Но ведь и кукольный образ Барби не намного полезнее. Равно как и тот образ «красоты», который навязывается телевизором, бесконечными конкурсами красоты и выборами «мисс-чего-тотам», давно получившими в глубинке название «конкурс мисок».

Может, и правы наши бабки, когда брюзжат: мол, утверждается какой-то нездоровый идеал женщины, плоскоживотый и узкобедрый. Типаж женщины мало жизнеспособной, не энергичной. Которая ни детей не родит здоровых, ни домашнего хозяйства не потянет.

---

[1] *Ефремов И. А.* Лезвие бритвы. М., 2006.

Истребление красивых женщин

Не будем забывать, что генофонд Европы был чудовищно обеднен инквизицией. Общее число ведьм, сожженных инквизицией с XIII по XIX век, называют: от «всего» миллиона до «целых» 15 миллионов[1]. Даже «всего миллион» – это невероятно много при тогдашнем малолюдстве. А ведь убивали в первую очередь тех, кто красивее и интереснее. Опять обратимся к Ивану Ефремову:

«...Страшный миф европейского позднего Средневековья, словно отрезанный от всей просторной и прекрасной земли, тонувшей во мгле отравленного злобой, страхом, подозрениями религиозного тумана. Тесные города, где в ужасной скученности и грязи жило стиснутое крепостными стенами рахитичное население, променявшее чистый воздух полей на нездоровую безопасность. Но в полях обитатели небольших деревень тоже жили под вечным страхом грабежей, внезапных поборов, голода от частых неурожаев. Запуганные люди находились в жестоких клещах военных феодалов и отцов церкви, более мстительных, изворотливых и дальновидных, чем владетельные сеньоры. Непрерывные угрозы всяческих кар за непослушание и вольнодумство сыпались от власти светской и духовной на головы, склонявшиеся в покорности. Ужасные муки ада, придуманные больным воображением, сонмы чертей и злых духов незримо витали над психикой легковерных и невежественных народов, давя ее неснимаемым бременем.

Как психологу, Гирину была совершенно ясна неизбежность возникновения массовых психических заболеваний. Деспотизм воспитания семьи и церкви превращал детей в фанатиков-параноиков. Плохая, нищая жизнь в условиях постоянного запугивания вызывала истерические психозы, то есть расщепление сознания и подсознания, когда человек в моменты подавления сознательного в психике мог совершать самые нелепые поступки, воображать себя кем угодно, приобретал нечувствительность к боли, был одержим галлюцинациями. Необыкновенное число паралитиков было среди мужчин. Психические параличи... были попыткой бессознательного спасения от окружающей гнусной обстановки. Но еще тяжелее была участь женщин.

[1] *Григулевич И. Р.* Инквизиция. М., 1970.

Я. Люкейн «Сожжение ведьм и колдунов». Гравюра.
Эта волна безумия каким-то чудом мало затронула Московию и Россию. Наверное потому, что мы не склонны были объявлять ведьмой каждую простолюдинку, собирающую в лесу целебные травы или моющуюся чаще одного раза в полгода

Вообще более склонные к истерии, чем мужчины, вследствие неснимаемой ответственности за детей, за семью, женщины еще больше страдали от плохих условий жизни. Беспощадная мстительность бога и церкви, невозможность избежать греха в бедности давили на и без того угнетенную психику, нарушая нормальное равновесие и взаимодействие между сознательной и подсознательной сторонами мышления.

Заболевания разными формами истерии неминуемо вели несчастных женщин к гибели. Церковь и темная верующая масса всегда считали женщину существом низшим, греховным и опасным – прямое наследие древнееврейской религии с ее учением о первородном грехе и проклятии Евы. Кострами и пытками церковь пыталась искоренить ею же самой порожденную болезнь. Чем страшнее действовала инквизиция, тем больше множились массовые психозы, рос страх перед ведьмами в мутной атмосфере чудовищных слухов, сплетен и доносов... Чем умнее и красивее была женщина, тем больше было у нее шансов погибнуть в страшных церковных застенках, ибо красота и ум всегда привлекают внимание, всегда выделяются и падают жертвой злобы, вызываемой ими в низких душах доносчиков и палачей...»[1]

Европейская инквизиция истребляла красоту во всех ее проявлениях, даже в произведениях искусства. А вот «дикая и грязная» Россия отношение к красоте культивировала: в обрядах, в отношениях к канонам женской красоты – во всем природная естественность считалась наиболее красивой, чем уродливые европейские заимствования. Может, поэтому и в современной Европе наши женщины титулованы как самые красивые? За что огромная благодарность нашим предкам!

---

[1] *Указ. соч.*

Глава 5

О чистоте в современном мире

Да здравствует мыло душистое
И полотенце пушистое!

К. Чуковский

Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза, и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнется разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах.

М. Булгаков. *«Собачье сердце»*

Города современной Европы

Говоря о «российской немытости», часто имеют в виду мусор на улицах, грязные лифты и слово из трех букв на заборах. О виде наших городов и поселений в прошлом уже говорилось выше. Что касается настоящего, то действительно, есть места на земном шаре, где подобных явлений крайне мало. Это – милые маленькие городки Германии, Италии или Англии. Правда, в Англии есть свой Ливерпуль, в Италии – довольно дурно пахнущая Венеция, не говоря уже о Неаполе.

В больших городах Европы непременно есть кварталы, в которых чисто и приятно пахнет. Но выйдите за пределы этого «почти рая», и у вас будут совершенно другие впечатления. Центр Парижа красив, чист и вымыт, здесь всегда толпы туристов и множество уютных кафешек. Но не бойтесь – отойдите подальше от Эй-

фелевой башни... Разрисованные граффити стены, кучи мусора, ругань, зловоние. В столице объединенной Европы – Брюсселе приемлем для человеческого взгляда центр, все остальное – это мрачные каменные джунгли. И то же самое в любом крупном западном городе.

Поскольку мне посчастливилось побывать во многих странах, не могу не удержаться от рассказа о личных наблюдениях. Да, впрочем, что рассказывать, многие у нас сейчас имеют возможность поездить по миру и сравнить. Например, лондонский Ист-Энд будет куда погрязнее московского Бирюлево. А, попав в арабские кварталы Парижа, вам станет страшно не просто за чистоту своих туфель, но и как минимум за кошелек. Воскресная прогулка по древнему Неаполю просто повергла меня в шок. Я, конечно, предполагал, что итальянцы, особенно южные, скажем помягче, не совсем прямые наследники Октавиана, Брута и Марка Аврелия... Но чтобы СОВСЕМ не убирать мусор в выходной день на центральных улицах крупнейшего туристического города... Может, это, была какая-то очередная «итальянская забастовка»?

Америка? Говоря про Америку, нужно помнить не только о Wall Street, но и о Гарлемах, Бронксах и метро Нью-Йорка. До сих пор храню в архиве свою фотографию в центре Нью-Йорка на груде мусора высотой в человеческий рост... прямо под гордой вывеской «Broadway».

Если уж мы говорим о грязи в городах, то давайте вспомним и о фавелах Южной Америки[1], о восточных гетто, получивших название «бидонвиль», то есть «город из бидонов». Дома в бидонвилях строятся из старых ящиков, из бочек из-под горючего и разве что не из картонных коробок. Что уж тут говорить о Китае, Египте или Индии, где несчастные нищие тысячами тысяч живут просто на тротуарах улиц на расстеленных дерюжках. Никогда не забуду, как впервые попал в Индию. Самолет приземлился в Мумбае (Бомбее), крупнейшем и богатейшем го-

[1] В Рио-де-Жанейро экскурсовод даже днем НАОТРЕЗ отказался везти нас в фавелы – бедные районы Рио. За любые деньги. «Туда служебной инструкцией запрещено заезжать даже полицейским машинам, если машина одна», – шептал он. Так что скопище хижин без воды, канализации, электричества и газа, где живет пара-тройка миллионов человек, мы наблюдали со стороны.

роде Индии. Дорога на машине из аэропорта в центр долгая, больше часа. И весь этот час, к своему ужасу, мы наблюдали из окон авто одну и ту же картину: вдоль всей трассы, широкой и шумной, примерно как наша Шереметьево-Москва – на обочинах по обе стороны живут (!) люди. Иногда в микродомиках из картонных коробок, иногда соорудив себе ширмочки из тряпок, а порой просто расстелив на пыльной обочине какие-то тряпки– спят, сидят, торгуют, что-то мастерят. Тысячи и тысячи. «Это не наши, это приезжие, в основном из Бангладеш», – стыдливо обяснял нам гид.

Автор на Бродвее (центр Манхэттена, Нью-Йорк). Московскую мэрию можно и нужно критиковать, но таких куч мусора на Тверской вы не увидите никогда

Кто не верит – рекомендую посмотреть отличный индийский фильм «Миллионер из трущоб», там прелести Мумбая живописуются со всем голливудским смаком.

Конечно, будем самокритичны: сравнивать наши мегаполисы нужно и должно не с Бомбеем, Каиром и Рио-де-Жанейро, а с Лондоном и Парижем. И их брать за ориентир. Но все равно, если проанализировать положение дел объективно, то российские города даже сегодня предстают, конечно, если и не самыми благополучными на планете, то уж, по крайней мере, в числе благополучных.

Гигиена современной Европы

Еще в XIX веке немцев приходилось уговаривать и чуть ли не заставлять мыться. Солдату в прусской армии вручали трусы и два кисета: с табаком и с зубным порошком. Армия учила носить белье, умываться и чистить зубы. В 1883 году на всю (!) Германию было 223 бани.

Квартиры с ванными появились в Европе только в 60-е годы XX века, а походы в бани хоть в общественные, хоть в экзотические типа саун, русских бань, терм и хамамов являются редкостью и в наши дни. Но, конечно же, сейчас на Западе есть и ванны, и души, и биде, и джакузи в огромном количестве, царский ассортимент всевозможных средств гигиены, моющих и чистящих средств, туалетная бумага в каждом общественном туалете и многие другие «достижения культуры».

Но даже в XXI веке Россия не уступает Европе в чистоплотности.

Потому что в России всегда, и в советские времена особенно, культ чистоты и гигиены поддерживался с особой настойчивостью. На государственном уровне.

Строки из стихотворения Маяковского про мальчика, который любит мыло и зубной порошок воспитывали не одно поколение советских детей. Кто не знает «Мойдодыра» К. Чуковского? А ведь это – пропаганда здорового образа жизни, ориентированная на детей.

Кто из советских людей не видел плаката «Мойте руки перед едой»? Такие плакаты висели и в школьных столовых, и в поликлинике, и только что не в ресторанах. И сегодня парня, который не умывается и не чистит зубы каждый день, будут считать в лучшем случае непонятным, а то и неприятным чудаком.

Что касается бань — до сих пор это любимая народная традиция. Даже урбанизированные городские жители выбираются на дачи или к старикам в деревни, где баня есть обязательно. Если не у себя, то у друзей или соседей. Уж не говоря о том, что и городские общие бани не пустуют, хоть в каждой квартире есть домашняя ванна или душевая[1]. Впрочем, нам далеко до былого роскошества предков. Посол английской королевы Елизаветы Джильс Флетчер оставил такое свидетельство о русских XVI сто-

[1] Кто не верит, добро пожаловать вечером в Сандуны. Только лучше приезжайте не позже 7 вечера, а то в огромных сандуновских банях места вам может не достаться. И это при том, что билет туда, мягко говоря, совсем не дешев: от 500 руб. на 2 ч.

летия: *«Они ходят два или три раза в неделю в баню, которая служит им вместо всяких лекарств»*[1].

У кого лучше генетика?

> Многие из русских доживают до 80, 100, 120 лет, и только в старости знакомы с болезнями.
>
> Якоб Маржерет
> *«Состояние Российской державы...»*

> Многие [русские] доживают до глубокой старости, не испытав никогда и никакой болезни. Там можно видеть сохранивших всю силу семидесятилетних стариков, с такой крепостью в мускулистых руках, что выносят работу вовсе не под силу нашим молодым людям.
>
> Августин фон Мейерберг
> *«Путешествие в Московию»*

Не самая лучшая традиция русских девушек – охотно выходить замуж за иностранцев. Но вот обратный вопрос: а почему иностранцы так охотно женятся на русских? Одна причина очевидна: русские женщины хозяйственны, заботливы, преданны семье. Вторая не так заметна, но и она тоже есть: наши предки, благодаря своей чистоплотности в том числе, оставили нам в наследство прекрасные гены и здоровье[2].

В наследство от предков россиянам достался хороший, надежный генотип, а это – основа здоровья. О том, что наши предки

---

[1] *Флетчер Д.* Указ. соч.

[2] В конце 1990 гг. американские ученые, по заказу общественной организации March of Dimes, по заказу Всемирной Организации Здравоохранения при ЮНЕСКО, провели в 193 странах мира уникальное исследование распространенности врожденных медицинских пороков. В исследованиях учитывались пороки генетической или частично генетической природы. Общие выводы специ-

были крепкими физически и доживали до ста лет, свидетельствуют документы XIV–XVII веков.

Россия XVII–XVIII веков славилась своими долгожителями. Много их и сегодня. Ужасно, что при такой генетике продолжительность жизни россиян в последние десятилетия крайне низка и отстает от многих развитых стран. По данным Госкомстата, в начале XXI века мужчины в России живут в среднем 60 лет, женщины – 72 года. Тогда как в США мужчины живут в среднем 73 года а женщины – 79 лет. Однако в современной России, увы, это проблема не гигиены, а совершенно других факторов. Об этом, впрочем, лучше поговорить отдельно.

Что поддерживает стереотип?

Возникает естественный вопрос: почему же так глубоко укоренился стереотип чистенькой, аккуратной Европы и нечистоплотной России? Разница – в отношении к своему культурному и историческому наследию. В конечном счете – к самим себе.

В европейском кинематографе вы крайне редко найдете реалистические картины улиц и предместий. Образ «прекрасной Европы» культивируется всеми средствами как художественного, так и документального кинематографа. Поддерживается этот образ и всеми СМИ.

Возьмите любой фильм, где показывается Париж, – будь то художественный или документальный. Никогда в нем не пока-

---

алистов March of Dimes: в целом по миру каждый шестнадцатый новорожденный имеет серьезные генетические отклонения.

Результаты исследования показали, что генетическое здоровье нации в России до сих пор остается одним из лучших в мире. Число врожденных дефектов на тысячу детей, появившихся на свет в нашей стране, оказалось равным примерно 42,9 %. По этому, безусловно, невеселому показателю мы занимаем пятое место в мире. Среди постсоветских стран худшие показатели у Таджикистана (75,2 %) и Киргизии (73,5 %). Девяносто процентов детей с врожденными недугами появляются на свет в странах со средним и низким уровнем развития. Показательно, что США с их хваленой медициной и модой на здоровый образ жизни оказались лишь на 20 месте, уступив своей южной соседке Кубе. *(Прим. науч. ред.)*

жут город таким, как он есть. Разве что если речь будет идти о Париже глубокого прошлого[1]. Париж во всех фильмах обязательно должен выглядеть чистым, прилизанным, как переводная картинка.

Мы поступаем наоборот: с особым рвением везде демонстрируем наши кучи мусора. Просто неймется нам без этих куч. Даже если и никакой сценарной необходимости вроде бы нет, обязательно мы их покажем! В результате Париж всегда выглядит лучше, чем есть на самом деле. А Москва даже в одном из лучших наших кинофильмов «Москва слезам не верит» – хуже, чем она есть: грязнее, захламленнее, провинциальнее. Я еще раз напомню про фильм «Окно в Париж», где образ России не просто искажен – он карикатурно ужасен.

Так же нелепа грязная Россия в «Алтын-толобасе» Б. Акунина, где два поколения Ван Дорнов – Фандориных, в XVII и в XX веках, начинают цивилизовывать эту нечистоплотную и вороватую страну.

Не могу тут снова не процитировать Джеймса Александера – не придуманного литературного героя, а реального британского путешественника по николаевской России.

Очень подробно Александер описывает быт, деревни, как одеты крестьяне, крестьянки, вплоть до того, в какие игры играют дети. Удивительным кажется нам сегодня следующее его описание: «*В общем, русские мужики выглядят довольными и счастливыми, живут в достаточно удобных домах с застекленными окнами, а я-то ошибочно полагал, что увижу дыры, закрытые ставнями*». В другом месте англичанин отмечает, что в зажиточных деревнях избы бывают двухэтажными и с мебелью... из красного дерева!

Путешествуя по Малороссии, Александер особо отмечает чистоту на хуторах и в хатах, в которых он сам лично ночевал. Он пишет: «*Внутри украинские хаты выглядят весьма приятно: отполированные сосновые столы и стулья блестят, подобно зер-*

[1] Лично я видел только несколько таких фильмов: исторические – «Парфюмер», «Королева Марго» и сюрреалистичный фильм будущего Парижа – «Тринадцатый район».

калам, горки подушек покрыты белыми и красными накидками». Это не дворянские дома, напомню, это крестьянские хаты. *«Здешние мужики имеют добродушный вид, они курят трубки. Местные женщины выглядят очень аккуратно».*

Тут же он сравнивает со своим слугой-шведом и говорит, что на фоне чистых и гостеприимных малороссов тот его особенно бесил. «Вечно пьяный и беспомощный мой швед вызывал у меня постоянно ужасное раздражение».

«В отличие от некоторых путешественников, которые не видят в России ничего положительного и находят удовольствие в том, чтобы жаловаться на отсутствие удобств (тогда лучше бы им сидеть дома и не ездить за границу и глядеть вокруг через очки предубеждения) отмечу, что на каждой станции (а он, напомню, проехал через всю Россию: Петербург – Москва – Крым и обратно. – В.М.) мы утоляли голод в трактирах не только вкусными, но и хорошо подаваемыми блюдами». Цивилизация!

И это пишет поездивший по Европе рафинированный молодой человек из высшего британского общества!

А у нас – если не «Алтын-Толобас», то «Окно в Париж».

Тем самым у любого критика Франции не оказывается аргументов. А любой критик России получает их с избытком – от нас же самих. Мы сами позволяем зарубежным «мифотворцам» создавать карикатурные образы «типичного русского пейзажа». Мы с благоговением продолжаем оглядываться на Запад и соглашаться с тезисом о «более культурной и цивилизованной Европе».

Мало что изменилось с тех времен, когда классик подметил эту нашу отвратительную особенность – склонность к идеализации всего иностранного:

В той комнате незначащая встреча:
Французик из Бордо, надсаживая грудь,
Собрал вокруг себя род веча
И сказывал, как снаряжался в путь
В Россию, к варварам, со страхом и слезами;
Приехал – и нашел, что ласкам нет конца;

Часть V. Миф о русской грязи

Ни звука русского, ни русского лица
Не встретил...[1]

Век от века мы отворачиваемся от своего родного и начинаем верить в то, что мы погрязли... в грязи ли, в невежестве ли – не важно. Важно то, что отрицание родного и идеализация чужого – искажают национальное самосознание, порождают чувство безнадежности, неверия в свои собственные силы, исторической бесперспективности «немытой России».

[1] *Грибоедов А. С.* Горе от ума. М.: Худлит, 1974.

Часть VI

Миф о царской России – «тюрьме народов», или Немного о «национальном вопросе»

Миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов».

В. И. Ленин

Глава 1

Истоки мифа

Российская империя – тюрьма,
Но за границей та же кутерьма.

А. Вознесенский
«Юнона и Авось»

Сначала был тезис о тюрьме...

О том, что царская, точнее имперская многонациональная Россия была «тюрьмой народов», не слышал разве что глухой. Эту глупость повторяли и повторяют так часто, что она запоминается и становится уже некой аксиомой, фактом, не требующим доказательств.

В Интернете я насчитал несколько сотен текстов, где сочетание слов «тюрьма народов» упоминалось в связи с Россией или СССР. Народ спорит в основном о том, был ли «тюрьмой народов СССР» или же все-таки этим грешила именно царская Россия. Мнения представлены самые разные, имеет место и такое, что «тюрьмой народов» были и Российская империя, и СССР.

Какая, мол, разница, везде присутствовали и «великодержавный шовинизм» «титульной нации»[1], и повсеместное угнетение «колонизированных» народов.

Те, кто немного знают историю русского Средневековья, добавят: мол, все эти «гей-славяне», уйдя с исторической родины – Днепра на северо-восток, сначала колонизировали

[1] Термин, возрожденный в обиходе с легкой руки Владимира Владимировича Путина.

«исконно финно-угорские» земли (Москва – Владимир – Новгород), а потом разлились широкой московитской лавой, пожирая и подминая под себя несчастных угров, пермяков, татар, башкир, якутов, калмыков, народы Сибири и Севера, затем – поляков, финнов, крымчаков, кавказцев и жителей Средней Азии.

Скажут, что, мол, «колонизаторская политика царизма» отличалась от колониальной политики, скажем, Британской империи лишь тем, что англичане несли «свет на штыках своих винтовок» по морю, на кораблях своего непобедимого флота, а русские «чудо-богатыри» – посуху. Такое у нас было географическое положение. Благоприятное. Пешочком дошли от Берлина до Камчатки. Еще переехали на русских санках через Берингов пролив на Аляску и спустились фортами-колониями вниз, аж до Калифорнии. И не будь моря-окияна (Тихого, в смысле) и связанных с этим трудностей с поддержанием коммуникаций русской метрополии с русскими «американскими» колониями, так и засели бы там навсегда. Ох, натерпелись бы тогда от русского разбойника-казака местные индейцы, ох, наплакались бы горючими слезами.

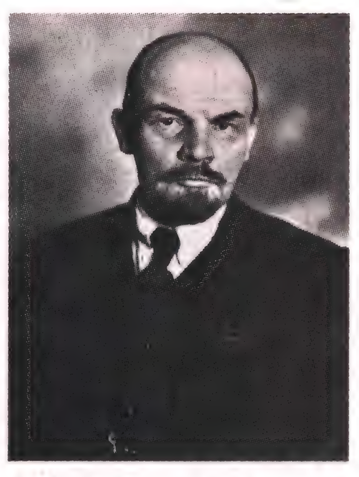
Побежали бы на восток, через Гранд-каньон – в благородную Новую Англию, где демократически и на рыночных началах[1] строили свои отношения с местным населением англо-французские колонисты.

А еще народ спорит, кто ввел в публицистику эту мрачную метафору «Россия – тюрьма народов».

Большинство уверены, что это сделал Ленин в статье «О национальной гордости великороссов». Как часто бывает, многих этот факт устраивает. Ленин для них – неопровержимый первоисточник всего. Наше все. Прямо как Пушкин.

---

[1] А как же – никаких аннексий и контрибуций, все по согласию. Так действовали английские и французские поселенцы в Америке. Ведь не воровали, не захватывали ничего насильно. Приглянулся им остров Манхэттен, удобная бухта для торговых судов, и КУПИЛИ у наивных вождей краснокожих. Точнее, поменяли, взяли по бартеру, так сказать. Кажется, «обменяли» остров, где сейчас находится центр Нью-Йорка, на связку стеклянных цветных бус.

В. И. Ленин.
Владимир Ильич ловко перефразировал Маркса, который, в свою очередь, позаимствовал звучную фразу у Астольфа де Кюстина. Так появился штамп «Россия – тюрьма народов»

Что ж, Ленин действительно написал такую статью, опубликовав ее в декабре 1914 года в газете «Социал-демократ»[1]. Однако в ней слов про тюрьму народов не было. Ленин использовал это определение примерно в это же время, но в другой статье: «К вопросу о национальной политике». Собственно говоря, это даже не статья, а рукопись, к тому же сохранившаяся не полностью.

Рукопись «К вопросу о национальной политике» является наброском речи, с которой должен был выступить в IV Государственной думе большевистский депутат Г. И. Петровский. Впрочем, произнести эту речь ему так и не удалось в связи с изгнанием из Думы левых депутатов 22 апреля (5 мая) 1914 года. Рукопись проекта речи сохранилась не полностью.

В этот период В. И. Ленин неформально руководил большевистской фракцией IV Государственной думы. При пересечении границы империи Ульянову грозил арест, поэтому роль «серого кардинала» фракции он исполнял то из Цюриха, то из Лондона.

Ленин направлял деятельность депутатов-большевиков, регулярно переписывался и встречался с ними, давал им советы по любому поводу, и, как видите, даже составлял тезисы выступлений. Чтобы народные избранники не «пороли», как говорится, излишней отсебятины.

Тем, кто рассуждает о «тюрьме народов», обычно невдомек, что впервые назвал Россию «тюрьмой» французский писатель и путешественник маркиз Астольф де Кюстин (1790–1857).

---

[1] О национальной гордости великороссов // Социал-демократ. № 35. 12 декабря 1914 г.

Астольф де Кюстин.
«Вся Россия – тюрьма, – писал французский аристократ, – ключ от которой хранится у императора». Николай I, «как честный офицер», был столь потрясен неблагодарностью француза, что не нашел ничего лучшего, чем запретить его книги о России. Чем сильно добавил ему популярности в кругах отечественной интеллигенции

Книга Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» впервые увидела свет в Париже. На русский язык ее не переводили до XX века, но французским языком в царской России владело все дворянство (даже лучше, чем родным русским) и все образованные люди того времени (гораздо совершеннее, чем в наше время – английским). Из этого опуса российский читатель узнал много любопытного о своей стране. Оказалось, что *«сколь ни необъятна эта империя, она не что иное, как тюрьма, ключ от которой хранится у императора»*[1]. Вот и получается, что поскольку у Николая I хранятся ключи от тюрьмы, то кто он? Правильно! Он – «тюремщик одной шестой земного шара».

Наша интеллигенция с упоением начала повторять почти готовые афоризмы: «Россия – тюрьма», «Император – тюремщик России». Не участвовать в легком интеллектуальном диссидентстве было, конечно же, очень неинтеллигентно. Благодаря частому повторению и постоянному цитированию, образ России как «тюрьмы» вошел в русский язык в качестве метафоры.

При этом де Кюстин *вообще ничего не говорил о межнациональных отношениях*. Тем более он не осуждал угнетения нерусских народов империи да, похоже, и ничего о таком положении не знал. Если учесть, что маркиз просто с упоением хватался за любую, даже самую незначительную возможность сказать о России хоть какую-нибудь гадость, это очень характерно. Если уж Кюстин ничего не сказал о национальной политике Российской

[1] *Кюстин А.* Россия в 1839 году. М., 2000.

империи, значит, действительно не нашел, к чему прицепиться. А мужчина он был въедливый.

Удивительно, но к самому русскому народу – в смысле к простонародью, маркиз относится очень неплохо.

«Национальное для общества, – не устает повторять он,— то же, что природное для местности; существуют первобытная краса, сила и безыскусность, которые ничто не может заменить»[1]. Может, и тут дело не столько в политике, сколько, скажем так, – в чисто физических характеристиках народа?

То-то он с откровенным восторгом живописует именно ВНЕШНОСТЬ крестьян. Ни культуры, ни психологии, ни поведения – ничего этого, не зная русского языка, он не ведает. Но с удовольствием описывает «античные» профили крестьян, их мускулистые тела и «восточную негу» крестьянок.

Говоря о «России – тюрьме», Кюстин имел в виду не национальное угнетение, а подчиненное, по его мнению, униженное положение всех народов и сословий, находящихся под властью российского императора. Он говорил об отсутствии в России гражданского общества и независимого общественного мнения, способного противостоять воле монарха. О колоссальной власти Николая, которая по своей необъятности приближалась к власти турецкого султана или персидского шаха.

Кюстину, как никому другому, удалось создать яркий и по-своему публицистически талантливый образ гигантской империи страха, – страны, где человек полностью беззащитен перед государственной машиной. *«Российская империя,* – пишет он, – *это лагерная дисциплина вместо государственного устройства, это осадное положение, возведенное в ранг нормального состояния общества»*. Через всю книгу лейтмотивом проходит тема страха перед Сибирью, хотя, признается автор, *«и сама Сибирь – та же Россия, только еще страшнее»*[2].

---

[1] *Кюстин А.* Россия в 1839 году. М., 2000.

[2] *Указ. соч.*

С пафосом, достойным Радищева, Некрасова и Чернышевского, он описывает положение крепостных крестьян, всеобщее бесправие и откровенную полицейскую слежку. «В России, – говорит Кюстин[1], – я стал демократом».

После него про «Россию как громадную тюрьму» говорили и Герцен, и другие «борцы за народное дело». Примерно в тех же выражениях высказывался о России и русских и один из самых известных русофобов XIX века – господин Карл Маркс.

Вполне в духе Кюстина писал о русских Н. Г. Чернышевский: *«Жалкая нация... Нация рабов, — снизу доверху, все сплошь рабы»*[2]. Роман Чернышевского «Пролог» давно и безнадежно забыт. Но эту фразу о «рабах» вспоминают регулярно.

Джинн вылетел из бутылки

Вольно цитируя де Кюстина-Герцена-Маркса, Ленин был очень конкретен. Он говорил именно о национальной политике царизма, имея в виду угнетение нерусских народов в России.

По его мнению, тирания царизма по отношению к этим народам делает нерусских подданных все более революционными: *«Запрещение чествования Шевченко было такой превосходной... мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя... После этой меры миллионы... "обывателей" стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть "тюрьма народов" »*[3].

---

[1] Кстати, в Европе А. де Кюстин считался известным монархистом, его семья, аристократического рода, жестоко пострадала в годы Великой французской революции. Это и послужило одной из причин, почему именно его пригласил «за бюджетный счет» сам император Николай Павлович написать книгу о России. Увы, Николай I жестоко просчитался. И Россия, и он сам – все французскому писателю очень не понравилось.

[2] *Чернышевский Н. Г.* Пролог. Полн. собр. соч. Т. XIII. 1949.

[3] *Зиновьев Г., Ленин В.* Против течения. Сб. статей. Изд. Петр. Совета, 1918. С. 33.

И пошло! Про «тюрьму народов» большевики стали говорить не в переносном смысле слова. Вся дальнейшая национальная политика – это истовое рвение «освободить из этой тюрьмы заключенных», т. е. огромное количество национальных этносов. Вернее, все национальные образования, от самых малочисленных. Причем обычно ценой одного, самого многочисленного этноса – русских.

Это были не просто слова. Подкладка у тезиса – самая кровавая. Тезис накладывался на терроризм сепаратистов. Летом 1905 года во главе боевой организации Польской социалистической партии встал Юзеф Пилсудский, и начался террор против представителей российской администрации. Было совершено покушение на варшавского генерал-губернатора, последовали убийства полицейских чинов. Журнал «Эксперт» писал[1], что еще перед русско-японской войной Пилсудский ездил в Токио с предложением сформировать польский легион для японской армии, организовать шпионскую службу и диверсионные отряды для взрыва мостов в Сибири. Взамен просил у японцев оружие, снаряжение, деньги и гарантии, что при заключении мирного договора с Россией Япония потребует предоставления Польше независимости.

В Финляндии сепаратистами был убит генерал-губернатор Бобриков[2].

В Закавказье при подстрекательстве «революционеров» кавказской национальности (это если кому не икается называть этим овеянным романтикой словом банальных бандитов, убийц и воров-«экспроприаторов», самый известный из которых впоследствии возьмет себе звучный «русский» партийный псевдоним – СТАЛИН) в начале войны состоялся ряд манифестаций с

[1] Эксперт. – 2008. – № 1.

[2] Кто бы мог сегодня представить, глядя на мирных и, как нам почему-то кажется, слегка заторможенных финнов, что сто с небольшим лет назад в самой привилегированной «конституционной» российской провинции – Княжестве Финляндском действовали самые настоящие местные террористы. А вы говорите, горячие финские парни бывают только в анекдотах...

На этом фото — еще не «отец народов» Сталин, а бандит-«экспроприатор» Джугашвили

требованиями независимости от России.

Все эти зерна дадут обильный урожай в 1917 году.

В советское время выражение «тюрьма народов» в кавычки брали далеко не всегда. Перечислять статьи и книги, где всячески обыгрывается эта фраза, можно долго. Лучше я приведу обширную цитату из очень типичного произведения.

«Россия являлась не только страной помещичье-капиталистической эксплуатации, но и страной национального гнета, ***тюрьмой народов****. Все нерусские национальности подвергались в ней дискриминации, находились в условиях угнетения, бесправия и нищеты. Национальные окраины почти не имели никакой промышленности. Культура народов подвергалась всяческим гонениям и притеснениям. Условия жизни народных масс были крайне тяжелыми.*

Царское правительство умышленно проводило политику вражды и розни между народами, политику шовинизма. В осуществлении этой политики заодно с русскими помещиками и капиталистами участвовали баи, манапы, беки и другие реакционные силы угнетенных национальностей...

Буржуазно-помещичья тюрьма народов *была ненавистна и нерусским национальностям, и основным массам русского народа. Национальное угнетение, по образному выражению В. И. Ленина, представляло собой палку о двух концах: одним она била порабощенные народы, другим – русский народ»*[1].

В материалах для партийной учебы рассказ о царизме как «тюрьме народов» выражен еще проще и прямолинейнее:

«III. ***Царская Россия – тюрьма народов:***

[1] *Матюшкин Н.* В. И. Ленин о дружбе народов. М.: Знание, 1954.

а) царская политика разжигания национальной вражды (еврейские погромы, татаро-армянская резня в Закавказье);

б) преследование языков нерусских народностей, политика насильственного их "обрусения"»[1].

Не надо рассуждать и думать. Просто отвечайте на вопрос: как именно царизм проводил обрусение нерусских народов империи и как «царские сатрапы» организовывали «татаро-армянскую резню» в Закавказье?

Удивительное дело: но тут позиции официальной советской идеологии полностью совпадали с 90 % так называемых диссидентов. Некий Шрагин писал в своей самиздатовской статье: *«Была ли Россия "жандармом Европы"? – А разве нет? Была ли она "тюрьмой народов" – у кого достанет совести это отрицать? Били ли ее непрерывно за отсталость и шапкозакидательство? – Факт»*[2].

Немецкий плакат времен Великой Отечественной войны «Кавказ будет свободным».
Нацистская пропаганда наивно полагала, что потомки Шамиля спят и видят, как сбросить «русских поработителей» и водрузить над «Свободным Кавказом» имперский штандарт III Рейха

Различия в государственной и диссидентской оценках, конечно, существовали. Например, официальная советская историография никогда не называла «тюрьмой народов» СССР, в отличие от диссидентской литературы, которая не видела разницы между царскими сатрапами и большевиками.

Десятки лет такого воспитания и дали как результат тысячи упоминаний «тюрьмы народов» в современном Интернете, с одним существенным добавлением: теперь называть «тюрьмой народов» и СССР в том числе сделалось «идеологически»

[1] В помощь партучебе. – 1938. – № 34.

[2] Цит. по кн.: *Шафаревич И. Р.* Русофобия. Собр. соч. в 3 т. Т. 1. М., 1994.

безопасно. И даже правильно. Кто виноват в Чечне? Сами виноваты! Коммунисты и комиссары – в первую очередь. Притесняли малые народы, унижали, переселяли в вагонах-теплушках целые народы в Сибирь и Казахстан, в общем, душили-душили – и вот он, ответный взрыв национализма! Знакомые рассуждения?

Да, не одни русские говорят о «тюрьме народов». В пору «перестройки» про эту зловещую темницу заголосили во всех республиках, националисты и демократы всех оттенков. До сих пор успокоиться не могут...

Определение понравилось и за границей, его стали применять задолго до падения советской власти.

«Даже если признать, что La Russie en 1839 (имеется в виду книга де Кюстина. – В. М.) была не очень хорошей книгой о России в 1839 г., – пишет бывший посол США в России Джордж Кеннан, – мы сталкиваемся с поразительным фактом: она оказалась прекрасной, едва ли не вообще лучшей книгой о России эпохи Иосифа Сталина и неплохой книгой о России эпохи Брежнева и Косыгина»[1]. Что ж, раз Россия при Брежневе не отличается от России времен Николая I, значит и она тоже – «тюрьма народов».

Дж. Кеннан был в числе тех, кто считал: помочь освободиться «плененным народам», заключенным в камеры тюрьмы, – благое дело.

Уинстон Черчилль тоже полагал, что поддержка национального сепаратизма в СССР – самый лучший способ борьбы с советской властью. Он шутил порой, что «СССР – не тюрьма народов. Это коммунальная квартира народов»[2]. Надо просто расселить эту коммуналку.

Упоминали «тюрьму народов» и Збигнев Бжезинский, и Ричард Пайпс[3]. Западные аналитики были уверены, что «СССР, вне

---

[1] *Кеннан Дж.* Дипломатия Второй мировой войны. Глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002.

[2] *Черчилль У.* Мировой кризис. Автобиография. Речи. М., 2003. – Ай, молодца! Что значит – профессиональный дипломат! И вроде даже изящно «защитил» «старую Россию», а все – вывод один!

[3] *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993.

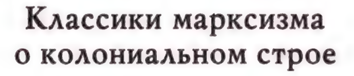
всякого сомнения, не новое государство, а территориальное расширение Российской республики»[1].

И что, имея дело с СССР, мир сталкивается с новым видом колониализма[2].

Конечно же и в бывших советских национальных республиках, а ныне независимых государствах, не обошлось без байки про «тюрьму народов». Представление о русском колониализме лучше всего помогало обосновать претензии на независимость и «доказывало», какие хорошие люди исконно жили именно в этой республике и какие плохие оказались русские «пришельцы»[3].

Уинстон Черчилль.
Как-то уже совсем в преклонном возрасте Черчилль гостил на яхте одного американского «олигарха». Гостей на палубе было много, и, развалившись в кресле с сигарой, сэр Уинстон поманил пальцем какого-то молодого стюарда в белом пиджаке и распорядился сбегать на кухню за шампанским. «Слушаюсь, сэр!» – юноша, не задумываясь, молнией метнулся за бутылкой. Через несколько лет «стюард» (его звали Джон Кеннеди) станет президентом США

Классики марксизма о колониальном строе

Самое интересное в этой истории то, что представление о России как тюрьме народов действительно можно вывести из творений классиков марксизма. Но совсем иное, чем было у Ленина. И вообще Маркс и Ленин совершенно по-разному видели судьбу народов, покоренных колониальными державами.

С точки зрения основоположников марксизма, до мировой революции не может идти и речи об освобождении колониально зависимых стран. Страны эти «неисторические», отсталые, в них нет

---

[1] *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вермонт: Khronika press, 1984.

[2] *Авторханов А.* Империя Кремля. Советский тип колониализма. Франкфурт: Посев, 1988.

[3] *Субтельний О.* Розпад імперії та утворення національних держав: випадок України // Сучасність. – 1994. – № 12.

ни «нормальной» буржуазии, ни «качественного» сформировавшегося пролетариата. Только когда в Европе, в «центре мира», восстанет пролетариат и начнет строить счастливое коммунистическое далеко, он сможет освободить и эти неисторические неевропейские народы, помочь им преодолеть отсталость. Если читатель думает, что я преувеличиваю, отсылаю его к статьям Карла Маркса и Фридриха Энгельса, посвященным колониализму[1].

Для Маркса и Энгельса не было и не могло быть никакого особенного развития, никаких особых исторических путей, отличных от путей развития стран Европы. Если в России что-то происходит не так, как в Европе, значит, тем хуже для России. Еще одно доказательство, что Россия – отсталая и недоразвитая.

Большевики с Лениным во главе воспринимали Россию вполне в духе Карла Маркса: не как особый культурный мир, не как уникальную семью народов, а как построенную по англосаксонскому образцу колониальную «тюрьму народов». Для них это была колониальная империя окраинного европейского народа – русских, захвативших и подчинивших себе множество других, прежде всего азиатских народов. Именно так и характеризовал Россию В. И. Ленин в своей знаменитой статье «О национальной гордости великороссов». Ни о каких отличиях России от остальных колониальных империй речи в ней не идет.

Но Ленин и большевики быстро поняли, какой громадный потенциал кроется в «национально-освободительном движении». Уже в ходе Гражданской войны 1918–1922 годов они сумели блестяще разыграть крапленую национальную карту, искусственно стимулируя «центробежные силы», разогревая воображение местных национальных элит, всячески разжигая их стремление выйти из состава Российской империи и, соответственно, безраздельно завладеть властью и — ГЛАВНОЕ (!) — собственностью на «своих территориях».

Белые хотели восстановления империи[2] и потому все время вступали в конфликт с новыми национальными государствами.

---

[1] *Маркс К., Фридрих Э.* О колониализме. Сборник. Изд. 7. М.: Прогресс, 1978.

[2] Точнее, восстановления «единой и неделимой» России в государственном статусе февраля 1917 г., с перспективой Учредительного собрания, и в

Даже если новые правительства стран, входивших в Российскую империю, предлагали им помощь, белые зачастую отказывались от совместных действий против большевиков.

Например, Маннергейм был готов силами финской армии нанести удар на красный Петроград. В случае успеха независимая Финляндия могла рассчитывать на то, что в будущем громадная Россия будет ее союзником. А могучий сосед-союзник был очень нужен этой небольшой стране. Иными словами, если белые, как сделал Ленин, тоже признают независимость Финляндии, Маннергейм готов сотрудничать с белой армией. Думаю, бывшему генералу царской армии Маннергейму наверняка было бы приятнее получить независимость из рук близких ему по духу, стилю жизни, образованию, кругу общения царских генералов Деникина и Колчака, чем от «дикарей-большевиков». Но увы... увы..

Честный офицер, но слишком прямолинейный, негибкий и потому, признаем, совершенно неэффективный политик Колчак на предложение Маннергейма отвечает крайне уклончиво. По сути – отказ. Мол, давайте мы сначала разобьем большевиков, потом соберем Учредительное собрание, оно и решит вопрос о возможности (!) отделения Финляндии от России. Бывший министр иностранных дел Временного правительства Сазонов, находясь в это время в Париже, вообще запрещает Юденичу вести с Маннергеймом какие-либо переговоры о признании независимости.

А главнокомандующий белой армией Юга России генерал А. И. Деникин, всегда вежливый и толерантный, на этот раз всерьез заявляет: войдя в Москву, первым, конечно, он повесит Ле-

---

границах 1913 г. В очень «обширных» границах, к слову сказать. Россия 1913 г. – это, дорогой читатель, по территории и ресурсам 2 (две!!!) России сегодняшнего дня.

Вот что мы потеряли в результате всех этих гражданских войн, революций, бунтов «бессмысленных и беспощадных». Вот что потеряли мы, пролив реки, нет – моря и океаны крови, убивая собственных братьев и отцов, уничтожая не только сам дух, нравственность, душу русского народа, но и его природу, его генетический потенциал. Так что разрушение СССР – это не что-то новое, неожиданное, это лишь повторение на новом «качественном» уровне трагедии 1917 г., трагедии самоуничтожения великого государства.

нина и его сообщников, но вторыми-то непременно будут члены правительства независимой Финляндии.

Разумеется, после этого финны на Петроград не пошли.

И Эстония не стала воевать с большевиками, когда белые отказались признать ее независимость. Более того, потом Эстония начинает сепаратные переговоры с большевиками, а затем, получив от Троцкого–Ленина приличную сумму «кэшем», просто ударяет в спину своему вчерашнему союзнику – Северо-Западной армии генерала Юденича. Предательство Эстонией белого движения, измывательство эстонского правительства над оказавшимися на их территории русскими офицерами, концлагеря для «русских перемещенных лиц», – не буду уходить в детали, — все это довольно подробно описывается сегодня нашими историками.

На Северном Кавказе Деникин вынужден был держать особые войска, чтобы отражать постоянный сепаратистский натиск горских народов. Подробнее об этом – чуть ниже.

Только поляки из всех народов бывшей Российской империи одинаково воевали и с белыми, и с красными. Деникин считал, что это именно они помешали ему взять Москву, в решающий момент «московской операции», в октябре 1919 года[1].

А потом Польша начала войну и с большевиками...

Серьезные ученые давно обратили внимание на то, что победа красных в Гражданской войне объясняется, кроме других причин, удачной ленинской национальной политикой. На Западе иногда даже говорят: *«гениальность Ленина в том, что он уловил размах этой тяги к освобождению». Бросил «наряду с маленькой армией русских рабочих... в революционные битвы неисчислимое множество народов, жаждущих освобождения»*[2].

Однако гениальность гениальностью, а появление национальных республик, похоже, было случайностью. Во всяком случае,

---

[1] *Деникин А. И.* Кто спас советскую власть от гибели. М.: Студия «ТРИТЭ» – Российский архив, 1991.

[2] *Каррер Д'Анкос Э.* Расколотая империя. Национальный бунт в СССР. Лондон: Oversear publications interchange Ltd, 1982. С. 11.

процесс их возникновения шел стихийно, так как «классический» марксизм никакой вразумительной теории национализма не выдвинул.

«Это была ленинская импровизация, – считает профессор Георгий Дерлугьян. – *Осенью 1918 года добровольческая армия Деникина громила красных на Кубани и Тереке. Их остатки укрылись в горах Кавказа, где Киров и Орджоникидзе вступили в незаурядный диспут с исламскими авторитетами чеченцев и ингушей. В результате сравнения учений Маркса и Мухаммеда появилась удивительная фетва, признавшая дело большевиков равным джихаду за справедливость. Когда Деникину оставалась всего сотня верст до Москвы, в тыл ему ударили "красно-зеленые" партизаны Кавказа, а также украинские повстанцы Нестора Махно. Точно так же переход башкирских отрядов к большевикам подорвал наступление атамана Дутова, латышские стрелки остановили Колчака, армянские дашнаки-маузеристы обороняли Бакинскую коммуну от турок и азербайджанских мусаватистов, абхазские "киаразовцы" помогли справиться с грузинскими меньшевиками»*[1].

Историк Терри Мартин описывает СССР как «империю нацкадров»[2]. Партноменклатура де-факто централизовала государство, в то время как национальные республики де-юре делали его федеративным. Своего рода компромисс центра и периферии. Впоследствии СССР был вынужден щедро раздавать возможности для самореализации национальных элит, и благодаря этому сдерживался сепаратизм. В конце концов эта самореализация слилась с сепаратизмом.

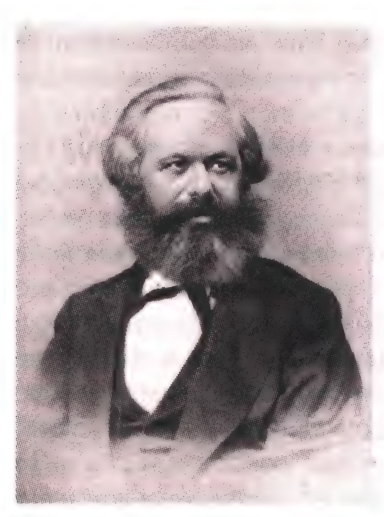
В первые годы советской власти вообще откровенно говорили о «колониальной революции» – то есть об «освободительной борьбе» нерусских народов[3]. На первый взгляд Ленин просто продолжает идеи Маркса, воплощает их в жизнь: *«Нам, представи-*

---

[1] Эксперт. – 2008. – № 1.

[2] См.: «Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). М., 2003.

[3] *Сафаров Г.* Колониальная революция (опыт Туркестана). Государственное издательство, 1921. Переиздание: Oxford: The Society for Central Asian Studies, 1985.

Карл Маркс. 1867 г.
Мало кто знает, что великий бунтарь, экономист и философ страдал настолько тяжелой формой геморроя, что половину «Капитала» был вынужден написать... стоя за конторкой. Вот откуда проистекает иногда лютая классовая ненависть

телям великодержавной нации крайнего востока Европы и доброй доли Азии, неприлично было бы забывать о громадном значении национального вопроса, особенно в такой стране, которую справедливо называют "тюрьмой народов" »[1].

Но это только на первый взгляд. По Марксу, пролетарская революция должна освободить колониальные народы.

По Ленину, они освобождаются сами, совершая колониальную революцию. Различие в этих двух «подходах» огромно.

Воистину, Ленин намного больший реалист, чем Карл Маркс! Ленин видел, что Россия чем-то разительно отличается от европейских империй. В ней что-то «не так», как в Европе. Маркс видеть этого не мог или не желал, всякое своеобразие России категорически отрицал. Россия для Маркса была не «другая», а просто «плохая», неправильная, недоразвитая.

Русских Маркс не любил и считал народом «неисторическим». Даже история средневековой Руси ему была противна. Ивана Калиту Маркс характеризовал как *«смесь татарского заплечных дел мастера, лизоблюда и верховного холопа»*[2]. Таких образных оценок у него не удостоился ни один монарх Запада, а среди них были личности совершенно жуткие.

Применительно к истории XIX века Маркс всерьез утверждал, что «ненависть к русским была и продолжает быть первой революционной страстью», и в 1848 году призывал немецких и

---

[1] *Ленин В. И.* К вопросу о национальной политике // Пролетарская революция. – 1924. – № 3.

[2] Diplomatic History of Eighteenth Century. London, 1969. P. 114.

австрийских милитаристов «растоптать нежные цветки славянской независимости». Ведь *«Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в австрийских славянских землях, и никакие фразы, никакие указания на неопределенное будущее этих земель не возбранят нам считать врагами наших врагов»*[1].

Маркс последовательно полагал цивилизацию Запада, ее исторический путь образцом, которому должны следовать все остальные страны и народы. Своеобразие этих цивилизаций воспринималось им как досадные отклонения от «нормы», как некие «атавизмы», мешающие «нормальному» развитию, как признак отсталости.

В СССР всегда считали, что ленинизм – это *«...марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, эпохи крушения колониализма и победы национально-освободительных движений, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму и строительства коммунистического общества»*[2].

Не буду спорить. Но добавлю, что ленинизм – это еще и приложение марксизма к государству, которое только очень условно можно назвать империей.

Попытку осмыслить Россию не как империю, а как ***иное*** по смыслу государство сделали уже в XX веке евразийцы. Можно ознакомиться подробно с их идеологией, для нас же сейчас главное то, что ученые, принадлежащие к школе евразийцев 1920-х годов, прежде всего историки Савицкий, Трубецкой, Вернадский, Алексеев и другие, писали: *«Россия представляет собой особый мир... Народы и люди, проживающие в пределах этого мира, способны к достижению такой степени взаимного понимания и таких форм братского сожительства, которые труднодостижимы для них в отношении народов Европы и Азии»*[3].

---

[1] *Меринг Ф.* Карл Маркс. История его жизни. Пг., 1920.

[2] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М.: Политиздат, 1970.

[3] Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.

Для евразийцев Россия состоялась как подлинная «семья народов», соединяющая нации, разные по вероисповеданию и происхождению, но близкие по культуре – от быта до политических традиций, по своей исторической судьбе.

С моей точки зрения, евразийство интересно именно в попытке увидеть Россию как многонациональное государство, но не империю. А если и империю, то «не такую», как империи Европы.

Мы же беремся показать эти отличия без какой-либо экзотической идеологии.

Глава 2

Западные колониальные империи

Большая империя, как и большой пирог, начинает крошиться с краев.

Бенджамин Франклин

Представление о том, что, если бы Россия в XIX веке вдруг решила оставить свои балтийские или польские владения, она бы превратилась в прекрасную небольшую демократию, совершенно неверно. Если бы это произошло, то Россией управлял бы кто-нибудь другой – это ведь был век империализма.

Доминик Ливен,
британский профессор

Владыки мира

Корни европейских колониальных империй следует искать в эпохе Великих географических открытий XVI–XVII веков. Уже название эпохи – сугубо евроцентрическое. Кто открывал-то мир? Европейцы. Для кого? Для себя, разумеется. У остальных народов мира могло быть совсем другое мнение о том, кто кого открывал и нужно ли было это делать.

В 1971 году вождь племени сиу Стоячий Бык прилетел на пассажирском самолете в Геную, спустился по трапу в полном боевом облачении и торжественно объявил, что он ... открывает Италию. Почему это кажется странным? Колумб ведь «открыл» Америку, в которой жили в то время 22 миллиона человек.

Приключения путешественников и завоевателей тех времен, испанских конкистадоров, французских дворян-офицеров и ан-

глийских поселенцев-квакеров, конечно, увлекательны и интересны. Но мы забываем: эти люди завоевывали независимые государства и порабощали народы, которые вовсе не просили их о такого рода «услуге».

Не будем отрицать, что европейцы были технически более развиты, чем неевропейские народы: у них были океанские корабли, огнестрельное оружие. Они знали навигационные инструменты и карты, о которых даже в древних цивилизованных Китае, Индии и Японии не имели понятия. У европейцев было развито фабричное производство, была более совершенная организация экономики и общества в целом.

Все так. Но ведь истиной является и то, что ни в Америку, ни в Азию, ни в Африку их не приглашали, и поделиться своими умениями никто не звал.

Да они и не делились своими достижениями...

Они их использовали.

Не успев «открыть» весь мир, европейцы уже в XVI–XVII веках начали им распоряжаться как своей кладовой. Для начала Испания и Португалия ограбили и разрушили до основания государства Америки. В горных районах Южной Америки они завели основанные на рабском труде серебряные рудники, в которых мало кто выдерживал больше трех лет. В приморских районах создали гигантские поместья – латифундии, а из лесов начали вывозить ценные сорта деревьев.

Кое-что о работорговле

Начало XVIII века. Россия воюет со Швецией в Прибалтике и на Украине. Петровская Россия бьется с королевством Карла XII за контроль над старославянским побережьем Балтийского моря.

Остальной Европе не до этого: там все воюют друг с другом – идет знаменитая война за испанское наследство. Ослабевшая Испания стремительно теряет свои позиции в мире. Одним из результатов договоренностей великих держав по итогам станет передача Британии исключительного, эксклюзивного, как бы сей-

час сказали, права на перевозку негров-рабов из Африки в Америку. Как истинные приверженцы демократических свобод, основатели парламента и дети Великой Хартии Вольностей британцы, конечно, не могли отказать себе в столь выгодном коммерческом предприятии. Теперь и Испания, и Португалия, для того чтобы снабдить свои колонии в Южной и Центральной Америке рабами, должны были платить за «логистику процесса» Британской короне и ее торговому флоту.

Кстати, работорговля – очень яркий пример того, как европейцы на самом деле «переделывали» мир. Они изменили карту народонаселения целых материков. Работорговцы обезлюдили Африку, чтобы населить Америку неграми-рабами. А для того чтобы заселить Америку неграми, ее тоже сперва обезлюдили. Индейцев первобытных племен истребляли просто для того, чтобы освободить от них богатую тропическую землю. Любой пятиклассник, знакомый с историей США хотя бы по Клинту Иствуду и Гойко Митичу[1], авторитетно подтвердит: коренные индейцы Америки мало подходили для «практических» нужд белых колонизаторов. Во-первых, «заполучить» их в рабство было довольно проблематично. Мягко скажем, небезопасно. Но и захватив, толку от индейцев как рабов-работников немного. Мерли как мухи. Тысячами. Бежали при первом удобном случае, а найти и поймать индейца на его родной территории – поди попробуй. Работали в неволе индейцы из рук вон плохо, «размножались» и того хуже. Поэтому эксплуатировать их практичные европейцы посчитали невыгодным. И «пришлось» начать ввоз негров-рабов из Африки.

Собственно говоря, рабами в Европе торговали всегда, далеко не только во времена Древнего Рима. Лион и Рим эпохи Ренессанса известны как главные европейские центры работорговли: европейских рабов (обычно – военнопленных, осужденных преступников и должников) вывозили в восточные страны, в первую очередь в Египет и в Турцию. Много рабов требовалось тогда на гребных судах. Развитие парусного флота сократило спрос на рабов на галерах, поэтому на время работорговля стала невыгодной и почти прекратилась.

---

[1] А вестерны – вот уж мифы так мифы! Но об этом – отдельный разговор.

Но в это время появляется почти unlimited спрос на рабов в Америке. Во всей Европе не хватило бы неисправных должников, чтобы эту потребность удовлетворить. И здесь очень кстати «по соседству» оказалась Африка.

В 1522 году впервые из Африки на плантации в Бразилию были доставлены негры-рабы. Немного, буквально несколько десятков. Опыт удался: негры были привычны к тропическому климату, выносливы и трудолюбивы.

За XVII–XVIII столетия, основные века работорговли, из Африки привезли примерно 15 миллионов рабов, 10 миллионов из них – мужчины, уже готовые работники. По данным ученых, на эти 15 миллионов прибывших приходится не менее 5 миллионов умерших в пути, так как везли рабов в специальных кораблях, чтобы «напихать» их в трюм побольше. Небольшие парусные корабли того времени ухитрялись перевозить за один рейс по несколько сот рабов. Как говорили сами работорговцы, «негр не должен занимать в трюме места больше, чем он будет занимать в гробу». Он и не занимал.

Плавучий гробик под тропическим солнцем сильно нагревался. Воды и пищи было очень мало – их тоже экономили изо всех сил. Из трюма для справления нужды рабов не выводили. По утрам, когда на корабле открывали люки, из трюма поднималось зловонное облако. Оно висело над судном, пока ветер не относил марево.

Невольничий корабль в открытом море определяли по исходящему от него зловонию и по надстроенному укрепленному мостику – для того чтобы было где отсидеться и отстреляться в случае бунта рабов.

Немало таких кораблей пропали без вести – опасное было занятие, водить в открытом море судно, битком набитое отчаявшимися людьми.

Но находиться на таком корабле в роли раба, конечно, было еще опаснее. Мало того, что условия жизни были ужасны, негры ко всему прочему вообще не понимали, что с ними происходит. Они оказывались в совершенно чужом, враждебном и непонятном мире, с непостижимыми законами. А в конце путешествия их ждал другой материк и адский подневольный труд на плантациях.

В Америке рабов сначала подкармливали, лечили, а потом уже продавали. Впрочем, бережливые покупатели старались приобрести товар «посвежее» – стоимость раба зависела от того, как долго он отдыхал после «путешествия».

В Африке же тем временем шла полномасштабная охота. Европейцы подкупали вождей, чтобы они продавали своих подданных или устраивали войны, захватывая подданных своих соседей.

По самым оптимистическим данным, на каждого захваченного и доставленного к западному побережью Африки раба приходилось еще 4–5 убитых, умерших в дороге, искалеченных и заболевших.

Страшные цифры. По мнению ряда африканских ученых, «черный континент» потерял не менее 100 миллионов человек.

Зато какие деньги «крутились» в этом бизнесе! Сотни, если не тысячи кораблей специализировались на торговле, как говорил бизнесмен Негоро из «Пятнадцатилетнего капитана», «черным деревом». Успешнее всех были англичане, они вывезли в 4 раза больше рабов, чем все остальные страны вместе взятые.

В Европе процветал расизм. Естественно, негуманное отношение к человеку нуждается в оправдании, в каком-то логическом объяснении. Если негры – не люди или неполноценные люди, то плохое обращение с ними в какой-то мере закономерно. Потому и называли негров «штуками черного дерева» или просто «стволами». Даже не «головами», как животных.

Впрочем, и индейцев не хотели признавать людьми. Ведь в Библии ничего не сказано о жителях «Нового света»! Значит, они не потомки Адама и Евы. Это – некие человекоподобные животные. Их вполне допустимо убивать, насиловать, кастрировать, продавать, не нарушая Библейских заповедей. Что и делалось.

Работорговлю начали запрещать только в XIX веке, и инициатором этого запрета стала... Россия !

Рассуждая о «рабском» характере русских, об их привычке к жестокости и самым страшным формам подавления человеческого достоинства, европейцы как-то плохо помнят об этом. Жаль... Не лишним им будет напомнить.

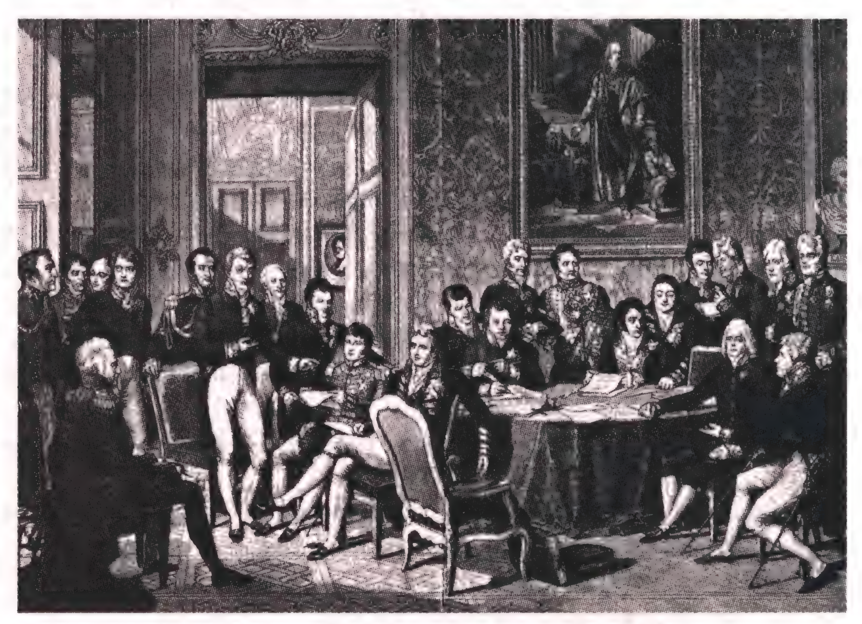
Именно русские на Венском конгрессе 1815 года, где решалась судьба Европы после разгрома Наполеона, подняли вопрос о ра-

боторговле. Не так уж много они видели и знали о ней,– разве что во время международных экспедиций могли наблюдать корабли работорговцев, да труд невольников на плантациях. Но, видимо, эти сцены произвели на наших предков сильное впечатление.

Головы русского нобилитета оказались как-то сразу... чище что ли... При всех малоприятностях отечественного крепостничества, отметим, что никаких расистских «теорий» европейского образца на Руси никогда не было. Эфиоп Абрам Абрамыч Ганнибал был, конечно, диковинкой и вызывал в России любопытство. Но отметим – вообще-то он стал сразу дворянином, и на любую ухмылку в свой адрес мог тут же ответить шпагой. Гарде! Что, кстати, иногда и делал. Правда, почему-то в основном во время поездок в Европу.

Теперь представим зеркальную картинку. Начало XVIII века.

В Париж из городишки Уошингтона прибывает наследный принц десятой руки низложенного эфиопского князька, проданный в раб-

«Венский конгресс». Гравюра Ж. Годфруа по рисунку Ж. Б. Изабе.
Венский конгресс 1815 г., как полагают некоторые историки, – пик мирового величия Российской империи

ство и многократно перепроданный после по имени, например, дядюшка Том. Он приезжает... на учебу. Ибо был дома выкуплен, возведен в звание виконта и ныне зовется, скажем, Абрахам Хэннибал. Вернувшись к проклятым колонизаторам-работорговцам в Новый Амстердам (или уже Нью-Йорк?), роднится со старинным английским родом Байронов... Лорд Байрон – его внук... Забавно?

Итак, в 1814 году Парижский мирный договор ограничивает торговлю рабами. Заметьте – не рабовладение, только охоту на рабов. Декларация о запрещении торговли рабами приложена к Генеральному акту Венского конгресса 1815 года.

С самого начала было очевидно, что купцы, в первую очередь английские, будут игнорировать и обходить международные постановления. Россия предложила создать международную морскую полицию. Это предложение было отклонено Ахенским конгрессом 1818 года. Из чего уже видно – европейцы не собирались принимать против торговли рабами реальные меры и тратить на их осуществление силы и деньги.

То есть что-то, конечно, постепенно менялось. В XIX и начале XX века заключено немало двусторонних и многосторонних договоров, запрещающих рабство. Самый серьезный из них был Договор Пяти 1841 года, налагающий вето на ввоз из Африки в Америку негров. Договорились Англия, Франция, Австрия, Пруссия, Россия.

Но реально договор не действовал, потому что Франция отказалась его ратифицировать. Одно из объяснений, почему Палата представителей Франции не утвердила договор, хе-хе... в Российской империи угнетают поляков и там есть крепостное право. Вот уж поистине в своем глазу бревна...

К этому времени относится действие двух известных читателю литературных произведений. Одно из них – помянутый мной выше «Пятнадцатилетний капитан» Жюля Верна[1]. В этом довольно мрачном романе работорговля осуждается совершенно бескомпромиссно и, пожалуй, впервые в истории всей европейской популярной литературы.

Вторая книга: это «Максимка» Станюковича. О том, как русский фрегат, осуществляющий морской досмотр, ловит в откры-

[1] *Верн Ж.* Пятнадцатилетний капитан. М., 2003.

том океане английское работорговое судно. Англичане выбрасывают за борт свой ценный груз. Русский корабль подбирает в океане единственного спасшегося: арапчонка лет десяти. Моряки спасают ребенка, «арапчонок» (т. е. негритенок) Максимка становится юнгой русского флота[1]. Рассказ написан на вполне жизненном материале: корабли русского флота действительно несли боевую вахту в Атлантике, перехватывали суда работорговцев[2]. А те выбрасывали за борт свой «товар», чтобы не платить крупных штрафов. Приятно думать, что некоторые русские капитаны по кодексу дворянской чести считали работорговцев пиратами, и если ловили их, тут же вешали на реях.

Вот только русских сторожевых кораблей было мало, а могучая морская держава Британия своих судов не присылала: не считала нужным заниматься такой «чепухой». Ну вот и попробуйте понять логику обвинений России в жестокости, рабском характере народа, в пренебрежении международными договорами и еще много в чем.

С работорговлей в конце концов покончили, но намного позже, чем в России с крепостным правом. Торговать рабами, перевозя их через океан, перестали после подписания Договора Англии и США от 7 апреля 1862 года. Уже тогда говорили, что английские купцы не остались внакладе: заранее вложились в рабов на Юге США... Ввозить новых перестали, оставшиеся резко повысились в цене. А что? Какая-никакая, а коммерция.

Окончательно пресекли торговлю людьми только в 1890 году, когда Брюссельский противоневольничий акт подписали более 20 стран в Европе, Азии и Африке. К тому времени и в США, и в Бразилии, и в Перу рабов уже освободили, хотя бы формально.

---

[1] *Станюкович К. М.* Максимка // Станюкович К. М. Морские рассказы. Минск: Юнацтва, 1981.

[2] Отметим, когда министр обороны Сердюков доблестно отрапортовал президенту Путину в декабре 2007 г., что российские корабли «возобновляют» военно-учебные походы в Атлантику и Средиземное море, речь не идет о чем-то из ряда вон выходящем. То же самое делал российский флот на протяжении всего XIX века. Про советскую морскую доктрину даже не будем вспоминать, дабы не давить на больную мозоль национального самолюбия.

Очищение земли

Америка – самая большая территория, земли которой европейцам «пришлось» очистить от прежнего населения. Первобытные племена не хотели отдавать свою землю. Индейцы собирали растения и охотились на диких животных там, где колонизаторы хотели пасти скот и распахивать землю. Туземцы органически не способны были понять, зачем выращивать на ферме зверей, которых можно легко и в изобилии наловить в лесу и в степи, и какой смысл закапывать в землю съедобное уже сегодня зерно. Колонизаторы считали, что туземцы «недочеловеки», не способные распорядиться землей «как надо». Кроме того, примитивное хозяйство туземцев само по себе мешало белым землевладельцам, так как индейцы, увидев любой созревший хлеб, сразу начинали собирать его: вон сколько еды привалило. Или охотились на коров и овец, невероятно раздражая владельцев стад.

Свои же охотничьи хозяйства индейцы оберегали. Они не имели ничего против охоты белых на птиц или их рыбной ловли... Но убивать оленей или бизонов не позволяли: это была их еда.

Европейцы пытались «приспособить» индейцев для работы на плантациях, сделать из них батраков на фермах... Но такую работу умели выполнять только люди из исторически земледельческих племен. Охотники попросту на нее не способны. И даже земледельцы часто не понимали, зачем работать не на самого себя, а на кого-то другого?

Поначалу колонизаторы уничтожили племена гуанчей, живших на Канарских островах. Жители «Островов вечной весны» не знали огнестрельного оружия, не умели воевать и вообще были совершенно не готовы к сопротивлению. На своих тихих островах в Атлантике они не вели войн, а земли всем хватало.

Канарские острова были важны как перевалочная база для кораблей из Испании, земля на Канарах плодородная, а климат позволял разводить примерно те же культуры, что и в Испании. Переселенцы из Европы попросту сгоняли гуанчей с их земли, а выращенные хлеб, виноград и оливки вывозили в Европу или продавали экипажам кораблей. На «Острова вечной весны» пришел го-

лод. Испанцы появились на Канарах в 1402 году. К 1600 году из 20 тысяч гуанчей осталось не более 2 тысяч. Они забыли свой язык, утратили собственную письменность и полностью смешались с испанцами.

Параллельно испанцы полностью истребили население всех островов Карибского моря: около 100 тысяч человек. Истребили вполне сознательно, чтобы захватить их теплую плодородную землю.

В Южной и Центральной Америке «пришлось» истребить или загнать в горы до 2 млн индейцев с той же целью: очень уж хорошими землями владели богопротивные дикари. В 1806 году Александр Гумбольдт, по легенде, изучал языки трех индейских племен... с помощью попугаев. Умные птицы знали слова на языках исчезнувшего народа.

Англосаксы вели себя ничем не лучше испанцев. На территории будущих США в 1700 году жило до полутора миллионов индейцев. К 1900 году их осталось порядка 100 тыс., но с самых плодородных и богатых земель их вытеснили. В США в XIX веке «открыли» еще один «естественный» способ освобождения земли от дикарей: индейцы не имели иммунитета против многих европейских болезней. Даже невинный грипп, от которого европейцы разве что чихали и кашляли, для них становился опаснее, чем в Европе чума. Заражать индейцев опасными болезнями было удобнее и экономически выгоднее, чем «всаживать» в них пули: нет расхода свинца и пороха. Бывало, американцы просто разбрасывали возле индейских стойбищ одеяла, которыми укрывались умершие от оспы, от желтой лихорадки, от чахотки. Действовало. Эпидемии косили индейцев, и их земли освобождались.

В 1840-е годы острова Тихого океана практически обезлюдели из-за завезенных туда болезней. Европейцы на этот раз вроде и не были виноваты... Они распространяли заболевания не нарочно... но ведь и не лечили больных. На «райском» Таити с 1840-х по 1900-е годы население уменьшилось со 100 до 28 тысяч. На Маркизских островах – со 100 до... 5 тысяч[1].

---

[1] *Хейердал Т.* В поисках рая. М., 1982.

В Южной Африке переселенцы истребили племена бушменов. На них охотились как на диких зверей, убивая вплоть до младенцев на руках матерей и беременных женщин. Из 100 тысяч «дикарей» осталось в лучшем случае 10 тысяч, оттесненных в самые бесплодные пустыни.

В Новой Зеландии численность местных полинезийцев – племени маори — сократилась с 1850-х по 1900-е годы в 8 раз. Они сопротивлялись захвату их угодий, нападали на экипажи китобойных судов: не позволяли европейцам истреблять китов и тюленей – их привычную пищу. Препятствие внедрению цивилизации было устранено самым решительным образом — путем прямого военного истребления туземцев.

В Австралии аборигенов осталось не более 20 тысяч из примерно 500 000. Переселенцы из Европы просто не считали их людьми: голые какие-то, жрут червей и личинок... Убивать их было для поселенцев молодецкой забавой в духе охоты на крупного зверя: лицо горит, риск пьянит и ничто не мешает радоваться жизни. К югу от Австралии расположен остров Тасмания. Его умеренный влажный климат похож на климат юга Британии. С 1803 года туда хлынули переселенцы: разводили овец, распахивали землю, разводили яблоневые сады. Переселенцев очень огорчало, что на острове обитают еще какие-то дикие черные: то ли люди, то ли животные...

Австралийские аборигены. Австралия для англичан – это Магадан и Сахалин для русских. Место каторги, нередко политической. Правда, на коренных жителей Дальнего Востока России никогда не охотились как на животных. Австралийским аборигенам повезло меньше

Тасманийцы – быть может, единственное общество, сохранившееся к началу европейской колонизации на стадии развития, соответствующей позднему палеолиту. Они проникли на остров еще в эпоху Великого оледенения. Позже, когда уровень Мирового океана поднялся, тасманийцы оказались в изоляции и жили почти так же, как их предки 15 и 10 тысяч лет назад: охотились на диких животных, собирали во-

доросли, моллюсков, грибы, ягоды, коренья, птичьи яйца. Пищу тасманийцы пекли или жарили на кострах, потому что не знали даже самой простенькой керамики.

Жилищем им служили примитивные шалаши и хижины. Каменные орудия – на уровне тех, что бытовали в Европе тысячи лет назад. Наконечники копий тасманийцы обжигали на костре, дубинки вырезали из корней.

Обычно они ходили голыми. Больные, детишки, женщины иногда кутались в плохо обработанные шкуры, и только.

В общем, это был крайне примитивный народ, еще более отсталый, чем австралийцы. Белым поселенцам мешали тасманийцы и сумчатые волки, которых в Австралии вытеснили одичавшие собаки динго. И тех и других поселенцы отстреливали и травили ядами, оставляли туши овец, отравленные стрихнином.

Трудно поверить, но есть свидетельства, что поселенцы иногда... ели убитых аборигенов. До такой степени не считали их человеческими существами. Невероятно, но об этом пишет очевидец – британец Клайв Тернбулл в своей книге «Черная война: перемещение аборигенов Тасмании»[1].

В 1830 году поселенцы окончательно решили тасманийский вопрос. «Черная война» – операция по истреблению аборигенов была скорее похожа на охоту на диких животных. В один прекрасный день поселенцы разделились на две группы и с противоположных сторон острова стали сгонять аборигенов к центру. По пути следования англосаксы стреляли из ружей во всех тасманийцев и всех сумчатых волков. К вечеру того дня было убито около 4 тысяч сумчатых волков и примерно 6 тысяч тасманийцев. В одном из поселений «дикарей» заметили: в дупле огромного дерева кто-то еще шевелился. Вроде все взрослые уже мертвы – наверное, забрались туда дети.

Цивилизованные собственники, оберегавшие свои стада, заложили в дупло пороховой заряд и рванули...

Они оказались правы – среди обломков дерева валялось шесть обгорелых трупиков детей от 3 до 10 лет. Одна девочка лет 6 еще дышала. Сначала ее собирались добить ножами, да один пред-

[1] *Кабо В. Р.* Тасманийцы и тасманийская проблема. М.: Наука, 1975.

приимчивый поселенец сообразил: это же последняя оставшаяся в живых тасманийка! Давайте подарим это существо губернатору колонии Новый Южный Уэльс! Идея понравилась. Девочку подлечили и подарили...

Конец хороший: губернатор удочерил ребенка и воспитал ее вместе со своими тремя дочерьми. Словно назло теоретикам расизма Лала Рук, или Труганини, оказалась очень способной ученицей. Дочери губернатора талантами не отличались. Одна из них даже грамоте толком не научилась: не помогли ни порка, ни внушения. Как пишут, не раз губернатор говаривал, глядя на неразумных дочерей: «Заменить бы вас на тасманиек...»

В 1869 году Труганини, которую обычно называют последней тасманийкой, скончалась в возрасте примерно 70 лет. До последних дней своей жизни она напевала услышанные в детстве песни своего народа. С ее смертью была перевернута последняя, трагическая страница истории этого народа.

Европейские колонизаторы изменили мир до неузнаваемости. Они поработили все народы, эксплуатация которых могла быть им выгодна. Они истребили или попытались истребить все народы, которые не обещали им доходов или мешали их получать.

А в Российской империи?

В этом отношении интересно сравнить западные колонии с Российской империей. Мы ведь тоже сталкивались с аборигенами: в Сибири, на Севере, на Дальнем Востоке. Но нигде в наших владениях туземное население не исчезало полностью, как гуанчи на Канарских островах, не сокращалось за полвека в 20 раз, как численность полинезийцев на «райских» Маркизских островах.

Нганасане на севере Сибири – реликтовый народ, сохранивший культуру первопоселенцев тундры, живших тысячи лет назад. Орудия чукчей, их массивные скребла из камня напоминали орудия древних, а жилища-яранги ассоциируются с жилищами, которые строили их предки из костей мамонта[1].

---

[1] *Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.

В общем, было бы желание – и мы могли бы «освободить» немалые пространства земли, чтобы «привнести в нее цивилизацию».

Но вот чего не было, того не было. Нигде и никогда русские не вели «черной войны» на тотальное уничтожение местного населения и не ели трупы своих жертв, считая их животными. Ни одно даже самое «отсталое» племя, оказавшееся на нашей территории, не прекратило своего существования. Более того, достаточно посмотреть на цифры, свидетельствующие о численности всех племен, всех «малых народов» России, чтобы увидеть – количество их постоянно росло.

Порой общественные деятели и чиновники колониальной администрации даже били тревогу: беда! спиваются эвенки. Бессовестные спиртоносы поставляют им водку, несмотря на запреты! Столкновение с цивилизацией опасно для народов Амура: они перестают охотиться и начинают выпрашивать подаяние у казаков!

Под влиянием постоянных сетований у общественности возникала иллюзия, что малые народы находятся на грани уничтожения. Так думали, кстати, уже в царской России. В СССР полагалось считать, что при советской власти численность коренных народов Сибири и Севера начала расти, а в царское время она снижалась. Но это неверно. Достаточно взять цифры из энциклопедии «Народы России», и все станет ясно[1].

Потому что в царской России о малых народах, как ни странно, заботились. Правительство запрещало ввозить на их территорию спирт. Оно аннулировало все сделки, которые заключал инородец под влиянием выпивки.

Губернатор Енисейского края Крафт (кстати, поляк с примесью немецкой крови) в 1904 году неофициально советовал полиции стрелять на поражение, если увидят в тайге спиртоноса. Вот в США продажа водки индейцам была делом обычным и воспринималась как нормальнейшая сфера бизнеса.

---

[1] Народы России. Энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994.

Образ Дерсу Узала у Арсеньева выписан уважительно и любовно. Старый «дикарь» стал другом белого первопроходца. И никого у нас это не удивляло.

Подражая Ф. Куперу и его «Последнему из могикан», А. Фадеев назвал свой роман «Последний из удэге»[1]. Но какая разница между судьбой могикан и удэгейцев!

К 1826 году, когда вышел «Последний из могикан», это могучее некогда племя действительно полностью исчезло после нескольких переселений, истреблений и предательств со стороны колонизаторов. Даже участие в Войне за независимость на стороне колонистов Дж. Вашингтона не спасло племя: стоило окончиться войне, как его окончательно уничтожили, заставив уйти в непроходимые северные канадские леса.

Подражание подражанием, а вот численность удэгейцев под властью России росла. В 1860-е годы, когда русские наладили с ними постоянные контакты, удэгейцев было около 1300 человек. В 1897 году – 1690, в 1926 – 1357 в 1989 – 3011[2].

Удэгейцы даже выиграли от союза с русскими. Как свидетельствует современный справочник, «*с 60-х годов XIX в., после вхождения юга Дальнего Востока в состав России, усилились контакты удэгейцев с русскими, носившие вначале экономический характер. С течением времени влияние русской культуры привело к частичному изменению образа жизни (переход на оседлость), экономического уклада (распространение огородничества и животноводства), многих элементов материальной культуры. Большая самобытность духовной культуры удэгейцев может быть объяснена тем обстоятельством, что в местах их расселения не было ни церквей, ни школ*»[3].

Получается, могикане от общества американцев проиграли. Удэгейцы от общества русских только выиграли. И все остальные народы – тоже. Русским туземцы никогда не мешали, напротив, сосуществовали с ними мирно. Удивительная закономерность.

---

[1] *Фадеев А. А.* Последний из удэге. М., 1988.
[2] Данные науч. ред.
[3] История и культура удэгейцев. Л., 1989.

Во всех цивилизованных странах

Теперь поговорим о самой колониальной системе – точнее о системе ограбления больших цивилизованных народов, имевших к XVII–XVIII векам свои развитые экономики, общественные системы и государства. Эти народы накопили богатства, вызывавшие соблазн их отнять, они умели выполнять труд, приносивший прибыль при вложении капитала.

Колониальная система Запада выросла из ограбления остального мира путем работорговли, «обмена» зеркал и бус на золото и слоновую кость, «очищения» территорий от коренного населения. Колонии за морем – это тот же грабеж, только более «цивилизованный», более постепенный, но и более масштабный.

В XVII–XVIII веках европейские державы, в первую очередь Англия и Франция, становятся центрами громадных империй. Эти империи куда даже больше Российской – это империи мирового размаха.

Все империи западных европейцев – заморские. Франция и Англия одновременно развиваются как национальные государства, а где-то там, за морями, лежат страны дикие и заведомо некультурные; лежат там, где «кончаются десять заповедей».

Укорять Россию в империализме начали в первую очередь «цивилизованные страны», особенно Франция и Англия. Именно в Лондоне и Париже Российскую империю обличают за реакционность, тупость, жестокость, склонность к насилию.

Но весь парадокс в том, что есть большая разница между империями этих стран и Российской, – и не в пользу западных. Потому что грубости, доходящей до садизма жестокости в истории западных империй было побольше, чем в Российской. Не потому, что наши люди поголовно – чистое золото, а в Европе живут одни негодяи. Причина в том, что у населения Франции и Англии отсутствовала связь с завоеванными странами и их народами. Исторически не было никаких контактов ни у французов с неграми в Африке, ни у британцев с индусами. Чувство единства, как говорят, «на нуле».

Россияне, если, столкнувшись в экспансии, и воевали, то воевали с людьми, с которыми были связаны не первое поколение.

С теми, кого они хорошо знали. Все мусульмане, включая чечен и адыгейцев, были для русских «татарами», что прекрасно видно из произведений Льва Толстого. А татар знали и относились к ним безо всякой расовой или национальной враждебности. Много инородцев, в том числе и мусульман, служило в русской армии. Не известно **ни одного** восстания нерусских частей против Российской империи. Выделяю особо – **ни одного**!

А вот крупнейшее военное восстание в истории Британских вооруженных сил (1857–1858 гг.) так и называется – восстание сипаев. Сипай – это туземный солдат британских колониальных войск в Индии. Восстали те, кого британцы сами вооружили и обучили на свою голову. Любопытен факт, послуживший поводом, искрой для бунта. Накануне восстания в сипайские части поступили новые капсульные ружья, для смазки которых использовался животный жир. При этом самым ужасным для сипаев было то, что приходилось перед зарядкой надкусывать патрон, также смазанный этим жиром. Всем известно, корова – священное животное в индуизме. Использовать мясо и жир коровы в пищу – страшный грех[1].

Более того, так как в состав смазки входил еще и свиной жир, то в негодование приходили также и сипаи-мусульмане. Свинья – грязное животное, и прикоснувшийся к нему будет осквернен. Таким удивительным образом служащие «вперемешку» в туземных частях индийцы-индуисты и индийцы-мусульмане[2] оказались по одну сторону баррикады. Недовольство нарастало, но военная британская администрация упрямо игнорировала надвигающуюся опасность. Сипаи истолковали непреклонность англичан

[1] Каждый, кто даже сегодня побывает в современной Индии, поражается виду коров, лениво возлегающих в центре Дели, Бомбея (о, простите, Мумбая), да повсюду – в любой части всякого индийского города.

Коровы (самого запущенного, тощего и неприглядного вида) везде: на газонах, тротуарах, посреди проезжей части. Их аккуратно обходят пешеходы и объезжают все виды транспорта. Никто не вправе прогнать, обидеть священное животное.

[2] Британцы тщательно следили, чтобы мусульмане и индуисты служили вместе, бок о бок, полагая, что так легче будет играть на противоречиях между ними.

однозначно: их религиозные чувства сознательно унижаются высокомерными белыми.

Естественно, это было лишь поводом. Причины следует искать глубже, во всей истории британского покорения Индии.

Восстали индусы, которых «однополчане» и «соратники» много лет обкрадывали, оскорбляли, унижали, поносили, презирали. Сипаи были жестоки с британцами, в том числе с женщинами и детьми – это факт. Но как назвать поведение британской армии и ее командования, которые давили слонами целые деревни, официально провозгласив тактику массового террора, а вождей пленных сипаев, сдавшихся под честное слово британского вице-короля Индии[1], расстреляли, привязав спиной к стволам пушек.

Этот способ казни был откровенно направлен на религиозное унижение индусов. Ведь по индусским представлениям, душа умершего продолжает жить в другом образе.

Сразу поясню максимально популярно эту религиозную философию словами из шутливой песни Владимира Высоцкого:

Кто верит в Магомета, кто – в Аллаха, кто – в Иисуса,
Кто ни во что не верит, даже в черта, назло всем.
Хорошую религию придумали индусы:
Что мы, отдав концы, не умираем насовсем.

Далее следуют яркие «жизненные примеры», демонстрирующие преимущества индусско-буддистских философских воззрений на реинкарнацию.

Ну вот, кажется, и с индусской концепцией переселения душ все предельно понятно... Ну а если серьезно, то пусть позволит мне читатель сделать маленькое отступление.

Сегодня, когда я пишу эти строки, внося «последнюю авторскую правку», В. С. Высоцкому исполнилось бы 70 лет. Такое ощущение, что его нет уже целый век. Он даже не из прошлой, а из какой-то совсем поза-

---

[1] Разве обязан был британский джентльмен, лорд, дворянин в 20-м колене держать слово, данное не равному себе, цивилизованному человеку, даже не человеку вовсе, а какой-то грязной языческой индусской обезьяне? Смешно! Тогда непонятно одно: почему современных европейцев так возмущает, когда совершенно аналогично ведут себя по отношению к ним исламские террористы? Историческая и религиозная традиция, в особенности традиция религиозных войн тоже не обязывает их держать слово, данное «неверным собакам».

поза-прошлой жизни. И тем удивительнее, что многие стихи, песни и образы его по-прежнему кажутся нам, как ни банально это звучит, злободневными. Любопытно, переселилась ли в кого-то душа Владимира Семеновича? Но еще интереснее другое: а что бы делал Высоцкий сегодня, если бы был жив? 70 лет – активный возраст для творческого человека. О чем бы пел? К чему призывал?

Может, решительно пошел бы в политику, как гениально снимавший его режиссер Говорухин, как воспетый им шахматный чемпион Анатолий Карпов или пришедший на смену Карпову вскоре после смерти Высоцкого молодой Гарри Каспаров?

Стал бы надломленным демократом и правдоискателем, как Сахаров или Ковалев?

Написал бы гимн партии «Единая Россия» как Олег Газманов? Ушел бы в частную жизнь, дайвинг и кулинарию как умница Макаревич? А может — в буддизм и эзотерику как «БоГ» Гребенщиков?

Рубил бы попросту «бабло» на корпоративах и днях рождениях олигархов как почти все «пАпулярные исполнители»?

Или диссидентствовал с фигой в кармане как искренний Юрий Шевчук?

Кто знает...

Главное условие бессмертия души – погребение тела (или праха, поэтому «правильное» сожжение тоже подходит) в «целостном» виде, в одном месте.

Картина Василия Верещагина «Подавление индийского восстания англичанами» широко известна в России. Она была выставлена в Лондоне в 1887 году и вызвала бешеные протесты «демократической британской общественности», газетные баталии и чуть ли не судебный процесс. Что характерно – никто не отрицал самого факта, отраженного в мрачной картине. Не было и обещанного суда, были только угрозы.

Тогда законопослушные, цивилизованные британцы... украли картину. Картина В. В. Верещагина бесследно исчезла, и где находится подлинник, до сих пор не известно. Хорошо, что копий сделано было много, и картина осталась в числе известнейших полотен Верещагина. Право же, она того заслуживает.

Но тут интересно обратить внимание на психологию британцев, которая проявилась в этой, не отрицаемой ими самими истории... Вице-король Индии дает слово и... легчайшим образом отказывается от него. Любой из российских генерал-губернаторов не стал бы нарушать слово уже просто из уважения к самому

В. Верещагин «Подавление индийского восстания англичанами».
Англичане подвергли вождей восставших сипаев столь необычному виду казни совершенно сознательно. Ведь по представлениям индусов, «разорванные в клочья» (буквально!) плоть и душа уже не могут возродиться к новой жизни

себе. Видимо, вице-король Индии настолько пренебрежительно относился к сипаям, что нарушение обещания для него ничего не значило. Не чувствовал он никаких угрызений совести.

Завоевали Индию люди, уже прошедшие школу работорговли. Уже несколько поколений угнетавшие и грабившие народы мира и привыкшие жить за их счет. Наконец, они – убежденные расисты. Может быть, самое большое отличие России от других стран Европы именно в этом: россиянин, русский человек никогда не считал «инородца» принципиально хуже себя. Он не делал далеко идущих выводов из «крови и почвы», из принадлежности азиатов к другой, неевропейской культуре.

Сипаев казнили в 1858 году. Казнили не просто туземцев, а однополчан, недавних военнослужащих Британской империи, которых сами же вооружали и тренировали, вместе с которыми воевали в Китае, в Бирме, в Афганистане и в Крыму против России.

Почти одновременно, в 1859 году, русские войска взяли столицу Шамиля Гуниб, а сам Шамиль сдался в плен. Чеченцы не были подданными Российской империи, а были завоеванным народом. Тем более не были военнослужащими России. И тем не менее ни штурм Гуниба, ни оккупация Чечни не повлекли за собой подобных жестокостей. Если упомянуть о слове, данном ино-

верцу и инородцу, то у Толстого в его «Хаджи-Мурате» получается так, что именно из-за нарушения... вернее, из-за невозможности россиян выполнить данные ими обещания и погибает Хаджи-Мурат. И выглядит он намного симпатичнее, привлекательнее тех, кто его «подставил». Боевой офицер граф Толстой, воевавший с чеченцами, относится к ним очень уважительно, признает их честь и достоинство.

Захватив Чечню, Российская империя запретила набеги, торговлю рабами и кровную месть. Но этим ограничивалось ее вмешательство в жизнь завоеванного народа. Победитель не мстил. Более того, Россия давала полную возможность «встроиться» в жизнь империи: служить в ее армии, например. Чеченец пользовался теми же правами, что и любой другой подданный. Он мог поселиться в Петербурге, учить детей в тех же гимназиях, что и русские, армяне или казанские татары. На общих основаниях он мог поехать за границу, получив российский паспорт, заниматься бизнесом, копить богатства, делать карьеру. У Толстого нет идеализации Кавказа, есть спокойное принятие действительности такой, какая она есть. Пушкин говорил о «силе вещей». В «силу вещей» Кавказ должен был войти в состав Российской империи. Но от этого народы Кавказа не становятся хуже или лучше.

И с бунтовщиком, идущим против «силы вещей», надо поступать по справедливости: нужно помнить, что он прежде всего человеческое существо. Взяв Шамиля в плен, его поселили вместе с семьей в Калуге, где он прожил до 1870 года. В Калуге Шамиль вел весьма светскую жизнь. К нему легко можно было прийти в гости. Шамиль хорошо говорил по-русски, и быстро стал местной знаменитостью. Власти

Имам Шамиль.
Шамиля не убили ракетой, не отравили суши и не взорвали в машине. Сдавшись в русский плен, он мирно доживал свой век в доме в Калуге в окружении своих родных. Государь разрешил ему совершить хадж. Шамиль умер по дороге в Мекку

следили, чтобы Шамиль не сбежал, но никому не приходило в голову унизить его, оскорбить, тем более – казнить за ведение войны против России. Более того, в распоряжении Шамиля была свита, слуги.

Кто-то пустил слух: якобы Шамиль – это пропавший писатель и вольнодумец Марлинский. Мол, Марлинский убежал и стал Шамилем.[1]

Слух, конечно, забавнейший. Исчезнувшего без вести Бестужева-Марлинского где только ни «находили». «Видели» его и в составе английских войск в Индии, и муллой в Каире, и мюридом на Кавказе... Ни один слух так и не подтвердился, но вот русские ухитрились «опознать» Марлинского в Шамиле... Забавная история, почти как у Гоголя, когда Чичиков оказывался то беглым разбойником капитаном Копейкиным, то скрывающимся в русской глубинке Наполеоном...

Но ведь и такой нелепейший слух характерен для русских. Британские офицеры тоже ведь, случалось, пропадали без вести. Знаменитый разведчик Ходсон был убит во время сражения с сипаями на Ганге, и его труп не был найден. Да и убит ли он? Обилие слухов и описаний его гибели доказывает только одно: все эти истории недостоверны. Но ведь никому во всей Британии и в голову не могло прийти, что Ходсон, выжив, начал новую жизнь под видом туземного раджи или любого из его придворных, воинов или родственников...

Мозг у британцев устроен как-то иначе, чем у русских. Есть мысли, которые никогда не могут прийти в их совершенные и демократически скроенные головы.

Например, в 1870 году Шамиль решил совершить священный хадж мусульманина в Мекку. Российская империя выпустила своего страшнейшего врага. Выпустила вполне официально, с соблюдением всех нужных форм и заполнением бюрократических документов. На том же основании что и любого подданного Российской империи мусульманского вероисповедания. Он, собственно, и умер во время этого хаджа, в марте 1871 года. Умер вовсе не от руки тайного агента III отделения, а мирно, от старости. Прах его

[1] *Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь. СПб.: Звезда, 1999.

покоится в священных для мусульманина местах, и пусть покоится там в мире до скончания времен.

Кстати, вот любопытнейший документ, вышедший из недр того самого «великого и ужасного» III отделения. Выдержка из правил обращения с горскими мусульманами на воинской службе, подписанных шефом корпуса жандармов Бенкендорфом (цитирую по книге П. Мультатули «Николай II. Выбор России»): *«Не давать свинины и ветчины... Маршировке не учить... Телесным наказаниям не подвергать. Наказывать только при посредничестве прапорщика Туганова, которому лучше известно, с каким народом как обращаться. (Видимо, инструкция касалась только горцев, служивших в личной гвардии императора. И кто такой был прапорщик Туганов? – В. М.). Эфендию разрешить посещать горцев, когда он пожелает... Чтобы во время молитвы горцев, дворяне им не мешали... Наблюдать, чтобы не только учителя, но и дворяне насчет веры горцев ничего худого не говорили и не советовали переменить ее...»*

Как я уже писал, несмотря на то, что для большинства горских народов не было обязательной рекрутской повинности, в силу традиций многие служили в армии добровольно, и из их числа вышло немало офицеров и генералов.

Во время Первой мировой войны была сформирована так называемая Дикая дивизия под командованием великого князя Михаила Александровича. Она состояла из шести национальных полков – дагестанского, кабардинского, чеченского, ингушского, черкесского и татарского. Дикая дивизия считалась элитной. Горцы гордились тем, что ими командует напрямую сам брат Большого белого царя. На счету Дикой дивизии много удивительных поступков: в силу традиций ее воины проявляли полное презрение к смерти. По-видимому, это была единственная воинская часть в истории, которая умудрялась успешно атаковать развернутым конным строем противника, засевшего с пулеметами в окопах.

Шамиль и Наполеон

Между прочим, в Европе существует прямая аналогия судьбы Шамиля. Она может показаться невероятной, но вот факт: с по-

терпевшим поражение Наполеоном европейцы поступили точно так же, как русские с Шамилем. Действительно, Наполеона отстранили от власти и отправили на остров Эльба. Там он жил со своим двором, не терпя нужды решительно ни в чем. Если бы Наполеон не решил бежать из почетной ссылки и не попытался бы вернуть себе престол, как знать, может быть, он бы так и прожил всю жизнь на теплом средиземноморском острове.

Со временем Наполеон стал бы величайшей живой историей! Корреспонденты брали бы у него интервью, его бы посещали знатные и богатые люди, чтобы прикоснуться к легенде, побеседовать с великим человеком, когда-то поставившим «на уши» всю Европу.

В общем, он мог бы жить на острове Эльба в точности так, как Шамиль в Калуге.

Однако в европейских империях никому и никогда не пришла бы в голову мысль содержать с такой честью плененного индейского вождя, африканского царька или даже индийского раджу. Во время бунта сипаев тот самый Ходсон собственноручно расстрелял последних потомков династии Великих Моголов. Сипаи поднимали их на щит, как знамя восстания. Они хотели выбить из страны англичан и вернуться к прежнему правлению, к власти прежней династии. Поэтому практичные британцы опасались, что Великие Моголы могут стать символом независимой Индии.

Европейцы могли быть благородными «со своими», то есть с другими европейцами. Но не с колонизированными народами. А в России с народами колониальных империй обращались так же благородно, как европейцы друг с другом.

Симпатичное свойство всех империй

Среднестатические британцы всегда были немного расистами.

Такими милыми и незлобными (в мирное время) расистами.

Покорение мира – тяжелый, изнурительный труд. Нелегко нести «бремя белого человека» (говоря словами гениального пиита британской колонизаторской экспансии Редьярда Киплин-

га[1]) в нецивилизованный мир. Жизнь вносила свои коррективы, и в современной Индии живут несколько миллионов «англо-индийцев» – потомков законных и незаконных браков англичан и шотландцев с индусскими женщинами. «Местные жены» стали обычнейшим явлением и во французских колониях.

Потомков таких смешанных браков и раньше без проблем принимали в самое лучшее общество... но только в колониях. Но не в метрополии. До середины XX века англо-индус оставался человеком второго сорта. Такое отношение почувствовал на своей шкуре даже такой талантливый и по заслугам известный человек, как Джордж Оруэлл, автор переведенных на многие языки книг-антиутопий «1984» и «Скотный двор»[2].

В России никогда не было ничего подобного . В Московии главным «фактором успеха» являлось вероисповедание. Важно было быть православным, а к какой этнической группе ты относишься, не имело совершенно никакого значения. Например, крещеный татарин мог достигнуть любых карьерных высот. Борис Годунов, татарский царевич на русском престоле, вызывал разного рода сомнения потому, что его сильно подозревали в убийстве сына Ивана Грозного царевича Дмитрия.

Годунову вообще «хронически» не везло. Его краткое царствие не просто проходило в «сложной» внешнеполитической обстановке: он находился в состоянии перманентной войны с внешними силами на два, а то и на три фронта. Еще ему чудовищно не повезло с... погодой. Именно в годы его царствия на Руси дважды произошли климатические катаклизмы. Например, Москву и окрестности замело снегом... в середине августа. Это имело два страшных последствия. Экономический: урожай погиб, цены взлетели, начался голод. И психологический: все это воспринималось глубоко верующим населением как страшная «небесная кара», обрушившаяся на Русь после прерывания (насильственного! – шептали по углам, тыча пальцем в сторону палат, где заседал Борис Годунов) богопомазанной династии Рюриковичей. Предвещали конец света. К тому же Годунов оказался политиком хоть и умным, но излишне тщеславным. Его надменное поведе-

---

[1] Да-да, того самого, который написал английским детям прекрасную сказку про «Маугли», а английским взрослым не менее прекрасную балладу про «Атаку красной кавалерии», герои которой – офицеры британского экспедиционного корпуса, штурмующие русский Севастополь (Крымская война, 1853–1856 гг.).

[2] *Оруэлл Дж.* 1984. М.: Правда, 1989.

ние оскорбляло боярскую элиту, по-прежнему воспринимавшую «Бориску» как вчерашнюю ровню, хитростью завладевшую престолом.

Но будь он немного поудачливее, сумей утвердиться на троне и провести свои реформы, возможно, сегодня мы бы воспринимали его так же, как многие — Петра Великого. Но никогда и ни в каких слоях общества к нему не относились предвзято из-за его татарских корней. Да и вообще чуть ли не треть русской аристократии была татарского происхождения. В том числе великий историк Карамзин... Кара-Мурза, «черный князь», если угодно.

Не меньше русской элиты вышло из Великого княжества Литовского и Русского, а большинство этих выходцев были если и не стопроцентными поляками, то с нешуточной примесью польской крови. Что не помешало князьям Голицыным, Глинским и Чарторыйским встать у русского престола, потеснив великорусскую знать.

Не забудем, что и сама царская династия была не «чисто русская» по крови.

Все последующие поколения императоров и самодержцев всероссийских женились строго на немецких княжнах. И становились все менее русскими, «онемечивались». Со временем на престоле сидели практически чистокровные немцы. Однако это им не мешало быть русскими царями, а русскому народу не мешало принимать их именно в этом качестве.

Русская аристократия?.. Маркиз де Кюстин описал прелюбопытнейший эпизод...

На придворном балу, когда маркиз рассматривал гостей, к нему подошел император Николай I.

«– Вы думаете, что все это – русские?

– Конечно, Ваше Величество...

– А вот и нет! Это – татарин. Это – немец. Это – поляк. Это – грузин, а вон там стоят еврей и молдаванин.

– Но тогда кто же здесь русские, Ваше Величество?!

– А вот все вместе они русские!»

Но в Британской империи африканская и индусская знать, султаны и эмиры мусульманского мира никогда не стояли у трона. Сикхи и гуркхи в Индии составляли огромный процент солдат колониальных войск. Но нельзя сказать, что и англичане, и

сикхи, и гуркхи, все вместе – британцы. Ни сикхи, ни англичане так не чувствовали, и королева Виктория, властвовавшая с 1837 по 1901 год, никогда бы ничего подобного не произнесла.

Какие бы страны ни входили в Российскую империю, их население сразу же наделялось всеми правами подданных России. О татарах и поляках уже говорилось. Стоило Армении и Грузии войти в состав России, их крестьяне получили права русских крестьян, а горожане вливались в мещанство и купечество на самых общих основаниях. Дворянство тоже получило те же привилегии, что и русское дворянство.

Багратион, соратник Суворова и Кутузова, павший на Бородинском поле, – из грузинского рода князей Багратиони. Виднейший придворный деятель времени правления Александра II и Александра III Лорис-Меликов – армянин. Покоритель Средней Азии и завоеватель Ташкента первый генерал-губернатор Туркестана, генерал фон Кауфман – из обрусевшего австрийского рода.

Да, главой правительства был граф Лорис-Меликов – армянин, туземец. В Российской империи – так же как и в Османской, кстати, – понятие «национальность» не учитывалось в принципе, она считалась чем-то дополнительными, в паспорте не проставлялась. Базовое различие проводилось по вероисповеданию – если ты православный, то какая разница – армянин ты, еврей... Более того, добавлю, что некоренные народы российской империи зачастую имели льготное положение. Не только финны не призывались в армию, но и большая часть мусульманских народов. Крестьяне в Грузии – была такая странная привилегия, тянувшаяся неизвестно с каких времен – были вообще освобождены от уплаты налогов. При том, что государственной религией было православие, это не препятствовало существованию в России католических костелов, протестантских церквей, мусульманских мечетей и так далее. Достаточно пройтись по Невскому, чтобы увидеть храмы всех конфессий

С горцами Северного Кавказа и народами Средней Азии получилось еще более интересно: у них права дворянства получила *вся* местная знать. А князем у горцев мог считаться уже тот, у кого было небольшое стадо. У туркменов в «знать» входили все воины. Все, кто хоть раз участвовал в военном походе, то есть треть мужского населения. И всем дали права дворян Российской империи! Своего рода дискриминация русских – у нас-то для получения дворянства предстояло очень и очень потрудиться.

Неизвестный художник «П. И. Багратион».
Герой, красавец, «наш ответ Мюрату». Бессмертный символ русско-грузинского союза и дружбы народов

Калмыки, башкиры, татары были внесены в реестр казачьих войск. Государство одаривало их наделами, гарантировало им права на землю и пастбища. Для инородцев не было ограничений при поступлении в гимназии, кадетские корпуса. Существовали даже квоты «наоборот» – т. е. привилегии в образовании получали «новопринятые» в состав империи туземцы.

Это приводило к тому, что многие инородцы сами становились функционерами и чиновниками Российского государства, проводниками его политики и строителями империи.

Одним из таких был Чокан Чингисович Валиханов – по легенде прямой потомок Чингисхана. Этот чингизид, внук последнего независимого хана Средней орды, окончил Омский кадетский корпус, и если чем-то и отличался от русских сверстников, то только внешностью и знанием восточных языков. Эти отличия нисколько не мешали ему, а скорее открывали новые интереснейшие возможности, для русских ровесников закрытые.

Чокан Валиханов вел уникальные исследования в Центральной Азии, в городах, тогда напрочь закрытых для европейцев. Там он побывал, конечно, не в роли офицера русской армии, а как некий «купец Алимбай».

Соответствующая внешность и знание языков помогли «купцу Алимбаю» блестяще выполнить сложные разведзадания и с честью вернуться в Российскую империю[1]. Но Валиханов был не только русским Агентом 007, но и глубоким ученым-исследователем.

4 мая 1860 года в помещении Русского географического общества близ Певческого моста действительный член общества Чокан Чингисович Валиханов сделал доклад о своем путешествии. Его слушал петербургский ученый мир. Географы, этнографы, естественники, историки, востоковеды...

За штабс-ротмистром Валихановым упрочилась слава отважного путешественника, открывшего европейской науке тайны Средней Азии.

Позже Чокан Валиханов старался как можно больше европеизировать Казахстан. В 1862 году он был даже избран (да-да, это была выборная должность!) на пост старшего *султана* Атбасарского округа.

Еще одна фантастическая карьера «инородца» и притом русского профессора и офицера русской секретной службы – Го-

[1] *Марков С. Н.* Идущие к вершинам. М., 1968.

мочжаба Цэбэковича Цибикова, этнического бурята, а также русского интеллигента, профессора Санкт-Петербургского университета. Будущий ученый родился, как Чингисхан за 7 веков до него, – в диком кочевье, в забайкальских степях и до двенадцати лет вообще не говорил по-русски. Отец привез его в Иркутск... в мешке: мальчик не хотел учиться, не хотел уезжать из кочевья. Обучаться русскому языку и другим премудростям все равно пришлось, и чем больше он учился, тем больше ему это нравилось.

Гомочжаб Цибиков окончил гимназию в Иркутске, потом университет в Петербурге... Стал профессором, свободно владел немецким и французским языками. Цибиков был первым европейским ученым, который удостоился чести посетить священный город буддистов Лхасу – столицу Тибета.

Тибетское правительство категорически не допускало в свою страну европейцев.

Правда, англичане засылали под видом паломников-буддистов своих шпионов с юга – индусов... Но индусы не имели европейского образования и исследователями были никудышными. Например, они даже не умели фотографировать, да и о том, что такое «миля», «азимут» и «масштаб», имели очень уж примерное представление.

Цибиков же привез описания и фотографии столицы Тибета, а также подробные сведения о дорогах, расстояниях расположении городов и крепостей. Строго говоря, Цибиков, как и Валиханов, и Пржевальский, был не только ученым, но и профессиональным разведчиком. Но его деятельность принесла немало пользы не только Российскому государству. На основе собранных материалов Цибиков написал блестящую книгу, которую издают и читают до сих пор[1].

Индусские же разведчики, которые работали на англичан, действовали не ради науки, и, если что и писали, то лишь отчеты для своего начальства из «Интеллидженс сервис».

Приведены всего два примера, но они ярко показывают: представители «завоеванных» народов действительно обладали теми

---

[1] *Цибиков Г. Ц.* Соч. в 2 т. Т. 1, 2. Новосибирск, 1974.

же правами, что и русские. Право получать самое лучшее образование, устраивать хозяйственную жизнь и уж, конечно, служить на гражданской и военной службе, получая награды и чины наравне с русскими. Причем не отрекаясь ни от своей веры, ни от традиций своего народа.

Континентальные империи

Иногда, оправдывая жестокость европейцев в колониях, приводят один, но «веский» аргумент: европейские колонии – заокеанские. Колонии, мол, у европейцев лежали за морями, в этом все дело. Мол, пока доплывет добропорядочный британец до Индии, совсем огрубеет и обозлится. И запивает там на чужбине свою тоску о старушке Англии литрами джина, и одно доступно ему развлечение в редкие выходные – охота на «ноусэров» и прочую «туземную живность»...

Посмотрим же на империи континентальные. Первый же пример – наши соседи, австрийцы. Только Австрийская империя мало чем отличалась от «классических» колониальных империй Запада. В Австрийской империи австрийские немцы – «титульная нация», – господствовали над венграми и славянами. Методы властвования были примерно такие же, как и в «заморских» империях, с тем же отношением к завоеванным. Стоило начаться революции 1848 года, в ходе которой венгры попытались создать собственное государство, стоило полякам подняться на вооруженную борьбу, как тут же в немецкой прессе появились «исследования» о том, что славяне – народы неисторические. Эти народы «ввели» в историю только немцы, а славяне оказались неблагодарными туземцами. Писали о них примерно в тех же выражениях, как в британской прессе о взбунтовавшихся сипаях.

Подобное отношение разделяли и Карл Маркс, и Фридрих Энгельс. Они, правда, с одной стороны, «классово» поддерживали Венгерскую революцию 1848 года...

Но, с другой, по мнению К. Маркса, в Австрийской империи только немцы – главные носители исторического прогресса.

«Миссия всех других крупных и мелких племен заключается... в том, чтобы погибнуть в революционной мировой буре. И потому они теперь контрреволюционны». «Все эти маленькие тупоупрямые национальности будут сброшены, устранены революцией с исторической дороги»[1].

Вопли Карла Маркса о «славянской сволочи» и о чехах, которые «окажутся первыми жертвами угнетения со стороны революции», активно поддерживал и Ф. Энгельс. По мнению Энгельса, историческая миссия западных славян – «дело конченное». *«Их завоевание совершилось в интересах цивилизации... Разве же это было преступление со стороны немцев и венгров, что они объединили в великой империи эти бессильные, расслабленные мелкие народишки и позволили им участвовать в историческом развитии, которое иначе оставалось бы им чуждым?»*[2]. Одно хорошо – сказано коротко и ясно.

На события в Австрии (Австро-Венгрии), на вооруженную борьбу славян, на сравнение Австрии и Российской империи распространялось обычное отношение европейцев: положительное к европейским империям, резко негативное – к Российской[3].

Судите сами: польские земли с 1815 и до 1914 года поделены между Австрией, Пруссией и Россией. Восстания против Пруссии практически никогда и не прекращались: прусское правительство методично заселяло польские земли немцами. Против Австрии бунтовали дважды – в 1846 и 1848 годах.

Против России поляки, правда, тоже восставали, при том, что царская политика России в Польше была гораздо либеральнее, чем австрийская и немецкая. Русский и польский языки относятся к одной языковой семье – славянской, что делает поляков и русских намного ближе, чем, например, поляков и немцев.

---

[1] *Ульянов Н.* Замолчанный Маркс. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969.

[2] *Указ. соч.*

[3] На языке современной российской дипломатии это именуется «свойственной Западу политикой двойных стандартов».

В самой Польше поляк мог делать какую угодно карьеру, владея только польским языком. Но если он владел русским, то мог стать крупным чиновником и в Петербурге. Приводить примеры поляков-генералов, генерал-губернаторов, ученых и чиновников можно долго... Прозвучат сотни, тысячи имен, включая Пржевальского, Достоевского, Войцеховского, Чарторыйского, Горбовского, Ягужинского, Семевского, Крафта, Василевского, Коханьского, Потемкина, Дубенского, Тухачевского, Глинку... Нет, всех невозможно перечислить.

Однако во многих польских книгах по истории, даже в учебниках, восстания антироссийские, антиавстрийские и антинемецкие почему-то объясняются по-разному. Несмотря на то что масштаб событий примерно одинаков – убитых поляков около 10 тысяч в 1830–1831 годах и около 12 тысяч в 1846 году. Но восстание 1830–1831 годов назвали русско-польской войной, в которой бунт «хороших» поляков был подавлен «плохими» русскими. Восстание же поляков против австрийцев в 1846 году – мелкий конфликт между почти родными людьми – европейцами[1]. Ну что-то не до конца поняли и те, и другие. Бывает...

Ведущий специалист по истории России профессор Лондонской школы экономики Доминик Ливен – один из немногих на Западе, для кого научная истина весит больше, чем пропагандистские клише. Вот его трезвый взгляд. *«В то время империи были единственным способом существования великих держав. Представление о том, что, если бы Россия в XIX веке вдруг решила оставить свои балтийские или польские владения, она бы превратилась в прекрасную небольшую демократию, совершенно неверно. Если бы это произошло, то Россией управлял бы кто-нибудь другой – это ведь был век империализма. В XIX веке не было другой альтернативы, кроме как поддерживать геополитически мощную империю»*[2].

---

[1] В одной из кофеен в центре Кракова висит большой портрет австрийского императора Франца-Иосифа: своего рода благодарная память. Но когда я спросил: почему бы рядом не повесить портрет Николая I, это вызвало улыбку. Мои слова были восприняты как шутка (*Прим. науч. ред.*).

[2] Эксперт. – 2008. – № 1.

Революционные колонизаторы

Европейские народы, покоренные другими европейцами, могли подниматься на вооруженную борьбу... но очень часто оказывалось, что их идеал – вовсе не национальное государство, не восстановление попранной справедливости, а создание своей собственной империи, в которой завоеванные народы окажутся в таком же бедственном положении, в каком недавно пребывал их победитель.

Маленький народ буров возник в Южной Африке от потомков переселенцев из Европы. Протестанты, главным образом выходцы из современных Голландии и Бельгии, бежали за море от католиков, спасаясь от угрозы физического истребления. Сплотились в небольшой народ, со временем образовался свой язык, который так и называется «африканским» – африкаанс. Они храбро сражались с англичанами в англо-бурскую войну 1899–1902 годов.

В России начала XX века буры воспринимались как жертвы агрессии. Мальчишки бежали в Африку, чтобы сражаться на стороне буров против поработителей. Поэты этим событиям посвящали песни, словно это их Родина в опасности:

Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне![1]

Около 800 русских поехали в Африку воевать за свободу бурской республики Трансвааль. Более 100 из них не вернулись обратно, погибнув от пуль британцев или тяжелого, непривычного для них климата.

Но мы как-то забываем, что буры были еще большими расистами и более злыми колонизаторами, чем сами англичане. Британский путешественник Давид Ливингстон (1813–1873) прихо-

---

[1] Народная песенка про англо-бурскую войну (1899–1902 гг.) на основе стихотворения Г. Галиной «Бур и его сыновья» (1899), положенного на музыку М. А. Губченко. Эти первые две строфы – народные, в авторской версии их не было. Песенка была очень популярна в России в начале XX в. *(Прим. ред.)*

дил в ужас от жестокости буров по отношению к неграм. *«Невозможно понять, – писал он, – как, осыпав ласками собственных жен и детей, эти люди проявляют такую жестокость к африканским женщинам и детишкам»*[1].

Народы «Латинской империи» (точнее латиноамериканцы – потомки первой-второй очереди испанских и португальских колонизаторов) освободились в начале XIX в. от метрополии Мадрида и Лиссабона и как бы заодно освободили местных туземцев. И тут же установили еще более жестокий режим угнетения туземных индейских народов.

Жители английских колоний в Северной Америке поднялись на войну с Англией и победили. В 1783 году английские войска эвакуировались из Америки. Военный оркестр провожал их песней: «Все перевернулось вверх ногами». Свобода! Независимость!

...Но по отношению к индейцам «новые американцы» действовали еще более жестоко, чем англичане. Многие страницы истории войн (теперь уже гражданских) с индейцами таковы, что их просто страшно читать.

В Канаде индейцы долго, до XX века, жили в бескрайних лесах Севера. Европейцы почти не заходили в эти места. Но и с этими мирными индейцами правительство Канады повело самую настоящую войну. Трудно поверить, но вплоть до 30-х годов XX века там велись настоящие военные действия: карабины и пулеметы против луков и стрел[2].

---

[1] *Ливингстон Д.* Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1855 г. М., 1955.

[2] Подробности этой войны хорошо описал в своей книге Станислав Суплатович (или Сат-Ок, «Длинное перо»), сын польской революционерки Станиславы Суплатович, бежавшей из царской ссылки через Чукотку, затем через замерзший Берингов пролив на Аляску. Умиравшую в лесах женщину нашли индейцы. Они вылечили ее, и дама вышла замуж за вождя племени Леоо-карконо-маа (Высокого Орла).

В 1936 году Станислав Суплатович, Сат-Ок, вернулся в Польшу, где написал несколько книг о своем индейском детстве: в них описаны нападения правительственных войск на индейские племена, гибель людей от почти незнакомого им огнестрельного оружия, разрушения, горе, кровь (*Прим. науч. ред.*).

Австралийцы – потомки англичан, большей частью каторжников[1], превратились в совершенно чудовищных колонизаторов, чья жестокость ужасала самих британцев.

Писатель Алан Маршалл описывает, как сказал одному австралийскому поселенцу, что хочет достать для этнографических опытов несколько черепов коренных жителей Австралии. Тот кивнул, и вскоре Маршалл с ужасом увидел, что его гостеприимный хозяин седлает коня, к седлу которого приторочена длинноствольная винтовка.

«– Вы куда?!

– Сами же говорили, что вам нужны черепа... За черепами».

Алан Маршалл с трудом уговорил поселенца не убивать аборигенов. А дело было уже в 1944 году[2].

В континентальных империях

Точно так же вели себя европейцы и в континентальных империях. В 1846 году Краковское восстание поляков не было поддержано местным крестьянством: большинство помещиков в Галиции были поляки, а крестьяне в основном – русины (украинцы). Простые крестьяне не хотели никакой независимой Польши – для них было слишком очевидно, какая судьба их ждет в новом национальном государстве. Нет уж, рассуждали они, лучше пусть далекая власть в Вене (к тому же правительство Австрийской империи уже формально отменило крепостное право), чем местные польские магнаты, которые того и гляди восстановят крепостничество.

Что ж, украинцы имели основания подозревать, что в мононациональном польском государстве их положение станет на-

---

[1] Отметим ради справедливости, что нечеловеческая суровость британских законов XVII–XIX веков обрекала англичан на каторгу в далекой Австралии за такие «преступления», какие по сегодняшним либеральным временам заслужили бы не более устного замечания постового полисмена.

[2] *Маршалл А.* Мы такие же люди. М.: Географгиз, 1947.

много хуже, чем в многоплеменной Австрийской империи. И они оказались правы! Польша в 1918–39 годах действительно установила режим угнетения православных, намного более жесткий, чем ранее – австрийцы...

И в 1830–31 годах, и в 1863 году поляки восставали, требуя не просто, как представляется сегодня, – независимости старопольских земель вокруг Варшавы и Кракова. Нет ! На самом деле они требовали вернуть им Речь Посполитую, то есть исконные украинские и белорусские земли. Они хотели освободиться от власти Австрийской, Прусской и Российской империй, но для чего? Чтобы тут же создать свою собственную!

Венгерские повстанцы 1848–49 годов отчаянно воюют за свое национальное государство. Но они же борются и против попыток самоопределения словаков, сербов и чехов.

Временное правительство Венгрии во главе со знаменитым революционером-журналистом Лайошом Кошутом объявляет австрийского императора низложенным как «короля Венгрии» и самовольно определяет границы будущего венгерского государства. Включая – и примыкающие славянские земли!

Но славяне не хотят жить в «новом» венгерском государстве. И тут же вновь созданное революционно-демократическое венгерское правительство поднимает войска и артиллерию. Деревни словаков и сербов разоряются и сжигаются дотла. Были случаи, когда людей расстреливали за незнание венгерского языка или отказ пропеть строки венгерского гимна.

Все эти примеры доказывают: Российская империя создавалась на совершенно иных принципах, чем европейские колониальные империи. У нас просто нет другого русского термина для определения нашего исторически сложившегося многонационального государства... Предки с легкой руки Петра Алексеевича Романова называли его империей. Современные ученые иногда пытаются придать статус научного термина слову «держава» или «общность», чтобы на уровне названий отделить такие разные по сути государственные образования. Но пока никакой другой термин не прижился, не стал общепринятым. Однако будем иметь в виду, что по сути – это ***совершенно разные империи***.

Вот как упоминавшийся выше современный британский историк Доминик Ливен объясняет, почему в XIX веке у нас не происходило подъема национальных движений в отличие от всей остальной Европы: *«Свою роль играл интегрирующий фактор империи. Российская империя была русской по характеру. Император и ядро элиты были русскими. Однако империя была открыта для представителей других народов как изнутри страны, так и из-за ее пределами. В начале XIX века Российская империя была очень космополитичной. Лишь к концу века внутри России начинается давление на российского императора стать более русским по характеру».*

Поверьте, британский ученый на истории колониальных империй не одну собаку съел. Он-то знает, о чем пишет.

Глава 3

Российская империя: особенности освоения территорий

Народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, они превращаются в назём, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы.

П. Столыпин,
Речь о Финляндии,
1905 г.

Российская империя расширялась, согласно логике неизбежного расширения, по равнине, где остановиться значило погибнуть. Равно так же не может остановиться ямщик в степи ни летней ночью – загрызут волки, ни зимней – заметет пурга, застудит русский мороз. В условиях бескрайних и малонаселенных равнин только в движении может существовать и развиваться русская птица-тройка.

Приход руссов, славян, впрочем, никогда не означал вытеснения коренного народа. Обычно он знаменовал лишь переход к более тесному, полуродственному соседству. Соседские отношения сменялись жизнью в одном селе, одним миром. По городским понятиям – снос старых перегородок между квартирами и начало жизни одним, общим хозяйством. Правда, заметим, в этом шумном и многоязыком коммунальном доме все-таки на кухне всегда авторитетно заправляла хозяйка из метрополии, она же и была ответственным квартиросъемщиком.

В общей квартире по-соседски могли и всерьез повздорить. Могли перебить посуду. Но на улицу, в мороз, в «огороженные резервации»[1] никого по крайней мере не выгоняли.

Если шла славянская экспансия в XI–XIII веках от Днепра на северо-восток, к Ярославлю, будущей Москве, затем к Архангельску, то это лишь означало, что отныне на одной и той же территории в самом тесном соседстве стали жить славянские и финно-угорские племена. Некоторые племенные союзы Древней Руси «официально» включали в себя и славян, и финно-угров – например, вятичи.

С тюркоязычными половцами киевляне заключали союзы, торговали и точно так же массово, как и с финно-уграми[2], вступали в браки. Известно, что против «объединенных монгол», когда состоялась известная битва при реке Калке, русичи выступили будучи связанными договором и родственными связями с половцами: половецкий хан Котян был тестем русского князя Мстислава Удалого.

Внутренняя жизнь народа, вошедшего в состав Руси, менялась крайне мало. Никто не препятствовал старинному образу жизни этого народа, никто не ломал сложившиеся традиции.

Впрочем, Древняя Русь обычно и не становится объектом для создания черных мифов о России.

Далеко идущие выводы о присоединении земель других народов к Руси (т. е. «русской колонизации» и «порабощении великороссами свободных народов Урала, Сибири, Дальнего Востока, Севера и т. д.) делаются начиная с века 16-го.

Часто в качестве первого яркого примера упоминают завоевание Казанского ханства.

---

[1] Это намек на опыт похожих «соседских» отношений между белыми пришельцами и коренными индейскими народами Америки.

[2] Вообще физиономически считается, что современные русские довольно сильно отличаются внешне, «лицом» от «старокиевских» славян. Сказывается примесь и татарской, половецкой, и особенно финно-угорской крови. Отсюда, от коренных народов будущей Московии совершенно нехарактерная для «классических» славян времен Владимира Красно Солнышко белесость, бледнолицесть, более широкие скулы, светлые глаза.

Р. Пайпс.
Талантливый историк и ученый, взявшийся доказать «изначальную порочность» всего русского уклада государственности. В СССР считался агентом ЦРУ и «злобным антисоветчиком». Вчитавшись в его труды, приходишь к мысли, что иногда бойцы советского идеологического фронта были не так уж далеки от истины

По мнению одного из крупнейших западных специалистов по истории России, профессора Гарвардского университета Ричарда Пайпса, Россия не только со страшной жестокостью завоевала Казанское ханство, подавив национально-освободительное движение татар, но и навсегда пресекла всякую возможность самостоятельного культурного развития поволжских татар. В частности, Пайпс ссылается на русские поговорки типа «незваный гость хуже татарина» и доказывает – создали их исконные, страшные враги татарского народа.

Впрочем, и в истории России, и в сочинении мифов о ней монгольское нашествие, Золотая Орда, Казанское ханство, Северный Кавказ сплелись в такой тесный клубок проблем, что придется поговорить об этом особо.

Татарский вопрос

О том, что представляло собой монгольское нашествие на Русь, упомянутый выше Ричард Пайпс придерживается очень своеобразного мнения. Он считает, что монголы были в культурном отношении *намного выше (!)* русских.

Тем, кто хочет более детально ознакомиться с этой проблемой, Р. Пайпс рекомендует монографию, написанную немецким историком Шпулером[1]. Вообще-то книгу Шпулера смело можно назвать дешевой попыткой реванша за проигранную Вторую мировую войну. Автор приводит множество данных о том, что достижения Золотой Орды в области управления, налоговой политики, военной организации, торговли и транспорта значительно превосходили успехи русских в этих сферах к тому времени. Всему-то, абсолютно всему учились русские у монголов, вот как!

---

[1] *Spuler B.* Die Goldene Horde: Die Mongolen in Russland. Wiesbaden, 1965.

Уровень аргументации смехотворный, основная масса сведений об эпохе попросту игнорируется. Но «зато» появляется еще один способ пересмотреть историю, а от такой возможности Ричард Пайпс никогда не отказывался.

Впрочем, у Пайпса есть еще один аргумент, на этот раз собственного изготовления. «*Однако для меня решающим,* – пишет Пайпс, – *остается другой аргумент: в то время как в Китае и Иране, также покоренными монголами, завоеватели быстро ассимилировались и потеряли свои национальные отличительные особенности, в России этого не произошло.*

Отсутствие славянизации "монголов" в России, в то время как в Китае они "китаизировались", а в Иране "иранизировались", указывает на их более высокий (! – В. М.) культурный уровень в сравнении с русскими, поскольку, как правило, народы с более высоким культурным уровнем не ассимилируются среди народов с более низкой культурой. Как полагают этимологи, в связях типа монголо-русских влияние обладает направленностью от монголов к русским, а не наоборот».

В общем, монголы на Руси не ассимилировались, а вот русские от монголов переняли так много, что и после выхода России из-под власти татар порядки в ней остались татарские. Другого-то было не дано.

Бредни Пайпса и Шпулера – прекрасный пример того, как отрицаются или извращаются факты в угоду надуманной схеме.

Сочиняя монголов-культуртрегеров, Пайпс то ли делает вид, что не знает, то ли намеренно игнорирует многочисленные факты запустения русских земель, передвижения Руси на северо-восток с разоренного и почти полностью вырубленного юга. Он не замечает того, что хозяйство Руси после монголов примитивизировалось. Исследования академика Рыбакова показали, что после монголов уменьшилось число ремесленных специализаций, исчезли многие изделия ремесленников Древней Руси, требовавшие особо высокой квалификации[1].

[1] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1947.

Ну а политика вывоза ремесленников из всех захваченных стран в Монголию или в столицу Золотой Орды, Сарай, подробно описана даже в институтских учебниках. И что за ней стоит, хорошо известно: отсутствие у монголов собственного ремесленного посада[1].

Выдумывая, будто татары не ассимилировались на Руси, Пайпс особенно сильно подставляется. Не меньше трети феодальной аристократии и вообще ярких, известных людей Руси XIV–XV веков – татарского происхождения. Перечислять семьи и роды не имеет смысла, тем более что, рассказывая о Казанском ханстве, мы невольно с ними столкнемся. Назовем пока такого известного в России святого, как Пафнутий, основатель Боровского монастыря. Сведения о нем есть в доступном всем источнике – Православном календаре:

«Преподобный Пафнутий Боровский родился в 1394 году в селе Кудинове, недалеко от Боровска, при крещении был назван Парфением. Его отец Иоанн был сыном крестившегося татарина-баскака Мартина, мать Парфения носила имя Фотиния. Двадцати лет Парфений оставил родительский дом и в 1414 году принял постриг с именем Пафнутий в Покровском монастыре на Высоком от настоятеля Маркелла».

Итак, русский православный святой – внук баскака, оставившего Орду и прижившегося на Руси. Где вы, господин Пайпс?

Точно так же и евразийцы, рассказывая сказочки о русско-степной и особенно русско-татарской идиллии, вынужденно игнорируют факты. Уже о половцах и печенегах в летописях Древней Руси упоминали, как о «поганых» и о «горе степном». В «Слове о полку Игореве» сказано:

Вновь узнала Русь, похолодев,
Топот половецкого набега.

«О каком-то культурном взаимодействии Руси и татарщины можно говорить, опять-таки лишь закрыв глаза на длинный ряд красноречивых свидетельств... что русское национальное са-

[1] *Федоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

мосознание вырастало не на почве тяготения к татарщине, а прямо наоборот, на почве возмущения татарским игом и сознательного отталкивания от татарщины, как от чужеродного тела в русской жизни. Это чувство объединяло всех русских людей от простой деревенской женщины, пугавшей своего ребенка "злым татарином", до монаха-летописца, именовавшего татар не иначе как "безбожными агарянами", и до любого из князей, неизменно заканчивавшего все свои правительственные грамоты выражением на то, что Бог "переменит Орду".

Куликовская битва, завоевание Казанского ханства воспринимались народным сознанием как великие акты национально-религиозного значения. И вот всю эту подлинную историческую действительность нам хотят подменить какой-то трогательной русско-татарской идиллией!»[1]

К сказанному можно добавить еще одно: для русских не было никого страшнее и хуже, чем татары. Причем речь идет явно не о казанских татарах, даже не о крымских татарах, «прославленных» страшными набегами и уводом в рабство людей. По тексту фольклорных песен очень хорошо видно, что речь идет именно о татарах – сборщиках дани, баскаках, чиновниках Золотой Орды:

Нету дани – он коня возьмет;
Нету коня – татарин дитя возьмет,
Нет дитя – он жену возьмет.
Нет жены – самого головой возьмет[2].

Ни шведский «потоп» XVII века, ни века противостояния с Литвой и Польшей, ни две мировые войны с германцами, ни набеги варягов не впечатались так жутко в народное русское сознание. Нет в народной памяти ни поляка, ни немца, ни шведа – такого же беспощадного «сосальщика» дани, насильника, убийцы.

В дореволюционной истории ни выход к Балтике в начале XVIII века, ни взятие Варшавы в 1794 году, ни взятие Берлина в

[1] *Кизеветтер А. А.* Евразийство // Философские науки. – 1991. – № 12. С. 34.
[2] Исторические песни. М.: Худлитиздат, 1955.

середине XVIII столетия или Парижа в 1814 году никогда не поднимались на Руси до такого уровня значимости, как взятие Казани или Крыма. Эта победа возводилась в ранг религиозной, победы «правых и славных» над «погаными» , победы добра над злом.

Таковы факты.

Завоевывая Казанское ханство, русские продолжали войну с Золотой Ордой. Вот только проявлялось это не в особой жестокости. Скорее в необыкновенной популярности этой войны, в готовности пожертвовать чем угодно во имя разрешения векового спора.

Многонациональное Московское государство

Начнем с того, что Московское царство, Казанское и Сибирское ханства не были мононациональными государствами. В Средние века в Европе вообще не знали идей национального государства и суверенитета нации: это было порождение эпохи Просвещения и Французской революции 1789–94 годов.

После возникновения Монгольской империи и ее провинции[1] – Золотой Орды – русские, башкиры, ногайцы, татары вошли в состав одного государства.

В ханской столице встречались русские, татарские и башкирские аристократы, русские и татарские ремесленники бок о бок работали в мастерских монгольских городов, поставляя ко двору хана украшения, утварь. Русские и башкирские воины также участвовали в завоевательных походах монголов по приказу хана. Например, в войне против арабов, которая закончилась взятием Багдада.

С другой стороны, и в Московии татарские и монгольские княжны, принимая православие, становились женами русских

---

[1] Кстати, впервые слово «провинция» появилось в лексиконе римлян, когда они завоевали южную часть Галлии – еще до Цезаря – и именно эта часть стала называться Provincia. Отсюда, кстати, происходит название Прованс – известное каждому россиянину по фильму про трех мушкетеров: «Шампань или Прованс – и в ваших жилах тоже есть огонь».

князей и даже царей. Московский князь Юрий (Георгий) Данилович, брат знаменитого Ивана I Калиты и внук Александра Невского был женат на родной сестре тогдашнего ордынского хана Узбека Кончаке (в крещении – Агафье). Мать Иоанна Грозного – Елена Глинская была из рода обрусевших крещеных татар, осевших в Литве.

Современные ученые считают, что пятую часть словарного запаса русского языка составляют слова тюркского происхождения.

Этнический состав Московского царства, Казанского ханства, Сибирского царства и других позволяет говорить о них как о многонациональных государствах, совершенно не похожих на европейские. На Руси в эпоху Московского царства жило множество совершенно «российских» татар, служа верой и правдой русскому царю и зачастую занимая высокие государственные должности. Крещеный татарский царевич Петр Ибрагимович руководил обороной Москвы в одну

Г. Седов «Иван Грозный любуется на Василису Мелентьеву». 1875 г.

из войн между Казанью и Москвой. Саин-Булат (в крещении Симеон Бекбулатович) женился на княжне Мстиславской и в течение года, с октября 1575-го по август 1576-го, даже царствовал в Москве (когда царь Иван Грозный удалился в Александрову слободу).

Шах-Али – царь Касимовского татарского царства, существовавшего на правах автономии в границах Руси, княжил на Мещере, вместе с Иваном Грозным участвовал во взятии «своей» татарской Казани, а во время Ливонской войны руководил Московскими войсками вместе с двумя другими служилыми татарскими князьями – Абдуллой и Тохтамышем.

Во время похода Ивана Грозного на Полоцк в 1563 году при царе были два бывших казанских царевича – Ядигар (в крещении Симеон Касаевич) и Утямиш (в крещении Александр Сафагиреевич).

Царь Иван IV Грозный осознавал себя одним из последних православных государей, царем Святой Руси, поощряя переход в православие татар, равно как и других народов. Но он никогда не ставил перед собой цель искоренить ислам на землях Московского царства. Известны слова тогдашнего русского посла в Турции, сказанные султану и прямо свидетельствующие об этом: *«Мой государь не есть враг мусульманской веры. Слуга его, царь Саин Булат господствует в Касимове, царевич Кайбула в Юрьеве, Ибак в Сурожике, князья Ногайские в Романове, все они свободно и торжественно славят Магомета в своих мечетях...»*[1]

Многонациональные татарские ханства

В других государствах дела обстояли схожим образом. В Казанском царстве кроме татар жили марийцы, мордва, удмурты, чуваши, а также часть башкирского народа. Сибирское царство населяли кроме татар манси, пермяки, ханты. В Ногайской Орде кроме самих ногайцев жили разные народы – от башкир до пред-

[1] *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. СПб., 2000.

ков нынешних каракалпаков. Более или менее однородным по этническому составу, то есть в основном татарским, можно считать Астраханское царство, но оно было и самым малочисленным, располагалось в бесплодных солончаковых степях и не обладало реальным суверенитетом, находясь в зависимости от Крыма[1].

Между этими государствами были, разумеется, и конфликты, но были и периоды мира. В XV–XVI веках Московское княжество и Крымское ханство выступали как союзники в борьбе с остатками Орды, а затем и с литовцами. Были целые периоды в истории Казанского или Астраханского ханств, когда у власти там находились «прорусские партии».

О покорении Сибири, Казани и Астрахани

Во времена Московского царства взятие Казани было для русских Богом данным, давно желанным событием. День взятия Казани сделался религиозным праздником. В этот день московский царь вступил в Москву «на осляти», уподобляясь Христу, въезжающему в Иерусалим.

В имперскую эпоху присоединение Казанского ханства трактовали более корректно и с позиций светской науки. Русские за два века сделались и поспокойнее, не стремясь любой ценой подчеркнуть свою религиозную правоту, да и поцивилизованнее. Настало время более объективного осмысления событий. В «Истории государства Российского» Карамзина нашлось место и для самокритики: для описания резни, учиненной стрельцами во взятой Казани.

Ну а в первый период советской власти, как мы уже отмечали, изучающим историю студентам и рабфаковцам полагалось считать, что до социалистической революции 1917 года русские были по сути такими же колонизаторами, как британцы в Индии.

---

[1] *Похлебкин В. В.* Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (от битвы на реке Сить до покорения Сибири). Справочник. М., 2005.

До конца 1930-х годов даже само слово «Русь» считалось в определенной мере... как бы помягче сказать... контрреволюционным[1]. *«До революции преобладало плодотворное объединяющее представление о русских как единой русской нации, – пишет Владимир Лавров в книге "Ленин. Выбор России". – Однако Ленин, его последователи из ненависти к единой великой России разделили единую нацию, переименовали великороссов в русских, запретили употреблять имя Великороссия и даже употребление имени Россия долго не приветствовалось».* Уделять «слишком» много внимания русской истории, языку, культуре, вообще всему русскому было чем-то очень подозрительным. Русский народ ведь, «как известно», был народом-завоевателем и нещадно эксплуатировал другие, завоеванные им народы.

В книгах, издававшихся в то время, обязательно подчеркивалось: «завоеванные» народы и народности были, как правило, «хорошие», а русские колонизаторы – «плохие». Даже местные национальные элиты, султаны, ханы, эмиры и их придворные, совершеннейшие тираны по отношению к подвластным им народам, превращались раннебольшевистскими историками и публицистами чуть ли не в народных мстителей и заступников.

В книге академика А. П. Окладникова, посвященной присоединению Бурятии к России[2], живописуются зверства русских «карателей и колонизаторов». У него однозначно буряты – хорошие, а завоевавшие их казаки – преступники и убийцы. То же самое в книгах того времени – о присоединении Грузии, Средней Азии или Северного Кавказа.

О завоевании Казанского ханства писали примерно в таком же стиле. Например, так расставляет нравственные оценки историк М. Худяков, в книге которого русские из войска царя Гроз-

---

[1] Вот так, кстати, и произошло трагическое разделение единого русского народа на совершенно непонятных русских-«россиян», украинцев и белорусов, разделение единой великой страны на Россию, Украину, которая не Украина, а на самом деле Окраина, и Белоруссию.

[2] *Окладников А. П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). Л.: Соцэкгиз, 1937.

ного изображены кровавыми мясниками, перед которыми бледнеют отборные эсэсовцы. А противостоявшие им казанцы выглядят благородными борцами за независимость[1].

Но если до середины 1930-х годов «русский имперский колониализм» рассматривался в советской историографии как абсолютное зло, то затем он уже превращался в зло относительное. При Сталине полагалось отмечать и положительные стороны присоединения народов и стран к Российской империи (говорилось, разумеется, – «к России»).

В 80–90-е годы XX века, в эпоху «парада суверенитетов» и «распада советской империи» многие вернулись к позиции Худякова и Окладникова образца ранних 1930-х годов.

Татарские националисты до сих пор цитируют эти книги. Они и до 1985 года говорили о «тюрьме народов», но тогда еще применительно к царской России. Теперь объявили «тюрьмой народов» и СССР, закрывая глаза на многочисленные блага, которые принесла Советская власть «инородцам». Но поскольку Ленин из моды вышел, ссылаться на него перестали.

Реалии же говорят вот о чем: во-первых, не было в XVI веке никакого такого народа – казанские татары. Была казанская империя. Самая настоящая империя, осколок Золотой Орды. Правили в ней ханы-чингизиды, родственники ханов Средней Азии и Сибири. Примерно 10–15 % их подданных называли себя татарами и считались в этом государстве завоевателями. А народы Поволжья: тюркоязычные башкиры, чуваши и ногайцы и финно-угры: мордва, марийцы – были вассалами татарских ханов.

Не успела пасть Казань, как подданные ее империи добровольно присоединились к Московскому княжеству, присягнули на верность «белому царю».

Тем более башкиры и ногайцы и до этого часто выступали союзниками Москвы.

---

[1] *Худяков М. Г.* Очерки по истории Казанского ханства. Изд. 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го изд. (Казань: Комбинат изд-ва и печати, 1923). М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991.

Ногайская орда не была организационно низложена, она и далее автономно существовала в составе Московской Руси вплоть до Смуты.

В 1555 году в Москву прибыли послы от сибирского царя Едигера и обратились к Иоанну IV Грозному с поклоном и добровольным признанием своего вассалитета: «Возьми, Царь, всю Сибирь под свою руку».

Царь, разумеется, согласился и отправил в Сибирь своего посла и сборщика дани Дмитрия Курова. Таким образом и сибирские народы (не только сибирские татары, но и ханты, манси и другие народности Севера) также добровольно вошли в состав русского государства.

Правда, там властвовали и антирусски настроенные местные князьки, среди которых – некий хан Кучум. Только о нем единственном сегодня и вспоминают школьные учебники, когда говорят о приходе русских в Сибирь.

Но Кучум – отнюдь не воплощение духа сибирских народов. Он вообще никакой не сибиряк.

Хан Кучум – царевич из рода среднеазиатских ханов, «ставленник» узбеков и казахов. В 1563 году Кучум убил законного царя, потомка исконно сибирской династии местных правителей, Едигера (того самого, который ранее добровольно признал себя вассалом Москвы). После этого Кучум разорвал отношения с Москвой и стал совершать набеги на русские земли (Пермский край). Только после этого против него и поднялись русские казаки.

Борьба с Кучумом – это не борьба Москвы с Сибирским царством. Это борьба центрального правительства уже возникшего единого русско-татарского государства против узурпатора трона одной из его провинций.

Борьба метрополии с сепаратистом.

При этом антирусской политикой Кучума в самой Сибири многие были недовольны. Так, он преследовал народы ханты и манси за их лояльность Москве. В русском войске, разгромившем Кучума, были также и татары. Треть населения государства Кучума были русские. Большая часть из них поддерживала законных ханов и вместе с ними – Москву.

Многие исследователи уверены: когда с отрядом из 500 казаков Ермак в 1582–85 годах совершил поход против Кучума, эта операция была инициирована в самой Сибири сторонниками объединения с Московским царством. Вполне нормальное объяснение той взаимной приязни, которую испытывали друг к другу «завоеватели» и местные жители. Становятся понятны и те почести, с которыми коренные обитатели Сибири похоронили погибшего Ермака, и местная мифологизация его личности, сопоставимая с Ильей Муромцем.

И с завоеванием Астраханского ханства также все обстояло сложнее, чем изображают сторонники исконной «национальной независимости» Астраханского татарского государства.

В 1554 году астраханский царь Дервиш-Али подписал договор о мирном и добровольном вхождении Астрахани в состав русского государства. Астраханцы сохраняли свою автономию, становясь, по сути, вассалами Москвы. Типичная для Средневековья система власти.

Астраханцы обязывались выплачивать дань Москве, разрешили русским рыбную ловлю в устье Волги и соглашались на размещение в Астрахани «ограниченного контингента» московских стрельцов. Но вскоре хан Дервиш Али неожиданно «передумал» и перешел на сторону турок и призвал турецкие войска. Только тогда, в 1556 году, Иван Грозный отправил на Астрахань русское войско, причем в этом войске опять же было немало «служилых татар». После победы московитов Астрахань в наказание за нарушение вассальной присяги была присоединена к Московскому царству безо всякой автономии и мирного договора.

Самое любопытное заключается в том, что и у Казанского царства была реальная возможность добровольно войти в состав Московского царства, потому что среди казанских татар было немало сторонников Москвы. О наличии мощной прорусской партии в Казани не упоминают ни зарубежные историки, ни современные татарские шовинисты. Даже в России, похоже, далеко не все историки знают об этом.

А история любопытная. За несколько лет до завоевания Казани был разработан проект ее мирного присоединения к Москве. Планировалось сохранить полную свободу вероисповедания,

оставить местную мусульманскую администрацию, приравнять татарское дворянство к русскому с подтверждением всех прав его состояния. Этот проект был чрезвычайно близок к осуществлению.

Формально он даже осуществился: в 1551 году в Казани состоялся курултай[1], где большинство высказалось за договор с Москвой. Казань обязалась освободить всех христиан, обращенных в рабство, было создано казанское правительство во главе с огланом Худай Кулом. Это правительство приняло присягу верности русскому наместнику Микулинскому и фактически объявило о мирном вхождении казанских татар в состав русского государства.

Однако в последний момент, когда Микулинский должен был торжественно въехать в Казань, там произошел новый переворот, на этот раз антирусский. Возглавлял его некий протурецки настроенный князь. Заговорщики обманом настроили казанцев против русских, заявив, что стрельцы, войдя в город, собираются устроить резню. На самом деле к Казани двигалась мирная делегация, с участием московских «дипломатических представителей» и непосредственно с главой правительства Худай Кулом.

В результате 180 русских стрельцов, которые *уже* находились в городе, были самым вероломным образом, в лучших традициях проходящей «параллельно в Европе» французской Варфоломеевской ночи, зверски убиты. Это и стало впоследствии причиной жестокостей московского стрелецкого войска при взятии Казани.

Такое предательство поставило крест на возможности мирного развития событий. Более того, это сослужило плохую службу самим казанцам, поскольку заставило промосковски настроенных татарских аристократов открыто примкнуть к московскому войску, в котором и без того уже были и касимовские татары, и чуваши, и марийцы. Некоторые татары, хотя и не вступа-

---

[1] Курултай – у монголов (монг. *хурул, хурал*) и у тюркских народов (татар и др.) орган народного представительства, всенародный съезд знати для решения важнейших государственных вопросов, в определенной степени – аналог европейских парламентов (напр., Палаты лордов). (*Прим. ред.*)

ли в армию Грозного открыто, проигнорировали призыв Казани к антирусской борьбе, поскольку считали занявшего казанский престол хана Ядигера не законным владыкой, а попросту – «турецким наймитом».

Все это говорит об одном: наивно и неисторично видеть во взятии Казани и завоевании Казанского ханства войну двух народов: татар и русских. Это глубоко неверный, более того – с учетом современных русско-татарских отношений и многовековых братских связей – глупый, вредительский[1] подход.

Кто же брал штурмом Казань в составе войска московского царя Ивана Грозного? Московиты? Казаки? Как бы не так! Это было многонациональное войско, по составу – практически Красная Армия в 1941 году. Итак, сухая статистика.

В штурме Казани в 1552 году участвовали русские (до 50 тыс.), касимовские татары (30 тыс.), астраханские татары (20 тыс.), московские, нижегородские и казанские татары (10 тыс.), 3 тысячи ногайцев, 5 тысяч мещеряков, 4 тысячи чувашей, от 7 до 10 тысяч мордвинов, 10 тысяч черкесов, 10 тысяч черемисов и вотяков.

Получается – нерусские формирования в войске Ивана Грозного составляли 60 % от общего числа. Кроме того, было немало и европейских офицеров и «военспецов», наемников-немцев, поляков, голландцев и англичан. Татар в войсках Ивана было вообще больше, чем собственно русских.

Со стороны казанцев же была следующая картина: от 30 до 35 тысяч казанских татар, около 3 тысяч ногайцев, 10 тысяч астраханцев, от 10 до 15 тысяч черемисов и вотяков, 1 тысяча турок, 1 тысяча русских. То есть против 40–45 тысяч татар из разных царств, оборонявших Казань, было более 50 тысяч татар на стороне московского войска.

Как пишет один из современных историков, *«Казанское ханство в период 1467–1560 гг. переживало гражданскую войну, вызванную необходимостью переосмысления своего места в мире и выбора ориентации. Причем, большинство*

---

[1] Ну никуда мне не деться от лексикона времен Вышинского. «Вредительский». Не могу подобрать более емкого и точного слова.

татар в итоге с оружием в руках встали на сторону Москвы. Протурецкая позиция части элиты не встретила почти никакой поддержки у населения... и была обречена на провал...»

И далее: *«... вхождение татар в состав России было добровольным и осознанным выбором, путь к которому в силу тогдашних геополитических реалий и противоборств был труден и кровав. Уже одно то, что во время русской смуты татары поддержали Русское государство, а не ляхов, говорит об этом»*[1].

Любимые рассказы западных «русоведов» и наших доморощенных врагов собственного государства и народа о «феноменальной жестокости» русских в ходе штурма также не выдерживают критики. Конечно, при взятии Казани, как и при штурме любой крепости во все времена, имели место малоприятные инциденты.

Но это – по современным меркам. Тут надо учитывать три фактора: во-первых, нельзя забывать об историзме морали. Есть вещи, которые вызывают отвращение и ужас у человека XXI века, но для предков были чем-то естественным.

Во-вторых, в Средние века нарушение клятвы верности между вассалом и сюзереном считалось тягчайшим преступлением, бесчестием, достойным самого жестокого наказания. Формально, напомню, Казань изменила присяге Москве.

В-третьих, в Казанском ханстве было не менее 100 тысяч русских рабов. Это при общей численности населения ханства не более 1 миллиона человек. Московиты считали казанцев не только узурпаторами и клятвопреступниками, но и работорговцами. А работорговцев у нас, как мы уже отмечали выше, всегда не очень любили.

Ну и, наконец, не забудьте про вырезанных перед этим в Казани 180 стрельцах. Город штурмовали в том числе их сослуживцы, друзья, однополчане. Это добавляло в остроту ситуации немного личного, согласитесь?

---

[1] *Снежко С.* Москва–Казань: тысячелетие спустя / Правая.ру. Православно-аналитический сайт. 22 авг. 2005 г. (www.pravaya.ru).

Московское царство — империя ли это?

Удивляет легкость, с которой расширялось Московское государство, еще в XIV веке бывшее небольшим княжеством. Разве сопротивление Казани, Астрахани и отрядов Кучума можно сравнить с теми военными конфликтами, которые англичане развязали в Ирландии, в Северной Африке, даже в Америке?

И какова судьба Казани после ее поражения? Ничего похожего на колониальную политику Запада. После войны в Казанский край была назначена русская администрация. Земли протурецких мурз (князей) розданы русским поселенцам, но сами мурзы не были казнены, а со своими семьями и дружинами пленены и увезены в Московию, где и ассимилировались.

Я не в силах представить себе индусскую знать или, еще ярче, – вождей племен гуронов, апачей и могикан в Америке, которых, лишив наследственных земель, вывозят в Британию, чтобы они мирно смешались там с англичанами.

А судьба тех мурз, которые сознательно поддерживали русскую линию, была намного благоприятнее. Фактически они были приравнены к русским аристократам. Их вероисповедные права также были сохранены.

Разрушение мечетей и массовое насильственное обращение в христианство пленников во время казанской кампании, конечно, печальный исторический факт, но объяснимый эксцессами войны, а не сознательной и долговременной политикой. Вскоре в Казани снова стали появляться мечети, религиозные школы, а мусульманское духовенство постепенно по правам начало приближаться к статусу православного священства.

Первоначально татарам-мусульманам в городе жить запрещалось. Но разрешалось в слободах. К концу XVIII века слободы казанских татар слились с городом. Их жители стали центральным ядром возникающей татарской народности и нации.

Казань сделалась центром огромной территории, столицей восточной части России. Под властью приказа Казанского дворца, учрежденного в Москве после завоевания, находился весь обширный край, начиная с северного Кавказа и кончая Пермью и Башкирией.

Итак, что доказывают факты?

1. Бессмысленно рассматривать ядро будущей Российской империи как национальное русское государство. Многонациональный характер был у Руси изначально.

2. Россия расширяла свои земли совершенно не так, как возникали западные колониальные империи. У нее абсолютно иные задачи и цели, другое поведение. Это было объединение, происходившее иногда с применением военной силы, но включающее народы, давно и тесно связанные общей исторической судьбой, торговыми, культурными отношениями и даже династическими браками.

3. Все противники Московии – тоже многонациональные государства. Говорить, что «русские завоевали татар», просто бессмыслица.

4. При ближайшем рассмотрении приходится сдать в архив все сказки о «зверствах русских» и о «неимоверной» жестокости их завоеваний.

5. При расширении Московского царства на восток тамошние народы, как правило, сами входили в состав России. Иногда (Казань, Сибирь, Астрахань) это добровольное присоединение срывалось происками враждебных к Руси конкурирующих держав.

Часто государства, присоединенные изначально находились в дружественных отношениях с Москвой или даже были ее вассалами (как Казань и Астрахань). Захват этих земель Московским царством, уничтожение автономии и установление русской администрации было не государственной колониальной политикой, а наказанием за нарушение тамошними правителями своей вассальной клятвы верности.

Потом эта автономия, как правило, восстанавливалась.

6. Самое главное. Завоеванные Россией земли не становятся колониями в западном смысле. Статус новых территорий Государства Российского больше всего был похож на статус провинций Римской империи.

В сущности, уже Московия заложила основы для политики самоуправления. Более того, самоуправление завоеванных земель и народов для нее самое обычное и естественное дело.

Ничего общего с империями британцев, французов, голландцев! Их империи создавались для того, чтобы обогащать «своих» за счет «чужих».

Экономическая политика всех этих государств вплоть до XX века строилась исключительно на вывозе из колоний ресурсов и богатств в метрополию, т. е. изъятие материальных ценностей у подневольных стран. Ярчайший пример – чудовищное разграбление британцами завоеванной Индии, испанцами – Южной и Центральной Америки. И это было для них и для того времени естественным: а зачем же еще их захватывать? Ведь война стоила больших денег. А инвестиции надо возвращать. С процентами. Эта экономическая политика подпиралась господствовавшим расистским учением о превосходстве «белого человека».

Классические колониальные империи Запада никогда не стремились к равноправным договоренностям с иноземными элитами, а строили свою политику на лжи, подкупе и терроре.

Много ли было английских королей или даже просто аристократов эпохи владычества Британии над морями, которые женились бы на индийской или африканской принцессе?

Много ли было индийских раджей, которые пользовались бы в Британии теми же правами, что и природные английские аристократы, избирались в парламент, заседали в палате лордов, становились бы членами правительства?

Много ли в английском языке слов, заимствованных из хинди или китайского? Сама постановка этих вопросов раскрывает бесконечную пропасть между западными колонизаторскими империями и российской государственностью, которую мы просто не знаем, какими словами назвать.

Нет подходящего термина.

Из этого всего следующий краткий вывод.

«Завоевание» Казани или Астрахани, «покорение» Сибири и других земель Москвой – это действия того же ряда, что и «завоевание» французским королем Бургундии и Анжу. Или завоевание Англией Уэльса. Мадридом – Малаги и Севильи.

Но это никак не покорение англичанами Индии, французами – Индокитая, а испанцами – государств майя и ацтеков.

О русском завоевании Индии... История Российской империи знает два похода на Индию. Первый – это посылка казаков Павлом I, когда он собирался заключить союз с Наполеоном. До Индии они, правда, не дошли, вернулись обратно.

Второй поход – это 1878 год. Идут переговоры об итогах очередной русско-турецкой войны. Англия страшно давит на нас, заставляя отказаться от всех завоеваний русской армии под командованием «Белого генерала» Скобелева, столь живописно представленных в «Турецком гамбите» Б. Акунина. Тогда для того, чтобы пощекотать Британию, принимается лихое решение направить из туркестанского военного округа полк оренбургских казаков и еще один пехотный полк для ведения военных действий в Индии.

Полки экипируются, солдатам выдается по две пары запасных сапог – как остроумно сказал Леонид Парфенов в блестящем фильме «Триста лет Российской империи», «чтобы было что мыть в Индийском океане».

И марш-марш вперед – дан приказ ему на Дели.

Полки выступают. Не надо думать, что этих сил мало. В Индии очень небольшие гарнизоны регулярных британских войск. Основные военные силы в Индии – это сипаи, а они-то как раз никакой опасности не представляют. Два профессиональных боевых, прошедших туркестанские походы полка русских солдат и казаков – это грозная боевая сила.

К сожалению, история дальше трагическая до абсурда. Пройдя несколько десятков верст, солдаты получают приказ остановиться, затем разворачиваться. Переговоры завершены, угрожать Британии в Индии далее, как посчитали в Петербурге, нет смысла. А начинать с ней войну по-серьезному Александр не готов. И вот там на постое – то ли отравленный колодец, то ли экология, то ли злой рок – начинается эпидемия холеры, и почти все солдаты гибнут.

Наверное, не стоило останавливаться, надо было идти дальше. Возможно, экспансия Российской империи в Индии могла совсем по-другому повернуть мировую историю...

Может быть, не было бы революции.

Может быть, солдаты остались бы живы. В общем, так печально закончился второй и последний поход России на Индию – точно так же, как и первый.

Мораль – никогда не надо отменять уже отданный приказ.

Будет хуже.

Российская империя – империя ли?

Еще в большей степени все вышесказанное касается Российской империи XVIII–XIX веков. Шло все то же расширение России в открытом во все стороны пространстве Восточной Европы.

При присоединении Причерноморья, Кавказа и Средней Азии привилегированный слой завоеванных народов обычно автоматически получал все права российского дворянства. Простонародье? Армянские, татарские, узбекские и монгольские купцы наделялись теми же правами, что и русские. Горожане Украины, Прибалтики, Кавказа, Сибири входили в сословие мещан.

Крестьяне завоеванных народов также становились равноправны с русскими, причем ни на какую «новую» область никогда не распространялось крепостное право. Наоборот! В нерусских областях все формы личной зависимости искоренялись почему-то даже последовательнее, чем в Великороссии.

Российская империя никогда не рассматривала себя как государство русских, владычествующих над нерусскими. Империя скорее росла и усиливалась за счет новых земель и народов, но воспринимала их как равноправных участников громадного российского оркестра.

Получалось нечто парадоксальное: завоеванные народы неожиданно получали возможности реализовать свои старые планы и проекты, хотя и в совершенно новой форме внутри Империи.

Немцы стремятся на восток? Дранг нах Остен! Натиск на восток привел к рождению Восточной Пруссии и Курляндии. Но немцы в составе Ливонского ордена дошли только до Нарвы. Как подданные Пскова, Новгорода и Швеции, они проникали и дальше на восток, до Невы[1].

Став подданными Российской империи, «трофейные немцы» Прибалтики в составе русской армии дошли до Средней Азии и Дальнего Востока[2].

---

[1] В конце XVII века немало немцев жило в Ниеншанце и Фридрихсхавне, на месте будущего Петербурга. *(Прим. науч. ред.)*

[2] Мейндорф как русский офицер путешествует в Хиву и Бухару. Генералы Ренненкампф и Глазенап участвуют в завоевании Коканда. Барон Врангель открывает остров, названный его именем на крайней северо-восточной части Евразийского континента. Миддендорф изучает север Сибири и Таймыр. *(Прим. науч. ред.)*

Получается: в роли подданных немцы могут продолжать «дранг нах остен», причем в невиданных еще масштабах.

Татары и башкиры рвутся на запад? В армии Бату-Хана, Батыя русских летописей, они достигли Адриатического моря и границ современной Венгрии и Польши.

А при Иване Грозном татары, черемисы и башкиры вторгаются в области Ливонского ордена. Русские офицеры татарского происхождения берут Берлин в годы Семилетней войны и Париж в 1814 году.

Получается: лишь в качестве полноправных подданных Российской империи эти народы могут осуществить мечту Чингисхана и его приближенных.

Мусульмане хотят проповедовать свою веру христианам? Пожалуйста! При Екатерине II мусульмане смогли свободно торговать по всей стране и за ее пределами. Они могут строить мечети, исповедовать и пропагандировать свою веру где угодно, хоть в Петербурге.

В начале 1880-х годов мусульмане, жившие в Петербурге, развернули широкую богословско-публицистическую деятельность.

В августе 1905 года в Нижнем Новгороде был проведен 1-й Всероссийский съезд мусульман; два последующих съезда состоялись в 1906 году в Петербурге и Нижнем Новгороде.

В 1904 году был поднят вопрос о постройке мечети в Петербурге.

В качестве образца служила мечеть Тамерлана (Тимура) – Гур-Эмир в Самарканде. В феврале 1913 года в новой мечети было совершено первое торжественное богослужение.

Многие москвичи знают старую мечеть, построенную еще в начале XIX века, при Александре I, в районе татарских улиц в самом центре столицы, в Замоскворечье. Земля для строительства этой мечети была дарована императором мусульманской общине «в знак уважения и признательности» сынам татарского и башкирского народов за храбрость в войне с Наполеоном. Император сам сделал первый взнос на строительство мечети. Она открыта для богослужений по сей день.

Поляки хотят иметь земли в русских пределах? Они и владеют землей и домами повсюду, вплоть до Сибири. Известный польский тост звучит так: «Хай живе Великопольска от Канады до Тобольска!» Она и «жила», причем не только до Тобольска, но и до Харбина и Владивостока.

Грузины хотят быть частью христианского мира, опасаются истребления со стороны мусульман? Грузины живут во всех городах Российской империи, являющейся гарантом их существования.

Армяне стремятся расселиться по миру, получить образование и заняться международной торговлей и ремеслом? В Ростове, Одессе, Москве, Нижнем Новгороде появляются армянские колонии, а многие армяне делают карьеру в администрации и армии Российской империи. Для них нет недоступных должностей, вплоть до премьер-министра правительства Александра II. Вы можете представить в викторианской Англии того времени премьер-министра – знатного сикха? Или из числа авторитетных индейцев-апачей?

Присоединяя к себе земли и включая в себя народы, Россия становилась гарантом их развития и процветания.

Потому Россия так часто не испытывала такого уж громадного энтузиазма от своего расширения, так часто колебалась, расширяться ей дальше или нет. Ведь включив в себя новую область, она тут же брала на себя ответственность за ее дальнейшую судьбу.

Взяв на себя ответственность за судьбу христиан Закавказья, Россия заплатила за это растратой огромных ресурсов, жизнями тысяч и тысяч своих солдат в нескольких войнах. Повседневное управление Грузией вместе с содержанием Отдельного Кавказского корпуса стоило казне больших денег. Издержки – миллионные, прибыли – никакой.

Интересный факт: как-то один крупный русский дипломат (откроем карты – это был не кто иной, как сам Александр Грибоедов) предложил Императору проект создания Российской Закавказской компании по возделыванию тропических фруктов. В качестве образца предлагалось ориентироваться на практику работы знаменитой британской Ост-Индской компании. Этот малоизвестный сегодня бизнес-проект обе-

щал наконец-то сделать Грузию прибыльной для российского бюджета, но...

Николай I отклонил его, и, как было заявлено, по одной-единственной причине – как превращающий Грузию в банальную стопроцентную колонию.

С точки зрения здравой общепринятой в мире «имперской» логики – совершеннейшая бессмыслица!

Но такая вот «ненормальная» империя была эта Россия. Империя, которая не желала (по крайней мере на уровне официальной внешней политики) иметь колоний.

«Российская империя не была империей русского народа, она была империей русского пространства, – пишет публицист Феликс Разумовский. – В этом пространстве империи не могло быть ни чужих, ни изгоев, там все люди – свои, все – братья»[1]. Звучит, конечно, излишне патетически, но факты есть факты.

Остается только вернуть читателя к названию этой главы.

Считается, что Грибоедов погиб во многом из-за поведения своих армянских коллег: армяне и грузины, сотрудники российского посольства в Тегеране 1829 года, вели себя крайне вызывающе. Они смеялись над гаремами и евнухами, обижали высокопоставленных чиновников шаха и даже пытались увезти с собой, дать политическое убежище оскопленным армянам – собственным евнухам гарема шаха. Естественно, это было совершенно неприемлемо для персов – отъезд высокопоставленных евнухов означал утечку информации самого интимного свойства.

Грузин и армян можно было понять. Давно ли им самим угрожал геноцид? Давно ли их земли были полем охоты на рабов, а персидская армия заходила в их страны, как к себе домой? Ведь эти евнухи – искалеченные соотечественники армян. И сейчас они, как мальчишки из-за спины сильного старшего брата, показывали язык дворовому хулигану, который еще вчера их тиранил.

Легко понять христиан, крутящих у виска при виде гаремов и евнухов; и армян, злобно торжествующих в столице поверженного (а ранее чуть не истребившего их самих) врага.

---

[1] Эксперт. – 2008. – № 1.

А вот дипломат Грибоедов был обязан сдерживать своих сотрудников, пусть даже и относясь в душе ко всему происходящему примерно так же, как и они. И заплатил жизнью за их несдержанность.

Во всех западных империях обычным делом был голод в колониях. В том числе в невероятно богатой Индии, где до британцев голода не было никогда. Несмотря на то что раджи так же, как и британцы, взымали немалые подати. Вот только размер был разный. Раджи устанавливали размер налога в зависимости от урожая: если урожай богатый, то и сумма побольше. В любом случае, они оставляли народу какую-то часть, хотя бы для того, чтобы можно было протянуть до следующего урожая.

Британцы теоретически не хотели брать больше, чем прежние владыки Индии, что вы!

Они просто были по-европейски более «педантичны»: собирали каждый раз такой налог, который раньше полагалось брать только в самые урожайные годы. В результате голод стал обычнейшим явлением. Каждый год британского владычества, с 1850 до 1947 года в Индии умирало от голода около миллиона человек – в среднем. Джавахарлал Неру приводил примеры и 10-миллионных жертв голода[1]. Голод распространился по Индокитаю, богатейшему острову Ява, по Африке, Мадагаскару и двум Америкам.

Российская империя такого постоянного голода не знала никогда. Иногда неурожай в Великороссии заставлял ввозить хлеб из других областей. Не потому, что русские имеют какое-то особое право на урожай в нерусских провинциях, а потому, что именно сейчас они нуждаются в помощи.

Но гораздо чаще было наоборот: хлеб из Великороссии вывозился в Поволжье, Среднюю Азию, Северный Кавказ или Закавказье.

Нет ни одной «колонизированной» области Российской империи, в которой вспыхнул бы голод после включения ее в состав России. Никогда.

Это доказывает только одно: в Российской **империи** деления на метрополию и колонии не было никогда. «*В России же из-за*

[1] *Неру Дж.* Взгляд на всемирную историю. М., 1989.

ее сухопутного характера было сложнее провести разграничение между национальным ядром и периферией»[1], – признает британский историк Доминик Ливен. Метрополии европейских империй жирели от своих колоний. А русская метрополия помогала им и часто оказывалась не в лучшем, а в худшем положении. Премьеру Петру Столыпину после революции 1905 года даже пришлось настаивать на внесении поправок в закон о выборах в Госдуму, которые несколько... увеличивали представительство русских от национальных окраин. А то на демократической волне самоуничижения совсем уж «русские империалисты» сами себя затюкали.

Проблема самоуправления

Завоеванные Российской империей народы не переживали национального унижения. И знать, и простонародье могли жить по своим древним традициям, никто их нравы не «исправлял».

Сейчас в России местное самоуправление смехотворно[2], а представительная власть зачастую вообще бездействует. Современному россиянину трудно и вообразить, какое важное место в жизни России занимали они всего столетие назад.

С самого начала, еще с московского периода, традиции местного самоуправления являлись государственной нормой. Правила постоянно уточнялись, конкретизировались, совершенствовались. Это не вело к унификации права, потому что империя не стремилась сделать всех одинаковыми. Для нее важна была лояльность подданных и их готовность выполнять свои обязанности. Этого империя требовала и за отсутствие этой готовности наказывала. Но было совершенно в порядке вещей, что на местном уровне существует свое право и свои традиции.

Общими в империи были армия, верхушка администрации и суд.

---

[1] Эксперт. – 2008. – № 1.

[2] Пожалуй, за исключением администраций только крупных городов и районов.

В армию до 1860-х годов брали рекрутов. У некоторых народов рекрутского набора не было вообще. Дворяне, духовенство и представители всех образованных слоев не подвергались набору. Вся местная знать приравнивалась к дворянству и не подлежала рекрутчине. Как и священники всех входивших в империю народов. Если сын бурята, казаха или алеута оканчивал гимназию, он тоже не подлежал включению в рекрутские списки.

Когда ввели призывную систему, представители некоторых народов по-прежнему освобождались от службы в армии. Если система призыва распространялась на данный народ империи, то не служили в армии старшие сыновья и единственные сыновья, а призванные приносили присягу по законам своей веры.

Где-то читал историю о том, как принимали в те годы присягу трое аборигенов из Забайкалья. Специально для них приехал

«Дикая дивизия».
«Дикая дивизия» была полностью сформирована из добровольцев. На наградах, которые вручались подданным-мусульманам, изображения православных святых заменяли двуглавым орлом. Однако горцы потребовали вернуть на ордена Георгия Победоносца, которого уважительно называли «джигитом»

бурятский шаман. Он устроил натуральное камлание – пляску с бубном и вызыванием духов. Причем армейское начальство не смеялось, все было совершенно серьезно. Потом шаман совершил какие-то странные манипуляции над краюхами хлеба, причем привлек к этому действу самого полковника, командира того полка, где предстояло служить сибирским инородцам. Ибо по «языческим» понятиям, видимо, полковник и становился с того самого момента для новобранцев не только «военным начальником», но также отцом, вождем племени и прямым воплощением их бурятского божества на земле, по крайней мере на ближайшие годы службы. Этим и объясняется серьезность отношения к подобным обрядам русского армейского командования. Светская военная присяга, наложенная на языческий ритуал и тысячелетнюю религиозно-боевую традицию, и обеспечивала беспрекословную дисциплину «нацменов» в русской армии.

Собственно, это и было одной из причин того искреннего фанатизма, с коим шли эти дурно говорящие на ломаном русском, порой странно выглядящие татары, башкиры, калмыки, адыги, буряты и т. д. в лобовую, на картечь, на французские батареи. Шли умирать за никогда не виданного ими Государя-императора Всея Руси.

Вспомните, какой полусуеверный ужас внушали в 1812–15 годах лощеным европейцам российские национальные части: калмыцкая и башкирская конница, не говоря уже о казаках.

Но вернемся к присяге.

Тогда, по указанию шамана полковник накалывал кусок хлеба на саблю. Новобранцы зубами, без помощи рук, снимали эти куски хлеба с конца сабли, съедали их и, подняв правую руку, на своем языке клялись в верности Российской империи. Так выглядел обряд присяги для этих призывников-язычников.

Мусульманин приносил присягу на Коране и с участием муллы. Буддист при участии своего священника и соответствующих атрибутов.

Не могло быть и речи о том, чтобы солдата заставили хоть в чем-то поступиться принципами своей веры. Сама мысль, что мусульманина могут накормить кашей со свиным салом, была для солдата Российской империи совершенно дикой.

Показательно будет сравнить два таких похожих исторических случая.

Как я уже писал, когда пропагандисты рассказали сипаям, что англичане используют в ружейной и патронной смазке коровий и свиной жир, это послужило искрой для самого страшного в истории Британской империи народного восстания.

В 1917 году агитаторы-большевики (видимо, начитавшись написанных историками-интеллигентами инструкций по пропаганде в армии) тоже взялись втирать солдатам «Дикой дивизии», что, мол, патроны заливают свиным салом. Результат был печальный: горцы-мусульмане накостыляли агитаторам по шеям, приговаривая, что врать тоже надо уметь.

Каждая земля хранила свои обычаи и законы местного самоуправления. Различия между землями империи были куда более значительными, чем между землями ФРГ или штатами США. Это касается не только вошедших в Империю стран, но и разных областей самой Великороссии.

Земельное право в Сибири, на Полтавщине, в Виленском краю, на севере и на Кубани у русских существенно различалось. Например, на русском севере существовали паи, которые можно было дробить, накапливать, покупать и продавать: как акции предприятия. Каждый крестьянин был фактически частным собственником и умел оперировать своим имуществом. При уходе из общины этот пай можно было продать. А на далеком юге при уходе из общины крестьянин еще и платил за то, чтобы его выпустили и «выправили» ему документы: ведь он лишал в своем лице общину работника и защитника.

В Сибири леса были «божьи», т. е. как бы общие, и крестьяне считали страшным святотатством брать их в собственность и препятствовать кому угодно заготавливать в них дрова.

В Виленском крае леса находились в частной собственности крестьян. Пахотную землю регулярно перераспределяли, а леса – нет. За пользование лесом мир платил частнику-хозяину.

Пока земля принадлежала общинам, крестьянская община решала вопросы распределения и перераспределения и пахотной земли, и выгонов, и сенокосов, и лесов, и пастбищ. Можно было

перераспределять землю каждый год, а можно и каждые 5, 10, 15 лет. В 1900 году существовали общины, в которых с 1861 года перераспределения земли не производили НИ РАЗУ. Фактически – частная собственность.

Вопросы собственности на землю вообще касались только общины, и никакие государственные чиновники не могли вмешиваться в ее дела.

Кроме власти общины было волостное самоуправление: в каждой волости выбирали представителей, решавших многие вопросы в пределах уже нескольких деревень. Волостное право существовало и там, где не было земельных общин: в Прибалтике, в Средней Азии, в Финляндии, Польше. По мере того как ослабевала община, значение волостного самоуправления росло. Волость и губерния сами собирали местные налоги и сами решали, как и на что их будут тратить. В эти дела центральная власть тоже никогда не вмешивалась: не имела права.

Тем более различным было земельное и волостное право в Грузии, на Украине, в Средней Азии и Прибалтике. Не всякий адвокат мог бы разобраться в сложнейших переплетениях прав на землю и воду в Фергане и в правах местного духовенства на первых барашков в Абхазии.

Если сталкивались интересы русских и инородцев, местные чиновники чаше всего принимали сторону инородцев. По очень простой причине: чем древнее был закон, тем серьезнее к нему относились. В Хакасии был случай: русские крестьяне загородили один из водопоев. Пользовались этим водопоем редко, раз в три-пять лет – когда пересыхали остальные. Но хакасы подали в суд и легко выиграли дело. Русским крестьянам так и объяснили: тут пасли стада, когда вас и близко в Сибири не было.

Разумеется, хитрые люди всегда могли обойти закон. Гарин-Михайловский описывает случай, когда русские крестьяне так ловко арендовали землю у башкир, что почти ничего за нее не платили[1]. Ведь башкиры толком не знали ни цены земли, ни законов. Так продолжалось ровно до тех пор, пока башкиры не ски-

---

[1] *Гарин-Михайловский Н. Г.* Собр. соч. в 16 т. Т. 8. Пг., 1916.

нулись на адвоката. В целом власть всегда стремилась стоять на стороне древнего местного закона: ну зачем порождать проблемы на пустом месте?

Многообразие форм самоуправления касается и городов. Города Российской империи управлялись с помощью 1820 различных вариантов Уставов. Города имели свои гербы, свои права и привилегии, порой довольно значительные. Скажем, у жителей эстонского города Раквере было право без пошлины торговать с Финляндией и Швецией. И если русский купец хотел заниматься такой торговлей, выход был один – приписываться к городу Раквере или, по крайней мере, поселить там доверенного приказчика.

Точно так же мещане Казани, Белебея и некоторых других городов Приуралья могли беспошлинно торговать с Туркестаном. Часть Туркестана вошла в Российскую империю, а часть оставалась в Китае. И получалось, что некоторые города Российской империи имеют право торговать с заграницей, конкретно с Китаем, не уплачивая никаких пошлин. А все остальные – нет. Русский, польский или немецкий купец или ремесленник мог поселиться в городе и получить ту же привилегию. Сама привилегия восходила к временам Казанского ханства и была подтверждена еще Московскими царями при присоединении ханства к Москве.

Все это касалось низового самоуправления – муниципального. Постоянно в самоуправление вовлекались буквально миллионы людей, проходя элементарную школу демократии, благодаря этой системе Российская империя управлялась невероятно разнообразно.

Для нашей же темы особенно важно, что фактически соблюдалось и поддерживалось законом множество местных традиций. Это было, может, и не очень удобно на первый взгляд, с точки зрения примитивной унификации законодательства. Но точно было не во вред, а в дополнение друг другу. И жители разных городов и сел, входя в Российскую империю, во многом продолжали жить на бытовом уровне так, как привыкли.

Включая новую территорию в Империю, россияне далеко не всегда торопились отменить ее законы. Как правило, Россия старалась эти законы сохранять. Если территория бунтовала, приходилось урезать ее права, но не ликвидировать.

В Польше действовала странная закономерность: всякий раз, как Россия давала ей конституцию, тут же начиналось восстание. В результате у поляков не стало ни своих денег, ни особого сейма. Но и в этих случаях Виленский и Привисленский края управлялись с учетом местных традиций.

А вот Финляндия ни разу не поднялась против Петербурга, и к 1917 году в ней был свой парламент, действовали свои законы, серьезно отличавшиеся от российских, свои деньги. Официально можно было покупать и продавать как за рубли, так и за местные марки. В университете Гельсингфорса лекционные курсы читались и на русском, и на немецком, и на финском языках. Вообще, напомню базовый принцип финляндского полусуверенитета в составе Российской империи – «НЕ ПЛАТИТЬ И НЕ СЛУЖИТЬ». Нам сегодня трудно даже представить, что целая большая страна входила в состав «тюрьмы народов» на столь потрясающих условиях. Первое, финны не подлежали рекрутскому набору, т. е. служили в царской армии только *добровольно*. Отметим, служили неплохо: вспомните генерала Маннергейма. Второе, финны были освобождены от т. н. современным языком *общефедеральных налогов*, т. е. все, что они платили, – шло только на развитие самого Финляндского княжества. Ну чем не рай на земле?

Крепостного права – нет. Расходов на армию – нет. На госбезопасность и международные дела – почти нет. Все это берет на себя «жестокая русская метрополия». Пошлин, налогов, таможни – тоже, считай, нет. Зато есть свой, финский парламент, своя Конституция и полное самоуправление. Живи да здравствуй, а если вдруг посягнет на твои финские права какой злой швед (кто забыл – раньше вообще-то Финляндия была частью Шведского королевства, и там уж платила Стокгольму по полной), то защищать тебя будет опять же русский солдат. Идиллия! Так что не надо удивляться, что в центре Хельсинки на почетном месте стоит памятник, установленный финнами, своему «жестокому поработителю» Императору Александру I Благословенному. Который и присоединил в 1809 году к своему титулу «Государь Великая, Малая и Белая Руси, Царь Польский» приставочку – *«Великий Князь Финляндский»*.

Продолжаем.

Курляндию присоединили к России еще в годы Семилетней войны. Но до 1917 года в университете города Юрьева-Тарту-Дерпта лекции читались чаще всего на немецком языке. Чиновники в Прибалтике приносили присягу на лютеранском Евангелии, по-немецки, делопроизводство тоже велось равным образом как на русском, так и на немецком языках. При этом русский чиновник, присланный из России для службы в Ревель или в Дерпт, присягал в присутствии православного священника на русском языке, а поляк – на латинском и в присутствии ксендза.

Речь Посполитую разделили в 1795 году. Но литовские статуты, законы еще Великого княжества Литовского и Русского, действовали в Белоруссии до 1841 года.

В Киеве Магдебургское право введено в XV веке. Одна из уставных грамот великого князя литовского Александра в 1499 году подтверждала действие норм городского права, по которому административную власть над мещанами осуществляли члены выборных органов самоуправления и суда. Магдебургское право Киева сохранялось до 1834 года.

На большей части истории России как великой империи всегда существовали элементы национальной автономии вошедших в нее народов.

Свое самоуправление имели казахи и киргизы. Вспомним, как уже упоминавшийся Чокан Валиханов в 1862 году был выбран на должность *старшего султана*[1] Атбасарского округа.

В Бурятии возникла ситуация, когда русские крестьяне начали самовольно захватывать землю местных жителей. 23 ноября 1888 года последовал соответствующий указ Александра III, где подробно перечислялись земли, утвержденные «на всегдашнее владение» агинским бурятам и их потомкам и всем повелевалось охранять спокойное владение бурят.

По этому случаю Александр III, в присутствии депутатов Агинского и Хоринского ведомств, сказал: *«Я подписал грамо-*

[1] Забавная должность для имперского чиновника, не так ли? А вы говорите – единообразие, Табель о рангах...

ту на ваши земли, передайте поклон вашим сородичам, успокойте их, что грамота охранит их собственность».

Остров Ольхон на Байкале и по сей день считается священной землей. Каждый год в июле там проводится шаманский бурятский праздник. При советской власти на Ольхоне строили и лагеря для заключенных, и рыбоконсервные заводы, но до 1917 года правительство Российской империи гарантировало бурятам неприкосновенность Ольхона. На острове никто не жил, только раз в году съезжались буряты для совершения своих национальных обрядов.

Точно так же правительство Империи гарантировало неприкосновенность священных рощ марийцев и черемисов. Было высочайше запрещено не только рубить лес в этих рощах, но воспрещалось даже проезжать через эти рощи без разрешения местных властей.

Бухарское и Хивинское ханства до начала 1920-х годов оставались вассалами Российской империи. Они не имели права на самостоятельные международные отношения, но вся внутренняя политика велась по-прежнему согласно местным законам и традициям.

Кстати, во всех мусульманских областях сохранялось шариатское право (!), при том, что местные судьи-кадии получали жалованье из «федерального бюджета», т. е. казны Российской империи.

По законам шариата жила и большая часть Туркестана. Официально суд по шариату был отменен большевиками только в 1927 году.

Мусульманин не только молился в мечети и учил сына на арабском языке в медресе, но и женился по законам шариата, мог иметь положенных в исламе нескольких жен. Он заключал сделки по законам Хивинского ханства и вел деловую переписку на узбекском или арабском языках. Он платил налоги своему хану и мог служить в ханском войске. Законы Российской империи давали ему на то полнейшее право.

И казанские, и сибирские, и крымские татары имели точно такие же права, охраняемые сводом законов Российской империи.

Джеймс Александер пишет в 1829 году про не так давно завоеванный Крым: *«Русские позволяют крымским татарам следовать их обычаям и отправлять свои религиозные обряды. Насколько я могу судить, татары не имеют причин выступать против своих нынешних хозяев»*.

Свои права на самоуправление имели армяне и грузины, вплоть до сохранения особых воинских частей, которые находились в оперативном управлении Генерального штаба, но набирались в Грузии, приносили присягу на грузинском языке и шли в бой, повинуясь приказам на том же языке, под собственными знаменами. Причем в Грузии, например, каждая область имела свои традиции и обычаи, а города Грузии управлялись по разным уставам.

Понтийские греки и армяне имели право на самоуправление во всех городах, где были зарегистрированные диаспоры, вплоть до обучения и ведения документов на родном языке и наличия собственной полиции.

Когда интеллигенция из Петербурга приезжала на курорты Крыма, она сталкивалась с греками, армянами и татарами, которые самоуправлялись по старинным обычаям, и эти местные правила могли довольно сильно отличаться от петербургских.

А на территории Литвы даже действовал кодекс Наполеона.

Каждое казачье войско, а их было 11, имело свой Устав, свои традиции и собственную систему управления. В 1918 году, когда распалась Российская империя, области казачьих войск легко вышли из состава России: в них давно существовали органы самоуправления, без труда взявшие на себя все функции региональных правительств.

Вывод простой: народы Российской империи и вошедшие в ее состав страны и многочисленные области во многом продолжали жизнь, сложившуюся задолго до присоединения к России. Им не было нужды ни восставать, чтобы получить права самоуправления, ни освобождаться из-под власти Москвы и Петербурга, чтобы достигнуть национального самоопределения.

Какая уж тут «тюрьма народов»...

Парадоксальная аналогия

Как ни удивительно, опыт России имеет четкую аналогию в жизни Европы. Только не в жизни громадных колониальных империй, а в существовании тех государств, которые у нас (и в самой Европе) наивно называются «национальными».

Фактически все европейские державы по своей структуре очень напоминают государство, которое мы называем Российской империей.

Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии даже по названию – никакое не национальное государство. Англия – только часть территории государства, ее ядро. Британия – это Англия и Уэльс, вместе взятые. Великобритания – это территория Англии, Шотландии и Уэльса. А Соединенное Королевство – все три исторические области вместе плюс Северная Ирландия.

Для нас эти названия сливаются и путаются. Но сами-то британцы отлично знают и различают страны, из которых состоит Соединенное Королевство. Еще в XVI–XVII веках было очень много различий между Англией и покоренными Уэльсом, Шотландией и Ирландией. В каждой из них свое, отличное законодательство и особое семейное, наследственное и административное право.

Объединяя Британские острова, англичане поступали почти как римляне: оставляли в исторических областях страны право вести делопроизводство на родном языке и сохраняли ту часть местных законов, которая не мешала управлению и объединению.

В результате и сегодня в Шотландии вы купите участок земли на основании других документов, чем в Англии или в Уэльсе, и будете нести иную ответственность за сохранение на нем почвенного слоя, чем в Северной Ирландии.

Развод в Шотландии вы получите довольно легко, на тех же основаниях, что и везде в мире. В Англии вам придется доказывать, что ваша жена сумасшедшая или что один из вас изменяет другому. Это долгий процесс, и вы заплатите кучу денег. А в Ир-

ландии вам и разводиться не придется, если вы не венчались в католической церкви.

Франция – такой же плод завоевания. Еще в XVI веке французы жили в основном в Иль-де-Франсе, что и означает «остров французов». А Лангедок, Бургундия, Прованс, Бретань, Корсика – все это исторические области, населенные вовсе не французами.

Д'Артаньян – гасконец, совершающий своего рода акт местечковой измены: он едет служить королю Франции (в точности как татарин в те же времена мог поехать служить царям Московии). Не сохрани французы в Гаскони местного делопроизводства и обычаев, еще неизвестно, как бы он себя вел.

Уже в 1970-е годы юристы выяснили, что в разных областях Франции одни и те же статьи Кодекса Наполеона трактуются совершенно по-разному.

Что это доказывает? Только то, что Россия – никакая не империя. Это государство, продолжающее тот же путь развития, по которому шла вся Европа. Только Европа в силу ли своей ментальности, в силу ли географических причин на каком-то этапе кроме строительства многонационального государства начала строить еще и заморские империи.

А Россия не стала строить империи. Она продолжала развивать опыт многонационального унитарного государства.

При советской власти

В 1913 году русский флаг развевался над колоссальной территорией, от Камчатки и Северного Китая до Польши и Причерноморья, от Арктики до Центральной Азии. По переписи 1897 года ее население составляло 128,2 миллиона человек, из них 93,4 – в Европейской России, 9,5 – в Царстве Польском, 2,6 миллиона – в Великом княжестве Финляндском, 9,3 миллиона – в Кавказском крае, 5,8 миллиона – в Сибири, 7,6 миллиона – в Среднеазиатских областях.

Русские составляли всего 44 % населения империи, но именно русский язык был официальным языком делопроизводства, культуры, администрации и науки.

Захватив власть в столице, большевики могли сохранить ее только одним способом: договорившись со всеми народами бывшей Российской империи.

Наверное, меня не все захотят понять правильно, но в советское время власть достигала самых лучших результатов именно тогда, когда максимально полно продолжала и развивала политику Российской империи.

Советская власть всегда проигрывала, когда пыталась унифицировать все правила и законы жизни в СССР, без учета местной специфики, местной истории и местных законов.

Страна рабочих и крестьян не могла быть империей. В действительности равные народы все равно оказались выстроены согласно некой иерархии – куда же от этого денешься? Но изначально над бывшей Российской империей как флаг реяла идея справедливого национального устройства всех народов.

Тем более в революции и Гражданской войне 1918–22 годов роль национально-освободительных движений оказалась ничуть не менее важной, чем пресловутая «классовая борьба». Потом это обстоятельство старались изо всех сил скрывать, но современники-то знали правду.

Коммунисты долго спорили о формах национальной автономии. Границы отдельных полугосударств изменялись. Отменили автономную область Поволжских немцев. Упразднили АО Крымских татар, а сам Крым передали из РСФСР Украинской ССР. Упразднили, потом снова ввели Чечено-Ингушскую АО. Создали ЗСФСР (Закавказскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику), потом разбили ее на Грузию, Армению и Азербайджан. ССР Абхазия просуществовала до 1931 года. Долго не знали, что делать с национальным размежеванием в Средней Азии. Появилась ненадолго и исчезла с карты Карело-Финская ССР со столицей в Петрозаводске. Она стала Карельской АССР.

Но методом проб и ошибок возникла стройная система автономий разного масштаба. Для того времени и для тех обстоятельств она была совершенной, логичной и очень согласованной с остальными положениями советской власти. Было четко оговорено,

какой народ имеет право на автономию какого именно масштаба и каковы права такой автономии.

К 1956 году Советский Союз состоял из 15 Советских Социалистических республик. Каждая из таких республик должна была иметь население не менее 1 миллиона человек и выход к государственной границе СССР. Таким образом, она теоретически могла выйти из состава СССР. ССР имели свои Академии наук, свои министерства, кроме нескольких важнейших «союзных», издательства и периодику на национальном языке, высшее образование на родном языке.

Карикатура «Израильская военщина глушит рыбу пленными шахидами».
Долгое время в СССР само понятие «национального конфликта» ассоциировалось главным образом с бесконечной войной арабов и израильтян

Фактически союзные республики были не во всем равноправны. Скажем, в ООН имели места Украинская ССР и РСФСР, но ведь не Латвия и не Туркменистан.

Вторым рангом национальных автономий были автономные советские социалистические республики – АССР.

В РСФСР входило 16 АССР, Кара-Калпакская АССР входила в состав Узбекской ССР, Нахичеванская АССР – в состав Азербайджана, Абхазская и Аджарская АССР – в состав Грузии. АССР не могла выйти из состава СССР, но имела свою символику, свои научные и культурные учреждения, прессу и среднее образование на национальном языке.

В РСФСР было 5 автономных областей (АО) и 10 автономных округов (АОкр). Юго-Осетинская АО находилась в составе Грузинской ССР, Нагорно-Карабахская АО – в составе Азербайджана и Горно-Бадахшанская АО – в составе Таджикистана.

Автономные области имели свои научно-исследовательские институты языка, истории и культуры, прессу и издательства на национальных языках. В некоторых школах преподавали на родном языке.

Теоретически АОкр мог стать АО , АО превратиться в АССР, а АССР – в ССР. В 1980-е годы много говорили о превращении Якутской АССР в полноценную Якутскую ССР, шестнадцатую по счету. Население Якутии возрастало, и к 1984 году превысило 850 тысяч человек, до миллиона недалеко. Выход к государственной границе есть...

Такая строгая иерархия имела свой смысл.

В конце концов, роль украинцев или татар отличалась от роли эвенков и нганасан. Может быть, это очень неполиткорректно, но природа и Господь Бог вообще не очень-то демократичны. Так же недемократично было избрание в Верховный Совет. В его низшую палату, Совет Союза, избирали 1 человека от 300 тысяч избирателей, какой бы национальности они ни были и где бы ни проживали. А в высшую палату Верховного Совета, Совет Национальностей выбирали 25 депутатов от каждой ССР, 11 от АССР, 5 от АО, и 1 от АОкр.

Но главное, эта логичная система давала каждому народу некое место в системе. И одновременно шанс на сохранение своего национально-культурного наследия: истории, культуры, языка.

Жестко, логично, создано с учетом численности и значимости каждого народа. Всем сестрам по законным серьгам.

Конечно, на практике большевики и в мыслях не позволяли выйти из состава СССР ни одной республике.

Восстание за независимую Грузию в августе 1924 года большевики подавили беспощадно. После XII съезда ВКП(б) Сталин, по его собственным словам, «приступил к перепашке Грузии от меньшевистско-уклонистского сорняка».

Иосиф Виссарионович счел нужным предупредить: «То, что произошло с Грузией, может повториться по всей России»[1].

Некоторые полагают, что Максим Горький именно по этому поводу произнес свою знаменитую фразу: «Если враг не сдается, его уничтожают»[2]. По мнению многих историков, именно «грузинский опыт показал, что союз есть категорический императив»[3].

---

[1] *Сталин И. В.* Собр. соч. в 13 т. Т. 4. М.: Политиздат, 1949. С. 326–327.

[2] Знаменитая статья М. Горького в «Правду» и «Известия» (1930) о ликвидации внутренних классовых врагов. *(Прим. ред.)*

[3] *Алексеева Л.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вермонт: Khronika press, 1984.

В годы «перестройки» много говорилось о деградации местных языков, исчезновении национальных школ и прочих ужасах. Но процесс это был естественный и постепенный. Государство его не форсировало и не поддерживало.

Скорее напротив, в СССР искусственно стимулировали поддержание и развитие национальных культур внутри автономий. Как немного живший в эту эпоху, свидетельствую: дефицитную литературу всегда было легче купить на национальных языках, чем на русском.

Все это говорит о том, что даже СССР – государство гораздо более унифицированное и жесткое, намного менее гибкое, чем Российская империя, никогда не был «тюрьмой народов».

Конечно, в отличие от Российской империи, в СССР, увы, не ехали в массовых количествах переселенцы из самых «передовых» стран мира. СССР самому приходилось изо всех сил сдерживать своих граждан, рвавшихся за границу. Но это был вопрос не национального унижения, а идеологической зашоренности, цензуры и неэффективной экономики.

В целом же, СССР – это одна из вершин, достигнутых в мире в области национального строительства.

Глава 4

Империя наоборот, или Российская национальная политика

Побег в «тюрьму»

Можно ли представить себе побег из свободы в тюрьму? Если принимать всерьез тезис о России как «тюрьме народов», то именно такой побег совершили многие европейцы в XVII–XIX веках.

В середине XVII века только в Москве на слободе Кукуй жили 20 тысяч европейцев – немцев, голландцев, шотландцев, французов, швейцарцев, итальянцев, датчан, ирландцев.

Правительство Московии стремится привлечь на службу больше иноземцев, и эти «служилые иноземцы» составляют даже особый род войск.

В 1651 году состав вооруженных сил Московии был таким:
дворянская конница – 37 596;
московские стрельцы – 8122;
казаки – 21 124;
татары и народы Поволжья – 9113;
иноземцы – 7707;
рейтары – 1457;
драгуны – 8462.

Итак, иностранцы составляют значительную долю русской армии.

Правительство посылает специальных эмиссаров для вербовки людей. И они всегда возвращаются с волонтерами, желающими служить Москве.

Поток шотландцев хлынул в «тюрьму» после походов армии Кромвеля. Тогда сторонники английского парламента, естественно англичане, не просто завоевали и оккупировали Шотландию.

Они изводили, как только могли, шотландских дворян – сторонников короля и, попросту говоря, конкурентов.

Сотни ни в чем не повинных людей гибли на плахе, прятались в горах или уезжали в другие страны. Один из них – Вильям Брюс, прибывший в Московию в 1647 году. Сохранилась легенда, что ехать в Московию Вильяму посоветовал старый друг его отца, шотландский генерал, который побывал в Московии в Смутное время, служил там и знал страну не понаслышке.

Что заставило Вильяма Брюса приехать из Шотландии в «тюрьму народов»? Ведь Брюсы – старинный знатнейший шотландский род, в родстве с национальным героем Шотландии Робертом Брюсом. Тем самым, который в 1314 году разгромил английские войска при Баннокберне и стал шотландским королем[1], а позднее заставил Англию подписать договор, признающий независимость Шотландии. Брюсы, кстати, состояли в родстве и с Байронами, а в России род Брюсовых известен также благодаря русскому поэту и писателю Валерию Брюсову.

В Шотландии их дальние родственники многочисленны и невероятно активны.

Подчеркну, это не обычные ловцы счастья и чинов, а аристократический шотландский клан, известный уже восемь веков.

Захотел переехать в Россию (при Алексее Михайловиче) и шотландец Бест, предок знаменитого канцлера Елизаветы и Екатерины, Алексея Петровича Бестужева. Причины? Англичане резали шотландскую знать по малейшему поводу, а в России шотландец мог сделать блестящую карьеру.

Патрик Гордон, которого авторитетный источник называет «одним из первых иностранных учителей и вдохновителей Петра на создание регулярной армии»[2], также, как вы понимаете, не славянин.

---

[1] Это время показано в талантливом историческом кинофильме «Храброе сердце» («Braveheart»). Именно этот Брюс и ведет объединенные силы шотландцев в бой против англичан после поражения восстания Мэла Гибсона, т. е., извините, Уильяма Уоллеса.

[2] Статья «Гордон». Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3. Т. 7. М., 1972.

Михаил Юрьевич Лермонтов – потомок иностранца-шотландца Лермонта, участника Смоленской войны, приехавшего в Московию при Алексее Михайловиче. В семье Лермонтовых бытовала легенда о происхождении их от знаменитого шотландского поэта XIV столетия Томаса Лермонта. Томас Лермон – личность широко известная в Великобритании, ему посвящена одна из баллад Редьярда Киплинга – «Последняя песня старого Томаса». Так что гены в Михаиле Лермонтове были самые поэтические.

В общей же сложности одних шотландцев в Россию приехало несколько тысяч человек. Странные люди! И что они забыли в «этой стране», где нет ни демократии, ни рыночной экономики? В «тюрьме народов»?

К 1700 году в Московии жило уже до 50 тысяч европейцев. В ходе Северной войны было пленено 20 тысяч шведских солдат и офицеров.

После 1721 года они все могли уехать домой, но 5 тысяч из них не захотели возвращаться в Швецию. Что за метаморфозы произошли с ними в России?!

Финны и немцы, подданные шведов, после Северной войны тоже остались на завоеванных русскими землях, никто не бежал от «русских захватчиков» в Берлин или Стокгольм.

Если Швеция такая цивилизованная, а Российская империя – «тюрьма народов», то чего же они оставались-то?!

И позже, в XVIII–XIX вв. происходило то же самое: в Россию все время тек ручеек переселенцев из Европы. То совсем тоненький, то превращавшийся в полноводную реку.

После присоединения Курляндии «трофейные немцы» – до 300 тысяч человек — вполне могли уехать в Германию. Но не уехали, навсегда остались в России и по большей части полностью ассимилировались[1].

При Екатерине II в Россию въехали еще до 40 тысяч немцев, французов, швейцарцев. Один из них, испанский барон де Рибас

---

[1] Из них и род баронов Врангелей, и Коцебу, и Крузенштерн, и Миддендорф, и Мейндорф и многие, многие другие. (*Прим. науч. ред.*)

(в его честь названа Дерибасовская улица в Одессе), как-то сетовал своей госпоже — урожденной немке Екатерине II, что давно уже ощущает себя полностью русским. Видимо воздух на Черном море особенный...

Весь XIX век шло переселение поляков, украинцев, белорусов, эстонцев, финнов, латышей, литовцев на восточные территории: в Поволжье, Сибирь, Дальний Восток, в Маньчжурию.

Эти люди тоже выбирали своим местом жительства «тюрьму народов».

Поразительная цифра: 100 тысяч пленных солдат Великой армии Наполеона, имея все возможности вернуться в Европу, остались в России на «постоянное место жительства». До сих пор в России встречаются фамилии Машеров, Машанов, Шевалёв.

Замечу – ехали в Россию жители цивилизованной, богатой, просвещенной, отчасти республиканской Европы. Ехали в «немытую Россию». Из демократии – в «страну рабов, страну господ».

100 тысяч извращенцев? Не думаю. Видимо, было в России что-то привлекательное...

А процесс продолжался. Между 1828 и 1915 годами, по статистике, обобщенной Владимиром Кабузаном[1], в Россию иммигрировали 4,2 миллиона иностранцев. В основном, из Германии (1,5 млн) и Австро-Венгрии (0,8 млн). К началу Первой мировой войны наша страна была **вторым после США центром иммиграции в мире** – впереди Канады, Аргентины, Бразилии, Австралии.

Но статистика знает не все. Скажем, неучтенными оказались понтийские греки, въехавшие к нам «самосевом» относительно недавно — в XX веке. Минуя при этом всякий учет и контроль. И так далее и тому, как говорится, подобное...

Притом отметим: одно дело – англо- или франкоязычному протестанту или католику из Европы перебраться в Соединен-

[1] *Кабузан В. М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX века. М., 1998.

ные Штаты Америки. Конечно, нелегко бывало, «Титаник» все смотрели[1], но по крайней мере человек оставался в привычной ему языковой и религиозной среде.

Что для эмигранта – в сто, в тысячу, в миллион раз легче, комфортнее, чем переезжать на Восток, в неведомую иноязычную православную страну.

Но ехали же, всю историю нашей Родины, от «исхода русских литовцев» в Московию и до 1914 года – поток иммигрантов в Россию не ослабевал!

Отсюда вывод. Опровергающий самой ПРАКТИКОЙ ЖИЗНИ все басни про «жестокое национальное угнетение» в царской России.

Какая Россия – «тюрьма»? Смешно.

Иммигрантов, тем паче иноверцев и иноязыких в **«тюрьму народов»** никаким калачом не заманишь.

Пришедшие в империю

Братья-буряты

Можно привести много примеров того, как в Россию переселялись не отдельные беженцы, а буквально целые народы. По сведениям Льва Гумилева, бурятский народ возник именно как часть монголов, которые захотели стать русскими подданными.

В XVII веке Монголию разрывали междоусобицы. Часть исторической Монголии завоевали маньчжуры. Часть пыталась бороться за независимость.

В 1688 году некоторые еще непокоренные монгольские князья собрались на свой съезд-курултай. Они совершенно не хотели идти под власть Китая, но понимали, что отстоять независимость самостоятельно не смогут. Тогда они и решили обратиться к Московии за помощью. Часть участников курултая сразу же написала письмо с просьбой дать русское подданство и принесла клятву верности русскому царю. Часть — жить с русскими не

[1] Ди Каприо и все ехавшие с ним 3-м классом – такие вот эмигранты.

захотела и откочевала на юг. С юга навстречу им тянулся поток других переселенцев – монголы бежали в русские пределы от набегов маньчжур.

С тех пор часть Монголии и отошла к России. Монголов, которые захотели жить в русских пределах, стали называть «братскими монгольскими людишками», а если короче, то братами, бурятами. И их земли – Братией, или Бурятией[1].

Калмыки-ойраты

Воинственные маньчжуры стремились завоевать и западных монголов – ойратов.

В начале XVII века часть ойратских племен, будучи не в состоянии сдерживать натиск маньчжур, решила переселиться на запад, на территорию современного Казахстана и Сибири. Для них это было способом выжить, выжить чисто физически. Переселенцы обратились к русскому правительству с просьбой о защите и покровительстве.

Москва выделила ойратам места для кочевания и пообещала военную защиту от набегов. Переселившиеся в Россию ойраты получили новое название – калмыки[2].

Калмыки заслужили доверие властей: они честно и храбро служили Государству Российскому. Петр I, уезжая за границу в 1697 году, официально возложил на «Аюку-хана калмацкого» охрану южных рубежей Российского государства.

Во время Северной войны был эпизод, когда шведский королевский полк, возглавляемый лично Карлом XII, был окружен

---

[1] Выбор есть выбор, никто не обязан нас любить... Но вот только численность бурятов с XVII в. выросла примерно в 12 раз. А численность всех монголов – только в 5 раз. *(Прим. науч. ред.)*

[2] В 1608 г. посольство тайшей было принято русским царем Василием Шуйским. Это его правительство приняло калмыков в состав русского государства. Процесс их вхождения в Россию был завершен в 1657 г. Первоначально для кочевания калмыков были выделены земли по Иртышу. Постепенно они осели в низовьях Волги на ныне занимаемой ими территории. С 1664 по 1771 г. существовало Калмыцкое ханство во главе с ханом, а позднее – наместником. *(Прим. науч. ред.)*

калмыцкой конницей и почти уничтожен, сам король едва не попал в плен.

В войне 1812 года калмыцкие полки в составе корпуса атамана Платова громили конницу Наполеона под Бородино, участвовали в «битве народов» под Лейпцигом, в авангарде русских войск вступали в Париж.

Хакасы – данники кыргызов

На Енисее русские появились в начале XVII века. Там они застали несколько примитивных государств, созданных кыргызами. Кыргызы были кочевники и воины, а их данники-киштымы – земледельцами, скотоводами, охотниками и рыболовами.

Кыргызы почитали себя «белой костью», собирали дань со «своих» киштымов и делали с ними, что хотели.

Русские обложили данью пушниной, ясаком и тех и других – и киштымов кыргызов, и самих кыргызов.

Кыргызы ожесточенно воевали с русской властью. Два раза они чуть не взяли штурмом Красноярск. Но что характерно: данники кыргызских ханов (киштымы) совершенно не хотели вести войну с русскими. Многие из них добровольно принимали русское подданство, хотя прекрасно понимали: кыргызы им такого не простят. Киштымы погибали во время кыргызских набегов, их пытали и превращали в рабов... Но тянулись именно к пришельцам-русским, а не к своим «привычным» владыкам-кыргызам.

В 1703 году кыргызы наконец отчаялись выбить с Енисея русских и решили уйти, перекочевать в монгольские степи. Они попытались увести с собой и свою ценнейшую собственность, киштымов. Однако киштымы никуда не пошли. И даже уведенные силой старались вернуться. Так из бывших данников кыргызов и сложился народ, который стал называться со временем хакасами. Сегодня их больше 70 тысяч человек. Живут на юге Красноярского края и в Хакасии.

Уйгуры: из Китая – в Россию

Тюркоязычные уйгуры известны давно – с раннего Средневековья как коренные жители Центральной Азии, занимающие ог-

ромную территорию от Тибета до Алтая. В свое время земли уйгуров были завоеваны Китаем[1].

Уйгуры много раз поднимали восстания против китайцев, но неизменно терпели поражение и после каждого поражения раз за разом просили принять их в состав Российской империи. Россия воевать с Китаем не собиралась, на просьбы уйгуров не откликалась, но и не препятствовала беженцам, самотеком переселяюшимся на нашу территорию.

Любопытно, что поток беженцев-уйгуров прекратился только на короткий срок, когда в середине XIX века появилась надежда, что их земли все же полностью отойдут Российской империи.

Уйгуры надеялись: Россия ведет активную экспансию в Туркестан и вот-вот и они станут русскими подданными, не уезжая с родины. Но Англия (наверное, заботясь о свободе народов и об их праве на самоопределение?) вынудила Россию отвести оттуда свои войска. Как только стало ясно, что земли уйгуров не отойдут России, опять к нам потянулась вереница беженцев-уйгуров.

После победы народной революции в Китае во второй половине XX века был образован Синьцзян-Уйгурский автономный район. Однако и при власти маоистов ситуация не изменилась: уже в середине XX века еще около 100 000 (!) уйгуров бежало из Китая в СССР.

Армяне – в Турции и в России

Армяне – потомки населения древнего царства Урарту. После его падения армянские земли оказывались в составе то Персидской, то Римской империи. Армяне привыкли жить в составе «чужих» империй. Часть территории исторической Армении ненадолго стала ядром Армянского царства... Но уже с XIII века вся территория исторической Армении была разделена между Турцией и Персией.

---

[1] Уйгуры создали несколько своих государств. В XVII–XVIII вв. в Восточном Туркестане существовало государство уйгуров, которое к 1760 г. было захвачено маньчжурскими правителями Китая. *(Прим. науч. ред.)*

Армянское нагорье неплодородно, почвы бедные. Это заставляло армян с давнего времени перебираться в другие страны, где они оседали в основном в городах.

На территории России в разные исторические периоды было создано множество армянских поселений, особенно в Крыму, на Кубани, на Дону, и эти колонии постоянно пополнялась соотечественниками из Армении. Отметим, что в Российской империи православный армянин мог занимать сколько угодно высокое положение в обществе, в то время как в Персии и Турции христиан официально считали «гяурами» – «неверными».

Поток беженцев в Россию стал меньше, когда после русско-турецкой войны 1806–12 годов и русско-персидской войны 1826–28 годов, Восточная Армения вошла в состав Российской империи. Теперь армяне из мусульманских стран переезжали не в Россию, а в саму Армению: точнее, в ту ее часть, которая находилась в составе Российской империи. Называют разное число этих армянских переселенцев – до 90 000 человек[1].

Заметим: бежали армяне не в Европу, не в Соединенные Штаты, уезжали не в Австралию и в Южную Америку. Они почему-то перебирались в Россию, в «тюрьму народов».

Но и эти десятки тысяч переселенцев кажутся каплей в море по сравнению с лавинообразным потоком беженцев, хлынувших в Россию в XX веке. И опять – именно в Россию побежали армяне, когда в Турции над ними нависла угроза поголовного истребления.

Дело в том, что в Турецкой империи титульная нация – турки были в основном земледельцами и воинами. Трудно нам сегодня это представить, но 100–150 лет назад турки считались плохими торговцами-бизнесменами. Эту нишу успешно заняли греки и особенно — армяне. Естественно, процветающие горожане-армяне вызывали раздражение турецких националистов. Пришедшая с Запада идея национального государства застав-

[1] Называют цифру и 100, и 120 тыс. Но эти цифры менее достоверны. (*Прим. науч. ред.*)

ляла турок задумываться: а что делают в «их» стране эти юркие инородцы? Если Турция – страна турок, то все ее богатства – для турок!

Эту логику хорошо понимали западные державы: идея национального государства и суверенитета нации была им симпатична. Турецкая империя распадалась, и встал вопрос о создании национального армянского государства. Разница в том, что Россия не только вела беседы об армянском государстве и о защите армян. Она действовала!

После поражения Турции в русско-турецкой войне, по Сан-Стефанскому миру 1878 года русские войска должны были оккупировать Армению на срок, необходимый для создания национального армянского государства. Если бы эти планы были реализованы, то никакой резни армян вообще никогда бы не случилось.

Но Британия, а вслед за ней остальные европейские державы боялись усиления России. Ведь получалось: Россия будет защитником христиан в распадающейся Турции! Ее авторитет и могущество неизмеримо возрастут! Не допустим!

Спасительное для армян решение о создании их национального государства было отменено в результате угрожающего на-

Турецкие солдаты сгоняют армян в тюрьму. 1915 г.

жима Британии. В самой Англии эта история прославлялась как величайший дипломатический триумф, принесший «почетный мир».

Что считать «почетным миром», пусть решают сами англичане. Мы же видим: Армения была принесена в жертву на алтарь британской политики сдерживания России любой ценой. Русские вынуждены были уйти, и теперь турецкое правительство могло делать с армянами, что хотело.

Таким образом, именно демократическая Британия стала главной виновницей возвращения Армении под владычество турок. Именно политика британского правительства привела к нескольким армянским бойням в конце XIX века, в 1909 году, и к страшнейшей резне 1915–1922 годов. И после каждой такой бойни армяне бежали в Россию.

Итак – 1909 год. Турецкие власти, приняв решение об уничтожении армян, раздали мусульманам большое количество оружия и боеприпасов, освободили из тюрем несколько сотен преступников-турок.

Жертвами погромов стали около 30 000 человек. Десятки армянских населенных пунктов были разрушены и сожжены. Спаслись только жители сел и городов, организовавших эффективную самооборону. Многие тысячи армян бежали в Россию.

Но это было только начало.

Вступление Турции в Первую мировую войну в октябре 1914 года дало, по мнению младотурок[1], уникальный шанс для окончательного решения «армянского вопроса», то есть полного истребления армян. По словам одного из организаторов геноцида, даже само слово «армянин» должно было навсегда кануть в Лету[2].

Турецкое правительство ввело военное положение. Все правильно, шла мировая война. Пользуясь этим, правитель-

---

[1] Партия младотурок взяла власть в Турецкой империи в 1908 г. Младотурки считали, что жить в Турции должны только турки, а греков, армян и славян нужно уничтожить или прогнать. (*Прим. науч. ред.*)

[2] Хотя и сегодня почему-то никто не называет Турцию «тюрьмой народов».

ство опять выпустило из тюрем уголовников и бандитов: с условием, что те примут участие в резне в благодарность за освобождение. Армяне-военнослужащие были отчислены из армии.

Днем геноцида армянского населения принято считать 24 апреля 1915 года, когда младотурецкие правители приказали собрать всю армянскую интеллигенцию в Стамбуле и депортировать. Многие были в этот же день убиты. Но речь не о дне или неделе... Преследования армянского населения продолжались вплоть до 1922 года. В течение этих страшных лет погибло свыше 1,5 млн армян. Множество армянских беженцев было рассеяно по всему миру.

Мировые державы опять протестовали... На бумаге. Все они принимали резолюции, гневно осуждавшие геноцид армян[1].

Однако от гневных резолюций армии не останавливаются, от газетных статей банды погромщиков не расходятся по домам.

Позиция Запада, конечно, благородна, и все сказанное характеризует его с самой лучшей стороны. Но вот ведь какое различие... Россия, эта «тюрьма народов», не только подписывала декларации, но и оказывала армянам самую реальную помощь, пока «светочи демократии» в основном болтали.

По личному приказу Николая II русские войска (Россия, между прочим, была тогда в состоянии войны с Германией и ее союзниками) предприняли ряд мер для спасения армян. В результате действий нашей армии (оплаченных жизнями русских солдат) из всего армянского населения Турции почти чет-

---

[1] В наше время геноцид армян официально признал и осудил Международный Гаагский трибунал, Европейский союз, Европарламент, Всемирный Совет церквей.

Даже США официально признали и осудили геноцид армян, более того – объявили 24 апреля Днем памяти жертв геноцида армянского народа. С конца 1970-х гг. каждый год 24 апреля президенты США выступают с телевизионным обращением к армянам Америки.

Современная Турция категорически отрицает наличие исторического факта геноцида армян. Действия турецкого государства преподносятся как «депортация» с целью безопасности армян. *(Прим. науч. ред.)*

верть[1] была спасена, найдя убежище в России. В том числе в той части исторической Армении, которая ранее вошла в состав Российской империи.

По поводу численности армян в России есть неплохой армянский анекдот:

«Встречаются президенты России и Армении.

– Сколько живет в твоей стране армян? – спрашивает русский президент.

– Миллиона полтора, – отвечает армянский.

– А у меня их живет три миллиона. Так кто из нас президент Армении?!»

Не настаиваю на цифрах... Тут важна идея, а анекдот мне рассказали сами армяне[2].

Русские корейцы

Стоило России утвердиться на Дальнем Востоке, и в империю потоком стали переселяться корейцы. К 1920 году их в России насчитывалось до 300 тысяч человек. Фамилии Цой, Хон, Дзю давно уже наши, «русские».

Русские китайцы

В те же времена, в конце XIX – начале XX века, в Россию въехало до 300 тысяч китайцев. Потомки их живут в России до сих пор.

Ушедшие из империи

Будет несправедливо не упомянуть о народах, которые не захотели жить в Российской империи, и не попытаться понять – почему они сделали такой выбор?

---

[1] Г. Тер-Маркариан писал по этому поводу в своей книге «Как это было»: «Ради исторической справедливости и чести последнего русского царя нельзя умолчать, что в начале описываемых бедствий 1915 г., по личному приказанию царя, русско-турецкая граница была приоткрыта и громадные толпы скопившихся на ней измученных армянских беженцев были впущены на русскую землю». (*Прим. науч. ред.*)

[2] Сегодня в Армении по данным ее правительства проживает всего 3 млн 84 тыс. чел., – примерно половина всех армян мира. В России живут примерно 1 млн 700 тыс. армян. В США – порядка 700 тыс. Во всех странах Европы – еще 500 тыс. Во всей Турции – не более 150 тыс. армян. (*Прим. науч. ред.*)

После присоединения Крыма к России из него в Турцию выехали десятки тысяч крымских татар. Множество калмыков в 1771 году ушли назад в Джунгарию (из этих ушедших большинство погибло).

Уже упоминались енисейские кыргызы, также ушедшие в 1703 году в Джунгарию. Русская власть очень мешала им грабить своих данников.

Но самые болезненные события связаны с исходом из России народов Северного Кавказа. О них надо рассказать особо.

Адыги

Адыгейцы (или «адыги») жили там, где сегодня мы видим в основном русское население: в бассейне реки Кубань, на побережье Черного моря, по берегам Терека. В ходе Кавказской войны 1817–64 годов именно адыгские племена последними из народов Северного Кавказа (на 5 лет позже сдачи имама Чечни и Дагестана Шамиля) капитулировали перед Российской империей. После завершения Кавказской войны началась массовая эмиграция адыгов в Османскую империю: мусульмане-адыги переселялись в единоверную Турцию[1].

Чеченцы

После окончания Кавказской войны Россия и Турция договорились о переселении части чеченцев в Турцию. Всего желающих переселиться набралось 22 500 человек.

Переселенцам было разрешено забрать с собой все свое имущество, скот и продовольствие, для чего им русскими властями были даже выделены подводы. По пути следования в российских пределах было дано распоряжение выделять мигрантам бесплатно (!) дрова, пастбища и сено.

---

[1] По разным данным, общая численность северокавказских народов, покинувших родину, – от 500 тыс. до 1,5 млн чел. Сегодня за пределами России проживают 80 % всех адыгов. Они называют это событие Исход и отмечают каждую его годовщину. Воспринимается это событие трагически. Турция «подставила» единоверцев и союзников: послала старые корабли, треть из которых утонула. Селили адыгейцев на бесплодных землях и в непривычном климате, очень многие умирали или пытались вернуться... *(Прим. науч. ред.)*

Но оказалось, что по факту Турция принять беженцев совершенно не готова. В Турции, в непосредственной близи от границ с Россией, все эти партии переселенцев скопились, образовав огромный стан. Оставшись в открытом поле на целых два месяца, переселенцы страдали от наступивших холодов. У многих из них закончились запасы провианта, заботливо выданные русским правительством.

После длительного бездействия турецкие власти решили отправить переселенцев в заранее оговоренные места в одной своей пустынной провинции. Однако переселенцы отказались следовать по месту назначения до осмотра этих земель их старшинами. Старшины вернулись и объявили, что земля плохая и для земледелия малопригодная. Тогда переселенцы окончательно отказались покинуть свои «лагеря» и, доведенные до отчаяния холодом и голодом, бросились разорять окрестные селения.

Вскоре на российскую границу в районе Арапачая прибыло 200 человек переселенцев с просьбой пустить их обратно в Россию на любых условиях. Постепенно число обратных беженцев, скопившихся на границе, достигло нескольких тысяч человек. Русское начальство принять обратно переселенцев отказалось и усилило пограничный надзор.

По-своему решили эту проблему и турецкие власти. Они двинули к границе войска и пушечным огнем заставили переселенцев покинуть пограничный район и под конвоем турецких войск отправиться «куда положено». Одновременно было принято решение о разоружении переселенцев. В одних пунктах оружие было сдано без сопротивления; но местами (чеченцы – народ боевой, как известно) сдача оружия произошла только после небольших сражений.

Вкусив досыта турецкого гостеприимства, чеченцы поняли, что стали жертвой чудовищной провокации. Многие из чеченских семейств решают вернуться на Кавказ любыми путями. Большие партии переселенцев вновь появились на российской границе и стали добиваться своего возвращения на родину. Обращаясь к русскому начальству, они заявляли, что раскаялись и согласны поселиться где угодно, даже во внутренних областях России. Как

говорится в известном старом анекдоте «хоть тушкой, хоть чучелом», хоть в Сибири и на Урале, – только бы уехать из Турции. В общем, рвались, рвались обратно, в «тюрьму народов», из «свободного мира».

Однако и на этот раз, несмотря на бедственное положение просителей, русские власти проявили редкую жесткость и категорически отказали всем.

Евреи

В национальной политике России были и свои темные стороны. При всей ее толерантности и демократичном отношении к живущим в ней народам, было одно почти единственное исключение: евреи. Точнее, верующие иудеи.

Евреи массово оказались в Российской империи после разделов Польши в конце XVIII века. Поток еврейских купцов и особенно банкиров-ростовщиков хлынул в Москву и Питер. Русские купцы даже немного ошалели от невесть откуда взявшихся энергичных конкурентов, предприимчивых, хитрых, пронырливых, более того – соединенных некой внутрикорпоративной спайкой по национальному принципу. Поняв, что они начинают постепенно терять рынки и клиентуру, русские предприниматели не нашли ничего лучшего как обратиться к государыне-императрице с просьбой оградить их от «жидовско-иудейской» экспансии. Мол, в торговле демпингуют, проценты по кредитам берут немеренные, и вообще всячески над православными измываются. Именно тогда и была введена уникальная для истории России охранительно-протекционистская мера – «черта оседлости». Екатерина II запретила евреям иудейского вероисповедания выезжать за пределы западных губерний империи и селиться в столичных городах – это и называлось «чертой оседлости».

Число иудеев, которые могли учиться в государственных гимназиях и высших учебных заведениях, ограничивалось – действовала так называемая процентная норма.

Иудей не мог поступить на госслужбу, его не производили в офицеры. Только Временное правительство весной 1917 года полностью сняло все ограничения.

Правда, подчеркну еще раз: ограничивали в правах не евреев как народ, – все ограничения распространялись только (!) на лиц, открыто исповедующих иудаизм. Формально никто не мешал евреям выкрещиваться в православие[1]. «Выкрест» мог селиться где угодно и заниматься чем угодно. Служить в армии или в министерстве. Например, один из «туркестанских генералов», герой присоединения к России Средней Азии, «крещенный» еврей по фамилии Кауфман. Предки русских поэтов Фета и Ходасевича, Ульянова-Ленина по женской линии (а она, как вы знаете, у евреев главная) – вообще не просто иудеи, а раввины.

Кроме того иудей, получивший высшее образование, уже не попадал под ограничения: он мог селиться и работать где угодно. Селиться где хочешь, можно было также став купцом первой и второй гильдии. Ограничения не распространялись на отслуживших в армии и т. д., в общем при малейшем желании пересечь «черту оседлости» даже иудею не представляло никакого труда. Под ограничения не попадали и крупные полустоличные города: Киев, Одесса и др., там были большие иудейские общины.

Но, естественно, все равно ограничения вызывали протест. По разным данным, от 1 800 000 до 2 500 000 евреев выехали из Российской империи, в основном в США.

В Белоруссии до сих пор живут близкие родственники недавно умершего американского писателя-фантаста Айзека (Исаака) Азимова. Патологический враг России Ричард Пайпс (Пипер) тоже, кстати, происходит из выехавших из Русской Польши евреев[2].

Несмотря на эмиграцию, Россия обладала самым большим еврейским населением в мире. И это население постоянно росло, За сто лет, с 1815 по 1915 год – это уже после включения

---

[1] На бытовом уровне, конечно, иногда отношение к «выкрестам» «первого поколения» бывало подозрительное. «Жид крещенный, что вор прощенный», как говорит старая русская пословица. Но подчеркну, официально для иудея переход в православие означал полное получение всех прав гражданина Российской империи. Со второго же поколения об «иудейском» прошлом уже никто никогда и не вспоминал.

[2] Много евреев вернулись в Россию после падения царского режима. Данные различные, они колеблются от 100 тыс. до 300 тыс. чел. (*Прим. науч. ред.*)

всей Польши со всеми евреями в Россию – число еврейского населения выросло в шесть раз. При этом все население России выросло за это время в четыре раза, несмотря на весь демографический бум.

Так что среди евреев демографический бум был особенный.

Имея самое большое еврейское население, Россия при этом была единственной страной, где *подавляющую* часть этого населения составляли трудящиеся. Не ростовщики, не посреднический бизнес, не интеллектуалы, как в Америке, а именно сотни тысяч сапожников, кожевников, мелких ремесленников, жестянщиков, скорняков. Было даже небольшое еврейское крестьянство – почти как в современном Израиле.

Поляки

После поражения восстания Тадеуша Костюшко в конце XVIII века до 100 тысяч поляков выехали из Российской империи в Европу. Правда, половина из них потом вернулась.

После поражения польских сепаратистов (или польских «национально-освободительных движений» – это кому как больше нравится) в 1830–31 и 1863 годах из России выехали еще примерно столько же поляков. Часть из них были участниками восстаний и опасались репрессий, часть считали себя «цивилизованным европейским народом», который не должен жить в «дикой азиатской» России. Однако и из этих уехавших тоже многие возвращались.

Отмечу, что поляки уезжали не только на Запад, но и на Восток, в основном на близкую и понятную им Украину. По одной из семейных легенд, мои предки по отцовской линии как раз пошли от такого поляка-переселенца, некоего «козачка» из свиты польского вельможи, переехавшего в XIX веке из Польши в Киевскую область.

Реалии истории и пропаганда

Настаивая на том, что Россия – «тюрьма народов», западные пропагандисты порой упоминают сам факт выезда из Российской империи крымских татар или народов Северного Кавказа.

Но они старательно избегают любых конкретизаций. Слишком уж очевидно, что явление это локальное и в общей канве событий далеко не основное. При этом слишком уж неприглядной выглядит роль Турции – провокатора переселения чеченцев и организатора армянской резни.

Только для адыгейцев Исход стал важной вехой в судьбе народа. Но и для них уход из России обернулся не новым национальным подъемом и не новыми достижениями, а трагедией.

Тем более не упоминают наши оппоненты о тех, кто выбирал Россию. Ведь очевидно, что этот выбор как раз был судьбоносным, ибо действительтно вел к решению важных для народа вопросов и проблем.

В заключение этой части я хотел бы показать вам тот уровень полемики, на котором Россию обвиняют в рецидивах «имперского сознания» и стараются превратить в международное пугало. Позволю себе полностью привести статью уже упоминавшегося ***Ричарда Пайпса.*** Статья называется ***«"Большой Брат" и "малые русские"».*** Напечатана она в популярном американском политическом еженедельнике – «Newsweek» в конце 2004 года:

«Российская правящая элита содрогается от одной мысли о том, что Украина может превратиться в форпост Запада на южном фланге России.

Понять, в чем сущность драматических событий, разворачивающихся на Украине с того момента, как там прошли президентские выборы, можно, только принимая во внимание имперские амбиции России и разделение общества на самой Украине. Русские всегда чрезмерно гордились размерами своей страны. Еще в XVII веке они хвастались перед приезжавшими к ним иностранцами, что Россия даже больше, чем видимая поверхность Луны. В русском языке слово "великий" означает как "большой", так и "могущественный". Такой вот лингвистический трюк и привел их к мысли о том, что они имеют право называть свою страну великой державой.

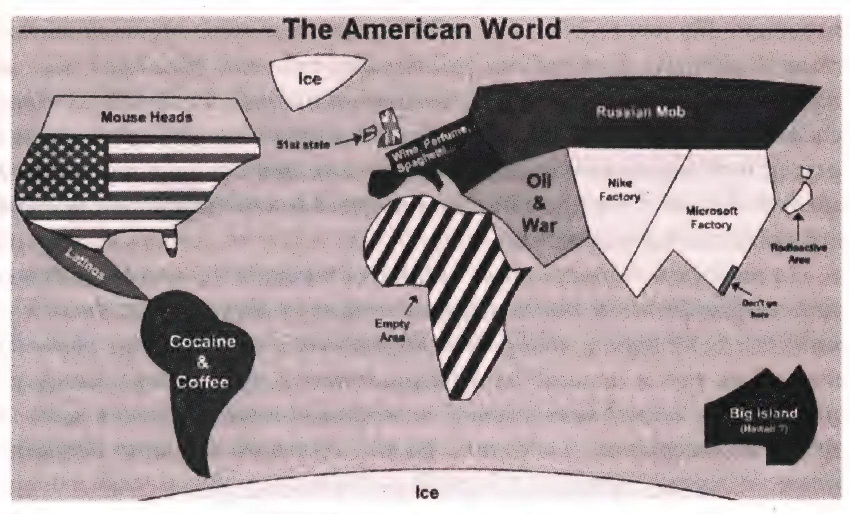
Коллапс коммунизма и развал советской империи сильнейшим образом ударили по психике русских. Они просто никак не могут привыкнуть к тому, что от них отрезали такую большую

территорию и отобрали так много власти. По данным опросов общественного мнения, три четверти русских сожалеют о том, что Советского Союза больше нет, и эта ностальгия по большей части происходит от осознания того факта, что распад советской империи превратил Россию во второстепенную страну, не вызывающую в других народах ни уважения, ни страха. Чтобы как-то с этим справиться, правительство Владимира Путина медленно, но верно добивалось и добивается восстановления влияния России на независимые государства, бывшие когда-то советскими республиками.

Для этого применяются самые разные способы, вплоть до экономического давления и отказа выводить российские войска из таких мест, как, например, украинский город Севастополь, в котором сейчас базируется российский Черноморский флот. Такие методы вызвали в некоторых сопредельных государствах резко отрицательную реакцию – например, в Грузии, в дела которой Москва неприкрыто вмешивается, и не вспоминая о том, что у этой страны есть свои суверенные права. Но ни одну потерю русские не переживают с такой болью, как потерю Украины.

Украина – это не только самая богатая и самая густонаселенная из бывших подчиненных территорий. Украина, это колыбель российской государственности. Именно здесь, в Киеве, и сформировалась тысячу лет назад первая российская власть. "Малые русские", как традиционно называют украинцев в России, считаются здесь братьями, и на то, что они отделились и создали свое государство, смотрят как на предательство. Однако это не единственная линия разделения между теми, кто стоит по обе стороны нынешнего конфликта.

Популярный кандидат на президентский пост Виктор Ющенко, который, по заявлению властей, проиграл выборы, занимает явно прозападную платформу, и кое-кто из его сторонников опрометчиво предсказал, что, если он станет президентом, Украина может начать добиваться вступления в НАТО. Эта перспектива совершенно неприемлема для Москвы, которой и так нелегко далось примирение с тем, что

Юмористическая карта «Мир глазами американца».
В каждой шутке, как говорят, есть доля шутки

НАТО расширилась до европейских границ России. Российская правящая элита содрогается от одной мысли о том, что Украина может превратиться в форпост Запада на южном фланге России.

Украинская республика состоит из двух частей, культурные традиции и этнический состав которых существенно различаются. Западная часть, где сосредоточено в основном сельское хозяйство, веками жила на землях, в которых правили Польша и Австрия, и пользовалась всеми преимуществами близкого общения с Европой. На западе Украины – центр традиционного свободолюбия и одновременно украинского национализма.

В восточной индустриальной части страны проживает значительное русское меньшинство, отношение которого к украинской государственности трудно назвать восторженным. Путин, стремясь поставить Украину под еще более эффективный контроль со стороны России, опирается как раз на российскую общину и на бюрократический аппарат, пережиток советских времен, который пропитан инстинктивной враждебностью демократии – и по происхождению, и в угоду своекорыстным ин-

тересам. На последних президентских выборах премьер-министра Виктора Януковича поддерживала как Москва, так и украинская бюрократия, русское меньшинство и промышленные магнаты, сделавшие состояния на сотрудничестве с московским истеблишментом, в то время как его соперник Ющенко представляет демократические и проевропейские устремления украинского большинства.

На выборах бюрократия, силясь остаться у власти, прибегла к неприкрытым подтасовкам в пользу Януковича, да и Путин, когда не таясь поздравил Януковича с победой еще даже до того, как были оглашены официальные результаты, немного отошел от своей всегдашней осторожности. Это как нельзя лучше показывает, насколько важно для него не дать Украине уйти на Запад.

Массовые нарушения демократических процедур вызвали народные акции протеста такого масштаба, каких не было еще ни в одной из бывших советских республик и о каких и подумать нельзя в России, где население более смирное и готово смириться со всем, что бы ни придумали правители страны. Сейчас возможны два сценария развития событий: если реализуется первый, разгневанное украинское население встанет против русских элементов во власти и вне ее, и эта конфронтация может привести к полномасштабной гражданской войне. Второй сценарий, гораздо более разумный – компромисс, пересчет голосов и даже, возможно, новые выборы. Каким путем пойдет Украина, во многом зависит от Запада.

Если Соединенные Штаты и Европа продолжат оказывать давление как на Москву, так и на Киев, остается возможность мирного решения, потому что ни правительство России, ни его союзники на Украине не могут позволить себе поссориться с демократическими странами Запада. Но если это давление ослабнет, если кто-то решит начать задабривать Москву, Путин и его друзья в Киеве получат возможность достойно завершить затеянный ими государственный переворот. В результате Украину может ждать распад, и вместе с украинским государством падет и важный барьер на пути дальнейших имперских амбиций России».

Выводы

На примере этой статьи хорошо видно, каким именно образом пытаются представить нас западные «аналитики». Как они «доказывают», что Россия – «тюрьма народов». Думаю, образованный читатель сам в состоянии дать оценку этому глубоко несправедливому и нечестному тексту со множеством сознательных подтасовок и передергиваний.

Если же обратиться к фактам, то мы не найдем примеров «тюремного содержания» ни одного из народов Московии и Российской империи. Таких случаев попросту нет.

Если даже народы из-за застарелой вражды и религиозного фанатизма и пытались уйти из России, это не приносило им решительно ничего хорошего. Исход адыгейцев поставил под сомнение само существование этого небольшого гордого народа. Исход чеченцев превратился для них в грандиозную трагедию.

А на один случай исхода приходится много случаев «прихода». И никогда, ни разу ни один народ не имел оснований пожалеть о том, что выбрал своим местом проживания Россию.

Судьба уйгуров, армян, корейцев, бурятов в России благоприятнее судьбы их сородичей за пределами нашей страны. Это касается и переселявшихся в Россию европейцев. В «цивилизованной» Британии шотландцев резали, а в России они становились министрами и генералами. В «прекрасной Франции» ветераны Наполеона скитались нищими, оплевываемые вернувшимися Бурбонами, а в России они жили в достатке и уважении.

«Завоевательная» политика России не имела ничего общего с политикой европейских держав. Вбирала в себя не далекие заморские, а приграничные, окрестные земли не «Россия русских», а многонациональное российское государство. Если и были военные столкновения, то не с национальными государствами, а с искусственными разноплеменными империями.

Никогда не было в России ни геноцида, ни работорговли, ни истребления завоеванных народов голодом и холодом.

Включая в себя другие страны и народы, Россия давала им те же права, что и русским и всем прежним жителям нашей страны. Потому и бежали в нее, потому и становились вчерашние враги благодарными строителями общего государства.

Таковы факты. Их можно игнорировать, их можно перевирать или извращать. Но факты – очень упрямая вещь. Факты доказывают: мрачный миф о «тюрьме народов» – выдумка, созданная конкурентами России.

И она не имеет ничего общего с историческими реалиями.

Часть VII

Миф о русской угрозе

У России нет союзников...
Все боятся нашей громадности.
Император
Александр III Александрович

Как известно, Россия угрожает всему цивилизованному миру.

Угрожает экономически и политически. Дикая «Тартария» – Московия – угроза мирным соседям. Ощетинившаяся, донельзя милитаризированная, с перекошенным от злобы дергающимся петровским ртом Российская империя, где каждый дворянин – офицер, а каждый мужик – рекрут, – это угроза мирной и стабильной жизни всех нормальных независимых государств, куда могут дойти по суше бесчисленные имперские полчища. Утыканные ядерными боеголовками, одурманенные идеями мирового идеологического господства Советы – это угроза всей земной цивилизации, это «темная сторона» Луны, «Империя Зла».

Возрождающаяся «путинская» Россия еще слаба, ее элита непатриотична, расколота и слишком уж жаждет роскоши и комфорта, слишком хочет образом жизни быть «с Европой». Поэтому рано, казалось бы, говорить о ее «имперских амбициях». Но и «новую Россию» уже пробивает показать нефтегазовые чугунные зубы, хочется ей цапнуть этими зубами, да оторвать кусок пожирнее от мирового пирога. Мир привык видеть в русских потенциальных агрессоров, так что его не надо убеждать, что и вентиль от газовой трубы, и автомат Калашникова сделаны у нас одинаково добротно. Вопрос – в чьих они в данный момент руках.

Общеизвестно, что Россия всегда стремилась к мировому господству, и только благодаря сплоченности защитников истинной (католическо-протестантской) веры, западных идеалов свободы, демократии и парламентаризма не завоевала его.

Жертвами этой битвы московитского монстра против свободы и общества равных возможностей в разные годы пали: «вильна» Украина и гордая Польша, трудолюбивые Прибалтика с Финляндией и свободолюбивые народы Кавказа. В XX веке русская коммунистическая чума захлестнула полмира: от Юго-Восточной Азии до Карибского бассейна. В неравной битве добра и

«Империи зла» русский Дарт Вейдер не выдержал напряжения сил и самоликвидировался.

Но и сейчас его преемник – Россия все еще грозно нависает над малыми странами — своими бывшими сателлитами и, как только представится возможность, тут же их завоюет, присоединит, уничтожит. Благородная миссия Запада – помочь этим маленьким бедным странам отбиться от страшного соседа. Во имя справедливости, демократии, да и просто из чувства самосохранения Запад должен выполнить эту миссию! Потому что как только Россия проглотит Грузию и Эстонию, настанет очередь следующих.

В это верят. Этим руководствуются. Любая провокация или непроверенный инцидент воспринимаются как «очередное доказательство». Вспомним грузинские события августа 2008 года.

Эти события происходили в основном на территории «третьих стран» – Абхазии и Южной Осетии. На Западе эти страны считаются «спорными» между Россией и Грузией. Многие ли на Западе знают, что сами народы этих стран совершенно не хотят быть в составе Грузии? Что Абхазия имеет не менее древнюю историю своей государственности, чем Грузия? По крайней мере, подпись представителя Абхазии стоит под Союзным договором 1922 года о создании СССР! Что лишь позже, по требованию грузина Джугашвили, она была окончательно «включена» в состав Грузинской ССР? Что собственно конфликт между Грузией, с одной стороны, и Абхазией и Южной Осетией – с другой, возник потому, что каждая из них по отдельности хочет быть в составе России? По крайней мере, я говорю не об элитах, а о простых гражданах Абхазии и Южной Осетии.

Как правило, утверждается прямо противоположное: Россия пытается завоевать эти части бывшего Советского Союза и присоединить к своей «империи». Народы Кавказа отбиваются, и Грузия помогает им, как Старший Брат в сообществе обиженных Россией.

Миф о «русской угрозе» очень давний и устойчивый. Без него, пожалуй, и остальные мифы не имеют особого смысла. Подумаешь, нечистоплотные, вечно пьяные русские с их плохими дорогами! Кого напугаешь дикарями? Вот если эти дикари имеют со-

временное вооружение, готовы в любой момент напасть на соседей, тогда это уже очень опасные дикари.

Почему Россия всегда готова и желает воевать? Почему от нее исходит угроза? А потому, что она недемократическая, отсталая и нищая. В недемократичности заложена первопричина агрессии по отношению к окружающим, мучается русский медведь от комплекса неполноценности, что также пытается компенсировать агрессивностью[1].

Попытаемся рассмотреть именно этот набор мифов. Для нас очень важно понять, откуда они появились, кому и для чего они нужны.

[1] Важное замечание: комплекс неполноценности в русском варианте, как утверждают психологи, удивительным образом сочетается с комплексом... собственного превосходства, этаким пещерным национал-шовинизмом. Причем эти два взаимоисключающих комплекса прекрасно уживаются в одном конкретно взятом среднем русском человеке, являя собой две уникальные стороны загадочной русской души.

Глава 1

Древняя Русь – жертва нашествий?

...И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?

А. С. Пушкин
«Клеветникам России»

Древняя Русь – полное отсутствие мифа

Поразительно, но никто не обвинял в агрессивности Русь в то время, когда она действительно была очень агрессивной, захватнической державой – в IX–XII веках.

Сегодня мы называем Русью всю территорию, на которой обитали племена восточных славян. Это справедливо, но не для любой эпохи.

Во времена Олега до 911 года только половина известных на этой территории племенных союзов входила в состав Руси.

Границы древнерусского государства возникли благодаря завоеванию Рюриковичами славянских племенных союзов. В 860 году Рюрик прекратил разорять берега Фландрии и Британии. Видимо, с этого времени он воцарился в Ладоге. В 862 году он с дружиной захватил Новгород. Завоевание, узурпация власти, разбой – все в духе раннего Средневековья. Это даже вызвало восстание новгородцев (восстание Вадима Храброго).

Через 20 лет, в 882 году, Олег из рода Рюриковичей захватил Киев и перенес туда столицу.

Древняя Русь постоянно организовывала грабительские походы на богатых соседей, особенно страдала культурная Византия: в 907, 911, 941, 944 годах.

Но ни в самой Византии, ни в Европе никто никогда не обвинял восточных славян и древних руссов в повышенной агрессивности: слишком очевидно, что их поведение ничем не отличается от поведения других народов. Русские казались византийским хронистам даже менее агрессивными, чем, например, германские племена. По крайней мере, с вождями руссов всегда можно было «договориться» по-хорошему. Так что никакой направленной против руссов пропаганды, относящейся к этому времени, вы не найдете ни в одном источнике, ни в одном историческом и летописном сочинении того времени.

Русь – вечная жертва нашествий

Скажу больше: если разобраться, то при желании можно показать и обратное – не Русь покоряет соседей. Это она сама постоянно становится объектом набегов и грабежей. Строго говоря, это подтверждает и само появление на Руси династии варяжского князя Рюрика.

Судите сами: дружина Рюрика приходит на Русь скорее всего из Скандинавии. Рюрик успел покняжить в Европе, некоторое время он «похулиганил» в Англии. Когда же привел свою дружину на Русь, вид некоторых воинов был «зело удивителен»: ходили они без штанов, в мужских юбках-килтах. Причины столь необычного обмундирования варягов для историка не удивительны: Рюрик привел с собой часть людей из Британии, а в те времена там не только на севере, в земле Скоттов, но и на юге многие ходили без штанов.

Скандинавское имя носил не один Рюрик, все первые русские князья имеют такие имена. Олег – Хельг, Ольга – Хельга, Игорь – Ингвар. Даже по поводу вроде бы чисто русского имени Владимир некоторые сомневаются: думают, что вообще-то он был Вольдемар, но славяне произносили его по-своему.

Хотя лично меня это возмущает. Все-таки гораздо приятнее произносить собственное имя на старославянский манер: Владимир – «владеющий миром» (тьфу, опять же! Речь, конечно, не о мировом господстве, слово МИР, или МIР здесь в исконном, старорусском смысле – лад, согласие). Ростислав – «рости славным, со славой», Вячеслав – «вечная слава» ну и так далее.

Дружина Олега состояла в основном из людей с именами Фарлаф, Свенельд или Рогволд. Ратибор и Всеволод, правда, тоже упоминаются. Но славян явно не большинство.

Некоторым ученым историкам давно не нравилась мысль, что первые князья и первая знать всей Руси были варяжского происхождения. Еще Михайло Ломоносов предполагал, что варяги могли быть прибалтами-пруссами и пришли с территории современной Калининградской области[1]. Слово «пруссы» затем начали произносить как «руссы», Рюрик был почти что соплеменником славян, прусским князем...

Пруссы убивают епископа Адальберта. Фрагмент гнезненских дверей.
Пруссы-руссы, может, и стали бы нашими предками, если бы немцы их не перебили. Впрочем, на картинке они сами достаточно успешно расправляются с немецким епископом

У большинства ученых-профессионалов много сомнений в этой версии, но у нее и по сей день есть сторонники. А главное, даже если «ломоносовцы» и правы, то ведь и пруссы – точно такие же пришельцы на Русь, на бескрайние равнины Восточной Европы, как и варяги.

Поклонники «исторической фантастики»[2], столь обильно издаваемой

---

[1] *Ломоносов М. В.* Древняя российская история от начала русского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.: Изд-во Российской АН, 1766.

[2] Все сюжеты этого популярного ныне литературного жанра примерно одинаковы: наш современник в результате некоего катаклизма оказывается в прошлом. А дальше – вопрос: как человек с современными знаниями и навыками может «обустроиться», скажем, во времена Нерона в Риме или среди дружинников князя Олега в Киеве.

в наши дни, хорошо знают еще одну любопытную версию происхождения варягов. Мол, варяги – это некий особый военный «орден», некое профессиональное «боевое братство» типа запорожских казаков, интернациональное по составу, но состоящее в основном из самих славян. Служили варяги, как предполагается, по найму на тех, кто больше заплатит[1]. Занимались с утра до вечера исключительно «боевой и физической подготовкой» и даже имели специальные внешние отличия а-ля Тарас Бульба: бритый череп со специально оставленным, выкрашенным в синий цвет длинным чубом.

Кстати, синие чубы или усы варягов не имеют никакого отношения к легендарному варяжскому князю Синеусу (по одной из версий – отцу Вещего Олега). Во-первых, Синеуса скорее всего никогда не существовало (sine use, значит «его родственники»). Неправильно понятые скандинавские источники. А почему красили в синий, а не в римский пурпур, например? Думаю, просто потому, что это был доступный краситель в их местности – что-то типа голубики. Красили и в рыжий.

В общем, варяги, пришельцы они или славяне по крови, в любом случае были не единственной «внешней» силой на Руси.

Много их было, пришельцев, и это совершенно не удивительно. Восточная Европа – громадная равнина, открытая всем ветрам, почти без естественных рубежей. Вторгайся при желании — с любой стороны, кроме, разве что Северного Ледовитого океана. Впрочем, около 800 года и оттуда, обогнув Скандинавию, приплыл завоеватель, некий скандинавский князь Отар[2]. В сагах очень красочно описано, как варяги пытались завоевать устье Северной Двины, но это у них не получилось: жившие здесь финно-угорские народы были парни не промах. Непрошеных гостей встречали отравленными стрелами. Варяги уплыли обратно, а современные историки до сих пор пытают-

---

[1] Вот в этой части писатели историко-фантасты безусловно правы. Так оно, видимо, и было в действительности.

[2] *Хенниг Р.* Неведомые земли. Пер. с нем. Т. 2. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.

ся понять, как именно местные горячие финские парни пропитывали ядом наконечники своих стрел. Большинство склоняются к тому, что финны травили стрелы разложившейся красной рыбой: яд и в самом деле страшный, и вполне доступный народам, основным промыслом которых была рыбная ловля[1].

Ф. Шаляпин в роли варяжского гостя в опере Н. Римского-Корсакова «Садко».
О варягах мы знаем не очень много. В основном лишь то, о чем рассказывается в песнях варяжского гостя

Впрочем, что мы все о варягах да о варягах?

Некоторые историки считают, что «скифы-пахари» и есть ни кто иные, как прапредки славян[2].

Новые завоеватели постоянно вторгались в Восточную Европу с востока и юга, расселялись на ее просторах и покоряли местные народы. Причина проста: их манило богатство Восточной Европы, обилие малонаселенных лесов и степей, богатство почв и животного мира. Захватив на территории Восточной Европы кусок земли, гунны, венгры или тюркоязычное племя болгар обеспечивали себе сравнительно безбедное существование. Даже если трудиться самим – трудиться стоило, были для этого подходящие, как говорится, природные условия. А если завоевать и заставить на себя работать местных жителей, то и совсем благодать.

Был ли Рюрик варягом или пруссом – это не важно, это вторично. Великая заслуга его династии в том, что его потомки объе-

---

[1] Внимание любителей размороженной норвежской семги, заполонившей прилавки наших магазинов! Тщательно проверяйте герметичность упаковки и дату годности продукта! Любителям модных японских суси-муси-сашими!

Одумайтесь, пока не поздно!

[2] *Рыбаков Б. А.* Геродотова Скифия. М.: Наука, 1975.

динили славянские племена в едином государстве, заложили начало Руси. Рюрик – завоеватель? Да, может, и так. Но чертовски полезный завоеватель.

Земли наших предков-славян – постоянное поле боя. Были времена, когда по нашим землям проходили знаменитые племена готов (остготов), покоривших позже Великий Рим, и шли дальше, на Запад. Об этих событиях и об участии в них наших предков написал блестящий роман Валентин Иванов[1]. Готы пришли к нам откуда-то с севера. А с юга давили авары: т. н. Аварский каганат в VI–IX веках занимал земли южных славян и угрожал землям славян восточных. Летописец отмечает, что «из всех людей обры [авары] всех жесточе». Приучая юношей относиться к завоеванным народам как к рабочему скоту, они запрягали в телеги славянских женщин, и молодежь ездила на них – чтобы и мысли не было о скрещивании.

В X веке авары были разбиты и исчезли, не оставив после себя никакого следа. Это так удивляло современников, что появилась поговорка: «исчезоху аки обре» – исчезли, как авары.

В VII–VIII веках хазары покорили несколько славянских племен и заставили их платить дань. Князь Олег (который «Вещий»), как мы знаем из известного стихотворения А. С. Пушкина, воевал не только с Византией. Его постоянными противниками были и «неразумные» хазары. «Мстил» им Олег успешно: поляне перестали платить дань хазарам и стали платить ее Олегу.

В 965 году Хазарский каганат окончательно пал под ударами Святослава... И оказалось, что стало еще хуже, так как каганат сдерживал движение хищных орд в Южнорусские степи. Не стало хазар, и в эти степи потоком хлынули печенеги. Печенеги начали с того, что «отблагодарили» Святослава, открывшего им путь на Южную Русь, в степи: в 968 году они осадили Киев. Войско Святослава стояло далеко, в Болгарии. Киев защищала лишь малая дружина да ополчение горожан.

Киевляне послали Святославу письмо такого содержания: *«Ты, князь, чужой земли ищешь и о ней заботишься, а свою*

---

[1] *Иванов В. Д.* Русь изначальная. М., 1978.

покинул, и нас чуть было не взяли печенеги». Письмо передал молодой смелый киевлянин, знавший язык печенегов: в предутреннем тумане юный герой спустился с крепостной стены и прошел через их лагерь, спрашивая, не видал ли кто его коня? Конь потерялся...

Святослав вернулся и наголову разбил осаждавших.

Спустя три года Святослав сам погиб от руки печенега. В 971 году византийский император «слил» печенегам секретную информацию: мол, возвращается Святослав из Болгарии с малой дружиной, фактически только с личной охраной. Те подстерегли князя на порогах Днепра.

Если верить легенде, печенежский князь сделал из черепа Святослава чашу для пиров. По языческой вере, испив из этой чаши, он якобы сам мог приобрести качества знаменитого воина Святослава.

Интересно, что в Европе печенегов представляли людьми огромного роста и невероятной силы. Такими предстают они в эпосе французского Средневековья – «Песне о Роланде», а также в других литературных памятниках.

На Руси, правда, никто печенегов не демонизировал: русские часто их били, а за набег устраивали ответный, не менее беспощадный. В 1036 году Ярослав Мудрый окончательно разбил печенегов, их племенной союз распался.

И тут выяснилось: печенеги (так же, как до них хазары) были заслоном для других степняков – для половцев. В 1068 году половцы одолели остатки разгромленных печенегов и хлынули из-за Волги. Они поступили с печенегами так же просто, как те сами поступали со своими предшественниками: вырезали до последнего человека и завладели их землями и скотом.

Половцы были беспощадны. *«Створи бо ся плач велик у земли нашей, и опустели города наши, быхом бегаючи перед враги наши»*, – записи, подобные этой, появляются в русских летописях регулярно.

Половецкие ханы Боняк и Тугоркан даже вошли в русский фольклор. На Украине помнили «Буняку Шелудивого», а Тугарин или Тугарин Змеевич известен любому школьнику.

Кстати, недавно посмотрел с сыном замечательный мультфильм «Алеша Попович и Тугарин Змей». Это как бы сиквел вышедшего пару лет назад мультфильма тех же авторов «Добрыня Никитич и Змей Горыныч». Отличная, скажу вам, работа! Качественная мультипликация, юмор, музыка (извините, саунд-трек), диалоги – всё весело, задорно, с уважением к народному фольклору и истории. Сын в детском саду теперь не расстается с бутафорскими щитом, мечом и копьем. «Сражаться со Змеем» – это теперь самая любимая детская игра.

Так и хочется воскликнуть: если бы мы всю нашу «культурно-воспитательную» линию выстраивали так же легко, остроумно, с чувством самоиронии и собственного достоинства, то не было бы никакой нужды в развенчании мифов о России... Не прижились бы они у нас.

Подчеркну, русские не были лишь невинными жертвами грабежа, близкими к святости защитниками своей земли. Не раз и не два русские князья устраивали ответные набеги: такие же жестокие, такие же грабительские, с угоном скота, массовыми изнасилованиями и грабежами.

В XII веке Владимир Мономах обрушивается на половцев. Русская рать врывается на зимние пастбища недругов. Уйти с этих пастбищ половцы не могут – в других местах трава еще не выросла. Принимать бой им было почти невозможно – лошади отощали, ослабли за зиму. В битве погибли больше 20 ханов, а русские защитники родной земли *«взяша бо тогда скоты и овце и коне и вельблуды, и вежи [поселения] с добытком и челядью»*.

Знаменитое «Слово о полку Игореве» посвящено как раз подобному походу 1185 года. В тот раз половцам удалось истребить русское войско, пленить князя Игоря, а потом ответить на разграбление своей земли удачным «ответным» набегом на Русь.

Так что видите сами – огромные армии тогда, по сути, свободно ходили по открытой всем ветрам Русской равнине.

И только сила могла остановить другую силу.

Самые «любимые» соседи с юга

В начале XIII века Русь столкнулась с еще более страшным врагом: монголами. Теперь уже почти половина Руси подверглась постоянным набегам. Последствия этих набегов – запустение самой богатой, цивилизованной и культурной территории – Южной Руси.

После взятия Батыем Киева в 1240 году город был выжжен и разрушен. Понадобились десятилетия и недюжинные силы, чтобы восстановить его. Та же участь постигла и Рязань, которую позже отстроили вообще в 12 км от прежнего города. Уже никто точно не помнил, где находился уничтоженный дикарями город.

В эту страшную пору и рождаются многократно упоминавшиеся мной в первой книге «Мифов о России» легенды о граде Китеже.

«Любимые» соседи с запада

Государственность Руси ослабела в эпоху раздробленности. В «Слове о полку Игореве» слышится страстный призыв к объединению: для автора очевидно, что половцы сильны не только сами по себе, но и потому, что слаба Русь, разобщены ее силы. И монголы ведь смогли покорить часть Руси, нанести страшный урон только потому, что князья воевали с ними каждый сам по себе.

Воспользовавшись слабостью Руси, страшным монгольским разгромом, рыцарские ордена двинулись на восток. Сначала они захватили основанный Ярославом Мудрым город Юрьев. Этот город эстонцы называют Тарту, немцы – Дерпт. Но основал его русский князь Ярослав, и назван он по крестильному, христианскому имени князя. Другой же основанный князем русский город – Ярославль назван так по его старинному имени, по языческому...

Только в 1242 году Александр Невский остановил агрессию рыцарских орденов и шведских феодалов.

Однако постепенно большие земли все же отошли к литовцам: русские обычно сами шли «под Литву», чтобы оборониться от татар.

После смерти Галицкого князя Даниила в 1264 году начались «крамолы и междоусобия» бояр в Галиче. В результате его государство распалось.

Польское влияние на Западе Руси было столь сильным, что некоторые территории перестали быть частями Руси: Польша их ассимилировала. Польский город Пшемысль – не что иное, как город Перемышль русских летописей. Только русских в нем больше нет.

Стоит ли удивляться, что ни полякам, ни римским папам, ни исполнителям их воли – немецким рыцарям XIII–XIV веков не приходило в голову обвинять русских в агрессивности. Обвиняли в «неправильном» исповедании христианства, в «дурацких и нелепых обычаях», и только. Слишком очевидно, что в XIII веке сама Русь была жертвой перманентной агрессии: с востока и юга от половцев и монголов, а с запада – от рыцарских орденов.

А знаем ли мы, кстати, что это наши предки остановили немецкую экспансию во всей Восточной Европе? Вот битва «мирового уровня» – Грюнвальдская, 15 июля 1410 года. Одно из тех сражений, что меняют ход мировой истории.

Битва при Грюнвальде, где окончательно были разбиты тевтонские рыцари, считается каким-то заграничным сражением. В котором бились то ли немцы с литовцами, то ли немцы с поляками... Упускаем мы в собственной истории, упускаем важные позитивные моменты!

Между тем русские в Грюнвальдской битве составляли важную часть союзного войска, и сыграли в ней решающую роль.

Воины т. н. Смоленского полка были вассалами Витовта, великого князя литовского. На территории Литвы, как известно, жило очень много русских и православных, они вообще были подавляющей частью населения. Литовцы были правящей элитой. А население-то русское...

Сам Витовт, естественно, был литовцем. Он поставил литовских воинов на самое безопасные место, а своих вассалов-смо-

лян – на самую невыгодную позицию. Именно по смолянам, расположенным в центре войска на беззащитном ровном месте, и пришелся первый, самый страшный удар бронированной рыцарской конницы.

Но вот о чем следует знать и помнить: литовцы, стоявшие по бокам, в арьегарде и так далее, перепугавшись, побежали, а смоляне стояли насмерть, не сходя с места!

В героическом смоленском полку и завязла закованная в броню конница тевтонского ордена.

И тогда сам Витовт бросился догонять своих воинов, сбежавших, даже не приняв сражения. С конным отрядом он нагнал их, перестроил, повел назад – на то место, где все еще насмерть стояли русские, смоленские полки. Потери смоленцев уже превышали пятьдесят (!) процентов, но наши не дрогнули. С возвращением «дезертировавших» литовцев русские воины воодушевились и сами перешли в контрнаступление.

И тевтонские рыцари были разбиты[1].

Кто выиграл бритву при Грюнвальде? Витовт? Нет. Литовцы? Нет. Ее выиграли герои смоленского полка, которые защищали общую русскую родину – не важно, в границах княжества Литовского или в границах соседнего с ним княжества Московского. Они – изменили историю всей Восточной Европы.

Впрочем, почему только Восточной?

Важная закономерность русской истории

Грустный закон свободной рыночной экономики гласит: если у кого-то есть богатство, его обязательно попытаются отнять. Восточная Европа сказочно богата своими природными ресур-

---

[1] Кстати, Тевтонский орден был официально запрещен только отдельным указом Наполеона Бонапарта, до того времени он в той или иной форме существовал как полувоенная организация. И еще, кстати, только Наполеон в начале XIX века официально запретил испанскую инквизицию. Это так, к слову о западном милосердии.

сами. Поэтому соблазн завоевать эту территорию возникал у соседей много раз. Единственный способ противостоять «любимым» соседям – стать сильными. Создать государство, которое сможет противостоять агрессии.

Я не могу тут не упомянуть Н. Старикова («Шерше ля нефть», 2008), который проводит аналогию между очень разными странами, едиными в одном: они все являются объектами постоянного прессинга со стороны Запада.

Это Венесуэла, Боливия, Иран, Ирак и так далее. Все эти страны колоссально богаты углеводородами – и более того, они не хотят плясать под западную дудку.

Стариков перечисляет: Боливия – это газ, серебро, золото, свинец, сурьма, вольфрам, не считая нефти... Россия – все вышеперечисленное, только не в ограниченных, как в Боливии, а гигантских размерах, плюс вся таблица Менделеева, плюс алмазы. Россия – это фантастически громадные территории, где даже не начинались геолого-разведочные работы. Огромные территории пахотных земель, огромные запасы леса... Необъятные морские запасы рыбы и краба. Первые в мире запасы становящейся все более дефицитной пресной воды, самые большие озера в мире – Байкал, Ладожское, Онежское.

Вывод логичен: Россию никогда не оставят в покое. Почему всегда кто-нибудь шел Россию покорять? Только потому, что она лежала на перекрестке дорог? Нет, не только.

Потому что Россия – это варвары и дикари и их нужно привести к цивилизации?

Нет, потому что Россия сказочно богата. И в этом ее беда. Почему от России так упорно пытались отколоть Чечню, а не, скажем, Рязань? По мнению Старикова, потому, что в Чечне есть нефть, а в Рязани ее нет.

Мнение далеко не бесспорное, но тем не менее давайте задумаемся...

Еще более важная закономерность истории

Пролив Ла-Манш отделяет от материковой Европы Британию. Альпы ограничивают с севера Италию.

В Европе даже самые большие страны имеют подобные естественные границы. Испания, как и Скандинавия, с трех сторон ограничена морем, а с северо-востока отделена от Франции еще и хребтом Пиренеев. Францию ограничивают моря, Пиренейские горы, Альпы, Арденны. Германия лежит к северу от Альп, ограниченная с севера морями. А там, где естественная граница между Францией и Германией слаба, и простираются как раз вечно спорные провинции: Эльзас и Лотарингия.

У Руси естественных рубежей просто нет. Государство Российское неизбежно будет считаться агрессивным, если станет отвечать ударом на удар. Но в отличие от армий большинства других государств, русская армия далеко не всегда сможет точно сказать, идет она по своей или по чужой земле. Расширяясь, государство Российское никогда не сможет сказать, где ему следует остановиться.

Все рубежи Руси хорошо проходимы. Где бы русская армия ни встала – ни долина тихой речки, ни заметный холм не уподобятся ни морю, ни могучему горному хребту.

Обширность и «доступность» Русской земли для внешних врагов имели и обратную сторону.

Благодаря своему особому территориальному положению Россия сложилась и развивалась как совершенно особая цивилизация.

Особая, поскольку развитие шло практически без ресурсных ограничений: сырьевых и пространственных. В сочетании с православием это формировало совершенно особую культуру – открытую, дружелюбную, любознательную, экспансионистскую, но лишенную этнической заносчивости, в некотором роде даже альтруистичную.

Правда, подобное отсутствие ограничений значительно расслабило и народ, и элиту. Стимулировало скорее пространственную экспансию, «*занятие все новых и новых земель, нежели их*

интенсивное хозяйственное освоение и сосредоточенное, методичное усовершенствование техники»[1].

Конечно, это объективные законы истории. Но не законы того, как эту историю пишут люди. А есть и закономерности историографии.

Закономерность историографии

Но все же почему никто не обвинял Русь в агрессивной политике в X, XII, XV веках? Почему, наконец, сейчас никто не говорит об агрессивности Древней Руси?

Начнем с предков. Для людей и X, и XIV веков агрессия государства, войны народов и племен были чем-то совершенно естественным. Наоборот, отказ от агрессии влек за собой обвинение в слабости, а сомнение в силе наоборот — только провоцировало агрессивность соседей.

Для европейских историков агрессия понимается только как агрессия против Европы. Агрессия против народов Азии? Она важна только в том случае, если затрагивает интересы европейских государств и народов. Например, их колониальных империй.

Потому и расширение пределов Московии на восток в XV–XVII веках никогда не трактовалось как агрессия. Это расширение нимало не интересовало европейцев. В те века им и в голову не приходило защищать другие народы, обвинять кого-то в политической некорректности или в империализме. Сами европейские страны осваивали мореплавание, начинали строить свои колониальные империи, торговали негритянскими рабами, чтобы обеспечить рабочей силой свои плантации в Америке... У них самих хватало грехов против народов неевропейского мира, и на фоне их «подвигов» движение границ Московии на восток выглядело чем-то невинным, и в любом случае – малоинтересным.

До XVI столетия интересы Европы и Руси никак не пересекались. Порой Европа прирастала Русью: Польша и немецкие ор-

[1] *Ключевский В. О.* Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М., 1958.

дена отхватывали куски русской территории. Русь не вторгалась в Польшу, Скандинавию и Германию, не сталкивалась с европейскими державами из-за колоний.

Миф об агрессивной, жестокой, авторитарной и нищей стране возник сразу же и только тогда, как появилось столкновение интересов.

Глава 2

Рождение мифа

> Каждая нация насмехается над другими, и все они в одинаковой мере правы.
>
> А. Шопенгауэр

«Оршанская пропаганда»

Первые политические мифы об агрессивности и злобности русских были созданы в ходе и сразу после русско-литовской войны 1512–22 годов. Во время этой войны Московия и Великое княжество Литовское и Русское пытались отобрать друг у друга Смоленск и окрестности.

Вначале король Сигизмунд наголову разбил московитское войско под Оршей. Поражение московитов – это факт.

Но масштабы этой победы и ее значимость сразу же были стократ преувеличены пропагандой.

Современные историки обычно называют 1–2 тысячи убитых с польско-литовской стороны и 5–10 тысяч – с нашей.

Сигизмунд же писал о 30 тысячах убитых московитов, о пленении кучи воевод и тысяч (!) дворян.

А главное, тогда поляки начали внедрять в европейское общественное мнение негативный образ московитов. В Польше есть даже такой специальный термин: «Оршанская пропаганда». Московиты — это хуже, чем татары и турки, очень они дикие и жестокие, утверждали поляки. Московиты хотят завоевать все окрестные земли. Московиты – не рыцари, они не умеют вести войну красиво и благородно, как жители Европы. Во всей Европе они хотели бы завести такие же дикие порядки, как в Московии.

Ф. Геффельс «Битва при Вене».
Поляки почему-то сравнивали свою локальную победу над русскими в битве под Оршей со знаменитой Венской битвой, остановившей нашествие турок на Европу. Не правда ли, это... перебор

Европейцам очень повезло, что поляки и литовцы остановили московитов и не пустили их в Европу.

Если Европа не хочет нашествия московитов, она должна поддерживать Речь Посполитую. Морально, так сказать, и материально. Только Речь Посполитая может остановить московитов, потому что ее солдаты – смелые рыцари, защитники традиционных европейских ценностей.

Результаты этой пропаганды были совершенно несоразмерны локальной военной победе. Впрочем, если выгодно, то почему и не поверить? Германский император и Ливонский орден опасались возвышения Москвы. Наслушавшись «оршанской пропаганды», император Максимилиан даже разорвал уже созданный было союз с Василием III. Разорвал торговый союз с Москвой и Ливонский орден.

Повторюсь, политические последствия совершенно не соответствовали значению военной победы. За ними стояла не победа оружия, а победа PR.

«Оршанскую пропаганду» и сегодня активно используют некоторые политические деятели Белоруссии, Литвы и Польши.

При этом ряд белорусских историков называют воинов Великого княжества Литовского «белорусами», отождествляя Великое княжество Литовское с современной Белоруссией. Иные даже полностью отрицают участие поляков в сражении. Мол, все сделали сами «белорусы». Какие белорусы? Откуда они взялись в XVI веке? Сие есть великая историческая загадка.

Создан и другой миф: якобы Оршанская битва остановила продвижение московитов на запад, ни много ни мало – как битва под Веной остановила впоследствии турок-османов[1]. Вот, понимаешь, сильное сравнение. Кабы не героическая Польша – стояли бы стрельцы-янычары князя Василия III – у стен Вены. Представляете? Хоть стой, хоть падай.

Впрочем, «оршанская пропаганда» никогда не имела значения для всей Европы – так, всего лишь набор локальных мифов. Сами ляхи чего-то испугались, и решили заодно попугать дикими московитами Европу.

Европе в общем и целом до этой возни, понятно, дела не было. Своих забот хватало: то Инквизиция, то Реформация, а то и какая-нибудь очередная общеевропейская свара за чье-нибудь наследство.

Ливонская война

Откровенно говоря, Ливонская война 1558–83 годов была агрессивной абсолютно для всех ее участников. Начала эту войну Московия нападением на Ливонский орден, который, правда, до того много раз сам нападал на русские земли. Ливонский орден мгновенно развалился, и Швеция, Польша, Великое княжество Литовское и Дания одинаково попытались урвать в Прибалтике как можно больше земель. У России чисто с теоретической точки зрения даже было больше «исторических» оснований для таких захватов: она искала выходы к

---

[1] *Граля И.* Мотивы «Оршанского триумфа» в Ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрина. М., 1992.

морю, стараясь вернуть себе земли Древнего Новгорода. Впрочем, ООН в те времена не было, и теория вопроса никого особенно не интересовала.

Но что уже интересно нам, в рамках нашего исследования, – Ливонская война стала источником новой порции черных мифов о России. Московитов обвиняли в страшной жестокости, в несоблюдении законов войны (при том, что невероятную жестокость, по понятиям XXI в., в ходе войны проявляли абсолютно все).

И конечно же, московитов обвиняли в агрессии – нападении на Ливонский орден, а потом на Великое княжество Литовское.

Есть большая разница в пропаганде двух стран, сделавших на Руси тогда самые большие территориальные приобретения: Речи Посполитой и Швеции.

Поляки придавали огромное значение политической пропаганде. В конце концов, объединение Польского королевства и Великого княжества Литовского в 1569 году означало, что в состав польского государства вошла значительная историческая часть Руси. Были присвоены исконные русские земли. Кто же тут агрессор?! Однако Польша хотела хорошо выглядеть в глазах всей остальной Европы. Польская пропаганда работала на нескольких языках и по нескольким направлениям на всю Европу. И, надо отметить, работала эффективно.

В 1579 году в войсках Стефана Батория даже появляется первая в Восточной Европе походная типография. Руководитель этой типографии с простонародной фамилией Лапка получил впоследствии шляхетское достоинство и дворянскую фамилию Лапчинский[1].

Придворные литераторы Стефана Батория и его походная канцелярия продолжали лучшие традиции «оршанской пропаганды». Москву заранее обвинили в «имперских амбициях», хотя в Московии никаких «антиевропейских» планов не было тогда и в помине. Да и слова «империя», похоже, при дворе Ивана Васильевича не знали.

---

[1] Первая война России и Европы. Материалы круглого стола // Родина. – 2004. – № 12.

Тогда же в конце Ливонской войны и в ходе Смутного времени в Европе появились первые планы завоевания и расчленения России.

В первой книге «Мифов о России» мы уже писали о плане немецкого авантюриста Штадена. План, который он предлагал владетельным князьям Германии, предусматривал завоевание России, пленение и вывоз в Европу Ивана Грозного, установление во всей стране оккупационного режима. Все это представлялось в качестве необходимого «превентивного» удара против агрессивных московитов[1].

«Стефан Баторий». Гравюра со старинного портрета.
В 1579 г. в его войсках появилась походная типография. Благодаря чуду техники XVI в. весь мир должен был узнать об агрессивности русских (при том, что агрессором тогда была сама Польша)

Шведская пропаганда была намного сдержаннее. В ней русских объявляли не агрессорами, а жертвами своей непросвещенности и дикости. Шведский аристократ Якоб Делагарди прибыл на Русь в 1609 году во главе вспомогательного отряда, который Швеция направила по договору с правительством царя В. И. Шуйского для войны с Польшей.

Тогда у Делагарди и возник план воссоздать Новгородское княжество под протекторатом Швеции.

К чести Делагарди, к русским он относился вполне «вежливо» и свое намерение разделить Русь объяснял не борьбой против русской агрессии, а «историческим стремлением» Северо-Западной Руси к Швеции. Мол, ребята, «у вас тут такой бардак, извините, смута, так что ничего личного, просто бизнес»[2]. Он и Рюрика вспомнил, этот образованный аристократ Делагарди, но вот про вечное стремление России кого-то

---

[1] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925.

[2] См.: *Видекинд Ю.* История шведско-московитской войны XVII века. М., 2006.

Неизвестный художник XVII в. «Якоб Делагарди».
Прибыл на Русь со шведским отрядом, чтобы помочь русским в войне с поляками. В неразберихе вместо этого решил «урвать» для Швеции порядочный кусок русской территории

завоевать – ни слова. Да и как бы он доказывал агрессивность Руси, будучи со своим отрядом на постоялом дворе в Новгороде? И кто бы ему поверил в Смутное время, когда Русь стала землей обетованной для всяческих европейских авантюристов?

В общем, как правило, о русской агрессии громче всех кричал тот, кто больше всех сам наследил на Руси. И тот, кто больше всех Руси боялся.

Московия Романовых – вместе с остальной Европой

В XVI–XVII веках миф о русской агрессии оставался локальным польско-литовским мифом. Польша старательно навязывала его Европе, но получалось не очень.

Московия тогда воевала с Речью Посполитой, и воевала успешно, присоединив Смоленскую землю. Во всей остальной Европе это трактовалось как война старых соседей за спорную территорию. «Оршанская пропаганда» так и не настроила Европу против Москвы: Европе было глубоко наплевать и на Смоленск, и на всю «Тартарию» к востоку от него.

В Речи Посполитой, союзном государстве Польши и Великого княжества Литовского, южные русские земли, будущая Украина, оказались в составе Королевства Польского. Православное население Руси жестоко притеснялось поляками-католиками, которые называли православное крестьянство коротко и ясно – быдло, то есть попросту говоря – скот, скотина. С 1600 по 1640 год на Украине вспыхнуло до ста восстаний со стороны православного населения. С 1648 года отдельные очаги восстания сливаются в единый пожар под руководством Богдана Хмельницкого.

Не будем изображать этого сложного человека как святого народного заступника и сторонника единого русского государства. С Польшей он начал войну в основном из-за амбиций, денег и личных обид: худородных, но гордых Хмельницких затирали богатые магнаты, князья Вишневецкие. Доходило до частной войны: нападений вооруженных отрядов на имения враждовавших семей. Во время одного из таких нападений враги не только сожгли и разграбили имение Богдана Хмельницкого, но и запороли насмерть его 10-летнего сына.

История дичайшая, конечно, и ничего кроме жалости к несчастному ребенку испытывать невозможно. Но история вполне в духе тех времен. В духе нравов феодальной вольницы, воевавшей друг с другом отчаянно и жестоко.

По-мужски совершенно понятно стремление Хмельницкого отомстить и расправиться с врагами. Вот, кстати, кто уж отомстил за поруганную честь семьи так отомстил!

Богдан воспользовался тем, что польская корона не всех желавших казаков включала в так называемые реестры. Реестровые казаки считались служащими «польской короны» и получали от государства вооружение и жалование при довольно расплывчатых «служебных обязанностях». Не включенные в списки, естественно, непременно хотели туда попасть... Война казаков с Польшей первоначально вспыхнула именно для того, чтобы включить в реестр как можно больше казаков. По современным понятиям складывалась довольно забавная ситуация: военнослужащие, не поставленные на воинский учет и лишенные «пенсии», объявляют войну государству, при этом их главное требование – возьмите нас на службу в армию!

Уже на волне первых военных успехов и появились личные амбиции Богдана: он захотел основать *свое* государство – то ли Княжество Русское в составе Речи Посполитой, то ли независимое от всех Герцогство Чигиринское. Но начиналась эта война именно с одержимости Хмельницкого, его личных обид на правящих в Польше магнатов, особливо на клан Вишневецких. Не могу не удержаться от констатации очевидного факта.

В общем к народу Богдан относился с таким же отвращением, как и польская шляхта: после сражения под Берестечком

(1651 г.) могилы казаков вырыли отдельно от могил крестьян-ополченцев, ведь казаки считали себя более высокородными, «не быдлом» и не хотели лежать вместе со «скотиной».

Не в силах один воевать с Польшей, Богдан Хмельницкий заключил союз с Крымским ханом. Разумеется, из всякой междоусобной войны славян друг с другом крымчаки и так извлекали свою пользу: набегами, похищениями людей, грабежами, угоном скота. Но тут было другое: повстанец, русский православный человек, вступил с «поганым» Крымским ханом в СОЮЗ. И с тех пор все сражения, которые выиграл Богдан Хмельницкий, он выигрывал только и исключительно с помощью своих союзников-татар. Стоило этим сомнительным «союзничкам» в очередной раз изменить, и Богдан тут же терпел от польских войск поражение.

Наконец Хмельницкий осознал эту нехитрую закономерность и понял, что сам победить Польшу никогда не сможет. И тогда он обратился к Москве. Как принято говорить, изъявил желание «привести Украину под державную руку Царя Московского». Наши долго сомневались, но в итоге все же втянулись в войну. Сразу определим, что в те времена никто понятия не имел о таком народе – украинцах. По представлениям и Европы, и Руси, в самой Московии, и в Речи Посполитой, и в австрийских владениях Габсбургов, в Карпатах жили русские – люди одного народа. В октябре 1653 года Земской собор после длительного обсуждения и колебаний согласился признать русских-русинов Речи Посполитой подданными Москвы и принять их под свою опеку. Спустя 3 месяца, в январе 1654 года, в Переяславле совет-рада провозгласил «вечный союз» между Украиной и Великороссией.

Богдан Хмельницкий. Неоднократно обращался от имени Малороссии (Украины) к Алексею Романову с просьбой принять ее в состав Российского государства. За что современными украинскими историками считается «предателем национальных интересов»

Новыми подданными царя стали 700 тысяч человек. Это число обладает редкой в истории достоверностью. Присяга была принесена «всем русским народом Малой Руси», 127 тысячами мужчин. С домочадцами – как раз 700 тысяч. Между прочим, участники Земского собора понимали, что теперь неизбежно будет война с Польшей, а воевать и оплачивать военные расходы придется им самим (в Москве были собраны в том числе представители купечества и свободного крестьянства).

Так и получилось.

Русско-польская война 1654–67 годов велась между Московией и Речью Посполитой за территорию Украины. В ходе этой войны Богдан Хмельницкий не раз обманывал своих московских союзников, наводил на них татар, разрывал союз, да и вообще врал постоянно. Русские войска при том параллельно воевали с крымскими татарами, не в силах считать их своими союзниками даже на время.

В итоге татары обратились к своим стародавним друзьям – туркам, у которых кровавая круговерть на Украине вызывала похотливый соблазн отхватить и себе кусочек пожирнее.

На войну Московии с Речью Посполитой Европе было глубоко наплевать. Так, захудалая война на краю цивилизованного мира. А вот Турция – это враг всей христианской цивилизации. Турция угрожала не одной Речи Посполитой и Московии, но и немецким землям по Дунаю и в Богемии. Мгновенно возникла коалиция Московии с Австрией, Пруссией и Речью Посполитой против «общего врага» – Турции.

До 1676 года «оршанская пропаганда» мало кого волновала, потому что никому не было дела до славянских разборок из-за какого-то неведомого Смоленска. Но в конце XVII века Московия «вдруг» понадобилась Европе как ценный союзник.

Турецкая (Оттоманская) империя угрожает Европе. В планы турок входит захватить Польшу, Германию, земли Австрийской империи, в том числе Чехию, Словакию и Венгрию.

Часть этой турецкой агрессии – жестокая, кровопролитная война России с Оттоманской империей в 1676–81 годах. В ней наша армия оказывается вполне в состоянии бить турецкую.

В конце июля 1677 года стотысячная армия Ибрагим-паши выступила к Чигирину, – этот городок оказался политическим и военно-стратегическим центром всей Южной Украины.

Чигирин отбил несколько штурмов, его защитники даже устраивали диверсионные вылазки в турецкий лагерь. А подошедшая русско-украинская армия под командованием генерала Григория Григорьевича Ромодановского[1] и гетмана Самойловича в генеральном сражении наголову разбила турок. Поражение Ибрагим-паши было без преувеличения позорным, катастрофическим, потеря армии – полнейшей.

Но вскоре новая турецкая армия опять стояла под Чигирином и разворачивала осадные работы.

В итоге разыгралась грандиозная затяжная битва. Был момент, когда Ромодановский, по мнению других воевод, упустил время (буквально несколько часов) для полного окружения турецкой армии. В конце концов русская армия покинула дымящиеся развалины Чигирина и отступила. Но и у турецкой армии уже не было сил воспользоваться возможной победой. Турки какое-то время вроде как шли следом, но даже не пытались атаковать. Ведь армия Московии не разгромлена!

Наши отходят, но отходят в полном порядке, с барабанным боем и под знаменами, при появлении неприятеля тут же разворачивают пушки.

И турки не только не нападают больше на армию Г. Г. Ромодановского. После Чигирина они вообще ни разу не напали на Московию! Если даже Чигирин – это поражение, то поражение не в большей степени, чем Бородино. Из-под Бородина русские войска тоже ушли, открыв Наполеону путь к Москве.

На этом турецкая агрессия не закончилась: в 1683 году турецкое нашествие затопило Центральную Европу – Венгрию, земли Австрийской империи Габсбургов.

Получается, Оттоманская империя еще не истощила своих сил, еще готова была воевать дальше, но против кого? Вот с Московией воевать она уже не хотела и сосредоточилась на,

---

[1] Генеральский чин давался в русской (московитской) армии с 1617 г.

как им казалось, более слабом (или более богатом?) противнике. Двинулась на Европу, на Австрийскую империю и Польшу.

Поляки до сих пор гордятся тем, что Ян Собеский в 1683 году под Веной разгромил турецкие армии, остановил грандиозное по масштабу, грозившее неисчислимыми бедствиями мусульманское нашествие.

Но интересное дело: «Чигиринские походы» 1677–78 годов у нас – не знают совсем. Жаль — это очередное пренебрежение собственной позитивной историей. Можно было сотворить из Чигирина историю не меньшего пафоса, чем оборона Вены от турок. Зато в Европе Чигирин знают лучше, чем в России. Почему? Ответ прост: это – важный эпизод войн, которые вели с Оттоманской империей страны христианского мира. Европа сплачивалась против общего грозного врага. Россия была вместе с Западом.

И поэтому никто опять не считает Россию агрессором и никто ее не обвиняет в стремлении разгромить Турцию, захватить Крым и отвоевать Причерноморье. С точки зрения Европы, это были глубоко разумные, гуманные и в высшей степени закономерные желания. Ведь Турция была цивилизационным врагом, форпостом «агрессивного ислама», и борьба с ней любых христианских государств только одобрялась.

Крым к тому времени окончательно стал оплотом работорговцев. До сих пор неизвестно, сколько людей, гонимых шайками людокрадов, прошло через Перекопский перешеек. Историки говорят и о 500 тысячах, и о 5 миллионах человек. Точную цифру уже никто никогда не назовет.

Причерноморье пустовало — там просто боялись селиться люди из-за постоянных набегов крымских татар.

Московия была ничуть не агрессивнее других держав Европы и сама представлялась жертвой турецко-татарской экспансии. Это видели и признавали все, даже те европейцы, которым казались смешны обычаи и традиции Московии.

Новые шаги нового мифа

Новое обвинение московитов в агрессивности, на этот раз уже хором подхваченное всей Европой, относится ко времени Северной войны Петра Первого 1700–21 годов. Суть его очень наглядно констатирована австрийским дипломатом Иоганном Корбом[1], опубликовавшим в начале XVIII века известную книгу о России Петра I.

Корб первым из иностранных авторов подробно описал Россию времен Петра I. В бытность свою при московском дворе, Корб не раз встречался с приближенными Софьи и Петра: Л. К. Нарышкиным, Б. А. Голицыным, Е. И. Украинцевым, А. Д. Меншиковым и другими, не раз он видел царя и пировал с ним за одним столом.

Наблюдения очевидца, отразившие личность молодого царя, быт и нравы московского двора, ход реформ и их восприятие в русском обществе, имеют большое значение. Ему довелось быть свидетелем одного из самых драматических событий петровского царствования – стрелецкого восстания 1698 г. Исключительно ценно для историков описание Корбом страшного «стрелецкого розыска»; оно находит детальное подтверждение в русских источниках.

Вместе с тем запискам Корба свойственны те же черты, которые отличают большинство иностранных сочинений о России. В его сочинение вкрались многочисленные ошибки из-за незнания им языка и истории России, а также в связи с тем, что в качестве источников он пользовался исключительно устными сообщениями.

К тому же Корбу изначально было свойственно довольно пренебрежительное отношение к русским. Самим Петром Корб восхищается; его привлекает стремление российского государя к западноевропейской культуре. Но он слабо верит в успех преобразовательной политики царя, чьи подданные – сущие варвары. Например, почему Петр начал Северную войну? Потому что он – жадный до завоеваний варвар, как и все русские. Дай им волю, они всю Европу захватят.

---

[1] *Корб И. Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699). Пер. и прим. А. И. Малеина. СПб., 1906.

Книга Корба быстро приобрела большую известность. Ее перевели на английский и французский языки. Российские власти отреагировали на ее выход крайне негативно. Резидент в Вене князь П. А. Голицын, считая автором книги не Корба, а его шефа — самого посла Австрии И. Х. Гвариента, не хотел пускать его в Россию. Голицын писал главе Посольского приказа Ф. А. Головину (август 1701 г.): *«Цесарь хочет послать в Москву посольство, чего добивается Гвариент, бывший пред тем посланником в Москве; он выдал книгу о состоянии и порядках Московского государства. Не изволишь ли, чтобы его к нам не присылали: истинно, как я слышал, такова поганца и ругателя на Московское государство не бывало; с приезду его сюда, нас учинили барбарами и не ставят ни во что...»*

Гвариент пытался оправдаться и писал Ф. А. Головину (24.12.1701): *«Молю не винить меня в чужом деле. Я ни словом, ни делом в том не участвовал. Это сочинение секретаря моего, которому нельзя было возбранить... что-либо напечатать, потому что он не здешней стороны, а из другой области...»*[1]

Тем не менее петровские дипломаты настояли на отстранении Гвариента от назначения послом в Россию. К тому же они добились запрещения книги и уничтожения нераспроданной части тиража, что тут же сделало ее библиографической редкостью, и, естественно, сразу повысило интерес к ней в Европе.

Столь болезненная реакция российской стороны была вызвана тем, что появление книги Корба совпало с разгромом русских войск Карлом XII под Нарвой. Это поражение само по себе существенно подорвало международный престиж России. А тут еще и обвинение в агрессии. Отметим: никакой связи книга Корба с «оршанской пропагандой» не имела. Обвинение в агрессивности и «европейских амбициях Петра», стремлении присвоить чужие земли вспыхнуло и погасло без следа. Никакого непосредственного продолжения скандал с книгой Корба не получил.

Не вспоминали об «исконной агрессивности России» даже во время Семилетней войны 1756–63 годов. А ведь какая была прекрасная возможность...

---

[1] *Устрялов Н. Г.* Собр. соч. в 3 т. Т. I. М., 1997.

Семилетняя война

В ходе Семилетней войны можно было легко обвинить Россию во всех смертных грехах: воевала она не на своей территории и вполне реально могла сделать большие территориальные приобретения. Например, «отхватить» половину Пруссии, вместе с Берлином.

Для начала — краткая историческая справка.

Семилетняя война «выросла» из войн Англии и Франции за колонии. Предтечей ее стали вооруженные столкновения французов и англичан в Канаде в 1754–56 годах. Военные действия в самой Европе для англичан и французов были важны в основном для того, чтобы обезопасить свой тыл. А то ведь главные воюющие страны очень уж близки друг к другу. Кто мешает Франции высадить в Англии десант? Или наоборот?

После «славной революции» 1688 года в Британию призвали на трон герцога Ганновера. Ганновер стал землей на континенте, очень важной для Британии. «Пришлось» ей вступить в союз с Пруссией, чтобы Пруссия стерегла драгоценный Ганновер, прародину британских королей.

Франция хотела захватить Ганновер, Австрия – вернуть захваченную Пруссией Силезию. Естественно, они стали союзниками. Швеция хотела занять Померанию – это еще один союзник Франции и Австрии.

Планам Пруссии позавидовал бы и Наполеон. Опираясь на союз с Англией, Пруссия хотела завоевать Саксонию, а саксонскому королю отдать Богемию (Чехию), которую тоже предстояло еще завоевать. Кроме того, Пруссия хотела присоединить к себе герцогство Курляндское, округлить свою территорию за счет польского Поморья, а всю остальную Польшу сделать своим вассалом.

Российская империя тоже имела свои виды на герцогство Курляндское и была не прочь усилить влияние на Польшу. Я столь подробно останавливаюсь на этих путаных, малозначительных и полузабытых фактах, чтобы еще раз подчеркнуть: это была, в общем, очередная типичная общеевропейская свара, где сталкиваются агрессивные амбиции, по существу, всех участников.

Не нужно быть великим стратегом, чтобы понять, что Фридрих II Великий оказался очень слабым политиком. Он неправильно оценивал потенциал соперников, в том числе и России, ошибался в выборе союзников, преувеличивал собственные возможности.

В апреле 1757 года Фридрих оставил 30-тысячный корпус в Восточной Пруссии как заслон от русских, а сам с основными силами рванулся воевать с австрийцами, стремясь разбить их до подхода союзников. Но не успел, и союзники – французы, австрийцы и шведы – насели на него одновременно. И принудили отступить.

На фоне этих событий русская армия вторгается в Восточную Пруссию. Наши берут Мемель, затем громят пруссаков при Гросс-Егерсдорфе.

В сущности, Пруссия уже проиграла войну, Герцогство Курляндия и Восточная Пруссия остаются за Россией. Капитуляция и расчленение Пруссии на несколько частей не состоялось только в силу особенностей русской политики.

Не состоялись потому, что Российская империя на пике успеха внезапно... вышла из войны. Удивительная фортуна для немцев: при выходе из церкви падает без сознания Елизавета Петровна. Она так и лежит около двух часов – ее боятся трогать, потому что медицина того времени запрещает трогать людей, когда у них «удар».

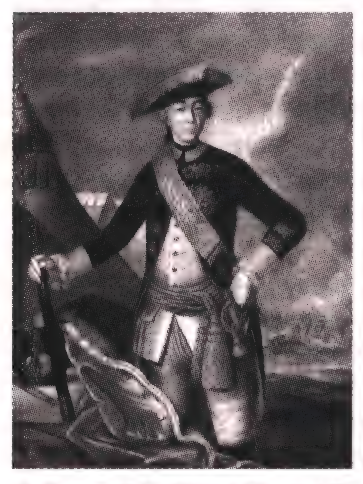
После смерти Елизаветы Петровны престол должен перейти к ее племяннику, Карлу Петеру Ульриху, крещенному в православие как Петр Федорович. Петр Федорович, будущий Петр III, – фанатичнейший поклонник Фридриха Прусского. Все знают, что едва он взойдет на престол, тут же быть союзу с Пруссией.

Елизавета лежит на земле... Надо заметить, что в XVIII веке с коммуникациями было несколько сложнее, чем сегодня: ни мобильного телефона, ни банального телеграфа для связи с войсками. Поэтому в действующую армию немедленно скачет гонец и везет весть о «возможной» смерти Елизаветы. Едва получив это известие, главнокомандующий армией, действующей в Восточной Пруссии, Степан Федорович Апраксин, тут же поворачивает назад, к Петербургу.

Историки до сих пор гадают, кем был Апраксин: изменником? Придворным трусом, боявшимся немилости будущего императора больше, чем поражения в войне? Или он участник большого заговора против Петра III?

Некоторые историки считают, что заговор возглавлялся самим канцлером Бестужевым. В случае смерти императрицы заговорщики планировали не отдавать престол Петру Федоровичу, в их планах было провозгласить императором малолетнего Павла Петровича (он родился в 1754 г.). Екатерина – регентша, канцлер Бестужев – фактически диктатор. Апраксин ведет войска в Петербург, где в случае гражданской войны они окажутся необходимы. Так это было бы или не так, установить сейчас трудно, потому что царица Елизавета с земли вскоре поднялась.

Елизавета оправилась. Апраксин умер во время допросов «с пристрастием», устроенных ему Тайной канцелярией. Канцлер Бестужев, якобы, долгий вечер сжигал в камине какие-то документы (можно догадываться какие)[1].

Ф. Рокотов Портрет Петра III. Екатерина была вынуждена максимально дискредитировать своего мужа в глазах потомков. Как иначе она могла объяснить свое появление на троне?

Но история уже изменилась. Не будь этого внезапного прекращения войны, Семилетняя война сделалась бы двухлетней и окончилась бы уже весной 1758 года. А у России навсегда оставалась бы как минимум вся Восточная Пруссия.

Однако война продолжилась, русская армия опять развернулась и в начале 1758 года вошла в Кёнигсберг. Пруссаки во всей Восточной Пруссии присягнули на верность императрице Елизавете. До окончания Семилетней войны, вернее, до нелепейшего выхода из нее Российской империи в 1762 году Восточная Пруссия четыре года входила в со-

[1] *Сухарева О. В.* Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005.

став Российской империи. Пруссаки платили налоги, вели себя совершенно лояльно к «кайзерин Елизавет» и Российской империи. Они совершенно не собирались выходить из ее состава, как только окончится война.

Вообще же война затягивалась. Только через год новый русский главнокомандующий П. С. Салтыков не спеша начал наступление, угрожая непосредственно Берлину.

Пытаясь остановить русских, Фридрих потерпел еще одно и совершенно полное поражение при Кунерсдорфе. 48 тысяч человек привел на поле Кунерсдорфа Фридрих; 19 тысяч из них так и остались навсегда на этом поле. Множество солдат, как всегда бывало при поражениях прусской армии, разбежалось. Путь на Берлин был открыт...

Детали этой удивительной битвы, выигранной не столько благодаря стратегическому плану или активности русского командования, сколько энтузиазму, самостоятельности и отважному напору русского офицерства, по сути взявшего на себя инициативу и вне общего плана сражения обратившего дотоле «непобедимого» Фридриха в паническое бегство, – все это ярко живописуется в замечательном фильме про гардемаринов («Гардемарины, вперед!», «Виват, гардемарины!», «Гардемарины-3»).

По фильму, именно четверка гардемаринов, несмотря на вялое и бестолковое руководство войсками Салтыковым, и выиграла для России эту решающую битву, организовав феерическую конную атаку на командный пункт прусской армии.

Но на этот раз завершить войну решительным ударом помешали союзники австрийцы: Австрия боялась «чрезмерного» усиления Российской империи. Ее армия прекратила наступление, и сделала все, что было в ее силах, чтобы задержать движение русских войск.

Отметим, что мощи России всерьез испугались не враги, а союзники. Война опять затягивалась, на этот раз не по вине России.

В этом окончательном периоде войны России принадлежит исключительный успех: в 1760 году русские войска взяли Бер-

лин. Оккупация длилась всего две недели, но это ведь была оккупация не чего-нибудь, а столицы вражеского государства![1]

Жители Берлина встречали русскую армию настороженно, но не как страшных врагов. В Пруссии было много сторонников того, чтобы войти в состав Российской империи, – Фридрих с его культом армии и вечными войнами всем изрядно надоел, а тут появилась возможность оказаться в большом и стабильном государстве, зажить спокойнее и приятнее.

К концу 1761 года у обескровленной Пруссии уже не было сил продолжать войну. Спорить можно было только о том, каковы будут условия капитуляции и останется ли вообще на карте такое государство – Пруссия?

Но тут опять сказались внутренние события в России: 25 декабря 1761 года все-таки умерла Елизавета Петровна. Давно сослан канцлер Бестужев и прочие заговорщики рангом поменьше. Увы, ничто и никто не мешает германофилу Петру Федоровичу взять власть. Первое, что делает новый император, – прекращает военные действия, более того – возвращает Фридриху все занятые прусские территории (включая Восточную Пруссию).

Далее совсем грустно – он придает армии Фридриха (!) корпус генерала З. Г. Чернышова. Мало того, что купленная русской кровью победа не дала никаких результатов, так еще генерал, бравший Берлин, теперь помогал пруссакам очищать Силезию и Саксонию от вчерашних союзников-австрийцев.

24 апреля 1762 года Петр III официально заключил с Фридрихом союзный договор, спасая уже окончательно погубленную Пруссию.

Вскоре Екатерина II свергнет Петра III и сама сядет на престол. Одним из первых ее указов будет разрыв союзного договора с Фридрихом. Но дело даже не в этом жалком договоре – ему

---

[1] Аналогия тут может быть только одна: пруссаки захватили Москву, жители средней полосы уже присягнули Фридриху и четыре года мирно живут в составе прусского государства, а теперь взят еще и Петербург...

исходно была суждена убогая судьба. Дело в том, что российский император Петр III фактически спас Пруссию от полного разгрома. Петр III – «агент влияния», как бы сказали сегодня профессионалы из контрразведки. Добровольный диверсант, шпион на общественных началах.

В который раз события в Европе зависели от внутренней российской политики.

Одно это могло бы породить поток обвинений по отношению к России и русским... в чем угодно.

Россия, воюя в самом центре Европы, показала свою способность громить сильнейшие европейские армии и перекраивать карту Европы.

Всем очевидно, что Россия сыграла главную роль в разгроме Фридриха. Ее уже боятся. Ее уже пытаются остановить. Жители Восточной Пруссии (этнические немцы на 90 %) присягнули на верность Елизавете Петровне. Продли Господь еще на пару лет дни Елизаветы Петровны, и не только Восточная Пруссия, но и Западная, с Берлином, могла бы войти в состав Российской империи.

И тем более странно, что никаких воплей о «русской угрозе» пока нет. Наверное потому, что в войне участвовали все, и попытки приобрести новые земли тоже делали все.

В общем, объявить Россию большим агрессором, чем другие государства, было сложно. Ну, вот пока и не объявили.

Полузабытая слава

Увы, еще раз вынужден подчеркнуть: не умеем мы помнить своей славы. Семилетняя война почти забыта, даже профессиональные историки плохо помнят, что это за событие. Если бы не упомянутый выше фильм «Гардемарины», большинство россиян и вообще не имели бы о ней никакого представления. Так, несколько фраз в учебниках по истории за 9-й класс, и только.

А ведь это война очень славная для России.

Во-первых, в Семилетней войне Россия впервые участвовала в европейской политике на равных, как одна из великих держав. Некоторые историки даже считают, что именно в ходе этой войны мы впервые стали субъектом большой европейской политики. Политика велась агрессивными, жестокими средствами. Но это, увы, в духе того времени. Россия ничем не была хуже других, даже выигрывала в чем-то: не зря же немцы в Восточной Пруссии хотели войти в состав Российской империи. А вот жители Померании входить в состав Швеции не просились, и жители Ганновера были в ужасе от французской оккупации.

Во-вторых, европейские державы в этой войне были бо2льшими агрессорами, чем мы. И вели они себя намного эгоистичнее. Любопытно, что в ходе Семилетней войны у русских солдат сложилось довольно пренебрежительное отношение к европейцам, в том числе и к союзникам. Французов стали называть «лягушатниками» не во время нашествия Наполеона на Россию, а как раз в эту эпоху.

Что же до союзников Пруссии – британцев, то именно тогда появилась одна солдатская песня. Она грубая, но привести ее стоит. Речь в ней идет о герцоге Мальборо, предке Уинстона Черчилля, одном из командующих британской армией.

Мальбрух в поход собрался,
Нажравшись кислых щей.
В походе обосрался
И помер в тот же день.

Четыре генерала
Портки его несли,
А двадцать два капрала
Говно из них трясли.

Его похоронили,
Где рядом был сортир,
А сверху положили
Обосранный мундир.

Жена его сидела
На траурном горшке
И жалобно пердела
С бумажкою в руке.

Дальше следуют еще пять куплетов, для печати совершенно непригодных.

Такое сильное впечатление произвели на русских трусливость британских войск и непоследовательность их командования.

В-третьих, русские войска в ходе Семилетней войны не раз покрыли себя неувядаемой славой. Ведь именно мы наголову разбили «непобедимого» Фридриха Прусского.

Действительно ли русские наступали вопреки приказам робкого начальства, как это показано в фильме про гардемаринов, – не уверен... История о таком эпизоде умалчивает.

Но история много чего сообщает не менее важного.

При Гросс-Егерсдорфе один из немецких военачальников писал, что даже смертельно раненные русские оставались в строю, и в свой последний час целовали стволы своих ружей: прощались с жизнью и с оружием. Солдаты Фридриха вели себя иначе... Именно тогда потрясенный стойкостью русской пехоты Фридрих Великий (а уж он-то знал толк в военном деле!) произнес фразу, которую мы, к сожалению, не помним, а ведь ее[1] бы надо на красном кумаче написать и повесить в каждой воинской части России: ***«Русского солдата мало убить. Его надо еще и повалить!»***

---

[1] А не всякую банальщину от Ленина или как сейчас стало модно – от Путина. Удивительное лизоблюдство стало проявляться в нашей жизни в последнее время. На парадном плацу в воинской части – цитата из В. Путина. В школьном учебнике по истории – эпиграф из В. Путина. Видел недавно материалы международной конференции специалистов автомобильной индустрии, кажется, организатор – уважаемая газета «Ведомости». В начале титульного листа материалов – опять слова В. Путина – что-то в связи с автомобилестроением. Мне кажется, что мы все-таки плохо думаем о Владимире Владимировиче, полагая, что это ему льстит.

Ну и в целом результаты военных действий: Фридриха разбили – это факт! Завоевали часть вражеской территории – факт! Сыграли в общеевропейской войне самую решающую роль – тоже факт!

Сколько оснований горделиво расправить плечи, осознать себя наследниками великих воинов и славных побед! Немцы понаставили Фридриху Прусскому памятников на каждом углу и чтят его как великого германского полководца (постоянно битого русскими войсками!). А мы как будто и не гордимся Кунерсдорфом и Гросс-Егерсдорфом... Да и слова самого Фридриха о русском солдате – величайшую оценку соперника, врага, воина-профессионала – тоже не помним. Стыдно!

Разделы Польши

Даже разделы Польши не стали временем рождения мифа.

Итак, Московия была одной из «малозначительных» стран на окраине цивилизованного мира. Российская империя самостоятельно стала одной из европейских империй. Она совершила то, на что Московия была не способна: победила своего извечного соперника – Речь Посполитую.

Российская империя в 1770-е годы оказывается настолько сильнее Речи Посполитой, что начала буквально «делить» ее вместе с двумя самыми сильными государствами германского мира – Австрийской империей и Пруссией.

Сначала Россия, вообще-то, пыталась отвергнуть планы Пруссии о разделе Польши, хотя и вовсе не из благородных побуждений. Она хотела бы держать ее в своей и только своей сфере влияния и ни с кем не делиться.

Для того Екатерина II в 1764 году посадила на престол Речи Посполитой своего любовника, т. е. простите, «фаворита», как принято говорить о коронованных особах, Станислава Понятовского. Расчет был простой: постепенно создать зависимое от Российской империи польское государство во главе со «своим» королем, идущее в фарватере русской политики.

Шла очередная русско-турецкая война 1768–74 годов. Она оказалась затяжной и оттягивала на себя большие русские военные силы. Пруссия активно предлагала разделить «бесперспективное» государство – Речь Посполитую. Притом существовала реальная угроза военного союза Пруссии с Австрией против России, если Российская империя откажется им в этом помочь. Конфликт с Австрией и Пруссией был России в тот момент совершенно не нужен, что и заставило Российскую империю пойти на «мирное соглашение» с ними... За счет Польши. То есть, подчеркну, по российскому плану Польша должна была оставаться единым, крупным европейским государством. При этом в перспективе речь могла идти о некой «унии» с Российской империей в роли, конечно, «младшего брата и союзника». Но, как говорится, международная обстановка этим планам не способствовала. Для плана «мягкого кооптирования» Речи Посполитой в союз с Россией нужны были мир и стабильность. Стабильности тогда в Европе, как обычно, не хватало.

В 1772 году в Петербурге три державы заключили конвенцию о частичном разделе Речи Посполитой, и войска каждой из них заняли «свои» территории. Свои зоны оккупации, если называть вещи своими именами. В 1773 году польский сейм легитимно признал частичный раздел страны. А интересно, куда бы он делся?

С перепугу поляки наконец стали укреплять уже почти совсем загубленное ими государство. Конституция 1781 года отменяла положения «шляхетской» Радомской конституции. Казалось, Польша вскоре изменится до неузнаваемости.

Но не тут-то было. Ибо скоро грянул второй, дополнительный раздел некогда великой Польши.

Напомним, согласно Радомской конституции 1505 года, шляхтич имеет право на конфедерацию, то есть на объединение с другими шляхтичами, на создание своего рода частного государства. Шляхтич имеет право на рокош – официальный (!) бунт против короля и правительства. Европейская история нового времени не знает более прецедентов столь нелепой, доведенной до полного абсурда дворянской «самостоятельности».

Напомню, было еще и право «личного вето»: любой шляхтич – член парламента Польши мог «заветировать» любой закон, любой указ короля, просто заявив на заседании, что он лично – против. Как понимаете, об эффективности государства в такой ситуации говорить не приходится. Яркий пример того, как интересы одной личности, доведенные до абсурда, противопоставленные интересам общего, целого, ведут к развалу страны и трагедии ее народа. Притом, отмечу, в действительности, речь, конечно, не шла об интересах и свободах мелкого и среднего дворянства. Шла перманентная борьба за «власть и бюджет» между крутыми магнатами, которые и использовали положения Радомской конституции, чтобы не допустить усиления какого-либо одного клана, временно дорвавшегося до управления страной. Именно им не нужна была сильная королевская власть. Именно магнаты, современным языком – олигархи, и выступали наиболее ярыми защитниками своих «природных прав и свобод».

В общем, случилось так, что тогда трое таких вот польских магнатов собрались в местечке под Уманью, и провозгласили Акт конфедерации. Их имена прекрасно известны в современной Польше и вызывают скрежет зубов у поляков. Три изменника. Говорят, в общем, этот Акт собственноручно редактировала Екатерина II, а в 1792 году, прямо в день провозглашения Акта Конфедерации, войска Российской империи пересекли границу Речи Посполитой. Вскоре и Пруссия начала «встречную» интервенцию.

То есть скажу просто: фактически в Польше началась гражданская война, и страны-оккупанты поддержали одну из сторон.

Речь Посполитая была быстро оккупирована, и вскоре Австрия, Пруссия и Российская империя в Петербурге подписали Конвенцию о т. н. втором разделе Речи Посполитой.

Ответом польских патриотов стало знаменитое Польское восстание 1794 года под руководством легендарного Тадеуша Костюшко.

Восстание началось под лозунгами единой Польши, воссоединения земель, отторгнутых Российской империей, Австрией и

Пруссией, заодно, правда, хотели «назад» все земли Украины и Белоруссии.

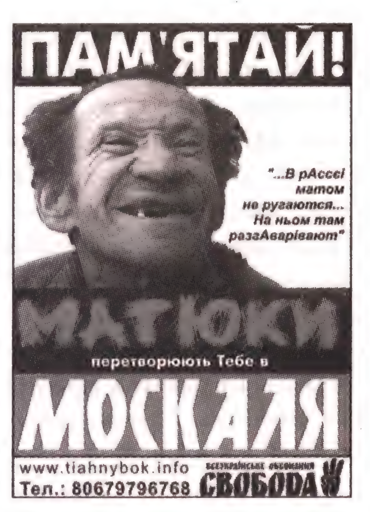
Т. Костюшко был объявлен диктатором и главнокомандующим национальными вооруженными силами.

Опомнившись от первых локальных поражений, Россия бросила в бой свои регулярные войска. Суворовские чудо-богатыри делали переходы по бездорожью по 40–60 верст в день. С полной выкладкой и амуницией, весившей до полутора пудов (24 кг) на человека. Шли с пением бравых песен в блестящие лобовые атаки на супостатов, ослушавшихся матушку-царицу. Артиллерия, даже конница часто отставали от пехоты. Против такой армии повстанцы Костюшко были бессильны.

10 октября, спустя полгода после начала восстания, тяжело ранен и взят в плен Тадеуш Костюшко.

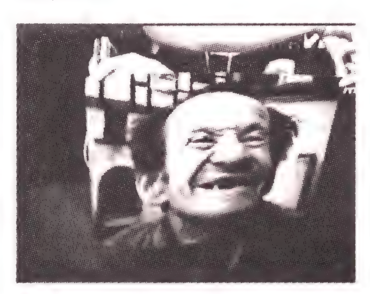
Столица Польши Варшава капитулировала, и бунт на этом закончился.

По условиям Третьего раздела Польши 1795 года, к Российской империи отошли все земли, населенные русскими, то есть те, которые называются сегодня Западной Белоруссией и Западной Украиной. Отошла Литва, Курляндия, латышские земли.

Плакат за чистоту украинского языка.

А может, не стоило уступать бесконечным просьбам пана Хмельницкого?

Любопытно, что, как выяснилось, «москаль» с плаката – это неунывающий дедушка из маленького польского городка. «Вечный оптимист» – так называется его портрет, участвовавший в польском фотоконкусе. Оригинал – на фото

Австрия получила Галицкие земли с Львовом и Галичем, великопольские земли с Краковом, историческим сердцем страны, которыми и владела до 1918 года, до развала Австро-Венгерской империи.

Пруссия получила весь запад и север этнической Польши. Екатерина II утвердила раздел Польши и ликвидацию польской государственности как таковой, упразднение польского гражданства, упоминания Польши в дворянских титулах.

Вроде бы вот она – полная возможность обвинить Россию во всех мыслимых и немыслимых грехах. Но нет, не получится. Слишком уж замараны все. Поведение Австрии и Пруссии – поведение точно таких же захватчиков. Если Россия – агрессор, то они кто?

Историй о том, что русские спят и видят, как бы захватить всю Европу, тогда еще не было.

Глава 3

Мифология Наполеона Бонапарта

Карл XII, Гитлер и Наполеон смотрят парад на Красной площади.
– Мне бы такие ракеты, – говорит Гитлер, – я бы дал русским под Сталинградом!
– Мне бы такие танки, – говорит Карл, – я бы показал Петру под Полтавой!
– А мне бы газету «Правда», – говорит Наполеон, – никто бы в Европе и не узнал, что я бежал из России.

Анекдот 1960-х гг.

Политическая демагогия Наполеона

Сомнительная честь выпестовать, сформировать и выплеснуть на страницы книг и газет миф о русской агрессивности принадлежит Наполеону Бонапарту. Как ни пытался этот человек стоять выше всех и поступать исключительно с позиции силы, и он нуждался хоть в каком-то моральном оправдании своих действий. Захватывать чужие страны в жестокой войне и присоединять к своей империи – это одно. Останавливать агрессора и восстанавливать справедливость, согласитесь, – нечто совершенно иное. Значительно приятнее и, главное, благородно в глазах потомков.

Похоже, действовал и глубоко скрытый комплекс неполноценности: провозгласив себя императором, короновавшись из рук Папы Римского и даже женившись на дочери Австрийского императора, Наполеон Бонапарт прекрасно знал, что по праву рож-

А. Гро «Наполеон во время боя на Аркольском мосту (1796 г.)». Не только величайший правитель, но и величайший мифотворец во французской истории. Этот стройный высокий длинноволосый юноша – тоже, кстати, миф

дения (т. е. «по праву» вообще) никак не принадлежит к числу венценосных особ. Другие короли, цари и императоры – царственного происхождения и сидят на тронах легитимно. А он – худородный дворянин с провинциальной Корсики, и его власти требуются объяснения и оправдания, в которых власть других царских особ априори не нуждается.

Бонапарту изначально повезло с «пиаром»: его завоевания прямо продолжали революционные войны 1792–96 годов. В представлении большинства французов Бонапарт нес народам Европы освобождение и более справедливый общественный строй. То, что сами народы Европы могли думать иначе, во внимание не принималось.

Не зря же в обозе Наполеона по России до самой Москвы везли два изваяния: белокаменные скульптуры Наполеона в тоге и в лавровом венке. Наполеон изображался со свитком законов в руке, властителем строгим, но справедливым. Этаким Цезарем Августом XIX века. Отменить крепостное право и ввести в России Кодекс Наполеона Бонапарт так и не рискнул. Но идея не просто войны, а войны за «справедливость» просматривается.

Естественно, сопротивляться введению справедливости могут только очень порочные люди, агрессоры, которые сами мечтают завоевать Европу, но совсем с другой целью: принести в нее свои авторитаризм, жестокость и нищету.

Подчеркну: Бонапарт гораздо раньше и в гораздо большей степени, чем многие титулованные монархи, постиг значение агитации и пропаганды. Лишь только он принял командование армией в Италии, он сразу издал знаменитую прокламацию от 26 марта 1796 года. В частности, в ней говорилось:

«Солдаты! У вас нет ни сапог, ни мундиров, ни рубах. Вам не хватает хлеба, а наши склады пусты. Тем временем у врага все имеется в изобилии. От вас лишь зависит, чтобы всё добыть. Вы хотите и можете это сделать. Итак, вперед!»

Пока Наполеон еще не император, а скромный генерал Директории. В этой роли он регулярно посылал членам Директории бюллетени – краткие справки о боях и походах.

В октябре 1796 года вышел первый бюллетень в виде печатной листовки: это уже не для членов правительства, а для народа. Бюллетень был украшен профилем Бонапарта, увенчанного лавровым венком и императорским орлом, держащим в когтях гром и пучок ликторских розог. Весь бюллетень состоял всего лишь из одиннадцати строк. Он вкратце описывал переправу через Рейн, окружение австрийских войск, названия взятых городов. Простая форма и короткий текст с картинками помогали понять солдатам, в каких славных исторических событиях они только что участвовали. А обыватели видели, какие великие дела совершает армия под командованием Наполеона.

Помимо каждодневной агитации в армии Бонапарт предпринял все усилия для того, чтобы «правильная информация» всеми способами распространялась и среди местного гражданского населения. Он добивался этого посредством изданий специальных газет, плакатов и листовок, передаваемых из рук в руки.

Первоначально Наполеон хотел издавать бюллетени еженедельно как газету. Но потом решил, что лучше делать это реже, но лучше – уделять больше внимания великим битвам и взятым городам. Быстро сформировалась целая серия бюллетеней Великой Армии. В последующих походах в обозе армии шли целые походные типографии. Бюллетени уходили во Францию прямо с поля боя.

Опыт оказался бесценным. Бюллетени выпускали и в кампаниях, которые вел уже Наполеон-император: в 1805, 1806–1807, 1809, 1812 и даже 1813 году.

Наполеон, как правило, сам диктовал тексты бюллетеней, а редактировали их секретарь или начальник штаба. Первые экземпляры печатались прямо в полевых типографиях . Затем бюл-

летени распространялись в войсках, причем младшие офицеры или сержанты читали их вслух перед строем. Раздавать бюллетени в виде листовок «на руки» не было принято из-за относительно небольшого их количества.

Затем наиболее удачные бюллетени переиздавали в виде плакатов, которые расклеивали на стенах по городам, прибивали к деревьям в деревнях. С самого начала Наполеон издал указ о перепечатывании бюллетеней государственными типографиями и официальными газетами. И не только в Париже и Франции, но и во всех покоренных или зависимых странах.

В 1811 году Наполеон приказал Александру Бертье собрать все бюллетени предыдущих походов и издать их в виде книги.

Бюллетени трактовали исторические события так своеобразно, что в войсках скоро появилась поговорка: «Врет, как бюллетень». Тем не менее быть упомянутым в нем считалось великой честью даже для генерала или маршала. А солдаты искренне гордились, если бюллетень упоминал их дивизию или корпус.

Под конец Итальянского похода, в 1797 году, Наполеон основал собственную «корпоративную» газету Le Courrier de l'Arme d'Italie («Курьер Итальянской армии»). С тех пор в армиях под командованием Наполеона, а затем и во всей французской армии полевые типографии печатали не только императорские прокламации и бюллетени, но и постоянную военную прессу.

Можно спорить, планировал ли Наполеон уже тогда, в Италии, свержение Директории и приход к власти? Подумывал ли он о том, чтобы сделаться новым императором? Сам он об этом не рассказывал, а больше спросить не у кого.

В любом случае у него в руках оказался мощнейший аппарат пропаганды. Аппарат, который он сам придумал и создал, и который делал из него живую легенду. И из него лично, и из тех солдат и офицеров, которые были верны Бонапарту и шли за ним. Пропаганда укрепляла связь Главнокомандующего и армии и делала всех участников событий участниками одной пропагандистской легенды.

Пропаганда периода Революции сосредоточивалась на идеалах самой Революции, на борьбе идеологического характера.

Пропаганда периода Консульства и Первой Империи служила интересам лишь одного человека – Наполеона Бонапарта и созданного им государства. Творить такую легенду было не просто выгодно, но и жизненно необходимо.

Как мы выше уже отмечали, Наполеон прекрасно понимал, что в отличие от старых европейских династий, сидящих на тронах «божьей милостью» веками, его власть – не легитимна. В июне 1813 года он заметил в разговоре с Клеменсом Меттернихом: *«Ваши государи, рожденные на троне, не могут понять чувств, которые меня воодушевляют. Они возвращаются побежденными в свои столицы, и для них это все равно. А я солдат, мне нужна честь, слава, я не могу показаться униженным перед моим народом. Мне нужно оставаться великим, славным, вызывающим восхищение»*[1].

Узаконить его власть могли только военные победы и поддержка всего французского народа, а она в огромной степени зависела от этих побед.

И здесь далеко не все решалось на поле брани. Наполеон был мастером информационных войн. В частности, это касалось специально организованных утечек информации, точнее, дезинформации, которые Бонапарт регулярно забрасывал через Фуше и других своих агентов в европейские правительства.

Скажем, первоначальным успехом египетского похода Наполеон был обязан грамотной организации утечки информации в адрес Лондона, будто французы планируют захватить Гибралтар. А после на своих судах обогнуть Европу и высадиться в Ирландии, где поднять восстание против англичан. Ну, ирландцы всегда и в любой момент были на это готовы, и ирландской «пятой колонны» Лондон боялся как огня. В результате адмирал Нельсон, вместо того чтобы легко и изящно перехватить Наполеона в Средиземном море, без толку барражировал вдоль берегов Испании. В то самое время, как Бонапарт безопасно доплыл

---

[1] *Тарле Е. В.* Наполеон. М., 1956.

на своих утлых полутранспортных суденышках с Юга Франции непосредственно до Александрии.

Вот, кстати, одна из фатальных случайностей, которые поворачивают ход истории. Нельсон в конце концов сообразил, что его одурачили и на всех парусах бросился догонять Наполеона, который, как он правильно предположил, плывет в сторону Александрии. Но тут произошло нечто уникальное: англичан подвела решительность Нельсона и быстроходность их судов. Несмотря на изначальное сильное отставание от Наполеона, они умудрились по ходу движения флот Бонапарта обогнать и прибыть в Александрию на два дня раньше! В порту они принялись расспрашивать, где французы. Перепуганные египтяне, естественно, пожимали плечами. И Нельсон решил, что Наполеон высадится не в Александрии, а в Стамбуле. Не мешкая ни часу, он развернул паруса и ломанулся к Стамбулу. Что же дальше? Не прошло и 48 часов, как в том же александрийском порту увидели транспортные суда французов. Если бы Нельсон перехватил Наполеона на пути, с вероятностью в 99,9 % французская эскадра была бы потоплена, Наполеон был бы пленен либо погиб, ну и вся мировая, – по меньшей мере, вся европейская – история пошла бы по другому пути.

Наполеон и церковь

> Попы все-таки лучше, чем шарлатаны вроде Калиостро или Канта или всех этих немецких фантазеров.
>
> Наполеон

Примечательно, что вторгшаяся в Россию «великая» армия, которую составляли люди, называвшие себя христианами, или хотя бы являлись людьми христианской традиции, была абсолютно не религиозна.

При объявлении войны не было во французском войске никакой молитвы о счастливом ведении столь громадной кампании. Наполеон, видимо, был так уверен в своем военном счастье, что обращаться к Богу считал совершенно излишним. В громадной армии, где 90 % солдат хотя бы формально считались добрыми

католиками, не было ни одного штатного священника. Только гвардейский уланский полк, полностью состоявший из поляков, держал за свой собственный счет полкового священника.

Христианская церковь, и Римско-католическая, и Православная видели в Наполеоне злейшего врага. Папа Пий VII зря надеялся, что своим участием в коронации Наполеона он сможет повлиять на режим Бонапарта. Вскоре он понял, что глубоко заблуждался.

Не успев вступить на престол, Наполеон начал запрещать только что восстановленные католические ордена, обязал все религиозные общества получать разрешения на свою деятельность от государства, сам назначал епископов. Наполеон совершенно не считался с главой католического Рима, в конце концов он вообще своим декретом лишил папу светской власти, присоединил Рим и папскую область к Французской империи, а самого папу арестовал и вывез во Францию.

В ответ на это Пий VII отлучил Наполеона от церкви.

Что ж... После этого руки Бонапарта в отношении католической церкви были окончательно развязаны. Церковь должна была превратиться в послушное орудие деспота и освящать его власть. Личность Господа Иисуса Христа должна была быть вытеснена личностью Наполеона. *«Мое имя должно жить столько же, сколько имя Бога»*, – изрекал Бонапарт. Все, кто был не согласен с таким подходом, подвергались гонениям. Первой против богоборца восстала оккупированная французами католическая Испания. Во главе испанской «герильи» стояли простые священники, которые вели испанских крестьян на бой с захватчиками с крестом в руках.

Русская православная церковь осудила Наполеона еще за три года до римского первосвященника. В 1806 году Святейший Синод обличил личность и деяния Наполеона в самых решительных выражениях. В синодальном указе говорилось, что *«неистовый враг мира и тишины, Наполеон Бонапарте... отложился от христианской веры», самовластно присвоил себе королевскую власть Франции, явил себя завоевателем и тираном в Европе, подверг гонениям Церковь, восстановил иудейский синедрион, «который некогда дерзнул осудить на распятие Господа Иисуса Христа».*

В указе сказано, что Наполеон, *«отринув мысли о правосудии Божием, ...мечтает в буйстве своем, с помощью ненавистников имени христианского... похитить (о чем каждому человеку и помыслить ужасно!) священное имя Мессии...»*

Пропаганда в действии

Шельмованию своих врагов Наполеон уделял столь же пристальное внимание, как и пропаганде своего величия, могущества своей армии, справедливости ведущихся войн. Французская пресса изображала всех его противников и внутри страны, и за ее пределами личностями совершенно ничтожными, жалкими и недостойными.

Наполеон постоянно следил за тем, чтобы французские газеты перепечатывали передовицы и статьи о войне, о внешней и внутренней политике из главной парижской газеты «Монитер». Газет он оставил всего несколько – по пальцам пересчитать: «Журналь де Пари», «Газетт де Франс», «Журналь де Л'Ампир», «Монитер», «Меркюр Галан», «Меркюр де Франс».

На оккупированных территориях все газеты должны были поступать точно так же. При малейшей попытке вести собственную линию они немедленно закрывались.

Это была первая в мире система управляемой прессы.

Принципы пропаганды Наполеона были просты:

– постоянно «опускать» врагов;

– запаздывать с сообщением плохой новости или не сообщать ее вовсе;

– давать строго дозированную информацию.

До какой степени была выдрессирована им французская пресса, говорит хотя бы такой известный факт. 26 февраля 1815 года Наполеон бежал с острова Эльба и вскоре с отрядом в 1000 человек высадился во Франции. По мере его триумфального шествия к Парижу резко изменялся тон газет и отзывы о нем. Вот хрестоматийная подборка сообщений парижской прессы в начале знаменитых наполеоновских ста дней:

Первый заголовок: *«Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан»*.

Второй: *«Людоед идет к Грассу».*

Третий: *«Узурпатор вошел в Гренобль».*

Четвертый: *«Бонапарт занял Лион».*

Пятый: *«Наполеон приближается к Фонтенбло».*

Ну и последний... *«Его императорское величество ожидается сегодня в своем верном Париже».*

Наполеон не ограничивался печатной пропагандой. Был разработан целый церемониал парадов и смотров. Каждое воскресенье во дворце Тюильри в Париже давался смотр гвардейским отрядам, с участием самого Наполеона и многотысячной толпы зрителей – жителей французской столицы, посетителей со всей Франции и из-за границы.

В иных смотрах или парадах участвовало по нескольку десятков тысяч солдат. Так было по случаю награждения первыми крестами Почетного легиона в Булонском лагере, при вручении новых – уже императорских – знамен, императорской коронации в соборе Нотр-Дам в Париже, рождения сына – т. н. Короля Рима и пр.

Начиная с 1806 года, 2 декабря ежегодно праздновались годовщины Аустерлицкого сражения; эта дата к тому же совпала с днем императорской коронации. Военные церемонии, хотя и рангом поменьше, давались в дни рождения маршалов и генералов. Наполеон всячески поддерживал подобные традиции.

По его личному приказу лучшие художники Франции и Европы писали портреты самого Наполеона и его маршалов.

По «госзаказу» писались батальные полотна, прославляющие эпизоды из наполеоновских кампаний. Так возникла впечатляющая картина Антуана-Жана Гро «Битва при Эйлау» с центральной сценой ухаживания хирургов Великой Армии за ранеными – французскими и русскими. Сразу видно, какие они гуманные, эти французские врачи, – оказывают помощь и врагам.

Кисти того же художника принадлежит и знаменитая картина «Наполеон в госпитале чумных в Яффе». Вот штабной офицер с отвращением, не в силах вынести омерзительную вонь, отворачивает голову, прикрывая рот и нос платком. А Бонапарт, изображенный в центре, бесстрашно протягивает свою руку одному из больных. Эта картина заняла особое место в истории военной пропа-

А. Гро «Наполеон в госпитале чумных в Яффе» («Зачумленные в Яффе»). 1804 г.
Беседы с больными чумой солдатами требовали от Наполеона не меньшей храбрости, чем личное участие в боях в Северной Италии. Если эти беседы, конечно, были в реальности...

ганды, ибо должна была разоблачить английские обвинения в том, что Наполеон приказал расстрелять всех больных при отступлении из Яффы.

И ведь не было дыма без огня! Яффа – крепость в Палестине. В предместье Яффы укрепилось около четырех тысяч турок, и французские офицеры в отсутствие Наполеона вступили с ними в переговоры. Турки сложили оружие, при условии, что им будет сохранена жизнь. Итак – обещание было дано.

Когда прибывший к армии Наполеон узнал об этом, он пришел в бешенство: пообещать-то пообещали, а что ему делать с четырьмя тысячами пленных турок? Ни воды, ни пищи не хватало самим французам. Более того, у них не было возможностей даже приставить к туркам нормальную охрану. А пленные турки – это не пленные немцы, я бы сказал, это скорее пленные

японцы. Смотрят искоса. Слова не держат и при первом же случае зубами вцепятся тебе в глотку. Промучившись три дня в размышлении, куда ему деть четыре тысячи нахлебников, Наполеон в конце концов приказал их всех расстрелять.

Конечно, потом он писал в мемуарах, что это было самое тяжелое решение в его жизни, сознался, что это было бесчестно, – и прочая, прочая. Но... что было, то было. Хотя нужно сказать, что это был единственный зафиксированный в истории случай, когда Бонапарт столь жестоко обошелся с пленными в нарушение всех правил ведения войны.

В общем, от обвинений англичан пришлось защищаться с помощью изобразительного искусства. Подобные картины (и их многочисленные копии) в обязательном порядке выставлялись на художественных салонах.

Свою роль в деле пропаганды играли и знаменитые т. н. миниатюры, лубочные гравюры на дереве, сюжетами которых становились победы Наполеона и его армия. Эти копеечные гравюры поступали в широкую продажу, раздавались детям в награду за школьные успехи или мелким служащим за прилежную работу. Простолюдины охотно покупали дешевые миниатюры и украшали ими свои жилища. Так легенда о Наполеоне и Великой Армии приходила буквально в каждый дом.

Бонапарт знал толк и в монументальной пропаганде. При нем Париж серьезно перестроили. В круговерти кривых средневековых улочек прорубали новые широкие авеню, построили два моста и каналы для подачи воды в городские фонтаны. Но главное, в городе появился целый ряд пышных монументов, прославляющих боевые победы армии Наполеона. Бонапарт стремился превратить Париж в эдакий «второй Рим», столицу еще одной «вечной» империи. Приемы античного зодчества использовались в архитектуре Триумфальной арки, здания Биржи, фонтанов и мостов.

Пропаганда Наполеона внушала французам идею особой миссии Франции и непобедимости армии, ведомой императором. Так, поражения маршала Массена в Испании в прессе выдавались за победы. Поражение в битве при Лейпциге трактовалось так запутанно, что вообще становилось неясно, кто же все-таки победил.

Уже во время битвы при Ватерлоо, 18 июня 1815 года, явно проигрывая сражение, Наполеон все же отправил в Париж сообщение о полном разгроме английских войск. Опубликовать его не успели, потому что спустя два часа гвардия Наполеона побежала, поражение стало катастрофическим.

О том, как сильно воздействовала пропаганда на людей, какие фантастические представления о мире она сеяла, говорит хотя бы такой факт: уже после оккупации Франции союзниками англичане были крайне удивлены. Оказалось, что французы даже не слышали о битве при Трафальгаре (!), в которой адмирал Нельсон разгромил французский флот. Им об этой битве решительно ничего не сообщили.

Особая роль в создании политических мифов отводилась Наполеоном России. Ведь русские и французы скрестили оружие задолго до 1812 года.

На равных

Еще до 1812 года российская армия нанесла французам несколько тяжелых поражений. С ней волей-неволей, а приходилось считаться.

Наполеон прекрасно умел сочетать политику кнута и пряника – и грех тут не вспомнить об одном эпизоде, когда он совершенно очаровал Павла I, почти сделав его своим союзником. Как? Элементарно – Бонапарт приказал освободить всех русских пленных, захваченных при поражении армии Римского-Корсакова под Цюрихом. Того самого Корсакова, на спасение которого спешил Суворов во время своего знаменитого перехода через Альпы, спешил, продемонстрировав всему миру «чудеса мужества и героизма» русского солдата и свой полководческий гений, но, увы, не успел. Римского-Корсакова разбили.

Французы тогда взяли в плен около шести тысяч русских солдат. Наполеон, интуитивно чувствуя характер Павла I и понимая, на каких его чувствах можно сыграть (не случайно Павла называли последним рыцарем из европейских монархов), – сделал следующий жест. Он приказал за французский счет пошить

всем русским пленным новую форму в соответствии со всеми регалиями, вернуть им оружие, выдать новую обувь и вернуть их всех за счет казны в Россию.

Благородный жест вызвал просто-таки восторг Павла Петровича, результатом чего вполне могло стать объединение с Наполеоном в военном союзе против Англии, – и опять вся мировая история пошла бы иначе.

В качестве ответного жеста Павел и послал тогда донских казаков атамана Платова завоевывать Индию. Но тут, как справедливо пишет Михаил Леонтьев, началась очередная серия «БОЛЬШОЙ ИГРЫ» – извечного геополитического противостояния Российской и Британской империй.

Бац-бац, и, не без участия английского посольства в Михайловском замке Петербурга, у Павла I неожиданно случается апоплексический удар – табакеркой по виску. Так русско-французский военный союз, к большому сожалению, и скончался... Скоропостижно.

Сын Павла I Александр был слишком обязан англичанам, слишком проанглийски настроен... Соответственно, далее ни о каком союзе с Францией и речи идти не могло.

А всей этой коллизии предшествовала знаменитая «итальянская кампания» Бонапарта. В начале 1799 года Франция оккупировала Северную Италию. Официальным предлогом была объявлена «необходимость» воевать с австрийской армией на ее территории. Реально Франция насаждала везде свои порядки, а заодно грабила всё, что только мыслимо разграбить. До сих пор во многих французских музеях есть сокровища, вывезенные из разгромленной Италии.

«Верный союзническому долгу» Павел I Петрович послал наших солдат в помощь австрийцам, а также, по настоянию союзников, вызвал из ссылки Суворова и назначил его главнокомандующим русским экспедиционным корпусом.

В Северной Италии Суворов действовал ничуть не хуже, чем ранее против турок или поляков. Когда французский генерал Макдональд наивно вообразил себя в безопасности, Суворов за 48 часов прошел 85 километров и ударил столь неожиданно, что французы бежали, потеряв половину армии.

Отметим, что «стандартный» военный переход для армий того времени не более 25 км в день. И это немало, т. к. в среднем составляет 6–7 ч самым быстрым солдатским шагом по бездорожью с полной выкладкой (в русской армии, повторяю, это обычно 1–1,5 пуда на человека), плюс 1–2 ч на «перекур», 2–3 ч на обустройство (снять–развернуть) походного лагеря, а еще подтянуть артиллерию, помочь обозу, – вот и закончен световой день. 30 км в день проходила только хорошо организованная и подготовленная пехота. Поэтому стремительные «рывки» суворовских чудо-богатырей, без обоза, напрямую, минуя окружные мощеные дороги, повергали в шок всю Европу.

Стоило французскому гарнизону города Нови только увидеть русских солдат, как они тут же оставили город и спрятались в горах.

Действуя против французов, Суворов и русская армия проявляли свои лучшие качества – умение делать дальние неожиданные броски, сосредоточивать главные силы в нужное время и в нужном месте, решительность, невероятную энергию.

Й. Крейцингер. Портрет Александра Васильевича Суворова. 1799 г.
Общеизвестно, что энергичный Суворов обычно вставал в 4 утра. Малоизвестно: ложился спать в 8 вечера

Осенью 1799 года Суворов полностью очистил Северную Италию от французов. По его мнению, пора было идти во Францию, на Париж. Пора закончить войну, и закончить победоносно!

Но повторилась история времен Семилетней войны: усиления России испугались наши собственные союзники. С точки зрения союзников-австрийцев Суворову было больше нечего делать в Европе. Он, мол, сделал свое дело, разбил французов... Теперь может уйти, а во Францию австрийцы вполне могут двинуться и сами. Чтобы Суворову легче было принять нужное им решение, австрийцы фактически предали русских: вывели свои войска из Швейцарии. Корпус А. М. Римско-

го-Корсакова (24 тыс. чел.) остался один на один с превышавшим его в два раза корпусом наполеоновского генерала Массены.

Суворов решает двинуться на соединение с Римским-Корсаковым. Австрийцы обещали предоставить вьючных мулов, обеспечить русскую армию продовольствием... Ни одного из своих обещаний они не выполнили. В сердце вражеской земли он остался без обоза, без продовольствия, без лошадей. Кроме того, союзники врали, будто через Альпы есть «хорошая дорога». А дороги там не было вообще. Перед русской армией вставали почти непроходимые горы. Австрийцы писали, что у Суворова нет другого выхода, кроме плена.

Но Суворов сделал ход, которого никто не ожидал: ни французы, ни союзники. Он принял решение перейти через Альпы – перевести всю армию с артиллерией, конницей и остатками обоза по горным тропкам, где и местные жители порой боялись ходить.

Швейцарский поход покрыл имя Суворова неувядаемой славой. Сен-Готард, Унзерн-Лох, Чертов мост – эти названия звучат как музыка для военного историка. Блестящие победы русского оружия, взлет воинской славы, проявления лучших качеств русского солдата! У Чертова моста солдаты Багратиона вскарабкались по почти отвесной скале. Так и лезли на высоту порядка 400 метров, на морозе и страшном ветру. Вскарабкались, на чудовищной крутизне зашли в тыл, ударили по французам, погнали штыками неприятеля. Если верить легенде, то сам Наполеон, узнав о сражении из донесений, воскликнул: «Этого не может быть!»

А оно очень даже могло... В исполнении русских солдат.

Победы – да еще какие! Около Швица сам знаменитый главнокомандующий Массена едва ушел от русских солдат: русский солдатик даже схватил уже было Массену... Да тот вырвался, убежал, и остался в руках у солдата «всего только» эполет от мундира.

С этим эполетом связана история, очень в духе Суворова: увидел генералиссимус солдата, который смотрит на этот эполет и чуть не плачет... Суворов его обнял и тут же произвел солдата за подвиг в офицеры. И сразу к Суворову явилась целая делегация офицеров: мол, им же обидно! Во-

нючий мужик, а в офицеры... Непорядок! И вообще, что же тут за подвиг? Солдат ведь Массену не поймал, он только эполет его принес...

Суворов слушал, не перебивал, а потом тихо спросил:

– А если бы солдат привел в плен Массену, надо было бы его произвести в офицеры?

– Тогда надо было бы! А тут – всего только эполет...

– Хочешь быть генералом? – так же тихо спросил Суворов у полковника.

Полковник щелкнул каблуками.

– А ты хочешь быть полковником? – повернулся Суворов к штабс-капитану.

То рявкнул нечто бравое, патриотичное.

– Тогда идите, – так же не повышая голоса, сказал Суворов, – идите и принесите мне второй эполет Массены. Принесете – твердо мое слово, быть вам всем с повышением.

Итальянский и Швейцарский походы – слава России, ее достойнейшее прошлое.

В Сен-Готарде до сих пор есть домик-музей, в котором жил Суворов. А день начала Швейцарского похода, 21 сентября, современные швейцарцы отмечают как местный праздник. Русских помнят очень хорошо, и не только как славных воинов. Русские никого не обижали, интенданты Суворова за все скрупулезно платили, не то что австрийцы и французы.

В окрестностях Сен-Готарда до сих пор много русоволосых, рослых людей с явно славянскими чертами лица. Сами швейцарские барышни это объясняют без особого смущения: нашим прабабушкам нравились русские солдаты.

Это веселый праздник, и приятно, что наших соотечественников помнят так долго и по-хорошему. Только вот почему мы сами так беспамятны?! Почему в России так плохо помнят о Швейцарском походе Суворова, почему не празднуют годовщин сражения у Чертова моста? Что, совсем не гордимся победами наших предков?

Мне довелось как-то гостить в Берне у посла России в Швейцарии, бывшего ректора МГИМО МИД СССР, большого ученого и патриота Андрея Степанова. Он много и с любовью рассказывал, как искренне чтят Суворова швейцарцы, особенно в южной «итальянской» части конфедерации. Хранят реликвии того времени. До сих пор показывают туристам: вот кровать, где но-

чевал великий полководец, вот за этим столом потчевал, а вот горный ручей, где 70-летний полководец с утра обливался ледяной водой. Только удивительно, говорил посол, что наше государство делает меньше для сохранения этих памятников, чем Швейцарская Конфедерация. А наши туристы, особенно последних, российских времен, уже явно хуже и хуже помнят великие дни, когда русские офицеры, даром что дворяне, связав своими шелковыми шарфами десяток бревен, под кинжальным «огнем» перебирались по импровизированному «мосту» через пропасть, дабы показать личным примером солдатам: не страшитесь, чудо-богатыри, вперед, в штыки! И с ходу атаковали засевших на казавшихся неприступных горных хребтах французов.

Я рассказываю об этих событиях не только потому, что приятно вспоминать наши славные подвиги. Героизм русских солдат, самоотверженность офицеров, гений Суворова имеют самое прямое отношение к политической пропаганде. Франция убедилась, что имеет дело с равным противником. С таким, которого приходится опасаться. Никак не получалось сохранять к русским пренебрежение времен Корба и служилых иноземцев времен Петра.

К тому же корректное поведение русской армии располагало к ней людей, что само по себе служило лучшей агитацией. А вдруг Россия захочет присоединить какие-то земли в Европе?! А вдруг местные жители будут не против?!

Как и во время Семилетней войны, ТАКУЮ Россию испугались и союзники-австрийцы.

Опасный и грозный враг заставлял Наполеона сосредоточить особое внимание на пропаганде против России.

Как Бонапарт породил миф о русской угрозе

Наполеон провозгласил себя императором в 1804 году.

В круговерти европейской политики Россия стала важнейшим участником целой серии антифранцузских коалиций. Именно что важнейшим! Наполеон постоянно и жестоко бил австрийские и прусские армии. Из всех противников только две европейские державы наносили ему поражения: Британия и Российская империя.

Британия уничтожила, рассеяла и сожгла французский флот, предназначавшийся для высадки десанта в Англии. После сражения у мыса Трафальгар (1805 г.) Наполеону пришлось отказаться от планов быстрого захвата Британских островов.

Русская армия по-прежнему была важнейшим фактором, сдерживавшим Наполеона во время европейских войн 1805–07 гг. НИ РАЗУ прусская или австрийская армия сами по себе не добились поражения французской. А русская армия и после побед Суворова билась на равных. Сражение при Прёйсиш-Эйлау (ныне – Багратионовск Калининградской области) в 1807 году окончилось вничью и примерно с одинаковыми потерями.

Где они сейчас, эти заменитые исторические имена: Тильзит, Прёйсиш-Эйлау? Ладно еще Багратионовск (хотя, признаемся, звучит косноязычно), но... Советск?! Это уже за гранью языка Пушкина и Толстого.

Тут вообще нельзя не упомянуть о странном подходе наших властей к именованию российских городов, улиц, площадей и даже станций метрополитена. Не хочется сильно углубляться в эту печальную тему, ибо это поистине разговор особый, достойный отдельного большого исторического и публицистического труда, но пару слов скажу.

Мы (т. е. не мы с вами, дорогие читатели, а исполнительная власть в российских губерниях) склонны с удивительной стойкостью цепляться за старые советские названия городов и весей. Если бы они еще были созданы, построены в годы советской власти, как, например, Комсомольск-на Амуре или Новокузнецк, так это еще имело бы некое логическое обоснование. В конце концов, созидатель, основатель города имеет полное моральное право назвать его, как считает нужным. Но ведь на 90 % в 20–30 гг. XX века просто переименовывались старые улицы и города, вычеркивались из исторической памяти древние, исконно русские названия, либо названия, осознанно данные строителями при основании населенных пунктов. Так почему-то Екатеринодар стал Краснодаром, Вятка – Кировом, а Большая Алексеевская улица в Москве (названная так в память стоящего на улице храма) – Большой Коммунистической. Московская улица Новоиерусалимская, ведущая (!) к Новоиерусалимскому монастырю, одной из величайших святынь Руси, превратилась в Улицу 1905 года, улицу булыжников и пролетариев. Кто не знает дословного перевода с латыни понятия «пролетарий», поясню: так римляне называли бомжей и забулдыг, не имеющих ни-

какой собственности и, соответственно, никаких гражданских прав и обязанностей. В том числе лишенных главной священной обязанности гражданина Рима с мечом в руках защищать СВОЮ РОДИНУ. Какой, рассуждали древние, защитник из «пролетария»? У него ни дома, ни земли, ни семьи толком. Что он будет защищать? Ему дай оружие, так не дай бог он к врагу перебежит. Такого воина еще охранять надо. Заградотряд с пулеметами – позади строя!

Так вот, вернемся к именам наших городов и улиц. Этих безумных «советских» примеров – тысячи. В общем, тема настолько серьезна, что сноской по тексту здесь дело не обойдется. Придется писать отдельную главу. Думаю, вы найдете ее в этой серии.

Четко видны три этапа русско-французских войн.

Первый этап: Итальянский поход. Он завершился, казалось бы, вничью для российско-австрийской коалиции. Но все столкновения французов непосредственно с корпусом А. В. Суворова неизбежно заканчивались для них плачевно.

Второй этап: Аустерлиц, войны России вместе с союзниками. Этот этап выиграли французы. Но отметим: русская армия буквально «придана» австрийцам. Мнение Кутузова, до последнего момента не желавшего начинать битву при Аустерлице, полностью проигнорировано. Фактически он отстранен от командования. Поэтому правильнее говорить не о поражении коалиции, а о поражении прусской и австрийской армий, несмотря на «придачу» им в подкрепление русской армии.

Третий этап: Прёйсиш-Эйлау – Фридланд, опять ничья.

Это при том, что войны велись на территории Европы. Война шла далеко от дома. Но разбить русских никак не удается, Россия проводит независимую политику, сближается с Англией.

Россия была ОПАСНА. Настолько опасна, что Наполеон начал постоянно обвинять ее в агрессии.

Вот важное замечание. Пик русского могущества в первой четверти XIX века вызывает аналогию с пиком советского могущества середины XX века. В обоих случаях подписывались похожие мирные договоры между будущими противниками и воюющими сторонами.

Я имею в виду пакт Молотова–Риббентропа накануне Великой Отечественной войны и Тильзитский мир – договор между Наполеоном и Алек-

сандром. Оба договора были подписаны в канун Отечественных войн – 1812 года и Великой Отечественной.

В Тильзитском мире, о чем очень мало известно, так же, как позднее в пакте Молотова–Риббентропа, содержались секретные пункты. Был подписан так называемый секретный протокол. По этому протоколу российская сторона – я имею в виду императора Александра – получала свободу действий в зонах своих интересов. А именно, на севере в направлении Швеция–Финляндия и на юге в направлении Турция–Молдавия.

Результатом этих секретных пунктов стало то, что Франция нисколько не вмешивалась в победоносную русско-шведскую войну, увенчавшуюся окончательным разгромом Швеции. Российская империя пополнилась Финляндией, а Александр I стал не только государем Великая, Малая и Белая Руси, но также и великим князем Финляндским. А в результате последовавшей российско-турецкой войны к России отошла Молдавия и некоторые прилегающие к ней территории. В общем, история повторяется.

«Видите? – говорили его журналисты и литераторы. – Видите, русские опять побеждают. Так они скоро и вообще всю Европу завоюют».

Логика Наполеона принципиально ничем не отличалась от логики поляков времен московитско-польских войн за Смоленскую землю.

«Оршанская пропаганда» была обращена против сильного и опасного противника, который к тому же на глазах становился все сильнее и сильнее.

Так же и пропаганда Наполеона была направлена против врага опасного и сильного. Оставайся Российская империя такой, какой была Московия в XVII веке, никому бы она не была интересна.

А тут из «нафталина» вдруг было заботливо извлечено «Завещание Петра Великого». Еще в 1797 году о «Завещании» и о враждебности России к Европе писал польский эмигрант М. Сокольницкий. Тогда на его брошюру мало кто обратил внимание. Но в 1807–11 годах, готовясь вторгнуться в Россию, Наполеон начал готовить общественное мнение Европы к этому походу. И опубликовал брошюру Сокольницкого большим для тех времен тиражом.

Потом, по прямому заданию Наполеона, французский чиновник Мишель Лезюр, историк по образованию, написал книгу «Возрастание русского могущества с самого начала его и до XIX века».

В книге, помимо прочего, было сказано: *«Уверяют, что в частных архивах русских императоров хранятся секретные мемуары, написанные собственноручно Петром Великим, где откровенно изложены планы этого государя»*.

При этом текст «Завещания» Лезюр не опубликовал, он опирался на сплетни, слухи, домыслы, анекдоты. Главная цель – убедить европейскую публику в наличии агрессивных устремлений российской внешней политики, ее готовности и желании завоевать всю Европу[1].

Мифы и реальность войны 1812 года

Из приказа Наполеона по армии 22 июня 1812 года: *«Рок влечет за собой Россию. Ее судьба должна совершиться. Мир, который мы заключим, положит конец гибельному влиянию, которое Россия уже 50 лет оказывает на дела Европы»*.

Видимо, отсчет этих 50 лет Наполеоном велся от победы России над Пруссией и взятия нашими войсками Берлина. Ну что ж, это справедливо. Хотя мы этот срок увеличили бы, я так думаю, лет этак до пятисот. Может быть, даже семисот. И давайте обратим внимание на дату: 22 июня!

24 июня 1812 года Россию постигло величайшее несчастье: наполеоновское нашествие. Наполеон собрал для русского похода со всей Европы огромные силы – так называемую Великую Армию. По пыльным дорогам Европы, а затем России двигались французские, итальянские, прусские, баварские, австрийские, испанские, швейцарские, голландские, датские, фламандские, польские, венгерские, хорватские воинские части. Поистине, говоря словами Пушкина, «не вся ль Европа здесь была?»

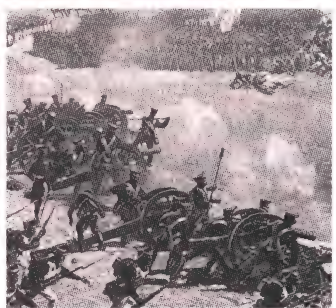
В Великую Армию Наполеона вошли полки и батальоны двадцати стран. Французы составляли только четверть «личного состава», основой были немцы и поляки, а также итальянцы, испанцы, португальцы, хорваты, датчане, мамелюки.

---

[1] См.: *Павленко Н. И.* Три так называемых завещания Петра I // Вопросы истории. – 1979. – № 2.

Ф. Рубо. Фрагменты Бородинской панорамы

Великая Армия насчитывала более 600 000 человек при 1420 орудиях. Эта армия объединенного Запада превосходила российскую в несколько раз. Вел ее, как считалось, лучший полководец мира.

При всей своей походной актерской вспыльчивости, Наполеон никогда не принимал не продуманных заранее решений. Он, по меньшей мере, два года готовился к русскому походу. Готовился серьезно, не только отливая новые орудия. Готовилось общественное мнение. Интенсивно работала дипломатия.

К лету 1812 года Наполеон заставил все европейские страны, за исключением Англии и Швеции, принять участие в предстоящей кампании.

С. Федоров «Сражение при Бородине 26 августа 1812 г.». 1858.
Жесточайшая мясорубка войны 1812 г. по-русски называется «Битва под Бородино». Рассматривается как боевая ничья и моральная победа Кутузова. По-французски значится как «Битва под Москвой». Рассматривается как сокрушительное поражение русских войск

«О, предатель Бернадот! Воистину ни одно доброе дело не остается безнаказанным», – мог по праву вздыхать Наполеон на острове Святой Елены. Шевелением мизинца мог воспрепятствовать Бонапарт восшествию на шведский престол своего маршала Бернадота (чьи прямые потомки, кстати, и по сей день на шведском троне). Этого ярого революционера-республиканца с замечательной татуировкой на груди: «Смерть королям!» (Вот ирония судьбы!) Но не помешал. Даже всячески помогал ему, надеясь без войны и крови заполучить Швецию в качестве будущего верного союзника Франции. Однако довольно быстро (как всегда бывает в таких ситуациях☺), маршал Бернадот уверовал, что это не Наполеону он обязан шведским троном и даже не удачному постреволюционному моменту в «европейской политике», а только самому себе. Это сам Господь указал шведскому народу и парламенту на него – «лучшего» из французских маршалов, «единственного», способного принести мир и покой трудолюбивым шведам. В общем, никакой он не «вы-

движенец» императора, а «помазанник Божий», мессия местного, скандинавского масштаба. Что еще роилось в голове наследного принца Бернадота – понять сейчас трудно, но результат налицо. Швеция выступила ПРОТИВ Франции в войне 1812–14 гг., на стороне России и Англии.

Более того, Бонапарт (малоизвестный факт!) добился *вступления США* в войну против союзника Российской империи – Англии. 18 июня 1812 года, то есть накануне нападения на Россию, Соединенные Штаты Америки неожиданно объявили войну Великобритании. Факт, кстати, имел большое значение для сковывания английских сил на море.

К моменту нападения Наполеона на Россию та вела еще и войну с Османской империей. Только благодаря военному и дипломатическому таланту М. И. Кутузова удалось заключить мир с Турцией в самый канун наполеоновского нашествия. Об этом я подробно писал в первой книге, но даже несмотря на этот мир, русскому командованию пришлось держать на южном направлении большие силы.

Из-за медлительности тогдашних средств передвижения Дунайская армия смогла поспеть к театру боевых действий лишь к осени 1812 года, когда главное уже произошло, Наполеон уже ушел из Москвы. По всем фронтам – блестящий успех дипломатии Наполеона. Отличнейший расчет. И только Михаил Илларионович оказался в состоянии лишить Наполеона преимущества затащить Россию «в войну на два фронта».

Что же до пропаганды...

У нас до сих пор принято считать войну 1812 года эдакой рыцарской, красивой, благородной. Противники в красивых мундирах сходились на обширных полях. Шли друг на друга в рост. Не бежали, а именно маршировали. Плотные белые клубы дыма вылетали из стволов орудий, стрелявших, правда, черным порохом, и постепенно образовывали над полем боя живописные облака.

Пока армии сближались, огонь пушек и ружей выводил из строя не так уж много людей. У Льва Толстого прекрасно описаны реалии того времени: стоит только появиться раненым, и тут же слышен крик: «Носилки!» И раненых действительно уносят, огонь редко мешает санитарам. И не так много раненых, чтобы их не успевать выносить.

Стреляя друг в друга чуть ли не в упор, сойдясь в штыковом бою, враги обычно в самом сильном остервенении не добивали раненых противников, не мешали выполнять свой долг врачам и санитарам. Если поле боя оставалось за победителем, а побежденные быстро отступали, победители хоронили погибших врагов в братских могилах, а раненым оказывали помощь наравне со своими собственными ранеными.

Все это так. Разумеется, всегда бывали нарушения рыцарских законов ведения войны, но было их не так много. Есть норма, а есть исключения. Пропаганда всячески подчеркивала заботу военачальников о солдатах своих и чужих, гуманизм и «отеческое участие». По традициям рыцарской войны военные действия обставлялись как грандиозное шоу и одновременно как спортивное состязание. Отмечать мужество врагов, их силу и преданность воинскому долгу считалось хорошим тоном. Лев Толстой даже посмеивается над церемонией вручения французских орденов «самому храброму русскому солдату», а русских наград – «самому храброму» французу.

Но ведь лучше такое забавное шоу, чем реалии Вердена и Сталинграда. После ужасов войн XX века кампания 1812 года порой кажется нашему современнику какой-то идиллией.

Все так! Все было, было, было... Были раненые, оставленные на попечение французов после сражения при Смоленске. Был русский генерал Милорадович, кричащий атакующим гренадерам Даву:

– Молодцы, французы!

И обернувшись к своим:

– Как идут, шельмы, а?! Молодцы!

И опять повернувшись к противнику, опять по-французски:

– Молодцы, французы! Слава! Виват!

Гренадеры с длинными закрученными усами, в сине-бело-красных мундирах молча шли под барабанный бой. Полыхали столбы пламени из жерл орудий, мерный грохот давил на уши. А что? Яркие мундиры, яркие краски среднерусской осени, плотный дым, алая кровь на зеленой травке. Всегда находятся любители таких зрелищ. Недаром сюжеты войны 1812 года – любимая тема для наших и французских исторических клубов, специалистов по «игровым» историческим реконструкциям.

Не так уж сильно грохотало, голос Милорадовича, возможно, и был слышен. И крик боевого генерала, восхищавшегося храбростью противника был явлением воспитывающим, формирующим отношение к тому, как «должно быть».

Все так. Но только, повторяю, вторглись в Россию не одни французы. Русская пропаганда совершенно справедливо говорила о «нашествии двунадесяти языков». Во всей 600-тысячной Великой Армии было их от силы тысяч 150. Многонациональное сборище общалось на странном армейском жаргоне, на основе французского, но с включениями слов из разных немецких диалектов, польского, испанского, итальянского языков.

При бегстве Наполеона из России многие офицеры этой армии отбились и остались в России. Прибивались они и к помещичьим имениям, дворянским гнездам. Настоящий французский офицер... Это же прекрасный гувернер, он научит Петеньку и Коленьку французскому и хорошим манерам, французскому изяществу и высокой культуре. Но очень часто пленный или беглый ветеран Великой Армии был фламандцем или немцем из Гамбурга, который за годы жизни в казарме и свой родной язык подзабыл, и французского толком не выучил, говорил на кошмарном грубом жаргоне, сморкался в два пальца, жрал руками, зато ругался на всех европейских языках одновременно.

Тоже идиллия по-своему: наполеоновский ветеран отдыхал, отъедался, реализовывал свой отцовский инстинкт в общении с барчуками, честно учил чему умеет... И совершенно не был виноват, что французский язык Коленьки и Петеньки сильно отличался от языка Дидро и Рабле. Помните эту иронию Грибоедова про «смесь французского с нижегородским»? Так что сам французский, запомним, был в России «великой смесью», этакий текс-мекс из всех европейских языков.

Но все же не будем забывать: накануне нападения на Россию солдаты Великой Армии подвергались самой массированной наполеоновской пропаганде, и поначалу у них был довольно своеобразный взгляд и на Россию, и на то, что они в ней делают.

Антирусская пропаганда Наполеона

Готовясь к нападению на Россию, Наполеон не просто вел очередную военную кампанию. Речь шла о последнем завершающем этапе создания «универсальной империи», то есть полного владычества Франции в Европе, фактически – мирового владычества.

В преддверии 1812 года Наполеон произнес: *«Через три года я буду властелином мира, остается Россия, но я раздавлю ее»*. Эти слова были прекрасно знакомы солдатам его армии. Они шли в последнюю независимую страну континентальной Европы. Впереди еще Британия, но ее покорять будут другие: флот. Россия – последняя непокорная страна, в которую необходимо идти походом. Раздавим ее, воцарится Бонапарт в Кремле как новый русский царь, сделает Российскую империю вассалом Франции, и можно будет отдохнуть от почти беспрерывных войн и походов, продолжавшихся с 1792 года.

Ядро армии Наполеона – французы-офицеры. Это были 35–40-летние мужчины, которые провоевали всю свою жизнь. Двадцать лет под ружьем. Как им хотелось отдохнуть!

Солдаты Великой Армии твердо знали, что пришли в варварскую полудикую страну и что они несут в нее свет самой лучшей в мире культуры – французской. Что их ведет величайший полководец всех времен, сопротивляться которому – дикость, нелепость, бред, отступничество от цивилизации и чуть ли не преступление.

«Для победы необходимо, чтобы простой солдат не только ненавидел своих противников, но и презирал их», – говаривал Наполеон. Так вслед за Наполеоном рассуждали его генералы.

Простой солдат презирал и Россию, и русских. Он был воспитан в этом презрении. Он знал, что русские – опасные полудикари, рабы своего начальства, враждебные Европе, всегда угрожавшие Европе. Победи они, и тут же принесут всюду страшные нравы русского мужлана.

Есть очень интересные исследования, показывающие: пропаганда Наполеона считала, например, ислам более совершенной, более «цивилизованной» религией, чем русское православие[1].

---

[1] *Мешкис Э.* Наполеон и Египет // VIII Международная конференция по проблемам цивилизации. Москва, 21–23 мая 2004 года. М., 2004.

Результаты пропаганды в действии

С самого начала вторгшиеся завоеватели вели себя с местным населением как новые хозяева с рабами. Как банда грабителей, имеющих полное право брать всё, на что упадет их взгляд. Конечно, похоже они вели себя и в Германии, и в Испании, и в Италии. Но в России поведение завоевателей было еще помножено на учение о примитивности русских, их грубости и невежестве и на страхе перед русской агрессией.

Мародерство Великой Армии и ее воинственное неуважение к православной церкви оказали самую дурную услугу Наполеону, оно толкало множество русских людей в партизаны. Кто и не пошел бы из патриотических чувств, тот пошел, чтобы сопротивляться насилию и грабежу. Как писал историк Е. В. Тарле: *«Разорение крестьян проходившей армией завоевателя, бесчисленными мародерами и просто разбойничавшими французскими дезертирами было так велико, что ненависть к неприятелю росла с каждым днем»*[1].

У нас до сих пор считается, что армия «супостата Буанапарте», в отличие от немцев в 1941 году, была цивилизованной, культурной. Это потом, после пожара Москвы, она превратилась в сборище мародеров и дезертиров.

Но это не совсем так. Армия Наполеона с самого начала грабила всё, что под руку попадало. Только на первом этапе войны грабеж шел более организованный.

У нас до сих пор в описании войны упор делают на благородном характере сражений и обращения с пленным и раненым врагом. Такова, повторюсь, война даже в изображении великого реалиста Льва Толстого. Такова она и в блестящем фильме С. Ф. Бондарчука.

Это было. Но за красивым фасадом скрывается другой – темный и безобразный. О нем почти не говорят, почти не пишут, хотя это ведь тоже имело место быть.

Не буду голословным, приведу факты.

---

[1] *Тарле Е. В.* Указ. соч.

1. 3 сентября 1812 года, на следующий день после входа Великой Армии в Москву, солдаты получили *официальное разрешение* грабить. Творившиеся варварство, жестокость и насилие не были случайными действиями мародеров, которых якобы наказывали официальные власти. Это была политика Франции и самого Наполеона.

2. Великий московский пожар французы рассматривали как попытку местных жителей сжечь свое имущество, но не отдать неприятелю. Примеры такого поведения они уже видели по пути к Москве.

Потому они и расстреливали «поджигателей» – по большей части совершенно случайных людей. Как тех, кто как бы отнимал у французов то, что принадлежало им «по праву».

3. Приказами командования французской армии московские монастыри использовались под жилища для солдат, причем престолы и жертвенники употреблялись вместо столов, а в алтарях стояли кровати.

Наполеон лично посетил Новодевичий и Донской монастыри. Он не осматривал их с любопытством туриста, не собирался молиться. Монастыри интересовали его только как укрепленные огневые точки. По его приказу в Новодевичьем французы разместили батарею, а чтобы было удобнее вести артобстрел, взорвали стоявшую рядом с монастырем церковь Иоанна Предтечи.

Церкви Заиконоспасского, Покровского, Новоспасского, Симонова, Крестовоздвиженского, Донского, Рождественского и других монастырей были превращены в конюшни.

В Высокопетровском монастыре оккупанты устроили скотобойню, а соборный храм превратили в мясную лавку. Весь монастырский погост был покрыт спекшейся кровью, а в соборе на вколоченных в иконостас гвоздях висели куски мяса и внутренности животных.

4. Мародеры дочиста ограбили все монастыри. Прежде всего их интересовали драгоценности, украшавшие священные предметы. Они сдирали с икон серебряные оклады, собирали лампады, кресты. В поисках спрятанных сокровищ грабители взламывали в храмах полы, простукивали стены.

Из многонациональной армии Наполеона только греческие части не участвовали в разграблении монастырей: греки видели в русских монахах своих единоверцев. Иногда и среди католиков, французов и поляков, тоже находились люди, которые относились к православным святыням с уважением.

Монахини Новодевичьего монастыря вспоминали, что некий начальник живших в их монастыре солдат по фамилии Задэра «греха убоялся». Он посоветовал спрятать серебряный крест, Евангелие и другие ценные вещи, говоря на ломаном русском языке: «Французска солдата вора».

В Даниловом монастыре квартировавшие французы-гвардейцы узнали, что в монастырь должен прибыть отряд конной артиллерии, предупредили: «Это люди нечестивые», – и предложили спрятать все ценное. Даже помогли зарыть в землю церковные вещи. Артиллеристы ободрали раку князя Даниила и сорвали одежды с престолов, но ничего больше не нашли.

5. Часто оккупанты не столько грабили, сколько оскверняли и уродовали святыни. В Андрониевском, Покровском, Знаменском монастырях французские солдаты кололи на дрова иконы, лики святых использовали как мишени для стрельбы.

В Чудовом монастыре французы, надев на себя и на своих лошадей митры и облачение духовенства, ездили так верхом и очень смеялись.

В Можайском Лужецком монастыре и сегодня хранящаяся здесь икона святого Иоанна Предтечи имеет следы от ножа – французы использовали ее как разделочную доску, рубили на ней мясо.

Оскверняли не только предметы культа – всё, связанное с русской историей. В конце концов, святыни – это ведь не только иконы. Зачем-то разгромили старинные царские палаты в Саввино-Сторожевском монастыре: кровать царя Алексея Михайловича была сожжена, дорогие кресла ободраны, зеркала разбиты, печи просто разломаны, редкие портреты Петра Великого и царевны Софьи похищены – это побывал на постое «элитный» 3-й кавалерийский корпус генерала Груши.

И в этих действиях, и в каком-то убежденном, систематическом грабеже трудно не видеть следствие активной антирусской и антирелигиозной пропаганды.

Так сказать, созревший плод.

Бонапарт был, конечно, образованным, хорошо начитанным человеком. Не думаю, что он лично поощрял кощунства, творимые солдатами над русской церковью. Хотя явно недооценивал опасности такого поведения своей армии в глубоко религиозной России. Будучи такой же «духовной жертвой» вольтерьянцев и якобинцев, как и большинство его генералов, офицеров и солдат, Бонапарт, видимо, полагал, что и русские считают Бога и церковь такой же мишурой, как и французы – «выкормыши» квазирелигиозного бреда времен Великой французской революции. Но на Руси, несмотря на всю недальновидность петровской и постпетровской государственной политики по отношению к церкви, все-таки не было ни культа Высшего Разума, ни бесовства 1793 года. Бог по-прежнему занимал самое сокровенное место в душе русского крестьянина (хрестьянина) и русского солдата.

Несложно догадаться, какую волну негодования вызвало в этой душе поведение «французских бусурман» в русской церкви. В общем, иных доказательств, что «Буанапарте – сам антихрист», предъявлять не требовалось.

6. Французы грабили и монахов, и священников, и мирных жителей. При малейшем сопротивлении избивали и даже убивали.

Иеромонах Знаменского монастыря Павел и священник Георгиевского монастыря Иоанн Алексеев были убиты, когда пытались спасти церковные иконы.

Священника церкви Сорока святых били прикладами за то, что не отдал им ключи от храма. Всю ночь он пролежал на улице, истекая кровью, а утром проходивший мимо французский офицер пристрелил отца Петра. Монахи Новоспасского монастыря похоронили священника, но французы потом три раза раскапывали его могилу: увидев свежую землю, они думали, наверное, что в этом месте зарыли клад.

В самом Новоспасском монастыре старенького, за 80 лет, наместника иеромонаха Никодима избивали прямо на глазах братии: требовали показать, где хранятся сокровища.

В Симоновом монастыре французы вырубили ворота, избили архимандрита Герасима и наместника Иосифа, но не могли ничего добиться. Обитель разграбили.

В Донском монастыре французы избили наместника Вассиана, а ризничего, монаха Иринея, изрубили саблями.

В Богоявленском монастыре монаха-казначея французы таскали за волосы, допытываясь, где казна, и затем возили на нем грузы, запрягая в телегу.

Как ни мародерствовали французы в Италии, Голландии и Германии, а таким истязаниям они слуг церкви нигде не подвергали. К русским у них отношение было особенное.

Перед уходом из Москвы французы не брезговали ничем: прямо на улице отбирали у людей сапоги, теплую одежду, рубашки.

Известна попытка Наполеона взорвать Кремль. Под башни, стены и здания символа русской государственности заложили пороховые мины. Великая Армия, превращавшаяся на глазах в беспорядочно бегущее сборище, выходила из города, а саперы маршала Мортье поджигали фитили.

Если бы мины разом грохнули, от Кремля остались бы груды кирпича. Пришлось бы строить новый комплекс сооружений на его месте, примерно как в Варшаве после Второй мировой войны восстанавливали город по планам, рисункам и воспоминаниям жителей.

Так и было бы, выстави маршал Мортье вокруг Кремля боевое охранение. Если бы французы стояли на всех подходах, пока чудовищные взрывы не подняли бы на воздух и не обрушили бы святыню. Но, видимо, французы чувствовали себя так неуютно в Москве, что сделали дело половинчато, ненадежно: запалив длинные фитили, они ушли. Побежали догонять своих. В эту ночь шел сильный проливной дождь, он погасил часть фитилей, а другие горели медленнее обычного.

Жители Москвы стали собираться к оставленному Кремлю... Они заметили тлевшие фитили и кинулись их тушить. Опасное это было занятие: никто ведь не знал, сколько именно этих фитилей, когда огонь дойдет до пороха и сработают главные заряды. Но основную часть зарядов все же удалось обезвредить.

Тем не менее несколько взрывов прогремели. Самым сильным был первый, которым вышибло не только все стекла, но и оконные рамы в кремлевских и близлежащих зданиях. До основания

была снесена Водовзводная башня, наполовину разрушена Никольская. Частично разрушен Арсенал, повреждены Грановитая палата, Филаретова пристройка, Комендантский дом. Стены дворца и здания музея Оружейной палаты почернели от огня. Значительный ущерб был нанесен кремлевским соборам. Во время пожара Кремля пострадало также и здание Сената, а его бронзовый Георгий Победоносец, украшавший купол Круглого зала, бесследно исчез. По одной версии, вместе с еще двумя предметами, составлявшими гордость Кремля, – орлом с Никольских ворот и крестом с колокольни Ивана Великого – был вывезен в обозе французской армии в качестве трофея. Украдены «цивилизованными» оккупантами.

Доживавший свои последние дни в Рязани 73-летний архитектор М. Ф. Казаков, посвятивший всю жизнь Кремлю и Москве, узнав о начавшемся в Москве пожаре, пришел в отчаяние. *«Весть сия, – писал его сын, – нанесла ему смертельное поражение. Посвятив всю свою жизнь творчеству, украшая престольный град великолепными зданиями, он не мог без содрогания вообразить, что многолетние его труды превратились в пепел и исчезли вместе с дымом пожарным...»*[1]

Сохранилось свидетельство очевидца, которому удалось проникнуть в Кремль сразу после изгнания неприятеля: *«...Он (Иван Великий. – В. М.) не потерпел повреждения, но находившаяся подле него часть колокольни была взорвана... Разрушенная часть колокольни представлялась в виде огромной кучи раздробленных камней, на ней лежали три большие колокола (от тысячи до трех тысяч пудов), как легкие деревянные сосуды, перевернутые кверху дном силою взрыва»*[2].

Менее известно другое: взрывом Кремля дело не ограничилось. Уходя из Москвы, французы пытались взорвать еще и Новодевичий, Рождественский, Алексеевский монастыри. Монахам удалось вовремя потушить огонь и тем самым спасти свои обители.

---

[1] Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002.

[2] Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. М., 1862.

Возвращаясь на пепелище, москвичи не только отстраивали заново свои сгоревшие жилища. Они находили памятники своей истории и храмы поруганными, обгаженными, разоренными. Церкви были загажены навозом, престолы и алтари разрушены, святые иконы пущены на дрова, картины похищены, старинная мебель сожжена и изломана, церковные книги использованы для растопки.

Приведу небольшую выдержку из письма поэта Константина Батюшкова, одного из прототипов Евгения Онегина... Он был известным франкоманом, однако, приняв участие в войне 1812 года, сей поклонник всего франко-итальянского вернулся домой в глубоком душевном кризисе.

Итак, он пишет: *«Ужасные поступки* ***этих вандалов, или французов****, в Москве и в ее окрестностях, поступки беспримерные и в самой истории вовсе расстроили мою маленькую философию (речь идет о франкомании).* ***И мы до того были ослеплены, что подражали им ранее как обезьяны****. Хорошо же они нам заплатили!»*

Интересно, что несмотря ни на что, к больным и раненым врагам россияне относились сочувственно. В Новодевичьем монастыре лечили заболевших французских солдат, а в Рождественском делились с голодными оккупантами своей пищей. Рассказывая об этом, одна из монахинь поясняла: «Опять же жаль их сердечных, не умирать же им голодною смертью, а шли ведь они на нас не по своей воле».

Истинно варварское поведение французов в Москве стало широко известно по всей России. Это еще более послужило делу сплочения народа и подъему патриотических настроений.

Удивительно, что, несмотря на весь свой прославленный гений, Наполеон не смог понять элементарного: таким поведением можно только озлобить народ. Может быть, Наполеон сам сделался жертвой собственной пропаганды? Сам поверил в рабскую сущность русского народа?

Он ведь так и не решился опубликовать Манифест об отмене крепостного права. Как и не поставил в Кремле собственной статуи в тоге законодателя. Видимо, начал понимать, что такая «пропаганда» здесь не сработает. А какая сработает, видимо, не понимал, и времени понять у него не было.

Получилось, что Бонапарт начал воевать с народом громадной и великой страны, не зная толком его истории, не понимая и не уважая его традиций и ценностей. Не в силах понять законов истории, мог только пакостить и разрушать. А делая это, закономерно провоцировал ту самую «дубину народной войны», о которой так хорошо писал Лев Толстой.

Но самое удивительное и, пожалуй, не имеющее никакого логичного объяснения по сей день – это то, что, идя на Москву, Наполеон СОВЕРШЕННО не учел климатического фактора. Опять же подчеркну – мы не имеем никакого права говорить о «безалаберности» Бонапарта – всегда и везде, любой «экспромт» в политике и тем более в войне он просчитывал заранее. А здесь – самоубийственная ошибка! Нет теплой одежды, рукавиц, нет запасов угля, не хватает спирта, жира от обмораживаний, армия буквально вымерзла в дороге. Да что говорить, даже конница подкована на «европейский» манер, без зимних шипов, а значит, конь не сможет держаться на промерзшем грунте!

И самое потрясающее – Бонапарт уже один раз так же ошибся. Во время Египетской кампании его армия оказалась совершенно не готова к 40-градусной жаре, песчаным бурям и отсутствию обеззараженной воды. История повторилась! Фатум...

Были ли русские бонапартистами?

А ведь Наполеон очень рассчитывал, что его пропаганда подействует и на русских! Особенно на дворян и образованных чиновников, воспитанных, как Батюшков, убежденными франкоманами, часто знавших французский язык лучше русского.

Многие исследователи полагают, что за пропагандой Наполеона скрывается пропаганда мировоззрения, ценностей, политики Запада.

Самый информированный человек тогдашней Европы, министр полиции Франции Ж. Фуше в своих мемуарах, изданных в

1824 году, писал, что в кампании 1812 года Наполеон всерьез рассчитывал на поддержку «французской партии в Петербурге». В Петербурге и в Москве зрели заговоры и строились планы государственного переворота в пользу Наполеона, убийства императора Александра I. Сильную опору имел якобы Наполеон среди русских раскольников, объявивших царя «антихристом», а Наполеона – «истинным царем».

Но и на этот слой пропаганда Наполеона не подействовала. Вроде бы идеи бонапартизма, восхищение вставшим над историей, попиравшим целые народы Наполеоном Бонапартом пустили в России глубокие корни. Но все же российские элиты рассудили иначе. И в большинстве своем видели в Бонапарте если и гения, то злого.

Пушкин свое стихотворение, посвященное Наполеону, начинает вроде с очень лояльных к нему строк:

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек...

Но это величие не гиганта мысли, не устроителя общества. Это величие стихийного бедствия, громадность бича Божьего. Так можно отзываться о Соловье-разбойнике или об огнедышащем Горыныче.

Победить громадное несчастье, обрушившееся на мир, избавить от него Россию и Европу – великая заслуга и великая честь.

Россия, бранная царица,
Воспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!

В русской литературе, как и в политике, не принято было глумиться над поверженным врагом. Отрицать величие Наполеона, его историческую роль и его значимость в истории и не думали наши литераторы. Действительно, если враг был слабый и трусливый, нам-то какая честь его побеждать?

Впрочем, еще чаще о Наполеоне и о культе Наполеона отзывались с явной иронией:

Все мы глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно[1].

У Льва Толстого в «Войне и мире» Наполеон и вовсе предстает маленьким нелепым человечком, самовлюбленным недомерком. У графа Толстого нет и следа восхищенного интереса к Бонапарту, «его» Наполеон вообще малосимпатичный персонаж, не вызывающий ни восхищения, ни сочувствия[2].

«Бонапартизм» величайших поэтов и писателей России по духу напоминает написанные гораздо позже стихи Константина Симонова по поводу совсем другой войны – боям на Халхин-Голе в 1939 г.:

Да, враг был храбр.
Тем больше наша слава.

Император Николай Павлович в Зимнем дворце держал огромную красочную картину «Парад Старой Гвардии в Тюильри». Это было типичное произведение наполеоновской политической пропаганды. На картине был изображен Бонапарт, принимающий в окружении маршалов парад своих «усачей-гренадеров».

При этом Николай I Павлович порой очень конкретно объяснял, зачем ему нужна эта картина: *«Хочу каждый день видеть этого сильного и опасного врага, которого, благодаренье Богу, мы сокрушили»*.

Так Сталин мог бы повесить у себя в кабинете картину «Гитлер принимает парад эсэсовцев».

---

[1] *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Собр. соч. в 10 т. Т. VIII. М., 1949.
[2] *Толстой Л. Н.* Война и мир. Собр. соч. в 15 т. Т. 7. М.: Худлит, 1950.

Упущенные возможности

В Германии период войн с Наполеоном носит романтическое название die Befreiungskriege – освободительные войны[1]. Это официальное название целого периода немецкой истории, с 1792 по 1814 годы. Оккупировав Германию, французы могли вполне искренне считать, что принесли этой стране свободу, но далеко не все немцы так думали.

Befreiungskriege – это, как считается в официальной немецкой историографии, множество восстаний патриотов Германии. Это студенческие тайные общества. Это немецкие дворяне, которые не хотели присягать Наполеону и целыми дружинами сидели в лесах и горах.

Восстания выдвинули вождей, имена которых в Германии не забыты.

Не только профессиональный историк, но и всякий образованный немец скажет вам, кто такой командир добровольцев из Вестфалии Фердинанд фон Шилль, погибший в ходе восстания против французов в 1809 году. Или кто такой Андреас Хофер, глава восставших тирольских горнорабочих.

200 лет об этих людях пишут статьи и книги, ставят им памятники. Написано много картин, изображающих эпизоды Befreiungskriege. Здесь и восстание горнорабочих в Тироле: люди с дубинами и камнями идут против вооруженных французских шеренг. И расстрел немецких патриотов в Весселе: скованные цепями люди в штатском, грозящие кулаками врагу в свой последний час.

Германия помнит своих героев.

Befreiungskriege – это национальный подъем, романтический национализм, морально подготовивший объединение Германии Бисмарком.

Особо широко использовали для пропаганды своих взглядов реалии эпохи Befreiungskriege гитлеровские нацисты. А уж птенцы Геббельса знали толк в пропаганде и PR.

---

[1] *Bachmann P., Zeisler K.* Der deutsche Militarismus. Berlin: Deutscher Militarverlag, 1971.

Итак, немцы – молодцы...

Хотя почитаем воспоминания самого Бонапарта: он пишет о русских партизанах, об испанцах, и ничего – ни строчки – о немцах.

Видно, не так сильно все же докучали бойцы германского «Сопротивления» французам под Берлином, как у нас вдоль Смоленской дороги...

А теперь задумаемся: ведь мы сами свою «дубину народной войны» знаем почему-то намного хуже немцев. Мы никогда не вспомним, кто именно из москвичей тушил фитили от заложенных под Кремлем мин. Нет не только памятника патриотам. Даже мемориальной доски на стенах Кремля не было и нет.

Партизан и повстанцев 1812 года тоже не знаем. Разве что старостиха Василиса Кожина вошла в историю, по крайней мере, ее упоминали в советских учебниках. Да и то, видимо, не забыли ее советские историки исключительно благодаря «правильному» социальному происхождению. Слава богу, была Василиса не купчихой и не дворянкой. Остальные проходят под короткой строчкой «и другие». А ведь только руководителей крупных партизанских отрядов было несколько десятков человек.

1812 год и в России породил поъем национального духа, сплотил все народы и слои общества. Мы не хотели становиться колонией Франции, цивилизованная она или нет. Нам не нужен был император Наполеон, какой бы он ни был гениальный. Мы дрались с сильными, хорошо подготовленными захватчиками и победили их. Но просто поразительно, как мало и плохо мы использовали массовый подвиг народа для утверждения своих народных ценностей, для укрепления своей государственности. Я уверен, нам необходимы положительные мифы о войне 1812 года. Нужны памятники, картины, романы, статьи, передачи. Даже просто сухое перечисление фактов способно многое изменить в сознании людей.

А у нас что? Если реально – почти ничего. Смутная память о прошлом, почти не актуальная для тех, кому сегодня меньше 35.

И еще не то что черный... прямо розовый какой-то миф о величии и гениальности Наполеона. Миф, не позволяющий отно-

ситься к Наполеону, как к стихийному бедствию, как к испытанию на прочность.

В начале января 2008 года слышал чудовищную передачу на уважаемой мной радиостанции «Эхо Москвы». Некий политолог при сочувственной подпевке радиоведущего возмущался Указом Путина о праздновании 200-летия победы в Отечественной войне 1812 года. Мол, что за ерунда, не на что больше деньги государственные тратить... Нравственное ничтожество и беспамятство таких горе-комментаторов сразу заставляет вспомнить бессмертные строки Пушкина, которые мне так хотелось поставить эпиграфом ко всей серии «Мифов о России»:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
[На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека
Залог величия его...]

Согласитесь: никто никогда пока не смог сказать лучше...

Русская армия в самом сердце Европы

Россия сыграла главную и исключительную роль в итоговом разгроме Наполеона. Но ни это обстоятельство, ни зарубежные походы русской армии 1813–14 годов не сделали Российскую империю в большей степени популярной в Европе.

Очень уж она большая и страшная. Как и в 1799 году, русская армия действует в сердце Европы. Но тогда Суворов только собирался идти на Париж и не смог из-за предательства австрийцев. А теперь русская армия без помощи всяких австрийцев вступает в Париж.

Английские карикатуры XIX в.

Русский медведь в исполнении западных карикатуристов XIX в. представал очень по-разному. От вполне отвратительной твари до достаточно симпатичного персонажа. Все зависело от политической обстановки

Кстати, Кутузов умолял Александра I не ходить в Европу. Но русские войска «верные союзническому долгу» по приказу императора зачем-то полезли воевать в Европу, пошли добивать Наполеона... Результатом похода на Париж и резкого ослабления Франции стали не просто безумные долги русского офицерства, но и – геополитически – объединение Германии.

На европейской сцене появился новый сильный игрок. Плюс ко всему произошло резкое усиление Британии.

Конечно, Александр расправился со своим популярным врагом, и казаки погарцевали по Парижу. Однако изменился расклад сил, и вместо слабой Франции мы получили сильную Германию. Потом, много позже, пришлось заплатить миллионами жизней за победу над ней – и уж тогда петь песню «Едут, едут по Берлину наши казаки».

Да, прозорлив был старик Кутузов.

На Венском конгрессе 1814–15 годов, определявшем политическое устройство Европы, Российская империя – участник № 1, она же – гарант выполнения принятых решений.

По поводу вхождения России в Европу и принятия общеевропейских, тогда это еще называлось христианских, ценностей надо обязательно вспомнить выдающуюся роль Александра I. Он был Горбачевым своего времени, одним из идеологов ответственной монархии, правового государства своего рода. Ответственной перед Богом и – через парламент – перед народом.

Суть идеи Александра сводилась к тому, чтобы создать в постнаполеоновской Европе некий священный союз монархов и народов на базе конституционных монархий. Добиться всеобщей отмены крепостного права, в том числе и в России. Создать некие миротворческие «международные войска», своего рода голубые каски, которые бы поддерживали общеевропейский порядок.

При этом главная – глобальная – идея Александра I заключалась в том, чтобы провести конвергенцию всех трех ветвей христианства – православия, католичества и протестантизма – в одну.

Русский император придавал исключительное значение идее такого религиозного слияния. Дело в том, что в трех империях –

в Российской, Австрийской и Османской – тогда юридически национальность как таковая не принималась во внимание. Учитывалось только вероисповедание. (Кстати, это к тому, что говорить об украинцах XIX века просто смешно. Православный есть православный, все).

Александр был глубоко убежден, что поднятый Французской революцией принцип суверенитета наций ведет только к войне и междоусобице. Он же хотел общеевропейского единства. Александр I видел бесперспективность создания общеевропейского государства военным путем, как это попытался сделать Наполеон, поэтому старался действовать не военными оккупационными методами, а методами дипломатическими и политическими. Никто не мог понять, почему Александр не оставил русских военных баз и оккупационных войск по всей Европе, хотя имел на это полное право.

Князь Москворецкий, он же Принц Московский – этот титул Ней получил за Бородино. После отречения Наполеона перешел на сторону роялистов. Когда его бывший шеф бежал с Эльбы («100 дней»), сначала публично обещал Бурбонам «привезти Бонапарта в Париж в железной клетке», потом резко перешел на сторону Наполеона и командовал частью армии при Ватерлоо. Расстрелян в 1815 как государственный изменник. Чествуется французами сегодня как национальный герой

Только во Франции до 1818 года стоял русский корпус в 30 тысяч человек. Для «поддержания мира и стабильности».

По решениям Венского конгресса Российская империя присоединяла Варшавское герцогство – территорию с населением в 3 миллиона человек.

Вот этого ей никак не простили! При Екатерине II Польшу делили три хищника, и ни один из них не мог обойтись без двух других. А теперь Россия присоединяет к себе огромный кусок Польши, уже не спрашивая ни у кого. Она обгоняет союзников, оказывается первой среди равных и сильнейшей среди победителей.

Вроде бы антирусскую пропаганду начал общий враг – Наполеон. Но эта пропаганда быстро пришлась по вкусу нашим вчерашним союзникам. Слишком сильной оказалась Россия в 1815 го-ду. И вот ведь парадокс. Бонапарта только что повергли, но один из его любимейших мифов, про агрессивную и опасную Россию, продолжил свою жизнь уже без него.

И Запад, вслед за бывшим «императором всех французов», опять ту же самую краплёную политическую карту разыгрывает: на этот раз – польскую.

Глава 4

Польская карта, или Русофобская кампания в 1830 гг.

> У поляков католицизм развил ту мистическую экзальтацию, которая постоянно их поддерживает в мире призрачном.
>
> А. Герцен

Кое-что о «польской карте»

Первым, напомним, эту карту разыграл еще сам Наполеон. Идею восстановления польской государственности он держал перед носом наивных польских патриотов, как морковку перед носом осла.

Опять же парадокс, но именно внутри Российской империи, которая разделила Польшу, Польша получила много больше прав и свобод, чем от ее «освободителя», прогрессивного Наполеона.

Судите сами: после поражения Пруссии в 1806 году по всей Польше вспыхнуло восстание. Оно быстро перекинулось на польские земли, отошедшие к Австрии. В 1809 году Наполеон разбил Австрию. На польских землях, захваченных ранее Пруссией и Австрией, он создал некое условное «Герцогство Варшавское». Одной рукой Наполеон при этом распространил на него действие своих законов: равенство граждан перед судом, отмену пережитков феодализма, личной зависимости крестьян и т. д.

Другой – наложил на Герцогство Варшавское обязательство осуществлять огромные поставки продовольствия и сырья. Плюс рекрутский набор «военного времени». Герцогство Варшавское – союзное с Францией? Союзное. Наполеон освобо-

дил Польшу? Освободил. Так пусть поляки в возрасте от 16 до 55 лет воюют с Россией, и нечего отлынивать! А после войны еще посмотрим, что делать с этой Польшей и ее государственностью...

Всякий совершеннолетний поляк должен был теперь воевать в составе Великой Армии. Всякий. И шляхтич, мечтающий отбить у москалей земли Белоруссии и Украины, и человек, готовый видеть в русских своих братьев. Подошел по возрасту? Бери оружие. Слава императору! Вперед!

Река Березина, в которой в ноябре 1812 года утонули остатки Великой Армии Наполеона, находится в современной Белоруссии. На западный берег Березины переправилось буквально несколько тысяч человек. Весной 1813 года война перекинулась на коренные польские земли. К лету 1813 года русская армия заняла всю Польшу.

Хочу специально отметить: не существует НИ ОДНОГО свидетельства жестокостей русских войск в Польше. Ни одной попытки отомстить за «польские легионы», за массовое участие поляков в Великой Армии и в походе на Москву летом 1812 года. Это великодушие – вообще типичная черта и государства Российского, и ее армии, и русского народа в целом. Империя воевала, громила армии. Когда стреляют пушки, происходит много чего, война – никак не школа гуманизма.

Но русский человек, точнее, надевший мундир и взявший ружье русский мужик, не сводил счетов с побежденными, даже когда очень было за что. Российская империя не мстила. Сейчас почти забыто, что личный враг Пушкина, мелкий враль и доносчик Фаддей Булгарин, был не только бездарным петербургским литератором, «стучавшим» на коллег по литературному цеху. Сын мелкого польского шляхтича, он был офицером Великой Армии Наполеона. Это не помешало ему после войны поступить на русскую службу, поселиться в столице, издавать газеты и журналы. Никто не поминал ему прошлого.

Пушкин издевался над пустым морализаторством Булгарина, над его казенным патриотизмом, пустил по рукам множество эпиграмм, где выводил Булгарина под забавным именем Видок Фиглярин.

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, –
И тут не вижу я стыда;
Будь жид – и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.

«Беду» Пушкин видел в бездарности и личном ничтожестве оппонента, а не в его происхождении и не в его участии в наполеоновском нашествии.

Польша было притихла под русской армией... но быстро поняла – мести не будет.

На Венском конгрессе 1815 года Австрия и Пруссия тоже получили по «кусочку» от Герцогства Варшавского, но его большую часть Россия превратила в российское «Королевство Польское». Вроде «свое» у поляков Королевство, только российский император одновременно был и польским королем. Королевство Польское управлялось собственным «польским» правительством, но во главе с царским наместником. Первым наместником сделался член царской семьи, родной брат Александра I и Николая I Константин.

В 1815 году Александр I подписал Польскую конституцию. Конституция провозглашала равенство граждан перед законом, неприкосновенность личности и имущества, свободу печати и вероисповедания. Поляки получили свой парламент-сейм из двух палат. В верхней палате, Сенате, заседала аристократия. В палату депутатов могли быть избраны все граждане Королевства Польского. Более 30 % населения имели право голоса. Во Франции 1820 года – не более 18 %, в Британии – порядка 15 %. Крепостного права в Польше не было и в помине.

Внешняя политика Королевства Польского была в ведении правительства Российской империи, но Королевство имело свою армию.

С 1816 года открылся Варшавский университет с преподаванием на русском, немецком, польском и латинском языках. Работали гимназии с преподаванием на польском языке.

В общем, за исключением «наместника Константина», были выполнены все, даже самые смелые пожелания польской прогрес-

сивной общественности. Ничего даже отдаленно похожего Наполеон Польше не дал, да никогда и не собирался.

Увы, в самой России с ее крепостным правом и отсутствием конституции тоже не было ничего похожего.

Под управлением России польское народное хозяйство сделало громадный рывок, с 1815 по 1830 год шло стремительное развитие промышленности.

Казалось бы, перед Польшей открывается самое широкое поле интеграции в Россию, роста экономики и культуры. Столько свобод, по сути, полное невмешательство метрополии в дела «колонии»[1], зато какая экономия: армия, по сути, не нужна, часть государственного аппарата – это тоже расходы Санкт-Петербурга, сырье из России без таможенных налогов, уникальное территориальное положение: Польша – товарный коридор из Европы в Россию. Живи себе «на доходы от транзита» и радуйся! Но не тут-то было.

Вопреки всему, элиты в Польше почти сразу стали готовиться к выходу из состава Российской империи. «Патриотическое общество» в Варшаве установило связи с заговорщиками из среды русского дворянства, так называемыми декабристами. «Патриоты» выбросили лозунг: «За вашу и нашу свободу!» Что означало поддержку всем силам, которые попытаются свергнуть законное правительство Российской империи. Ведь царизм реакционный и отсталый, при нем Россия остается дикой и азиатской. Нужно свергнуть царизм, и на его развалинах утвердить более справедливое общество. Демократическая Россия даст Польше желанную свободу...

Нет никакого сомнения, что последующая жесткая внутренняя политика императора Николая I была вызвана именно польским опытом. Действительно, если Конституция, либерализм и гуманное отношение не делают людей друзьями престола, что остается? Только начальственная строгость.

С 1828 года в Польше действует тайная организация по образцу тайных обществ декабристов – «Военный союз» во главе с

---

[1] Даже в кавычках слово «колония» в отношении Польши представляется совершенно неуместным.

П. Высоцким, – которая готовит вооруженное восстание против России.

Восстание или война?

29 ноября 1830 года началось тщательно подготовленное восстание. Тайное военное общество в школе подхорунжих в Варшаве было мгновенно поддержано распропагандированными тысячами ремесленников и рабочих Варшавы, овладевшими арсеналом. В течение суток без боя повстанцы овладели польской столицей. В начале декабря российские войска покинули территорию не только Варшавы, но всего Королевства Польского.

В январе 1831 года Национальное правительство во главе с князем А. Чарторыйским объявило о низложении Николая I с польского престола, провело демонстрацию в память декабристов, уже открыто выдвинуло лозунг, много раз воспроизводившийся потом самыми разными силами: «За вашу и нашу свободу!» Был еще один замечательный лозунг, который современные поляки вспоминать стыдливо не любят: «Верните Речь Посполитую!» То есть верните нам *нашу* империю, верните Белоруссию и Украину.

Весной 1831 года волнение перекинулось в Литву, в Западную Белоруссию и Западную Украину. В июле 1831 года Национальное правительство Польши обратилось к правительствам Пруссии и Франции с призывом о помощи, предлагая их монархам «свободную» польскую корону.

В Палате депутатов Франции идут дебаты: надо ли помогать полякам? Депутаты прямо призывали «протянуть Польше руку помощи», т. е. вмешаться в русско-польский конфликт рукой вооруженной[1].

---

[1] Представьте, после «низложения Р. Кадырова» чеченские повстанцы предлагают «освободившийся» пост президента Чечни, скажем, руководителям Ливии, Ирана и Афганистана. Афганский меджлис обсуждает, кого из лидеров пуштунских племен назначить президентом «Свободной Ичкерии».

Польское восстание 1830–31 годов в самой Польше называют «русско-польской войной». По мнению поляков, это не подданные России восстали против законной власти, а национальное государство воевало за свою независимость. Франция свои войска не послала, но во Франции и Британии поляков рассматривали как воюющую сторону. То есть как оккупированную страну, которая ведет войну с завоевателем. То, что в России называлось «бунтом» и «мятежом», там назвалось «войной».

Так возникла совершенно реальная опасность крупной международной войны.

1 июня 1831 года А. С. Пушкин пишет частное письмо к П. А. Вяземскому: *«Для нас мятеж Польши есть дело семейственное, старинная, наследственная распря: мы не можем судить ее по впечатлениям европейским, каков бы ни был, впрочем, наш образ мыслей. Но для Европы нужны общие предметы внимания и пристрастия, нужны и для народов и для правительств. Конечно, выгода почти всех правительств... избегать в чужом пиру похмелья; но народы так и рвутся, так и лают. Того и гляди, навяжется на нас Европа»*[1].

16 августа 1831 года, то есть еще до взятия Варшавы, Пушкин пишет свое знаменитое стихотворение «Клеветникам России». Напечатано оно в сентябре 1831-го, в брошюре «На взятие Варшавы», куда вошли три стихотворения Пушкина и Жуковского. У меня нет оснований не привести целиком этот небольшой стихотворный сборник.

---

[1] *Пушкин А. С.* Письмо П. А. Вяземскому от 1 июня 1831 года. Собр. соч. в 10 т. Т. X. М.–Л., 1949.

Александр Пушкин, Василий Жуковский

НА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ

Александр Пушкин

* * *

(русскому либералу)

Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды [чистый] лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.

Когда безмолвная Варшава поднялась,
И бунтом [ ] опьянела,
И смертная борьба [ ] началась,
При клике «Польска не згинела!» –

Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда [полки] бежали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.

Варшавы бунт [ ]
[ ] в дыме.
Поникнул ты главой и горько возрыдал,
Как жид о Иерусалиме.
(не завершено)

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага –
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,

Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

БОРОДИНСКАЯ ГОДОВЩИНА

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.
И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русский штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь –
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под злаком северных полей!
Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошеные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!..»
Сбылось – и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;

И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый –
И бунт раздавленный умолк.
В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.
Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс
Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?
Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волынь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?
Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?

Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали –
Смотрите ж: всё стоит она!
А вкруг ее волненья пали –
И Польши участь решена...
Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.
Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

Василий Жуковский

РУССКАЯ ПЕСНЬ

Раздавайся гром победы!
Пойте песню старины:
Бились храбро наши деды;
Бьются храбро их сыны.

Пробуждай, вражда, измену!
Подымай знамена, бунт!
Не прорвать вам нашу стену,
Наш железный русский фрунт!

Мы под теми же орлами;
Те же с нами знамена;
Лях, бунтующий пред нами,
Помнит русских имена.

Где вы? где вы? Строем станьте!
Просит боя русский крик.
В стену слейтесь, тучей гряньте,
Грудь на грудь и штык на штык.

Нет врага... но здесь Варшава!
Развернися, русский стан!
Братья, слышите ли? Слава!
Бьет на приступ барабан.

С Богом! Час ударил рока,
Час ожиданный давно.
Сбор гремит – а издалека
Русь кричит: Бородино!

Чу! Как пламенные тромбы,
Поднялися и летят
Наши мстительные бомбы
На кипящий бунтом град.

Что нам ваши палисады!
Здесь не нужно лестниц нам!
Мы штыки вонзим в ограды
И взберемся по штыкам!

Спи во гробе, Забалканский!
Честь тебе! Стамбул дрожал!

Путь твой кончил Эриванский
И на грудь Варшавы стал.

«Эриванский! Князь Варшавы!»
Клик один во всех устах.
О, как много русской славы
В сих волшебных именах!

За Араксом наши грани;
Арарата чудный плен,
И орлы средь Эривани,
И разгром варшавских стен.

Спор решен! Дана управа!
Пала бунта голова!
И святая наша слава,
Слава русская жива!

Соберитесь под знамена,
Братья, долг свой сотворя!
Возгласите славу трона
И поздравьте с ней Царя.

На него надежна вера:
В мирный час – он в душу льет
Пламень чистого примера;
В час беды – он сам вперед!

Славу, взятую отцами,
Сбережет он царски нам,
И с своими сыновьями
Нашим даст ее сынам!

6 сентября императорская армия взяла Варшаву. Последние отряды польских повстанцев бежали из Российской империи в Австрию и Пруссию, тайно переходя границы.

По всей Европе прокатилась информационная кампания, жестко осуждавшая Россию. В европейской прессе приводились

фантастические сведения о «зверствах русских войск над мирным польским населением», всячески подчеркивалось: поляки есть передовой отряд Европы, героические борцы с русским варварством.

Русское правительство тоже вроде как печатало какие-то свои статьи во Франции, даже перевело брошюру Пушкина и Жуковского на французский язык. Но, увы, это выглядело как попытка оправдаться, а когда оправдываешься, в сознании людей утверждается – значит, все-таки виноват!

Русская официальная пропаганда не использовала самых сильных аргументов: ничего не писала, например, о том, что под феодальным гнетом русских царей избирательным правом в Польше пользовалось больше людей, чем в тот момент в передовой Франции. Тем более не поминали французам заминированного Кремля, превращенных в бойни и в конюшни храмов Москвы. А зря... Лучший способ обороны – нападение. Основания для нападения были, аргументы могли бы быть совершенно убийственные. Такие, на которые и французским депутатам было бы трудно возразить.

Ведь Россия Александра действительно дала Польше намного больше, чем Франция Наполеона.

Но, видимо, и на русское правительство действовала логика: европейцы имеют право указывать нам, как надо жить. Оправдываться еще можно, но не отвечать же на критику французов такой же жесткой критикой порядков в самой Франции?

Глава 5

Особенности Российской империи

> Мы, русские, либо ломаем себе шею, либо одерживаем победу. И чаще мы побеждаем.
>
> С. Эйзенштейн

К началу XX века Российская империя – это централизованное государство, которое территориально достигло своего максимума и сформировало свои государственные границы.

Все предыдущее столетие европейцы истово доказывают агрессивность русских. Попробуем понять, с чем же так яростно спорила Европа, что доказывала.

Россия не создавала колониальной империи, как страны «старой» Европы. Она не завоевывала чужих земель, чтобы жить за их счет. Русские не превращали в рабов жителей других стран, не ввозили их из одной части своей империи в другие. Не истребляли на рудниках население покоренных стран. Не изгоняли со своей земли целые племена и народы.

Россия абсолютно не похожа на колониальные империи европейцев. Российское государство росло во многом потому, что русские были жизнеспособным и активным народом. Природа оказалась к нам одновременно и суровой, и щедрой: Русь всегда была окружена поясом малонаселенных, почти не освоенных земель. Земли эти, на первый взгляд холодные, неплодородные, удаленные от центров тогдашней цивилизации.

Такова была средняя полоса России. Это сейчас она освоенная территория, на которой шумят миллионные города. В Средневе-

ковье это был край беспредельных «муромских», «мещерских» и прочих лесов, без дорог и городов, без своего производства хлеба. Хлеб в междуречье Оки и Волги ввозили с территории современной Украины или из Великого Булгара – с Волги.

Это потом русские создали систему навозного удобрения, и прежде бесплодные, никому не нужные земли стали давать богатые урожаи. Русские переселенцы после татарского нашествия потоком хлынули в междуречье Оки и Волги.

Такими же холодными, глухими землями казались и Поволжье, и Предуралье, и Урал, и Сибирь, и Приамурье.

Так что делать вывод об изначальной, древней «агрессивности» русских преждевременно. Логичнее сделать вывод о нашей жизнеспособности, активности и трудолюбии.

Население колонизуемых земель не проигрывало от появления русских. Доказательства? Очень простые... К 1913 году численность всех народов бывшей Российской империи была больше, чем до завоевания. Вот численность индейцев на территории США упала с 1–1,5 миллиона человек в 1700 году до 200 тысяч в 1900 году. Выводы напрашиваются сами.

Московия, потом Российская империя воевала? Да. Но воевала, как правило, не с будущими подданными, а с их владыками. Народы земель, «колонизуемых» Русью, уже платили дань завоевателям. И те, кто эту дань собирал, не собирались от нее отказываться в пользу Москвы или Санкт-Петербурга.

Продвижение Руси, колонизация ею новых земель, решало старые цивилизационные споры, порой доставшиеся ей еще от Золотой Орды.

В этом продвижении, росте, колонизации сказывались географические особенности России. Продвинувшись на какое-то расстояние, русская армия утверждала новые рубежи, но эти рубежи были такими же проницаемыми, условными, как и старые.

Города Южной России изначально основывались как крепости, форпосты против постоянно набегавших степняков. На протяжении всего XVII века Белгород и Курск, Орел и Воронеж были в первую очередь крепостями. Московия не могла справиться с работорговцами из Крыма, прекратить постоянные

набеги татар-людокрадов. Южнорусские города окончательно перестали быть крепостями только в XVIII веке, после присоединения Крыма, чему предшествовали пять русско-турецких войн.

Такое количество военных конфликтов между Россией и Турцией объясняется двумя причинами. О первой уже сказано – русские люди, как и абсолютно все другие народы, не любят, когда их захватывают в рабство.

Вторая причина: борьба за исконные славянские земли. После монгольского нашествия Русь потеряла степные, южные земли. В XI веке брат Ярослава Мудрого, Мстислав Удалой правил в Тмутараканском княжестве – в Причерноморской Руси. После монгольского нашествия славянское население «забилось» из степей в леса. Под ударами степняков русские уходили на север, край холодный, лесной, но несравненно более безопасный. Степи запустели, стали зоной ведения кочевого скотоводческого хозяйства. Русские земли, некогда плодородные, превратились в т. н. Дикое поле. Одно название чего стоит.

Возвращение этих земель имело и стратегическое и идеологическое значение. Важно было не только положить конец «крымскому кошмару». Причерноморские степи русские всегда считали своей национальной территорией. И имели все основания объявлять эти земли изначально «своими», несправедливо отторгнутыми от России.

Этот народный энтузиазм хорошо передает К. Симонов устами «своего» Суворова. Для того чтобы объяснить солдатам смысл перехода через Альпы, Суворов вспоминает те времена, когда русские воевали с турками в Причерноморье...

Бывало, скажешь им – за степи,
За Черноморье, за Азов!
Вослед полкам тянулись цепи
Переселенческих возов...

В 1771 году русская армия вошла в Крым, и на этот раз крымские ханы не могли выбить ее обратно. Могучий сюзерен крымских татар, Турецкая империя, уже была не в силах остановить Россию.

Силой оружия Россия вынудила Турцию оставить Крым на произвол судьбы, прекратить поддержку оружием, хлебом и международным покровительством, а также положила конец «крымской» набеговой системе и краже людей.

Но и это не решило проблему. В ставшем независимым Крыму было неспокойно. Многим татарам было совершенно непонятно, как теперь жить – без старого доходного дела – набегов и грабежей. В 1783 году последний крымский хан Шахи-Гирей отрекся от престола в пользу России. Кроме военного давления, Россия руками Григория Потемкина предложила Шахи-Гирею огромную сумму отступного – миллион рублей золотом. Своего рода взятка формально независимому владыке.

Судьба Шахи-Гирея печальна: знатные татары не простили ему предательства. Его поймали в степи и влили в горло хану расплавленное золото.

– Ты любишь золото, хан? Получай!

Конец татарским набегам. Поток переселенцев хлынул на юг, осваивая бескрайние степи. Уже к началу XIX века Новороссия стала житницей России... и не одной России. Вывоз южнорусского хлеба из Одессы кормил и Европу.

На юге, на теплом Черном море зашумели большие города: Херсон, Мариуполь, Николаев, Одесса, в Крыму выросли Севастополь и Симферополь. Окраина цивилизации, глухой степной край, трудами и усилиями русских превращалась в часть территории цивилизованного мира.

Однако успокоиться русским было не дано. Весь XIX век на русском юге приходилось держать порох сухим. Потому что Крым-то победили и освоили, но за теплым Черным морем, по которому свободно плавают все, лежала не «замиренная», не сложившая оружия Турция. Мусульманская страна, желавшая реванша за вынужденное оставление Крыма, не смирившаяся с выходом России к Черному морю.

Могучая империя, во много раз превосходившая по силе Крымское ханство, прекрасно помнила, как до русских побед конца XVIII века Черное море было своего рода «Турецким озером».

Русский юг оставался форпостом христианской цивилизации. Приходилось содержать дорогостоящий Черноморский флот, южные города оставались могучими крепостями.

В 1787 году Турецкая империя, так и не смирившись с утратой Крыма, снова объявила войну Российской империи. После штурма Измаила (1790 г.), разгрома турецкого флота при Тендрах (1790 г.) и Калиакрии (1791 г.) Турецкая империя вроде формально признала присоединение территории Крымского ханства к Российской империи. Но лишь в 1812 году, после очередного поражения в очередной войне, Турция повторно и окончательно подтвердила право Российской империи на земли Крыма.

Русская агрессия? А как могла Россия уйти из Причерноморья? Ведь стоило уйти, и тут же вернулся бы прежний кошмар татарских набегов, хищное давление Турции. Сохранять все как есть? Значит держать вооруженные силы на юге России в постоянной боевой готовности. И никуда от этой «вынужденной агрессии» не денешься.

Говоря современным языком – перманентные войны с Турцией за контроль над Крымом и Новороссией – были неизбежны для России, мы вынуждены были осуществлять это «ПРИНУЖДЕНИЕ ТУРЦИИ К МИРУ», иных вариантов история нам просто не оставляла.

Русские заселяют Причерноморье, движутся на теплую Кубань, распахивают богатейшие черноземы на Северном Кавказе. Теперь, сокрушив турецко-татарский Крым, они могут себе это позволить.

Рождение Новой России

XVIII век стал для Российской империи веком Причерноморья и всех земель, которые получили выразительное имя – Новороссия.

И действительно, не случайно новым территориям дали название Новой России. Не случайно это официальное название – Новороссия – было принято и в народе. Народ с огромным энту-

зиазмом поддерживал идею «возвращения» юга. И потому, что считал Причерноморье своим, и потому, что земледельцы буквально видеть не могли Дикого поля – колоссального пространства неосвоенной дикой степи, недоступного из-за набегов татар.

Русские действительно считали эти земли Новой Россией, естественным продолжением «старой» и дополнением к ней. В наше время название Новороссия, если и употребляется, то по отношению к территориям на Кавказском побережье Черного моря, в основном благодаря городу Новороссийску.

А до 1917 года слово «Новороссия» применялось ко всем территориям, приобретенным в конце XVIII века. В XIX веке университет в Одессе так и назвали – Новороссийский.

Кстати, это название хоть и созвучно Новой Англии в Северной Америке или Новому Южному Уэльсу в Австралии, но имеет совсем другой смысл. Правильнее всего было бы назвать эти места Сновароссией. Но как-то неблагозвучно.

Единство Новороссии было нарушено большевиками. В марте 1918 года они подписали Брест-Литовский договор с Германской империей, согласно которому немцы имели право войти на территорию Украины.

Но что такое Украина? Националистическая Центральная Рада в Киеве, тогдашняя украинская власть залихватски посчитала Причерноморье «своим». С точки зрения украинских националистов и Херсонщина, и Крым, и Донбасс – это украинские земли.

Немцы вскоре свергли Раду и поставили у власти прогермански настроенного гетмана Скоропадского, который подписал с немцами еще один договор, согласно которому они могли ввести свои войска и в Причерноморье, и в Крым, и на Донбасс.

После окончания Первой мировой немцы ушли. Но большевики по странному совпадению почему-то продолжали считать западную часть Новороссии до Крыма, а также Донбасс, т.е. бывшие русские территории, оккупированные ранее немцами по Брест-Литовскому договору и договору Германии со Скоропад-

ским, – как бы украинской территорией. А после Второй мировой войны Н. С. Хрущев и вовсе формально присоединил Крым к Украине. Украинским стал и город русской воинской славы – Севастополь.

Отметим ради исторической справедливости: с точки зрения и международной практики, и действовавшего на тот момент советского внутреннего законодательства «передача» Крыма и Севастополя из состава РСФСР в Украинскую ССР была произведена правительством Н. С. Хрущева юридически некорректно. Дело в том, что Конституция СССР однозначно требовала: для изменения границ союзных республик необходимо проведение референдума. Его, естественно, не было и в помине. Более того, на момент «передачи» Севастополь уже имел «особый экстерриториальный статус» как закрытый военный город и юридически не входил в состав Крымской области. Соответственно, он и не мог быть автоматически передан Украине, это требовало отдельных решений. Тогда же, в небрежной спешке, о его существовании словно «забыли», и Севастополь ни в одном из решений, связанных с передачей Крыма Украине отдельной строкой не упоминался вообще. Конечно, глупо винить сегодня Хрущева в том, что благодаря ему Россия лишилась Крыма. Никите Сергеевичу и в кошмарном сне не приснилась бы шизофрения Беловежского соглашения декабря 1991 г. и распад СССР. На тот момент передача территории от одной союзной республики другой была для высшей партноменклатуры абсолютно формальным и символическим шагом, перекладыванием монетки из одного кармана широких штанин – в другой, не более того.

Реальная стопроцентная вина за потерю Крыма лежит исключительно на Б. Н. Ельцине и его команде, проворонившим в пьяном угаре этот вопрос при подписании преступных Беловежских соглашений. Впрочем, на фоне произошедшей тогда катастрофы со всей страной, «крымский эпизод» – так... Можно сказать, пустяки, дело житейское...

Как говаривал брат-близнец Бориса Ельцина в части геополитики Иван Васильевич Бунша: «А на кой нам эта Кемска волость... Пусть забирают».

Проблема Северного Кавказа

> Единственное, что меня интересует на Кавказе – это то, кто контролирует дорогу, по которой качается нефть. А аборигены могут хоть разорвать друг друга на части.
>
> Лорд Бальфур,
> министр иностранных дел
> Великобритании, 1919 год

До 1917 года никому и в голову не могло прийти, что Одесса и Харьков – *украинские* города.

В XVIII и XIX веках русские «переселенческие возы» тянулись не только в Крым. Русские охотно заселяли и Причерноморье – как ту его часть, которая сегодня считается украинской, так и «великорусскую». Так же активно заселялась и Кубань.

Северный Кавказ, как некогда Крым, был совершенно открытой и незащищенной территорией. Река Кубань разделяла территорию Крымского ханства и земли адыгов и группы родственных к ним племен.

Эти племена имели свои языки, свою территорию и не считали себя подданными ни турецкого султана, ни крымского хана. Крымские ханы грабили адыгов, угоняли у них скот и людей, отнимали имущество.

Известно, что еще к Ивану Грозному являлось посольство от адыгов, кабардинцев и черкесов с просьбой «оборонить» мирных людей от набегов «крымского царя».

Иван Грозный попытался удовлетворить просьбу о защите, и стремясь сблизиться с адыгами, даже послал на юг отряд стрельцов. Судьба ратных людей печальна – ни один из них не вернулся домой. Русские воины полегли не столько от стрел крымчаков, сколько от непривычного климата и болезней.

Для мировой политики никаких серьезных последствий это событие не имело, но некоторые историки склонны считать, что история отношений народов Кавказа и России началась именно тогда.

На мой взгляд, отношения эти сложились много позже, в XVIII веке, и стали прямым продолжением русско-турецких войн и борьбы за Крым.

Тогда русские крепости строились там как опорные пункты для освоения огромного, богатого края, почти пустого с точки зрения цивилизованного человека. Предкавказье, с его субтропическим климатом – это не горные области, а почти 200 тысяч квадратных километров степей и лесов, богатых животным миром: кабанами и оленями, фазанами и утками.

Это роскошные черноземы, о которых говорят: «посади оглоблю – вырастет телега». На побережье Черного моря земля похуже, местами мало пресной воды, но зато курортный климат. В наше время это край сплошных здравниц.

В 1761 году здесь основывают крепость, названную в честь митрополита Дмитрия Ростовского. Позже вокруг крепости вырос город Ростов-на-Дону. Обратите внимание: полуторамиллионный, огромный город совсем молод, моложе большинства городов Сибири.

По мирному договору с Турцией, заключенному в Кючук-Кайнардже, Предкавказье тоже отходило к России. После этого на Северный Кавказ хлынул поток переселенцев.

В 1793 году черноморские казаки основали военный лагерь на реке Кубани. Вскоре лагерь разросся и превратился в станицу Екатеринодарскую. Затем – в город Екатеринодар. С 1920 года этот город называется Краснодаром.

Расселение русских простиралось и на юго-восток, в сторону Каспийского моря. В 1818 году основывается крепость Грозная, которая через 50 лет становится городом Грозным.

Общее же число русских поселенцев на Северном Кавказе уже в 1800 году превысило 100 тысяч человек; таким образом, русских переселенцев стало больше, чем местных жителей.

В 1838 году на месте турецкой крепости основан город Новороссийск.

Жизнь русских колонистов в Новороссии, к югу от Кубани, отличалась таким же своеобразием, как и жизнь на границах Дикого поля в XVII веке.

Возле любой деревни, близ любой дороги могли засесть в засаду черкесы, которые нападали на людей, крали детей и девушек, чтобы продать их на невольничьих рынках. Пышные блондинки в Турции были ходким товаром еще со времен татарских набегов. За девицу можно было выменять хорошее дорогое ружье, а, если повезет, то и боевого коня. Посему русским поселенцам ходить по одному и без оружия в принципе не рекомендовалось, детей за околицу села не отпускали, а умение стрелять и рубить саблей оставалось таким же обязательным навыком селянина, как умение косить или запрягать лошадь.

У американцев был Дикий Запад... У русских – Дикий Юг примерно с такими же нравами.

Опять скажу: не умеем мы использовать реалии нашей истории для пропаганды. Не догнать нам в этом «цивилизованные» народы Запада, умеющие из любого подходящего материала сделать конфетку! Американский супермиф о Wild West, войнах с индейцами и ковбоях... Это целый пласт американской культуры, а теперь и пласт культуры всего Запада.

Вестерн как жанр в литературе, голливудские вестерны как киножанр подняли на недосягаемую высоту образы наивных, но честных переселенцев, гордых индейцев, благородных американских военных в щегольских синих мундирах и желтых нашейных платках.

Они превратили кровь и грязь завоевания чужой земли, историю истребления целых племен, жестокости и расизма в красивую сказку о храбрых и сильных людях, которые не всегда понимали друг друга, но были честны, храбры и трудолюбивы.

Полудикие пастухи, пренебрежительно прозванные «коровьими парнями», ковбоями, стали не подонками своего общества, вечно пьяными и драчливыми, как подростки (но с настоящими пистолетами), но превратились в романтических, свободолюбивых и гордых личностей.

Отвратительные исторические реалии захвата, истребления и грабежа показаны как увлекательные приключения. Преступления, совершенные американцами, как-то уходят в тень...

Где, в каком вестерне – книжке или фильме – идет речь об истреблении бизонов как планомерной политике правительства

США? А ведь громадные дикие быки уничтожались специально, чтобы лишить индейцев привычной пищи...

Где и кто описал или хотя бы даже упомянул, как близ индейских стойбищ для распространения заразы разбрасывались одеяла, снятые с умерших от оспы? Как американцы официально (!) платили за скальпы индейцев, в том числе за скальпы детей? Нигде... Страшное, кровавое, мерзкое ушло из мифа...

У нас можно было бы создать миф несравненно более красочный и увлекательный: супермиф о казаках, о вольных русских людях, осваивающих наш Дикий Юг.

Морально мы правы. Мы не запятнали себя преступлениями. Мы не были расистами, и в ряды казаков легко входили представители местных народов Кавказа. Мы вели не разбойничьи набеги с угоном скота, а настоящие тяжелые войны для защиты России от грозных соседей, а не наивных индейских первобытных племен.

В общем, казаки мало похожи на ковбоев, и эта непохожесть явно в пользу казаков. Но где в нашей литературе жанр «южного романа» о реалиях возвращения Новороссии и завоевания Северного Кавказа? Где фильмы, в которых сильные и гордые люди отбивают набеги татар и адыгейцев? Где образы мудрых и спокойных казачьих старейшин? Образы храбрых парней и мужественных глав семей, бесстрашных разведчиков, следопытов, знающих по нескольку местных языков, землеустроителей, основателей новых станиц?

Сочи.
Достижимая мечта советского человека. Город, где жил бы каждый , если бы знал прикуп. Попасть в олимпийский Сочи, надеюсь, скоро станет мечтой во всем мире

Наконец: в каких фильмах восславлено основание русских сел и городов по Кубани, Тереку, на берегах Каспия и в предгорьях Кавказа? У нас чуть ли не комплексуют от того, что предки воевали на окраинах Руси, расширяя ее пределы...

А вот американцы гордятся предками, проникавшими за Миссури... За реку Канзас... В предгорья Скалистых гор... В Калифорнию... Предками, которые правили через прерии фургонами под лозунгом «GO WEST!».

А у нас люди, сделавшие во сто крат больше, не восславлены. Даже вообще не отмечены. Мы их не знаем, как и не было их...

Но вернемся к реалиям Кавказской войны.

Кавказская война для большинства современных русских – это война в теснинах гор, на фоне снеговых вершин. Но задолго до штурма горских аулов русским здесь приходилось штурмовать турецкие крепости.

Вот одно географическое название, наверняка знакомое читателям, – Анапа.

«Анапа, эта оружейница горских разбойников, этот базар, на котором проливались слезы и пот, и кровь христианских невольников, этот племянник мятежей для Кавказа, Анапа, говорю, в 1828 году обложена была с моря и с угорья»[1].

О судьбе автора этих слов, русском офицере и писателе, Александре Бестужеве, писавшем под псевдонимом Марлинский, ничего не известно: он пропал во время одной из стычек с горцами без вести, без малейшего следа, никто никогда его больше не видел.

Пока же отметим: и на Северном Кавказе, и на Кубани, и в Восточном Причерноморье Россия не могла ни остановиться, ни вывести оттуда войска, ни уйти обратно в великорусские леса.

А роскошные черноземы Кубани именно русские превратили в распаханные, окультуренные земли.

---

[1] *Бестужев (Марлинский) А. А.* Аммалат-бек // Бестужев (Марлинский) А. А. Ночь на корабле. Повести и рассказы. М.: Худ. лит., 1988.

Начало Кавказской войны

Кавказская война стала предлогом для множества обвинений в адрес Российской империи. Но, простите, а как она началась? С чего? Большинство из нас сегодня искренне полагает, что с наступления русских войск на Кавказе. Это не так.

По мнению современников, коим те события казались несравненно ближе, чем нам, «кавказская война выросла из набеговой системы»[1].

Трудно сказать, когда сформировалась набеговая система, по крайней мере не позднее XVI–XVII веков. Русские офицеры и генералы даже в условиях войны готовы были относиться к горцам сочувственно. Они совершенно справедливо считали набеговую систему «дитятей бедности», но одновременно (и тоже справедливо) проявлением дикости и некультурности горцев. Долгое время наши государственные деятели искренне полагали, что надо только «устроить» жизнь горцев, сделать ее «обеспеченной от лишений», стабильной, и набеги окончатся сами собой.

В какой-то степени они были правы, эти благожелательные русские люди. Тогда быстрый рост населения происходил даже в самых бедных долинах Северного Кавказа. Рост населения рано или поздно приводил к тому, что продуктов питания начинало не хватать. Теоретически можно было перейти к каким-то более интенсивным технологиям ведения хозяйства... Насколько эта теория могла претвориться в реальность – второй вопрос.

Реально горцы могли бы расселиться на другие территории (желательно с похожим климатом и условиями жизни); но на равнинах уже были русские. Постепенно горцы сами уходили из зон русского расселения, «тянулись» в горы. Людей становилось все больше, земли все меньше.

Раньше можно было бы завоевать уже населенные земли, чтобы эксплуатировать своих данников или подданных. Но и этому тоже препятствовали русские.

---

[1] *Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь. СПб.: Звезда, 1999.

Еще, конечно, горцы могли сделать так, чтобы окружающего населения стало поменьше... Вот эту задачу набеги не в полной мере, но решали. Даже при русских. Прекрасной иллюстрацией является как-то попавшая мне на глаза в альбоме репродукция старой картины одного художника, кажется, под названием «Товар черкесов». На этой картине, написанной во второй половине XVIII века, черкесы предлагают богатым арабам свой товар – краденых славянских девушек.

А поскольку в набегах всегда погибала какая-то часть молодых мужчин, набеговая система помогала заодно и регулировать численность собственного населения; все-таки оно росло не так быстро, а в какие-то периоды могло и сокращаться, и оставшимся даже хватало продуктов.

Набеговая система складывалась веками как реакция на проблемы горского общества. Но, сложившись, она, в свою очередь, сформировала совершенно определенный тип общества и определенный человеческий характер.

Необходимость участвовать в вечной войне всех против всех сформировала тип людей агрессивных, крайне жестоких, равнодушных и к собственным страданиям, и к страданиям других. На протяжении веков и поколений готовность к военным действиям, к бою в любой момент поощрялась. Воинственность на уровне личности против истинного или надуманного «обидчика», на уровне семьи против других семей, в составе отряда своего рода или племени против других родов и племен – вот тип поведения, характер горских народов.

Набег был не только доходным экономическим мероприятием, но и важным общественным институтом, формой подготовки к жизни и проверки молодого поколения. Только приняв участие в набеге, юноша и в собственных глазах, и среди соплеменников из мальчика превращался в члена сообщества взрослых мужчин, хозяина в доме.

Во все века и у всех народов обязанностью взрослого мужчины было кормить семью. В набеговой же системе умение воевать, совершать набеги на чужую землю и возвращаться, грабить поверженного врага, похищать и продавать рабов было ценнейшими качествами хозяина, ничуть не меньшим, чем в обществе земледельцев было

умение быть рачительным сельским хозяином, а в современном обществе – умение выполнять квалифицированную работу.

Так набег оказывался важнейшим делом не только с экономической, но и морально-нравственной точки зрения. Он был краеугольным камнем для любых морально-этических оценок. Как у русских – земледельческие работы, строительство или «государева служба».

В 1804 году чеченцы впервые совершили набег на русских переселенцев на Кубани. Русские отстрелялись. Они построились в каре, старики, женщины и дети внутри, и ушли из деревни. Ворвавшись в деревню, чеченцы нашли в печах или на столах чугунки и корчаги с только что сваренными щами. И первое, что они сделали, – съели эти щи. Горы. Голод.

Повторюсь, русские долгое время были искренне убеждены: горцев можно *убедить* не совершать набеги! Ведь преимущества мирной жизни очевидны. Только, наверное, горцы просто еще об этом не знали. И сам Николай I, и очень многие образованные русские люди свято верили: стоит доходчиво рассказать дикарям о цивилизации, и они встанут на сторону прогресса.

Цивилизаторский пафос привел в горы образованнейшего человека, главу Черноморской линии генерала Анрепа, искренне намеревавшегося замирить горцев силою своего красноречия.

«С ним был переводчик и человек десять мирных горцев, конвойных. Они проехали в неприятельском крае десятка два верст. Один пеший лезгин за плетнем выстрелил в Анрепа почти в упор. Пуля пробила сюртук, панталоны и белье, но не сделала даже контузии. Конвойные схватили лезгина, который, конечно, ожидал смерти; но Анреп, заставив его убедиться в том, что он невредим, приказал его отпустить. Весть об этом разнеслась по окрестности. Какой-то старик, вероятно, важный между туземцами человек, подъехал к нему и вступил в разговор, чтобы узнать, чего он хочет? "Хочу сделать вас людьми, чтобы вы веровали в Бога и не жили подобно волкам!" – "Что же, ты хочешь сделать нас христианами?" – "Нет, оставайтесь магомедовой веры, но только не по имени, а исполняйте учение вашей веры". После довольно продолжительной беседы горец встал с бурки и сказал очень спокойно: "Ну, генерал, ты сумасшедший, с тобою бесполезно говорить".

Я догадываюсь, что это-то убеждение и спасло Анрепа и всех его спутников от верной погибели: горцы, как и все дикари, имеют религиозное уважение к сумасшедшим. Они возвратились благополучно, хотя конечно без всякого успеха»[1]. Попытка красноречиво убедить горцев не набегать, в общем, говорит об одном: у русских просто не было никакого другого выхода, кроме войны.

Не ответить на набеги горцев российская армия не могла, потому что никогда и ни одно государство не могло и не может допустить, чтобы его подданных на собственной территории безнаказанно грабили и превращали в рабов.

Завоевать земли горцев, занять теснины Кавказа своими войсками Россия поначалу тоже была не в силах. Реально русская армия могла только стараться перехватывать во время набега «злого чечена, ползущего на берег» или проводить операции возмездия – отвечать набегом на набег, уничтожая жилища и посевы горцев, обрекая их на голод.

Так и началась Кавказская война, одна из самых кровопролитных, долгих и тяжелых войн, какие только вела Россия за всю свою многострадальную историю. За время этой войны погибнет 70 тысяч русских солдат, примерно столько же грузинских ополченцев и несколько сотен тысяч горцев разных племен. Будут затрачены колоссальные материальные ресурсы и невообразимые усилия с обеих сторон.

На западе и севере

Точно так же, как Причерноморье, русские не без исторических оснований считали своей землей и Прибалтику. Не будем даже и говорить о землях Древнего Новгорода, захваченных Швецией после Смутного времени. В представлении и местного населения, и правительства Московии, а потом Российской империи, Ижорская земля всегда была частью исторической Руси.

Это, кстати, касается и очень значительной части земли, которая сейчас входит в состав Эстонской республики.

[1] *Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь. СПб.: Звезда, 1999.

Иногда приходится слышать, что Тарту был якобы когда-то в X и XI вв. известен как поселение древних эстов – Тарпату. М-да... Смешные фантазии, основанные на приятных уху эстонских националистов байках. Доказательств – ноль. Летописи же говорят иное.

И говорят предельно конкретно: *«Впервые упоминается в летописях под 1030 годом как город Юрьев, построенный Ярославом Мудрым (по христианскому имени Ярослава – Юрий)»*[1].

Летописное сообщение об этих неоднозначных событиях краткое: «Иде Ярослав на чюдь, и победи я, и постави градъ Юрьевъ». Эпически конкретно и коротко.

Русские имели все основания считать, что Московия не завоевывает земли Ливонского ордена, а возвращается на свои исторические территории. Точно так же, как Потемкин не завоевал, а вернул Руси Причерноморье.

Впервые Русь попыталась вернуть свои земли и пробиться к Балтийскому морю при Иване Грозном, в ходе Ливонской войны. Не получилось, и попытку пришлось повторить при Федоре Иоанновиче, затем при Петре I – начать Северную войну 1700–21 годов. Это была тяжелая война, с сильным и жестким противником. Шведы не горели желанием вернуть России то, что ей принадлежало по праву. Пришлось двинуть войска, потерпеть позорное поражение под Нарвой, снова собирать и двигать новые армии, штурмовать Ниеншанц, Мариенбург и Нотебург, Ригу, Ревель и Выборг, строить флот и закладывать Петербург – первоначально тоже как крепость.

Россия Петра была очень «агрессивной»: она не только заняла Восточную Прибалтику, но и трижды высаживала десант в саму Швецию. В 1720 году русский десант был близ самого Стокгольма, что и заставило шведов окончательно признать свое поражение и начать мирные переговоры.

Петербург, признанное «окно в Европу», был основан именно как крепость (Петропавловская) и вырос первоначально вокруг этой крепости. В точности как Курск и Воронеж постепенно

[1] БСЭ. Изд. 2. Т. 41. М.: Советская энциклопедия, 1956. Ст. «Тарту».

оказались в глубине России и утратили значение крепости, так и Петербург постепенно становился не укреплением, а экономическим и политическим центром.

Как Турция не мирилась с Русским Причерноморьем, так и Швеция не смирилась с появлением Русской Прибалтики. Как Турция вела войны с Россией уже после присоединения Крыма и основания Одессы, так и Швеция воевала с Россией уже после основания Петербурга.

В забытой сегодня русско-шведской войне 1741–43 годов шведы пытались вернуть земли на юге Балтийского моря и захватить Петербург.

В 1788 году шведы снова воспользовались тем, что Российская империя завязла в очередной войне с Турцией. Внезапным ударом, без объявления войны, они попытались завладеть русскими крепостями, в том числе снова — Петербургом. После ряда морских сражений Швеции пришлось заключить мирный договор на условиях сохранения прежних границ.

И только после четвертой (за 100 лет) и столь же малоизвестной, как и предыдущие вторая и третья, русско-шведской войны 1808–09 годов Швеция перестала угрожать непосредственно столице России. Разбив шведскую армию, Россия полностью присоединила Финляндию, превратив Финский залив во внутреннее русское морское пространство. Именно тогда Россия образовала Великое княжество Финляндское со своей конституцией, но в составе Российской империи.

Но даже после этого Петербург сохранял значение военного форпоста. Во время Крымской войны 1853–56 годов возникла реальная опасность английского десанта под Петербургом, что даже заставило спешно формировать городское ополчение на случай боев в городе и его окрестностях.

Даже печально известная финская война 1939–40 годов была гораздо в большей степени, чем это может нам показаться, оборонительной. Ставшая независимой Финляндия, заключив союзный договор с Германией Гитлера, всерьез угрожала Русской Прибалтике, в том числе и Петербургу.

Финны тогда пели озорную песню (на мотив «Ехал на ярмарку ухарь-купец») с припевом:

Гоним Иванов, гоним Иванов за Териоки,
За Ингерманландию!

А что такое эти Териоки? Это вообще-то пригород Петербурга, современный Зеленогорск.

В финской войне Советская Россия, СССР, вынуждена была продолжать политику Российской империи. А что еще она могла поделать? Уйти из Прибалтики? Отдать Ленинград-Петербург? В таком случае всё, чего мы бы добились, – это возвращение к ситуации «до Петра». Только вместо Швеции на Западе – гитлеровская Германия в союзе с Финляндией.

Ну а соседний Русский Север – места когда-то дикие, нелюдимые – вообще изначально мирно и медленно осваивали только наши православные монахи. Поначалу центральная власть не имела никакого отношения к деятельности подвижников. Ученики Сергия Радонежского создавали монастыри в самых глухих местах – можно сказать, что Сергий создал сетевую систему распространения монастырей. Всего за сто лет после него появилось 150 новых обителей. Ярчайший пример – Соловки времен игуменства будущего митрополита Московского Филиппа Колычева. При Филиппе в середине XVI века все Беломорье действовало как единый монахо-хозяйственный комплекс с центральным «министерством» на Соловках.

Монахи, кстати говоря, под руководством Филиппа Колычева хозяйствовали очень успешно. Мы сегодня совсем не помним эту легендарную, достойную всенародного поклонения фигуру. Увы, это беспамятство – очередное доказательство того, как пренебрегаем мы собственной историей, собственными великими людьми, могущими дать не меньший духовный образец для подражания и восхищения, чем целый пантеон древнеримских героев дает современным наследникам Рима.

Короче – о Колычеве.

Для нас, пытающихся во имя дня сегодняшнего избавиться от мифического, наносного, того, что замусорило восприятие нами собственной истории, просто упомянуть его монументальную фигуру всуе было бы непростительно.

Боярский сын, ушедший в 30 лет в дальний северный монастырь в монахи. Рядовой монах, благодаря праведности, административным талантам и харизме, ставший настоятелем крупнейшего монастыря. Настоятель, превративший монастырь, как бы сказали сегодня, в процветающее предприятие, центр культурной и хозяйственной жизни всего Русского Севера.

Став по приглашению Ивана Грозного митрополитом[1] Московским, Колычев не просто спорил с царем, пытался остановить опричный террор, заступался за невинно осужденных. Он постоянно ПУБЛИЧНО осуждал государя за опричнину, за нехристианские его деяния.

В итоге был лишен сана по приказу Грозного и схвачен опричниками прямо в Кремле, в Успенском соборе во время богослужения. Год провел в заточении, но не отрекся от своих взглядов и демонстративно отказался благословить Новгородский поход Грозного.

Чудовищный финал – по легенде, задушен Малютой Скуратовым прямо в своей монашеской келье.

Смею сказать: такие люди, как святой Филипп (Федор) Колычев, – сама суть, соль земли нашей. Недостижимый образец таланта, величия духа, стойкости и истинной святости.

Но почему нет памятника ему в центре Москвы? Почему отдельным уроком не изучают его жизнь, его подвиг в школе, на уроках истории?

Его судьба удивительным образом повторяет судьбу другого святого Римско-католической церкви, жившего несколько ранее, – архиепископа Кентерберийского Томаса Бекета. Та же незаурядная личность. Та же вера, что церковь как власть нравственная – неподсудна светской власти монарха и не должна от нее зависеть. Те же сложные отношения со своим оппонентом – королем Англии. Отметим, правда, что в отличие от нашего героя, Томас Бекет больше спорил с королем не о неправедном королевском суде, не о невинно осужденных, а о вопросах власти и распоряжения церковной собственностью и ее доходами... Европа есть Европа. И даже страшная смерть его от рук

---

[1] Грозный, зная авторитет Колычева, надеялся опереться в его лице на Русскую православную церковь.

королевских рыцарей прямо на ступенях собора созвучна истории ареста и гибели Филиппа.

Но почему-то, сдается мне, в наших школьных учебниках об английском архиепископе Томасе Бекете написано поболе, чем о русском священнике Филиппе Колычеве.

На востоке

Взятие Казани, Астрахани при Иване Грозном, в XVI веке, дало возможность русским заселять Заволжье. С точки зрения русских, Заволжье до XVI века было пустым. Предуралье уж тем более. Пермские владения купцов Строгановых, ставшие в XVI веке базой для продвижения русских в Сибирь, воспринимались почти как владения Ост-Индской компании в Индии.

В XVI веке московские служилые люди дошли до Енисея. Вассалом Москвы признало себя Тюменское, а позже и Сибирское ханства.

В истории завоевания Сибири самым известным стал эпизод совершенно незначительный, не сыгравший, в общем, никакой серьезной роли: поход нанятого Строгановыми казачьего отряда под начальством Ермака Тимофеевича. Историки даже не знают точную дату этого похода, называют то 1579 год, то 1581 год.

Так и осталось неясным, нанес ли отряд Ермака поражение татарам или хан Кучум попросту отступил перед казаками, потому что не имело смысла воевать с ними, бредущими через колоссальную, почти безлюдную равнину. Казаки заняли и слегка пограбили несколько городков, в том числе и столицу Кучума – Кашлык.

Татары и другие народы Сибирского ханства – примитивного феодального государства – признали власть московитов, и дело тут не в походе Ермака. Просто русские строили города: в 1586 году – Тюмень, в 1587 году – Тобольск, в 1593 году – Березов[1], в 1595 году – Обдорск[2].

---

[1] Ныне Берёзово – поселок городского типа в России, административный центр Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа. *(Прим. ред.)*

[2] До 1933 г. название г. Салехарда, центра Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области РСФСР. *(Прим. ред.)*

В Сибири, так же как на юге и на севере, основанные города были в первую очередь крепостями. А брать крепости сибирские татары не умели.

Из городов в любой момент могли выйти закованные в панцири казаки с ружьями. Забавная деталь: казаки кормили лошадей ячменем и потому могли ездить на них даже в морозы. На сибирских татар это производило огромное впечатление, ведь их лошади жили весь год на подножном корме и ко второй половине зимы превращались в живые скелеты.

Российская империя обретала мощь, и московиты шли дальше, в глубь Сибири, основывая острог за острогом: в 1604 году – Томск, в 1618 году – Енисейск, в 1628 году – Красный Яр[1].

В 1630 году основан Илимский острог[2] – на Ангаре, в Восточной Сибири, в 1631 году – Братский, а в 1661 году – Иркутск.

В 1632 году построен Якутск, в 1653 году – Нерчинск, в 1699 году – Чита.

В 1639 году русские служилые люди и группа казаков вышли к Охотскому морю.

В 1648 году Семен Дежнев, отправляясь из устья Колымы, огибает Чукотский полуостров. Он открывает пролив, который сегодня называется Беринговым, – в 1737 году Беринг повторит поход Семена Дежнева и документированно докажет, что Америка не соединяется с Азией.

---

[1] Изначальное название острога – Красный. После проведения Московского тракта (1735–1741) Красный Яр, позже – Красноярск, превратился в крупный торговый и административный центр Восточной Сибири; в XIX в. – центр сибирского казачества. *(Прим. ред.)*

[2] Начало Илимскому острогу положило укрепленное зимовье на волоке при переходе с реки Илим на Лену, поставленное служилыми людьми под руководством атамана Ивана Галкина. Через семнадцать лет на месте зимовья вырос острог, а еще через два года он уже стал центром учрежденного правительством Илимского воеводства. Сегодня на месте бывшего острога и селения плещут волны Усть-Илимского водохранилища, а свидетели прошлой жизни Илимска – Спасская башня и Казанская церковь перевезены в «Ангарскую деревню» – музей деревянного зодчества под открытым небом, расположенный вдоль берега Ангары в сорока семи километрах от Иркутска. (*Прим. ред.*)

Сокрушение Казанского и Сибирского ханств, а также освоение Сибири откроют колоссальный фонд новых земель.

К началу XVIII века Волга становится окончательно и бесповоротно со всех сторон русской рекой. Как и Урал – частью государства Российского. Правда, еще Петр I говорил промышленнику Демидову: «Где там твои заводы?! Урал – это же на краю света».

Во всей Сибири в конце XVII века живет лишь 300 тысяч русских людей, примерно 2 % всего населения Московии.

Притом распределены русские крайне неравномерно. Где невозможно земледелие, их особенно мало. В 1643 году на реке Оленеке было 156 русских, в низовьях Лены – 461. В 1647 году открылась ярмарка на Колыме, в которой участвовали 396 промышленников. Сознательно даю точные цифры, чтобы психологически читатель понял: тогда число наших поселенцев в Сибири действительно исчислялось не десятками тысяч, а просто десятками...

Сибирские города-крепости были призваны защищать население от набегов, ведь со всех сторон – открытое, никем не занятое пространство.

Кыргызы два раза пытались взять Красноярск. В 1667 и в 1679 годах джунгары и енисейские кыргызы осадили город и несколько раз ходили на штурм. Красноярцы отбились с трудом, потери составили 194 человека – это половина всего гарнизона.

Красноярск как крепость перестал функционировать только после 1703 года: в этом году кыргызы ушли в Джунгарию и прекратили набеги на русские земли. Лишь с этого времени крепость Красноярск – мирный сибирский город.

Последняя память о Красноярске-крепости – знаменитая часовня, поставленная на Часовенной горе, нависающей над Красноярском. Построили ее на том самом месте, где раньше стоял сторожевой пост. Заметив врага, сторожевые казаки поджигали кучу хвороста, подавая сигнал жителям города. Эта часовня хорошо знакома читателю, так как именно она изображена на современной 10-рублевой купюре.

В 1650-е годы русские доходят до Амура и основывают здесь крепость Албазин[1].

Московия официально присоединяет районы вдоль Амура к своей территории как административные единицы.

И тогда маньчжуры двинули против казаков-поселенцев регулярную армию. Она вошла на территорию русского Забайкалья и осадила Нерчинск. Под стенами Нерчинска прошли переговоры между российским посольством и маньчжурами, результатом чего стал Нерчинский договор (1689 г.). До середины XIX века этот договор оставался основным документом для решения российско-китайских пограничных вопросов. А вопросов было немало.

Беда в том, что названия рек и гор, по которым шло размежевание, были разными в русском, маньчжурском и во всех местных языках. Если даже удавалось договориться, о какой горе или реке идет речь, не было никакой уверенности, что это название не используется по отношению к другим горам и рекам.

Короче, в текстах русского и маньчжурского договора названия были, мягко скажем, не идентичны. Спорить можно только о том, какие именно статьи договора и с какой вероятностью должны были бы привести к войне.

Даже на дальних, почти неизвестных цивилизованному миру окраинах нужно было держать армию или погибнуть.

Империя против империй

Особенность ситуации заключалась в том, что Российская империя, как правило, воевала не с национальными государствами, а с другими как бы предшествующими завоевателями.

---

[1] Просуществовала в 1651–1689 гг. Возникла на месте селения Албазино даурского князька Албазы. С 1684 г. – центр воеводства, казачья станица, основанная Е. П. Хабаровым, заселена крестьянами и превратилась в город Албазин – базу для освоения Дальнего Востока. В 1689 г. сожжен согласно Нерчинскому договору. Албазин известен геройской защитой русского отряда в 700 чел. против 8 тыс. маньчжуров (1686–1687). *(Прим. ред.)*

Правящая элита этих государств, по сути, сидела на чужой территории. Слово «империя» звучит, конечно, непривычно слуху в отличие от Казанского, либо Кыргызского ханств, но, по сути, это были держащиеся только на военной силе, пришедшие «извне» режимы.

Империями были все татарские ханства – Казанское, Тюменское, Сибирское и Астраханское. В них татары господствовали над завоеванными ими племенами и эксплуатировали их нещадно. Покоренные данники должны были по требованию татарских ханов воевать на стороне ханских армий. Читатель может увидеть, как выглядело это многонациональное ханское войско на картине В. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком».

Империями были и Крымское ханство, и Турция, и Речь Посполитая, и Австрия, и Швеция.

Империями были и государство маньчжуров, и все государства монголов. Империей был Кыргызский каганат, остатки которого разрушили русские на Енисее.

Первобытные имперские народы были ничем не лучше, а наоборот, много хуже европейских колонизаторов: более жестокими, злобными, свирепыми. Именно поэтому жители Крыма и формальные подданные Турции на Северном Кавказе ничего не имели против более «мягких и цивилизованных» русских.

Точно так же покоренные татарами и кыргызами племена Сибири считали, что русские лучше их прежних владык.

Так что все, кого включила в свой состав Российская империя, сами пытались до этого строить завоевательные империи разного масштаба. Просто у них это получалось хуже, чем у русских. Слишком злые были, наверное. Или слишком жадные. А может, дело – в русском православии? Или пассионарности?

Ну ладно, считайте, что это я так – шучу...

Глава 6

Самая плохая империя

Не надо быть русским, надобно только мыслить, чтобы с любопытством читать предания народа, который смелостию и мужеством снискал господство над девятою частию мира.

Н. Карамзин

Эпоха колониализма

Миф об агрессивности России, ставший частью европейской политики при Наполеоне, использовался весь XIX и XX век. И это обвинение активнее всех бросали страны, построившие свое благополучие на самой жестокой эксплуатации всего человечества.

Действительно, XIX век – век колониальных империй. Франция завоевывала Африку, Индокитай, присоединяла острова в Тихом и Индийском океанах. Британия делила почти пополам Африку с французами, осваивала Индию, воевала с Афганистаном, завоевывала Бирму, осваивала Австралию и Новую Зеландию. Даже маленькая Бельгия умудрилась занять в Африке огромные территории по реке Конго, а северная Швеция – захватить несколько островов в Карибском море.

Это эпоха строительства колониальных империй всех европейских держав. Оно, сопровождалось невероятными жестокостями и проводилось исключительно с целью «приобретения» материальных ценностей, то есть, попросту говоря, грабежа.

Но вот что интересно: нигде на Западе не возникло никаких негативных эмоций по отношению к этим империям. Приключения офицеров колониальных армий преподносились как романтичные и увлекательные. Колониальные мифы – интересные и яркие истории, а вовсе не трагедии.

Один из таких мифов описан Генриком Сенкевичем. Его книга «В пустыне и пуще» посвящена судьбе двух польских ребятишек, оказавшихся в Судане во время восстания местного населения. В этой повести описано противостояние «очень плохих» суданцев и «очень хороших» европейцев.

Эта книга настолько колонизаторская по духу, что в СССР ее даже запретили печатать. И в собрание сочинений классика польской литературы Генрика Сенкевича, изданное в середине 1980-х не включили.

При этом для того же Сенкевича Московия – совершенно чудовищное государство. В его знаменитой трилогии о польско-русско-украинских войнах XVII века, особенно в «Огнем и мечом», и православные малороссы, и их русские единоверцы – жестокие негодяи.

Как модно говорить сейчас: политика двойных стандартов очевидна.

С 1812 года стало привычным осуждать Россию за любые территориальные приобретения, любые «округления» своей территории. Это при том, что росла она совершенно по-иному, чем европейские.

Европейские империи возникали потому, что хотели жить за счет других народов. Приятно это слышать или нет, является ли мое высказывание «политически корректным» или не является, но это так, и никак иначе.

Испанское завоевание Америки, конкистадоры, Писарро и разрушение великих цивилизаций инков и ацтеков – все это было только первым актом мировой трагедии неевропейских народов. Самые передовые, промышленно развитые европейские державы начинали с того, что вели работорговлю в Африке и Азии. Постепенно европейцы укреплялись на территории других стран и уже не торговали с борта кораблей, а претендовали на политическую власть на далеких

тропических берегах. Но и тогда главным для них было извлечение прибыли.

Жизнь в непривычном тяжелом климате, среди невиданных зверей и ядовитых рептилий и насекомых, среди враждебных (порой – поневоле враждебных) племен была опасной. Плюс один — служба в колониях могла сделать богатым даже самого бедного солдата колониальной армии или служащего торговой фирмы.

Испанцы возвращались из Америки с сундуками, полными золота. Выживший конкистадор получал землю, много земли, в колонии, притом с крепостными индейцами. Вчера еще нищий дворянин с прокаленных солнцем плоскогорий Кастилии или даже обитатель городского дна за считанные годы становился богатым помещиком.

История колониальных империй полна потрясающими случаями внезапного обогащения. Как сказал Валентин Пикуль, «удачи неожиданной и ослепительной, как ночной выстрел в лицо»[1].

В 1799 году в Индии во время штурма Серингапатама некий солдат 74-го мадрасского батальона сорвал с трупа султана алмазные браслеты. В тот же день он продал их полковому врачу за 1500 рупий. Врач перепродал их за сумму, дававшую годовой доход в 2 тысячи фунтов стерлингов. Оба обогатились, хотя и в разной степени, из чего мораль: некоторых покойников обобрать бывает очень выгодно.

Впрочем, были и другие способы, надежнее. Когда там еще повезет наткнуться на труп султана. Вот полковник Вуд во время англо-мадрасской войны не отдавал своим солдатам выделенное продовольствие, а продавал его противнику. А вы говорите, Чечня, интенданты воруют...

Многие офицеры Ост-Индской компании не выключали убитых из списков, годами получая их жалованье. Кстати, в той же Индии английские кадровые офицеры сидели не на «голом окладе», а как бы были «в доле». Это означает, что половина добычи в военных операциях, которые велись компанией, официально полагалась участвовавшим в них офицерам, и

[1] *Пикуль В. С.* Богатство // Пикуль В. С. Богатство. Каторга. М.: Вече, 2004.

лишь вторая половина – компании. Вот так. Даешь работать и распредлять – по-капиталистически! Все по-честному — от прибыли...

Многие британские джентльмены в Индии мало отличались от «джентльменов удачи», в том числе потому, что добивались там главным образом частного успеха «частными» методами, только для себя лично.

Показательна история живой легенды Британской Индии – некоего Роберта Клайва. Будучи мелким клерком Ост-Индской компании, он в 19 лет (в 1744 году) пошел добровольцем в частную армию этой компании, сделал блестящую карьеру и награбил приличное состояние. Настолько большое, что сумел путем серии подкупов получить титул лорда. Уже немало! На этом предприимчивый британец не остановился. Видимо, слишком больших расходов требовало содержание роскошных поместий, приобретенных в старой доброй Англии и конфискованных дворцов местных раджей, где проводил досуг в Индии сэр Клайв, просвещая местных туземцев. Что поделать – тяжело «бремя белого человека»...

В 1765–67 годах Роберт Клайв – уже губернатор Бенгалии, где он вводит знаменитую монополию Ост-Индской компании на соль и опиум. Отстраняя от власти местных раджей, компания начинает напрямую собирать подати с местного населения. Состояние губернатора растет как на дрожжах. Методы, применяемые Клайвом, были так... своеобразны, что в Англии его даже не принимали в престижные клубы, а несколько дам, на которых он хотел жениться, отказали ему «по моральным соображениям». Что ж, надо отметить: в респектабельной Англии не всегда подавали руку тем, кто возвращался из колоний с дурной репутацией.

В 1773 году видного строителя империи, знаменитого полководца Роберта Клайва вызвали на парламентскую комиссию в Палату общин[1]. Его обвиняли в гигантском сокрытии налогов, присвоении фантастических сумм, обмане Ост-Индской компании и ограблении собственных солдат.

---

[1] *Шапошникова В.* Годы и дни Мадраса. М.: Мысль, 1968.

Но комиссия оправдала Клайва, отметив: хотя он иногда и злоупотреблял властью, но «оказал великие и достойные услуги Англии». На сим основании он и был оправдан.

Что характерно: ни один российский генерал-губернатор или «туркестанский генерал» в XIX веке не побывал под судом по таким обвинениям.

Торговля в колониях давала невероятные возможности обогащения.

Можно как угодно относиться к капитализму, но поведение более патриархальных, не буржуазных русских «колонизаторов» как-то симпатичнее. Грабили они наверняка тоже, но как-то поприличнее, что ли... «Успех» для русского офицера означал в первую очередь возможность заработать очки на службе, а затем получить от своего официального руководства какие-то материальные блага – пенсию, землю, крепостные души.

К тому же наша колонизация никогда не была реализацией агрессивно-параноидальных царских замыслов подневольными русскими, как это любят представлять некоторые историки. На восток, на юг и на север продвигались в основном «свободные элементы» – казаки, купцы и крестьяне, ищущие воли, да лучшей доли, да собственной выгоды. Нужно быть совсем уж упертым, чтобы в русских первопроходцах и предпринимателях конца XVIII – начала XIX века, осваивавших, скажем, Аляску, видеть подневольных людей, которые руководствуются депешами из Санкт-Петербурга.

Впрочем, таких упертых по сей день хватает.

Англия, Россия, пропаганда и колониализм

По мнению европейцев, Российская империя постоянно, на протяжении всей своей истории вела агрессивные войны. Даже если с этим согласиться, помилуйте, но разве их вела одна Россия?!

Вся история Британии от Елизаветы I до юной Елизаветы II – сплошная череда колониальных войн за новые территории. Мно-

гочисленные англо-испанские и англо-голландские войны XVII–XVIII веков.

Весь XVIII и весь XIX век Британия ведет бесконечную серию войн в Индии.

XVIII век – так называемые англо-майсурские войны, окончательную точку в которых поставил штурм столицы Майсура, Серингапатама (1799 г.). Название этого города может быть знакомо читателю: именно там проклятый полковник Джон Геркастль похитил в храме индийской богини знаменитый Лунный камень, огромный бесценный алмаз. Тотальные грабежи в Серингапатаме сделали убедительным завязку захватывающего детектива Уилки Коллинза[1].

Потом были три англо-маратхские войны (1775–1818 гг.) и англо-сикхские войны, англо-непальская война 1814–16 годов и восстание сипаев в 1857–59 годах.

В XIX–XX веках войны за Индию «логически» продолжили англо-афганские, англо-бирманские и англо-тибетская войны.

Англо-китайскую войну 1840–42 годов еще называют Опиумной войной. Итогом ее стало восстановление (задумайтесь только!) *монопольного права англичан без ограничений ввозить в Китай опиум*, выращенный в Британской Индии. Действительно, зачем воевать, когда можно попытаться и экономически, и физически поработить китайцев, просто «посадив их на иглу». Тогда же Британия отщипнула от Южного Китая маленький скалистый остров, ничем не примечательный, кроме того, что он был великолепно расположен географически, представляя собой как бы «ключ» ко всей Юго-Восточной Азии и Южному Китаю, а кроме того, имел лучшую в этом регионе естественную бухту. Этот маленький островок, ставший одним из самых доходных «камешков» в Короне Британской империи, назывался Гонконг.

Вскоре вспыхнула новая англо-франко-китайская, так называемая 2-я «опиумная» война 1856–60 годов.

В Америке Британия воевала с Францией за Канаду в 1754–56 годах. Затем воевала, по сути, со своим же народом за «незави-

---

[1] *Коллинз У.* Лунный камень. М., 2004.

симость» Соединенных Штатов – так называемая англо-американская война 1775–83 годов. Позже была еще одна совсем малоизвестная англо-американская война 1812–14 годов.

Захватив Канаду, Англия масштабно воевала с племенами ирокезов и могауков.

В 1852 году британский флот без всякого объявления войны, естественно (а кому собственно объявлять-то? Этим дикарям с кольцами в носу, что-ли? Так они по-английски не понимают же?), прибыл, встал на рейд и с лету – бомбардировал Лагос – столицу большого африканского народа йоруба. Вскоре Англия захватила все побережье Нигерии, будущей нефтяной житницы Африки.

В XIX веке основывает Северную и Южную Родезию, оккупирует Кению, Уганду, Египет и Судан.

В 1806 году Англия захватила Капскую колонию на самом юге черного континента. К тому времени там возник небольшой народ буров – потомков переселенцев из Голландии, Германии, Франции. Буры, честно говоря, были ничуть не меньшими колонизаторами, чем британцы. В бурских республиках Трансвааль и Оранжевой рабовладельческие порядки были заведены самые жестокие.

В ходе последовавшей войны 1899–1902 годов Англия ликвидирует эти независимые республики буров и основывает свой протекторат – Южно-Африканский союз.

Назвать все военные конфликты попросту невозможно, поэтому я перечисляю только крупные, значительные войны.

Добавлю еще только захват Австралии в 1788–1815 годах, сопровождавшийся истреблением местных племен. В 1840–72 годах Англия воевала в Новой Зеландии с племенами маори. И – до кучи – захватила несколько островов и целых архипелагов в Тихом, Индийском и Атлантическом океанах. Вы спросите: к чему было это скучное сухое перечисление колонизаторских военных конфликтов?

Мы ведь не чувствуем за этими словами ничего – ни горя целых уничтоженных народов, ни плача младенцев, лишившихся родителей и надежды на будущее, ни звона цепей, сковывающих рабов, ни уничтоженных великих культурных ценностей. Для нас

это статистика, не более. Сухая, далекая, в общем-то неинтересная история. Но я все равно привожу эти сухие имена и факты, ибо уже это только перечисление показывает: демократическая Британия, родина парламентаризма и оплот прав и свобод личности, вела захватнические войны практически непрерывно, порой по нескольку одновременно. Если это не агрессивная политика, и если захват колоний – не есть акт агрессии, то интересно, что же это тогда такое?!

У меня в кабинете на стене висит старая карта 1925 года – «Британские владения в мире». Карта черно-белая, владения Британии выделены розовым цветом. Очень показательно взглянуть, чтобы понять: англичане не хвастались, заявляя, что в их империи «никогда не заходит солнце». Полное впечатление, что розовым закрашена ровно ПОЛОВИНА мира.

В этой книге я много цитирую британского офицера Джеймса Александера, который оставил интереснейшие записки о николаевской России. Но, совершенно очевидно, писателем он был лишь по призванию, а по основной деятельности – разведчиком (его даже арестовали как шпиона, но отпустили после вмешательства царя). Можно только предполагать, какие отчеты он отправлял в Лондон, когда даже на страницы его книги прорываются аналитические оценки русской армии и попадают фактические данные о ее состоянии. Британия готовилась.

Александер очень хвалит аракчеевскую систему военных поселений. «*Государственные крестьяне собраны в особые поселения, где в мирное время работают и с ними проводятся военные учения, а в случае войны образуют огромную сухопутную армию*». Офицерам в этих поселениях правительство платит зарплату, а поселян снабжает оружием и обмундированием. В целом расходы на поселения весьма незначительны. Существуют как пехотные, так и кавалерийские поселения. «*Выгоды, получаемые Россией от подобных формирований, подсчитать невозможно*», – заявляет офицер британской разведки.

В другом месте – снова про нашу армию: «Русская военная система приближается к идеальной, если еще не стала таковой». А это, кстати, времена аракчеевщины. Он описывает систему

наказаний: в русской армии до сих пор применяются палки, иногда во время учений можно увидеть, как офицеры их используют. «На нашей службе палки недавно отменены», – замечает Александер.

Он описывает, какую зарплату получает рекрут – небольшую, конечно, но «поскольку русские солдаты трудолюбивы и бережливы, они могут скопить небольшие суммы». Срок службы составлял 25 лет. Но при этом англичанин отмечает, что солдатам дают регулярно отпуска для поездки в родную деревню, поэтому былой ненависти к рекрутчине уже нет.

Солдат-рекрут получал жалованье шесть рублей в год, прапорщик – 500 рублей в год, полковник – 1200 и сверх того ему полагалось 3000 на столовые расходы, генерал-майор – 2000 рублей в год плюс полевые.

Кстати, Александер отмечает, что в отличие от британской армии в русской меньше офицеров – пропорционально численности. При этом они полностью справляются со всеми своими задачами, поскольку русскими солдатами гораздо легче командовать, чем английскими бравыми ребятами. «Рекруты все время заняты ремеслом, и грешные мысли не задерживаются в их головах».

В Крыму Александер плотно общался с командующим черноморским флотом адмиралом Грейгом, англичанином по происхождению. *«Адмирал – единственный англичанин на флоте, офицерами здесь служат, в основном, русские, а также немцы, французы, греки, итальянцы. Его превосходительство адмирал Алексей Грейг, кавалер многих орденов, родился в Кронштадте. Его отец – командующий Балтийским флотом, родом из Шотландии»* (то есть переехавший на русскую службу при Екатерине).

Подробно Александер описывает русский флот, пишет о том, что пища у русских моряков очень хорошая. Моряки отличаются бодрым видом и крепким телосложением. Каждый вечер они поют на палубе русские песни, а у адмирала за обедом играют поочередно два превосходных оркестра.

Он довольно подробно останавливается на событиях очередной русско-турецкой войны: «В Европе сложилось мнение, что

Варна пала благодаря предательству, а русские, эта великая нация, как всегда не взяли на себя труд это опровергнуть».

Про слабости наших армии и флота он, наверняка, тоже писал – но уже не в своей книге, а в узко-профессиональных отчетах.

Британцы готовились.

Британия, конечно, крупнейшая из колониальных держав. Но и Франция воевала ничуть не меньше. Воевала за Канаду, вела (что мы совсем забыли, кстати) войны с Англией за колонии в Индии, в XIX веке почти беспрерывно находилась в состоянии войны с африканскими племенами.

В том же XIX веке Франция оккупирует Алжир и Тунис, с чудовищной жестокостью подавляя восстания берберских племен, захватывает почти все острова Океании, оккупирует Джибути и Мадагаскар. В ходе последней войны население этого «райского острова» сокращается на треть.

В Юго-Восточной Азии Франция также воюет без остановки весь XIX век, добившись, в частности, полного контроля над Индокитаем. Что заставляет ее вести войны с такой интенсивностью? Какие такие «гуманитарные» цели преследуют и Британия, и Франция на далеких и чужих для этих стран континентах?

Почему же в агрессивности обвиняют именно Российскую империю? Грубо говоря, а чем она хуже?

Причина – соперничество

Одна, но очень веская прозаическая причина многое объясняет. Именно в 1830-е годы Российская империя активизировала свою колониальную политику на Востоке. Эта политика вызывалась не только одним обычным для любого государства того времени желанием захватить, покорить и ограбить. Россия продолжала естественно расширяться в силу тех же описанных выше причин, по которым росла Московия в XV–XVII веках и Российская империя в XVIII веке.

Ситуация усложнилась потому, что у империи появились новые подданные.

Кавказ

К началу XIX века хорошо известных нам сегодня государств Грузии и Армении не существовало. Вместо Грузии были независимые Имеретинское, Кахетинское, Мингрельское царства. Все они зависели от Персии и особенно от Турции. Не говоря уж о турках, персы были народом очень воинственным. К тому же они гордились своей особой иранской чистотой крови. Само слово «Иран» – от слова «ария», то есть «чистый». Отсюда же идут арии...

Как мы видим, претендентов на роль истинных арийцев немало. Помимо Шикельгрубера и писателя Сергея Алексеева к ним можно было бы с определенной натяжкой отнести и аятоллу Хомейни и нынешнего президента Ирана.

А тогда под угрозой набегов и нашествий со стороны Ирана и Турции грузинские княжества платили им дань, «советовались» в международной политике.

Больше всего сблизилась с Россией Кахетия во время правления царя Вахтанга VI. Опасаясь этого сближения, турки пошли на прямую оккупацию Кахетии и Картли. В 1724 году Вахтанг VI с большой свитой уехал из Грузии, эмигрировав в Россию. С тех пор в Москве существует большая грузинская диаспора.

Немного позже царь Ираклий II объединил Картли и Кахети, основав Восточно-грузинское царство. Он нанес несколько поражений туркам, но понимал – сохранить суверинитет своей родины не сможет. Поэтому не раз обращался к России с просьбой помочь единоверной стране.

Говоря откровенно, Россия не рвалась взять под свое покровительство Грузию. Если бы она стремилась только к территориальным захватам, кто помешал бы еще Елизавете ввести в Грузию русские войска? Реально Россия удовлетворила только *12-ю (!)* просьбу Грузинского государства о протекторате. Ведь это Запад захватывал богатые страны и качал из них продовольствие, полезные ископаемые, накопленные исторические сокровища. В России же знали: с бедной Грузии взять особенно нечего, а если войдем в Закавказье, придется опять воевать с Турцией. В действительности так и получилось.

Грузинские владыки хотели объединения страны и русского покровительства, спасаясь от угрозы мусульманского геноцида.

В 1795 году на территорию Грузии вторглись войска персидского шаха. Персы сожгли Тбилиси и начали планомерную политику физического истребления грузин. За отказ переходить в ислам убивали и отказавшегося, и всю его семью. Иногда щадили детей, отдавая их на воспитание мусульманам, и молоденьких девушек, продавая их в гаремы.

Последний царь Восточно-грузинского царства Георгий XII (1798–1800) в очередной раз просил Россию принять Грузию под свой протекторат и спасти грузин. В итоге Павел I наконец принял тяжелое решение — о включении Грузии в состав России, но так и не успел его оформить. После «скоропостижной кончины от желудочных колик» отца Александр I опять задумался: а чем грозит России на Кавказе эта ситуация? Нужна ли нам Грузия? Еще полгода колебаний, размышлений, настойчивых просьб грузин защитить братьев-христиан от исламского геноцида, и наконец молодой царь решился: все же издал подготовленный еще Павлом так называемый Манифест о протекторате 12 сентября 1801 года.

Повторим: тем самым он удовлетворил 12-ю официальную просьбу Грузии такого рода.

Вскоре присягу русскому царю принес мингрельский князь. Чуть позже присоединились Гурия и Абхазия[1].

Разумеется, результатом этого стали войны с Персией в 1804–13 годах и с Турцией в 1806–12 годах, вызванные собственно присоединением Грузии к России.

В обеих этих войнах принимали участие и отряды армянских добровольцев. Армения также давно уже сама (!) добивалась присоединения к России.

---

[1] В связи с текущей политической ситуацией специально подчеркну – Абхазия, как ранее независимое княжество, вошла в состав Российской империи *отдельно* от Грузии и несколькими годами *позже*. Что же касается Осетии, то она также добровольно присоединилась к России еще в середине XVIII века – *значительно раньше, чем собственно сама Грузия*. Вот так. Привет великому знатоку истории грузинского народа Михаилу Саакашвили...

К счастью для армян-христиан, после очередной русско-персидской войны 1826–28 годов часть Армении наконец-то вошла в состав России. На присоединившиеся к России армянские территории из областей, оставшихся под персами, *немедленно переехали* до 40 тысяч армян.

Средняя Азия

Продвижение России в Среднюю Азию вызвано было примерно теми же причинами, что и стремление вернуть России Крым. Весь XVIII век русские на юге только и отбивались от набегов работорговцев из среднеазиатских ханств и от вторжений оттуда кочевых племен.

Вот вам убедительный пример, знакомый каждому школьнику. Пушкин. История Петруши Гринева.

Городки Оренбургской линии, блестяще описанные Пушкиным в «Капитанской дочке», – это и есть типичные крепости на тогдашних южных рубежах России. Башкиры и казахи совершали набеги на русские поселения с теми же целями, что и крымские татары: крадут людей, продают их в государства Средней Азии. Государств этих было три: Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства. Численность оседлых жителей этих государств невелика – несколько миллионов человек. Абсолютное большинство из них – до 95 % – крестьяне, прозябающие в чудовищной нищете. Остальные – ремесленники и купцы, сосредоточенные в столицах.

Все три ханства – неограниченные монархии, словно сошедшие со страниц сказок «Тысячи и одной ночи». Невероятная, показная пышность одежд ханов и их приближенных, гаремы, верблюды, минареты, муэдзины, барханы, джейраны, караваны. Экзотика!

Темная сторона этой «экзотики» – дикий произвол правителей и средневековая жестокость. Бесправие и рабство населения. Великий таджикский писатель Садриддин Айни описал свое детство, проведенное в Бухаре[1]. Со страниц его воспоминаний ярко предстает восточный город с кривыми улочками, горами нечис-

[1] *Айни С. М.* Бухара: Воспоминания / Пер. с таджик. С. Бородина. М.: Сов. писатель, 1957.

тот, устрашающей антисанитарией и совершенно обыденной работорговлей. Все знают, на каких именно рынках и в какое время продают рабов, сколько стоит раб и куда каких рабов следует вывозить, чтобы заработать на этом занятии. Точно так же, как знают, когда собирать урожай винограда и алычи и как надо делать плов. Прочитать советую, станет понятнее многое. Но сначала запаситесь валидолом.

Но даже эти ханства – еще самая цивилизованная, культурная часть Средней Азии. Казахи, киргизы и туркмены живут в XIX веке вообще родовым строем, у них только зарождается государство. Кочевники то мирно торгуют с оседлыми, то нападают на них, когда скот гибнет от бескормицы, есть нечего и торговать тоже нечем. Они же охотно торгуют рабами: теми, кого привезли из русских земель, и пойманными в государствах-оазисах.

Садриддин Айни в романе «Рабы» описывает, как шайки людокрадов ловили крестьян и горожан прямо на улицах, заковывали в цепи и увозили в другие области Средней Азии или в Персию[1].

Самый большой из кочевых народов – казахи делились на три жуза, то есть орды: старший, средний и младший.

В 1731 году хан Младшего жуза добровольно принял русское подданство, за ним стали принимать русское подданство ханы и султаны Среднего жуза. Причины две. Первая экономическая: Россия стала основным потребителем продуктов казахского скотоводства и поставщиком хлеба, которого в степях всегда не хватало.

Вторая причина военно-политическая: над казахами нависла угроза завоевания со стороны Джунгарского ханства. Джунгары грабили, отбирали скот, угоняли казахов в рабство. Некоторые аулы совсем запустели: при малейшем сопротивлении джунгары истребляли казахов поголовно. Это не было какое-то особенное джунгарское людоедство, просто старая традиция степной войны – до полного истребления врага. Врагом же считался даже младенец в люльке, чтобы не вырос из него мститель.

---

[1] *Айни С. М.* Рабы. М.: Худлит, 1975.

В 1741 году джунгары снова вторглись в Казахстан, но, продолжая движение на запад, неожиданно столкнулись с военными постами: русские ввели свои войска на территорию новых подданных. Джунгары быстро сообразили, что тут уже дело пахнет жареным, не приняли боя с регулярной европейской армией и тут же ушли к себе.

Русские не просто обеспечивали военную защиту своих новых вассалов, они запрещали работорговлю, не позволяли творить произвол при сборе налогов, и главное – постепенно ограничивали права султанов и родовых вождей. Вот это ханам уже совершенно не понравилось, и они восстали против империи.

Поражение мятежа было совершенно неизбежно, и не только из-за превосходства русских в вооружении и организации. Но и потому, что абсолютное большинство простых казахов не поддерживало мятежников: для них они оставались кучкой феодалов, отстаивавших свои средневековые права.

В 1846 году, наконец, последний Старший жуз, самый богатый и сильный, присягнул России. В его землях в 1854 году построили небольшой укрепленный форпост «Верное». Позже укрепление стало городом Верный (ныне Алматы, в русском варианте – Алма-Ата, то есть «отец яблок»).

«Замирение» казахов (тогда это так называлось официально... ну чем не медведевское «принуждение к миру»?) позволило задуматься и о том, чтобы попробовать продвинуться дальше в Среднюю Азию. Экономической выгоды для России в этом не было ни малейшей. Наоборот, война заставляла нести новые расходы. Однако надо было обезопасить свои новые рубежи. Казахская степь проходима во все стороны точно так же, как Русская равнина и как равнины Сибири. Поэтому были поставлены укрепленные пункты в Казахстане. Оренбург и другие города Предуралья оказались в глубоком тылу.

Другая причина красочно описана в книге Е. К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару». В 1834 году он добрался до Хивы и Бухары, лежащих в оазисах и отделенных от других стран поясом страшных пустынь.

В этих государствах было немало русских рабов. Впрочем, почему только русских? После взятия генералом Михаилом Скобелевым Хивы среди освобожденных русских рабов оказались люди с именами Фарид и Юсуф, пойманные детьми «где-то на Волге». *«От 500 до 600 русских томятся в рабстве: они были проданы киргизами или туркменами, захватывающими потерпевших кораблекрушение рыбаков на восточном берегу Каспийского моря, или хивинцами»*[1].

Офицер русской службы Егор Казимирович Мейендорф пишет: *«Участь рабов в Бухаре внушает ужас... Я видел одного раба, которому его хозяин отрезал уши, проткнул руки гвоздями, облил их кипящим маслом и вырезал кожу на спине, чтобы заставить его признаться, каким путем бежал его товарищ.*

Большая часть русских невольников... содержались в заключении и работали с кандалами на ногах в продолжение нескольких недель нашего пребывания в этом городе... Я не могу описать бурного восторга десятка русских невольников, которых мы выкупили в Бухаре и во время пути»[2].

Далее Егор Казимирович рекомендует русскому правительству действовать предельно жестко – брать заложников: «задержать по всей империи хивинцев и бухарцев с их товарами», чтобы «вернуть на родину, в круг родных, к своей вере тысячи людей, исторгнутых из пределов России».

Этой рекомендации Петербург не принял, брать заложников было не в его правилах: хивинских и бухарских купцов не задержали. Но почему Российская империя стремилась взять контроль над гнездами работорговли, думаю, уже ясно.

При «штурме Самарканда» – писать можно только в кавычках, – одного из древнейших городов Востока, жемчужины Азии и так далее, ставшего впоследствии самым древним городом на территории СССР, русские войска потеряли ***двух человек***. Двух!

Факт говорит не только о том, насколько в военно-техническом отношении современная русская армия превосходила тог-

---

[1] *Мейендорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М.: Наука, 1975.

[2] *Указ. соч.*

дашние средневековые среднеазиатские ханства, но и о том, насколько она реально не встречала сопротивления, присоединяя к себе Туркестан.

Заняв Самарканд и потеряв двух человек, русские решили проявить максимальное миролюбие. Они преподнесли старейшинам города подарки и, оставив там символический гарнизон, по-моему, в размере полутора батальонов, ***около 600 человек***, двинулись дальше.

И вот тут-то проявилось восточное коварство. Самаркандский эмир собрал огромную армию и внезапно набросился на русский гарнизон. Дальше – удивительное.

В течение нескольких дней, до подхода основных сил эти 600 человек защищали Самарканд. И выстояли, будучи атакованы со всех сторон – на чужой территории, во враждебном городе, противостоя армии численностью 65 тысяч человек.

600 против 65 тысяч.

Где фильмы об этом? Да, кстати, среди защищавших город был молодой офицер Верещагин, будущий величайший художник-баталист.

Я видел как-то франко-голливудский фильм с Жан-Клодом Ван Даммом «Легионер» про то, как солдаты Французского легиона в XIX веке в Алжире героически защищают от превосходящих сил кочевников небольшую крепость. Фильм банальный и тупой, все погибают, крепость сдается.

Остается в живых один Жан-Клод Ван Дамм. Ну, касса, Голливуд, что поделать...

Видел как-то более качественный англо-голливудский фильм на тот же сюжет – «Четыре пера». Несколько молодцеватых английских юношей из аристократических британских семей в составе колониальных войск тоже защищают в Африке небольшую крепостишку от туземных жителей.

Та же картинка колониальной войны, тоже все гибнут очень героически.

Воспевается дух британского красного мундира, который один стоит десятерых туземцев.

Как показала оборона Самарканда, один русский солдат стоил больше чем сто. Сто никаких не кочевников, не дикарей не-

гритянских, а сто профессиональных солдат Самаркандского эмира. Где на эту тему написанные бестселлеры? Где отснятые телесериалы? Где масштабные батальные кинофильмы?

На экранизацию эпохальных битв Ночных дозоров с вампирами из Дневных, ясно дело, деньги найдутся.

На оборону Самарканда, как и еще тысячи и тысячи других ФАНТАСТИЧЕСКИХ примеров РУССКОГО ДУХА И СИЛЫ – один против ста (!) – что, у Минкульта нет средств?[1]

Не могу не сказать в этой связи о нашумевшей «Девятой роте». В чем минус фильма Бондарчука – а он снял, и очень профессионально, неплохой по замыслу фильм...

Дело все в том, что настоящая, невыдуманная воевавшая в Афганистане 9-я рота, как известно, выполнила боевое задание, большая часть людей осталась в живых, и они с честью ушли с боевой позиции. В бондарчуковской «Девятой роте» они не выполнили задания, потому что задание было изначально идиотское, ошибочное и неправильно истолкованное, – и все погибли.

И после просмотра этого фильма вы захотите отдать ваших детей служить в армию? Вы что хотите: чтобы они шли в армию смертников, на бессмысленный убой, или – в армию победителей?

Кинофильму, чтобы остаться в памяти поколений, мало быть просто профессионально сверстанным. Надо иметь внутренний стержень. Есть разница между кино идейным и безыдейным.

Между «Офицерами» и «Девятой ротой».

Повторюсь: мы совершенно не используем позитивные исторические примеры, которые у нас есть. В Англии, Франции, Америке этих примеров нет, либо они хуже, но зато там выжимают из них все для того, чтобы продемонстрировать величие национального духа. Разница между реальной обороной Самарканда и выдуманными историями голливудско-европейского кино в том, что, во-первых, наши победили, и во-вторых... Что мы зна-

---

[1] Зато нашлись на совершенно безумный по идее и лживый по содержанию «фильм о Великой Отечественной войне» «Сволочи». Вопрос: кто принял решение дать на это кино *государственных* (!) денег? Кто лично? Хочется плюнуть в лицо.

В. Верещагин «Апофеоз войны». 1871.
Подобные чудовищные пирамиды по приказу среднеазиатских завоевателей воздвигались не только в древние эпохи, но и во времена, близкие Верещагину. Подобные груды черепов художник видел и собственными глазами!

ем о Верещагине? Что мы знаем о его туркестанских подвигах – разве что картину «Апофеоз войны» с горой черепов?..

В 1865 году, после взятия Ташкента, Кокандское ханство стало вассалом Российской империи. И тогда вспыхнуло восстание мусульман, которые собирались продолжить «газават» до победного конца, независимо от капитуляции государства.

Именно в это время (а не в Гражданскую войну, как мы полагаем) появились «басмачи»: от слова «басмак» – атаковать, нападать. Сами себя басмачи называли «армией ислама». Картины Верещагина «Нападают врасплох» и «У крепостной стены» как раз о реалиях этой войны.

В 1868 году Бухара подписала с Российской империей договор, по одному из пунктов которого Бухарское ханство возвращает в Россию всех русских рабов, не принявших ислама.

Как же реагировала Европа? Европа осталась совершенно равнодушна и к судьбе русских, а также татарских, армянских и грузинских рабов, и к операциям по их освобождению. Вспомним, у Генрика Сенкевича судьба европейских детей, захваченных в рабство, вызывает величайшее сочувствие. Освободить их, попутно, правда, захватив чужую страну, – доблесть и заслуга. Европа увидела только одно: Российская империя реально угрожает интересам Британской империи.

Но как же не «угрожать» этим виртуальным интересам, если к тому моменту в интересы Британской империи уже входило $^2/_3$ мира! К Средней Азии с юга, из Индии, уже двигались отряды британцев. До наших среднеазиатских походов у Британии в этом регионе не было конкурентов и ничто не угрожало ее планам. Можно было даже не торопиться: спокойно и последовательно «разобраться» сначала с Афганистаном, потом двинуться в Фергану и в другие ханства...

А тут появилась Россия! В представлении британцев это выглядело как вырывание из-под носа куска, на который уже разинул пасть британский лев. Монополия нарушена. Британия вынуждена признать русские завоевания в Средней Азии.

С Россией приходится договариваться, черт возьми!

В 1873 году между Российской и Британской империями достигнуто соглашение «о буферном поясе в Средней Азии», которое «устанавливало северную границу Афганского эмирата». Перевожу на современный газетный язык: две европейские империи между собой попросту решали, где должны проходить границы других государств, например Афганистана.

В 1880–81 годах Скобелев присоединил к России Туркмению. После этого Российская и Британская империи едва не начинают военные действия – русские и англо-афганские войска столкнулись около Кушки[1]. Британцы считали Афганистан своей «зоной влияния».

Лишь при Николае II, в 1907 году, Российская империя официально признала Афганистан «лежащим за пределами сферы ее интересов».

В том же году Российская и Британская империи разделили Персию на три зоны.

В южной зоне господствовала Британия, в северной – Россия. Средняя зона была признана «областью столкновения интересов». Сформулировано просто. Но со вкусом.

Столкновения в Центральной Азии

В середине XIX века Николай Пржевальский (1839–88) организовал четыре центральноазиатские экспедиции. Одной из целей Пржевальского было проникнуть в Тибет и изучить его.

---

[1] Кушка – крайняя южная точка СССР. Любой советский курсант военного училища знал шуточную присказку, что может с ним случиться после окончания учебы и присвоения звания лейтенанта: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют». Правда, в 1979 г. Политбюро ЦК КПСС все-таки умудрилось заслать этих «зеленых» лейтенантиков сильно южнее, дальше Кушки: в Афганистан.

Пробиться в столицу Тибета Лхасу силой не удавалось пока никому. Далеко, высоко, неизучено, страшно. Правда, британцы с юга уже засылали своих агентов-буддистов, работавших на британскую секретную службу. Они, не спеша, готовили захват Британией Тибета.

Тогда с севера, из Бурятии, в Тибет проник удивительный человек – бурят по этническому происхождению и европейский ученый по призванию, Гомочжаб Цэбэкович Цибиков (мы уже не один раз вспоминали об этом удивительном человеке). Цибиков, будучи и ученым, и разведчиком, под видом буддиста-монаха успешно собирал стратегическую информацию.

Парадокс, но для Российской империи оказалось очень выгодным иметь хорошие отношения со своими подданными всех вер и народов. Выгодно обучать их и делать частью своего государства. Секретные агенты британцев не учились в Кембридже, не имели военных чинов Британской империи, не владели инструментами и способами измерять расстояния в милях и километрах. Результат их деятельности был куда бледнее результатов Цибикова... А почему? Британцы, право, сами виноваты.

В 1904 году британские войска захватили юг Тибета, но Российская империя, сложно интригуя, «подсовывая» англичанам взаимоисключающую информацию по официальным дипломатическим и разведывательным каналам, спекулируя своим давлением в Средней Азии и т. д., в общем, не без труда, но смогла убедить Британию, что на самом деле Тибет ей совершенно не нужен, пусть он и дальше остается частью Китая.

По Соглашению 1907 года о территориальной неприкосновенности Тибета, британцы вывели свои войска из Тибета, а буряты-ламаисты, русские подданные, получили право паломничества.

А ведь Тибет нависает над «жемчужиной в короне» Британской империи – Индией. Тот, кто владеет Тибетом, легко может двинуться оттуда и в Непал, и в Северную Индию... Не случайно британцы все же так нервно относятся к проникновению туда русских. Опять эти русские...

Ведь русские могут и в Индию послать своих разведчиков! Таких же активных, обученных, а главное – не отделяющих своей судьбы от судьбы всей Российской империи.

Страх перед русскими очень хорошо виден в «программном» произведении Р. Киплинга «Ким»: дискредитация русских в этом романе – чуть ли не самый славный подвиг, совершенный главным героем[1].

Но что характерно: главный герой романа – все же европеец по отцу... Англо-индус... То-то он так предан Британской империи!

...А вот Гомочжаб Цэбэкович русским не был. Чтобы быть русским патриотом, ему не потребовался русский папа. А вдруг и в Индии такие же появятся?!

Ну как же тут не кричать о «русской угрозе»?!

Крымская война

Итак, 1853 год. Предлогом, а, может, частично даже причиной выступления Российской империи против Турции становятся очередные гонения турок на балканских славян. Россия традиционно играет роль их заступника. Это безумно раздражает могущественные колониальные державы: никак нельзя позволить, чтобы Россия усиливалась. А она обязательно усилится, если дряхлеющая Турецкая империя признает ее права на «духовное покровительство» над братьями-славянами.

Но если Турция рискнет воевать с русскими, а Россия ее победит?! А она, скорее всего, победит. Россия разгромит Турцию, владеющую колониями по всей Западной Азии и Северной Африке и... отнимет у нее эти территории.

К тому же, победив Турцию, Российская империя выйдет к проливам Дарданеллы и Босфор, и тогда ее военный флот сможет легко выходить в Средиземное море! Нет...это слишком усилит Россию.

---

[1] *Киплинг Р.* Ким. М., 1994.

Как же здесь могли Британия и вся Европа остаться в стороне от поначалу исключительно «двусторонней» русско-турецкой Крымской войны 1853–56 годов?! Всю первую половину XIX века Россия становилась всё «агрессивнее» и «агрессивнее»: всё в большей степени мешала спокойно жить западному миру.

Нет, нет, мирный Запад никак не мог остаться в стороне от далекого русско-турецкого конфликта.

Трудно обвинять в излишней наивности императоров и прочих владык, но Николай I вел себя очень наивно. Все-таки он был, скорее, офицером, чем государственным деятелем, и по образованию, и по взглядам на политику. Того «византийства», коим так отличался его старший брат, Николаю Павловичу совершенно не доставало. Он договаривался о нейтралитете европейских держав так прямолинейно, как могла бы его бабка Екатерина Великая договариваться с Пруссией и Австрией о разделе Польши.

Но о разделах Польши договаривались державы примерно одного калибра, хорошо понимающие мотивацию и поведение партнеров и не особенно боящиеся одна другую. За эти семьдесят лет мир изменился до неузнаваемости. С тех пор Россия победила Наполеона, русские войска маршировали по Парижу, большая часть Польши вошла в Российскую империю. Было присоединено Закавказье, в нескольких войнах разбиты Турция и Персия. Русские корабли огибали земной шар, русские моряки первыми увидели Антарктиду.

Короче говоря, с тех пор Россия усилилась настолько, что она уже была не просто «одной из европейских держав». Она стала слишком большой и опасной.

Николай I искренне верит, что может договориться о своего рода «Первом разделе Турции». Пусть Британия присоединяет Египет и столь необходимый ей под военно-морскую базу Кипр. Пусть Франция усилится в Северной Африке. А Россия получит то, что ей нужнее всего – выход в Средиземное море через Босфор и Дарданеллы. И пусть западные державы не мешают ей и дальше опекать православных христиан – подданных Турецкой империи.

По сути речь шла о реализации голубой мечты всех русских и славянских патриотов со времен Вещего Олега и зарождения мос-

ковитской концепции «Москва – Третий Рим». Русский щит – на вратах Цареграда. Россия – в Константинополе, втором Вечном городе, символе православия. Мы объединяем под своим протекторатом (а может, и в своих границах) всех славян и православных: от Адриатического и Средиземного морей, до Черного и Балтики.

Был и еще один «моральный» аргумент, который, как наивно полагал Николай I, поможет ему контролировать потенциальных союзников.

Разве не Россия помогла Австрийской империи пережить страшную революцию 1848 года? Империя могла рассыпаться, венгры уже реально выходили из ее состава. Спас Австрию посланный Николаем I 100-тысячный корпус под командованием Паскевича. Провожая верного слугу, Николай вместо инструкций произнес только три исторических слова: «Не щади каналий!» Паскевич и не щадил. Венгерские повстанцы разбиты в пух и прах. Австрийская империя спасена. Русский император получает прозвище «жандарм Европы».

Теперь Николай I ждал от императора Франца-Иосифа ответной услуги. Какая невероятная наивность, недопустимая для политика мирового масштаба! Как будто бы он забыл евангельский принцип: не жди благодарности.

Он полагал, что, если Австрия нас поддержит, Россия сможет выиграть любую европейскую войну. И тогда она окончательно утвердится на Балканах. Однако Австрия боится, что Россия и так слишком привлекает славянских подданных Австро-Венгрии: чехов, словаков, русинов и пр. И Франц-Иосиф пожимает плечами: «В политике решают интересы, а не благодарности».

В феврале 1853 года Николай I послал в Константинополь чрезвычайную миссию во главе с князем А. С. Меньшиковым (потомком того самого Алексашки Меншикова) требовать от султана признания за Россией прав на покровительство православных Турецкой империи. В этот же месяц Франция и Англия заключают секретный договор, по которому, если Российская империя начнет войну с Турцией, они совместно выступят на стороне Турции.

Николай I и Меньшиков еще хлопочут, еще думают, как лучше, однако все уже предрешено. Английский посланник Страт-

форд уже передал турецкому султану: «Англия готова поддержать желание Турции вернуть Крым». Не добившись ничего, Меньшиков покидает Стамбул. А эскадры Англии и Франции уже приведены в боевую готовность.

В июне 1853 года Николай I приказал своим войскам войти в дунайские княжества – Молдавию и Валахию (современную Румынию). Султан чувствует поддержку Англии и Франции и отвечает объявлением войны.

Первые же действия России подтверждают худшие опасения Европы: очень уж она сильна. Адмирал П. С. Нахимов в Синопском бою фактически «на раз» уничтожает весь (!) турецкий флот. В декабре 1853 года отряд генерала В. О. Бебутова громит турецкую армию, вторгшуюся в Закавказье. Русская армия вступает в Болгарию. Болгары радостно приветствуют русские войска, в Греции вспыхивает восстание христиан.

И вот тут-то маски спадают!

В ноябре 1853 года премьер-министр Англии лорд Эбердин сделал заявление о готовности Англии вступиться за «независимость Турции», остановить агрессию «русского медведя». Примерно в таком же духе высказался и французский император Наполеон III.

У лорда Г. Дж. Пальмерстона доктрина войны уже готова. Она предусматривает удар с трех сторон сразу: 1) введение войск на юг Российской империи, в Одессу или в Крым, 2) нападение флота с севера на Петербург, 3) отторжение от России Дальнего Востока, Аляски и Камчатки. Предполагалось, что после войны у Российской империи следует отторгнуть Бессарабию, Финляндию, Польшу, Кавказ, Крым, Прибалтику. В общем, загнать Российскую империю в границы Великого княжества Московского XV века.

Скажу откровенно, меня не удивляет, что политики вынашивали такого рода планы. Политика – вообще дело циничное и эгоистичное, особенно международная.

Меня просто поражает способность некоторых британских (Гендерсон, Темперли, Малькольм-Смит) и американских (Бейли) историков при всем этом на полном серьезе толковать об «агрессивной политике России» и говорить о «миротворческой миссии» лорда Пальмерстона. Если всерьез принимать их сочине-

ния, то получается, что Крымская война вызвана исключительно захватническими стремлениями России, Турция – невинная жертва русской агрессии, а западные державы только и пытались – прекратить кровопролитие.

Эх, мало мы ловим их на вранье!

Ход событий

Ну что же, восстановим ход событий подробно. В ночь на 4 января 1854 года английская и французская эскадры прошли через Босфор в Черное море. Затем Англия и Франция потребовали от России вывести войска из Дунайских княжеств.

Предательница Австро-Венгрия тоже требует от России «оставить в покое» Балканы и заключает союз (!) с Англией и Францией. Российская империя обращается за поддержкой к Пруссии. Пруссия отказывается быть посредником в переговорах. В июне 1854 года Российская империя вынуждена отступить за Прут. Австрия тут же оккупирует Валахию и Молдавию. Все сторонники России немедленно подвергнуты репрессиям.

Казалось бы, «миротворческая миссия» выполнена. Балканы спасены от ужасов хищного «русского медведя». Но тут Англия и Франция демонстрируют свое хваленое миролюбие по полной программе.

Англия, а на следующий день Франция объявляют России войну, 22 апреля англо-французская эскадра подвергла Одессу обстрелу из 350 орудий. Но попытка высадиться возле города не удалась. Что делать?

Есть ли у вас план, мистер Фикс? О да! У мистера Фикса, то бишь мистера министра Пальмерстона, всегда есть план! Все коммуникации, склады, базы провианта, карты, войска к войне с Россией давно подготовлены. Включается «запасной вариант» – десант в Крыму.

«Ограниченные контингенты» англичан и французов быстро растут – с 12 тысяч до 60 тысяч человек. 8 сентября 1854 года союзники разбили русские войска у реки Альма. Гуляете по Парижу? Зайдите на улицу Альма. Потом сверните на бульвар Се-

вастополь. Итак, русские войска блокированы в Севастополе. 17 октября началась знаменитая осада Севастополя, по плану Пальмерстона – на взятие города отводилось не более 14 дней.

Но осада длилась практически год – 349 дней.

Гарнизон насчитывал всего 18 тысяч солдат и матросов. Гордость России – парусный Черноморский флот – пришлось затопить у входа в бухту, чтобы и враги не могли войти на рейды Севастополя.

Раз за разом шли на приступ англичане, французы, турки, шотландцы. Невиданные ранее в практике войн массированные бомбардировки выдержал город, на знаменитом Малаховом кургане не осталось ни одного кустика: все смела артиллерия. Земля Малахова кургана по воспоминаниям очевидцев постепенно поменяла цвет: она стала такой красно-бурой... пропитанной кровью насквозь...

Город не сдавался. Русские стояли насмерть.

Российская империя не раз пыталась отвлечь вражеские армии, чтобы союзники начали перебрасывать войска на другие театры военных действий. Не удалось – очень уж Англия с Францией хотели взять именно Севастополь, символ русского присутствия на Черном море.

27 августа 1855 года, после гибели на передовой командующего обороной адмирала Нахимова, французские войска наконец захватили южную часть Севастополя и господствующую над городом высоту – Малахов курган. Только после этого русским войскам пришлось оставить город. Севастополь вошел в историю не как место поражения, а как город русской славы.

Причины поражения

Уже в 1860-е годы было принято считать причиной поражения России ее техническую отсталость: не было хороших дорог, и в Крым не было подхода для свежих войск и подвоза боеприпасов. Слабая инфраструктура: полуостров Крым был, можно сказать, островом на границе империи. Русский флот был целиком парусным, а на Западе уже вовсю пыхтели пароходы.

Англо-французские войска имели нарезные штуцера, которые позволяли рассыпному строю егерей открывать огонь по русским войскам с 200–300 метров: задолго до того, как те приближались на расстояние, достаточное для стрельбы из отечественных устаревших гладкоствольных ружей. Сомкнутый строй русской армии, рассчитанный преимущественно на один групповой залп и штыковую атаку, при таком различии в вооружениях становился идеальной мишенью.

Интенданты невероятно воровали, вся государственная машина была неповоротливой и коррумпированной.

Да, Россия отставала в технике и военном деле, потому что сохранялся крепостнический строй с ограничивающей промышленное развитие несвободой работника. Как потенциальные наемные рабочие, так и потенциальные предприниматели России находились в крепостной зависимости. Европа была более передовой в плане развития техники, благодаря произошедшим там социальным переменам, способствовавшим созданию рынка капиталов и рабочей силы.

Крайне слабым было стратегическое командование русскими войсками. По сути защитники Севастополя были брошены на произвол судьбы, и сам факт столь длительной его обороны – пример потрясающего героизма русских солдат, матросов, оперативного таланта наших знаменитых адмиралов.

Все эти причины поражения действительно объективны. Но осмелюсь утверждать: они еще и второстепенны. Главной и основной причиной поражения России в Крымской войне стало объединение против нее основных западных держав (Англии и Франции) в союзе с Австро-Венгрией и благожелательном для агрессии западных держав нейтралитете остальных стран Европы.

Примерно в том же ключе видит ситуацию и современный британский историк Доминик Ливен: «Александр II получал новости из Крыма через Париж, поскольку они шли по телеграфу. Российским полкам требовалось больше времени, чтобы добраться до Крыма пешком, чем британским войскам, чтобы десантироваться у Севастополя на современных пароходах. Военная техника противника была значительно более совершенной, чем российская».

Однако более любопытны те выводы, к которым приходит современный британский исследователь через полтора столетия после того, как его соотечественники бомбардировали русский город Севастополь: «У России не было другого пути, кроме как вести эти войны. Если посмотреть на историю XIX в., особенно с 1850 по 1914 г., это было очень жесткое время. Мир оказался в руках всего нескольких великих имперских держав. Перед Россией стоял вопрос: быть или империей, или объектом империализма. Россия не хотела повторять судьбу колониальной Индии или полуколониального Китая. Кем должна быть Россия? Европейской державой? Победителем? Или проигравшим? Это очень жесткий выбор. И войны лишь подтверждают эту реальность». (См.: Эксперт. – 2008.– № 1.)

В Крымской войне в самом концентрированном виде проявилась консолидация Запада против чуждой ему русской цивилизации. Проявился коллективный страх Европы перед Россией.

Наполеон начал идеологическую кампанию, крича о «русской агрессии» и «русской угрозе». После разгрома Наполеона в 1814 году во всей Европе началась точно такая же антироссийская идеологическая кампания. Она усиливалась с каждым достижением России, в чем бы ни была суть этого достижения.

Теперь, в 1853 году, Европа перешла от теории к практическим действиям. То есть сама напала на Российскую империю. Одновременно она кричала об агрессивности русских... Что очень напоминает действия карманного воришки: когда его ловят за руку, он громче всех кричит «держи вора» и вцепляется в того, кто его поймал.

Последствия

Война закончилась подписанием 18 марта 1856 года в Париже мирного договора, по которому Черное море объявлялось нейтральным, русский флот сокращался до минимума, крепости уничтожались.

Это были весьма мягкие для России условия. Что пользы от флота, если турецкой угрозы более нет, а выйти из Черного моря

он все равно как и прежде не сможет. Никаких территориальных потерь Россия вообще не понесла.

Внутри России следствием войны стали правовые и социально-экономические преобразования в стране в 1860-е годы. После военного поражения правительство Александра II стремительно форсировало реформы.

Провал «плана Пальмерстона»

Но, что приятно, план Пальмерстона так и не удался. Как ни тяжелы были последствия поражения для России, это была ничтожно малая часть того, что хотела сделать Британия. Почему же не удался план?

Объяснение у меня одно: англичане не умели и не готовы были воевать в России. Даже в теплом Крыму они несли огромные потери. Главнокомандующий британских войск говорил, практически цитируя древнегреческого царя Пирра: «Еще одна такая победа, и мы лишимся всего войска».

Что же касается английского и французского флота, то это – армады для ведения колониальной войны. Эти флоты годились для того, чтобы пугать туземцев бортовыми залпами по берегу и перевозить небольшие контингенты колониальных войск. Против же серьезного, равного по силе противника, тем более для участия в преимущественно континентальной войне они были малоэффективны.

Прибалтика и Север

Пальмерстон предполагал высадку десантов в Белом море, взятие Петербурга, отторжение Прибалтики и Финляндии. В Бал-тийском море британско-французская эскадра, 30 вымпелов с 12-тысячным десантом на борту не решилась даже подойти к Петербургу.

Британцы обстреляли издалека Кронштадт и еще какой-то беззащитный русский островок в Финляндии. На то, чтобы захватить Аландские острова, которые защищали лишь полторы тысячи сол-

дат, у союзников ушел целый месяц. После этого они настолько выдохлись, что уже не могли вести активных действий.

Летом 1855 года военно-морские силы Британии еще раз обстреляли Свеаборг и храбро разбили местное ополчение, набранное из финских и эстонских рыбаков, повторяя свои «подвиги» в Африке. Но высаживаться больше не решились нигде.

Также ничего не получилось и на Тихом океане... Кстати, эта история весьма показательная и, к сожалению, почти забытая. Надо рассказать о ней подробнее.

Столкновения на Тихом океане

В середине XIX века усиливается борьба за влияние на Тихом океане. За сто лет до этого, когда Россия выходила к Аляске, это никого не интересовало, как не интересовало и то, как в начале XIX века Россия строила Форт Росс и другие крепости-поселения в Калифорнии и по всему Тихоокеанскому побережью будущих США.

Но с тех пор многое изменилось. Британия старалась прибрать к рукам Китай. Франция захватила большую часть островов Океании. Соединенные Штаты вышли-таки к Тихому океану и отторгли от Мексики Калифорнию. В 1853 году американцы заставили Японию отказаться от политики изоляции, открыв порты для торговли с США[1].

Во время Крымской войны Соединенные Штаты заняли условно пассивную позицию.

Американские суда крейсировали вдоль побережья Тихого океана, но в боевых действиях участия не принимали. Генерал Мак-Клеллан, будущий командующий армией США, находился тогда в ставке Британии в Крыму – перенимал, так сказать, передовой опыт.

[1] Эти события весьма романтично изображены в недавнем голливудском блокбастере «Последний самурай» с Томом Крузом в роли американского офицера, посланного в Японию в числе «ограниченного контингента» американских военных инструкторов.

Но вот в августе 1854 года объединенная англо-французская эскадра под командованием контр-адмиралов Прайса и Феврие де Пуанта подошла к главному опорному пункту России на Тихом океане – городку Петропавловску.

Весь русский гарнизон насчитывал ни много ни мало – 920 человек (41 офицер, 825 солдат некоего «городского казацкого полка», видимо попросту местного ополчения, 18 русских добровольцев-инвалидов и 36 добровольцев-камчадалов).

У русских была небольшая береговая батарея и аж 2 (два) корабля: парусник «Аврора» и парусное транспортное судно «Двина». Боезапас составлял максимум 30–40 выстрелов на орудие. В общем, ни дать ни взять – крепостишка чуть поболее, чем описанная Пушкиным в «Капитанской дочке».

Совершенно ничтожная воинская часть, никак не сравнить с могучими армиями, скрестившими оружие в Крыму. Но этот ничтожный гарнизон защищал, а эскадра союзников пыталась захватить громадную почти ненаселенную территорию, площадью порядка 3 млн квадратных километров, таящую колоссальные природные богатства. «Миротворческие» англо-французские войска, «спасавшие несчастную Турцию» от русского нашествия, почему-то оказались в тысячах километров от Турции и Крыма, пытаясь наложить лапу на несметные русские богатства.

Итак, силы, мягко скажем, не равны...

Обстреляв порт и подавив огонь береговой батареи, англо-французы высадили десант морской пехоты (600 чел.) с целью захватить Петропавловск. Что дальше? Дальше некий русский «сборный отряд» (видимо, собрали из находившихся рядом казаков и инвалидов) числом около 200 человек штыковой контратакой... сбросил его в море.

Второй, более подготовленный десант (уже 970 чел.) был снова отбит в жестокой рукопашной на берегу.

Союзники потеряли около 450 человек убитыми и ранеными.

Хваленая британская профессиональная морская пехота – отчаянные головорезы, покорившие полмира, несмотря на подавляющий численный перевес и преимущество в огне, не смогли занять городишко, защищаемый какой-то сборной солянкой из казаков, инвалидов-добровольцев и охотников-камчадалов.

Главнокомандующий адмирал Прайс, не выдержав позора (как? как он сможет доложить ***это*** в Адмиралтействе?), застрелился у себя в каюте на борту капитанского судна.

Общие потери русского гарнизона составили около 100 человек. Это так, к слову, к старому разговору о нашей неспособности воевать не числом, а умением.

Союзники вынуждены были уйти в Ванкувер и Сан-Франциско. Благодаря героизму и стойкости всего лишь нескольких сотен русских солдат, ополченцев и матросов, план оторвать от России колоссальные территории – Камчатку и Дальний Восток – не удался[1].

Случись подобное с любой крепостью Британии или Франции, европейцы до сих пор рассказывали бы легенды о своем героизме, называли бы корабли и небоскребы именами отличившихся участников обороны, ставили бы им памятники. А мы?..

Мифы о Крымской войне

Крымская война была для нас поражением, но вовсе не таким страшным, как оно представлялось Николаю. Не таким «катастрофическим и бездарным», как оно потом вошло в советские учебники истории.

Начнем с того, что весь англо-французский флот полностью состоял из пароходов, причем с винтовыми двигателями. В русском флоте на паровой тяге была лишь треть больших кораблей – о малых речь не идет вообще. Весь героический эпизод с затоплением наших парусников, фрегатов на севастопольском рейде, чтобы заблокировать вход в бухту, – это конечно большая личная трагедия для моряков, но в той ситуации – единственное возможное решение.

Положение было безвыходным, а решение – правильным. В реальном, современном для того времени морском бою наши фрегаты были бы просто малоподвижными и удобными мишенями, а не боевыми единицами.

[1] Советская военная энциклопедия в 8 т. Т. 6. М.: Воениздат, 1964.

По поводу винтовок – это общеизвестно. У нас не было нарезного оружия. У нашего гладкоствольного стрелкового оружия прицельная дальность была примерно в два раза ниже, чем у противника. Поэтому европейскому исследователю вообще непонятно, как мы могли воевать с французами и англичанами, вооруженными нарезными винтовками. Точно так же уступали по дальнобойности наши пушки.

Что же касается снабжения союзной армии, то не нужно думать, что им возили вооружения и продовольствие из Англии и Франции. Основной базой снабжения союзнических войск был крупный турецкий порт – турецкая тогда еще, а ныне болгарская Варна. Это гораздо ближе, чем основные базы снабжения русской армии, находившиеся в глубине континентальной России. К нашему-то еще бездорожью... Железной дороги не было, и от Киева, крупнейшей центральной базы, в Севастополь все тащили на лошадях.

Так вот, несмотря ни на что, физические, численные потери русских и союзных войск были ***равными***. Вот это самое потрясающее. Честно говоря, я не понимаю, как это могло быть. Нас, по большому счету, могли просто обстреливать и убивать издалека. Паритетные потери – это удивительная вещь. Я думаю, тут может идти речь только о потрясающем героизме и выдающейся силе духа наших войск. По сути дела, союзные войска за все время боевых действий ни разу не были под таким огнем, под которым целый год постоянно находились защитники Севастополя.

И подчеркну еще раз: поражение в Крымской войне – весьма условное.

Во-первых, оно компенсируется успехами на Балтике и на Дальнем Востоке.

А во-вторых, давайте подумаем, что потеряла Россия в результате этой войны, которая преподносится историками, как грандиозный крах всей русской военной машины? Россия не потеряла ни одного квадратного сантиметра своей территории. Ни одного!

Ну, ей запретили иметь на Черном море военный флот. Ну запретили. Ну обидно, да. Но его у России там уже и так не было – затоплен в Севастопольской бухте. При этом такой же зап-

рет распространялся и на Турцию. Более того, поскольку Черное море было наглухо заперто Дарданеллами, то в условиях отсутствия турецкого флота наш собственный был и не нужен: воевать было не с кем.

Русско-турецкая война 1877–78 годов

Греция как суверенное государство полностью обязана своим появлением России. Напомню, Греция вновь появилась на картах мира лишь спустя две тысячи с лишним лет после великой Древней Греции Демосфена: а именно, в 1829 году по Адрианопольскому миру между Турцией и Россией.

Вот год рождения государства Греция – в современном ее понимании. Дальше после каждой войны России с Турцией, а их было несчетное количество, наши православные друзья-греки получали в подарок очередной кусочек территории. В подарок от России. Не себе мы забирали, отдавали Греции.

И эти неблагодарные греки не могут еще сегодня признать Абхазию с Южной Осетией! Совсем у людей нет ни совести, ни исторической памяти. Члены НАТО, что поделать. Мировая политика не знает чувства благодарности, только интересы. Так, повторюсь, сказал австрийский император Франц-Иосиф в ответ на просьбу Николая подержать его в Крымской войне. Думать надо только о себе. Победили турок, территорию отобрали – себе. Еще раз победили – себе.

А то вот всю историю Россия помогала Болгарии, и что? А болгары почему-то воевали во всех мировых войнах против России. Хотя «дружба-фройндшафт» дальше некуда. Как малейшая проблема – воюют с Россией. Тоже, кстати, ведь не признали ни Абхазию, ни южную Осетию...

Но это я немного отвлекся. Пора вернуться туда же, на Балканы, на 130 лет назад. Во многих отношениях русско-турецкая война 1877–1878 годов – «второе издание» Крымской войны. Россия стремилась поддержать своих братьев по крови, южных славян, и братьев по вере, православных, в стремлении к независимости от Турецкой империи. Эта война была очень популярна в широких

слоях русского общества. На фронты сербо-черногорско-турецкой войны 1876 года ехали тысячи добровольцев из России.

Параллельно Россия в который раз стремилась решить старинный вопрос о проливах: о свободном выходе в Средиземноморье через Дарданеллы и Босфор. Стремилась укрепить свое влияние на Балканах и восстановить подорванный Крымской войной международный авторитет.

И на этот раз западная дипломатия подстрекала Турцию к войне, но самим вступить в войну западным державам было страшно. Вероятно, сказывался и опыт Крымской войны. Крым-то отторгнуть от России не удалось. Так он и остался в составе России с могилками британских солдат.

Об этой славной войне можно рассказывать много. Читателю она наверняка известна и из учебников, и по роману Б. Акунина «Турецкий гамбит». Но эта книга об исторических мифах истории, а не просто о славе русского оружия. Поэтому опишу только один красочный эпизод этой войны. На рубеже 1877–78 годов русская армия была близка к победоносному завершению войны. Она совершила беспрецедентный зимний переход через Балканские горы, окружила и пленила группировку турецких войск. Преследуя бегущего противника, наши вышли на самые ближние подступы к Константинополю (Стамбулу). Боеспособных войск у Турции не оставалось.

Казалось, вот оно, еще немного, и русские войска войдут в бывшую столицу Византийской империи. Популярнейший лозунг того времени: «Водрузим крест на купол Святой Софии!» Весь православный мир, все славянские народы готовы были приветствовать занятие Константинополя русской армией.

И тут британская эскадра входит в Мраморное море. Британская дипломатия настоятельно «не советует» Александру II занимать Константинополь. Царю дают понять, что Британия готова немедленно объявить нам полномасштабную войну, если Российская империя не прислушается к их совету.

Царь колеблется... Память о Крымской войне очень свежа...

Как у Пушкина: «Того гляди навяжется на нас Европа...» И следует приказ: остановиться. Ни шагу вперед. Начинаются переговоры, заключается перемирие...

Был ли прав Александр II в своем решении? Возможно, и не был. Но история, увы, именно такова: штурм Стамбула, переименование его в Константинополь и превращение мечети Айя-София в православный Софийский собор не состоялись. Спасибо британцам, доблестным защитникам демократии и спасителям бедной, настрадавшейся от России Турции.

Позже, после Первой мировой войны, Турецкую империю лихо и без всяких либеральничаний и угрызений совести нашинкуют на кусочки и разделят между победителями – странами Антанты... но уже без участия России.

Глава 7

Миф о «русской агрессии» и политические реалии. Выводы

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
А. Блок
«Скифы»

Самая большая удача, если враг
преувеличивает твои недостатки.
М. Пьюзо
«Крестный отец»

Не Брежнев, а император Николай II в 1898 году впервые выдвинул предложения по прекращению в мировом масштабе гонки вооружений.

Гаага. Май 1899 года. Первая международная конференция по разоружению. Она проходила по инициативе России, Николая II. Кстати, он в этом отношении был не одинок – почти 50 лет общеевропейского мира в XIX веке, имея в виду отсутствие войны между крупными европейским державами, были прямым следствием Венского конгресса и, самое главное, политики Священного союза его прадеда Николая I.

Главным обсуждаемым вопросом Гаагского конгресса по разоружению стали предложения России.

Зафиксировать военные бюджеты ведущих мировых держав. Не употреблять, не вводить в употребление в армии и флоте никаких новых видов огнестрельного оружия, новых взрывчатых веществ. Предлагался целый ряд ограничений для уже ис-

пользуемых видов вооружения. Предлагалось запретить использовать в будущих войнах подводные лодки. Это при том, что первые подводные лодки были изобретены русскими – так, к слову...

То, как отнеслись к предложению миролюбивого Николая иностранные государи, – это отдельная песня. Это был поток вежливого дипломатического словоблудия.

Смысл же конференции выразил предельно ясно в узком кругу император Вильгельм II. Цитирую по книге П. Мультатули «Николай II. Выбор России»: *«Я согласен с этой идеей,* ***только чтобы царь[1] не выглядел дураком перед Европой.*** *Но на практике в будущем я буду полагаться только на Бога и на свой острый меч».*

Николай II выражал не только личные устремления, но и объективное стремление российских элит к сохранению мира. Но, увы, он почти на сто лет опередил свое время.

Идеи разоружения были востребованы только в 70-е годы XX века, во времена Брежнева, Никсона, Картера. Если бы Европа тогда, в далеком 1899 году прислушалась к предложениям России, может быть, мир и не узнал бы ни ядерного оружия, ни напалма, ни удушающих газов, ни разрывных пуль, ни противопехотных мин, ни кассетных бомб. Может быть, не было бы в мировой истории ни Хиросимы, ни Сталинграда, ни Вердена, ни Дрездена. Однако история гораздо более жестока, чем хотят ее сделать самые прекраснодушные политики. Как мы видим, стоит обратиться от идеологических штампов к историческим фактам, и камня на камне не остается от тезиса о России, стремящейся к завоеваниям. Россия всегда сама была желанным полем для завоеваний: слишком большая и богатая. Уже Древняя Русь была ареной агрессии кочевников-степняков, варягов и католических орденов крестоносцев.

Московия и Российская империя не раз должны были отстаивать свою национальную независимость и отбиваться от запад-

[1] Имеется в виду Николай II — он был родственником кайзера Вильгельма, и последний поначалу относился к нему покровительственно, как к младшему члену семьи.

ных держав, стремившихся «отгрызть» от нее те или иные территории. Реализуйся план Штадена – и России бы не стало. Стань реальностью план Пальмерстона – и Россия лишилась бы огромной части своей земли, вернувшись во времена того же Штадена и Ивана IV.

Победи поляки в 1612, шведы в 1712, французы в 1812 — и это означало бы конец национального и государственного бытия России и русских.

Притом подчеркнем: победы России над Польшей, Швецией и империей Наполеона вовсе не означали гибели государственности побежденных. Россия почему-то никогда не стремилась к уничтожению и порабощению других народов, захвату и расчленению других стран, даже когда имела для этого бесспорные возможности.

Миф о вечной угрозе миру со стороны России последовательно создавался западными державами: причем как раз теми, кто в «текущий исторический момент» имел основания бояться российского могущества.

Весь XVI и XVII век европейцы последовательно считали войны Московии и Речи Посполитой внутренним спором славян.

В XVIII веке европейские державы вместе с Россией увлеченно делили Польшу. Никто из них не признавал за Польшей прав воюющей стороны. Они согласились с присоединением к Российской империи Герцогства Варшавского и признали корону Королевства Польского на гербе Российской империи.

Русофобскую пропаганду вел Наполеон – именно потому, что воевал с Россией. Информационная война «большими типографиями и тиражами» была важной составной частью его настоящей войны – с помощью «больших батальонов».

Но и тогда западные державы относились без особого увлечения к «завещанию Петра Великого» и прочим фальшивкам о «русской угрозе миру».

Все изменилось после войн с Наполеоном.

Логика проста. После 1812–15 годов Россия стала сильнейшим государством Европы. Не одним из сильнейших, а сильнейшим. Не подельником, не «младшим партнером», а «большим

братом» и грозным конкурентом. Тем, кого позднее со страхом назовут «жандармом Европы». Поэтому европейские державы круто поменяли логику своего поведения.

Провозглашение России агрессором, задушившим суверенную Польшу, в середине XIX века нужно было только для одного – для ведения пропагандистской войны. Нежная любовь к Польше? Бог с вами! Великие державы Европы ради нее не послали воевать ни единого своего солдата и не потратили ни одного патрона.

В сущности, к судьбе поляков они оставались совершенно равнодушны. Можно привести много примеров того, как Польша делалась для европейцев разменной монетой в политике с главной функцией – доказывать агрессивность и жестокость русской внешней политики.

С 1830-х годов Запад буквально захлебывается от воплей про агрессивную политику русских. Британия и Франция делят мир, стремятся не пустить Россию к Средиземному морю, поддерживают мусульманскую Турцию против христианской России, пытаются оторвать от России то Крым, то Камчатку, то Северный Кавказ. Английские и французские пушки грохочут на территории России, возникает реальная угроза столице, Петербургу... А Запад упорно вопит о русской агрессии и об опасности России для «цивилизованного» мира.

В XIX веке Англия больше всех шумела о «русской угрозе», потому что от русской политики больше всех теряла.

Действительно, над Британской империей никогда не заходит солнце. «Где соленая вода – там и Англия». А тут какие-то противные русские то мешают сделать Тихий океан внутренним морем англосаксов, то не дают оттяпать Среднюю Азию и Тибет. Как тут не возмутиться их захватнической политикой?!

И в дальнейшем миф о «русской угрозе» больше всех поднимался той страной Запада, которая в данный момент соперничала с Россией.

При этом и наши враги на Западе, и наши союзники одновременно демонстрировали унизительно пренебрежительное отношение к России.

Посол Франции Морис Палеолог, канун Первой мировой войны: *«По своему культурному развитию русские и французы стоят не на одном уровне. Россия – одна из самых отсталых стран на свете. Сравните с этой невежественной бессознательной массой нашу армию. Все наши солдаты с образованием, в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в искусстве, в науке, люди талантливые и утонченные. Это сливки человечества. С этой точки зрения наши потери будут чувствительнее русских потерь»*.

Вот так французы хотели использовать русскую армию в мировой войне – в качестве пушечного мяса. В качестве некого парового катка, который должен расплющить Германию и принести победу Антанте.

Неплохо бы напомнить, что от полного военного краха Францию тогда, в 1914 году, спасла именно «отсталая» Россия. Быстрое наступление немцев на Париж привело к тому, что уже в сентябре 1914 года французскую столицу покинули парламент и дипкорпус. Из Парижа вывезли золотой запас, были эвакуированы все драгоценности Лувра. И только вступление России в войну и русское жертвенное наступление в Восточной Пруссии спасло Францию от блицкрига.

Зачем мы это делали? Ради чего? Вот честно говоря, русское мессианство, в отличие от европейского и американского, действительно совершенно бессмысленно и бесполезно.

Французский маршал Фердинанд Фош, верховный главнокомандующий союзными армиями во Франции признавал: *«Если Франция не была стерта с лица земли в 1914 году, то прежде всего этим она обязана России»*. (цит по Яковлев Н. Н. «1 августа 1914 года» М., 1993)

Традиционно продажная позиция наших союзников, которые меньше боялись прихода большевиков к власти, чем участия России в дележе пирога после неизбежного поражения Германии – в 1917 году было совершенно очевидно, что это вопрос нескольких месяцев – это очень больная тема. Не будем много об этом говорить.

Но надо напомнить о том, что в 1917 году Россия стояла в одном шаге от победы. И в результате этой победы, безусловно, к

России перешла бы территория Константинополя плюс все Черноморское побережье, что уже было закреплено специальными секретными протоколами.

Итак, черноморские проливы – вековая мечта, Константинополь. Также признавалась гегемония России на Святой земле. Не было бы сейчас никакого арабо-израильского конфликта. Просто Палестина была бы либо частью России (там и так сейчас немало бывших советских), либо это было бы государство под официальным протекторатом России.

Уже была распланирована в деталях так называемая Босфорская десантная операция, намеченная на апрель-май 1917 года, И командующий Черноморским флотом Колчак уже репетировал захват Константинополя...

Первая мировая война, заклеймленная советской историографией как империалистическая, изначально была войной оборонительной, и Россия была в этой войне наименее заинтересованной стороной. Она началась в неудобное время для России. В момент перевооружения нашей армии — войска были неподготовлены.

Но дело не в этом даже: объективно Россия была страной, которая помимо неких идеологических амбиций — захватить Царьград — не имела никаких амбиций и материальных. Рынки сбыта ей были не нужны, перераспределение колоний – не интересовало. В отличие от Франции, решавшей свои вековые конфликты с Германией, и Британии.

Именно поэтому Первая мировая война как оборонительная изначально называлась Отечественной. Потом уже по ходу войны, по мере того как ее популярность падала, она стала называться Германской, потом Великой, ну и после революции была заклеймлена как империалистическая.

Так же точно, как Британия в XIX веке, будут поступать немцы во время обеих мировых войн XX века. В годы Первой и Второй мировых войн о «русской угрозе» охотно разглагольствовала германская пропаганда.

«Помогайте нам, а то русские скоро всю землю завоюют», – всерьез говорил своим спонсорам Степан Бандера.

После Второй мировой войны о «русской угрозе» больше всех писали американцы. Вот только американцам ли об этом рассуждать? Даже старую и многократно битую польскую карту американцы ухитрялись разыграть. В американской прессе и даже в книгах по истории мне довелось читать потрясающее утверждение: что 20–30 миллионов погибших советских граждан во Второй мировой войне – это миф, сочиненный в СССР. А сочинен он для того, чтобы... оправдать оккупацию Польши. Почему именно Польши?! Только потому, что о «бедной Польше, столетиями стонущей под игом России» писалось давно и много. Западному читателю эта тема близка, он легко готов в это поверить.

Иногда кажется, что наши враги ухитряются поверить в собственные измышления и запугать сами себя. Как та маленькая Мура у Корнея Чуковского, которая нарисовала страшную Бяку-Закаляку с десятью рогами, десятью ногами.

«Что ж ты бросила тетрадь,
Перестала рисовать?»
«Я ее боюсь!»

В период маккартизма в США знаменитый ястреб генерал Макартур призывал к «профилактическим» ядерным бомбардировкам Китая (многие путают, приписывая это сенатору Маккарти, ведь фамилии и правда похожи). И это под вопли о «русской агрессии во всем мире».

Самого же Джозефа Маккарти называли «бесноватым из Висконсина». Дергаясь, как в падучей, злобно обвиняя в происках против Америки весь мир, он уверял: в самих США очень многие – сознательно или нет – «работают» на внешнего врага. Возглавленная им Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности получила права своего рода политической инквизиции: проверять, не связан ли с врагами Америки тот или иной профессор, сенатор или предприниматель.

Маккарти всерьез уверял, что если не принять самых неотложных мер, скоро русские покорят Америку и присоединят ее к Советскому Союзу. В качестве 16-й республики.

Годы маккартизма вспоминают в Америке с содроганием. В эти же годы «прославился» генерал Джеймс Форрестол. Он так искренне поверил в то, что «Русские идут!», что страшно запил. Видимо, неумеренное потребление виски как-то помогало отважному генералу бороться с призраками русских десантников.

Так вот, борьба с русской угрозой закончилась для него печально – в пылу ее храбрый генерал выпал из окна. Подробности этой истории передают по-разному, одни говорят, что из окна Форрестол выпрыгнул в приступе белой горячки. Другие – что произошло это уже после окончания принудительного лечения. По одним данным, прыгал он с 17-го этажа своей квартиры. По другим – с 7-го этажа психиатрической клиники. Даже последний отчаянный крик генерала передают поразному. Кто говорит, что он кричал: «Русские идут!» Кто: «Танки! Русские танки!» Во всяком случае, точно известно лишь то, что бедный генерал сиганул из окна на асфальт с последней мыслью – о русской угрозе. На чем и закончился его боевой и жизненный путь.

Во время «перестройки» и в правление Ельцина Россия вдруг сделалась «хорошей». О ее извечной враждебности цивилизованному миру и природной агрессивности перестали кричать на всех углах. Эти клише возникали в речах Бжезинского, в книгах Пайпса, но официальная пропаганда и пресса ими почти не пользовались. О том, что Россия невероятно агрессивна и враждебна цивилизации, что это рабская и авторитарная страна, «вспомнили» уже при Путине.

Тому, кто внимательно читал книгу, это не покажется странным. Хорошо видно, каким закономерностям подчиняется распространение мифа: пока Россия слаба и никому не угрожает, миф не используется, его кладут на полку. Мессианские идеи были характерны для Запада задолго до католического миссионерства, задолго до протестантизма и задолго до Наполеона. Александр Македонский, завоевывая Персию, которая была в культурном отношении гораздо выше и гораздо богаче Древней Греции, не говоря уже о дикой и нищей Македонии, был глубочайше убежден, что он несет диким и необразованным народам

Востока свет знаний, традиции демократии (смешно – завоевывал как тиран, а говорил о демократии). Полагал, что, навязывая образ жизни, свою культуру, он приносит народам Азии, Индии высочайшее благо. Ничто не ново под Луной. Так же потом поступали и Цезарь, и Карл, и Наполеон, и Гитлер. Так же сегодня ведут себя и американцы.

После Второй мировой самые большие колонизаторы в мире – США. Именно эта страна претендует на гегемонию в масштабах земного шара. Естественно, что для них мы и есть самые отпетые колонизаторы, захватчики, насильники. Дай нам волю, тут же весь мир завоюем, Америке ничего не оставим.

А знаете что, сограждане? По-моему, этот миф о русской угрозе – очень большой комплимент. Раз на Западе кричат о «русской агрессии», значит, мы себя в обиду не даем. Вот когда Америка будет считать нас «хорошими» (как начала считать при Горбачеве), значит наше дело плохо, значит что-то не так в нашем королевстве.

Окидывая взглядом нашу историю, историю роста державы, мы видим, что, действительно, территориальная экспансия доминировала в русском взгляде на освоение мира.

Но это отнюдь не повод посыпать голову пеплом.

Великое государство, которое построили наши предки, ничуть не меньший повод для гордости, чем швейцарские часы, французская кухня или итальянское искусство Ренессанса.

И точно так же, как подобные достижения других народов сегодня составляют не только предмет их гордости, но и источник дохода, российские пространства с их несметными богатствами и стратегическим положением сегодня окупаются для нас сторицей.

Мы можем лишь гордиться тем, как проходила наша русская «колонизация» (в кавычках!). Гордиться историей расширения и роста нашего государства. Это – яркое свидетельство исторического умения наших предков выживать в самых невероятных условиях, их беспримерной любознательности и врожденного желания все исследовать, их мужества, трудолюбия, всего того, что ученые называют «ПАССИОНАРНО-

стью нации». Добавлю: и так же их изначального миролюбия, дипломатической гибкости, умения выстраивать отношения, ладить с соседями.

И воевать тоже, но только если не дано иного выхода.

Хорошо, что этот по-современному прагматичный взгляд получает сегодня распространение.

Прагматичность и патриотизм – чем не национальная идея?

Часть VIII

Миф о русском рабстве (точнее, об исторической нерасположенности России к демократическому способу правления)

Сверху донизу – все рабы.
Н. Чернышевский

Почему свобода является такой редкостью?
Потому что она – величайшее из благ.
Вольтер

Глава 1

Что же такое демократия?

Для того, чтобы страна могла быть действительно свободной, все население ее должно состоять из философов, а правители должны быть богатыми.

Наполеон

Постарайтесь разбогатеть, и вы станете избирателями.

Франсуа Гизо,
премьер-министр Франции

Все знают, что демократия – это хорошо, а отсутствие ее – это плохо. Еще все знают, что в России демократии всегда не хватало, а вот в Британии и в США ее, наоборот, всегда было много. Просто завались.

И если вам поцарапали машину или за любимым сортом колбасы выстроилась длинная очередь, если вас обобрал гаишник или нахамили в жэке, то народ разводит руками: ну что поделаешь?!. Рассея-матушка... Это вам не Европа, понимаешь. Тут вам никто 300 лет каждый день газон у дома не стрижет.

В Англии «Билль о правах» когда приняли? Когда в русских лесах братья-поляне-древляне еще на деревьях сидели? То-то!

А Конституцию США Франклин, Вашингтон и этот Линкольн, как его, Абрам Абрамыч, в каком году написали? Ту самую Конституцию, со всеми поправками и гарантиями свобод, по которой и сейчас живет Америка, – уже более двух веков?

Не в том ли самом году, когда русская Салтычиха своим крепостным девкам собственноручно кости ломала и зубы передние выдергивала щипцами, дабы своими белоснежными улыбками ее, Салтычихину, красу не оттеняли...

Что скажете?

Нашей Конституции и 15 лет не исполнилось, так ее уже менять хотят: то двух сроков для Президента как-то слишком мало, то субъектов Федерации как-то слишком много.

Вот потому и жизнь у нас такая.

В ЭТОЙ стране. Ни колбасы, ни дорог, ни свободы. Пробки, вонь, грязь. Улицы солью посыпают, вот опять – подошва у ботинок отвалилась. Рассея-мать ее... Откуда здесь быть свободе и демократии?

Это вам не Рио-де-Жанейро.

...Вот только понять бы еще для начала, что же за «зверь» эта самая демократия?

Сегодня модно обличать современную Россию за полное отсутствие демократии. Делают это не только наши и не наши политики (им это по должности положено), но и бизнесмены, такие как Великий борец за финансовое благополучие всех народов мира Джордж Сорос, и политологи, такие как Збигнев Бжезинский, и историки, и ученые.

С учеными особенно интересно. Например, крупнейший и, главное, известнейший специалист по России Ричард Пайпс пошел дальше всех: он «уличил» Россию в том, что в ней **никогда вообще** демократии не было. Такая уж страна оказалась неподходящая для базовых ценностей демократии и свобод. В ней, цитирую, *«царское правительство в ответ на соответствующие нападки разработало административные методы, явно предвосхитившие методы современного полицейского государства»*[1]. *Для России характерна не демократия, а «бюрократическо-полицейский режим, который по сути дела пребывает у власти и поныне»*[2].

[1] *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. Современная публицистика. М., 2004.

[2] *Указ. соч.*

При желании – а такое желание постоянно жжет наших внешних и внутренних критиков, будто они съели тройную виагру, не назначив свидания, – словам Пайпса можно найти подтверждение в исторических источниках. Вот, например, что пишет Джеймс Александер про 1829 год...

«В России, с ее деспотическим правлением, для поддержания существующего порядка необходимы сильная полиция и всеобъемлющая система шпионажа». – Вот! То что нужно. Правда, далее: *«...я могу засвидетельствовать превосходные качества русской полиции. Вообще, русские – большие мастера всяческих уловок, а уж полицейский агент – это настоящая лиса. Он способен принять любой облик, чтобы достичь своей цели: иногда это – крестьянин в лаптях, иногда – исправный солдат, иногда – коробейник. Одним словом, русский полицейский офицер может надеть любую личину. Так многие русские собирали информацию в Константинополе под видом моряков или мелких разносчиков».*

Любопытно, правда? Совсем другие акценты. Разве мы бы не хотели сегодня, чтобы российская милиция получала от британцев столь же лестные оценки?

Но главное – на самом деле Александер здесь пишет не о полицейских внутренних, а о военной полиции, оперативной разведке. Хотя он же описывает множество случаев эффективности полицейских будочников, которые быстро ловят воров, мошенников, и он неоднократно сталкивался с тем, как прямо по горячим следам раскрывались кражи.

Но Пайпса, естественно, не интересует борьба с преступностью. Его интересует борьба с Россией, ее «бюрократическо-полицейской» историей.

Пайпс четко объясняет, что именно по этой причине *«в отличие от большинства историков, ищущих корни тоталитаризма XX века в западных идеях, я ищу их в российских институтах»*[1].

Россия – не только родина слонов, как учили нас наши партийные агитаторы и пропагандисты, но и Родина, по Пайпсу, Гитле-

---

[1] *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. Современная публицистика. М., 2004.

ра, Муссолини, Пол Пота и того африканского царька[1], который в конце XX века закусывал свежей человечиной.

Только вот беда! Гарвардский профессор и глава Центра исследований России, любимый советник нескольких американских президентов, Ричард Пайпс ничего не говорит о самом главном: о том, что же такое демократия?

То есть обвинения есть. А вот нормального определения – в чем, собственно, состав преступления – нет.

И Карл Поппер[2], непримиримый борец за «открытое» общество, ничего не говорит о том, что же это за общество такое. В его двухтомной книге про «открытое общество» сделан суровый вывод: в России общество плохое, «закрытое». Но никакого определения демократии и открытости – нет[3].

И Джордж Сорос ничего о демократии не говорит! Хотя Сорос даже основал в России Институт «Открытое общество» (Фонд Сороса): для борьбы за демократию[4].

В своей книге о деятельности этого фонда он пишет: «*Я представляю себе открытое общество как общество, открытое улучшениям. Мы начинаем с признания нашей собственной погрешимости, которая распространяется не только на наши умственные построения, но и на наши институты. Нечто несовершенное может быть улучшено путем проб и ошибок. Открытое общество*

---

[1] Да простит мне уважаемый читатель профессорский склероз, забыл имя, искать неохота. К тому же он явно не стоит потраченного на это времени. Речь идет, кажется, о низложенном Президенте Центрально-Африканской республики, даже посетившем как-то с официальным визитом СССР.

[2] Карл Раймунд Поппер родился в 1902 г. под Веной. Это был очень известный на Западе теоретик «открытого общества», крупный историк, культуролог, социальный философ. Систематического философского образования не имел. В 1928 г. получил диплом преподавателя математики и физики в гимназии. По мнению философов-либералов, Поппер был последним из плеяды блестящих умов XX в., и его имя стоит вровень с именами Рассела, Витгенштейна, Дьюи, Хайдеггера, Карнапа, Сартра – своего рода философских символов XX в. С 1946 г. и до смерти в 1994 г. работал в Британии. Главная книга Поппера – «Открытое общество и его враги». Написана она еще в 1946 г., выдержала много изданий, на русском языке издана в 1994 г. *(Прим. науч. ред.)*

[3] *Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2 т. М., 1994.

[4] Сайт фонда Сороса сообщает, что за 12 лет Сорос потратил более 500 млн долларов США. *(Прим. науч. ред.)*

не только допускает такой процесс, но реально его поощряет, отстаивая свободу выражения и охраняя инакомыслие. Открытое общество предлагает путь неограниченного прогресса»[1].

Смелый человек этот Сорос! В самих США находит изъяны, ругает Буша, говорит о «сворачивании демократии» в США[2]. Но и он не дает определения демократии.

Так чего же конкретно все-таки у нас не хватает?!

Из тьмы времен

> Обращайся с греками как царь, а с варварами – как тиран.
>
> Аристотель – Александру Македонскому

Определение демократии, конечно же, существует. И существует этих определений великое множество. Первое из наиболее известных дал еще Аристотель (384–322 гг. до н. э.), и обычно его используют до сих пор.

Аристотель говорил о шести способах правления. Три способа одинаково хорошие. Это монархия, аристократия и демократия. Три способа одинаково плохие: тирания, олигархия и охлократия.

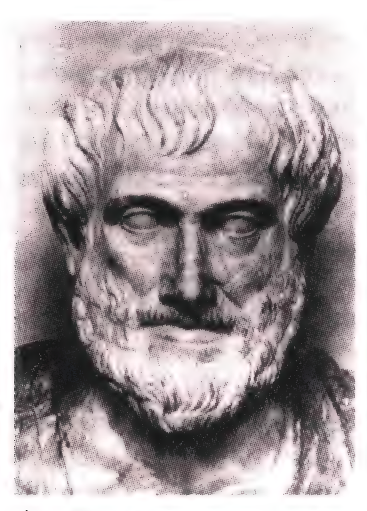
Три первые способа хороши потому, что они законные. Монарха или выбрал народ, или он родился старшим сыном монарха, когда-то выбранного народом. Хотя его лично уже никто не избирал, но в начале всех начал, пусть много поколений назад, его власть предполагалась быть исходящей от народа. И для монарха не зазорно посему обратиться к народу в каком-то очень важном случае. Сходится народное собрание и вместе с монархом решает общую проблему.

Аристократия – власть богатых, умных, образованных. Они правят с согласия всего народа. Народ поручает им править и чаще всего уже не сходится на площадь для народных собраний.

---

[1] *Сорос Дж.* Новый взгляд на открытое общество. М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997.

[2] *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. 1999.

Аристотель.
Автор замечательных рассуждений о демократии, аристократии и охлократии. Очень современно звучит

По крайней мере, по пустякам. Он согласен с правлением лучших.

А вот при демократии все граждане регулярно сходятся на площади для народного собрания. И дискутируют. Они коллективно принимают решения и выбирают должностных лиц в государстве для управления от имени народного собрания.

Три плохих способа правления плохи потому, что они, по рассуждению Аристотеля, незаконны и нарушают нравственные законы.

При тирании тиран захватывает власть силой и правит, опираясь на силу. Демократическая процедура постоянно прерывалась, к власти тираны приходили часто, особенно в эпоху разного рода экономических катаклизмов.

Однако слово «тиран» на греческом не несет негатива, оно означает не более чем «хозяин», «лидер». Это сейчас оно отрицательно заряженное, а тогда значило как бы «национальный лидер». Вот так еретически выскажемся. При этом тираны себя очень часто показывали способными правителями. Приходя к власти в периоды кризиса и народного недовольства они должны были проводить необходимые реформы. И что любопытно, при тиранах люди начинали, как правило, жить легче. Однако потом тиран надоедал, его свергали и опять возвращались к демократии. В общем, ничего нового. История в миллионный раз повторяется. Единственное отличие тирана от царя в понимании древних греков состояло в том, что тиран не имеет наследственного или религиозного права на трон, он как бы самозванец. Интересно, кстати, когда окружение Сталина называло его уважительно «Хозяин», знало ли оно, что обзывает его в глаза тираном? Почему-то мне кажется, что нет.

При олигархии власть захватывают немногие, опять же силой, не имея на это никакого морального права. Самый худший вид

олигархии – плутократия, то есть власть денег. Плутократы подкупают народ, тем самым развращая его.

При охлократии власть принадлежит не достойным людям, а сброду. Охлос – это неорганизованная, дикая толпа. Демократию строят люди, имеющие собственность и работу. Социально и экономически состоятельные. Стоит допустить до политических процессов несостоятельных и безответственных, тут и демократии конец, все сметает волна безответственных решений, принимаемых безответственными людьми.

Как видно, для Аристотеля нравственность и законность – основа представлений о государственном устройстве. «Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо. Человек, нашедший свое завершение, – совершеннейшее из живых существ и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала человеку в руки оружие – умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону»[1].

Аристотель не считал демократию лучшей формой правления. Сам он, по нашим представлениям, – придворный: происходил из семьи врачей при дворе македонских царей. В 37 лет Аристотель оставил Афины. По его мнению, демократия в Афинах на глазах вырождалась в охлократию. К участию в народном собрании были допущены нищие и безответственные люди. Колоссальным влиянием на собраниях пользовались демагоги – те, кто умел «водить народ».

Demagogos с греч.– вождь народа, от demos – народ и agogos – ведущий. Ну так же как педагог, только тот ведет в светлое будущее не народ, а ребенка. Хотя народ – он тот же ребенок. И если уж заговорили мы об определениях... Как всегда, прекрасен Даль. Создателя знаменитого словаря не интересовала политика, а вот точное значение слова было для него архиважным. Владимир Иванович дает такое определение демагогу: «Крайний демократ, добивающийся власти во имя народа; тайный возмутитель; поборник безна-

[1] *Аристотель.* Политика. Антология мировой философии. Т. 1. М., 1969.

чалия, желающий ниспровергнуть порядок управления. Демагогия – господство власти народа, черни в управлении; народовластие».

Греки в целом, кстати, тоже не считали демократию самым лучшим способом управления. Только одним из приемлемых, не более.

Здесь надо, конечно, упомянуть древнегреческого мудреца и политического деятеля Солона, который, как считает большинство исследователей, «открыл законы демократии», используемые по сей день.

В старом древнегреческом обществе, до Солона, царили так называемые Законы Дроконта, или Дракона – так звали высшее лицо, одного из старейшин, правивших иногда. Отсюда выражение «Драконовские законы». Эти законы отличались потрясающей свирепостью, дикой даже для того времени. Например, за самую незначительную мелкую кражу, например за кражу пустого кувшина или яблока на рынке, полагалась исключительно смертная казнь.

Согласно старому историческому анекдоту, когда Драконта спросили, почему его законы столь жестоки, он ответил: «Я считаю, что смерть – достойное наказание за мелкое преступление. За крупное я просто не смог придумать ничего другого». Вот таковы были принципы управления в древней – и милой, как нам сейчас кажется, – Греции.

Солон ввел другую систему управления, сильно расширив полномочия собрания граждан, обеспечил систему народного голосования. Во времена Солона один из способов голосования был с помощью камешков либо бобов. Скажем, светлые камешки либо фасолинки – за, темные – против. Каждый из граждан бросал их в соответствующий сосуд, потом это все считалось. Именно с тех пор на защите диссертаций существует выражение «набросать черных шаров» – то есть проголосовать «против». Еще Солон обеспечил фиксацию законов – их вырезали на деревянных табличках и выставляли на всеобщее обозрение – и так далее. Конечно, система не была безупречной, но это был колоссальный прорыв в самоуправлении. Правда, законы Солона распространялись только на свободных людей. Ему приписывается извест-

ная фраза: «Все греки должны быть равны и свободны, и у каждого должно быть не меньше пяти рабов». По сути, это точно передает социальные воззрения той эпохи.

Еще один важный момент, который надо обязательно отметить: уже тогда, во времена так называемой «солоновской демократии», неучастие граждан в выборах и общих собраниях неизбежно вело к тому, что афинянин лишался – частично либо полностью – своих гражданских прав.

Солон был уверен, что жители Афин не имеют права быть инертными и безразличными, когда речь идет об общем благополучии, процветании родины. Политическая пассивность, неявка на народное собрание, систематическое неучастие в выборах сурово наказывались древнегреческими законами – вплоть до изгнания.

Аристотель не идеализировал демократическую систему, которую пытался создать Солон. И поклонником демократии не был, полагая, что она рано или поздно вырождается в так называемую охлократию – власть черни, власть толпы.

Античная демократия – это своего рода строй-предшественник для современных убежденных демократов. Но это мнение скорее идеологическое, чем научное.

Вы спросите: почему?

Очень просто: потому что античная демократия была совершенно иной, чем сейчас.

Она была НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ. Это означает, что гражданин сам приходил на площадь народного собрания и сам напрямую выбирал должностных лиц.

Греки жили маленькими общинами – полисами. Правила жизни в полисе назывались политией, откуда и пошло слово «политика». Численность граждан полиса колебалась в пределах нескольких тысяч человек. Древнегреческий город – это, конечно, звучит гордо. Красиво. Но по нашим представлениям, это село. Такой большой аул. Граждане лично знали друг друга и как соседи, и как участники общих дел. Они понимали, кого имеет смысл выбирать.

Это был очень маленький мир. Весь полуостров Пелопоннес – 21,4 тыс. квадратных километров, где все множество греческих

государств находилось на территории в два с лишним раза меньшей, чем Московская область (47 тыс. кв. км).

Средний город-государство занимал площадь не более 200 кв. км. При этом каждый полис рассматривал жителей других городов, хотя они и говорили на одном языке, как иностранцев. В каждом было свое правительство, свои праздники помимо общенациональных, свои традиции, коалиции этих городов или сами по себе постоянно воевали друг с другом. И вообще если посмотреть на Грецию того времени, то получался как бы современный мир в миниатюре.

Только два города-государства – Спарта и Афины – контролировали более-менее значительную территорию, ну не совсем смехотворную по российским меркам. Их можно было считать современными великими державами. Мир был биполярным. Территория Афин и подчиненной им области Аттика составляла 3 тыс. кв. км. Это небольшой район Московской области. А территория крупного государства Спарты – это Лаконика и Мессиния, две области в период расцвета – была около 10 тыс. кв. км. Пятая часть Московской области, 2–3 района.

То же касается населения. В период своего максимального расцвета Афины имели не более 100 тыс. свободных граждан. При этом только часть из них обладала политическими правами – 20–30 тысяч. Остальные были свободными, но без избирательных прав. И это в период максимального расцвета! Кроме того, в Афинах и в Аттике проживало еще большое количество рабов – по разным оценкам, до 400 тысяч. Приблизительно по 4 раба на каждого свободного гражданина, впрочем, их там особо никто и не считал.

Для философов того времени – Аристотеля, Платона – даже подобная численность населения представлялась громадной. И совершенно неуправляемой. Они полагали, что чистая демократия возможна только в небольшом городе-полисе численностью до 10 тысяч граждан. И действительно, большинство городов Греции насчитывало тогда гораздо меньше 10 тысяч граждан, гораздо.

Правда, в Афинах в пору их расцвета число граждан достигло 40 тысяч... И демократическая система тут же перестала работать, мнения стали формировать профессиональные болтуны-де-

магоги. Правда, тогда в этом греческом слове не было ничего отрицательного. И самый, наверное, знаменитый из древнегреческих политиков – Перикл официально считался лучшим *демагогом*.

Однако маленькие города представляли собой весьма совершенные системы управления, которые стали основой для современных государств. Поэтому даже сегодня, когда мы говорим о политике, мы должны помнить, что это слово происходит от слова «полис». Эти люди действуют не в поле, они не сельские деятели, а городские. Кстати, отсюда же произошло и слово «полиция». Какое же управление без поддержания порядка?

Древние греки всегда дорожили своими идеалами самоуправления и считались свободными, даже если их «полис» представлял из себя небольшую деревеньку. Все равно он самоуправлялся. Считался полисом, даже если им управляли по сути несколько свободных мужчин. А всю остальную часть населения составляли либо иностранцы, либо свободные люди без политических прав, либо рабы. Чувству внутренней свободы греков мы можем только позавидовать.

Да и греческие цари того времени имели мало общего с восточным деспотами или абсолютными монархами средневековой Европы. Это были своего рода отцы народов. У них было собственное небольшое имущество, они пахали землю наряду с обычными гражданами, полностью отчитывались перед собраниями олигархов – аристократов – а функции свои выполняли, главным образом, во время войны – как военачальники. Так что это была довольно идиллическая картина, которая не могла не привлекать впоследствии сильно романтизировавших это время поэтов и писателей.

Спарта и спартанцы

Давайте посмотрим на то, как действовали все эти механизмы государственного устройства на примере одного из полисов. Спарта насчитывала не более 5 тысяч граждан, имевших право голоса, – там гражданами были очень немногие. В этом отноше-

нии Спарта напоминает футуристический голливудский фильм режиссера Пола Верхувена «Звездный десант». Есть четкое разделение – граждане: они голосуют и служат в армии, все остальные – неграждане. В фильме изображается недалекое наше будущее, военизированный режим – что-то среднее между Спартой и Третьим рейхом. Граждане в «Звездном десанте» весьма спортивные и симпатичные, особенно гражданки.

В Спарте не только граждане должны были нести военную службу – 5-тысячное войско было бы немедленно уничтожено (в других источниках говорится о 10 тысячах граждан). Военную службу несли и лично свободные неграждане – их звали периэки (греч. perнoikoi, буквально – живущие вокруг). В отличие от спартанцев политических прав они не имели, в выборах не участвовали, но могли владеть имуществом и обязывались в случае войны также нести военную службу. Подавляющую же часть населения составляли рабы.

Любопытно, что в Спарте был не один, а два царя. Впоследствии римская республика по такому же принципу всегда избирала двух консулов. Для взаимного, так сказать, контроля.

Много существует мифов и легенд об образе жизни спартанцев, их военизированном быте. Действительно, люди жили войной. Детей в возрасте 7 лет забирали у матерей и воспитывали в военном коллективе. Умение убивать и командовать было главным достоинством любого спартанца. При этом срок воинской службы спартанца – до 60 лет – только тогда мог спартанец отправиться на покой. Так что 25-летний рекрутский набор в царскую армию России – это еще цветочки.

Много было у спартанцев интересных обычаев, один из них – питаться за общим столом вскладчину, приходя со своей едой и выставляя ее на стол. Древних, родовых времен обычай. При этом знаменитая овсянка – это не только национальное блюдо англичан, но и главное национальное кушанье спартанцев. Из грубого овса на воде – полезно, надо сказать. Особенно для солдат. Изнеженные афиняне, попробовав спартанское кушанье, острили: почему, мол, спартанцы так храбро сражаются и без всяких колебаний встречают смерть. Каждый день есть такую кашу – тут и смерть примешь с радостью, как избавление.

В Спарте была довольно своеобразная экономика, и спартанцы пытались по-своему противостоять мировым экономическим кризисам той эпохи. Если мы примем условно Грецию за мир – то там регулярно случались свои «мировые кризисы». И девальвация, и инфляция, и маржин-колы – все это присутствовало. То с нежданным избытком серебряных денег, когда открыли серебряные рудники на севере Греции. То со сложностью курса золото-серебро. Ну и так далее. Так вот, спартанцы со свойственным им радикализмом, по-своему пытались бороться с последствиями «общемирового» (то есть общегреческого) кризиса. Во время очередного катаклизма, связанного как раз со спекулятивным обменным курсом золото-серебро-зерно, правительство Спарты запретило использовать на территории Лаконики золотые и серебряные монеты и ввело свои собственные деньги, строго неконвертируемые – из железа. Довольно тяжелые монеты были, размером с небольшой блин для штанги, и нигде, кроме Спарты, естественно, к оплате не принимались[1], но спартанцы считали, что вся эта роскошь, все эти афинские штучки им ни к чему. А главная добродетель – это умеренность и аккуратность. Ну и орднунг превыше всего.

Спартанское умение кратко и остроумно говорить вошло в анналы мировой культуры. Ну про «со щитом или на щите» это всем известно, это мы еще в школе учили. Приведу два чуть менее известных изречения спартанцев, на мой взгляд совершенно гениальных.

Спарта была единственной частью Греции, которую формально не завоевал Александр Македонский. Не то чтобы не мог, просто не видел в этом необходимости. Неохота было ему возиться. В свое время еще его отец Филипп II пытался завоевать Спарту, но передумал, восхищенный мужеством спартанцев. Так вот, хотя Александр Спарту не завоевал, он потребовал, чтобы там, как и везде, его признали живым богом. Богов тогда было много, и все греческие города единогласно, в едином порыве и конституционным большинством голосов провозгласили его «живым богом». Когда это требование дошло

---

[1] Выражение «неподъемная сумма», наверное, появилось именно тогда и имело весьма буквальный смысл.

до Спарты, спартанцы ответили снисходительно: *«Пусть Александр, **сын Филиппа**, будет живым богом, если он того хочет»*. Остроумно. Иронично. С издевкой... Но вроде как согласились!

Понятно, что, провозглашая себя живым богом, Александр подразумевал, что он сын Зевса или как минимум какого-нибудь Амона в Египте, но никак не сын смертного Филиппа, о чем ему спартанцы и напомнили. Кстати, именно Филиппу, выдающемуся правителю и полководцу, на 99 % обязан своими последующими успехами Александр Македонский, на его плечах он реально воздвиг свою империю. Так вот, лет за 10 до описанного мной выше эпизода Филипп, захватив контроль над всей Грецией, этим мини-миром, послал письмо-угрозу, письмо-ультиматум и в Спарту, в котором предупредил: «Если я войду в Лаконику, я сравняю Спарту с землей». Спартанцы ответили одним словом – на мой взгляд, самое гениальное дипломатическое письмо всех времен и народов. Итак, Филипп: *«Если я войду в Лаконику, я сравняю Спарту с землей»*. Ответ спартанцев: *«Если»*.

Говорят, что Филипп был настолько восхищен гордостью Спарты, фактически беззащитной на тот момент – она не могла выставить сильного войска, что покинул Пелопоннес и оставил спартанцев в покое[1].

Но вернемся к мифам.

Нигде в мире позитивные мифы не станут отрицать, только у нас любят в этом покопаться. Тут нельзя не вспомнить классический миф про триста спартанцев. Про них написано бесчисленное множество книг и снята масса фильмов, начиная с пеплумов 50-х и заканчивая недавним детищем Голливуда — чудовищным гротескным полумультиком «300», ориентированным, видимо, на гомосексуальную аудиторию.

На самом деле никаких трехсот спартанцев не было. Был отряд, возглавляемый спартанским царем Леонидом, который

---

[1] Кстати, «Филиппика» – слово, которое сейчас используется для обозначения гневной и страстной речи – так в Древней Греции называли адресные выступления Демосфена на митингах и демонстрациях против македонского царя Филиппа.

действительно перегородил Фермопильское ущелье. Против него было выставлено отнюдь не миллион человек. Это смешно, таких армий тогда вообще не могло быть – народонаселение Древнего мира не позволяло. Персидская армия насчитывала по разным оценкам не более 100 тысяч воинов. Что тоже гигантская армия по тем временам... Но не миллион. Спартанцев тоже, как я подчеркнул, было не 300, а несколько тысяч. 300 – это личная гвардия, охрана царя Леонида. С ними было достаточно большое число других спартанских воинов, а также около 13 тысяч греков-союзников. Все равно численное преимущество – подавляющее, многократное – было на стороне персов.

А суть-то легенды заключается не в том, как изображают сейчас, что 300 человек выдерживали натиск миллиона в этом узком проходе – а он действительно узкий, несколько сот метров между горами и кромкой моря. Суть подвига в другом. Когда, перебив заслоны, персы по горным тропам обошли греков и возникла угроза захода в тыл и окружения, Леонид понял, что ситуация безвыходная. И он отпустил оставшихся в живых союзников, а их было несколько тысяч. А сам вместе со своими гвардейцами остался на поле боя, обрекая себя на смерть. Как настоящие спартанцы, они не могли уйти с поражением и предпочли умереть с честью. Со щитом или на щите.

Так и родилась легенда о 300 спартанцах.

От демократии – к императорам

> Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra? (Доколе же ты будешь, Катилина, злоупотреблять нашим терпением?)
>
> Цицерон – о Катилине

Как мы выяснили, древнегреческая демократия перестала быть эффективной с ростом населения.

Еще хуже получилось в Риме. Сами римляне считали, что демократия установилась у них в 510 году до н. э. Тогда вся рим-

ская территория (ager Romanus) была не больше той площади, которую контролировал средний греческий полис. Несколько сотен, затем – тысячи граждан сходились на форум, выбирали консулов, цензора, казначея, других должностных лиц. Если было нужно сосредоточить власть в одних руках, выбирали диктатора и на время отменяли свою демократию.

Она «работала» в чистом виде, потому что Рим был маленьким. И пока он таким был, при всем желании не мог завоевать своих соседей. Но согласно древним римским законам, воинскую обязанность несли все граждане, и это была, в общем, не столько обязанность, сколько привилегия. В древности считалось, что каждый, кто присутствует на народном собрании и подает там голос, автоматически должен становиться в строй во время боевых действий. Отказ от выполнения воинских обязанностей автоматически вел к поражению во всех правах гражданина, фактически этот человек становился изгоем. Вот, кстати, поистине пример здравого смысла. Нынешние рассуждения о том, надо ли служить в армии, не надо, кому давать отсрочку, кому не давать, каким категориям студентов, с какого возраста, и так далее – все это выглядит нелепо, противоестественно и, я бы даже сказал, как-то не по-мужски.

Здесь подход, мне кажется, должен быть простым. Или ты гражданин, или ты житель. Или, может быть, скажем мягче – просто налогоплательщик. Если ты гражданин, то ты получаешь, соответственно, права. Пассивное, активное избирательное право – избирать, быть избранным во все органы руководства государством. Но при этом ты несешь, естественно, обязанности, первая из которых – служба в армии. Хотя бы год, по современным законам. Если ты отказываешься от службы в армии, ты отказываешься от гражданских прав. Живи спокойно. Имей вид на жительство. Плати налоги. Но тогда ты не гражданин.

Правда, я не очень верю, что такого рода совершенно здравая система когда-то восторжествует не только в нашем, но и в любом из европейских государств. Ближе всего сейчас к этому, кстати, только Швейцария и Израиль. Все остальные потихоньку загнивают перед лицом надвигающейся цивилизационной катастрофы. Но это так, отступление, прости, дорогой читатель, – мысли вслух.

Итак, добросовестное исполнение своих гражданских обязанностей гражданами Рима вело к расширению его территорий. Подробно описывать дальнейшую историю экспансии Великого Рима нет смысла: придется писать многотомное сочинение, которое будет посвящено только этому. Но если в двух словах, то в отличие от городов-государств Греции Рим сумел распространить свою власть сначала на ближайших соседей, а потом и на тех, кто жил подальше. Те, кто попадал под его власть, постепенно становились гражданами Римского государства.

Чем больше завоеваний, тем больше богатств стекалось в столицу, тем больше Рим мог дать своим гражданам. Тем выше делались постройки, пышнее празднества, красивее одежды.

Но чем больше было завоеваний, тем больше становилось и граждан[1].

И тут наступил конец демократии.

Во-первых, стало непонятно – а на каком форуме должны собираться полчища «старых» и «новых» римлян? Механизма заочных выборов, территориальных избирательных участков и электронных урн для голосования еще не существовало.

Во-вторых, думающие граждане задавались вопросом: как они, совершенно не зная друг друга, могут осмысленно выбирать должностных лиц своего государства?

Если бы миллион римских граждан и нашел «площадку» таких размеров, республика-однодневка мгновенно бы пала жертвой демагогов, личных амбиций и разборок враждующих кланов. Либо же просто супердавки. Это была бы крупнейшая «Ходынка» мировой истории.

В результате вся власть сосредоточилась в руках примерно тысячи богатых семейств. Фактически Римская республика превратилась в олигархию. Жаль, нет до сих пор ни одного государства с таким официальным названием. Его предшественником мог бы считаться сам Древний Рим!

---

[1] Римских граждан было больше 100 тыс. уже ко времени Пунических войн, к 264 г. до н. э. Еще через 150 лет граждан Римского государства сделалось не менее миллиона. *(Прим. науч. ред.)*

Вообще, римляне не всегда были демократами. Начнем с того, что основала Рим некая потрясающе непотребная толпа бандитов. Ну как иначе назвать эту ватагу, которая с первого дня основания великого города только тем и занималась, что промышляла разбоем? Чего стоит только одна бандитская история про так называемое похищение сабинянок? Во время гостеприимного праздника и пира, на который специально зазвали представителей соседнего племени, чтобы мужчин перебить, а женщин похитить...

И в общем-то все великие империи основываются таким образом. Что, собственно, представляли из себя поначалу Соединенные Штаты Америки, как ни удивительную компанию из парочки шерифов и трех десятков всяких Джесси Джексонов, Бучей Кессиди и Сандерсов Кидов? Да и на самой заре формирования России или Руси все эти варяги, вещие Олеги, Святославы с выбритыми черепами и чубами, собиравшиеся по поводу и без отмстить неразумным хазарам, а также всем соседям послабее себя... Они ведь тоже не были образцами высокой нравственности и милосердия.

Он первым стал достоин того, чтобы называться Олигархией (по крайней мере, среди тех государств, чью историю мы хорошо знаем), притом с большим оттенком плутократии. Римляне уже тогда научились активно торговать выборными должностями и местами в сенате. Часть сенаторов была почтенными главами старинных родов, образованными и патриотически настроенными людьми. Часть же – нуворишами, которых не интересовало вообще ничего, кроме дальнейшего обогащения и самодовольной демонстрации своего «сенаторства».

Сенат боролся за власть с народным собранием – форумом. На форуме же все больше появлялось пролетариев – тех, у кого не было вообще никакой собственности. У многих пролетариев, забросивших землю крестьян, не было и работы. Во-первых, они ничего не знали и не умели. Во-вторых, ничего и не хотели знать, уметь и делать. Но ведь они – благородные граждане Великого Рима! Им полагается! Именно эта публика требовала «хлеба и зрелищ», то есть бесплатной раздачи продуктов и устроения всяческих увеселений: гонок колесниц, цирковых представлений, гладиаторских боев.

Сенат разлагали плутократы. Форум – охлократы. Между плутократией и охлократией велась неравная борьба. Если на законодательную власть еще как-то пыталась влиять толпа, то

исполнительная сосредоточивалась в руках богатых родов. Демократия принимала все более жалкий вид.

Есть потрясающая фраза Луция Сергия Катилины (это современник Цицерона, им же разоблаченный – так называемый «заговор Катилины»): *«Римское государство состоит из двух организмов. Один слабый и со слабой головой – это Сенат. Другой сильный, но совсем без головы»*. Как вы понимаете, сильный, но совсем без головы – это римский народ.

Период между 100 годом до н. э. и 14 годом н. э. сами римляне называли «эпохой гражданских войн». 114 лет – вот это масштаб для гражданской войны! Поистине достойно Древнего Рима. Мы же до сих пор не до конца пережили последствия собственной Гражданской, продлившейся всего-то четыре года. Правда, по степени ожесточения сторон, по-разному понимавших значение слова «демократия», Древний Рим нам и в подметки не годится... Влиятельные и богатые воевали друг с другом, опираясь на свои финансы и на верные им легионы. Всякий захвативший власть считал своим долгом демонстрировать свою приверженность идеям «первородной римской республики», делать вид, что он лишь защищает ее идеалы от узурпаторов. Но и Марий, и Сулла, и Юлий Цезарь, манипулируя сенатом и опираясь на квазиреспубликанскую фразеологию, фактически были абсолютными диктаторами.

Слово «манипулировать», кстати, происходит, в числе прочего, от латинского manipulus, – так называлась боевая единица внутри легиона, численностью в разное время от 60 до 240 чел. Искусство «манипулировать» – это искусство командира легиона постоянно по ходу боя перестраивать свои манипулы, обеспечивая максимальную эффективность каждого солдата и перманентное задействование по ходу сражения свежих резервов.

Выражение «перейти Рубикон» стало устойчивым. Это значит решиться на что-либо важное, сделать бесповоротный шаг. Юлий Цезарь перешел Рубикон 10 января 49 года до н.э., злейшим образом нарушив древние римские законы и принципы римской демократии. Речушка Рубикон отделяла Цизальпинскую Галлию от тогдашней Италии. Считалось, что

всякий военачальник должен на этой речке оставить свою армию и идти далее по родной италийской земле только как частное лицо.

Юлий Цезарь со словами: «Жребий брошен!», ставшими еще одним афоризмом, форсировал Рубикон ВМЕСТЕ со своими ветеранами, закаленными в огне Галльской войны. Вошел с ними в Рим... И стал диктатором.

Впрочем, неплохим. Юлий Цезарь, как правитель умный, прекрасно понимал всю опасность охватившей охлократичный Вечный город эпидемии тунеядства. Среди прочих дел он уменьшил число получавших бесплатный хлеб до «всего» 150 тысяч человек. 100 тысяч римских граждан лишил положения почетных дармоедов и выселил из Вечного города в колонии, чтобы привязать их к земле. Половина этих люмпен-пролетариев вскоре, правда, забросила бесплатно полученную землю и вернулась тунеядствовать в Рим...

Август Октавиан, внучатый племянник Юлия Цезаря, окончательно оформил новую политическую систему: принципат. Формально сохранялась республика, фактически главой государства стал «первый гражданин» – принцепс. Вроде бы как президент. Своего рода реликт республиканских времен.

Слово «принцепс» не носило в римском праве каких-то особых привилегий или властных полномочий. Ну, примерно как известное определение «национальный лидер». Правда, Август Октавиан не довольствовался только «нравственным авторитетом». Помимо ласкающего слух титула «первого гражданина», он был также императором (т. е. по сути верховным главнокомандующим римской армии), консулом (что-то типа премьер-министра), трибуном (этой должности трудно подобрать аналог, вроде спикера, избранного самым широким Съездом народных депутатов с правом индивидуального вето на все решения Парламента и Правительства), естественно, сенатором и, наконец, понтификом (как бы Патриархом всея Римской республики). Причем все эти должности гениальный Принцепс умудрялся занимать одновременно.

В этом отношении в части бесконечных титулов он значительно превзошел Леонида Ильича Брежнева.

Немаловажно и другое. Помимо всего прочего Август Цезарь Октавиан был еще официально и САМЫМ БОГАТЫМ ЧЕЛОВЕКОМ В РИМЕ. Не только Первым Гражданином. Но и Первым Олигархом Государства.

Например, весь Египет считался не государственной, а его личной собственностью. Армия также фактически финансировалась из кармана Августа. Впрочем, я подозреваю, в то время понятия «казна Рима» и «кошелек Октавиана» уже смешались окончательно.

Принципат Августа был лучше, чем нахождение у власти всяких артистов-диктаторов – таких, как Нерон. Вот пара штрихов к портрету той эпохи...

Нерон очень любил мероприятия в поддержку самого себя. Считая себя величайшим артистом и певцом всех времен и народов, он возил с собой на все выступления и концерты до пяти тысяч молодых людей, которых сегодня мы бы назвали клакерами. Они обеспечивали ему бурные овации и восторг толпы. Римские клакеры устраивали целые митинги и красочные шествия в поддержку бенефисов Нерона.

Надо сказать, в этом Нерон опередил многих современных политиков. Точнее, современных государственных мужей, практикующих в наши дни «патриотические» митинги в поддержку самих себя – действующей власти. Выглядят эти собрания столь искусственно и нелепо, а самое главное – столь бессмысленно, что невольно возникает масса исторических аналогий...

Вообще, видным деятелям партии и правительства хочется иногда даже что-нибудь подсказать из истории – не весь, не весь исторический опыт пока задействован в не слишком бурной (вот это – слава богу!) общественно-политической жизни современной России.

У того же Нерона была еще масса примечательных указов, связанных с его творческо-театральной деятельностью. Например, согласно одному из них во время выступлений Нерона в театре, было запрещено... шевелиться. Ну, чтобы не отвлекать великого артиста шуршанием одежд. Само собой, во время выступлений Нерона запрещалось входить и выходить из театра.

В источниках упоминаются случаи, когда женщины рожали во время многочасового театрального действа, не смея удалиться из амфитеатра.

Так что можно подсказать нашим руководителям, чтобы во время их выступлений на митинге (в Кремле, Белом доме, Государственной думе, на встрече с трудящимися – под неусыпные камеры федеральных телеканалов – ненужное зачеркнуть) запретили не только отвлекаться, говорить по мобильному телефону, но и входить и выходить из зала.

И вообще – шевелиться. Почему бы нет?

Возвращаясь к истории Древнего Рима, напомню, что долгое время само слово «принцепс» служило синонимом императора.

Потом в европейских монархиях наследники короля станут называться принцами или принцессами. Так королевские отпрыски стали носить республиканский титул.

Впрочем, это была еще та республика. Народное собрание – форум – окончательно утратило всякую роль.

А вот число граждан все росло. В 212 году император Каракалла сделал гражданами всех свободных подданных Римского государства, плативших налоги и соблюдавших римские законы. Так непосредственная демократия окончательно сделалась бессмыслицей. Где и как миллионы новых римских граждан выбирали бы для себя принцепса?!

Император Диоклетиан (правил в 284–305 гг.) еще раз реформировал систему управления Римского государства. При этом сыне вольноотпущенника, начинавшего службу рядовым легионером, окончательно упразднили остатки демократии, даже ее внешнюю видимость. Форум перестал собираться даже формально.

В эпоху Домината[1], или поздней античности, император стал в полном смысле единовластным властителем, он опирался на армию и бюрократический аппарат. Император теперь назывался не просто первым гражданином или главнокомандующим – он назывался владыкой и богом. По-латыни: Dominus et Deus.

---

[1] Принцип управления, пришедший на смену Августовскому «принципату».

Именно от слова «владыка» – «доминус» – и пошло название системы домината. Начиная примерно с тех же времен первые римские императоры эпохи домината такие, как Аврелий, Аврелиан начали надевать роскошную одежду восточных правителей, жемчуг, бриллианты, а также первыми надели на голову «классическую» золотую корону в виде солнца с расходящимися лучами.

Доминат существовал до падения Рима в 476 году. И хотя формально «на федеральном уровне», никакой демократии уже не было, на уровне местном Римская империя по-прежнему сохраняла систему самоуправления, оставшуюся от времен, когда Рим был маленьким полисом, городом-государством. Гремели гражданские войны, Цезарь переходил Рубикон, Антоний женился на Клеопатре, Октавиан Август устанавливал свой принципат... А в бесчисленных «местных» избирательных округах Римского государства собирались на форумы граждане и выбирали чиновников местного самоуправления – муниципалов. Муниципалитеты собирали местные налоги, распределяли их, вели строительство, вершили суд.

Местное самоуправление позволяло принцепсам иметь по сегодняшним меркам очень маленький бюрократический аппарат: чиновники были попросту не нужны. Всеми местными делами все равно ведали муниципалитеты.

Римская империя вошла в историю как сочетание центральной олигархии, а потом и монархии с демократией на местах. Современные же демократы продолжают считать, что демократия очень эффективна при управлении всем государством...

Или все-таки монархия? (Современное отступление)

Не так давно священник Михаил Ардов вернул в оборот старую мысль о том, что монархия предпочтительнее республики именно потому, что на троне просто по теории вероятности может оказаться милосердный порядочный человек. Православный публицист пишет: *«Монархия не избавляет подданных от напа-*

стей, она дает надежду. Есть такой известный афоризм, который я, возможно, не полностью разделяю, но который мне очень симпатичен: "Я за монархию против республики, потому что при монархии на престоле случайно может оказаться добрый и порядочный человек. А при выборах это абсолютно невозможно. Туда он никогда не долезет" »[1].

Кто сказал? Ильин? Солоневич? А может, кто-то из британцев, демонстрирующих чисто английское остроумие?

Оказалось – Александр Введенский, ленинградский поэт. Введенский щеголял в сталинские годы (!) своим монархизмом и любил повторять, что при наследственной власти у ее кормила случайно может оказаться и порядочный человек.

Шуточки на эту тему дорого ему стоили. Поэта посадили. В материалах по делу значилось:

«Будучи монархистом по убеждению и являясь членом руководящего ядра антисоветской группы литераторов, сочинял и протаскивал в детскую литературу политически враждебные идеи и установки...»

Вот такая встреча получилась у монархии с тиранией.

Непосредственная демократия в городах

В Средние века в Италии, Испании, на юге Франции существовало городское самоуправление. На селе господствовали феодалы, власть владельцев земли стала и политической властью. А города оставались свободными.

В них не было личной зависимости людей и действовал принцип: «Городской воздух делает человека свободным». Для того чтобы даже беглый раб или крепостной могли стать вольными людьми, они должны были прожить в городе год и один день... И все, этого достаточно. Прожил в городе год и один день – иди на главную площадь, где собирается городское народное собрание. Там висит колокол, созывающий граждан. Смело дергай за веревку, зови людей...

---

[1] Эксперт. – 2008. – № 1.

И народное собрание сделает тебя гражданином города, свободным человеком.

Позже такой новый горожанин просто подавал документ чиновникам муниципалитета. Неграмотный? За небольшую плату тебе напишут заявление по установленной форме. Его рассмотрят и, если ты прав, сделают тебя гражданином, включат в списки горожан. В определенные дни года, обычно под Рождество, новым горожанам торжественно вручался документ об их правах.

Города, кстати, были маленькие... В них хорошо действовали принципы непосредственной демократии, где все знают всех.

Магдебургское городское право

Магдебургское городское право – это свод основных законов, по которым может управляться европейский торгово-промышленный город. Сложился кодекс в Магдебурге в XIIIвеке из разных источников. Из привилегий, данных городской знати. Из постановлений суда шеффенов Магдебурга. Шеффены – это судебные заседатели, определявшие наказание вместе с судьей, то есть своеобразные предшественники суда присяжных.

Важным источником Магдебургского права стал сборник законов, составленный в 1221–25 годах шеффеном Эйке фон Репковым[1]. Это было первое универсальное законодательство, применимое в любом городе и исходящее из его права на самоуправление. Город был сувереном и законодателем, и все пункты документа исходили именно из этого.

Магдебургское право применялось во многих городах – уж очень оно было удобным. Идеи демократического самоуправления катились по Европе до Скандинавии и славянских земель. У нас Магдебургское право часто называли «немецким».

Во всех странах горожане имели особые черты характера, малопонятные (порой – малоприятные) для аграрных классов об-

---

[1] Исходя из его фамилии, некоторые немецкие ученые считают, что фон Репков был славянином по происхождению. *(Прим. науч. ред.)*

щества: и для дворян, и для крестьян. Жители городов были индивидуалистами. Горожанин очень четко отделял сам себя от общества и свой интерес от интересов общества, короля или города. Горожанин плохо понимал, почему он должен скрывать свое желание нажиться, и почему о его добрых делах никто не должен знать. В его поведении проявлялись то откровенное своекорыстие, то показная, широкая благотворительность. Города жили гласно, шумно, открыто... Демократически.

Сословно-представительная демократия

Демократия – это необходимость мириться
с тем, что управляют нами не герои.

Карлейль

Королям было труднее... Многие из них были бы и не против каких-то элементов демократии, но как ее реально осуществить? Подданных очень уж много.

Во Франции короли проводили расширенные собрания королевского совета, на которые звали представителей от городов. По одному от каждого города. В провинциях проводились «ассамблеи сословий», на них собирались священники, дворяне и горожане.

А в начале 1300-х гг. произошло нечто новое...

Филипп IV Красивый, которого называли еще Железным королем[1], поссорился с Папой Римским. Причина ссоры была проста: деньги. Король хотел наложить лапу на церковную десятину. Она собирается в его владениях и с его подданных. С какой стати отдавать деньги в Рим?! Они королю и самому пригодятся.

Окружение монарха составляли не только дворяне, но и горожане – большие законники, воспитанные на традициях римского права. Так, министр Гийом Ногарэ утверждал, что все подданные короля, не исключая и священников, должны помогать своей стране. В том числе материально.

---

[1] Тот самый, который столь жестоко разобрался с Орденом тамплиеров.

Папа Бонифаций какой-то пришел в ярость. Он издал специальную буллу «Clericis laicos», категорически запрещавшую духовенству платить подати мирянам, а мирянам – требовать таких платежей у духовенства без специального соизволения римской курии.

В ответ Филипп Красивый воспретил вывоз из Франции золота и серебра: фактически запретил вывозить церковную десятину.

Кроме того, придворные законники во главе с Ногарэ посоветовали королю изъять из ведения церкви целые категории уголовных дел и переподчинить себе епископов.

Папа рассердился еще сильнее. Он отправил в Париж своего посланника – легата, епископа Бернара Сессети. Происходил епископ из Лангедока... А эта страна была совсем недавно завоевана Францией[1]. Само по себе присоединение Лангедока к Франции – очень интересная страница истории. Она хорошо иллюстрирует предыдущую главу этой книги в том плане, какое же государство является империей[2]. Для этой же главы важно, что последние восстания в Лангедоке были подавлены совсем недавно.

То есть для епископа Бернара Сессети Франция была государством колонизаторов, и он повел себя соответственно. После целого ряда полученных от него прямых оскорблений король Филипп возбудил против Сессети судебный процесс, обвинив епископа в «оскорблении короны», измене и других преступлениях. Кому изменял епископ? Королю Франции! Ведь он – подданный короля... Но папа сообщил Филиппу, что духовные лица обладают «духовным (почти – депутатским сегодня) иммунитетом» и не подлежат его суду.

Что делать? Загвоздочка...Тогда король потребовал от папы лишить Сессети духовного сана.

---

[1] *Осокин П.* Первая инквизиция и завоевание Лангедока франками. Казань, 1872.

[2] Подчинение Юга шло почти весь XIII в. Только в 1299 г. Раймон VII, последний граф Тулузы, согласился стать вассалом французского короля. И даже после этого не все вассалы графа Раймона были согласны идти под французов. *(Прим. науч. ред.)*

Ха! Не тут-то было. Папа Бонифаций, обвинив самого Филиппа в посягательстве на духовную власть, потребовал привлечь его к своему папскому суду. Он отправил королю буллу[1], в которой подчеркивал всю полноту папской власти и преимущество ее над всякой (без исключений) светской властью.

Ситуация возникла патовая... Король – суверен, но ведь и папа – тоже суверен... Король и правда не имел права судить духовное лицо.

В общем, всю эту забытую и путаную историю я излагаю лишь для того, чтобы объяснить следующий шаг короля Франции.

Именно тогда Филипп Красивый по совету своих верных министров принимает решение, имевшее впоследствии огромное значение. Он собирает так называемые *Генеральные штаты.* «Генеральные» – значит не «главные», а «общие».

На тот момент слово «штат» означало не государство, а сословие. Генеральные штаты – это общее собрание всех сословий. Высший, как учит марксистская наука, сословно-представительский орган, существовавший вплоть до Французской революции, когда штаты объявили себя национальным собранием и, таким образом, их история закончилась[2].

А в начале XIV века со всех графств и герцогств, из всех городов прибыли ко двору представители. Гийом Ногарэ лично выступил перед собравшимися, сообщив новую идею: оказывается, нация сама по себе тоже суверенна! Нация – новая для тех времен категория. Ногарэ имел в виду совокупность подданных одного государства. Нация имеет права суверена: может издавать законы, править сама собой.

Нацию и в наше время определяют так же. В международном праве под нацией понимается совокупность граждан государства. Только определение дается более развернутое: *«Социально-экономическая, культурно-политическая и духовная общность людей, сложившаяся в результате становления государства и выработки надэтнической культурной и полити-*

---

[1] Здесь: официальное папское послание, папская грамота. *(Прим. ред.)*

[2] Вспомните: Соединенные ШТАТЫ Америки.

ческой традиции. Может рассматриваться как форма этнической жизни индустриальной эпохи»[1].

Король начал свое выступление с яркого PR-шага: демонстративно сжег папскую буллу... Затем он задал вопрос: может ли король собирать налоги с представителей нации? «Конечно!» – ответила «нация». Но только сначала она должна утвердить эти налоги, и пусть потом король их собирает.

Немного поперхнувшись от такой наглости, Филипп попросил нацию решить его конфликт с папой... Конечно, король имеет право собирать налоги с нации, а папа нет, – так ответили Генеральные штаты. Конечно, священники подлежат суду короля, а не папы.

Генеральные штаты позволили королю завершить его борьбу с папами. Ни Бонифаций, ни его преемники не могли ничего поделать с французским королем, ведь теперь он опирался не только на феодалов, но и на «нацию».

Вскоре новый папа Климент (№ не помню, не буду утруждать читателя, пусть нумерацией пап Средневековья озадачатся профессиональные историки ☺), француз по происхождению, перенес свою резиденцию из Рима в Авиньон...

Этот был город на юге Франции. Папа на время по сути покорился королю.

Так французский король стал сильнее наместника Бога на земле, а помогли ему в этом Генеральные штаты и идея суверенитета нации.

Генеральные штаты

Обоим «изобретениям» Ногарэ – и нации, и Генеральным штатам – суждена была долгая жизнь. Чуть не сказал «долгая и счастливая». Но этот штамп, увы, не имеет отношения к реальности.

Филипп Красивый, Железный король, еще не раз собирал Генеральные штаты, чтобы пополнить вечно пустую казну. Они позволяли вводить новые налоги, продавать и отдавать в аренду различные должности, производить насильственные займы

---

[1] *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

у городов. С помощью Генеральных штатов король успешно централизовал свою власть. Запретил, например, чеканить монету всем властителям своего государства, кроме самого себя.

Он также собрал Генеральные штаты, чтобы легитимизировать разгром ордена тамплиеров и «по закону» наложить лапу на его богатства. Этому ордену, к слову, Филипп Красивый денег был должен, как говорится, ***немерянно***...

Филиппом была спланирована и организована блестящая по задумке и исполнению акция – ***одномоментный*** арест всей верхушки ордена тамплиеров. По всей Франции посланцы короля вручали доверенным людям запечатанные конверты, которые должно было вскрыть строго в одно и то же время, в один и тот же час и действовать в соответствии с королевскими инструкциями... Так вот этот арест был произведен в довольно любопытную дату. 13 октября 1307 года, в пятницу. В пятницу 13-го. Я полагаю, что день проведения этого мероприятия был выбран Филиппом Красивым не случайно. При такой тяге к мистике Филипп весьма технологично разгромил мощнейшую международную военно-финансовую организацию того времени.

Тамплиеры – рыцари темпла, то есть храма, в прямом переводе – орден храмовников. Рыцари храма, как они себя называли, оказались весьма предприимчивыми финансистами – даже неожиданно для европейцев-дворян того времени. Каким-то образом они научились делать деньги не хуже, чем воевать с сарацинами. После того как крестовые походы закончились, тамплиеры, используя четкую структуру, дисциплину, отделения по всем странам Европы, герцогствам и королевствам, а также кое-какой стартовый капитал, первыми в массовом порядке выпустили так называемые векселя. Это было революционное финансовое нововведение.

Исчезла необходимость рисковать, перевозя из города в город под большой охраной крупные суммы наличности. Зная, что такая наличность имеется в каждом из отделений ордена тамплиеров, достаточно было выписать именной вексель, скрепить его подписью, при необходимости сургучной печатью – и с курьером отправить в Париж, Рим или же Константинополь. Себе рыцари-финансисты брали только процент – расходы на денеж-

ный трансфер, как бы мы сказали сейчас. Это был финансовый прорыв – и следующим прорывом такого значения будет только введение безналичных платежей, но это уже XX век. До этого момента безналичные платежи осуществлялись только в прямой вексельной форме.

Тамплиеры также по-крупному скупали недвижимость. Ордену принадлежало, как считается, более 10 тысяч имений по всей Европе. Была недвижимость и поосновательнее : они просто-напросто выкупили у Англии остров Кипр. Также ссужали, естественно, деньги под процент – и монархам, и кому угодно. Недоброжелателей из числа должников у них было более чем достаточно, ну а самым крупным, повторюсь, был король Франции Филипп IV, который столь кардинально избавился от своего кредитора.

Печать рыцарского ордена тамплиеров.
Тамплиеров обвинили во всех смертных грехах, включая педерастию и развращение малолетних. Не без участия демократического органа – Генеральных штатов

В 1307 году канцлер Филипп Ногарэ начал против тамплиеров «официальный процесс». Его вели, кроме светских властей, еще и папские инквизиторы: папа Климент V тоже хотел добраться до богатств тамплиеров. Под ужасающими пытками тамплиеры сознались во всех самых немыслимых преступлениях, какие только приходили в голову их палачам. Они «оказались» злейшими врагами христианства, эти ужасные, слишком богатые тамплиеры.

Процесс длился несколько лет. Папа Климент то пробовал защищать несчастных, то порывался отстранить от процесса светских судей и заменить их только инквизиторами, которые подчинялись бы лично папе. Но против был не только король Франции, но и Генеральные штаты.

Король предал тамплиеров светскому суду, суд объявил рыцарей виновными во всех преступлениях, которые им вменялись, – от педерастии до поклонения сатане.

И постановил сжечь руководителей ордена. Папа подчинился... В 1312 году орден был объявлен уничтоженным, и Филипп завладел его имуществом.

Были ли виновны тамплиеры хоть в чем-то, кроме гордости, переходящей в заносчивость, и рачительности, переходящей в алчность? Крайне маловероятно. По крайней мере, в Испании и в Португалии к ним отнеслись лояльнее и после упразднения ордена позволили мирно влиться в другие ордена.

Есть мрачная легенда о том, как Великий Магистр ордена тамплиеров Жак Моле, приговоренный к сожжению на костре, проклял Филиппа и его потомство, а также министра Ногарэ и папу Климента. *«Не минет и года, как вы последуете за мной!»* – воскликнул Жак Моле, обращаясь к «судебной тройке», когда первые языки пламени коснулись его пят.

И вскоре Железный Король скоропостижно скончался...

Судя по всему, от инсульта. В течение года при таинственных обстоятельствам ушли из жизни и Ногарэ, и сам Папа Римский. Проклятие тамплиера, если верить легенде, действовало эффективно.

Считается, что вся династия Филиппа угасла именно от этого проклятия.

Но Генеральные штаты остались. Они еще много раз созывались по инициативе королевской власти в сложные моменты истории. На них опиралась власть во время бесконечной Столетней войны 1337–1453 годов[1], в период народных восстаний. Порой активных участников заседаний королевская власть брала в свою администрацию[2].

5 мая 1789 года в условиях острого политического кризиса накануне Великой французской революции король вспомнил о демократии и созвал Генеральные штаты. Каждое сословие за-

---

[1] На самом-то деле она шла целых 116 лет, ПОЛНОСТЬЮ разорила обе стороны и не привела ВООБЩЕ ни к какому результату. Изучать историю этой войны было бы полезно всем политикам, считающим возможным решать проблемы военным путем.

[2] Генеральные штаты не всегда были послушны королям. В 1357 г. они потребовали допустить их к активному управлению страной. В начале XVII в. Генеральные штаты опять потребовали уступок от короля. В результате с 1614 до 1789 г. они ни разу не собирались. (*Прим. науч. ред.*)

седало в Генеральных штатах отдельно. Но тут депутаты третьего сословия «отделились» и самопровозгласили себя Национальным собранием, органом, который должен дать Франции новые законы. С этого и началась череда страшных и кровавых событий, о которых во Франции до сих пор говорят с придыханием: Великая революция 1789–94 годов...

В Нидерландах (Голландии) с 1463 года тоже возникло высшее сословно-представительское учреждение под названием Генеральные штаты.

Голландия хотела освободиться от власти испанских королей и создала собственный орган «суверенной нации».

В Испании с XVII века появились Генеральные кортесы – в принципе то же самое, что Генеральные штаты.

Идеи Гийома Ногарэ продолжали жить и побеждать. Это была очень важная идея для демократии. Действительно: жители государства имеют право быть коллективным сувереном. Красота! Ни король, ни церковь не нужны.

Есть здесь, правда, одна деталь: никто до сих пор толком не знает, что же такое нация. Скажем, крупнейший западный теоретик понятия «суверенитет» Бенедикт Андерсон говорит о нациях как о неких надуманных общностях – «воображаемых сообществах». Это феномен в первую очередь культурный и только потом этнический и социальный[1].

О смысле термина спорят и спорят. Вот мнение известного российского специалиста в сфере государственного управления Г. В. Атаманчука относительно термина «суверенитет»: *«Научное представление о его сущности, содержании и формах реализации до сих пор так и не создано. Этим термином опефируют кому как хочется»*[2].

Но ведь оперируют, и уже давно – больше 200 лет!

---

[1] Некоторые же ученые считают, что нация – понятие скорее экономическое. Для них это объединение людей, живущих в одной экономической системе со своей монетной системой (как мы бы сказали – со своей валютой). *(Прим. науч. ред.)*

[2] *Атаманчук Г. В.* Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). М., 2004.

Нация суверенна... Но непонятно, что такое нация: понятие политическое, этническое или языковое?

Впервые понятие «нация» в его современном значении стало использоваться в ходе Французской революции, когда возникла необходимость сформировать некую общность взамен «подданства французской короны».

Революционеры XVIII века провозгласили: нация имеет право выступить против короля. Получилось как-то странно. Содержание термина оставалось неясным. При королях общность подданных была чисто политической. Бретонцы, гасконцы и бургундцы были подданными монарха. Они подчинялись французскому королю, лично, так сказать, а никакой не абстрактной «французской нации».

Революционеры говорили от имени всех французов, но лихо включали в состав «французской нации» народы, которые себя французами вовсе не считали. Стремление бретонцев и жителей юга Франции обрести независимость от Парижа они «почему-то» считали не стремлением нации к самоопределению, а государственной изменой. В результате в Бретани было убито больше 100 тысяч крестьян и священников, которые полагали: они должны или подчиняться общему с французами королю, или быть независимыми. Подчиняться французам они не хотели, частью французской нации себя тоже, повторюсь, не считали.

Вандейские войны вспыхнули в 1793 году и повторялись несколько раз до 1815 года, до вступления союзников во Францию. До сих пор считается, что это были восстания упертых роялистов, поощряемых Англией, и что революционная армия входила в Бретань, якобы как в гнездо контрреволюционеров. Странно, что до сих пор во Франции не хотят замечать национальной подоплеки «восстаний в Вандее».

С легкой руки французов идеи национального самоопределения и национального суверенитета покатились по Европе... и по всему миру[1].

---

[1] В 1800 гг. возник немецкий национализм, затем последовали национализмы Греции и Скандинавских стран (1810–1820 гг.), итальянский национализм (1830 гг.). Некоторые теоретики считают, что первыми современными нациями стали латиноамериканские: они сформировались в ходе борьбы против испанской короны. Идея суверенитета была нужна им для достижения независимости.

В Австрии во время революции 1848 года венгры требовали освобождения от власти немцев и их императоров. Освободились. На месте Австрии возникла Австро-Венгрия, состоявшая как бы из двух государств. Но уже в ходе революции сами венгры подавляли восстания румын и славянских народов. Подавляли более жестоко, чем австрийцы: сносили артиллерийским огнем деревни с лица земли, убивали пленных инородцев, сгоняли с земли людей по национальному признаку...

С их точки зрения это было логично: венгры боролись за демократию... Но за какую? За венгерскую. Для венгров, а не для словаков или румын.

Так повторялось потом много раз, когда необходимо было обосновать государственность колоний, поставить под сомнение власть Австро-Венгерской, Британской, Германской, Российской империй. И каждый раз была востребована идея национального суверенитета.

При распаде Российской империи в 1918 году в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 12 января 1918 года говорилось: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций», то есть как федерация советских национальных республик.

Фактически эти республики выйти из СССР не могли, но прелести национального суверенитета россияне познали не только в 1918, но и в 1991 году. Когда Грузия вышла из состава СССР и тут же ввела войска в Абхазию и Южную Осетию. Когда Армения и Азербайджан стали суверенными и тут же начали войну за Нагорный Карабах.

Сейчас понятия государственного и национального суверенитетов закреплены в Уставе ООН в виде положения о суверенном равенстве государств и праве наций на самоопределение.

В 1850–1900-х гг. национализм распространился на страны Восточной Европы и в Индию. В начале XX в. он ворвался в страны Азии и Африки, оставляя позади себя горы трупов и реки крови. Самыми исторически молодыми нациями стали нации вьетнамцев и камбоджийцев: они сформировались в 1930–1950 гг. (*Прим. науч. ред.*)

Но если идея суверенитета нации неотделима от идеи демократии, тут еще подумаешь, становиться ли демократом...

Правда, есть и другая модель демократии, в которой суверенитет нации никак не предусмотрен. Придумали ее англосаксы.

Парламент

> Лучший аргумент против демократии – пятиминутная беседа с избирателем.
>
> У. Черчилль

Английское слово «парламент» (parliament) происходит от французского parlement. Parler, парлэ – говорить. То есть, попросту, по-русски – говорильня, место, где говорят. Фактически это слово появилось одновременно в английском и французском языках – тогда они были достаточно похожи. Во Франции парламентом называлась судебная палата в той части страны, которая управлялась королем непосредственно. Это был, можно сказать, административно-судебный орган французского короля. А в Англии термином «парламент» поначалу называли съезд вассалов какого-нибудь крупного господина. Ну вот, соберутся вассалы, поговорят, парле, так сказать. Выскажут свое «фе» или, наоборот, согласие господину. Выскажут – и разъедутся.

Такой вот парламент, можно сказать, такая вот английская Государственная дума.

Парламент – особый инструмент демократии. Его выбирает все население государства, независимо от национальной принадлежности и от сословия. В Генеральные штаты депутатов выбирали по сословиям. В английском парламенте уже в XIII веке депутаты разных сословий сидели вместе.

В самой Британии считается, что парламент ведет свое начало от народных собраний, которые собирались несколько раз в год. Со временем часть своих членов народные собрания стали содержать весь год – чтобы они могли постоянно совещаться и издавать законы, по которым живет страна. Греки избирали долж-

ностных лиц, римляне – сенаторов, некоторые германские народы также стали избирать законодателей[1].

В 1066 году норманн Вильгельм Завоеватель в точном соответствии со своим прозвищем захватил англосаксонские королевства Британии. Прозвищем не очень справедливым, т. к. его права на английский трон были ничуть не меньше, чем у правившего тогда Англией короля. Он был весьма неглупым человеком и не собирался резко менять систему управления. Кучка франкоязычной знати, потомки галлов и норманнов, терялась в море местных жителей. Раздражать их «по мелочам» было слишком опасно. При Вильгельме Завоевателе и при его потомках действовал совет, в который все местные дворяне избирали своих представителей.

В совет при короле входила и нормандская аристократия. Она говорила по-французски, не отождествляла себя с завоеванными и в совете держалась отдельно. К аристократам примыкали священники.

В 1215 году бароны выступили против своего короля: по их мнению, он собирал слишком много налогов. А в Англии налоги, кстати, платили все, в том числе и дворяне. К высшей знати присоединились мелкие рыцари и горожане. И тогда король Иоанн Безземельный подписал так называемую Великую хартию вольностей, с которой британцы и ведут начало современной демократии.

Согласно хартии, король не мог назначать новые налоги без согласия королевского совета, не мог отнять чьей-либо собственности, кроме как по решению суда, не мог никого арестовать по своему произволу. Если король нарушал хартию, 100 самых богатых и знатных баронов имели право объявить ему войну.

Замечательный для своего времени документ. Правда, наши англоманы-либералы, в порыве западнического лизоблюдства

---

[1] На острове Мэн еще в 979 г. первый раз избрали такой местный парламент – Тинвальд. На острове Исландия в 930 г. возник Альтинг. Оба эти парламента действуют с тех давних времен и до сегодняшнего дня. Хотя в работе Альтинга был большой перерыв – с 1801 по 1845 г. Тогда Исландия находилась под властью Дании, а национальный суверенитет не распространялся на исландцев. Их парламент – Альтинг – попросту на время запретили... У завоевавших Британию саксов и англов был свой постоянный совет при короле – витенагемот. Избирали его подданные короля. (*Прим. науч. ред.*)

как-то забывают, что некую «вольность» от неограниченной власти короля Великая хартия давала не всему населению Англии, а только *100 самым знатным семьям*, и сравнивать ее можно, скажем, с Русской Правдой Ярослава Мудрого (в пользу Англии) или с Вольностями Господина Великого Новгорода (в пользу Новгорода), но никак не с реформами 60-х годов XIX века императора Александра II.

Но все равно – полезная была бумаженция, молодцы английские бароны – умели за себя постоять.

Итак, в 1265 году собрали первый английский парламент. Избирать в него могли все, независимо от сословий. Правда, только те, кто владел землей, приносившей *ежегодную* ренту в 40 шиллингов. На эту сумму тогда можно было купить приличный дом. Т. е. это было несколько десятых, если не сотых процента населения Англии.

К XV веку складывается представление о статусе депутата. Он включал ряд юридических привилегий, прежде всего депутатскую неприкосновенность. Последняя подразумевала охрану жизни и имущества депутатов, а также свободу от ареста (правда, и то и другое – только на время сессии[1]).

Во Франции парламент долгое время был только т. н. Парижским парламентом – чем-то вроде верховного суда. Дело это было почетное, судьи обладали массой привилегий. И естественно, с незапамятных времен места в парламенте, судебные мантии и должности просто покупались. Потом славный король Генрих IV, любимец Александра Дюма, сделал эти должности не просто пожизненными, а еще и наследственными – передававшимися по наследству. Таким образом, стоимость их резко возросла. А во Франции постепенно сформировался особый вид аристократии – судебная, или судейская аристократия. Как их еще называли – «дворянство мантии». И чувствовало оно себя

---

[1] О высоком престиже парламента свидетельствует запись в протоколе сессии 1453 г. Два депутата палаты общин, в том числе спикер (!), были обвинены в грабеже и арестованы. Нижняя палата выступила с протестом. Отстоять неприкосновенность парламентариев не удалось, но главное – власти пришлось оправдываться, доказывать правомерность своих действий. *(Прим. науч. ред.)*

еще более независимым, чем аристократия дворянская или военная. Вот такой был парламент, такая демократия во Франции.

Сегодня парламент считается одним из высших органов государства, представляющим волю всего населения: ведь он формируется путем всеобщих выборов. В современных государствах парламенты, как правило, наделены властью принимать законы, в той или иной мере формировать и контролировать исполнительную власть. Например, выносить вотум недоверия правительству и осуществлять процедуру импичмента президента.

Солнце абсолютизма и ирония элит

Не надо тешить себя иллюзиями, полагая, что российские самодержцы были ярыми сторонниками абсолютизма во всем, а европейские, напротив, — демократами, коль у них был парламент и Генеральные штаты. Это, конечно, не так. Достаточно посмотреть на некоторые бытовые моменты, чтобы понять, как собственно, все происходило на самом деле.

Многие еще помнят знаменитый когда-то рекламный ролик банка «Империал», где во время званого обеда Екатерина II спрашивает графа Суворова: «А что это граф Суворов ничего не ест?» – «Так ведь пост, матушка, до первой звезды нельзя. Ждем-с», – отвечает с другого конца стола знаменитый полководец. Намекая тем самым, что он не получил заслуженной награды за один из бессчетных своих подвигов во время бесконечных русско-турецких войн. Ну, а формально Суворов якобы просто скромно говорит о том, что постится. «Звезду графу Суворову Александру Васильевичу!» – улыбается смекнувшая подтекст Екатерина. И ему тут же несут соответствующий орден. Хитроумная сознательная двусмысленность... Самое любопытное, что этот эпизод действительно имел место, только по-моему, было это не с Суворовым, а с князем Потемкиным.

Внимание — вопрос! Почему ни с одним французским аристократом такого не могло быть с принципе. А потому — что историческая правда империаловского ролика в том, что все сидят за столом с императрицей и едят! Обедают. Этот эпизод был бы

совершенно немыслим при правившем примерно в тот же исторический период французском Короле-Солнце Людовике XIV. Когда сей король изволил кушать, один он имел право сидеть.

А вся остальная знать, непременно присутствовавшая во время монаршего обеда, по протоколу стояла в оцепенении и смотрела, как он вкушает. Лишь один родной брат короля имел право присесть сзади на стульчик. Но, естественно, не есть, а просто тихонько сидеть рядом и ждать.

Я уже писал о том, как все было регламентировано при французском дворе, в Версале. Все мелочи были прописаны, включая почетную должность носителя ночного горшка короля. Был прописан, например, ритуал кормления собачек короля. На эту тему существовала подробнейшая придворная инструкция – кто имеет право кормить собак короля. Как передавать пищу королю, если Король-Солнце соизволит покормить собачек из собственных рук. Через какие руки и уста, соответственно, проверки должна эта пища пройти.

Нужно сказать, что русским монархам в плане определенного демократизма даже было чем похвастаться.

Людовик XIV как-то сказал: *«Божья воля требует, чтобы всякий, кто родился подданным, повиновался без рассуждения. Государи имеют полное распоряжение над всеми имуществами в стране, как светскими, так и духовными»*. Людовик XIV правил долго, он захватил эпохой своего правления всего Алексея Михайловича, Софью, Ивана и большую часть Петра. И демонстрировал абсолютизм, совершенно несопоставимый ни с абсолютизмом Алексея Михайловича Тишайшего (да какой там был абсолютизм!), ни с подчеркнуто демократическим абсолютизмом Петра Великого, ни тем более с просвещенным абсолютизмом Екатерины Великой.

Две монархии едва не породнились. Петр активно сватал свою дочку Елизавету, весьма симпатичную юную барышню, за правнука Людовика XIV – будущего короля Людовика XV. Однако, к сожалению, надменные французы не видели тогда в московитке выгодной партии – в этом печальное отличие начала XVIII века от времен Анны Ярославны – дочери Ярослава Мудрого.

Кстати, удивительно: Король-Солнце умудрился пережить не только собственных сыновей, но и собственных внуков. Я имею в виду законных – неза-

конных там было неизвестно сколько. И хотя все они стали принцами – во Франции по сравнению с Россией к бастардам относились милостиво и доброжелательно, – но трон свой Людовик XIV смог передать только своему правнуку.

Нельзя не отметить любопытную аналогию с сегодняшним днем – а книги я пишу, как вы, конечно, уже догадались, именно ради таких аналогий. Все-таки при всех своих абсолютистских заскоках, склонности к самолюбованию и безусловном культе личности Людовик XIV – особенно в молодости и в средние годы – был монархом работоспособным и эффективным. Работал много, и в этом отношении напоминал чем-то Сталина, чем-то Петра, чем-то Наполеона. Хотя, конечно, без военного гения Бонапарта, без административно-организационных талантов Джугашвили и без феерической, хотя и бестолковой работоспособности Петра Романова.

Тем не менее именно при нем Франция стала самым сильным государством Европы – при том, что у нее был серьезнейший конкурент – Испания. Только вот Испания, которая на тот момент воистину купалась в золоте, вывезенном из Южной Америки, из Мексики, в отличие от Франции, поразительно бездарно распорядилась всеми этими сотнями тонн золота, свалившимися в ее бюджет. Франция под руководством правительства Людовика и знаменитого финансиста Кольбера инвестировала в промышленность и торговлю. Испанская же верхушка вместо того, чтобы направить деньги на какое-то развитие или хотя бы на экспансию – армию и флот, с удивительной беспечностью промотала деньги, потратив их на шелка, брильянты и бог знает вообще на что.

В итоге после, пожалуй, целого столетия феерического богатства Испания осталась у разбитого корыта, все золото утекло за рубеж, жизнь дворянина тогда в Испании в силу инфляции и вздувшихся цен считалась одной из самых дорогих в Европе. Обеспечивать себе высокий уровень жизни в Мадриде тогда было намного дороже, чем в Лондоне, в Риме даже дороже, чем в Версале. В этой связи нельзя не провести самые печальные аналогии с нефтяными деньгами в современной России и стоимостью жизни на Рублевке — самом дорогом районе мира.

К слову о Версале, королевской резиденции, о которой мы столь подробно рассказывали в начале этой книги. Все имеет свой печальный итог, если политика не опирается на реальное развитие экономики, реальное развитие страны. Искусственный подъем, который был достигнут при Людовике XIV, весьма печально закончился к концу XVII века – и держава, которая вела войны по всей Европе, – в итоге оказалась с громадным дефицитом бюджета...

Именно тогда, в конце XVII века, пришлось отправить в переплавку знаменитую версальскую мебель, ту самую знаменитую мебель Людовика XIV, которая по особому заказу Короля-Солнце была сделана из чистого серебра. Представьте себе: все это было переплавлено, а деньги пущены на содержание армии. Примерно в то же самое время Петр плавил церковные колокола – на пушки. Самое забавное — пришлось переплавить на монеты даже знаменитый серебряный трон Людовика XIV. Естественно, вслед за мебелью и троном такая же участь постигла десятки королевских серебряных столовых сервизов, многие и многие безделушки и акссесуары.

Экономику абсолютизма подпитывали не только серебряные стулья, но и рабский труд крестьян. Во Франции, где крепостного права как бы не было, действовала практика бесплатного привлечения крестьян к так называемым общественно-полезным работам. Выглядело это впечатляюще. Во время поездок короля – а французские короли периодически ездили по стране, например Людовик XIV был известен своими неожиданными маршрутами, – все крестьяне с окрестных деревень сгонялись с полей и в течение нескольких недель занимались починкой, а то и прокладкой дорог. Они наводили мосты, благоустраивали территории и так далее. Это были, кстати, настоящие, а не выдуманные потемкинские деревни. В правовом отношении эта практика объяснялась какой-то мифической «дорожной повинностью», существовавшей якобы со времен крестовых походов. А де-факто чем это было, как не государственным крепостничеством? Чем оно отличалось, по большому счету, от положения государственных крепостных крестьян в России?

Такая же ситуация – в правовом отношении – была и с французским судами. Например, все судьи знали, что к началу морс-

кого сезона государство заказывает определенное число гребных галер, которые спускаются на воду. Соответственно, необходимо будет заблаговременно вынести столько-то сотен пожизненных каторжных приговоров. Заключенные использовались на галерах гребцами – не будут же корабли простаивать просто так? Если судьи об этом забывали, то получали соответствующую инструкцию из верховного королевского суда. Судить построже! Побольше каторжников. Побольше галер. Такое плановое хозяйство сложно представить себе в Российской империи.

Повторюсь: формально крепостного права ни в Британии, ни во Франции не было, однако существовала масса прецедентных повинностей – как те же обязательные госработы, которые распространялись практически на всех европейских крестьян. А во многих странах крепостное право было в прямом виде – как в Пруссии, например. Но по большому счету разницы между крепостными крестьянами в Москве и так называемыми свободными, но находящимися на арендованной у феодалов земле крестьянами Франции, Италии, Испании и Англии, не было никакой.

Вот еще что любопытно. Вообще канун Французской революции, полностью перевернувшей отношения между сословиями в Европе, достоин особого внимания современного историка и политолога. Любопытных тенденций было несколько.

Тенденция номер один. Французские абсолютные монархи, начиная с Людовика XIV – это продолжалось потом и при Людовике XV, и при Людовике XVI – всячески подавляли любого рода частную гражданскую инициативу. Понятно, что и до них веками не собирались Генеральные штаты, постепенно в профанацию вылился Парижский парламент. Всячески ущемлялась судебная власть. Но вообще любая местная инициатива подавлялась на корню. Общественное самоуправление во Франции этого периода было урезано донельзя.

Это привело к тому, что коренным образом изменилась психология людей – в первую очередь людей образованных.

Именно тогда во Франции вместо настоящей политической активности, чем всегда славилось французское дворянство, – вспомните Фронду, вспомните религиозные войны, вспомните времена Де Гизов, вспомните хотя бы историю тех же Генераль-

ных штатов –появляется ***абсолютная общественная апатия***. Возникают светские салоны, где оппозиция тихо подменяет активное участие в политической жизни гламурными светскими разговорами, пронизанными недовольством властью и иронией над монархами. Происходит полное размывание какого-либо общественного единства.

Дворяне все в большей степени становятся не активными деятелями государства, а – и именно этого от них хотят Людовики – рядовыми подданными. Теми, кто нуждается в приказе, в опеке, в благодеянии. Кто палец о палец не ударит ради государства, не говоря уже о том, чтобы пожертвовать ради него жизнью, свободой либо здоровьем. Салоны – это как наши интеллигентские кухни 70-х.

Вот он – знак грядущего краха общественно-политической системы.

При этом ведет себя общественная элита по отношению к трудовому народу крайне кичливо. Многих путешественников, приезжавших во Францию, потрясало, с какой наглостью знатные господа, проезжая на раззолоченных каретах по парижским мостовым – всегда довольно грязным, надо сказать – обливали грязью, давили людей, сбивали телеги с простолюдинами. Это не было чьим-то хамством – напротив, считалось в порядке вещей. Эти четверни и шестерни в раззолоченных упряжках вели себя на дорогах примерно так же, как ведут себя машины с мигалками в сопровождении милицейских кортежей на российских улицах сегодня. Полное хамство, наглость и безнаказанность.

Путешествующие англичане писали: если бы в Лондоне кто-то из пэров посмел так проехать по Оксфорд-стрит, прохожие точно остановили бы эту карету и отдубасили и кучера, и ездока.

И во что это вылилось? Во Французскую революцию. В бешенство возмущенной социальной несправедливостью черни – несправедливостью во всем, от отношений в экономике и чудовищного разрыва в уровне потребления вплоть до поведения на улицах, на дороге. Одним из первых декретов революционного конвента стал, между прочим, запрет на приоритетное движение всех этих карет с гербами и лилиями по парижским улицам.

Разве это не повод задуматься власть предержащим, проносящимся по Кутузовскому проспекту в Москве по встречным полосам мимо остановленного гаишниками гигантского, томящегося в пробках, задыхающегося в угарном газе потока «простых людей», или по революционной терминологии – «простолюдинов»?

Разве это не повод вспомнить уроки истории? Подумать в конце-концов о том, что эта колоссальная негативная энергия, казалось бы, по мелочам копящаяся в душе рядового гражданина, иногда дает самые чудовищные, самые непредсказуемые и кровавые результаты. Французские аристократы не понимали: лучше самим установить справедливость, чем ждать, пока это сделают обезумевшие санкюлоты.

Накануне Французской революции, одним из раздражающих факторов была потрясающая, неумеренная роскошь двора. Считалось, что двор потребляет примерно десятую часть национального дохода государства. Цифра была приблизительная и секретная, поскольку никто не осмеливался даже подсчитать, во сколько реально обходится содержание монарха и его приближенных. Королевские служащие получали феерические зарплаты, находясь к тому же фактически на кормлении в провинциях, где тоже мало в чем себе отказывали. Разрыв между слугами нации и простонародьем был еще одной из причин копившейся в сердце ненависти.

Продолжим аналогии с сегодняшним днем в России. Когда верхушка общества полностью отстраняется от активного участия в политической жизни, а заниматься экономикой им нет необходимости (накопленные состояния и привилегированное положение в обществе позволяют не думать о хлебе насущном), – что происходит с этой верхушкой?

Она деградирует. Она начинает находить смысл жизни не в реализации естественных мужских амбиций – чего-то добиться, что-то изменить, как-то прославиться, в конце концов, кого-то завоевать и получить чины, награды, ордена, золотые шпаги, выделиться за счет этого – она находит смысл жизни в том, чтобы жить ради удовольствия. Вот откуда неестественное времяпрепровождение, которым так славилось французское дворянство в салонах

за десять–двадцать лет до Французской революции... Разве это не напоминает нам столь же удивительное гламурное времяпрепровождение современной российской элиты? По большому счету, в чем разница между Версалем и Рублево-Успенским шоссе?

При этом чудовищное чванство и неприятие людей других сословий было фактически поголовным. Не надо думать, что это касалось только принцев крови, а выдающиеся мыслители уже тогда были проникнуты идеями свободы, равенства и братства. Боже упаси. Вспомните Вольтера, который на самом деле никогда не был ниспровергателем общественных устоев. Ну да, он жалел простой народ – как жалела его Екатерина II. Но вот что он при этом писал: «Невозможно, чтоб люди, живущие в обществе, не были разделены на два класса – класс богатых, которые повелевают, и класс бедных, которые служат. Когда чернь принимается рассуждать, все погибло».

И это Вольтер! Даже он, как видите, считал, что рассуждать – это привилегия избранных. Подозреваю, что те, кто вскоре будут за волосы тащить на гильотину бывших регулярных посетителей самых модных парижских салонов, произведений Вольтера, Дидро и Руссо не читали... И так не считали.

Демократия или плутократия?

> Любимая присказка депутатов:
> «Глупый и неопытный кандидат на выборах тратится. Умный и опытный – на выборах зарабатывает»

Демократия? Все могут избирать и быть выбранными? Формально – да...

Но с самого начала в парламенте огромное значение имели деньги. Мало того, что существовал имущественный ценз: право избирать имели не все, а уж тем более не все могли избираться. Так еще и шел подкуп избирателей. Увы, это не изобретение современных политтехнологов. Поэтому сознательно дам небольшой экскурс в историю родины парламентаризма – Британии.

Итак, голос избирателя уже в XV веке был капиталом, который нетрудно было превратить в наличные, фунты и шиллинги.

В XVIII веке в Британии говорили, что цена голоса избирателя установлена с такой же точностью, как на хлеб или на землю. В среднем место в парламенте в первой половине XVIII века можно было купить за 1–1,5 тысячи фунтов стерлингов. Это была огромная сумма по тем временам.

Однако, инфляция. И к концу XVIII века цена на депутатство возросла до 5 тысяч фунтов. Во времена промышленной революции стало больше тех, кто обладал значительными капиталами. Они не пользовались политическим влиянием, а покрасоваться в парламенте хотели. Все логично: спрос определяет предложение[1].

Но это мы – про простую продажу своего голоса за деньги. Обычнейшая сделка, не более.

Один английский избиратель XIX века описывал, что он, как и каждый голосующий, опускал бюллетень в одно отверстие в стене, а через другое получал соответствующую сумму. Удобно.

Иногда удавалось купить избирателя и дешевле – за «халявную» выпивку и еду. Лорд Рассел уверял в конце XIX века, что спаивание избирателей – это типичная сторона английской демократии, которая резче всего бросается в глаза чужестранцам.

Поначалу покупку голосов еще как-то маскировали. Например, кандидаты в депутаты парламента или их агенты покупали у избирателей ничего не стоящие подержанные вещи за несоразмерно большие деньги.

Бывало, платили избирателям немалые суммы за... приезд на место выборов. Избиратели в Седбери, не жившие в городе, подкупались как бы оплатой их проезда. За милю дороги от Лондона до Седбери они получали по 1 шиллингу и притом во время пути их еще поили и кормили. В общем, ничего оригинального современные пиарщики не придумали: как известно, новое – это хорошо забытое старое.

---

[1] Ох, что-то это нам всем напоминает... Что-то сильно напоминает!

Но зачем покупать в розницу, скажет опытный политтехнолог, если можно сделать это оптом? Это выгоднее. Да и проще: не возиться с рядовыми избирателями, а сразу договориться с местными муниципальными властями. Так и делали. Например, во время выборов в городке Пуле явилось трое кандидатов; один официально пообещал городской думе за свое избрание 1000 фунтов, другой – 1500 и третий – 750 фунтов.

Думаю, не надо объяснять, кто из них победил.

Времена меняются – люди никогда. Принципы демократии незыблемы. В те времена все было, как сейчас. Все делали на выборах свой маленький бизнес.

В 1768 году Оксфордская городская дума, обремененная долгами, написала своим двум депутатам в парламенте, что они будут избраны вновь лишь при уплате суммы в 6–7 тысяч фунтов стерлингов. Зря они оставляли письменные улики, эти «оборзевшие» члены городской думы. Все-таки формально требовать денег за избрание депутатов они права не имели, даже по тогдашним британским законам. Посему они быстро оказались в тюрьме, а когда освободились (за взятки, естественно), оказалось, их заместители уже провели сделку без их участия.

В 1711 году некто полковник Гледхил купил себе место в парламенте, записавшись в... гильдию сапожников (!) и сделав ей заказ на сапоги для всего своего полка. Представьте комичность ситуации: бравый колониальный британский полковник записывается в сапожники! Ну, чего не сделаешь, чтобы пролезть в депутаты... Париж стоит мессы...

В Токсбери избиратели прямо заявили, что в парламент изберут только тех лиц, которые обяжутся пожертвовать на сооружение дорог 1500 фунтов стерлингов. Сделка была заключена. Кандидаты въехали в город во главе торжественной процессии. За ними шли рабочие с заступами и лопатами в знак того, что они готовы приступить к работам. Тут же несли знамя, на одной стороне которого были написаны имена кандидатов, а на другой – избирательный лозунг: «Хорошие дороги».

В общем, это все мало отличается от современных выборов, хотя, правды ради, признаемся, все было несколько откровеннее. Люди раньше были проще, прямее...

Для торговли голосами появились даже специальные агенты, которые продавали иногда по дюжине мест за одни выборы. Они получали значительные комиссионные. Некоторые из них, правда, в результате попадали в знаменитую Ньюгейтскую тюрьму.

Поскольку прямая уплата денег все же запрещалась, а как-то договариваться было надо, в городе Шорхэме для продажи голосов был организован «Христианский клуб». При вступлении в него избиратели давали друг другу торжественную клятву не обманывать друг друга, не утаивать полученных денег и по-христиански делить полученные суммы. Дав клятву, члены клуба решали, кому и за сколько нужно продать свой голос.

Торговля голосами была так хорошо налажена, что если кандидат не имел нужных средств в момент избрания, то мог выплачивать деньги в течение ряда последующих лет. В рассрочку. Парламентская неприкосновенность в кредит[1].

Во время избирательных кампаний на видных местах, как и сегодня, вывешивались плакаты, призывавшие избирателей отдать свой голос за кандидата.. И тут же, на плакате, иногда называлась сумма, которую можно получить.

Цена голоса колебалась в зависимости от того, насколько ожесточенной была предвыборная борьба.

В конце XVIII века Фокс, один из лидеров вигов, истратил на выборы 18 тысяч фунтов. Для понимания веса тогдашних денег поясню: считалось, что купец, накопивший 50 тысяч фунтов, может отойти от дел – столько стоило поместье, дававшее в год 2500 фунтов дохода. Можно было жить помещиком-лендлордом, не рискуя деньгами в сложных торговых операциях. Фокс потратил почти половину такого имения...

Абсолютное большинство британцев ничего не имело против. По их мнению, все было справедливо. Система продажи мест в

[1] В XVIII в. подкупы избирателей совершаются в массовых масштабах и постепенно становятся всё более открытыми да к тому же и не считаются в обществе чем-то аморальным. Считалось, что нет стыда в даче и получении взяток при выборах. Некто Кочрэйн, не стесняясь, признался палате общин, что после его избрания от города Хэнитона он послал в город глашатая передать избирателям, чтобы они шли к главному банкиру получать деньги. А что? Честный бизнес. Получил услугу и сразу же расплатился. (*Прим. науч. ред.*)

Парламенте их не раздражала и не возмущала. Люди, обладавшие богатством, могли иметь соответствующую богатству власть. Люди, богатством не располагавшие, получали от кандидатов деньги или какие-то важные для них услуги.

Британцы, не имевшие избирательных прав, боролись за то, чтобы их получить... На то было много причин, но одна из них очевидна: гражданские права были делом выгодным. Правда, увы, чем большему числу людей давали право голоса, тем меньше стоил этот самый голос.

Девальвация «честного голоса избирателя» шла постоянно, как бы сейчас сказали, значительно опережая темпы инфляции.

Если еще в XVIII веке, торгуя голосами своего многочисленного семейства, почтенный селянин вполне мог заработать на обучение в колледже одного из своих детей, то к концу века XIX избирателям максимум ставили бесплатную выпивку и кормили их рыбой с картошкой. И то правда... Не устрицами же кормить всякий получивший право голоса сброд?

Кстати, об устрицах. Ну, не совсем об этих несчастных моллюсках, с аппетитом пожираемых живьем по обе стороны Ла-Манша, а о французской политической элите. Через двести с лишним лет после Французской революции, после всех битв на парижских баррикадах за либертэ, эгалитэ и фратерните, самая верхушка этой самой элиты получила явные черты аристократии, скажем, века эдак XVII–XVIII.

Президент Франции Франсуа Миттеран, дольше всех находившийся у власти, рекордные 14 лет без перерыва, по происхождению – прямой потомок английских королей и представитель знатнейшего французского аристократического рода.

Предшественник Миттерана на президентском посту – Жорж Помпиду, основной контрагент Брежнева на всяческих переговорах. Его предыдущим местом работы была ни больше ни меньше – должность генерального директора банка Ротшильда.

Жискар Д'Эстен – миллионер, владелец нескольких старинных замков, поместий в тысячи гектаров земли, аристократ и так далее. Понимая двусмысленность своего положения, он, став президентом, пытался создать образ простого человека – такой у него был пиар – устраивал завтраки в Елисейском дворце для

прислуги, на которые сам заходил вместе с дворниками. И еще играл на аккордеоне, как Черномырдин.

Там тоже своего рода наследственность: Помпиду был министром в правительстве своего босса Де Голля. Понимаете? Называется: Операция «Преемник». Жак Ширак – премьер-министр в правительстве своего предшественника Миттерана. А вы говорите: Путин, Медведев...

Ширак тоже человек очень интересный, сам из семьи крупных предпринимателей – три высших образования, изучал санскрит. Считается крупнейшим знатоком Китая, а также, что нам особенно любопытно, перевел на французский «Евгения Онегина». При этом в молодости служил простым матросом, не имея к этому никаких особых причин – просто хотел узнать жизнь.

Ну и наконец, появился совершенно таинственный Николя Саркози. Нетипичный француз. Непонятно, то ли полуфранцуз, то ли полувенгр. С таким вот носом, профилем, маленького роста – и все его президентство, если бы не его челночная дипломатия в грузино-осетинском конфликте, можно было бы свести к обсуждению его личной жизни. Мне так он напоминает одного персонажа исторической литературы – Генриха IV, как будто бы Саркози – реинкарнация духа веселого Анри. Ну, может, это и логично для лучезарно-любвеобильной Франции?

В заключение – важное замечание.

Все вышесказанное излагается отнюдь не для того, чтобы доказывать, дорогой Читатель, как, мол, гнусно и продажно обстояло дело с парламентаризмом на «загнивающем Западе» и как несравненно лучше было (или есть сейчас) с этим делом у нас.

Примеры «продажной демократии» с одинаковым успехом можно выуживать практически из любого исторического периода любой страны, где те или иные формы выборности имели и имеют место. Думаю, бывший руководитель Центризбиркома Вешняков привел бы нам сотни ГОРАЗДО более ярких, живописных примеров надругательств над базовыми демократическими принципами и институтами, причем исключительно используя фактуру новейшей отечественной истории. Нам в этом отношении ходить за три моря за примерами точно не нужно.

Смысл нашего краткого экскурса в историю родины парламента в другом. В том, чтобы показать: если даже «образцово-классическая» избирательная система Британии с самого своего рождения была столь извращена и «монетизирована», то не надо питать никаких иллюзий относительно и вчерашнего, и позавчерашнего, и тем паче сегодняшнего дня иных «демократий» парламентского типа.

Все недостатки парламентаризма, такие как оторванность избирателя от избираемого, определяющее влияние «финансового» и «административного» ресурсов на результат выборов, заложены в парламентскую модель изначально. И принимая эту модель сегодня (не из-за ее безупречности, а за неимением пока достойных альтернатив), мы должны понимать ее глубокое ***изначальное*** несовершенство. Так же, как глубоко несовершенна, более того – глубоко ***несправедлива*** система демократических выборов и демократических институтов управления обществом в целом.

Светоч демократии Уинстон Черчилль, который с таким снобизмом отзывался о своих избирателях, как-то сказал: *«Демократия – самая худшая форма правления, за исключением всех других форм, что пробуют время от времени»*[1].

Демократия – один из самых ***несправедливых путей наделения людей властью***. Почему? Об этом мы подробно поговорим далее. А пока посмотрим, может в отличие от «старого парламентаризма» старой доброй Англии, на берегах Нового Света все же удалось создать более совершенную модель управления обществом? Модель, где все иначе...

Где лишь высокие нравственные и деловые качества кандидатов с самого начала определяют, кому надлежит заседать на Капитолийском холме, а кому – трясти у подножия этого холма пластиковым стаканчиком, распугивая туристов выкриками: «Change, change, gimme some change, please!»[2]

---

[1] Цитата целиком и в оригинале: «Many forms of Government have been tried and will be tried in this world of sin and woe. No one pretends that democracy is perfect or all-wise. Indeed, it has been said that democracy is the worst form of government except all those other forms that have been tried from time to time». (Из речи в Палате общин 11 ноября 1947 г.)

[2] С англ.: Денег, денег, дайте немного денег, пожалуйста! *(Прим. ред.)*

Светоч Великой демократии

> Если человек украл кошелек, он садится в тюрьму. А если он украл железную дорогу – становится сенатором.
>
> *Старая американская пословица*

Увы, в Соединенных Штатах Америки с самого начала было то же самое. Даже еще хуже.

В США не было идеи суверенитета нации, потому что не было «государствообразующей» нации. Было истребление индейцев, ввоз негров-рабов на плантации, расизм и временами – антисемитизм.

В США, как считается, достиг своего абсолюта развития принцип либерализма. Слово это происходит от латинского liber – свободный. Согласно этой замечательной идее, личность важнее всех государств и сословий. Все, что мешает свободе личности, свободной конкуренции и изъявлению свободной воли, – долой! Вредны все национальные различия, любые законодательные ограничения. Чем власть слабее, тем лучше. Чем меньше правительство управляет, тем свободнее человек.

В США попытались воплотить в жизнь эту идею.

По Конституции США, принятой в 1787 году, в стране правят Парламент и Президент. Страна разбита на штаты, то есть государства. Первоначально штатов было 13, к XX веку их стало 48. Отвоевали у индейцев и у Мексики новые территории. На них образовались новые штаты.

В каждом штате действуют свои Законодательные собрания и выбираются губернаторы. Законы штатов могут существенно отличаться друг от друга. В одних штатах губернатор имеет полномочия почти диктаторские, в других он, напротив, почти не имеет реальной власти.

Местное самоуправление определяется конституциями штатов. Штаты делятся на графства, во главе каждого из которых стоит выборный совет.

В небольших населенных пунктах собирается сход граждан, они избирают мэра, должностных лиц, судью и главу полиции –

шерифа. В больших населенных пунктах избирают мэра и свое Законодательное собрание. Полномочия мэра и собрания определяют законы данного города. Иногда мэр главнее собрания. Иногда – наоборот. Иногда обходятся без мэра: собрание нанимает управляющего – менеджера.

Система местного самоуправления США просто потрясает, настолько там все продуманно и демократично. Власть чиновников жестко ограничена, и правительство почти не может влиять на принятие решений на местном уровне.

Непосредственная демократия в США привлекала множество людей, хлынувших за океан из Европы в XIX веке. К 1900 году 40 % населения США родились за пределами этой страны.

Непосредственная демократия осуществляется теми, кто неплохо знает друг друга – если не лично, то через одного человека. Эта система прекрасно работала в Старом Свете, не хуже заработала и в Новом. Свободные люди, объединенные механизмами местного самоуправления, и построили эту колоссальную, великую и трагичную страну, к середине XIX века достигшую Тихого океана. Самостоятельный свободный работник и предприниматель стали главными героями огромной страны «from coast to coast»[1].

Это они отправляли фургоны на Запад, через прерии, строили города в глухих лесах, распахивали не тронутые плугом дикие земли, вели пароходы по Миссисипи и Миссури, вгрызались лопатами и кирками в рудные жилы, строили лесопилки и дороги, изобретали машины и новые транспортные средства. Платили местные налоги и выбирали мэров и шерифов. Еще они пели гимн не только Соединенных Штатов, но и своего штата, иногда даже графства, размахивали флагом своего города, гордились своей страной, своей демократией и своим правом избирать собственное начальство...

Торжество либерализма? Да... Пока кучка людей превращала целый материк в часть цивилизованного мира. Пока ресурсов хватало на всех и был дефицит не земли и не чистой воды, а рабочих рук. Пока свободный работник был востребован.

---

[1] С англ.: От берега к берегу. (*Прим. ред.*)

Но уже тогда в делах управления страной в целом все обстояло вовсе не так лучезарно. Согласно Конституции США их парламент состоит из двух палат: Палаты представителей и Сената. В первую избирают все мужчины, достигшие 21 года (с 1920 года – и женщины): один кандидат от определенного числа жителей. В Сенат каждый штат выбирает строго двух представителей. Избирают их лица, достигшие 25 лет, и сенатор не может быть моложе 30 лет.

В наше время одного конгрессмена избирают примерно 300 тысяч американцев. Как могут они договориться, как могут пообщаться с кандидатом, определить его личные и деловые качества? Никак.

Американцы уже в XIX веке были не в восторге от своих законодателей. То есть сама по себе демократия священна, покуситься на нее никак нельзя. Но почему-то, каким-то скверным колдовством, в Конгрессе и особенно в Сенате постоянно оказывались личности, которым место не в правительстве, а на каторге. А чему удивляться, если в середине XIX века избрание в Сенат, как писали американские памфлетисты, обходилось в 20 тысяч долларов, а в середине XX – в 500 тысяч долларов? Сегодня оно обходится в несколько миллионов как минимум. Инфляция...

Много горьких и жестких слов сказал в свое время Марк Твен о представителях штатов в Сенате. Описывая двух отпетых жуликов, Марк Твен подробно рассказывает, как их защищает Законодательное собрание штата: *«Ведь это было все равно что просить детей отречься от родного отца»*. Отдать негодяев под суд? Их судили присяжные заседатели – *«девять пациентов ближайшего сумасшедшего дома и три ученых джентльмена, прошедших полный курс наук в тюрьме Синг-Синг»*[1].

Президента США избирают по сложной системе. Теоретически избирает его население США... Практика несколько сложнее. Разобраться в ней не проще, чем в правилах таких малопонятных неамериканцу видов спорта, как бейсбол и американский футбол.

Раз в четыре года в начале ноября, в первый вторник после первого понедельника, граждане Соединенных Штатов избира-

---

[1] *Твен М.* Позолоченный век. Собр. соч. в 12 т. Т. 3. М., 1959.

ют президента. Но президентские выборы в США непрямые. В день голосования избирают только выборщиков. Причем в бюллетенях имена выборщиков не указывают. Всего их 538 – каждый штат имеет столько выборщиков, сколько избирает сенаторов и представителей, т. е. не менее трех. Еще троих выборщиков избирает столичный округ Колумбия.

В декабре выборщики (выбранные анонимно, по партийным спискам) должны собраться в столицах штатов и проголосовать, вписав в бюллетень имена кандидатов в президенты и вице-президенты. Затем эти бюллетени опечатываются и отсылаются в Вашингтон. 3 января собирается на сессию Конгресс. К этому времени Сенат должен подсчитать голоса. Когда будет установлено, что победитель набрал более половины голосов от общего числа выборщиков, он официально становится избранным президентом и вступает в должность.

Это происходит в полдень 20 января, очень торжественно.

Принято думать, что отцы-основатели американской конституции считали, что рядовые граждане непредсказуемы, эмоциональны, подвержены влияниям. Нельзя доверять им такое важное дело, как выборы президента. Пусть выбирает узкая коллегия, состоящая из почтенных и уважаемых граждан.

Думаю, это не так.

Можно, напротив, предположить, что само появление системы выборщиков – результат искреннего стремления создать в конце XVIII века действительно честную демократическую систему. Представьте США времен Вашингтона и Франклина: огромные расстояния, мало городов, разбросанное население, полное отсутствие современных средств коммуникации.

Система выборщиков стала механизмом, который обеспечивал более-менее приемлемый учет мнения избирателей в сложных географических условиях.

Условиях, когда обеспечить голосование по привычным нам стандартам: десятки тысяч избирательных участков, участковые и территориальные комиссии, электронные урны для голосования, система ГАС-выборы и прочая, и прочая, – было совершенно невозможно.

При этом отцам-основателям было важно учесть интересы элит каждого из штатов, на тот момент – практически независимых государств, объединяющихся в конфедерацию (state *[англ.]*, кто забыл, – и сегодня «государство»).

Это было важнее для единства страны, чем учет мнения простых избирателей.

Было важно, чтобы каждый ШТАТ-ГОСУДАРСТВО в итоге поддерживал ОДНОГО кандидата в президенты ОБЪЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ. Логика простая: кого поддерживает большинство штатов, тот и президент, а то, что штаты очень разные, тогда казалось не столь важным.

Другое дело – сохранение этой системы в законсервированном виде сегодня, конечно, выглядит странным анахронизмом. И притом совершенно непонятно, чего здесь больше: стремления молодой американской нации к сохранению традиций или сознательного злого умысла.

Не хочется делать плохих предположений в отношении правящих американских элит, но согласитесь, у них довольно странная и безумно сложная схема элементарных выборов.

Эта многоэтапная система может довольно серьезно искажать волеизъявление народа. Настолько, что вообще становится непонятно, чего же именно хотело большинство.

Если кандидат получил в каком-нибудь штате перевес хотя бы в один голос, он автоматически получает голоса всех выборщиков. Получается, что весь штат голосовал за него... А ведь сегодня численность населения разных штатов колеблется очень значительно: от 30 до полутора миллионов.

Число выборщиков президента тоже колеблется. Если сенаторов от всех штатов всегда 2, то представительство в Конгрессе зависит от численности населения...

Достаточно выполнить несложные арифметические подсчеты, чтобы убедиться, что самые маленькие по населению штаты имеют выборщиков больше, чем «заслуживают», а большие – меньше. При этом стоит победить соперника хоть на 1 голос в любом штате, и все голоса штата – твои. Действует так называемый принцип «победитель получает все». «The winner takes it all», – как пела незабвенная ABBA.

В результате президентом США не раз становились кандидаты, опередившие соперника буквально на 0,1 % голосов[1].

Или вообще президентом становится тот, за кого проголосовало меньшинство американцев!

Знает ли уважаемый Читатель, что многие американские исследователи убеждены, что главной причиной Гражданской войны в США XIX века, той самой, которую сегодня представляют всем и всегда как войну за освобождение негров, была именно избирательная коллизия! Знаменитый Авраам Линкольн получил физически меньше голосов, чем его соперник-южанин, притом в южных штатах вообще проиграл с треском! Естественно, южные штаты не признали «недоизбранного» президента и в результате долгих прений объявили о своем выходе из состава США и создании отдельной Конфедерации. Я несколько упрощаю сложную историю, но суть ее именно такова. Освобождение негров было лишь приемом, позволившим Линкольну привлечь волонтеров в свою армию, а также «насолить» южным плантаторам, но отнюдь не изначальной сутью конфликта Севера и Юга.

Притом каждый исследователь подтвердит вам, что в армии Юга-Конфедерации тех же негров воевало ничуть не меньше, чем на стороне северян, и победи южане, на что они имели все шансы, история этой войны была бы изложена в учебниках совсем иначе.

Впрочем, это относится ко всем войнам и всем учебникам истории. ☺

Среди читателей первого издания «Мифов» нашелся один доморощенный критик, который написал буквально следующее: «Нельзя относиться серьезно к книге как исследованию, в которой автор, даром что профессор, позволяет себе расставлять "смайлики"». ☺ !!! Ух... Ну как это прокомментировать?

---

[1] Например, в 1952 г. 34 млн избирателей голосовали за кандидата республиканской партии и выбрали 442 выборщика. А 27 млн избирателей голосовали за кандидата от демократической партии и выбрали 89 выборщиков. Но бывало и так, что победителем становился кандидат, проигравший сопернику. Например, в 1888 г. президент-демократ Гровер Кливленд проиграл республиканцу Бенджамину Гаррисону по голосам выборщиков (233 против 168), хотя и получил большинство голосов избирателей (перевес в 0,7 %). (*Прим. науч. ред.*)

Просто когда я пишу на ноутбуке текст, то иногда какой-то мысли улыбаюсь про себя, а когда улыбаюсь – то иногда ставлю «смайлик». Так что – больше иронии, коллега критик! Желательно самоиронии! И жить будет проще! Аффтар, превед!

Вернемся же к выборам президентов США. В XX веке меньшинством были избраны демократы Вудро Вильсон (1912 и 1916 гг.), Гарри Трумэн (1948 г.), Джон Кеннеди (1960 г. – по официальным данным, опередил Ричарда Никсона на 0,2%), Билл Клинтон (1992 и 1996 гг.), республиканец Ричард Никсон (1968 г.).

Изъяны мажоритарной системы наглядно проявились во время выборов 1992 года, когда Клинтон получил 43 % голосов и 370 выборщиков. А Джордж Буш (старший) – 38 % голосов и 168 выборщиков. Третий кандидат в президенты, Росс Перо, набрал в целом по стране 19 % голосов, но не получил ни одного выборщика, так как не победил ни в одном штате.

«Флорида»

В 2000 году разразился скандал, который называют «Флорида». Это слово стало нарицательным, как и «Панама» – грандиозная финансовая махинация, сопровождающаяся скандалом. «Флорида» – скандал политический.

В день выборов 7 ноября 2000 года за Белый дом боролись действующий вице-президент США Эл Гор (демократ) и губернатор штата Техас Джордж Буш-младший (республиканец). Избиратели США отдали за Гора на 540 тысяч голосов больше, чем за Буша. Голоса выборщиков поступили от всех штатов, кроме Флориды.

Гор почти победил, хотя за него голосовали только 19 штатов и столица. Победа во Флориде гарантировала победу на выборах. С Флоридой Гор получил бы 285 голосов выборщиков при необходимых 270. Буш, победив во Флориде, получал бы 271.

Сперва было объявлено, что большинство голосов во Флориде у Гора. Но позже сообщили о преимуществе Буша. Оказалось, причиной противоречивых сведений стала... изношенность меха-

нических устройств для голосования, которые пробивали дырки в бланках избирательных бюллетеней! На протяжении многих десятков лет металлические штыри, пробивающие дыры, никто не очищал от остатков избирательных бюллетеней. В результате итоги голосования на многих избирательных бюллетенях были якобы зафиксированы неточно. Из-за технического сбоя бюллетени пришлось пересчитывать вручную.

А тут нашлись еще два ящика бюллетеней, которые... попросту забыли подсчитать. Появились судебные иски избирателей-демократов, объявивших, что их ввела в заблуждение странная форма флоридского бюллетеня. Они заявили, что из-за непонятных им бюллетеней «случайно» проголосовали за кандидата Партии реформ ультраконсерватора Пэта Бьюкенена. Вообще-то в целом по стране Бьюкенен набрал совсем немного голосов, но в ряде округов Флориды, и именно в тех, где очень сильны демократы, неожиданно выступил очень успешно. Этих «ошибившихся» выявилось 19 тысяч! До сих пор американцы выясняют, подтасовка это или кто-то и правда ошибся.

Негритянские организации заявили, что на некоторые избирательные участки чернокожих избирателей не пустили. А они ведь были за Гора!

Ситуация мгновенно вышла за рамки выявления каких-то технических неточностей. Назревал уже не политический, а этнический кризис. За республиканцев и Буша-младшего голосовали в основном белые среднего и старшего возраста в небольших неурбанизированных штатах. Та Америка, которую Ильф и Петров в 1930-е годы называли «одноэтажной». Есть у этой Америки и еще более приземленное название: «кукурузный пояс». То есть области, где живут «тупые фермеры» и выращивают кукурузу, так как больше они ни на что якобы не способны.

Демократов и Гора поддержала весьма пестрая коалиция из тех, кто по разным причинам не сумел или не захотел осознать себя «солью земли американской». Люди с достатком ниже среднего, живущие в крупных городах, женщины и всевозможные меньшинства – от этнических до сексуальных.

Намечалось столкновение американцев с разными системами ценностей...

Через три дня после проведения голосования было объявлено, что во Флориде Буш опередил Гора на 327 голосов, что дало ему преимущество в Коллегии выборщиков.

Эти результаты были оспорены демократами, которые потребовали заново и вручную пересчитать голоса.

Джордж Буш обратился в Верховный суд США с просьбой прекратить пересчет голосов. 12 декабря Верховный суд большинством в один (!) голос постановил прекратить пересчет голосов. 13 декабря Гор сложил оружие и поздравил соперника с победой. Буш победил во Флориде с окончательным преимуществом в 537 голосов – менее одной сотой доли процента. При американской системе это позволило ему опередить Гора на 25 голосов выборщиков.

Таким образом, Джордж Буш стал очередным президентом страны, который набрал меньше голосов избирателей, но выиграл выборы.

Больше месяца продолжалась «Флорида», угрожая взорвать единство американского общества и, будь разница между кандидатами Бушем и Гором действительно принципиальной — поставить США на грань гражданской войны.

Демократия. От $ миллиарда

Первый президент США, Джордж Вашингтон, потратил на свою избирательную кампанию 100 долларов.

Не улыбайтесь: тогда это были приличные деньги. Пара волов стоила 3 доллара, а хороший конь – 10. Бедняку такая избирательная кампания была явно не по карману. Хотя по нынешним меркам – все равно смешно.

Через 100 лет избирательная кампания Тафта в начале XX века обошлась уже в миллион долларов. Джон Кеннеди всячески скрывал богатство своей семьи, но в 1960 году в Белый дом вошел президент, чье личное состояние составляло не менее 400 миллионов долларов. А капиталы его семьи намного превышали миллиард. Сколько это сегодня по покупательской способности доллара? Смело умножьте на 10. По тем временам таких состояний в Штатах были единицы.

– Как вам удалось воспитать такого прекрасного сына?! – захлебывались репортеры, приставая к отцу Джона, Джозефу Кеннеди.

– Как?! – заорал старый Джозеф. – Да за такие деньги я мог бы избрать в президенты и бегемота из зоопарка![1]

В наше время президент США избирается ценой от миллиарда долларов. Демократия? Но тогда что же такое плутократия?

В президенты США может, конечно, попасть интеллектуал Кеннеди, а может и Джонсон, о котором говорили, что во время пожара его библиотека сгорела дотла, и обе книги погибли. Президентом может стать хитромудрый Рузвельт, а может и беспринципный Трумэн. Вопрос только в одном: какие деньги они могут привлечь на свою избирательную кампанию.

В этих условиях Штаты спасает только разум и ответственность аристократов или олигархов. Капитаны экономики выдвигаются сами или выдвигают своих ставленников в Конгресс и Сенат, чтобы рулить государством, которое все меньше слушается руля. Еще в 1947 году экономист Ландсбергис пришел к выводу, что демократия – счастливый вчерашний день Америки. Для обозначения мультимиллионеров и миллиардеров, реально управляющих страной, он ввел понятие «60 правящих семей Америки»[2].

Реальность американской демократии сегодня очень напоминает реалии Римской империи времен Принципата. Внизу – действенная демократия. А в верхах, в вопросах управления всем государством, – метания между аристократией, олигархией и плутократией.

Увы, плутократия – это диагноз заболевания, неотделимого от демократии, как только она осуществляется в масштабах большого государства.

---

[1] Кстати, о бегемотах: в 1966 г. был случай, когда в бразильском городе Сан-Паулу чуть не избрали губернатором... бегемота. Зарегистрировали кандидата, провели избирательную кампанию... В самый последний момент президент Бразилии снял бегемота с избирательной дорожки. А то, может быть, и избрали бы. (*Прим. науч. ред.*)

[2] *Ландсбергис Г.* Богачи и сверхбогачи. М., 1956.

Так что же такое демократия?!

Бернский аристократизм почитается самым строжайшим в Швейцарии. Некоторые фамилии присвоили себе всю власть в республике; все прочие жители не имеют участия в правлении. (Берн, 10 сентября 1789 г.)

Н. Карамзин.
Письма русского путешественника

Итак, мы видим, что в европейских странах нигде и никогда не было «чистой» демократии древнегреческого полиса. Во всяком большом государстве причудливо сочетались чуть ли не все шесть способов правления, выделенные Аристотелем. Франция была монархией до 1791 года, а весь XIX век в ней периоды Республики сменялись периодами монархии. Французы так и говорят: Первая республика (1793–1799 гг.), Первая империя (1799–1814 гг.), Период реставрации Бурбонов (1815– 1830 гг.), Июльская монархия (1830–1848 гг.), Вторая республика (1848– 1852 гг.), Вторая империя (1852–1870 гг.).

Британия до сих пор монархия.

Во Франции был период, когда правил самозваный император Наполеон. В Британии было время, когда правил такой же самозваный Лорд-Канцлер-Протектор Кромвель. Тирания.

Во Франции до конца XVIII века дворянство имело множество привилегий – аристократия. В Британии до сих пор людям за заслуги дают титулы и право заседать в Палате лордов.

Вырождаясь, французское дворянство «подарило» миру садистов Жиля де Ре, который признался в убийстве 140 детей, и маркиза де Сада. В конце XVIII века британские придворные служили «черные мессы», поклоняясь дьяволу, или превращались в смешных напыщенных щеголей-снобов. Олигархия.

Во Франции до XIX века существовала непосредственная демократия на местах, при избрании местных органов власти. Ее было немного, и местная демократия была только для свободных и обеспеченных.

Эта непосредственная демократия все Средневековье и по крайней мере до XIX века соседствовала с жестким феодальным

строем. Аристотель назвал бы общество, которое управляется дворянством, аристократией. С XIII–XIV веков непосредственная демократия соседствует еще и с королевской бюрократией. С XIV века – с корпоративной представительской демократией Генеральных штатов и провинциальных Собраний.

В Британии непосредственной демократии было побольше, но и она соседствовала с жестким феодализмом, а позже – с цепкой бюрократической системой. В Британии родилась представительная демократия. Родилась – и мгновенно утонула в пучине плутократии.

Плутократия – обычнейший способ организации общества в Европе, особенно в Британии и в США. Оказывается, она превосходно сочетается с демократией на местном уровне.

Аристотель жил в крохотном государстве-полисе. Но уже его великий ученик Александр Македонский вынужден был управлять своей империей через чиновников. Вся Европа знала этот способ правления, неизвестный Аристотелю: бюрократию.

Во всех европейских странах и в США этот способ правления так же распространен, как и представительская демократия, тоже неведомая Аристотелю.

Так что же такое демократия?

Она, как мы видим, бывает очень и очень разной. Что же нам до такой степени не хватает в России?! Местного самоуправления, то есть непосредственной демократии? Сословно-представительской демократии? Либеральной представительской, неотъемлемой от олигархии и плутократии?

Попробуем разобраться в том, как управлялось общество в России в разные периоды ее жизни.

Может, тогда мы постепенно и подойдем к грустному вопросу: *а является ли вообще демократия оптимальной формой управления?*

Глава 2

Была ли демократия в Древней Руси?

> Государственный строй подгоняется к народу, как платье подгоняется к фигуре человека.
>
> А. Франс

Изначальное положение дел

Древние славяне не имели никакого представления о мажоритарной системе, и совершенно неизвестно, понравилась бы им она или нет. Они бы вряд ли также осознали все преимущества пропорциональных партийных выборов и неземного разума системы ГАС-выборы.

Возможно Чуров, займись он просветительством на эту тему, и стал бы у них каким-нибудь верховным волхвом, благо, внешность подходящая. Но сути суверенной демократии все равно бы объяснить древним славянам, боюсь, не смог.

Но вот то, что управлялись они и без всяких современных умничаний – народными собраниями, – это факт.

Прокопий Кесарийский в своих книгах «Войны» и «Тайная история» уделял большое место славянам. «Славяне живут народоправством», – уверял Прокопий и невольно видел в этом некий укор для эллинов. Современники Прокопия, императоры Юстин и Юстиниан уничтожали последние остатки демократии в Византийской империи. А славяне правят, собираясь на сходы всех взрослых мужчин, как греки в древние, легендарные времена[1].

---

[1] *Прокопий из Кесарии.* Война с готами. М., 1950.

Об избрании вождей у славян знали и арабские хронисты[1]. Выборным был и воевода большого походного войска. По крайней мере, до VIII–IX веков вообще вся власть у славян была выборной[2].

У германцев намного раньше появилась наследственная власть. Еще вожди англов и саксов, завоевавшие Британию, были избраны на народном собрании. Но уже в VII–VIII веках на престолах варварских королевств уже сидели наследственные короли.

Говорит ли это об «отставании» славян? Или все же о том, что демократический строй у них оказался прочнее и держался дольше?

Нет доказательств того, что до династии Рюрика на Руси вообще были наследственные князья.

Но вспомним: и династия Рюрика была поставлена у власти народным собранием. Ведь его в Старую Ладогу призвал союз славянских и финских племен. Согласно «Повести временных лет», «Имаху дань варяги из заморья на чюди, и на словенех, и

---

[1] Древнее слово «князь» означало главу родовой, потом соседской общины. Князя – главу общины – выбирали. Выбирали и воеводу – главу военного отряда рода и всего племени. (*Прим. науч. ред.*)

О хронистах см.: *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

[2] Характерно, что славяне долгое время не применяли слова «князь» к верховному правителю – для режима высшей наследственной власти. В бертинских анналах – франкской монастырской летописи на латинском языке, посвященной истории государства Каролингов (741–882 гг.), рассказывается: в 839 г. византийский император послал к королю франков «неких людей». Император просил пропустить их на родину через свои владения, «потому что путь, которым они попали в Византию, представляет большие опасности». Люди сообщили, что их народ называется «рос», столица их государства – Кыюв, а конунг народа, пославший их к византийскому императору «ради дружбы», называется «хакан». (Памятники истории Киевского государства IX–XII вв. Сборник документов, подготовленных к печати Г. Е. Кочиным. Л., Изд-во АН СССР, 1936). Тут оба слова, обозначающие правителя, не славянские, и конунг – слово скандинавское, и каган – слово тюркское. А ведь люди применяют к каким-то реалиям слова чужого языка в одном только случае – если у них нет собственных слов для обозначения этих реалий. Если реалия возникла совсем недавно или заимствована у чужаков. (*Прим. науч. ред.*)

на мери, и на всех кривичех... Изгнаша варяги за море». Изгнали варягов, но получилось плохо.

«Вста род на род» – без центральной власти междоусобия подкашивали совместную жизнь. И тогда те же самые племена «идоша за море к варягом»[1].

Вот так. Сначала собрались племена и выгнали викингов. Затем – сами переругались, собрались еще раз, поразмыслили и позвали назад.

В 862 году Рюрик, сидевший сначала на Ладоге, захватил Новгород. Та часть горожан, которая не хотела его пускать, восстала. Восстание не победило, и почему-то с этой даты – 862 год – считается начало «исторической» Руси.

Рюрик пришел в Новгород, который до него управлялся народным вече. Варяг его отменять не стал или не смог. И вообще во всех (!) русских землях были веча: и в деревнях, и в городах. Обычный и нормальный способ управления обществом. Все общины на Руси управлялись тогда демократически.

Кстати, города у нас не были обособленными, изолированными поселениями. На Руси они воспринимались как центры той или другой земли. Если город был большим, как Новгород, в нем могло быть свое вече в каждом из его районов – концов. Их так и называли – *кончанские веча.* Такая сходка жителей района решала какие-то местные вопросы. А общее городское вече возглавляло не город, оно возглавляло всю землю.

Вече. Палех.
Вече формально правило не только в Новгороде и Пскове, но и в десятках других крупных городов. Имело особые права даже в Киеве

То есть, поясню, новгородское вече – это не большая городская дума. Это, скорее, законодательное собрание Новгородской области. С двумя оговорками. Первая – в собрании принимали участие не выборные депутаты, а все граждане, кто мог и хо-

[1] Повесть временных лет. Начало русской литературы (IX–начало XII в.). М., 1978.

тел. Вторая: Новгородская область – это не сегодняшний небольшой субъект Федерации, а огромное государство, больше современной Франции.

Этот стиль управления очень далек от европейского городского права, но похож на греческую политию времен Аристотеля. В Греции полис состоял из города – собственно полиса, и из территории – хоры. Часть населения полиса жила в хоре. Полисы маленькие, и для того чтобы попасть на народное собрание, надо было пройти самое большее километров 20 или 30, а чаще всего – намного меньше. Решения народного собрания принимались и для всей хоры тоже.

Так было и на Руси, только у нас «хора» могла занимать тысячи и десятки тысяч квадратных километров, и никто не смог бы регулярно ходить или ездить на собрания городского вече за десятки и сотни километров. На Руси «младшие города», подчиненные главному городу земли, называли пригородами. Бывало, что жители отдаленных пригородов посылали на вече своих ходоков. Не для того, чтобы послушать, а для полноценного участия в нем. Гражданином, субъектом права у нас считался не тот, кто внесен в списки жителей города, а кто живет на территории земли.

Наследственная власть князя не нарушала вечевого строя, а дополняла его. Если князь хотел жить спокойно, ему следовало договориться с народным собранием. У нас часто пишут, что новгородское вече не раз прогоняло князей. Но так же поступало вече и в Пскове, и в Пинске, и в Смоленске, и во Львове, и в Галиче. И даже в Киеве вече не раз отказывало князю – Великому князю! – в доверии.

Князь правил, но не был самодержцем, который бесконтрольно распоряжается достоянием земли. Правил он по договору с землей и с ее согласия.

Широчайшее самоуправление, пронизывавшее буквально все стороны жизни, народоправство, делали ненужным большой чиновничий аппарат. Действительно, а зачем чиновники? Управлять? Но местные веча сами управятся: назначат ответственных за все общественные дела, разобьют общинников на команды, разделят труд. И добьются большего успеха, чем целая бюрократическая армия.

Самоуправляющиеся общины не допустят преступлений на своей территории, проложат дороги, устроят путников и купцов, отведут места для торговли, наймут охрану для грузов, построят пристани на реке, не допустят браконьерства на бобровых ловах... Словом, сделают сами все то, чем без местного самоуправления стали бы заниматься чиновники. Причем бюрократы сделают то же самое и хуже, и намного дороже.

Остается поражаться, какой маленький аппарат управления нужен был громадной стране. На Руси времен Ярослава Мудрого живет не менее миллиона человек. А весь центральный аппарат управления, включающий всех должностных лиц княжеской власти, не составляет и тысячи человек!

Есть еще должностные лица в крупных городах, на волоках, где идет торговля, на границах – но их тоже немного, считанные десятки, от силы – сотни.

Во владениях короля Филиппа IV во Франции население составляло около 7 миллионов человек. А только королевских чиновников было свыше 20 тысяч. Число должностных лиц в графствах, городах, на таможнях и на промыслах – в четыре раза больше. Соотнесем 100 тысяч чиновников на 7 миллионов человек и менее 1 тысячи – на 1 миллион. Получается, во Франции на одно и то же число жителей приходится в 14 (!) раз больше чиновников[1].

Такова плата государства за подавление местного самоуправления.

Княжеская власть и дружина

Наивно видеть в князьях Древней Руси неограниченных владык – вроде императоров Римской империи, французских королей или восточных ханов и раджей. Князь правил не сам по себе.

Особую роль при правителе играла «его» дружина. Слово «его» я не случайно поставил в кавычки, и вы сейчас поймете почему.

---

[1] *Алпатов М. А.* Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.–Л., 1949.

Без дружины князь был попросту никто и ничто. Дружина же делилась на «старшую» и «молодшую». Давно прошли времена, когда в ней действительно служили люди разного возраста. При исторических князьях под «старшей дружиной» понимают бояр. Они служат, но у каждого из них есть свои вотчины, они не зависимы от князя. Каждый из них, не задумываясь, оспорит княжеский приказ на военном совете, в боярской думе.

«Молодшая дружина» – это служилые люди, во всем зависимые от князя. Самые удачливые из них сами получат вотчины и станут боярами. Большая часть прослужит всю жизнь, завещав детям доброе имя и статус княжеского дружинника.

Успешно править и воевать князь мог, имея согласие с дружиной. А она могла и подвести. Если верить летописи, в восстании древлян и в смерти князя Игоря в 945 году виновата была дружина. Воины сказали князю: *«Отроки Свенельда изоделися оружием и одеждой, а мы наги...»* Дружина Свенельда пограбила уличей, а людям Игоря завидно. Хотя всего год назад, в 944 году, он получил огромную дань в Византии – какая уж там нагота.

Игорь послушался соратников – то ли самого обуяла жадность, то ли слишком был зависим от дружины. В результате он с дружиной крепко «дособирал» дань в земле древлян. Причем два раза подряд. Но тут у древлян лопнуло терпение, и они решили так: *«Если повадится волк по овцы, то вынесет все стадо, пока не убьют его; так и этот, если не убьем его, всех нас погубит»*. Древляне наклонили два дерева, привязали каждую ногу князя Игоря к деревьям и отпустили. Князя разорвало надвое.

Виноват князь Игорь? Виноват. Но виновата и дружина, подбивавшая князя нарушить обычай. Из этой истории хорошо видно, что князь зависим от дружины и должен не просто приказывать, а находить с ней общий язык.

Князь должен был находить язык и со всем народом. Олег и Игорь приводили к стенам Константинополя армии по нескольку десятков тысяч человек. И русские летописи, и византийские источники называют непомерную цифру в 100 тысяч воинов. Преувеличение явное, в два или даже в три раза, но в любом случае, воинов было во много раз больше, чем в самой большой дружине. Требовался очень высокий авторитет, чтобы повести за

собой такое множество народа. Ни воинской повинности, ни системы призыва не было, и на зов князя приходил тот, кто хотел. Власть князя в очень большой степени – власть авторитета.

Не первый наследник, а род!

В западных странах и в большинстве стран Востока наследовал престол старший сын. Уж чего только ни делали порой с этим старшим! И похищали, и убивали, и ослепляли, и кастрировали... Лишь бы не мог стать наследником.

Придет время, и на Руси, как в Византийской империи, Шемяка выколет глаза двоюродному брату – Василию II. Что характерно, в Византии слепой не мог наследовать престол и не мог сидеть на престоле. На Руси же Василий II Темный остался великим князем. А его мучитель Шемяка вошел в народную память как омерзительный тип, основатель неправого «шемякиного суда».

Придет время, и племянница последнего византийского императора Софья Палеолог выйдет замуж за Ивана III, принеся на Русь нравы Византийского дворца. И станет у нас все как у людей, «как во всех цивилизованных странах». Она отравит старшего сына Ивана III от первой жены, Ивана Молодого, чтобы посадить на престол своего сына Василия.

Но до монгольского нашествия Русью правила не княжеская семья, не старший наследник, а сразу весь род потомков Рюрика. Русь была как бы некой собственностью обширной семьи Рюриковичей. Именно семьи, а не ее отдельных представителей. До 1017 года права на княжения, разные по значимости и по богатству, определяла «лествица» (она же – лестница). То есть список князей по старшинству. Старший в роду должен был сидеть в Киеве, матери городов русских. Этого старшего все остальные должны были почитать «в отца место». Остальными городами и землями правили остальные князья... По старшинству.

Старший из братьев занимал киевский стол, который переходил по старшинству его братьям, а не детям. Так же точно перемещались князья по другим «столам». Так постепенно и

«восходит» каждый Рюрикович на киевский престол: перебирается из менее богатой и почетной земли в другую, побогаче и познаменитее.

Ярослав Мудрый считается последним единым князем Древней Руси. Он разделил земли между своими сыновьями[1]. Вскоре вспыхнули междоусобицы. Князья не хотели послушно переходить в те земли, которые им полагались по «лествице». Тот, кто считал себя заслуживавшим лучшего княжения, брал власть силой. Начались непрерывные войны за верховный киевский престол.

Замечу, с точки зрения Западной Европы, Франции или Британии, ничего тут не было необычайного. Но там и не было демократии в среде феодалов. На каждом престоле сидел старший сын прежнего короля или герцога и удерживал этот престол так, как мог. Междоусобица с взаимными убийствами, включая убийства малолетних наследников, ослепления и прочие увечья, продажа в рабство, подмена документов, похищения и заточения – все это обычнейшая, рутинная практика дворов феодальных владык. Стоит почитать хотя бы серию «Проклятые короли» Мориса Дрюона: про Железного короля и его потомков, проклятых на костре Великим магистром ордена тамплиеров.

Можно вспомнить и других классиков. Возьмите Шекспира: у него кроме истории о Ромео, Джульетте и Шейлоке, все остальные – о захватах престола. Вариации лишь в масштабах подлостей и зверств, которые проявляют претенденты и преемники в отношении своих родителей, единокровных братьев, сестер и более дальних родственников.

---

[1] Действительно, раздробленность на Руси началась с того, что Ярослав Мудрый перед смертью разделил свою землю. Полоцкое княжество отошло потомкам его старшего сына Изяслава. Осиротелому племяннику Ростиславу выделили Ростовский удел. Пятеро же сыновей получили: Киев и Новгород – Изяслав (ст. сын); Черниговщину и Муромо-Рязанскую землю – Святослав; Переяславль и Суздальскую землю – Всеволод, третий сын. Четвертый сын Ярослава, Вячеслав, получил Смоленск, а младший Игорь – Владимир-Волынский. Уделы сыновей, внука и племянников откровенно не равнозначны. (*Прим. науч. ред.*)

При этом, как правило, степень родства никак не связана со степенью жестокости и коварства героев: зачастую с собственным отцом герои Шекспира (герои иногда выдуманы, но истории-то – реальны!) поступают подлее, чем с десятиюродным племянником.

А на Руси тем временем сохранялась даже некая своеобразная демократия внутри рода князей. У нас разборки между своими воспринимались как чудовищное «нестроение».

Формула Любечского съезда

Мудрый Владимир Мономах в 1097 году предложил всем князьям Руси собраться на съезд в город Любеч и договориться по-хорошему.

На съезде все князья дружно посокрушались, что воюют между собой, а земля от этого оскудевает, раздорами же пользуются для своих набегов половцы. Было договорено: *«Есть всего один способ блюсти землю Русскую. Кождо да держитъ Отчину свою»*[1].

Тут надо сразу отметить: эту формулу упоминают далеко не во всех учебных пособиях и популярных книгах по истории. И даже если она упоминается, то не полностью. «Кождо да держить Отчину свою». Первая половина фразы удивительным образом исчезает[2].

Почему? Ведь это – важнейшая деталь. Князья не просто делили землю, а заботились все вместе о защите и процветании всей Русской земли.

Верно было замечено, что в таком отношении русской элиты к своему исключительному положению выражалось не что иное, как свобода. И так продолжалось веками на протяжении многих поколений.

Для польского шляхтича свобода выражалась в праве не подчиняться. Для английского лорда – в праве контролировать, на

---

[1] *Соловьев С. М.* Сочинения: в 18 кн. Кн. I. М., 1961.

[2] См. напр.: *Нечкина М.В., Лейбенгруб П. С.* История СССР. Учебник для 7-го класса. Изд. 15. М., 1980.

какие цели идут уплаченные им налоги. А для русского дворянина, прямого наследника (во всяком случае духовного) тех первых князей, свобода выражалась в возможности принимать участие в великом строительстве империи. И у кого, скажите, в результате было больше этой самой свободы? У поляка, чье неподчинение, чей гонор ни на что в общем-то не влияли? Или у русского, чья готовность служить делала его сотворцом мировой истории?

Но мы сильно забежали вперед. А тогда, в конце XI века, князья порешили, что каждый должен оставаться в своем уделе... Во всяком случае так предполагалось.

Суха теория, мой друг. На практике, как всегда, действовали сразу все демократические механизмы. В многовекторной древнерусской политике они зачастую противоречили друг другу. Всего через 16 лет тот самый Владимир Мономах, что собирал съезд, стал великим князем Киевским. В обход старшинства, вопреки решениям княжеского съезда – и по воле народа.

В 1113 году умер некий очередной киевский князь Святополк Изяславич. Киевляне его не любили за жадность. Князь опирался на ростовщиков, в долгах у которых ходил весь город. После смерти Святополка начался погром.

По одной версии, киевляне ударили в вечевые колокола и позвали на княжение уважаемого ими Владимира Мономаха. По другой – Владимира пригласили «лучшие мужи». То есть аристократия, бояре – те, кто обладали наиболее весомыми голосами и во время народных собраний, и при решении текущих дел. По третьей версии, наименее вероятной, Мономах узнал о бунте и сам явился не запылился, чтобы «остановить беспредел».

Что здесь правда, до конца уже никому не разобраться, но факт: без согласия Киева Владимир Мономах там бы не утвердился, не усидел.

Таким образом, власть князя зависела от воли земли. А в случае с Мономахом она оказалась даже весомее решений общерусского княжеского съезда.

Необходимое отступление

А все-таки странно, согласитесь, что слова «блюсти землю Русскую» выпадают из учебников. И это ощущение странности не будет нас покидать, пока мы не разберемся с происхождением мифа о тотальной нерасположенности России к демократической форме правления. Мифа о том, что предрасположены мы лишь к тоталитаризму, сопровождаемому обязательным душегубством.

Этот миф имеет сравнительно позднее происхождение. Он – наследие коммунистического режима. «Мы наш, мы новый мир построим» – пелось в официальном гимне СССР. Вплоть до 1944 года им был «Интернационал». Весь «старый» мир, вся история России огульно считалась «проклятым царизмом». Несколько утрируя, но именно так. Слово «патриотизм» долгое время было почти запрещенным, его приравнивали к «шовинизму». Ну а к демократии у большевиков вообще было своеобразное отношение. Мягко говоря.

Процитирую выступление тов. Зиновьева, произнесенное с трибуны XII съезда РКП(б): *«Мы – марксисты, и поэтому мы слышим, как трава растет. Мы видим на два аршина под землей. Сейчас же, если спросить, что у нас растет и что происходит на два аршина под землей, то, как правильно подчеркнул т. Ленин, мы должны сказать: растет великодержавный русский шовинизм... Где бы он ни рос, этот чертополох, он остается чертополохом. Мало того, у нас есть шовини[illegible]ликорусский с самым опасным значением, имеющий за собой 300 лет монархии и империалистическую политику, царскую политику, то есть всю ту иностранную политику царизма, о которой еще Энгельс в 1890 году писал, что «всякий, кто в этом отношении сделает хоть малейшую уступку шовинизму, неизбежно подаст руку и царизму»*[1].

Ну что было ждать при таком отношении к отечественной истории? К нашему наследию, включая наследие политическое? Только самоубийца мог тут начать расписывать, какие мощные

[1] Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968.

демократические механизмы работали на Руси все время существования нашего государства. Любой позитив, относящийся к эпохе «до 17-го года» в 20-х годах XX века тщательно отфильтровывался. Демократия как часть старорусской жизни просто исчезла из учебников истории.

А вот 1925 год. Стихотворение пролетарского поэта Василия Александровского «Русь и СССР». Опубликовано в «Правде» 13 августа.

Русь! Сгнила? Умерла? Подохла?
Что же! Вечная память тебе.
Не жила ты, а только охала
В полутемной и тесной избе.
Костылями скрипела и шаркала,
Губы мазала в копоть икон,
Над просторами вороном каркала,
Берегла вековой, тяжкий сон.
Эх, старуха! Слепая и глупая!
Разорил твою хижину внук.
...
Злые гады над дальним болотом
Пусть шипят ему: «Сгинь, изувер!»
Скрепляемый кровью и потом,
Не дрогнет СССР[1].

Изуверы сгинули несколько позже. Окончательно – только через 60 лет. И все это время культивировалось пренебрежительное отношение к русской истории. Порой, когда это требовалось, на щит поднимались отдельные исторические фигуры – то Иван Грозный, то Петр I. Но в целом тысячелетняя отечественная история рисовалась как века косности и бесперспективности.

А демократия на Руси как бы и вовсе не существовала. Точнее, приводились примеры ее экстремальных форм – в виде на-

[1] Не правда ли, один в один Джек Алтаузен, упомянутый мной в первой книге «Мифов о России», с его эпохальным «Я предлагаю Минина расплавить»? Такие тогда культивировались идиотские воззрения.

родных восстаний. Ну и были еще официально дозволенные образцы – вроде новгородского вече. Причем народное вече в Новгороде противопоставлялось всей политической системе Руси.

Остальное замалчивалось. Видимо, не готовы были большевики, а потом – коммунисты, а потом – партократы позднего советского образца ответить на законно возникавшие вопросы: «А где это все? Куда подевалась исконная русская традиция самовластия?»

В результате десятилетий замалчивания у читателя сегодня возникает другой, но столь же недоуменный вопрос: «Неужели это все было на самом деле?»

Было.

Грамоты Ярослава

Креститель Руси Владимир Святой до Киева княжил в Новгороде. Став великим князем, он отправил в Новгород одного из своих сыновей – Ярослава, будущего Мудрого. После смерти отца Ярослав хотел занять великокняжеский киевский стол, попросив новгородцев о помощи.

Вече согласилось, но за свою помощь попросило плату. Это было не золото и не земли. Новгород просил вольности. Платой городу стала СВОБОДА.

Ярослав дал жалованные грамоты вольности новгородской[1]. Согласно этим документам, князь становится не господином Новгорода, а его служилым человеком. Новгород заключает с ним договор-ряд, в котором прописаны условия службы князя и обязанности города. Если князь нарушает договор, ему можно указать дорогу вон из Новгорода.

Несколько веков князья, которых звал Господин Великий Новгород, клялись не нарушать данных Ярославом вольностей и приносили присягу Новгороду, положив руку на эти грамоты.

---

[1] Кстати, Ярослав не прогадал со своим даром. Новгородское ополчение наголову разбило другого претендента на великокняжеский престол, и Ярослав вошел в Киев. *(Прим. науч. ред.)*

Ярослав Мудрый

Вам это ничего не напоминает? Разве не так в самых демократичных Соединенных Штатах, а с 1991 г. и в России приводят к присяге избираемых президентов? Только руку кладут на Конституцию.

Так Новгород стал русским аналогом Венецианской или Флорентийской республик.

Хотя почему аналогом? Великий Новгород – это вам не какая-то торговая республика. Это огромное государство, историческая область Северо-Восточной Европы, по своему значению равная Бургундии или Нормандии. Пожалуй, что и вместе взятым. Ничего подобного в Европе не было отродясь.

Новгород активен, энергичен. Новгород волен и хочет еще больше воли. За свою службу город требует не богатства – свободы. Деньги сами заработаем, говорят новгородцы. Дайте только волю. Нам бы только волю во широком поле... – это вообще лейтмотив всего развития русской истории и русского народа. Нет воли – уйду на Дон, в Сечь, за Урал, в Сибирь, на Байкал.

Чёрта с два достанете!

По-русски такие места называются широким понятием ***«отдушина»***. Отдушинами служили и Камчатка, и Аляска – русские ***«украины»***. Наши необозримые просторы делали затруднительным социальный взрыв. А вот, например, для англичан, доведенных до крайности огораживаниями и «кровавыми законами» Елизаветы, «отдушина» приоткрылась лишь в XVII веке, с началом заселения колоний.

Вероятно, такое бегство – одна из основных черт национального характера. Русскому проще уйти куда глаза глядят, чем просить и договариваться. Особенно с начальством.

Впрочем, если власть обладает политической мудростью, то и рывок на волю совпадает с начальственными указаниями. Вспомним Потемкина. Вопреки мифу о «потемкинских деревнях» в период, когда он фактически управлял всем югом страны, нача-

лось активное освоение огромных благодатных территорий с помощью крестьян-переселенцев из других районов империи.

Так люди, жаждавшие свободы, осваивали и создавали самую необъятную в истории человечества державу.

Но об этом отдельный разговор.

Пока же подчеркнем: тогда во всех областях Руси политический строй был *«сочетанием двух начал: монархического в лице князя и демократического в лице вече»*[1]. В XI веке в Новгороде, как и во всех остальных землях Руси, князь получал власть по наследству или по завещанию. Разница в том, что в Новгороде каждый новый князь мог приступить к исполнению своих обязанностей только после того, как поклялся на грамотах Ярослава не нарушать вольностей Новгорода, вечевой строй которого был защищен законами и обычаями. А в Средневековье обычай, как правило, был даже сильнее закона.

Более 450 лет грамоты Ярослава служили гарантией новгородской вольности. Вплоть до создания централизованного русского государства. Объединяя страну, Иван III не только уничтожил сами грамоты, но и «вымарал» из московских и новгородских летописей всякое упоминание о них. Слава Богу, до летописей и хроник, которые велись в Великом княжестве Литовском, Польше и Скандинавии, ему было не добраться.

Переворот в пользу вече

«Если у сына твоего две головы, то пошли его в Новгород». Так говорили свободные новгородцы самому Великому князю. Слова их воспринимались всерьез. В 1102 году новгородцы не хотели принимать на княжение сына Святополка.

Новгород, возглавляемый вече, восставал многократно, начиная еще с 862 года, когда изгонял варягов. А в 1136 году здесь фактически произошла революция, которая окончательно утвердила вечевой строй. Жители города восстали, арестовали тогдашнего своего князя Всеволода и *«всадиша в епископль двор с женою и с детьми и с тещею и стражи стережаху день и нощ с оружием, 30 мужь на*

---

[1] *Пушкарев Г. С.* Обзор русской истории. СПб., 1999.

день»[1]. Два месяца томили Всеволода под арестом. Он отрекся от княжения, и его выпустили со всей семьей, включая тещу.

Так, с 1136 года правление Новгородом полностью перешло к вече. Князь, конечно, был необходим – как глава войска. Но его роль в государстве была, как уже упоминалось, служебная, а условия службы оговаривались жестко и строго. Столько-то покосов для лошадей его дружины, такое-то количество хлеба и мяса для самих дружинников. Столько-то князь должен платить оружейникам за починку кольчуги или за новый меч.

Так же жестко оговаривалось, что он не должен вторгаться в дела управления. Князь не мог ставить своих людей в администрации, раздавать земли, судить граждан Новгорода: «а самосуда не замышляти». Договор требовал, чтобы князь не препятствовал торговле Новгорода с другими государствами, не нарушал границ и не создавал проблем с соседями. Чтобы не объявлял войны, не начинал походов и не заключал мира. *«А коли будет Новугороду размирье с немцы, или с Литвою, или иной землею, пособляти ти, княже, по Новегороде без хитрости: а без новгородского ти слова, княже, войны не замышляти»*. В 1266 году князь Ярослав хотел идти войной на Псков. «Новгородцы же возбраниша ему», и князь «отослал полки назадо»[2].

Новгородцы принимали меры, чтобы военные не стали слишком уж влиятельной силой новгородского общества. Князь должен был жить за чертой города, в Городище. Он не имел права принимать к себе новгородцев в дружинники или в зависимые люди, приобретать любую собственность в черте города. *«А тебе, княже, ни твоей княгине, ни твоим боярам, ни твоим дворянам сел не держати, ни купити, ни даром принимати по всей волости Новгородской»*.

Если князь нарушал договор-ряд или просто переставал нравиться новгородцам, они открывали городские ворота и сообщали, что «перед князем путь чист»[3].

---

[1] *Фроянов И. Я.* Мятежный Новгород. СПб., 1992.

[2] *Указ. соч.*

[3] В 1212 г. новгородцы «показаша путь» князю Всеволоду, заявив: «Не хочем тебе, пойди, камо хочеши». В 1230 г. так же поступили с князем Ростиславом: «Ты пойди прочь, а мы себе князя промыслим». И в 1270 г. князь Ярослав Ярославич «пошел из города поневоли». А попробовал бы он не пойти, когда

Бывало, что князь отказывался от предложения новгородцев или сам уходил с престола.

Но куда чаще Новгород отказывал князю.

Всего же с 1095 по 1304 год княжили в Новгороде примерно 40 человек. Удивительно, но в среднем получается примерно по 5-летнему сроку. Вот такие странные аналогии с современностью...

Многие князья сидели на новгородском престоле дважды, а рекорд побил Александр Невский: перед ним ворота открывали три раза. Сейчас бы сказали: Александра «трижды прокатывали на выборах», или еще точнее: ему «трижды объявляли импичмент».

Последние полтора века

С начала XIV века Новгород признает верховенство Московских князей, которые обычно сами не жили в Новгороде, а присылали своих наместников. Эти наместники тоже обитали на Городище, вне городских стен. Они тоже клялись на грамотах Ярослава и целовали крест на том, чтобы «держати Новгород по старине, по пошлине, без обиды» и соблюдать все установленные древние обычаи.

Если Новгород ссорился с великим князем, то наместник съезжал с Городища. Фактически в последние полтора века новгородской вольности здесь не было ни князя, ни княжеской дружины.

Сами справлялись. Вече выбирало посадника, и он вел управление и суд. Выбирало тысяцкого, который возглавлял опол-

---

было сказано: «Княже! Поеде проче, не хотим тебе, али идем весь Новгород прогонит тебе». Бывало и обратное: князь хочет уйти, его удерживают. В 1269 г. князь Ярослав остановил Тевтонский орден под Раковором-Раквере и собирался уехать из Новгорода: дело сделано. Новгородцы же кланялись ему со словами: «Княже! От нас не езди; бо еще не добре... умирилися с немцами». Князя Александра Невского между 1240 и 1242 гг. новгородцы выгнали, как человека «захватчивого» и «высокомерного». Потом позвали обратно, а он долго ломался, не хотел возвращаться. (*Прим. науч. ред.*)

чение в случае войны и выполнял полицейские функции в дни мира. В принципе Новгород вполне мог существовать и без князей.

Основой гражданственности новгородцев с XI века становится преданность не феодалу, не отвлеченной идее, а городской общине – Господину Великому Новгороду. Общество было важнее государства. В новгородских летописях экономические или общественные события отмечались наряду с решениями князей, с войнами и международными договорами. Скажем, в летописях писали об изменениях цен на соль и на пеньку. Или о том, как спорили на вече о статьях законов.

Господин Великий Новгород

Уцелело очень немного средневековых новгородских документов. Береста и пергамент – материал ненадежный.

А вот печатей того времени известно более 700! Эти свинцовые печати, которые прикреплялись к документам, до сих пор находят после разливов Волхова. Иногда их вымывает из земли сильными дождями.

До XVI века на Ярославовом городище, в княжеской резиденции, хранился огромный архив Новгорода Великого. Увы, этот архив погиб. Но остались печати, которые дают пищу для совершенно определенных выводов.

Казалось бы, о чем может рассказать свинцовая печать без документа? Но она свидетельствует о том, кому принадлежали властные полномочия, кто имел право прикладывать, точнее — привешивать ее к документу.

В XII–XIII веках большая часть новгородских печатей принадлежит князю. Значит, именно князь получал деньги-пошлину за привешенную к документу печать.

С конца XIII века наряду с княжескими появляются печати посадников, наместников архиепископа, тысяцких, купеческих старост. Значит, именно в это время значительная часть полномочий перешла от князя к выборным, так сказать, демократическим органам власти.

Новгородские свинцовые печати.
Архив Великого Новгорода погиб, а вот свинцовые печати с документов земля сохранила. По ним видно, как постепенно, век за веком, власть переходила от князя к выборным лицам

С XV столетия княжеская печать почти не встречается. На смену ей приходят многочисленные печати «Великого Новгорода», которыми распоряжались тысяцкие и посадники.

О демократии в Новгороде

Обычно вече представляют так, будто все мужское население Новгорода сходилось на площадь. Мол, в одном месте собирались 10 тысяч человек и решали все вопросы демократически.

Не было десяти тысяч. Все население Новгорода составляло около 20–30 тысяч человек. Это включая женщин и детей. Численность дееспособных мужчин обычно определяют в 15–20 % от всего населения. Получается – до 4–5 тысяч.

Для сравнения: число граждан Афин составляло в разные периоды от 10 до 40 тысяч человек. В большинстве республик-полисов Древней Греции население было поменьше – от 5 до 8 тысяч взрослых мужчин. Афинские граждане выбирали своих должностных лиц на площади. В точности как новгородцы – посадника и тысяцкого. Типичная непосредственная демократия, когда все по-соседски знают не только тех, кого выбирают, но и друг друга.

Политический строй европейских торговых и ремесленных городов типа Венеции, Флоренции или Генуи чаще всего называют демократией. Но эта демократия отличалась от афинской. Правящая верхушка города была довольно малочисленной – буквально несколько сотен взрослых мужчин. В руках у них сосредоточивались основные богатства города, и именно эта верхушка, собираясь в ратуше или на ратушной площади, принимала основные решения по управлению городом, выбирала должностных лиц.

Примерно такой же была структура выборного процесса и в Новгороде. В летописи говорится, что вече собиралось у Никольского собора, где на вечевой площади умещалось не более 400–500 человек – очевидно, преимущественно крупных домо- и землевладельцев[1]. Новгородское вече было не буйной десятитысячной толпой, а узкосословным органом, демократией для избранных.

Впрочем, это относится только к главному городскому народному собранию. А были и кончанские веча – в каждом районе свое. «Концы», «сотни» и «улицы» выбирали своих представителей для участия в народных собраниях более высокого уровня. На кончанском вече присутствовали представители от «сотенных». На главном вече у Никольского собора – от кончанских.

Древний Новгород был *более демократическим государством*, чем Флоренция и Генуя. В этих итальянских республиках участие «низших» в управлении вообще не предусматривалось. А главное, новгородцы сделали важный шаг для развития демократии в целом. Многие века главным препятствием здесь было именно обилие людей. Где, на какой площади могут сойтись десятки тысяч людей? Как такой массе принимать какие-то рациональные решения? Значит, непосредственная демократия развиваться уже не может. До изобретения института представителей демократия и не развивалась.

---

[1] Немецкий источник 1335 г. свидетельствует даже, что новгородское вече называлось «тремястами золотыми поясами». (*Прим. науч. ред.*)

Вот когда появилась идея представительской демократии, тогда начал рождаться парламентаризм, стали возникать новые нормы управления государством.

Представительство низших вече на собрании высших, конечно, еще не представительская демократия. Но уже шаг именно в эту сторону.

Получается, что именно русские, новгородцы, первыми начали движение к представительской демократии. Задолго до остальных европейцев.

Повседневное управление

Новгородское вече было высшим государственным органом Господина Великого Новгорода. Как вы помните, оно приглашало, контролировало и выгоняло князя. Назначало, сменяло и судило посадника и тысяцкого. Решало вопросы войны и мира.

Вече строило церкви и отдавало государственные земли навсегда или «в кормление». Выбирало архиепископа. Судило любого новгородского гражданина за все тяжкие преступления, за которые осужденный мог быть казнен, мог лишиться имущества или быть изгнан из Новгорода.

У вече была своя вечевая изба (канцелярия) с «вечным дьяком», который записывал решения и скреплял их печатями Господина Великого Новгорода.

Но созывалось вече не регулярно. И посадник, и вообще – теоретически – любой горожанин мог ударить в вечевой колокол. Была бы необходимость. А вот между созывами вече правил Совет господ: правительство Господина Великого Новгорода. В него входили тысяцкий, посадник, «старые», то есть прежние посадник и тысяцкий (очень грамотно — обеспечивалась преемственность!), кончанские и сотские старосты.

Для исполнения решений администрации было до сотни приставов, подвойских, позовников, изветников, бирючей... Все это различные должности.

При всей важности князя и его дружины, Новгород вполне мог воевать и сам, без князей. Победы Александра Невского в 1240 и 1242 годах часто трактуют как дело отборной княжеской дружины. Мол, князь защитил и спас Новгород... Это, конечно, далеко не вся правда.

Дружина Александра (2–3 тыс. конных) была лишь небольшой частью новгородской армии (15–17 тыс. чел.). Своя конница была и у Новгорода – тоже 2–3 тысячи всадников. Главную же ударную силу новгородского войска составляло ополчение – закованные в латы пехотинцы (как раз в эту эпоху на арену истории выходит пехота), вооруженные длинными копьями и топорами. Отмечу, что тяжелый топор в то время был оружием грозным, чуть ли не страшнее меча. К тому же владение мечом – это искусство, а в руках непрофессионала меч просто неэффективен. А топор – другое дело, тут главное силушку в удар вложить. Топор запросто проламывал щит, разрубал латы.

Вооружение ополченцев, непрофессиональных солдат, не говорит в данном случае о какой-то бедности новгородцев или безграмотности. Непобедимый чешский полководец эпохи религиозных войн Ян Жижка осознанно вооружал своих воинов таким «нестандартным оружием».

Жижка сам был рыцарем, но так повернулась судьба, что он возглавлял армию, состоявшую в основном из крестьян. И залогом успеха его войска стало то, что он вооружил их *непрофессиональным* оружием, справедливо полагая, что учить крестьян обращаться с мечом бесполезно...

В Европе говорили тогда, что рыцарь рождается на коне, опоясанный мечом.

Поэтому, рассудил хитрый чех Жижка, надо научить крестьянина сражаться с помощью привычных ему орудий, которыми он сызмальства отлично владеет. Жижка был сельским помещиком и хорошо знал крестьянский быт...

Целые подразделения его ополченцев были вооружены, например, крестьянскими цепами – подразделения цепников.

Он же придумал знаменитую возовую оборону – когда круг из возов, особым образом сцепленных между собой, – иногда даже в два этажа, – молниеносно становился неприступной кре-

постью в чистом поле. Особенно для вражеской конницы. Это было не случайное изобретение, а тщательно продуманная и мастерски осуществленная с инженерной точки зрения идея. К возам прибивались специальные штыри, были в комплекте цепи, толстые канаты, эта конструкция крепости из возов Жижкой регулярно, от раза к разу, совершенствовалась.

Укреплялись стенки и поддон, изготовлялись хитрые выдвижные крючья – ну и так далее.

К копью – древку – вместо наконечника Ян Жижка приделал крестьянский серп. Этими серпами, засевшие за возами повстанцы-табориты лихо подрубали не защищенные железом ноги рыцарских лошадей.

Представьте себе закованного в броню рыцаря, который налетает на крестьянский воз, и при этом ноги его коня подрезают серпом, а сверху он получает по шлему, который и мечом-то не разрубить, страшный удар молотилкой – цепом. Шлем – пополам – так два крестьянина шутя побеждают одного рыцаря.

В Ледовом побоище 1242 года решающую роль сыграли пешие полки. Классическое описание событий: войско Тевтонского ордена прошло через лед в самом узком месте, в проливе между Псковским и Чудским озером. Александр Невский предвидел, где пойдет противник, и расставил новгородское войско так: впереди, на льду, лучники, за ними – тяжеловооруженное пешее войско, а с боков – отборные отряды. Свою же дружину он вообще поставил в резерв.

Тевтонцы шли через озеро, построились клином («свиньей») и ударили по русскому центру, который им удалось прорвать. Однако с флангов по «свинье» ударили отряды Александра, а с тыла – резерв. Да, наш центр немцы смяли, но так и было задумано, чтобы окружить тевтонское войско. И этот самый «центр» не выпустил тевтонцев со льда Чудского озера.

А кто «ударил с флангов»? «Отборные дружины Александра»? Нет, отборные дружины Новгорода и Ладоги! Городское ополчение, тяжелая броненосная пехота остановила удар тевтонской конницы, не выпустила ее с опасного весеннего льда. Такая же броненосная пехота нанесла удар с флангов и не дала врагу развернуть грозную рыцарскую «свинью».

Свою же дружину Александр Невский придерживал до конца. Противник отступает, бежит, дело сделано – и он наносит удар дружиной в тыл уже поверженного, но недобитого врага. Добивает – гонит, истребляет, топит в озере. Пешим ведь не догнать конного, тут профессиональная дружина особенно эффективна. Поздравим князя со светлым подвигом, но все же отметим: битву на Чудском озере 5 апреля 1242 года выиграли у рыцарей горожане.

Под грамотным руководством, конечно, Невского.

Вывод простой: Новгород входил в число тех средневековых обществ, которые могли противопоставить феодальной коннице силу пеших горожан. Князь важен как организатор и как знамя. Порой само имя вождя – уже половина победы. Но все же и Господин Великий Новгород много что мог – и без князя.

Кстати, отметим одну замечательную деталь тех событий, начисто заштрихованную и сознательно забытую сталинскими пропагадистами. Конфликт Новгорода с рыцарским орденом рассматривался всегда так: смертоносные орды закованных в броню непобедимых рыцарей неотвратимой лавой набрасываются на русские земли, сжигая и уничтожая все на своем пути. Нет от них спасения, нет защиты. Кто потерял это ощущение, срочно пересмотрите фильм Эйзенштейна «Александр Невский»! Но на неравный бой поднимаются мирные новгородцы, чуть ли не с кольями и дубинами, ведет их на этот последний и решительный бой молодой князь Александр, в подмоге у него – небольшая княжеская дружина. И только беспримерный героизм новгородцев и воинское искусство Александра спасли Новгород и всю русскую землю от неминуемой гибели.

Так представлялись те давние события. Тевтоны – агрессоры с подавляющим преимуществом. Новгородцы – несчастная жертва, мирные и почти беззащитные.

В преддверии 1941 года эта трактовка исторических событий была оправданной.

В действительности, полагаю, все было не совсем так.

Тевтонский орден, даже с союзниками, не представлял собой такой уж грозной военной силы. Рыцарской спеси и самоуверенности было явно больше, чем здравого расчета и оценки

сил противников. Крестоносцы, как всегда, понадеялись на Бога, Папу Римского и авось, и в алчном стремлении завладеть новгородскими богатствами полезли в войну без всякого расчета. Эти свои «выдающиеся воинские качества» они до этого уже неоднократно демонстрировали и у стен Константинополя, и на Святой земле.

Богатый и по-настоящему сильный Новгород обладал внушительными военными ресурсами и оказался им совершенно не по зубам. Александр просто смел их со льда Чудского озера, совершив быстрый и АБСОЛЮТНЫЙ разгром крестоносцев. Отправил противника в глубокий нокаут уже в первом раунде.

Это вам не традиционная европейская рыцарская война: без явного перевеса сил, туда-сюда лет на 10. А то и на 116.

Тогда же, после триумфа на Чудском озере, ни о какой серьезной затяжной войне уже и речи идти не могло. Слишком неравны были силы. Слишком силен был свободный Новгород.

Псков — особый город

До середины XIV века Псков формально был пригородом Новгорода[1], однако имел особые автономные права. Например, мог строить собственные пригороды. Самый известный из них — Изборск, но вообще-то таких своих городов у Пскова было с десяток.

Псков имел собственного князя, собственную армию и постоянно вел собственные войны.

Во главе города стояли крупные землевладельцы — бояре. Но размеры их богатств никогда не достигали новгородских сказочных масштабов.

В Пскове общество разбивалось на те же общественные группы, что и в Новгороде, с теми же названиями. Ниже бояр стояли «житьи люди» — землевладельцы поменьше и купцы. «Черные»

---

[1] Только в 1348 г. Новгород подписал Болотовский договор, согласно которому он перестал посылать в Псков своих посадников. С тех пор только в церковном отношении Псков как-то зависел от Новгорода: в Новгороде сидел Архиепископ Новгородский и Псковский. (*Прим. науч. ред.*)

Псковский Кремль. Общий вид.
Господин Великий Псков не имел сказочных богатств Новгорода. Но его масштабы все равно потрясали западноевропейцев

или «меньшие» люди в городах делились на ремесленников-мастеров и «наймитов», не имевших собственности.

Среди крестьян псковской земли было много «земцев» или «своеземцев» – владельцев собственной земли. На государственных землях сидели смерды – они платили дань Господину Пскову. На землях частных владельцев трудились «изорники» – слово происходило от слова «орать», то есть пахать. Пахари-изорники отдавали часть урожая владельцу земли.

Только не надо считать этих крестьян лично несвободными. Даже если боярин давал изорнику ссуду-купу, это не делало крестьянина-закупа лично зависимым. Закуп мог уйти к другому боярину, изорник мог отдать купу, мог переселиться в город и сделаться ремесленником.

А если землевладелец не согласится? Псковская судная грамота регулировала отношения феодалов, посадских людей, изорников, смердов. Если у боярина возникали споры с изорником-закупом, он обращался в суд и должен был представить в доказательство своих притязаний письменный документ или несколько свидетелей. Права изорника и боярина в суде были равными.

Для сравнения: в большинстве земель Германии и в Польше крестьяне были намного более зависимы. Крестьяне Господина Пскова больше напоминают свободных крестьян Скандинавии и лично свободных крестьян – йоменов Англии.

Полурабы-холопы в Пскове тоже были. Но они никогда не играли заметной роли в хозяйстве в силу своей малочисленности.

Таким образом, общественный строй Пскова оказывается еще более демократичным, чем в Новгороде. Сравнительная бедность Пскова оборачивалась некоторыми положительными сторона-

ми: имущественное расслоение общества было незначительным. Меньше богатеев, но меньше и холопов. И никаких традиций произвола богатых и знатных, никакой отделенной от народа власти бюрократов или аристократов. Для своего времени – весьма демократический общественный строй.

Господин Великий Псков

Как и Новгород, Псков был «Господином» и даже «Великим». Господином Великим Псковом тоже правило вече...

Как и Новгород, Псков разделялся на районы – концы. В каждом было тоже свое кончанское вече.

Общегородское вече держало в руках всю высшую административную, законодательную, судебную, даже военную власть. Вече выбирало посадников, приглашало князя, объявляло войну и заключало мир, проводило мобилизацию и принимало решение вести военные операции. И делало это с максимальной оперативностью. Узнав о нападении Ливонского ордена, «посадники псковские вече созвонили нощию дважды», и «тою же нощью посадники и псковичи мужи» поехали навстречу неприятелю[1].

Псковская земля была меньше, компактнее новгородской, опасность внешнего завоевания при этом всегда сохранялась.

Псковское вече собиралось на площади у Троицкого собора, который играл ту же роль, что и Святая София в Новгороде. Только в Новгороде вече, княжеское подворье и собор находились в разных местах. Источники власти как бы разделялись в пространстве. А в Пскове резиденция князя, место сбора веча и Собор – в одном месте. Опять же – все меньше, уютнее, патриархальнее.

В перерывах между сборами вече правил Совет бояр – господа[2]. Собирался этот совет «на сенях», то есть в галерее Троицкого собора. Уже из этого видно, как мало людей входило в него.

---

[1] Цит. по кн.: *Белецкий С. В.* Начало Пскова. СПб., 1996.

[2] Как в Афинах кроме народного собрания был Совет старейшин – Совет Архонтов. Как в Риме кроме форума правил еще и Сенат. *(Прим. науч. ред.)*

Тут же, в Троицком соборе, находились архив и канцелярия вече, хранились важные государственные и частные документы.

Вече приглашало князя. Он начинал службу городу с того, что клялся и целовал крест на всех старинных грамотах, обещал соблюдать традиции Пскова. Знакомо. Но разница в том, что в Новгороде князя чуть ли не демонстративно отстраняли от власти, от дел города. В Пскове он и в мирное время был как бы при делах: правил и судил вместе с посадником.

В XV веке псковичи стали выбирать *сразу двух* посадников. Видимо, они очень не хотели сосредоточивать слишком много власти в одних руках.

Так поступали и римляне, выбирая сразу двух консулов, чтобы не оказалось слишком много власти у любого, пусть даже самого замечательного человека.

Примерно так же поступили и мы в марте 2008 года. ☺

В принципе, ничего нового – можно сказать, старая демократическая традиция.

Господство закона

Псковская судная грамота состоит из 120 статей, и половина из них посвящена гражданскому праву. Грамота различает весьма тонкие юридические понятия. Недвижимое имущество (отчина) четко отделяется от движимого (живот); указываются законные способы приобретения собственности обоих видов. Различается наследование по завещанию и по решению суда[1].

Псковские законы очень подробно регулировали область права, которую современные юристы называют «обязательственной»: отношения людей в области продажи, покупки, мены, залога, дарения, займа, ссуды, найма на работу или пользования

[1] Сборник законов Псковского государства. Псковская судная грамота начала составляться еще в начале XIV в. Последняя переработка ее текстов производилась между 1462 и 1471 гг. В этот сборник вошли статьи основного кодекса Древней Руси – «Русской правды», нормы местного права, княжеские грамоты Александра Михайловича Тверского (1328–1337) и Константина Дмитриевича, княжившего в Пскове в 1407, а потом в 1414 г. *(Прим. науч. ред.)*

имуществом. Словом, все случаи, когда люди несут друг перед другом какие-то обязательства.

По псковским законам женщины могли владеть имуществом, наследовали после отца и мужа.

Уголовное право Пскова трудно назвать суровым, особенно по меркам «темного» Средневековья. За большую часть провинностей можно было откупиться, заплатив денежный штраф. Смертная казнь полагалась лишь за особо тяжкие преступления: за «перевет», то есть государственную измену, кражу из Псковского кремля, за поджог и за кражу, совершенную в третий раз.

В английских законах XV века смертная казнь предусматривалась более чем 80 статьями. В сравнении с ними Псковская судебная грамота – прямо песнь торжествующего гуманизма.

В общем, да здравствует псковский суд – самый гуманный суд в мире!

По уголовным делам доказательством считались предъявление письменных документов, взятие с поличным, представление свидетелей, собственное признание и судебный поединок (как же без этого!).

Судебный поединок, конечно, трудно считать совершенной формой доказательств. Но судебных поединков со временем становилось все меньше; люди как-то все менее полагались на божественное Провидение, а как-то больше на самих себя и на доказательную базу.

А вот испытания огнем и водой в Пскове не было. Судя по «Русской правде», в Средневековье существовала такая судебная норма: обвиняемый брал в руки раскаленное в костре железо. По характеру ожогов судьи потом решали: виновен ли? Считалось, что у невинного ожоги не такие глубокие, не до кости. Возможно, глубокая убежденность невинного в своей правоте как-то ему и помогала, но сколько людей (виновных и безвинных) лишилось рук – было бы узнать интересно, да вряд ли когда-нибудь узнаем.

Испытание водой проводилось так: связанного человека бросают в реку. Виновный, полагалось, не тонет. Логика мне лично совершенно непонятна. Разве что провести аналогию с выраже-

нием, что «оно» – некая субстанция – не тонет... А невинный, соответственно, тонет. И задача в том, чтобы и убедиться в его невиновности и успеть выловить. А то придется признавать невиновным уже покойника.

Этих удивительных для нас средневековых норм судебного следствия, к счастью для псковичей, в их городе принято не было.

Судебную власть имело вече, господа, назначенные вече судьи, наместники князя и посадники пригородов, псковский наместник новгородского архиепископа и, что самое интересное, – «братчина», то есть гражданское сообщество соседей. Средневековые псковичи умели судиться без помощи администрации, своим гражданским сообществом. Почти что судом присяжных.

В общем, Псковская судебная грамота для той эпохи и продуманна, и сложна и довольно гуманна. Мне, по крайней мере, кажется, псковичи жили по каким-то более совершенным и добрым законам, чем жители большинства государств тогдашней Европы.

Грамота – массовая и демократичная

Демократия – это не только право избирать или быть избранным. Это и возможность для человека изменить к лучшему свое положение в обществе: право и фактическая возможность получить образование, вести предпринимательскую деятельность, владеть собственностью, делать карьеру чиновника или политического деятеля.

Демократия – это неотъемлемые права личности, которые никакая власть не может ни отменить, ни попрать.

Аристотель писал о том, что во всех «хороших» полисах гражданин имеет эти права. И Новгород, и Псков, и десятки других русских городов были в этом смысле хорошими «полисами». На Руси гражданские права имели практически все, что подтверждается законодательством.

Особенно эту возможность для самореализации, без которой, повторимся, не может быть демократии, иллюстрирует широчайшее распространение грамоты.

Долгое время мы судили о Руси по Европе. По мнению ученых XIX века, везде был один и тот же строй – феодализм. На Руси он какой-то особенный, но принципиально такой же.

А вот оказывается – далеко не все у нас было таким же или очень похожим.

Например, Русь была грамотной.

В Средневековой Европе и дворянство-то было чаще всего неграмотным или малограмотным. Даже ВЫСШАЯ ЗНАТЬ. Европейским монархам периода Средневековья с грамотностью совсем не везло. Один из просвещеннейших и самых знаменитых европейских государей этой эпохи – император Карл Великий, человек по сути попытавшийся восстановить Римскую империю на территории Европы в VIII–IX веках. Он покровительствовал ученым, поддерживал монастыри, основывал школы для обучения грамоте, однако сам при этом не умел ни писать, ни читать. Лишь в преклонные годы он вознамерился овладеть, как говорили, «трудным искусством чтения и письма».

Однако, больших успехов в этом деле не достиг. Карл даже клал перед сном под подушку вырезанные из дерева буквы, чтобы, проснувшись среди ночи, – а спал он беспокойно и просыпался часто – попытаться отгадать, что значит первая попавшаяся, которую он вытащит из-под подушки. Увы, получалось не всегда. Примерно по такой же методике учат сейчас чтению в детских садах трехлетних малышей.

Горожане учились писать и читать по необходимости, но и в городах Европы грамотность распространена не была. Часто и богатым купцам документы вели и письма писали особые наемные писцы. А вот на Руси...

Князья строили школы для детей разных сословий, строили во всех городах[1]. А в Пскове, Новгороде, Ростове и других горо-

---

[1] Уже княгиня Ольга «устрояла» в Киеве школы, в том числе школы для девочек. Образованием подданных занимались и Владимир, и Ярослав, и другие князья. Это дело казалось очень важным. В летописи под 1030 г. среди важнейших государственных дел сообщается, что Ярослав Мудрый, придя в Новгород, собрал «от старост и от поповых детей 300 учити книгам». 300 детей – это очень много, ведь во всем Новгороде жило не больше 10 тыс. чел. (*Прим. науч. ред.*)

дах с вечевым строем школы заводил сам город. Огромную просветительную работу вела церковь. Не только для того, чтобы прихожане читали Священное писание, но и потому, что считали просвещение делом полезным и богоугодным.

На Руси грамота была так широко распространена, что пришлось для частной переписки использовать самый распространенный материал – бересту. Писали на ней процарапывая буквы специальным стержнем – этаким «паркером» XII столетия.

Раньше ученые делали вывод, что до массового производства бумаги народ и не мог быть грамотным. Для Европы это справедливо, ведь там писали только на папирусе, а потом на пергамене – выделанных кожах. Папирус со временем становился ломким, и к концу Раннего Средневековья от него отказались. А пергамен был дорог. Кожу приходилось выделывать до тех пор, пока она не станет тонкой – почти как бумага. Работа крайне кропотливая: ведь стоит порвать шкурку хоть в одном месте – лист пропал. На первую печатную Библию Гутенберга ушло 300 овец. Это как минимум: мы не знаем, сколько кож мастера запороли.

А до Гутенберга каждая книга, каждый экземпляр – это еще и много недель или месяцев кропотливого труда переписчика. Стоимость квалифицированного труда была сравнима со стоимостью материала.

Только верхушка дворянства и богатые купцы могли позволить себе иметь небольшую библиотеку. Книг этак 5–10. Мало? Только не забывайте, что книга в те времена стоила как хороший боевой конь. В переводе на наши измерительно-финансовые понятия – как иномарка бизнес-класса.

Англия времен Гражданских войн, вторая половина XII в. Стоимость боевого коня – от 20 фунтов серебром. Верхней планки просто нет. Зарплата, скажем, квалифицированного свободного мастера-каменщика около $^1/_3$ фунта в месяц. Т. е. на одного коня самый высокооплачиваемый мастер того времени должен был работать 4–5 лет. Если, конечно, не есть и не содержать семью. Столько же могла стоить и хорошая книга. Об этом можно прочитать у Кена Фоллета в его блестящем историческом романе «Столпы земли» («The Pillars of Earth»). Рекомендую.

В Европе учились писать на черепках или на дощечках, покрытых воском, чтобы не тратить дорогого материала. Купцы писали на обрывках папирусов, на деревянных дощечках, на полях ставших ненужными, выброшенных документов.

Но вот какое удивительное дело: европейцы «просмотрели» очень удобный и дешевый материал для письма – бересту. Березка, хоть и считается символом России[1], растет вовсе не только у нас. Березовые рощи шумят по всему северу Европы, до Северной Франции, Ирландии и Британии. Кто мешал использовать бересту как материал для письма? Это тем удивительнее, что само название книги в романских языках происходит от латинского liber, луб. То есть древние римляне использовали внутреннюю кору деревьев для письма, а потом это искусство европейцами было утрачено.

Книги на бересте известны давно. Большая часть из них – на Руси, но не только. В юридических документах Руси XIV–XV веков даже есть такая формула: договор, мол, «на луб положили» – то есть записали. Не как-нибудь и не где-нибудь, а на лубе – коре. Значит, запись на бересте, в том числе и самых важных, юридических документов, была массовым, типичным явлением.

Известный писатель и церковный деятель XVI века Иосиф Волоцкий, рассказывая о скромной монашеской жизни основателя Троице-Сергиевского монастыря Сергия Радонежского, писал: «К такой нищете и нестяжанию стремился, что даже книги в нем писались не на пергамене, а на бересте».

В стариннейших русских библиотечных каталогах – описях книг Троице-Сергиевского монастыря, составленных в XVII веке, упомянуты и «свертки на деревце чудотворца Сергия». То есть свитки, принадлежавшие основателю лавры Сергию Радонежскому[2].

---

[1] Шведы между тем считают березу символом исключительно своей страны. *(Прим. ред.)*

[2] Не только на Руси писали на бересте. В Таллине до войны хранилась берестяная рукопись 1570 г. с текстом на немецком языке. Известно о берестяных грамотах в Швеции XV–XVIII вв. В 1930 г. немцы-колхозники под Саратовом рыли силосную яму... и нашли берестяную грамоту XIV в. – грамоту из Золотой Орды, написанную на татарском языке. (*Прим. науч. ред.*)

И вот что самое интересное: несмотря на исторические свидетельства, русские ученые долгое время в упор не видели берестяной письменности на Руси. Мы слишком внимательно всматривались в дела Европы, все, повторяю, судили по ней и пытались оценить себя по Европе, как по универсальному эталону. Раз там не было массовой грамотности, значит, и у нас не должно было быть. Раз там грамота оставалась уделом очень богатых людей, значит, так же было и у нас. Если европейцы не знали бересты как материала для письма, у нас-то откуда?!

Даже ученым не приходило в голову, что Русь может в чем-то превосходить Европу. До середины XX века найденные при раскопках берестяные грамоты считались... поплавками. Они и правда похожи на поплавки – свернутые трубочкой полоски бересты.

Находка

В историю мировой науки вошла находка, которую сделала 26 июля 1951 года Нина Федоровна Акулова. Простая рабочая, участница раскопок в Великом Новгороде нашла на настиле мостовой XIV века скомканный свиток бересты. Такие трубочки находили и раньше, но, повторюсь, во всех описях археологических находок фиксировали их как берестяные поплавки. Под этим названием они даже выставлялись в витринах музеев. Только вот на этом «поплавке» рабочая Акулова (что значит незамыленный архивной работой глаз!) различила буковки!

Она передала свою находку начальнице раскопа. Та позвала главу всей Новгородской экспедиции Артемия Арциховского. По рассказам очевидцев, Артемий Владимирович несколько минут буквально произнести слова не мог, только махал руками и сипел. Наконец хриплым голосом он прокричал что-то в духе: «Этой находки я ждал двадцать лет».

Так было совершено, пожалуй, самое революционное открытие во всей археологии Древней Руси[1].

---

[1] Вот отличный сайт, на котором достойно представлены новгородские грамоты: gramoty.ru.

Очень скоро выяснилось: берестяные грамоты находили и раньше, но буквы на этих грамотах были менее заметны. Новгородцы ведь не стремились сохранить для нас важный источник. Прочитав берестяное письмо, они его выбрасывали. У бересты такая особенность: если держать ее на воздухе, она начинает быстро сохнуть, берестяной свиток скручивается, трескается по прожилкам, а потом начинает разваливаться на части. Вполне экологично.

Бересту как писчий материал можно сохранять очень долго, но для этого она должна лежать под прессом: берестяным страницам нельзя позволять скручиваться. Если берестяной лист сохраняет плоскую форму (как лист бумаги), он почти вечен (как все та же бумага). Так сохранились берестяные книги XVIII века, так сохранялись книги Сергия Радонежского в Сергиевом Посаде – прессами для них служили тяжелые переплеты из дерева, еще и утяжеленные металлическими заставками и оковкой. Вероятно, так же хранились и берестяные книги в архиве Новгорода Великого.

Но в его культурном слое находят лишь мелкие записки. Причем обычно не полные тексты, а лишь обрывки берестяных грамот. Остатки былого великолепия. Масштаб находок в других городах – в Смоленске, Старой Руссе, Пскове, Витебске, Твери, Москве, к сожалению, не сравним с археологическим изобилием в Новгороде: условия для сохранности бересты там оказались хуже[1].

О чем писали новгородцы?

Первая берестяная грамота, найденная Ниной Акуловой, – это пространная запись о налогах, которые должны были уплачивать жители разных сел некоему Фоме. Кто был этот Фома, мы не знаем. Может, это боярин, может, духовное лицо. Очевидно лишь, что Фома владел несколькими селами и получал от их обитателей

---

[1] С 1951 г. обрывки берестяных грамот найдены в слоях других древнерусских городов, а многие из них – в коллекциях, привезенных с раскопок давным-давно и хранившихся в музеях. В 2007 г. число найденных берестяных грамот превысило 1000. В двух письмах встречено название «берёсто» – так называли берестяные грамоты в Новгороде. Трудно представить себе находку, которая могла бы сильнее перевернуть представления о жизни Древней Руси, чем эта. (*Прим. науч. ред.*)

«позем» и «дар» – два вида налогов-повинностей. Позем уплачивался за право крестьянина жить на его земле. То есть, по-нашему, это «арендный платеж». Дар платили во время посещений феодалом своих владений.

Назовем это «региональным единым вмененным налогом». В общем, все как сегодня.

Вторая берестяная грамота, найденная уже на следующий день, тоже содержала записи о даре. Упоминались даже имена крестьян, вносивших налог.

Третья берестяная грамота – это уже не обрывок хозяйственного документа, а письмо. Целое послание некого Грикши (то есть Григория) к Есипу (Иосифу). *«Поклон от Грикши к Есипу. Прислав Онанья, молви... Яз ему отвечал не рекл ми Есиф варити переварьи ни от кого. Он прислал к Федось: вари ты пиво, сидишь на безотьщине, не варишь жито»*[1].

Вот ведь дела – не могут разобраться, кому варить пиво. Кто этот Онанья? Скорее всего, управляющий владениями феодала – а иначе чего он распоряжается? А Григорий, похоже, – сельский староста. Значит, сделали вывод ученые, и деревенские жители были грамотны?..

Среди берестяных грамот – хозяйственные документы, распоряжения, жалобы. Обнаружилась даже загадка. «Есть град межу небом и землею, а к нему еде посол без пути, везе грамоту неписану». На современном русском языке: «Между небом и землей есть город, а к нему едет посол без пути, везет ненаписанную грамоту».

Такие загадки загадывали еще в начале XX века. Если вы сразу не догадались, то вот разгадка: город между небом и землей – это ковчег, в котором Ной спасается от потопа, везет в нем всю будущую фауну Земли. Немой посол – это голубь, которого праотец Ной отправил искать, не спали ли воды Всемирного потопа, не выступила ли где-то Земля. Грамота неписанная – это масличная ветвь, которую голубь принес в клюве после своего третьего полета. Увидев ветвь, Ной понял: где-то уже есть земля,

---

[1] Здесь и далее берестяные грамоты цитируются по: «Я послал тебе бересту...» М., 1978.

свободная от воды. Это оказалась гора Арарат, и именно к ней пристал в конце концов ковчег. Многие, как известно, даже пытались искать Ковчег Завета на склонах горы Арарат... Вроде бы даже фотографии останков корабля есть.

Но кто же нынче доверяет фотографиям? Фотошоп творит чудеса. Посадите современного пятиклассника за компьютер: он вам сваяет за полчаса и Ноев Ковчег на склоне Арарата, и летающую тарелку на лужайке у Белого дома, и целый марш «снежных человеков» на Пушкинской площади, несогласных с тем, что их все никак не найдут.

Но вернемся с Арарата в Новгород. Грамот оказалось столько, что сразу же стал понятен один пассаж из давно известного источника – записи беседы новгородских священников XII века. Один спрашивал другого: «Нет ли в том греха – ходить по грамотам ногами, если кто, изрезав, бросит их, а слова будут известны?»

До берестяных находок сама постановка вопроса казалась странной: кто же это будет ходить по грамотам? Ведь пергамен дорог, книги очень ценны. А теперь все понятно: ведь берестяные грамоты бросали, как только они отслужили свой срок. Писать на бересте второй и третий раз было невозможно.

Люди топтали берёсто, не зная, какие слова там написаны... А что, если это слова священные? Скажем, «Бог», «ангел», «Богородица»? Получается – ходят люди как бы по обрывкам священных текстов. Вот священника и волновало – не грех ли? В Новгороде этот вопрос приобретал самый непосредственный бытовой смысл.

Новгородцы действительно буквально ходили по грамотам. Если это и грех, то какой полезный для познания прошлого!

Массовая грамотность

Невозможно найти группу населения Новгорода, не владевшую грамотой. Прихожане пишут священникам и наоборот. Ростовщики переписывают своих должников. Одни бояре пишут другим. Ремесленники переписываются с заказчиками.

Регулярно писали друг другу люди самого простого состояния, в том числе супруги, родители и дети. Обычнейшая семейная переписка.

Вот грамота XIV века: *«Поклон от Марине к сыну моему к Григорью. Купи ми зендянцу добру. А куны яз дала Давыду Прибыше. И ты, чадо, издей при себе да привези семо»*.

Зендянец – это хлопчатобумажная среднеазиатская ткань, привозили ее из города Зендяны. Куны – это деньги, и мама Григорья, Марина, посылает ему деньги с оказией. Явно люди они небогатые, если у сына может не оказаться под рукой денег на покупку ткани.

Заказчик пишет мастерице: *«Озцинку выткала и ты ко мне пришли, а не угодице с ким прислать, и ты у себе избели»*. Заказчик узнал, что холсты («озцинка») сотканы, и просит прислать. Если не с кем – пусть их выбелят на месте.

Или вот запись и расчет заказа какого-то вышивальщика: «Мыла на белку бургалского, а на другую белкую...» Белка – опять же, небольшая денежная единица. Бургалское мыло? Это от немецкого слова «бург» – городское мыло, говоря попросту.

Огромное число грамот написано крестьянами владельцам своих сел в Новгород. Такова, кстати, и самая первая, найденная Акуловой. Новгород оживленно переписывался со своими сельскими владениями. Владельцы земель дают поручения управляющим, ключникам. Ключники отписывают господам, а поверх голов ключников крестьяне пишут своим господам... А те напрямую отвечают крестьянам!

Вот грамота XV века: *«Цолобитье от Кощея и от половников. У кого кони, а те худи, а у иных нет. Как, осподине, жалуешь крестьяны? А рож, осподине, велишь мне молотить, как укажешь»*.

Авторы письма – ключники и крестьяне, обрабатывающие господскую землю за половину урожая (откуда и название – половники). Они, эти бедные крестьяне, жалуются на отсутствие коней. Интересно было бы рассказать этим людям о теориях ученых XVIII–XIX веков про поголовно неграмотную Русь.

Найдены и длинные стержни-писала, которыми прочерчивали буквы на бересте. Писало в Древнем Новгороде было таким же бытовым предметом, как нож, или как роговой гребень. Наверное, многие новгородцы так и ходили везде с писалом, подвешенным к поясу, как с ножом или с гребнем.

Грамоту знали и женщины. Для Средневековой Европы — это фантастика! Известно несколько писем от мужей к женам и от жен к мужьям.

Или вот записка, втоптанная в грязь мостовой на рубеже XII и XIII веков: *«Я посылала к тебе трижды. Какое зло ты против меня имеешь, что в эту неделю ко мне не приходил?»*

Грамотка, от которой романтичному читателю становится немного грустно, найдена возле забора усадьбы. Так и видится девушка, которую «накрыли» строгие родители при попытке передать письмо.

Но выпала записка из рук трепетной девицы или же стоит за ней какая-то темная любовная связь замужней дамы? В любом случае получается: женщины тоже уверенно владели грамотой.

Книжное учение

В житиях некоторых новгородских святых, написанных еще в Средние века, рассказывается среди прочего, что они учились в школе. Сообщается об этом как о вещи совершенно обычной. И не в одном Новгороде, а во всей Руси. В документах знаменитого Стоглавого собора 1551 года сказано, что *«...прежде сего училища бывали в Российском царствии на Москве и в Великом Новгороде по иным градам»*.

Сенсацией стала находка берестяных «тетрадок» мальчика Онфима. На одном листе бересты Онфим сделал эдакий героизированный автопортрет в виде воина.

Благодаря этому рисунку неведомый и никак иначе не прославленный в веках Онфим угодил даже в школьные учебники. Но интереснее всего, что возле изображения себя самого в качестве отважного всадника, Онфим написал на свобод-

ном клочке бересты «абвгдежзиiк», то есть буквы тогдашней азбуки.

Обрывки азбук находили еще много раз. В 1970 году обнаружили даже целую азбуку XIII века – самую древнюю из найденных до сих пор.

Археологи находили и специальные дощечки для учения письму и счету. Поверхность дощечек покрывали воском и разлиновывали так, чтобы малышу было удобно писать еще непривычные буквы.

Дощечки для письма были парными, и в каждой из них проделывалось по три отверстия. Дощечки складывались навощенными сторонами внутрь, орнаментом наружу, и связывались через эти дырочки. Ребенок носил такие «тетрадки» в школу. Там его учили писать на воске – в точности как это делалось в Греции, Риме, а потом и в Европе.

На воске писали не острым концом писала, а лопаточкой на другом его конце. Обучение писать на бересте было следующим этапом книжного учения, когда маленький человек уже знал буквы и слоги. Дело в том, что для выдавливания букв на бересте нужно больше силы. Воск-то мягкий, усилий не требует. А на бересте чертить и выводить буквы приходилось острым концом писала, что было не самым простым занятием. Не случайно писали новгородцы буквами, которые очень похожи на печатные. Так и писать, и читать легче.

Всевозможные изыски письма – делать в написании буквы одну линию тонкой, другую более толстой, выводить красиво, изящно – появились в эпоху массового распространения бумаги. На бересте невозможно писать мелкими буквами, сливая одну с другой. Берестяное письмо, повторимся, требует четких прямых линий и значительных усилий.

Возможно, физические трудности письма на бересте сформировали даже специфический новгородский литературный стиль. Для него характерно умение скупыми, но всегда выразительными словами передать суть мысли, главное в событии. Меньше слов – более емкое содержание. Ведь каждое лишнее слово – это лишнее физическое усилие. В этом отношении новгородский «письменный стиль» в чем-то сродни спартанскому – «лаконичному», как мы сейчас привыкли говорить.

«Лаконика» или «Лакония» – древнее название греческой Спарты. Поэтому говорить «лаконично» – это, дословно, «по-спартански». Новгородцы не были ни поголовно профессиональными воинами, ни профессиональными бездельниками-рабовладельцами, как спартанцы. Мирный был народ. Торговый. Крестьянский. Но, исходя из стиля новгородского языка, такого краткого и емкого, вполне можно предположить у Новгорода и Спарты одно лексическо-идеологическое сходство. «Вернись со щитом или на щите», – кратко говорили древние спартанские женщины, провожая мужей на войну. «Кто на Русь с мечом придет, от меча падет», – приписывается новгородскому князю Александру.

Кстати, и египетских писцов тоже учили писать как можно более точно и емко – папирус дорог. А уж если речь шла о том, чтобы высечь текст на стене храма, – здесь каждое слово, каждый иероглиф становился принципиально важен. Писать надо было кратко, лаконично, и в то же время информативно.

Косвенным подтверждением распространения книжного учения служат надписи – граффити, процарапанные на каменных стенах Софийского собора, церквей Спаса Преображения на Нередице, Федора Стратилата, Николы на Липне... Почти всех известных храмов.

Многие надписи и знаки сделаны на таком уровне от пола, что сразу видно: их авторы – дети. Тут и рисунки, и отдельные буквы алфавита, и целые фрагменты азбуки. Видимо, маленькие новгородцы частенько слушали долгую службу не очень внимательно. Трудно было малышу вникать во все действия и слова священника, вот он и совмещал необходимое с приятным, прорисовывал на стенах и на колоннах то, чему учился.

До открытия берестяных грамот считалось, что граффити делались гвоздями, ножами или шильями. Но процарапывать их острым бронзовым писалом даже удобнее – оно же для слов и предназначено.

Так что об одном можно говорить с уверенностью: писать на стенах, заборах и в лифтах – увы, действительно древняя русская традиция.

Образование и демократия

Почему так важно знание о грамоте в Древней Руси?

Да потому, что по распространению грамоты сразу становится видно, в какой степени демократично общество. На Руси, по крайней мере того периода, видели общество не как данную от Бога и потому не подлежащую изменениям и обсуждениям власть «высших» над «низшими», а как общее «поле», в котором человек и имел право, и реально мог изменять свое социальное и частное положение.

Наказанный самодержец

За всю историю Древней Руси нам известен только один случай, когда была сознательно нарушена политическая – демократическая – традиция. Лишь один яркий пример того, как князь попытался править ВООБЩЕ без вече и бояр. Результатом смелого эксперимента стал дворцовый переворот и жестокое убийство.

В 1157 году Андрей Боголюбский, сын Юрия Долгорукого, сделался князем в Ростове – столице Ростово-Суздальского княжества. И тут же перенес столицу своей земли в молодой город Владимир, – просто потому, что там не было вече. Государство князя Андрея стало называться Владимиро-Суздальским княжеством.

Боголюбский не полагался на бояр и старшую дружину, служивших его отцу. Он выслал их за пределы княжества и стал править, опираясь только на «молодшую дружину», на «отроков». То есть на людей, не имевших своих вотчин, во всем зависивших от него и поневоле преданных. Андрей Боголюбский был первым на всей Руси, кто последовательно опирался не на землевладельцев-бояр, которые от него экономически зависели мало, а на тех, кто зависел от данной им земли, от пожертвований и «кормлений». По словам летописца, он хотел быть «самовластцем» суздальской земли...

Но даже окружив себя «отроками», князь не остался и во Владимире. Словно предвидя свою судьбу, он построил укреплен-

ный княжеский городок Боголюбово и поселился в нем. Боголюбский вообще много строил, в частности знаменитую церковь Покрова на Нерли. И сейчас белокаменное чудо посреди русских лугов производит сильнейшее впечатление. А тогда, представьте только, свежий тесаный камень, как сахар, сверкал на солнце. И церковь, поставленная на насыпи, посреди заливного Богородичного луга, при слиянии рек, была видна за много верст. Храм был первым, что бросалось в глаза купцам, послам, боярам и дворянам, приезжавшим в Боголюбово.

Для его сооружения в неудобном, но важном для общего замысла месте пришлось посреди лугов насыпать и укреплять искусственный пятиметровый холм. Задача в техническом плане непростая, требующая тонкого расчета и немалых усилий. Зачем князь повелел в 1165 году поставить эту прекрасную церковь именно здесь? Интересный ответ дают современные исследователи и публицисты, в частности Феликс Разумовский, – ради красоты.

Весь Владимир был украшен при Боголюбском белокаменным зодчеством. На берегу Клязьмы встали собор Успения Богоматери и монументальные Золотые ворота. Но Боголюбскому надо было освятить не только город, но и всю землю. Вдоль водного пути по Клязьме он создал великолепный художественный ансамбль. Столица стала частью этого ансамбля. В него вошли также два подгородних монастыря и княжеская резиденция.

Зачем все это? Во имя чего столько трудов? Ответ прежний – ради красоты. Для того чтобы одухотворить пространство, придать всему, что окружает князя Андрея, особый торжественный вид...

Но нас интересуют не заслуживающие всяческих похвал успехи Боголюбского в древнерусском зодчестве. Интересна *попытка ввести абсолютное самодержавие* в одной отдельно взятой русской земле. Летописец называл Андрея Боголюбского «жестковыйным», то есть не гнувшим ни перед кем шеи, не склонявшим головы. Князь всегда держал ее немного откинутой, глядя подчеркнуто гордо, как бы сверху вниз, непреклонно.

Православная церковь канонизировала князя Андрея. В XX веке его мощи, находившиеся в роскошной гробнице в Успенском соборе во Владимире, исследовали антропологи.

По словам советского историка, *«революционный народ не почитает мощей, и многие мощи, служившие раньше для обмана верующих, были публично вскрыты и ликвидированы. При этом нередко выяснялось, что в гробнице "святого" лежали вовсе не человеческие кости, а кости животных»*[1].

Но в этой гробнице-раке был все-таки, слава богу, именно князь Андрей Боголюбский. У его скелета оказались сросшимися несколько шейных позвонков. Человек, похороненный в Успенском соборе, при всем желании не мог бы держать голову и шею иначе. Так что летописец в своем определении – «жестковыйный», назвал князя Андрея очень точно. Шея у него и впрямь была «жесткая», негнущаяся.

В 1174 году Боголюбский был убит заговорщиками – собственными слугами и приближенными. Не будем пересказывать детали этого отвратительного преступления, по своей жестокости напоминающего другое знаменитое убийство – Григория Распутина.

Но где была в ночь убийства «молодшая дружина» – сотни профессиональных воинов, каждый из которых всем был обязан Андрею Боголюбскому?! Они не пришли на помощь, когда князь со стонами, пятная собственный дворец кровью, пытался спрятаться в сенях. Убийцы спокойно удалились.

В летописи сообщается, что сразу после смерти князя *«гражане же боголюбстіи*[2] *и дворяне его (Андрея. – В. М.) разграбиша домъ его»*. Во Владимире несколько дней горожане убивали княжеских управителей и слуг, грабили лавки и имущество князя. Никто даже не пытался отомстить убийцам или хотя бы усовестить их. Более того, труп Андрея Боголюбского вышвырнули на огород.

Только старый слуга князя[3], найдя тело хозяина, несмотря на угрозы горожан и дружины, закатал его в ковер. Вместе с мальчиком-служкой перенес тело в церковь. Но даже там ему велели положить труп князя Андрея только около входа, а не в средней части храма. Двое суток пролежал здесь Андрей Боголюбский.

---

[1] *Рабинович М. Г.* Судьбы вещей. М., 1973.

[2] Из города Боголюбово.

[3] Летопись называет имя этого человека – Кузьма Киевлянин. (*Прим. ред.*)

Заговорщики и бывшие слуги, входя в храм, пинали тело, плевали на него.

Только на третий день пришел игумен дальнего монастыря, собрал нескольких людей, которые омыли тело, положили его в гроб, отпели и отнесли во Владимир.

Как только брат Андрея, суздальский князь Всеволод Большое Гнездо вошел с дружиной в Боголюбово, он тут же восстановил порядок и отомстил за брата. Со всей средневековой изобретательностью. Семерым убийцам подрезали поджилки, чтобы они не могли двигаться, положили в просмоленные гробы и утопили в озере.

Но все же – как странно ведут себя и дружина, и горожане! Объяснить это можно только одним – «гордец» и «самодержец» вызывал у привычных к средневековой демократии русских негативные чувства. Сосредоточение власти в одних руках и упразднение вече им не понравилось.

Смириться с единовластным правлением пришлось позже – после монгольского нашествия, когда поднялась династия московских князей. Они правили без вече, и их вертикаль власти стала необходима для освобождения Руси от ига Орды.

Когда кончился вечевой строй?

На северо-востоке Руси последний раз вечевые колокола били в 1262 году. В этот год по всей Руси вспыхнуло восстание против монгольских сборщиков дани, точнее, мусульманских купцов-бесерменов, которые выкупили у Орды этот выгодный бизнес. Полыхнуло в Суздале, Ярославле, Владимире... Как свидетельствовал летописец, *«бысть вече на бесермены по всем градом русским, и побиша татар везде, не терпяще насилие от них»*[1]. Бусурман перебили.

После восстания Александр Невский снял вечевые колокола и не велел больше собираться вече. Это было слишком опасно: монголы могли вырезать население этой части Руси до последнего человека.

[1] *Пушкарев С.Г.* Обзор русской истории. СПб., 1999.

Но тогда, в XIII веке, вечевой строй был отменен только для тех русских людей, которые жили на северо-востоке.

В Новгороде и Пскове вечевые колокола никуда не делись.

На русских землях, отошедших под Великое княжество Литовское, вечевой строй сохранялся и в XIV, и в XV веках. Он был в Киеве, Львове, Минске, Турове... Везде.

И после XV века вечевой строй не исчез. Просто постепенно русские города получали разрешение управляться по Магдебургскому (или же немецкому) праву. От взаимного проникновения двух традиций демократии сложилась иная, не такая строгая и формализованная система городского самоуправления, как на романо-германском Западе.

Глава 3

Была ли демократия на Московской Руси?

Коли ты в Расее власть, Дак и правь Расеей всласть, А в мою судьбу не суйся... И в любовь мою не влазь!

Л. Филатов
«Про Федота-стрельца...»

Народ несет полную ответственность за деятельность своего руководства... Начальство у нас народно, а народ начальственен.

А. Зиновьев

Пространства огромной страны

Московия XVI–XVII веков – родоначальница всей Российской империи. Это государство занимало северо-восток Руси с его суровым климатом, бедными почвами, громадными расстояниями. Олицетворение вечной судьбы русских – осваивать самые неблагоприятные для жизни места.

По огромным пространствам раскидано редкое население. Людей мало, чрезвычайно мало![1]

[1] Примерно 14 млн людей жило в России в 1683 г. Более 90 % из них – сельские жители, крестьяне. Во Франции в это же время проживало порядка 20 млн, в Италии – 15 млн, в Германии – все 25, а в Речи Посполитой порядка 16 млн чел.

У нас нет более ранних точных данных. Но отнимите сравнительно густонаселенные недавно присоединенные Украину и Поволжье, примите во внимание рост населения в мирный XVII в., и получится, что население Московии до Ивана III было совсем крохотным, вряд ли более 5–7 млн. *(Прим. науч. ред.)*

В этих условиях Москва, столица, начинает закономерно играть исключительную роль. Поднимающейся стране необходим единый центр.

Есть доля истины в старом высказывании Ивана Ильина, что лучший способ ввести в России демократию – это превратить ее из огромной континентальной страны в маленький океанический остров, похожий на Британский. Реалии Московии делают ее политическую традицию поневоле автократической, жесткой. Они выдвигают на передний план решения царя, за которым стоит группа высших чиновников и аристократов.

Но этих царей с сановниками те же российские реалии, сама природа Московии заставляют быть демократами. От любой власти не так уж трудно бежать на Восток, в Заволжье и в Сибирь, на Вольный Дон, на Север. От жестокой или морально неприемлемой власти люди просто уйдут. Нет необходимости ее даже свергать, поднимая восстания.

На уровне управления государством Московии необходима монархия или аристократия. На уровне местного самоуправления – демократия.

Про первую составляющую мы вроде наслышаны. Про вторую не знаем ничего.

Демократия на местах. Община и большаки

Жить одному среди бескрайних лесов опасно – слишком многое могло случиться с человеком, слишком подвержен он случайностям. В Московии жили семьями, в которых братья вели общее хозяйство. Несколько десятков человек составляли один хозяйственный организм во главе с патриархом – большаком. Он командовал коллективом из множества детей и внуков, распоряжался и временем, и всеми ресурсами рода. Большак взаимодействовал с властями и представлял перед ними всю семью. Его власть была непререкаемой и для семьи, и для властей. Такой маленький крестьянский царь.

То, с какой легкостью утверждались на сельских просторах нашей страны большевики, не было ли причиной своеобразной

рудиментарной памяти народа? Даже простое сходство слов могло сыграть свою роль. Вспомните строки из поэмы Маяковского «Хорошо!»:

До самой
мужичьей
земляной башки
докатывалась слава, –
лилась
и слыла,
что есть
за мужиков
какие-то
«большаки»
– у-у-у!
Сила!

Ну, правда, потом эти земляные бошки наплакались.

Пока же земля принадлежала не колхозу, а общине, и судьба отдельного человека тоже была в ее руках. Община решала, где и какая семья будет пахать и сеять, «раскладывала» налоги и повинности, устанавливая, кто будет мостить дороги, а кто – подвозить государственных чиновников. Она участвовала во всех событиях в жизни человека, от рождения и до смерти. Она также бдительно следила, чтобы никем и никогда не нарушались обычаи, заведенные еще прадедами.

Правительство не вмешивалось в дела общины, а сотрудничало с ней как с коллективным собственником и управленцем.

Демократия на местах. Губные целовальники

Страна тогда делилась на уезды, очень разные по размеру и населению, а уезды – на волости. Это как по-современному – районы. Волости еще назывались губами. После Губной реформы 1550–55 годов они обрели формально зафиксированные демократические права самоуправления.

Справедливости ради стоит отметить, что и раньше сыск и суд по уголовным делам в губе передавался «выборным головам», то есть губным старостам из числа дворянства и боярских детей. В помощь им из «лучших» крестьян выбирались «губные целовальники».

Целовальник – тот, кто «целовал крест», давая клятву выполнять какую-то работу или следовать назначенным правилам. Целовальник, даже если не давал «целовальной записи», – это лицо, давшее клятву в присутствии священника, «на том крест целовав».

После реформы в ведении губных учреждений оказались почти все уголовные дела, составление кабальных книг, надзор за общественным порядком, полицейские функции.

Кто совершил этот *демократический прорыв*?

Не поверите, власть у наместников забрал и передал ее самим жителям не кто иной, как кровавый тиран Иван Грозный.

Тогда Иван – еще вполне молодой, здоровый и, как бы сейчас сказали, «адекватный» государь. Его советники, так называемая Избранная Рада – если выражаться современными терминами, «прогрессивно мыслящие» и деятельные монах Сильвестр, князь Курбский, Алексей Адашев. Эта «команда» и стояла, опираясь на царскую власть и волю, у истоков многих замечательных преобразований на Руси до тех пор, пока в 1560 году неожиданно не умерла любимая жена государя. Примерно с этого года начинается отход Грозного от реформ, постепенный поворот к полному самовластию, разгону Рады, безумию опричнины и террору. Многие историки всерьез полагают, что Грозный на почве семейного горя и тяжелой болезни просто сошел с ума.

Может и так. В любом случае его жизнь, словно подтверждает известное высказывание о том, что любая власть развращает, но абсолютная власть – развращает абсолютно.

Итак, в 1555 году Иван IV уже взял Казань, за что и удостоился своего почетного прозвища, но еще не развернул опричнины. Грозный царь находился где-то посередине своего пути по укреплению центральной власти. И, как выясняется, – демократии на местах.

Да, Иван IV подминал под себя бояр в Москве. Подминал так, что кости трещали. Но при том щедро делился властью на местах.

Его окружная уставная грамота – это такой общерусский циркуляр. «*Чтобы крестьянству убытков и продаж не было, а нам бы челобитья и докуки не было, а посады и волости от того не пустели, – писал царь, – велели есми во сех городах и волостех учинити старост излюбленных, кому меж крестьян управа чинити, которых крестьяне меж собой излюбят и выберут всею землею*».

«Учинити старост излюбленных, которых крестьяне меж собой излюбят и выберут всею землею» – это на наш язык переводится, как «избирать и быть избранным». Столичный тиран был большим деревенским демократом.

Преследовал при этом он, естественно, свою собственную выгоду. Нужны были выборные, *«от которых им продаж и убытков и обиды не было, и рассудити бы их умели вправду безпосульно и безволокитно, и бы доход оброк собрати умели и к нашей бы казне на срок привозили без недобору»*.

То, о чем я говорил выше. В Москве – авторитаризм, на местах – демократия. Результат – своеобразная модель эффективной власти.

Губное самоуправление оставалось успешным проектом целых сто лет. Эта система утратила свое значение только к середине XVII века, когда во все крупные города стали ставить воевод. Городские воеводы сосредоточивали в своих руках всю полноту власти, у них был собственный аппарат и воинские отряды для поддержания того, что они считали порядком. «*Московское государство (XVI века. – В. М.) может быть названо самодержавно-земским. С середины XVII века оно становится самодержавно-бюрократическим*», – писал М. М. Богословский в своей замечательной давно не переиздававшейся книге[1].

---

[1] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. 1, 2. М., 1909–1912.

Однако и тогда сам институт самоуправления не исчез. Он просто трансформировался. После бюрократической реформы XVII века воеводы с их отрядами были на местах реальной силой, но губные старосты оставались их помощниками. И бюрократии приходилось сотрудничать с местной демократией. У нее просто не было другого выхода.

Мир отвечал за сбор «государевых податей», а главную обязанность выборных крестьянских властей – «крестьянские власти» неплохо звучит, правда? – составляла своевременность этого сбора. Правительство назначало для каждого округа только общую сумму подлежавшего уплате оброка. Затем посадские и крестьяне должны были сами «верстатися» и «разводити» оброк сообразно имуществу каждого хозяина: «по животам, и по промыслам, и по пашням, и по угодьям». Воеводы наказывали тех выборных крестьян, которые «оплошкой и нерадением» допускали недоборы и опоздания в платежах. Но, главное, старались ставить на выборные должности людей деловитых, тех, кому можно доверять. В результате самые активные и наиболее уважаемые крестьяне становились прямыми помощниками царской администрации.

Это уже не жизнь самодостаточной общины, существующей в себе и для себя. Это сотрудничество с государством.

Земский принцип управления оказался в России универсальным. Он легко встраивался в менявшуюся политическую реальность, в любую модель. Иногда земство играло менее заметную роль, иногда – огромную, но существовало оно всегда. Вплоть до того момента, как было разгромлено большевиками.

Никита Михалков как-то ярко сказал, что Россия – это крест: вертикаль власти и горизонталь православия. Думаю, в словах нашего замечательного режиссера было слишком много политической конъюнктуры. Уж очень разные понятия он собирает в одну фигуру. Но направление Михалков задает правильное. Та крестовина, на которой устойчиво стояла и стоит Россия, – это крепкая центральная «вертикаль власти», а поперечина – широчайшее местное самоуправление.

Свободные крестьяне Московии

Сверху донизу – все рабы.
Н. Чернышевский

«Страна рабов», – любят у нас бездумно повторять за Лермонтовым. Поэт, говоря «Страна рабов, страна господ», явно имел в виду близкий и понятный ему высший свет и царившие там нравы. Но советское образование услужливо подсказывает: тут надо вспомнить о русских крепостных. О помещичьих рабах. Вот откуда наша рабская психология! Вот где корни личной несвободы! Вот почему Россия – по-прежнему страна рабов...

Все это ерунда. Набор этих мифологем не имеет никакого отношения к реальности.

Хотя реальность, если по-честному, неоднозначна. С крестьянами вообще все было непросто. Очень, очень все было запутанно. Поэтому не нужно упрощать и делить русское крестьянство (а это до 90 % населения в разные века) на две неравные части: львиную долю крепостных рабов и чуть-чуть пока еще свободных землепашцев.

Итак, во-первых, почему-то на «черных землях» жили государственные крестьяне, а на «белых землях» – подданные феодалов. При этом «черносошные» вольные крестьяне были прикреплены к земле, а крепостных барских землепашцев защищал закон. То есть все совсем не так, как нам представляется.

Надо разобраться.

Итак, на государственных «черных землях» сидели крестьяне-домохозяева. Они входили в тяглые «общества» и записаны были в податные списки. «Тяглые и письменные люди» прикреплялись к обществам и не могли покидать свои дворы и земельные участки, не найдя заместителей.

Ограничения свободы – налицо. Но вот Ключевский полагал, что *«такое прикрепление, разумеется, не имело ничего общего с крепостным правом»*. И с ним надо согласиться.

«Закрепощался» на государственных землях только сам тяглец-домохозяин. Каждый крестьянский двор представлял со-

бой что-то вроде артели, состав которой был разнообразным и сложным. Кроме хозяина, как я уже говорил, там жила огромная семья – очень часто вплоть до внуков и правнуков. А также родственники или работники – «захребетники», «суседи», «подсуседники»... Положение «закрепощенного» большака представлялось для них крайне престижным. Если бы хозяин пожелал, он без малейшего труда поставил бы вместо себя кого угодно из этой «меньшой братии», а сам стал бы «свободным» человеком. Только вот он этого почему-то не хотел.

Что же до самой братии, жившей в хозяйстве, то она была вольна как ветер. Никому и в голову не пришло бы удерживать любого из них, вздумай уйти хоть все, хоть по одному. Разве что сам глава этой патриархальной крестьянской артели, большак, огорчился бы временному отсутствию рабочей силы.

Среди черносошных крестьян встречались и весьма богатые. Занимались они не только земледелием, но и торговлей, и разными промыслами. Михайло Васильевич Ломоносов происходил как раз из черносошных крестьян и подростком ходил с отцом на собственных судах охотиться на морского зверя за сотни километров. Туда, где были принадлежавшие им охотничьи угодья. Естественно, богатые «рабы» – а ведь мы продолжаем считать ими крестьян, правда? – обычно пользовались наемным трудом. Рабы-капиталисты. Были среди госкрестьян и «среднезажиточные», и совсем «маломочные».

Кроме собственно крестьян-тяглецов в черносошных общинах жили еще так называемые «бобыли». Только не путайте: это отнюдь не непутевые холостяки, а ремесленники или наемные работники, то есть не тяглое сельское население. Частные индивидуальные предприниматели.

Имелись и «пашенные бобыли», владельцы участков земли. Само их существование доказывает: землю можно было купить и продать. Иначе откуда бы она взялась у «пашенных бобылей»?

М. М. Богословский давно и совершенно определенно писал: *«Владельцы черной земли совершают на свои участки все акты распоряжения: продают их, закладывают, дарят,*

отдают в приданое, завещают, притом целиком или деля их на части».

Этот крестьянский капитализм зашел так далеко, что возникли своего рода «общества на паях», союзы «складников», или совладельцев, в которых каждый имел свою долю и мог распоряжаться ею как угодно – продавать, сдавать в аренду, покупать доли других совладельцев, а мог и требовать выделения своей собственной из общего владения. Получались такие закрытые акционерные общества, ЗАО. Другие аналогии как-то на ум не приходят. Да и зачем что-то придумывать, если все очевидно?

М. М. Богословский писал: *«В севернорусской волости XVII века имеются начала индивидуального, общего и общинного владения землей. В индивидуальном владении находятся деревни и доли деревень, принадлежащие отдельным лицам: на них владельцы смотрят как на свою собственность: они осуществляют на них права распоряжения без всякого контроля со стороны общины».*

Добавлю от себя: к тому же на Севере в губах продолжает распоряжаться волостной сход, который сам ставит должностных лиц (хотя и здесь сход все больше подчиняется надзору воеводы).

Александр Исаевич Солженицын восхищался швейцарской «демократией, прямо вытекающей из традиций общины», считая ее самой совершенной и, так сказать, самой «народной». В представлении современного россиянина община и демократия есть две вещи никак не совместные. Но абсолютно прав Александр Исаевич – вся европейская демократия вырастала из вот таких общинных форм самоуправления. Сначала были территориальные общины, умевшие выбрать для самих себя и из собственной среды «добрых и излюбленных» управителей, а потом уже и в масштабах государства появилась «палата общин» (так ведь и называется, как назло!).

Констатирую факт: в Московии XVII века все более укрепляется именно такая «низовая» демократия; общины все активнее принимают на себя функции низовых органов управления.

Напомню, что все эти процессы идут не в городах, в среде высоколобых интеллектуалов и богатых людей, а как раз в основной массе тогдашних московитов, в крестьянстве.

И этих крестьян очень много – более 50 тысяч дворов, то есть артелей, патриархальных предприятий. Всего никак не меньше полутора миллионов человек. И они умеют охранять свои права, в том числе и силой оружия[1].

На Севере, правда, черносошных несравненно больше. Есть даже такое понятие, как «черносошные волости» – то есть обширные области, где владельческих крестьян вообще нет, все исключительно вольные.

В центре страны черносошные и владельческие крестьяне живут чересполосно. Но, во-первых, вольные «государевы крестьяне» там тоже есть. А во-вторых, положение владельческих крестьян не так уж сильно отличается от положения черносошных.

Крепостные крестьяне Московии

То есть отличается, конечно, – и в худшую сторону. Собственно государственные подати владельческих крестьян значительно меньше, чем у черносошных, но суммарно они все-таки платят больше.

То есть, в этом незначительном отличии в области персональных финансов и заключается разница между вольными и «рабами». *«Государство и после Уложения (1649 г. – В. М.)*[2] *не отказывается видеть во владельческих крестьянах своих поддан-*

---

[1] В 1634 г. был случай, когда отличившихся во время Смоленской войны правительство решило сделать помещиками. Но крестьяне, жившие возле Арзамаса, не захотели становиться владельческими и прогнали незваных помещиков дубьем. (*Прим. науч. ред.*)

[2] Соборное уложение – кодекс законов Русского государства, принятый Земским собором в 1648-1649 гг. Состояло из 25 глав и 967 статей (по разделам: «Суд о крестьянах», «О посадских людях», «О поместных землях», «О суде», «О разбойных и о татинех делех» и др.). Считается, что это Уложение окончательно закрепостило крестьян. *(Прим. науч. ред.)*

ных:[1] *они платят государевы подати, они не лишены личных прав; помещикам запрещается "пустошить" свои поместья; правительство не отказывалось от своего права наказывать злоупотребления помещичьей властью»*[2].

Владельческие крестьяне были кем угодно, но не рабами, и их «крепость земле» вовсе не означала одновременной «крепости владельцу».

Да, помещики и хозяева вотчин де-факто постоянно нарушали их права – продавали без земли, меняли на холопов, разбивали семьи. Историки справедливо отмечают, что таких случаев становилось все больше к концу XVII столетия. Но помещик, разлучавший супругов, чтобы повернее добраться до понравившейся ему молодки, и вотчинник, менявший крестьянина на холопа, очень хорошо знали, что они теперь – преступники. И что если они не поберегутся, их действия будут иметь для них же самих весьма плачевные последствия.

Зверюга Салтычиха, упоминавшаяся в начале этой главы, была, кстати, приговорена к смертной казни.

Салтыкова Дарья Николаевна, правда, окончила жизнь не на плахе, а в тюрьме – смертная казнь вполне в духе сегодняшних гуманных времен была заменена пожизненным заключением. В тюрьме она провела 33 года. Умудрилась даже нажить ребенка от тюремщика.

Правительство за такие антикрестьянские преступления и ссылало, и секло кнутом, и уж во всяком случае, отнимало земли. А с их исчезновением у помещика пропадали и средства к существованию, и общественное положение. Закон владельческого – крепостного крестьянина в определенной степени ЗАЩИЩАЛ.

Но по большей части защищать никого и не приходилось. Наши представления о крепостном праве весьма далеки от действительности.

---

[1] Например, в 1669 г. «великий государь указал стольника князя Григория Оболенского послать в тюрьму за то, что у него в воскресенье на дворе его люди и крестьяне работали черную работу, да он же, князь Григорий, говорил скверные слова». *(Прим. науч. ред.)*

[2] *Пушкарев С. Г.* Обзор русской истории. СПб., 1999.

Джеймс Александер пишет: *«Крепостные в России постепенно становятся независимыми от помещиков. Их либо освобождают по царской воле, либо покупает казна, и они становятся государственными»*. Отметим, идет первая треть XIX века. При этом англичанин отмечает: *«Купленных слуг хорошо кормят и одевают. Они так привязываются к своим хозяевам, что не хотят расставаться с ними, даже когда получают вольную»*[1].

Он описывает бытовые сцены в квартире своего товарища, полковника Лермантова. Тот был два года на войне, и вот вернулся домой в Санкт-Петербург – вместе с Джеймсом Александером. Все суетились вокруг полковника Михаила Николаевича, жены, слуги, дети, он тоже их приветствовал, всех расцеловал... Дальше вывод: *«Никогда ранее мне не приходилось видеть, чтобы боевой офицер так сердечно относился к своим крепостным слугам. По моим представлениям, он* ***зашел даже слишком далеко»***.

Уже сейчас некоторыми исследователями высказывается мнение, что крепостное хозяйство было скорее крестьянско-помещичьим кондоминиумом, что крестьяне и помещики, встречаясь в одной церкви, не могли всерьез быть нетерпимыми антагонистами, по крайней мере такими, какими их представляла марксистская историческая наука.

Возможно, в будущем такое представление станет общепринятым. Сразу оговорюсь: я крайне далек от идеализации старорусского крепостничества, которое со временем, особенно после петровских реформ, приобретало все более грубый характер. Дворянство отрывалось от села и рассматривало свое поместье просто как некий источник регулярного пополнения счета в банке – не более того. Ни о каких «старопатриахальных» отношениях графа Суворова и Александра Пушкина, равно как Фамусова или старика Болконского, например, со своими крепостными и речи быть не могло, хотя, все они были людьми воспитанными и просвещенными.

Однако, даже после 1917 года, когда, казалось бы, все вековые устои отношений между разными социальными слоями и обыч-

---

[1] *Александер Дж.* Россия глазами иностранца. М., 2008.

ной, как бы «бытовой» нравственности были разрушены, мы знаем массу случаев, когда крестьяне ПРЯТАЛИ своих помещиков от озверевших комиссаров, – наверное это о многом говорит.

Одна моя добрая знакомая происходит из старинного русского рода Охотниковых. Ее дед был военным инженером, царским офицером, перешедшим в Гражданскую войну на сторону красных. В Великую Отечественную он возглавлял конструкторское бюро автоматического ручного оружия и считается среди специалистов одним из авторов знаменитого автомата Калашникова. По крайней мере Михаил Калашников по сей день, много лет спустя после смерти инженера Охотникова, регулярно шлет его родным праздничные открытки и телеграммы[1].

Так вот, в семье Охотниковых мне не раз рассказывали, как их предков-дворян, крупных помещиков и маслозаводчиков в 18-м году вологодские крестьяне несколько недель прятали в подполе от беснующихся «комиссаров». Когда ситуация немного поутихла, они смогли уехать во Францию. До сих пор в парижском телефонном справочнике можно встретить немало фамилий Охотникофф.

И это подчеркну – не старые добрые времена Тишайшего Алексея Михайловича. Это – безумная Гражданская.

Ранее же, как считается, *«патриархальное крепостное право, будучи мягким по своим формам, амортизировало социальный протест. Поместье не город, где можно вызвать полицию, а место относительно глухое. Помещичья жизнь едва ли была бы возможна, если бы господа не придерживались неписаных, но для всех очевидных нравственных законов»*, – считает Александр Горянин[2]. В 1846 году помещик Малоярославецкого уезда Калужской губернии Хитрово был убит своими крестьянками, причем следствие установило, что женщины отомстили ему за домогательства. Но вот что важ-

[1] Ни в коей мере не ставлю под сомнение талант М. Т. Калашникова, но все же любопытно, помогло ли ему «правильное пролетарское происхождение» в том, что автомат №1 получил именно его имя? Простого одаренного солдата-самоучки? Автомат дворянина Охотникова – как-то звучало безыдейно...

[2] Эксперт. — 2008 г. — № 1.

но, цитирую: *«Уездный предводитель дворянства за недонесение о дурном поведении упомянутого помещика предан суду»*[1].

Во владениях монастырей и крупных феодалов было крестьянское самоуправление. В уставной грамоте Соловецкого монастыря, данной крестьянам села Пузырево Бежецкого Верха, сказано: «Судити приказчику, а с ним быти в суде священнику да крестьянам пятмя или шестмя добрым и середним».

Спрошу только одно: а чем же эти пять или шесть «добрых крестьян» – не присяжные заседатели?! Разве что тем, что число людей другое. А почему присяжных должно быть именно 12 человек? Потому что в Европе так повелось? Или потому что в одном хорошем фильме их именно столько?

В наказе по управлению вотчиной, которую дал боярин Б. И. Морозов в 1651 году приказчику села Сергач Нижегородского уезда, читаем: *«И ведать ему крестьян моих и бобылей и судить с старостою, и с целовальниками, и с выборными крестьянами. А велеть крестьянам всею вотчиною к моим ко всяким делам выбрать 10 человек, крестьян добрых и разумных и правдивых, которым с ним, с приказчиком моим, у дела моего быти... А судить ему крестьян и бобылей вправду, правого виноватым не чинити, а виноватого правым. А где доведетца иттить на землю у крестьян или на меру, и ему ходить со старостою и с целовальником и с выборными крестьяны и розводить вправду»*.

Очевидно, и тут в общине появляется какой-то новый элемент демократического самоуправления: выборные люди, которых контролирует «обчество», и которые несут на себе судебные и административные функции.

Но это было в каждой отдельно взятой деревне. А на уровне всей страны существовал нигде не записанный, никем не утвержденный, но от того не менее действенный общественный договор. Все служат государству. Дворянин – своей шпагой и кровью. Крестьянин – трудом своим. От работы всей крестьянской общины зависело, что за сабля, что за конь будут у защитника Отечества. Сегодня он, может, и бездельничает, разгуливает по парку. А зав-

[1] *Линков Я. Н.* Очерки крестьянского движения в России в 1825–1861 гг. М., 1952.

тра он собрался-подпоясался – и на войну. Ворочается через несколько месяцев, а то и лет – весь израненный, а то и калечный, как старый комендант крепости из пушкинской «Капитанской дочки». Или вообще останется гнить в чужой земле.

Каждый делает свое дело, у каждого своя ответственность и свои обязанности перед страной. И все это понимают.

Логика первоначально была такая: крестьяне у помещика– как бы «временно» не во владении, а в управлении, чтобы опять же Государю было легче армию содержать. И землю («двор») государь своему служилому человеку тоже «временно» дает, пока тот служит. Если сыновья пошли служить, оставит «поместье» за ним и дале.

Нет сыновей, так выделит вдове с дочерьми десятую долю мужева имения на прокорм, остальную землю вместе с крестьянами отберет в казну. Притом испокон веков было так: чем больше у дворянина земли, тем больше он и вооруженных ратников должен на войну отправить. Больше доходов – больше расходов. Справедливость.

И сам помещик непременно должен воевать, а в мирное время – служить. И сыновья также. Особо строго при Петре стало: коли донесут, что уклоняется дворянин от государевой службы али сына скрывает, не хочет отроком на учебу в столицу отправлять, – все, конец ему.

«Уклониста» – в кандалы, имущество – пополам: в казну и доносчику.

Получалось, что жизнь у дворян сытая, да опасная. А свободы – не сильно больше, чем у крестьянина на земле.

Потому, когда 18 февраля 1762 года был объявлен Манифест о вольности дворянства, крестьяне этого не поняли. Точнее, сочли странным то, что теперь дворяне превращаются в узаконенных бездельников, не обязанных служить. Им, значицца, воля вышла, а нам что? Впрочем, обида пришла позже, а поначалу были ожидания – вполне логичные. *«Многие крестьяне посчитали, что с этого момента крепостное право стало незаконным, и стали ждать следующего указа – о вольности крестьянства,– отмечает исследователь Александр Горянин. – Ждать им пришлось 99 лет и один день».*

Хотя, конечно, не у всех хватило передаваемого из поколения в поколение терпения. Через десять с небольшим лет огромные территории – Оренбуржье, Урал, Западную Сибирь, Среднее и Нижнее Поволжье – охватило восстание Пугачева. Крестьяне не простили нарушения неписаного общественного договора.

Посадские люди

В Московии по сравнению с крестьянами очень мало горожан – посадских людей. Среди них встречаются богатые купцы, настоящие олигархи, ворочающие десятками тысяч рублей – сказочные деньги для времен, когда за рубль покупали корову, за два или три рубля – избу. По мнению Григория Котошихина, число таких купчин «близко 30 человек».

Таких купцов правительство вводит в курс государственных дел, советуется с ними, относится к ним уважительно. Котошихин пишет: *«А бывают они гостиным имянем пожалованы, как бывают у царских дел в верных головах и в целовальниках у соболиные казны, и в таможнях, и на кружечных дворех»*[1]. Но их всего три десятка.

Остальные, менее богатые, объединены в «суконной сотне» и в «гостиной сотне», а их порядка 200–250 человек. Эта цифра, конечно, показывает число глав больших семей, «большаков» купеческого звания. За каждым стоят десятки членов его семьи. Вся мужская часть этой семьи-общины помогает главе управляться, участвует в делах.

«Меньших» же посадских людей в Москве и в провинциальных городах, мелких купчиков и ремесленников с достатком и без достатка нет и 300 тысяч.

В общем, горожан мало. А дел у них много.

Московское государство использует посадских людей не только для уплаты государевых податей. Это государство имеет обширнейшее хозяйство со множеством натуральных и денежных

[1] *Котошихин Г. К.* Россия в царствовании Алексея Михайловича. М., 1999.

сборов и системой казенной торговли. Кто мешал под это хозяйство завести целую армию специальных чиновников?! Не мешал никто совершенно, но ведь чиновникам надо платить... А где деньги брать, Зин? Казна не бездонна, золото инков и ацтеков как-то до Московии не доходило...

Выход оставался один – минимум бюрократического аппарата, максимум общественников из грамотных. Тяглые посадские общества были обязаны поставлять правительству кадры бесплатных и притом достаточно квалифицированных, умеющих писать и считать работников.

Масса помощников государства *на общественных началах* занималась такими важными делами, как сбор таможенных и проездных пошлин на мостах и перевозах, разных натуральных платежей. Многие из них заведовали казенными промыслами – винными, хлебными, соляными, рыбными и так далее. Царские «общественники» торговали казенным товаром. А до того собирали его, сортировали, везли и распределяли...

Для правительства это был хороший способ получить даровые услуги со стороны посадских. Но для самого городского населения повинность оборачивалась своего рода кооперацией с правительством, – такой же, какая была свойственна для уездного населения. Получается, что и с горожанами правительство делилось властью. Целовальник – это ведь общественное лицо, а не чиновник. И при этом блюдет он государственный интерес.

Таким образом, государство делилось со своими подданными не только административными функциями, но и – скажу красиво – ответственностью перед страной.

Привычка к этой ответственности проявилась на Земском соборе 1649 года. До Соборного уложения и монастыри, и отдельные феодалы могли владеть слободами. Жители «белых», частновладельческих слобод занимались теми же ремеслами и торговлей, что и жители «черных», тянущих тягло государево. Но при этом не платили податей государству. «Белые» оказывались в очень выигрышном положении. «Черным» посадам конкурировать с ними было трудно.

И вот на Соборе 1649 года посадские просят уравнять в правах «белых» и «черных».

Иностранные ученые, такие как Биллингтон и Пайпс, видят в этом проявление рабской сущности русских: получается, горожане сами просят себя закрепостить!

В действительности же посадские люди действуют одновременно и в собственных интересах, и в интересах государства. Они заботятся о своевременной уплате податей и несении повинностей и о справедливом разделении тягот внутри общин. Всем придется платить поровну, а значит, никто не будет обижен. Решение принято на Земском соборе, в том числе и голосами самих посадских.

Очень демократичное решение.

Нетяглое население

Московию принято считать «тяглым» государством, в котором не было никакой личной свободы. Так описывал его В. О. Ключевский, и современный «любитель» нашей истории Р. Пайпс охотно ссылается на него: русский историк «сам сознается!».

Но легко заметить: как только ослабевает внешняя опасность, исчезает вероятность новых татарских набегов, так в русской жизни набирает силу демократическая струя.

«Судебник» Ивана III 1497 года знает только две группы населения. Тяглые люди, которые платят подати и тянут тягло, и служилые люди, которые правят государеву службу.

А вот «Соборное уложение» 1649 года делит общество на три основных класса: служилые люди, уездные люди и посадские люди.

А есть еще и духовенство, около 200 тысяч человек, имеющее совершенно особые права и обязанности.

Внутри трех основных сословий выделяется множество более мелких групп, порой очень различных. Они тоже не все тянут тягло (те же бобыли совсем ничего не тянут, а занимаются индивидуальным предпринимательством). А между этих групп,

по выражению В. О. Ключевского, «оставались промежуточные слои», которые *«не входили плотно в их состав и стояли вне прямых государственных обязанностей, служа частному интересу»*[1].

Это холопы, которые тоже все очень разные. Кто-то из них напоминает слугу двух господ Труффальдино из Бергамо. Кто-то – Герасима, который идет топить Муму.

Это безместные попы, архиерейские и монастырские слуги и служки.

Это вольно-гулящие люди, или «вольница». Те, кто не находился в зависимости от частных лиц и в то же время не был вписан в государевы тяглые волостные или посадские общины.

Если произвести простые расчеты, то получится интереснейшая цифра: в XVII веке в Московской Руси насчитывалось не меньше пятисот тысяч НЕТЯГЛЫХ и НЕСЛУЖИЛЫХ людей.

Добавим к этому числу еще и полтора миллиона свободных сельских обывателей – черносошных крестьян. Итого – в Московии живут два миллиона свободных людей.

Отметим и пестроту общественного состава.

Сосуществуют множество групп, которые различаются по своим правам и обязанностям, по степени свободы и по богатству.

А чем разнообразнее общество, тем шире основа для демократии.

Бюрократия

Московия знает богатейшие традиции местного самоуправления, избрания должностных лиц и сотрудничества демократически выбранных органов власти с бюрократией. Причем бюрократия очень слаба.

Централизованные бюрократические учреждения сложились на Руси очень поздно – в XVI веке, при Василии III. Это систе-

[1] *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций. Т. 2. Ростов-на-Дону, 2000.

ма приказов. Раньше приказом называли канцелярию, которую заводил боярин для выполнения царского поручения.

Теперь приказы стали особыми учреждениями и перестали зависеть от какого-то отдельного лица[1].

Их система подчинялась непосредственно Боярской думе и лично царю. Приказами командовали думные бояре, окольничие и дьяки.

Поскольку эти учреждения возникли не в один момент, а появлялись постепенно, по мере надобности, с усложнением административных задач, то распределение правительственных дел между ними представляется чрезвычайно запутанным.

В деятельности приказов смешивались судебные и административные функции, а ведомственный принцип самым причудливым образом сливался с территориальным. Функции между ними разграничивались плохо.

Существовал Разбойный приказ – для ведения уголовных дел – функциональный. А одновременно с ним был Сибирский приказ – территориальный. И какой из них должен был вершить суд над разбойником, промышлявшим с кистенем под Тобольском или под Томском?

К середине XVII века насчитывалось до 80 приказов, а в каждом из них был свой штат – от 3 до 400 человек.

В 1660-е годы во всем государстве было порядка 100 дьяков и 1000 подьячих. К концу XVII века число приказных в Москве возросло до 3 тысяч человек. Но и этот «распухший аппарат» представлял собой совершенно ничтожное число чиновников для управления таким большим государством.

Во Франции с ее 20 миллионами населения в конце XVI века только на службе короля было не менее 30 тысяч чиновников.

---

[1] Первые известные приказы: Ловчий (1509), Казенный (1512), Большого дворца (1534), Ямской (1550), Большого прихода (1554), Земский (1564), Стрелецкий (1571). Всего приказов известно больше 80, но среди них много было временных, для управления недавно вошедшими в состав Московии или отдаленных земель создавались территориальные приказы типа Малоросского или Сибирского. (*Прим. науч. ред.*)

А еще примерно такое же число профессиональных юристов считались «людьми свободных профессий», то есть кормились в режиме свободного рынка, но тоже были очень важным элементом системы управления страной. Получается, в Московии на душу населения приходилось в десять, даже в пятнадцать раз меньше чиновников, чем во Франции.

Это чиновное малолюдство достойно удивления. Страна с населением в 10–12 миллионов человек управляется тысячей чиновников! От силы 3 тысячами...

Это стало возможным только потому, что государство опиралось на местное самоуправление. Но самое невероятное, что иностранные критики порядков Московии совершенно упустили из виду это важнейшее обстоятельство. Впрочем, этому-то как раз не стоит удивляться.

Наши предки, «привыкши» управлять самостоятельно, общественный статус чиновника считали за «тьфу». В Европе же быть чиновником считалось необычайно престижным. В том числе в Британии, гордящейся без меры своими демократическими традициями. Не будем и говорить о высочайшем положении чиновничества в странах Востока. Даже в Японии, самой демократичной из восточных стран, чиновники находились в особо большом почете. Стать чиновником в Китае было счастьем для всякого, управление страной велось исключительно бюрократическими средствами.

Извините за подробности, но за возможность сыну попасть в элитный круг чиновников «императорской администрации» китайские родители нередко САМИ отдавали свое дитя на кастрацию. Ведь у евнуха шансы занять почетный и, главное, доходный государственный пост были несравненно выше, чем у нормального мужчины.

И в Индии, и в мусульманском мире чиновник был важнейшим человеком для государства и очень уважаемым членом общества.

Но не в Московии.

Общее мнение о «приказных крючках» в Московии было нелестное, считалось, что публика это нечестная, вороватая, ведет себя «не по правилам», и вообще люди в приказах сидят нехорошие. Приказных обвиняли во множестве грехов. В покуп-

ке должностей. В небескорыстном отправлении суда и предвзятом трактовании закона. В том, что они делились неправыми доходами с высшими, а те покрывали их. Взяточничество и рвачество «приказных» возмущало людей чрезвычайно. В фольклоре образ дьяка – один из самых непривлекательных[1].

Что уж говорить о подьячем?

«Я не подьячий породы собачьей, не стану бросаться да лаяться», – такую поговорку записали русские фольклористы еще в XIX веке, когда про эту чиновную должность уже никто и слыхом не слыхивал.

«*Подьячего бойся и лежачего*», – из той же оперы.

Аристократический принцип, или «Кадровый лифт» в Московском государстве

Служилых людей Московии, ее армию, уважали в народе намного больше. Их было мало: около 300 тысяч на всю страну. Из них помещиков – порядка 30 тысяч, и еще столько же имеют такие же права, но не имеют земли.

---

[1] Факты говорят: «приказные» и впрямь были очень, очень небескорыстны. Во время войны с Разиным посланцы «донского вора» покупали порох не где-нибудь, а в Москве, через дьяков Казанского и Разрядного приказов. (Ну чем не славная история войны Кремля с чеченскими террористами, скажет догадливый читатель... – *В. М.*)

Известны случаи, когда подьячие приписывали помещику в два, в три раза больше земли, чем ему полагалось, а вот вооруженных людей выставлять он должен был прежнее количество. В челобитных, поданных царю в 1642 г. на Земском соборе, говорится: «А твои государевы дьяки и подьячие пожалованы твоим государским денежным жалованием и поместьями и вотчинами, и будучи беспрестанно у дел твоих государевых и обогатев многие богатством неправедным своим мздоимством, покупали многие вотчины и дома свои состроили многие, палаты каменные такие. Что неудобь-сказуемые, при прежних государях и у великородных людей таких домов не бывало».

Или: «А разорены мы, холопы твои, пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от неправди от неправедных судов».

Видимо, чиновники и сами себя не особенно уважали. Это может происходить только в обществе, которое не считает чиновничью службу чем-то важным. *(Прим. науч. ред.)*

Во Франции дворян порядка 1 миллиона: 5 % всего населения. В Московии – 60 тысяч, то есть 0,5 %.

Верхушка аристократии – бояре, имевшие не поместья, даваемые на время, за службу, а вотчины, переходившие по наследству. Боярских родов было от 30 до 40, но это число росло — постоянно возводили в бояре за заслуги. Знатнейших родов из них – 16. Общее число взрослых мужчин во всех этих родах в середине XVII века не превышает и 300.

Во Франции того же времени мы видим до 1000 семей титулованного дворянства. Активного мужского населения в них до 12 тысяч человек.

Получается, аристократов «на душу населения» во Франции в 20–25 раз больше, чем в России. Согласно исследованиям А. Буровского, во Франции того времени вообще редко возводили в дворяне, – дворянами в основном рождались. В Британии эсквайром считался всякий, у кого доход был больше 40 фунтов стерлингов в год. Но и там лордами рождались и почти никогда не становились[1].

А в России это было возможно.

Аристократия заседала в совещательном органе при царе: в Боярской думе. И была Боярская дума сравнительно... демократична по составу.

При Алексее Михайловиче из 60 членов Думы было 5 бояр, не принадлежащих к знатным родам, 5 думных дворян и 4 думных дьяка. Итого, из 60 человек 14 имели вовсе не аристократическое, а «демократическое» происхождение.

В 1688 году, уже 35 из 57 членов Думы были выдвиженцами, этакими self-made[2] men.

В британскую палату лордов попадал всякий, кто наследовал потомственный титул пэра[3]. Конечно, какой-то процент лордов

---

[1] См.: *Нефедов С. А.* История нового времени. М., 1996.

[2] Буквально с англ.: сделавший себя сам. (*Прим. ред.*)

[3] В палату пэров попадали и такие, как, например, лорд Карнарвон, который во время шумных дебатов поддувал вверх перышки, чтобы они подольше держались на воздухе. Или как один из герцогов Суффолкских, который, попав в палату лордов и сев на свое место, тут же крепко засыпал. Ни разу за 30 лет не удалось его добудиться до конца заседания. (*Прим. науч. ред.*)

король вводил в нее «за особые заслуги», пожизненно. Но таких пэров в Англии было гораздо меньше, чем думных дьяков в составе Боярской думы.

Земские соборы – наши Генеральные штаты

Инструментом учреждения власти и ее связи с народом выступают Земские соборы. Почему-то считается, что они полностью зависели от царя, и что их полномочия были совершенно декоративные, значительно меньше, чем у британского парламента, Генеральных штатов во Франции или кортесов в Испании.

С. Иванов «Земский собор».
Земский собор – прообраз Съезда народных депутатов Всея Руси

Мнение иностранцев для нас не столь уж важно, но все-таки любопытно, что они, бывая в Москве в XVI–XVII веках, сразу понимали, что такое Земский собор. Для польского подданного Филона Кмиты Собор 1580 года – сейм, англичанин Джером Гор-

сей называет собор 1584 года парламентом, ливонский дворянин Георг Брюнно признает собор 1613 года риксдагом.

Немец Иоганн-Готгильф Фоккеродт приходит к выводу, что это был «род сената».

Русский посланник в Англии в 1646 году Герасим Дохтуров описывает английский парламент со сходной симметрией: *«Сидят в двух палатах; в одной палате сидят бояре, в другой – выборные из мирских людей»*[1]. Бояре – это, надо понимать, по-английски лорды.

400 лет назад понимание было, а потом – раз, и исчезло...

Пайпс в своей книге даже утверждает, что Земские соборы не издавали законов, и потому вообще не могут идти ни в какое сравнение с парламентами Европы. Это уже полное вранье, потому что многие Соборы только законодательству и были посвящены. Собор 1648 года созван для такого важнейшего дела, как выработка Соборного уложения 1649 года, – самого полного свода законов Московии.

Именно на Соборах были приняты важнейшие законодательные документы в истории России XVI–XVII веков: Судебник 1550 года, «Приговор» собора первого ополчения 1611 года, Соборное уложение 1649 года, «Соборное деяние» об упразднении местничества 1682 года.

Полномочия Земских соборов были не меньше, а БОЛЬШЕ, чем у Генеральных штатов во Франции. Они МЕНЬШЕ зависели от монарха, нежели английский парламент.

Действительно: только в начале XVII столетия, через пять веков после своего появления, британский парламент де-факто стал основным элементом в системе управления страной. Только в XVII веке законодательная власть бросила вызов власти короля и попыталась непосредственно контролировать исполнительную власть.

В Московии же уже первый Земский собор, который Иван Грозный созвал в 1549 году, намечал ход судебных и финансовых реформ, «приговаривал» налоги, то есть участвовал в управлении государством.

---

[1] О государстве русском. СПб., 1906.

Стоглавый собор 1551 года провел важнейшие церковные и административные реформы.

Земский собор 1566 года «приговорил» Ливонскую войну: и даже такой диктатор, как Иван Грозный, предпочел не продолжать военных действий без формального согласия собора.

Так как теперь предполагались новые большие расходы, пятую часть «депутатского корпуса» составляло купечество. В стране разворачивался кровавый террор опричнины, и при этом, как ни парадоксально, развивалась представительская демократия.

Выборы представителей на Земские соборы (число членов не было определено и колебалось в пределах 200–500 чел., а иногда и больше) проходили в уездных городах и в волостях. По их завершении составлялся протокол собрания, который заверялся всеми участвовавшими в выборах. Протокол отправляли в Москву (т. к. Центризбиркома еще не было, то – в Посольский или Разрядный приказ). А следом в Москву отправлялись сами выборные, которые брали с собой необходимый запас провианта или денег. Заседания соборов могли проходить годами, надо было запастись всем необходимым. Представляю себе ангары на Охотном ряду, в которых хранятся продукты для нынешних депутатов Государственной Думы!

Как все у нас неоднозначно! Причем тогда некоторые депутаты выступили против ведения войны и при этом, что характерно, не подверглись никаким репрессиям.

На соборах шло активное и свободное обсуждение важнейших государственных вопросов. Не замечать это можно только в одном случае... Юристы называют такой случай «презумпция виновности». Ведь Пайпс, как и многие другие предвзятые исследователи русской истории, заведомо «знает», что Земские соборы хуже парламента, и что демократия русским не свойственна. И не обращает внимания ни на что, идущее вразрез с его «презумпцией». Если факты противоречат умозрительной гипотезе, тем хуже для фактов!

Британский парламент в ожесточенной борьбе с королем отвоевывал себе право создавать все более значительные законы:

шажок за шажком. Земские соборы изначально были созданы именно с такой целью: и царь, и правительство хотели опираться на мнение и волю всей земли. Царь самолично и Боярская дума вместе с ним принимали менее важные решения. Получается, в Московии соблюдался один из важнейших принципов демократии: никакой вопрос, касавшийся свободного человека, не решался без его участия.

К тому же получалось так, что социальная опора Земских соборов была несравненно шире социальной базы британского парламента – не говоря о Генеральных штатах.

В состав Земских соборов входили три элемента:

1) «Освященный собор» из представителей высшего духовенства.

2) Боярская дума.

3) Представители служилого и посадского классов и черносошных крестьян (обычно ок. 300–400 человек).

Установился обычный порядок работы собора – обсуждение проблем, которые ставит царь, по «чинам» и по группам. *«...И всяких чинов служилым и жилецким людям помыслить об том накрепко и государю царю... мысль свою объявити на письме, чтоб ему государю про то все было известно»*[1]. Обсудив вопрос, группа подавала свою письменную «скаску» (от слова «сказывать»). Историки очень любят работать с такими «сказками», потому что по ним очень легко судить, что же волновало разные группы посадских, служилых, черносошных людей.

Конечно, будем объективны: не выбирали своих представителей владельческие крестьяне, холопы и «вольница». Но и в Британии ведь тоже ни слуги, ни пираты не имели своих представителей в парламенте.

Но и служилые, и «гости», и посадские, и черносошные люди на своих, как теперь говорят, корпоративных или на волостных сходах выбирали представителей на Земские соборы.

Получается, что в Московии на Земской собор выбирали своих представителей равных по количеству примерно 15 % населения. Это существенно больше, чем в Британии.

---

[1] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен. Кн. V. М., 1961.

Действительно, откуда взялась современная байка про то, что британский парламент представляет БОЛЬШИНСТВО населения?! Это справедливо разве что для XX века.

Только в 1929 году отменялись существовавшие до тех пор ограничения по «имущественному цензу». Только после этого действительно почти все взрослые британцы стали выбирать кого-то в парламент. Но вот что интересно: как раз после Первой мировой войны реальное значение парламента, как считают сами британцы, резко убывает. По сути его роль сводится к поддержке кандидатуры лидера победившей партии на пост премьер-министра. Предлагает кандидатуру премьера по традиции монарх.

После этого вся власть по сути оказывается у правительства. Таким образом, выходит: большинство британцев получили доступ к участию в уже потерявшем свое значение политическом институте. Легко давать то, что теряет свое значение... А вот до этого, в XVIII–XIX веках, в годы расцвета парламентаризма, лишь МЕНЬШИНСТВО нации избирало и тем более могло быть избрано. Причем весьма ограниченное меньшинство.

Даже для того, чтобы быть включенным в списки избирателей, нужен был некоторый уровень благосостояния. Не только полные люмпен-пролетарии, но и большинство работавших по найму не имели доступа к избирательным урнам. Такое положение сохранялось вплоть до первых успехов чартистского движения, то есть до 1830–40-х годов. И даже тогда не больше третьей части взрослых мужчин-британцев могли выбирать своих представителей в парламент[1].

В XVII же веке всего 2 % англичан имели «активное *избирательное* право», то есть право выбирать в парламент своих пред-

---

[1] Если же говорить о «пассивном избирательном праве», т. е. о праве быть избранным, то избирательная кампания члена парламента в те же 1840 гг. стоила в лучшем случае тысячу фунтов стерлингов. Это – годовой доход с крупного имения или с активной торговой фирмы, средний же торговец имел в год фунтов 300; машинист на железной дороге (очень престижная, выгодная работа) получал в месяц 6–8 фунтов.

Если избираться в мировые судьи, надо внести залог – 500 фунтов. Если вы выиграли (избирательная кампания тоже стоит денег), залог возвращается. Если нет, поступает в пользу государства. *(Прим. науч. ред.)*

ставителей. 2 % издавало законы, по которым жили все 100 %. 98 % населения подчинялось 2 %. А реальную возможность быть куда бы то ни было избранным имели значительно меньше 1 % населения страны – такая вот «демокраси».

Александр Горянин, автор в высшей степени примечательной книги[1], подсчитал, что во Франции до 1849 года право голоса имели 2 % населения, в Испании эта цифра в 1854 году чуть превышала 0,2 %, а в Японии, где первые выборы состоялись в 1891 году, правом голоса благодаря налоговому цензу в 15 йен обладал 1 % населения.

1648–49 годы судьбоносны в жизни как Англии, так и Московии, но вот события происходили совсем разные.

В конце 1648 года закончилась вторая гражданская война, то есть война между королем и парламентом, и в январе 1649 года король Карл I был казнен. Произошли события невиданные и неслыханные – казнь законного монарха! Объявление Англии республикой! Попытка сделать парламент правящим органом! Завязался клубок проблем, в которых «океанический остров», по определению Ильина, барахтался не одно десятилетие.

В Московии же в 1648 году созвали Земской собор для создания нового законодательства – Соборного уложения 1649 года (поэтому оно и называется «соборным»). Дело в том, что до этого тексты законов в Московии не печатали, и население их вполне могло и не знать.

Зато законы превосходно знали приказные «крючки» (сейчас говорят похоже – «крючкотворы») и уж, конечно, пользовались этим безбожно. Ведь «кто владеет информацией, тот владеет ситуацией», эта поговорка была справедлива и триста, и четыреста лет назад.

Или проще: «Закон что дышло, куда повернул, туда и вышло»...

На совещании царя с боярами и высшим духовенством было решено законы *«написати и изложити, по его государеву указу, общим советом, чтобы Московского государства всяких чинов*

[1] *Горянин А.* Мифы о России и дух нации. М., 2001.

людем, от большего до меньшего чину, суд и расправа была во всяких делах всем ровна»[1].

Идею «всем ровных суда и расправы во всех делах» требовали чартисты в Британии XIX века. И то получили далеко не все, что просили. А у нас само правительство, по крайней мере формально, хочет именно этого! И не в XIX веке, а в XVII!

Осенью 1648 года выборные от всех областей государства собрались в Москву для «вершения» важного «государева и земского дела». Привезли наказы от избравших их обществ. На мой взгляд, очень важно, как считают многие исследователи, что не известно ни одного случая, когда бы такой наказ не был включен в текст Уложения. А было их до 60 – этих новых статей или пунктов, внесенных «соборными людьми».

Уложение было подписано представителями высшего духовенства, начиная с патриарха, боярами и выборными людьми – всего 315 подписей, «чтобы то Уложение впредь было прочно и недвижно». Текст Соборного уложения напечатали огромным для того времени тиражом – в количестве 2400 экземпляров и разослали по всему государству.

Таким образом, 1649 год оказывается некой вершиной в работе и парламента Англии, и Земских соборов Московии. Только вот характер достижений различен, и как раз для Земского собора – это вершина законодательной деятельности. Английский парламент как-то больше рубит головы.

Стоит всерьез заняться историей, и разбиваются вдребезги стереотипы, сложившиеся под влиянием политической конъюнктуры.

Историки и России, и Запада часто говорят об «ослаблении роли Земских соборов» при Алексее Михайловиче. Им кажется очень важным найти в России те же черты общественного развития, что в странах Европы. Был в Европе абсолютизм? И на Руси должен быть! Если его нет, это даже как-то обидно за Россию... Неполноценность какая-то.

Увы, они не хотят замечать, что различия, если и есть, то скорее в пользу России. Раз уж мы ищем в истории развитие демо-

---

[1] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времён...

кратических институтов, то на тот момент по справедливости Московия опережает Британию.

Тезис об отмирании соборов опирается на то, что Земские соборы регулярно собирались до 1653 года. С этого времени их созыв делается нерегулярным, эпизодическим.

Но Земские соборы все-таки созывались. Последний из них состоялся в 1684 году: он «приговорил» вечный мир с Польшей[1].

Всего за 135 лет (1549–1684) их было созвано 57.

Только переворот Петра I в 1689 году покончил с Земскими соборами. Хотя и его самого в 1682 году успело избрать – вместе с братом Иваном V – собрание в составе духовных и выборных. На тот момент соборы приняли такую усеченную форму.

Причина же нерегулярности в созывах после 1653 года очень проста: в 1654–67 годах все внимание и все силы общества и правительства были поглощены войной с Польшей. Она началась после того, как Земский собор в Москве принял решение о включении Украины в состав России. Но и в этот период правительство несколько раз созывало «добрых и смышленых» представителей служилых слоев или торгово-промышленных слоев для обсуждения каких-то частных вопросов. Русская общественная жизнь вообще была очень пластична. Формат высшего учредительного и совещательного органа за почти 150 лет своего существования менялся много раз.

В условиях долгой жестокой войны созыв хоть какого-то собора свидетельствует не об «ослаблении принципа», а скорее, о его неискоренимости. Власть настолько привыкла опираться на коллективное мнение народа при принятии любых решений, что даже во время войны стремилась его узнать, а уже потом действовать.

---

[1] Земля высказывает свое мнение и по поводу воцарения Федора Алексеевича в 1676 г. Народ выразил свою точку зрения и по поводу воцарения царевны Софьи и ее братьев Ивана и Петра в 1682 г. Если уж мы говорим о демократии: сам монархический принцип на Руси, оказывается, допускает одновременное правление трех царей... И никому это «почему-то» не мешает. *(Прим. науч. ред.)*

Это в любом случае было для прагматичной самодержавной власти крайне удобно. Особенно с учетом глубоко религиозного, православного характера общества. Формально Государь на то и Государь, чтобы править единолично. И ни к какому собору он мог не апеллировать. Но: во-первых – традиция. Во-вторых, в моральном плане опора на поддержку собора, т. е. ВСЕЙ ЗЕМЛИ, полностью развязывала властям руки. А как же? Царь – от Бога. Глас народа – глас Божий. Просто и ясно. Народ и партия едины.

А разве желание знать позицию подданных, стремление опираться на мнение разных общественных групп, не есть яркий признак демократии?

Общественная мобильность

И возвышение крестьянина, ставшего патриархом Никоном (на определенном этапе – реальном соправителе государства), и обогащение Строгановых, и карьеры многих служилых и приказных людей из народа не уникальны только для России. Похожие примеры можно найти и на Западе, и в странах Востока. Везде или почти везде власти стремились к тому, чтобы оценить интеллект, способности, деловую активность отдельного человека. И привлечь его к принятию решений, оценке того, что делает или намерена сделать власть.

Чем более развито общество, чем оно динамичнее, тем важнее для правительства привлекать к себе умных людей, – в том числе и тех, которые вышли вовсе не из его верхов. В Африке или даже в Индии с ее кастовым строем для общества не так уж важно развитие. Там примеров выдвижения людей из низов было немного.

Примечательно, но даже в наше время современные президенты и министры в странах Африки при формально демократическом строе – всегда ставленники крупных знатных родов. В демократической независимой Индии они всегда – представители «высших» каст.

Правительство Индии официально давно объявило все касты равными перед законом, но в представлении абсолютного большинства людей никакого равенства нет и в помине.

И назначение на должность талантливого «неприкасаемого» в обход может быть и не столь одаренного, но брамина, это почти фантастика. Да что говорить: посмотрите на «список» руководителей Индии после освобождения от британского владычества. Они, конечно, все умные и красивые люди (высшей касты, кстати), все исключительно демократически побеждают на честных выборах... Дж. Неру (отец) – Индира Ганди (его дочь) – Раджив Ганди (ее сын) – Соня Ганди (невестка). Как-то это больше похоже на династию...

Чем общество динамичнее, тем личные таланты людей более востребованы. В средневековом Китае считалось почти безнравственным, если одаренный человек не становился чиновником и если его таланты не вознаграждались[1]. Контроль за умственными способностями чиновников был высочайший, не в пример, кстати, российской традиции. Достаточно вспомнить сложную систему экзаменов и аттестаций, которые издавна должны были проходить в Китае профессиональные бюрократы.

Но и в Китае никому даже в голову не приходило, что власть должна спрашивать мнения тех, на кого направлены ее действия. Обсудить новый закон?.. Подумать?.. Затем еще раз его обсудить?.. Привлечь к обсуждению как можно больше интеллектуалов, а потом еще раз все осмыслить?.. Это еще по представлениям китайской традиции управления оправданные, правильные действия: чем власть «умнее», чем больше «совершенномудрых» принимают участие во властных делах, тем лучше.

Но при чем тут суждения тех, кто призван только исполнять, исполнять и еще раз исполнять?! Пусть учатся и сами входят во власть, тогда и будут рассуждать. Бюрократия в Китае властвует абсолютно. Монархия считается с бюрократией, опирается на нее, а не на волю народа.

Даже принимая решение, которое впрямую касалось крестьянства или городских купцов, обсуждая ставки налогов или натуральные повинности, китайскому императорскому правительству не пришло бы в голову спросить: а что они сами об этом всем думают?

---

[1] Талантливый поэт Тао Юаньмин в IV в. не хотел становиться чиновником и вел образ жизни частного лица. Его сурово осуждали за это. *(Прим. науч. ред.)*

Ни в одной стране Востока – ни в богатом, культурном Китае, ни в древней мудрой Индии, ни на мусульманском Востоке, словом, нигде, кроме Европы, законы не вырабатывались демократическим путем. Те самые законы, по которым потом будет существовать общество. Общины умели управлять собой сами. Но в масштабах государства, повторюсь, законы принимались демократическим путем только в европейских странах.

На Западе, как мы уже видели, везде соединяются непосредственная демократия низового самоуправления, аристократия, монархия и сложные демократические формы управления всем государством.

В России – такое же сочетание. Но у нас все же демократический принцип присутствовал сильнее, чем в любой другой стране мира. В Московской Руси действует мощный механизм самоуправления в масштабах всего огромного государства. Подданные московского царя сами участвуют в выработке законов.

Земские соборы: от Общественной палаты – к Съезду народных депутатов, или Как избирали Романовых

Никогда британский парламент не учреждал новую династию. Никогда не было официально признано, что парламент выбирает или приглашает на место монарха нового короля.

Однажды он, правда, распорядился престолом: позвал на правление Ганноверского курфюрста. Но это было со стороны парламента не осуществлением законных полномочий, а закулисной сделкой, к которой избиратели не имели никакого отношения.

Точно так же и Генеральные штаты никогда не выбирали правителя, не сажали на трон представителя новой династии, даже не утверждали кандидата, выдвинутого аристократами.

А вот Земской собор выбирал нового царя.

Некоторые соборы носили именно УЧРЕДИТЕЛЬНЫЙ характер! В 1584 и в 1598 годах Земские соборы собирались специально

для избрания новых царей: Федора Ивановича и Бориса Годунова. В 1606 году собор избрал царем Василия Шуйского (а в 1610-м лишил его престола).

В грозном 1612 году Земский собор, находясь при ополчении Пожарского, составлял правительство государства – именно представители собора, а не Думы.

Во время Смуты роль соборов еще более возросла: по прямой мужской линии пресеклась династия Рюриковичей. Земля заявляла свою волю в условиях ослабления монархического принципа.

Земля не хотела делаться республикой, она стремилась избрать новую династию. В точности как в некоторых полисах выбирали царей. Аристотель считал такой способ правления «хорошим»: ведь монархия становилась изъявлением воли народа.

Так же точно и Романовы возглавили престол потому, что их избрала земля – то есть народ. Однако историки никогда не обращали на этот факт должного внимания, особенно, разумеется, в СССР.

А ведь в 1613 году в России состоялась настоящая избирательная кампания!

Существовало большое число претендентов на престол, в общей сложности до 30 кандидатов. Многие силы на Руси хотели позвать на царствование пусть и иноземного, но «природного государя». Логика монархическая: раз уж свои собственные государи повымерли, надо позвать другого «истинного царя», а не безродного выходца из «холопов государевых».

На трон Московского государства претендовал польский королевич Владислав. Его, кстати, во время Смуты возвели на московский престол вполне законным образом (хоть и «заочно»), и называть себя русским царем он имел совершеннейшее право[1].

---

[1] До Смоленской войны 1632–34 гг. Польша не считала законным избрание на престол Романовых. Право на русский престол сохранялось за Владиславом вплоть до июня 1634 г., когда он официально отказался от претензий на трон Московии и признал Михаила Федоровича Романова царем и «братом» – т . е. особой равной королю. *(Прим. науч. ред.)*

Другой иноземный «природный царевич» – шведский принц Карл Филипп. Боярская дума предложила ему царский венец, но с условием перейти в православие и соблюдать обычаи страны. Карл Филипп отказался.

А из своих были просто толпы кандидатов! И все имели по тем понятиям законное право быть царями. Все – князья, все хоть в очень отдаленном, но родстве с Рюриковичами. Все – имеющие патриотические заслуги времен Смутного времени.

Между этими претендентами развернулась самая настоящая, вовсе не бутафорская предвыборная баталия. Царем хотел стать Д. М. Пожарский, о котором сказано: «Воцарялся и стоило это ему в двадцать тысяч». Вот так был даже зафиксирован бюжет его избирательной кампании. «Воцариться» пытались и такие известные аристократы, как князья Д. М. Черкасский, П. И. Пронский, И. В. Голицын.

Активнейшую избирательную кампанию вел признанный казачий вождь князь Дмитрий Трубецкой. По свидетельству современника, *«учреждаше столы честные и пиры многие для казаков и полтора месяца всех казаков, сорок тысящ, зазывая к собе во двор по все дни, чествуя, кормя и поя честно и моля их, чтобы ему быти на России царем, и от них казаков похвален же был»*.

Однако такой подкуп избирателя в английском стиле на нашей почве плодов не дал. *«Казаки же честь от него принимающе, ядяще и пиюще и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющиеся его безумию такову. Князь же Дмитрей Трубецкой не ведаше лести их казачей...»*

Когда казаки в феврале 1613 года вломились на Земский собор и потребовали присяги Михаилу Романову, бедный Трубецкой был так обескуражен, что с расстройства не на шутку заболел: *«лицо у него ту с кручины почерне, и паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего»*.

До сих пор спорят, почему выбор пал именно на Михаила Романова. Мнений у историков столько же, сколько их самих. Не будем забывать и того, что именно Михаил оказался ближайшим родственником последнему московскому царю из Рюриковичей.

Но вот что несомненно: Михаила избрали голосами более чем 600 представителей, в том числе от посадских людей и черносошных крестьян.

Вступая на престол, увы, Михаил не заключил с подданными никакого договора. Конституции, к сожалению, не возникло. Правда, некоторые источники упоминают некий документ. Якобы при вступлении на престол Михаил Федорович дал какую-то «запись» с определенными обещаниями[1]. Но ни текста самой «записи», ни даже более подробного описания, что же именно обещал делать (или не делать) царь, у нас нет. Может быть, обязывался править, созывая Земские соборы? Можно долго гадать о том, давал ли он «запись» за одного себя или и за своих потомков тоже. Только что толку? В истории Руси появилась еще одна тайна – тайна документа, который будто бы был составлен при вступлении Романовых на престол.

Но даже если и не существовало никакой «записи», все равно самым фактом избрания царя землей «земщина» была поставлена выше, чем сам монархический принцип. Царь правил землей, а земля избирала себе царя и устанавливала династию.

Но вернусь к сравнительному тезису: ни во Франции, ни в Англии никогда не было УЧРЕДИТЕЛЬНОГО ПАРЛАМЕНТА. Вывод очевиден: Земский собор – даже более солидный институт народного представительства, с большими правами, чем парламент.

Подведем итоги

Для Пайпса и историков «антирусской школы» Московия – это «империя зла», примерно как СССР – для Рональда Рейгана. Но при всей жестокости и грубости многих, признаемся, сторон ее жизни, трудно видеть в ней «Московию зла», вместилище кровожадности и дикости.

Неравенство в Московии, конечно же, было. И очень много. Но неравноправие существовало в те времена во всем мире. Су-

[1] *Пушкарёв С. Г.* Обзор русской истории. СПб., 2000.

ществует и сегодня, причем тоже абсолютно везде. Вопрос только в том, какие формы оно принимает и насколько велико.

Как бы ни была деспотична власть монарха и аристократии в Московии, она, власть, – с ограниченным диапазоном действия. Ограничивает ее не писаная конституция, а традиция. В эту народную традицию входит и положение вещей, по которому земля, народ главнее монархии. Именно народ учреждал монархию в трудные для страны времена. Власть постоянно спрашивает мнение общества по сколько-нибудь значимым вопросам.

В ряде отношений народное представительство в Московии даже прочнее и охватывает больше людей, чем в Англии, – как принято считать, самой передовой стране XVII столетия.

Удивительная вещь получается. Выходит, что Московия – одно из самых демократичных обществ XVII века.

Глава 4

Демократия в Российской империи

Русские женщины жалуются, если мужья не бьют их, – значит, их не любят. Это и есть мировая история. Народы так же хотят кнута.

Г. Гегель

Страшный удар по русской демократии

Реформы Петра I вызывают очень разное отношение. Для одних они – прорыв в будущее. Для других – разрыв культурной традиции, отказ от духовной самостоятельности России.

Но ВСЕ историки сходятся в двух важных пунктах:

1) Петр I преобразовывал общество и систему управления под влиянием идеи «регулярного государства».

2) Петр I окончательно разделил русское общество на две неравные части: на дворянство и на народ.

Идею «регулярного государства» разрабатывали немецкие ученые, среди которых главным следует назвать Готфрида Лейбница. По словам последнего, «как в часах одно колесо приводит в движение другое, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точною соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни будет показывать стране счастливые часы»[1].

---

[1] *Лейбниц Г. В.* Соч. Т. 3. М., 1984.

Один из учеников Лейбница, Вульф, зашел еще дальше: «Правительство должно иметь право и обязанность принуждать каждого к работе, устанавливать заработную плату и цену товаров, заботиться об устройстве хороших улиц, прочных и красивых зданий, услаждать зрение обывателей радующими глаз

XVII и XVIII века в европейской науке – это время господства механики. Ученым казалось, что и общество, и отдельного человека можно представить в виде простых механических схем, свести их деятельность к движениям самых элементарных геометрических фигур.

Научная школа «регулярного государственного строя» считала общество и государство простейшими механизмами. Причем государство должно было подавить общество и управлять абсолютно всем, даже пением птиц и журчанием воды. Регулярное государство на поверку оборачивалось тоталитарным.

Петр боготворил ученых-механицистов, он много лет переписывался с Лейбницем, встречался с ним во время зарубежных поездок.

В истории известно два государства, построенные согласно теоретическим представлениям.

США — изначально организовано согласно идеям Джефферсона[1]. Второе государство – это Российская империя, выстроенная Петром под влиянием идей «регулярного государства» Лейбница.

Очень часто высказывается убеждение (нередко в обвинительной риторике), будто некие злые силы «намеренно» научили Петра всяким вредным и опасным западным теориям. Убежденные патриоты чуть не с торжеством утверждают: вот Петр заимствовал чуждую для России западную идеологию, и потому все стало так плохо и печально. В этом, мол, причина чудовищного роста бюрократии, сокращения населения, диких вывертов в культуре и первопричина – «механически заимствованные на Западе модные идейки»[2].

Но в «идейках» ли дело?

Московия весь XVII век заимствовала у Европы всякие идеи: и воинского устава, и регулярной армии, и много прочего, вклю-

---

картинами, а уши – музыкою, пением птиц и журчанием воды, содействовать общественному развлечению театральными представлениями и другими зрелищами, поощрять поэзию, стараться о школьном воспитании детей, наблюдать за тем, чтобы взрослые прилежали добродетели и благочестию». (Цит. по *Геллер М.* История Российской империи. Т. I. М., 2000.) (*Прим. науч. ред.*)

[1] *Шлезингер А. М.* Циклы американской истории. М., 1992.

[2] *Бушков А. А.* Россия, которой не было. М., 1997.

чая зеркала, театр и «польское платье» – офисный костюм госслужащего времен Алексея Михайловича. Ничего кроме удобства и пользы, это не принесло.

Вопрос в том, что именно, для чего и как заимствовать. Если слепо и некритично, ничего хорошего не получается.

Фактически Петр перенял не только идеи «регулярного государства», но и идею колониализма. А как еще назвать политическую систему, при которой возвращается общество времен Судебника 1497 года с его разделением всего на два класса да еще с новой идейной подоплекой?

Б. Франк «Лейбниц».
Большой любитель «идеального» государства, где все министерства – ведомства-службы «аки колесики в швейцарских часах» друг за друга цепляются и приводят в движение. В современных российских условиях мог бы претендовать на должность советника премьера по «административной реформе»

Служилые люди в России Петра I объявляются носителями идей европеизации «кондовой и дикой» России. Они по долгу службы личным примером должны загонять в Европу всех остальных. Обязаны брить бороды, носить европейскую одежду, знать немецкий, голландский и французский языки. И *служить* с пятнадцатилетнего возраста до глубокой старости или до смерти. Потому они и служилые.

Тяглые люди – это все, кроме дворян и священников. Они потому и тяглые, что дикие и отсталые, им надо тянуть ярмо, а по ходу дела – просвещаться и цивилизовываться.

Произошло колоссальное упрощение структуры общества и государственного управления. Страна оказалась отброшена почти на два столетия назад.

Весь XVII век, период – от смерти Грозного и до 1689 года, – это время полустихийного нарастания свободы.

Цель Петра состояла в том, чтобы взять у Европы ее технические достижения, какие-то внешние формы и осуществить мечту о построении «регулярного государства».

За 36 лет его правления, с 1689 по 1725 год, было уничтожено многое, что развивалось весь долгий XVII век, – ростки рыночной экономики, начатки личной свободы человека, разработанный свод законов, проекты освобождения крепостного крестьянства.

Российская империя 1725 года станет страной, в которой несравненно меньше свободы, порядка, богатства, чем было в Московии до Петра.

Дума, существовавшая с X века, упразднена. Личная свобода уничтожена во всех слоях, в обоих оставшихся общественных классах. Горянин отмечает: *«Петр отдал крепостных на произвол своих помещиков уже тем, что возложил на последних ответственность за поставку рекрутов и за сбор подушной подати. Еще важнее было то, что при Петре свободу действий утратили почти все. Дворяне под страхом наказания не имели права уклоняться от государственной службы, не могли перемещаться по стране по своему усмотрению»*[1].

В разоренной стране исчезнет пятая (по некоторым оценкам – даже четвертая) часть населения, множество людей побежит в Сибирь, на Дон, в Речь Посполиту – куда угодно, только подальше от правительства России, ее столицы, ее царя, в 1721 году ставшего императором[2].

Громадность изменений налицо, нет более возможности спорить о принимаемых государственных решениях. Оспаривать можно только направление этих перемен и их ценность. Поражает масштаб бедствий и творимого почти открыто зла и разрушений. Не случайно же в народе, вовсе не в одной старообрядческой среде, Петра упорно называли Антихристом.

Размер ущерба особенно поражает, если принять изначально точку зрения противников Петра и считать направление «ре-

---

[1] Эксперт. – 2008. – № 1.

[2] И может быть, самое страшное – «великие реформы» вобьют клин огромных размеров между двумя группами россиян: одним из них в приказном порядке велено европеизироваться, другим это категорически запрещено. Пройдет два-три поколения, и «народ» – т. е. 98 % населения, почти перестанет понимать остальные 2 %. Даже язык, вроде бы один и тот же русский язык, у этих слоев изменится, и говорить они начнут все по-разному. *(Прим. науч. ред.)*

форм» выбранным неправильно, а уничтожение наработанного за весь XVII век ничем не оправданным. Получается, что 36 лет страна шла в совершеннейшее никуда, постепенно разрушаясь, теряя сотни тысяч людей и расточая накопленные раньше богатства. Сегодня почему-то больше и больше исследователей соглашаются с такой оценкой, и нехорошее слово «антихрист» утрачивает эмоциональность, становясь чуть ли не диагнозом.

Но даже искренние сторонники европеизации по Петру и те вынуждены признать неоспоримое: цели, пусть даже посчитать их изначально благими, достигались совершенно чудовищными средствами. Хотя «достигались» – слишком оптимистично сказано. Говоря откровенно, при жизни Петра большая часть поставленных в рамках «Плана Петра» задач решена так и не была.

Европой мы так и не стали, но дух нации – растоптали, свободу – почти потеряли.

По словам вполне прозападного и пропетровского историка-либерала В. О. Ключевского, Петр *«надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку... хотел, чтобы раб, оставаясь рабом, действовал сознательно и свободно. Совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства – это политическая квадратура круга, загадка, разрешаемая у нас со времени Петра два века и до сих пор неразрешимая»*.

Добавлю – эта квадратура неразрешима и по сей день, через 100 лет после Ключевского.

В царстве хаоса

Петр, так же как и его идейные последователи: Ленин и Сталин, попытался внедрить в России очередную утопию. В России XVIII века произошло то, что всегда происходит при попытке осуществить на практике какие-то умозрительные идеи. На бумаге они могут выглядеть совершенно замечательно, но вот беда: пока никому не удавалось воплотить в жизни все так же чудесно, как спланировано на бумаге. А кроме того, для осуществле-

ния утопии приходится начинать с разрушения – т. е. уничтожать реально существующее, ибо оно мешает построению утопии, сопротивляется и прилагает все усилия, чтобы изменяться как можно меньше.

В точности как потом гимном стало: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим...» Только слово «насилья» здесь совершенно неуместно. Так как насилье как раз и начиналось одновременно с процессом «разрушения». Кстати, в первоначальной версии русского текста Интернационала (государственного гимна нашей страны 1918–1944 гг.) это звучало так : Вест мир насилья мы ***разроем***/До основанья, а затем/Мы наш, мы новый мир *построим*/...и т. д. Вот они, наши *разрушители* от Петра до большевиков, – просто какие-то *кроты*-грызуны...

Для того чтобы осуществить петровскую утопию, оказывается, необходимо уничтожить любую самодеятельность людей, любое самоуправление, любую независимость от властей. Ведь люди не хотят строить утопию, и если они будут независимы, если они смогут выбирать, то строить ее ни в коем случае не будут.

Петр последовательно уничтожал, разрушал то традиционное русское общество, которое сложилось после Смутного времени, существовало и развивалось почти весь XVII век.

За долгие годы правления Петра Россия перестала двигаться по своему естественному пути. Двадцать тысяч указов обрушились на страну, парализовав ее систему управления.

Восхваляя административный гений Петра, пусть попробует уважаемый читатель прочесть хотя бы пару петровских Указов, которые есть в открытом доступе в РГБ. Ей-богу, ум за разум зайдет. Длинно, путано (это называлось – велеречивость), непонятно. Многословие и словоблудие в духе устных выступлений без бумажки первого Президента СССР. При этом требовалось непререкаемое исполнение от точки до точки. Что мог уразуметь из этих документов забитый и запуганный произволом петровский чиновник – уму непостижимо.

Двенадцать коллегий в Санкт-Петербурге.
Сложно представить, но при Петре в этом комплексе зданий умещались практически ВСЕ «ФЕДЕРАЛЬНЫЕ МИНИСТЕРСТВА И ВЕДОМСТВА»

Указы Петра ввергли страну в анархию, чуть ли не в новую смуту. Система приказов, Боярская дума, разделение страны на уезды – все это работало далеко не идеально, и они были просто – отменены. Но на смену им не пришло ничего лучшего или хотя бы даже подобного по качеству.

Добавьте к этому невероятный «заворот мозгов», когда, по сути, вся верхушка общества не понимала, куда вообще надо плыть и каких берегов держаться. Это тоже закономерный результат деятельности Петра.

Даже собственные потомки Петра, мягко говоря, не были в восторге от его деятельности. А. А. Мосолов, царедворец времен Николая II, оставил такое свидетельство: «Столбцы газет были переполнены воспоминаниями о победах и преобразованиях великого Петра (в связи с 200-летием Петербурга). Я заговорил о нем восторженно, но заметил, что царь не поддерживает моей темы. Зная сдержанность Государя, я все же дерзнул спросить его, сочувствует ли он тому, что я выражал.

Николай II, помолчав немного, ответил:

– Конечно, я признаю много заслуг за моим знаменитым предком, но сознаюсь, что был бы неискренен, ежели бы вторил вашим восторгам. Это предок, которого менее других люблю за его увлечение западной культурой и попирание всех чисто русских обычаев. Нельзя насаждать чужое сразу, без переработки. Быть может, это время, как переходный период, и было необходимо, но оно мне несимпатично». (См.: *Мосолов А. А.* При дворе последнего царя... М., 2006).

В результате в 1725 году Российская империя оказалась в совершенно удивительном состоянии. Искусственного общества, выдуманного в кабинетах немецких философов, в ней не построили. И того общества, которое существовало до Петра, тоже уже не было. Весь «период дворцовых переворотов» – это попытки на-

щупать какой-то выход из тупика и выработать новую общественную идеологию и новый способ общежития.

Даже в Петербурге в системе управления царил чудовищный бардак, а во многих губерниях вообще не было суда, способного отправлять правосудие. Власть правительства сводилась фактически к сбору налогов (при помощи армии) и к набору рекрутов (тоже при помощи армии). Рейды регулярных (!) войск за налогами, по словам В. О. Ключевского, напоминали набеги татар. Невольно возникает еще одна аналогия – действия колониальной армии в Индии, Африке, Индонезии... Везде, где только существовал колониализм.

«Петровская армия вела себя в России, словно в завоеванной стране», – ставит свой диагноз современный писатель Александр Бушков. А упоминавшийся выше современник Петра купец Посошков в своих заметках писал: «При квартирах солдаты и драгуны так несмирно стоят и обиды страшные чинят, что и исчислить их не можно. А где офицеры их стоят, то и того горше чинят... и того ради многие и домам своим не рады». Этого богатого купца некий полковник вдруг стал поливать бранью и грозил проткнуть шпагой. Посошков пытался подать иск «о защите чести и достоинства», но офицер на суд не пошел. Мол, он человек военный и судить его может лишь столичная военная коллегия.

И таких примеров множество.

Бушков, например, описывает следующие случаи. В Костроме полковник Татаринов выгнал за город всех членов городского магистрата, то есть высшего органа городской гражданской администрации. Коломенского бургомистра некий драгунский офицер в невеликих чинах велел своим солдатам высечь, что и было исполнено. Доходило и до смертоубийства.

Во время какого-то из бюрократических экспериментов в провинцию были посланы гвардейцы с предписанием: губернаторам непрестанно докучать, чтобы они готовили ведомости. В противном случае гвардейцы должны были губернаторов, вице-губернаторов и прочих подчиненных сковать за ноги и на шею намотать цепь, и по то время не освобождать, пока те не изготовят отчетность.

Такая вот армейская дисциплина.

В результате за пределами крупных городов, в стороне от больших дорог царила почти полная анархия, и были уезды, по которым вообще нельзя было проехать. Никак. Число разбойников в этих уездах, как горько шутили, превосходило число законопослушных подданных[1].

Иные разбойничьи шайки контролировали приличные куски территории Российской империи – целые волости. Эти шайки вели неплохое хозяйство, а некоторые атаманы вводили в бой сотни людей. Известны случаи, когда разбойники брали уездные города и освобождали своих захваченных солдатами товарищей (при этом часть солдат уходила с ними). В таких случаях утрачивается вообще представление, где тут разбойничьи шайки, а где – повстанческие армии...

Местных крестьян эти разбойники чаще всего не трогали, ограничиваясь поборами, но всех проезжих грабили неукоснительно, а дворян вообще не выпускали живыми.

Если назвать вещи своими именами, то получится – несколько десятилетий правительство Российской империи контролировало только часть своей территории, и даже те, которые, вроде бы подчинялись Петербургу, делали это очень относительно.

28 января 1725 года закрыл глаза царь Петр I, которого еще при жизни одни подданные нарекли земным богом, а другие, как уже говорилось, – Антихристом. После этой смерти Российскую империю трясло еще несколько десятилетий: буквально от самого часа смерти Петра и до того, как в 1762 году жена его внука, Петра III, убила мужа и сама заняла престол.

Ведь и правда – период истории Российской империи с 1725 по 1762 год вполне официально назывался «периодом дворцовых переворотов». То есть долгие 37 лет власть в Российской империи была какая-то «ненастоящая», нелегитимная. Она с не-

---

[1] Известна цифра, названная П. Н. Милюковым в «Очерках по истории русской культуры (М., 1993): мол, к 1710 г. исчезло 20 % тяглого населения Московии. При этом Павел Николаевич считал, что не все из этих 20 % погибли, по крайней мере третья часть тех, кого недосчитались, – просто беглые или ушедшие в разбойники. *(Прим. науч. ред.)*

вероятной легкостью переходила из рук в руки. Это была какая-то игрушечная власть, потому что, с одной стороны, Император был неограниченным монархом, и мог делать почти все, что угодно, а с другой – кучка придворных и гвардейцев по своему разумению решала, кто должен быть Императором.

И при всей абсурдности периода «дворцовых переворотов» на всем его протяжении весь этот бардак постепенно изживался. В 1730-е годы порядка и стабильности стало больше, чем было сразу после смерти Петра, а при Елизавете, в 1750-е годы, – больше чем в 1740-е. Причем порядка стало больше и в головах, и в государстве.

Так что в прямом смысле Российская империя стала не более, а менее демократичным государством, чем Московия. Социальной стратификации меньше. Шансов на карьеру у купца или мещанина с эпохи после смерти Петра и до реформ Александра II практически нет.

Защищенность крестьянина и мещанина, и возможности самореализации простолюдина теперь МЕНЬШЕ, чем было в XVII веке. А вот чиновников во много раз больше.

А все-таки демократия!

После всего сказанного дико и непривычно прозвучит утверждение: Россия и в XVIII веке оставалась относительно демократичной страной.

Да, с одной стороны, на уровне государства (или как бы сказали сейчас – «на федеральном уровне») вплоть до начала XX века господствовал монархический принцип. Его дополнял принцип аристократии. Это в Московии дворянин в первую очередь СЛУЖИЛ. В Российской империи дворяне еще и ПРАВИЛИ. Чем больше дворяне освобождались от службы, тем быстрее они становились именно правящим сословием.

Дворянская гвардия сажала на престол и свергала императоров, дворяне возглавляли самые важные ведомства и управления. После Манифеста о вольности дворянской они окончательно могли не служить, но править не перестали. После Губернской

реформы Екатерины дворяне властвовали не только в Петербурге, но и в большинстве российских провинций.

Власть бюрократии то ослаблялась аристократией, то опять нарастала, но никогда не исчезала.

Но все это – на уровне государства. А в глуши российских провинций, на уровне крестьянских общин, продолжалось народное самоуправление. Никто не отменял сходок крестьянского мира, выбора его управленческого аппарата, общего решения насущных вопросов[1].

Во времена дворянского всевластия, между 1762 и 1861 годом, помещик ставил над крестьянами «бурмистра», но хозяину имения или его ставленнику всегда помогали выборные от мира. А церковные, экономические, дворцовые и государственные крестьяне всегда управляли сами собой. Они находились с властями почти в таких же отношениях, как черносошные крестьяне Московии. Только вот на уровне управления всей страной их слово, конечно, уже решительно ничего не значило.

А реформам Столыпина, как считают многие исследователи, крестьяне сопротивлялись в основном по двум причинам: они считали, что земля – Божья. Покупать и продавать землю казалось им не только дикостью, но и кощунством. А кроме того, Столыпин давал крестьянам собственность, но отнимал самоуправление. С разрушением общины крестьяне уже не сами распоряжались на своей территории, за них решали чиновники.

Попытка дворянской конституции

Но и наверху далеко не все дворяне были сторонниками ничем не ограниченной деспотии. Они не раз пытались ограничить монархию. Наиболее показательна в этом отношении история с

[1] Мы до сих пор изучаем историю Российской империи, написанную от имени 2 % населения и представителями этих 2 %. А ведь в стране жили не только дворяне и европеизированные чиновники-разночинцы. Образ жизни, образ мышления и культурные нормы, которыми руководствовались 98 % населения, для современной исторической науки словно бы не существуют. А стоит копнуть поглубже, и мы увидим огромное и очень демократичное общество. *(Прим. науч. ред.)*

Кондициями, подписанными призванной на престол императрицей Анной Иоанновной.

После внезапной смерти Петра II, внука Петра и сына казненного царевича Алексея, Верховный тайный совет решил ограничить царскую власть. Восемь верховников – членов совета, после смерти Петра I стали чем-то вроде членов прежней Боярской думы. Только круг их стал намного уже и менее демократичен, чем у бояр Алексея Михайловича и Федора Алексеевича.

Своего рода это была скорее «семи-, т. е. восьмибоярщина».

Итак, после смерти царя «верховники», просовещавшись всю ночь, к утру решили: звать на престол царицу Анну Иоанновну – племянницу Петра I, дочь его сводного брата Ивана.

Понятно, что Анна Иоанновна на первый взгляд имеет на престол куда меньше прав, чем дочери...

Но «зато» Елизавета и Анна, дочери Петра от Екатерины, – незаконнорожденные; Анна родилась в 1708 году, Елизавета – в 1709, до формального вступления Екатерины в брак с Петром I[1]. Как можно возводить на престол незаконнорожденных?! Разумеется, это отговорка, но она принимается всеми.

Верховники готовы возвести на престол лицо, имеющее меньше прав... Логика проста: такое лицо более управляемо, его власть менее прочна. Оно должно быть «более благодарно» верховникам, чем прямые наследники.

И решили:

– Надобно, написав, послать к Ее Величеству пункты.

Верховники поручили написать эти пункты князю Дмитрию Голицыну.

Пункты, или Кондиции, составленные князем Голицыным, требовали *«ныне уже учрежденный Верховный тайный совет в восьми персонах всегда содержать и без онаго Верховнаго тайнаго совета согласия:*

[1] Когда в 1712 г. Петр венчался с Екатериной, их дочери, Анна (впоследствии супруга герцога Голштинского) и Елизавета (будущая императрица Елизавета Петровна), бывшие тогда в возрасте 4 и 2 лет, исполняли на свадьбе обязанности фрейлин.

1. Ни с кем войны не вчинять.

2. Миру не заключать.

3. Верных наших подданных никакими новыми податями не отягощать.

4. В знатные чины, как в статские, так и военные, сухопутные и морские, выше полковничья ранга не жаловать, ниже к знатным делам никого не определять и гвардии и прочим полкам быть под ведением Верховного тайного совета.

5. У шляхетства живота и имения, и чести без суда не отнимать.

6. Вотчины и деревни не жаловать.

7. В придворные чины, как русских, так и иноземцев, без совету Верховного тайного совета не производить.

8. Государственные доходы в расход не употреблять.

И всех верных подданных в неотменной своей милости содержать. А буде чего по сему обещанию не исполню и не додержу, то лишена буду короны российской. АННА»[1].

Надо сказать, замечательный документ.

Простой, короткий, понятный. Не чета петровским Указам. «Птенцы гнезда Петрова» неучами и дураками не были.

Если бы все эти Кондиции были претворены в жизнь, императрица Анна имела бы власти в России меньше, чем королева Елизавета II в современной Великобритании.

Это была по сути попытка установления конституционной монархии, только без парламента, – его заменял узкий круг аристократов-олигархов. Однако, согласитесь, со временем круг этот неизбежно пришлось бы расширять, дополняя Сенатом, главами коллегий, а со временем, возможно, и периодически собираемым Собором.

Но, увы, все это рассуждения — в духе теорий исторической альтернативы...

Итак, в Российской империи возникла идея официально ограничить власть монарха. Родилось дело невиданное, чреватое непредсказуемыми последствиями.

Утром 19 января 1730 года собравшимся в Кремле Сенату, Синоду, генералитету и «высшим чинам» Верховный тайный совет объявил о вручении престола Анне: то есть второй раз сооб-

---

[1] *Корсаков Д. А.* Воцарение императрицы Анны Ивановны. Казань, 1880.

щил о своем решении, уже в более широком кругу. Прибавив, что для избрания требуется согласие ВСЕГО ОТЕЧЕСТВА в лице собравшихся здесь чинов. «Все отечество» в лице собравшихся в Москве дворян не возражало.

А тем временем, независимо от воли «всего отечества», скакали курьеры к Анне Иоанновне, везли письмо верховников и в том числе пресловутые Пункты.

Смысл ограничения монархии понятен: сделать положение вельможи независимым от воли монарха. Можно, конечно, было пригласить Анну и без всякой конституции. Тогда она будет обязана Голицыну, как главному «виновнику» своего избрания. «*Но Голицын научен горьким опытом: он знает, что сначала ему будут благодарны, сначала поласкают человека, неспособного быть фаворитом, а потом какой-нибудь сын конюха, русского или курляндского, через фавор оттеснит первого вельможу на задний план. Вельможество самостоятельного значения не имеет; при самодержавном государе значение человека зависит от степени приближения к нему. Надобно покончить с этим, надобно дать вельможеству самостоятельное значение, при котором оно могло бы не обращать внимания на фаворитов*»[1].

Вскоре замысел верховников стал известен широкому кругу дворян. «Затейка», как быстро окрестили этот замысел, вызвала у дворян глухой ропот... Но не потому, что «верховники» хотели ограничить самодержавие, а главным образом потому, что дворянство посчитало, что оказывалось «вне игры».

«Невозможно затеянного сего дела не назвать самым злейшим преступлением, хотя бы какие кто вымышлял отговорки, а то ради следующих причин:

1. Делали сие не многие и весьма число не токмо не довольное, но малое и скудное. А если бы искалося от них добро общее, как они скажут, то бы надлежало от всех чинов призвать на совет не по малому числу человек», – так писал неизвестный нам участник событий, анонимный автор сочинения «Изъяснение каковы были неких лиц умыслы, затейки и действия в призыве на престол Ея императорского величества».

---

[1] *Соловьёв С. М.* История России с древнейших времен. Кн. X. М., 1963.

И насчитал в общей сложности 16 пунктов, в силу которых *«невозможно затеянного сего дела не назвать самым злейшим преступлением»*[1].

По словам Феофана Прокоповича, принимавшего самое активное участие в событиях, *«куда не придешь, к какому собранию не пристанешь, не иное что было слышать, только горестные нарекания на осмиличных оных затейщиков; все их жестоко порицали, все проклинали необычное их дерзновение, несытое лакомство и властолюбие»*.

Феофан насчитывал до 500 «агитаторов», сплачивавших целый оппозиционный союз, в котором боролись два мнения. Сторонники «дерзкого» мнения думали напасть на «верховников» с оружием в руках и истребить их. Если учесть, что в числе оппозиционеров было немало офицеров и гвардейцев, идея покажется не такой уж неосуществимой.

Сторонники «кроткого мнения» думали пойти к «верховникам» и заявить, что не дело немногих «состав государства переделывать» и что вести такие дела тайно «неприятно-то и смрадно пахнет».

Обычно это толкуется так: дворянство не созрело, ну не могло жить без абсолютного монарха.

Сомневаюсь. Тут возможно совершенно иное толкование событий. Дворянство-то вовсе и не против ограничения самодержавия как такового. Только оно хочет и само участвовать в «затейке».

Дополнительная сложность была в том, что «верховников» не любили дружно, а вот позитивная программа была у всех разной. Шли отчаянные споры о степени и о формах ограничения монархии. Для того чтобы договориться заранее, у дворян попросту не было времени, и в результате их не объединяла какая-то общая политическая программа[2].

Повторюсь, дворян возмущало не ограничение монархии как таковое, а *олигархический способ решения государственных вопросов*. Им самим тоже хочется в олигархию...

---

[1] Цит. по: *Гордин Я. А.* Между рабством и свободой. СПб., 1993.

[2] Прусский посол Марфельд доносил своему правительству, что все русские (он имел в виду, конечно, собравшееся в Москве дворянство) хотят ограничения абсолютизма, но не могут договориться о его степени. «Партий бесчисленное множество, и хотя все спокойно, но, пожалуй, может произойти

Какое-то время верховники вообще врали, что Кондиции – не их изобретение, а как раз и есть «монаршая воля». По словам Феофана Прокоповича, все «уши опустили, как бедные ослики», «дряхлы и задумчивы ходили». Но как ни ходи, как ни опускай или ни поднимай уши, а против монаршей воли не пойдешь. Что государыня соизволила подарить, то и соизволила, ничего тут не поделаешь.

Но обман быстро раскрылся. Оказалось, что будущий политический строй России – вовсе не дело, уже решенное монархом, а нечто такое, на что еще могут повлиять сами дворяне...

Но тогда у каждого, буквально у каждого из них открываются огромные возможности! Раз Кондиции – продукт закулисной сделки и ничего еще не решено, то ведь тогда каждый может попытаться предложить свою версию договора! Свой способ политического устройства! Ведь если одной «компашке» можно договариваться с императрицей, как ей править, то почему нельзя сделать того же и другим дворянским «инициативным группам»?!

В тот же день 2 февраля Верховному совету пришлось выслушать кучу устных выступлений и мнений, прочитать груду записок о будущем устройстве государственных дел.

Дело дошло до того, что Верховный тайный совет всерьез стал опасаться восстания и пугать расходившихся дворян, что, мол, у него для мятежников есть и войска, и сыщики, и пытки.

Однако дворяне никак не унимались. Известно минимум 13 записок, поданых или подготовленных к подаче в Верховный тайный совет от разных кружков. Под этими проектами собрано порядка 1100 подписей, из них 600 – офицерских. Ни один из поданых проектов не ставит под вопрос ни избрание

какая-нибудь вспышка», – писал в январе из Москвы испанский посол де Лириа. «Здесь на улицах и в домах только и слышны речи об английской конституции и о правах английского парламента», – писал из Москвы секретарь французского посольства Маньян. Послы доносили, что в Москве одни стояли за конституцию, как в Голландии, другие за парламент, как в Англии, третьи за шляхетскую республику, как в Польше, четвертые за образец брали Швецию. (См.: *Буровский А. М.* Несостоявшая Россия. М., 2003.)

Анны, ни ограничение ее власти: все подходят к этому как к совершившемуся факту[1].

Конечно, *все* проекты построены на мысли, что дворянство – это и есть народ, настоящий народ в юридическом смысле слова; народ, имеющий политические и гражданские права. Остальное население Российской империи в проектах практически не упоминается. И получается так, что миллионы подданных-недворян – это своего рода живой и говорящий инвентарь, не обладающий никакими правами и политически не имеющий никакого значения.

Это обилие мнений, эта разноголосица и позволили Анне уничтожить зачатки конституции. Дворяне ведь разобщены, народ и не знает об их «затейке».

После приема разных группировок Анна велела принести текст подписанных ею Кондиций и публично порвала бумаги и бросила их на землю. 1 марта 1730 года по всем соборам и церквам шла присяга Анне Иоанновне как самодержице Российской.

---

[1] Записки сосредоточиваются на схеме высшего управления империей и на привилегиях дворянства. У них, в общем-то, довольно много общего.

Верховное правительство называют в проектах по-разному: и Сенатом, и Верховным советом. По проектам в нем должно быть от 11 до 30 членов и больше двух членов одной семьи не допускаются: видимо, сразу четверо Долгоруких из 8 членов Верховного тайного совета, заседавшего в ночь на 19 января, производят очень уж сильное впечатление на дворянство. Как-то хочется менее семейственной политики...

Очень большое место в проектах занимает описание, какие разряды дворянства должны выбирать членов Верховного тайного совета, Сената, президентов коллегий и даже губернаторов. По некоторым проектам, к выборам допускается все дворянство, по другим – только «знатное», но все дружно считают, что если даже допускать духовенство и купечество к обсуждению каких-то вопросов, то только к тем, которые их непосредственно касаются.

Во многих проектах предлагается ограничить срок службы дворянства, отменить единонаследие, позволить вступать в службу сразу офицерами и т. д.

Лишь в единичных проектах вообще упоминается крестьянство. И речь идет вовсе не об отмене крепостного права, не об ограничении поборов, а в лучшем случае об ограничении подушной подати, т. е. того, что крестьянин платил не владельцу, а государству. «Послабляя» крестьянину его тяготу в пользу государства, господа помещики вовсе не склонны облегчать тяготу крестьян в пользу помещиков... (См.: *Буровский А. М.* Несостоявшаяся Россия...) *(Прим. науч. ред.)*

Конституционно-аристократическая монархия просуществовала в России всего 10 дней.

На другой день после присяги Анна Иоанновна восстановила Сенат в составе 21 человека, но всех сенаторов назначила сама, никаких выборов не было. После того царица распустила Верховный тайный совет, и больше он никогда уже не собирался ни в какой форме.

К запискам дворянства никто никогда больше не возвращался, никакое ограничение самодержавия даже не обсуждалось.

Так что, если аристократическая конституция просуществовала всего 10 дней, то шляхетская конституция в России не успела даже родиться.

Повторимся: дворянство ничуть не менее, чем сами «верховники», хотело участвовать в управлении государством. Дворян в Российской империи было тогда сравнительно мало – порядка 100 тысяч взрослых людей. Офицеров в армии – всего 15 000, а два гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, насчитывали вместе 2800–3000 человек.

При таком малолюдстве «нобилитета» 500 агитаторов, 1100 подписей под прошениями, 13 проектов, 600 офицеров-подписантов – это очень и очень много.

Подкуп дворянства

Анна Иоанновна, смекнув, какие царят «настроения в элитах», кинула дворянам жирный кусок: ограничила срок их службы 25 годами и окончательно отменила дурной указ Петра о единонаследии. Но, конечно же, никаких выборных учреждений, никакого выбора должностных лиц, никакой конституции так и не появилось.

При Елизавете гвардия играла еще большую роль, чем раньше.

После «Манифеста о вольности дворянской» Петра III дворяне продолжали править, но могли уже не служить.

При Екатерине дворяне получили такие права, что крепостные фактически стали их полурабами, а дворяне стали властвовать, причем во всех губерниях.

Подкупленное правительством, живущее в тепличных условиях дворянство больше не искало способов ввести Конституцию. Массовых выступлений больше никогда не было[1]. И это тем удивительнее, что сами дворяне не раз создавали проекты освобождения крестьян.

Проект раскрепощения

Первый такой проект подал не кто иной, как обер-прокурор Сената Анисим Маслов в 1734 году. Еще до этого он написал несколько рапортов Анне Иоанновне и ее фавориту Бирону, обличая безделье и взяточничество высших чиновников. Его обязанностью было собирать многомиллионные недоимки, но он так рьяно обрисовал бедственное положение крестьян, что Маслову поручили организовать обсуждение нового закона в Сенате.

Проект Маслова 1734 года предписывал Сенату законодательно нормировать повинности крестьян. Сенат тянул, сколько можно, и дождался, пока Маслов умер. На проекте заготовленного им указа сохранилась помета секретаря императрицы «обождать». Разумеется, к этой идее не возвращались.

Весь XVIII в. в Петербурге ходила легенда, будто канцлер Михаил Воронцов, автор текста знаменитого Манифеста о вольности дворянской, советовал императору издать еще и Манифест о вольности крестьянской... И будто бы император проявлял интерес и даже как бы просил подготовить текст Манифеста... Иные договаривались даже до того, что не случайно гвардия «убрала» Петра III, ставшего опасным для дворянства. Характерно, что такой слух по Петербургу ходил. Видимо, дворяне понимали, что если им дана вольность, то могут дать ее и крестьянам.

Не прошло и 30 лет, как появился проект Конституции, подготовленный Никитой Паниным. Панин был одним из влиятельнейших людей Российской империи, воспитателем наследника престола Павла I. Вначале Панин оказался очень нуж-

[1] Ну, если не считать «массовым» восстание декабристов.

ным Екатерине, таким нужным, что будущая мужеубийца из кожи вон лезет, чтобы привлечь его на свою сторону. И Никита Панин, судя по всему, допускает ту же ошибку, что и «верховники» поколением раньше. Он решает поучаствовать в беззаконии, дворцовом перевороте против Петра III, для благого дела: для ограничения монархии и введения конституционного правления.

По проекту Панина, переворот должен произойти не в пользу Екатерины, а в пользу Павла, законного наследника престола. Екатерина – регентша до совершеннолетия Павла. И когда Павел I восходит на трон, его власть уже исходно ограничена «Правящим Сенатом». Название «слизано» у Петра I, но содержание совсем другое. Предполагалось, что часть членов Сената назначается пожизненно монархом, но большая часть избирается дворянством, хоть и тоже пожизненно. Екатерина сделала вид, что согласна, но никаких бумаг не подписала.

После переворота Екатерина сделала все возможное, чтобы самой утвердиться *на троне*, а вовсе не *возле трона* как регентша.

Декабрист М. Фонвизин описывал продолжение этой истории. Со слов своего отца, родного брата автора «Недоросля», он сообщал, что *«в 1773 или в 1774 году, когда цесаревич Павел достиг совершеннолетия и женился, граф Н. И. Панин, брат его, фельдмаршал П. И. Панин, княгиня Е. Р. Дашкова, князь В. Н. Репнин, кто-то из архиереев, чуть ли не митрополит Гавриил, многие из тогдашних вельмож вступили в заговор с целью свергнуть с престола царствующую без права Екатерину II и вместо нее возвести совершеннолетнего ее сына. Павел Петрович знал об этом, согласился принять предложенную Паниным конституцию, утвердил ее своею подписью и дал присягу в том, что воцарившись, не нарушит этого коренного государственного закона, ограничивающего самодержавие»*[1].

Сам конституционный проект был детально проработан (несравненно полнее «Кондиций»).

---

[1] *Фонвизин М. А.* Политическая жизнь в России // М. А. Фонвизин Библиотека декабристов. Вып. IV. 1907.

По словам Михаила Фонвизина *«под ним (Сенатом. – В. М.) в иерархической постепенности были бы дворянские собрания: губернские ли областные, и уездные... Сенат был бы облечен полною законодательною властью, а императорам оставалась бы исполнительная, с правом утверждать обсужденные и принятые Сенатом законы и обнародовать их»*.

В конституции упоминалось и о необходимости постепенного освобождения крестьян и дворовых людей. Введение или предисловие к этому акту начиналось так: *«Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют»*[1].

О конституционном проекте и об идее нового государственного переворота узнала Екатерина II – кто-то из заговорщиков предал. Юный Павел оробел, принес повинную, а царица, отдадим ей должное, не стала чинить кровавую расправу, а только «по-тихому» удалила от Павла заговорщиков. Впрочем, самой Екатерине II шум, показательный процесс над «предателями» и «нарушителями присяги» был очень уж некстати. Она и правда ведь правила беззаконно, и любой процесс показал бы это и всей России, и всей Европе.

Корпоративная демократия дворян

Екатерина II не могла управлять совершенно одна. Главное – она трезво это осознавала. Она хотела было создать постоянный Императорский совет вместо почти бездействующего Сената, но опасалась, что, как писал Ключевский, *«законом установленный Совет со временем поднимет до значения соправителя, слишком приблизит подданного к государю и может породить желание поделить с ним власть»*.

Осуществлять этот проект Екатерина не решилась, но с начала первой турецкой войны стала созывать преимущественно по военным делам Совет, который вскоре превратился в постоянный. Формально, на бумаге, такого совета не существовало, но на деле он действовал.

[1] *Фонвизин Д.И.* Собр. соч. Т. I, II. М.–Л., 1974.

Неизвестный художник XVIII в. «Парадный портрет Екатерины II».
Безуспешно пыталась учредить «сверху» некое подобие совещательного органа – предпарламента при российском престоле

Официально же Государственный совет открыл только ее внук Александр I по плану М. М. Сперанского 1 января 1810 года. Это был не только совещательный, но и законодательный орган.

Совет рассматривал любые новые законы по всем отраслям управления. Все проекты законов должны были утверждаться Государем и только после этого становились законами. В Государственный совет входили высшие чиновники. Получается, самодержавие ограничивалось не только удавкой, но и верхушкой бюрократии. Некое сочетание монархии, аристократии и корпоративной демократии. Аристократической корпоративной демократии.

Еще сильнее сочетание этих принципов видно в губерниях. В 1775 году Екатерина II начала Губернскую реформу. Вместо 20 обширных губерний, на которые делилась тогда Россия, теперь империя была разделена на 50. Губернии Екатерины – это территории в 300–400 тысяч жителей. Они подразделялись на уезды с населением в 20–30 тысяч человек.

Главным учреждением в системе администрации стало губернское правление с губернатором во главе. Это учреждение было исполнительным и полицейским. Весь личный состав назначался от короны, без всякого участия местного общества.

Но в Жалованной грамоте дворянству 21 апреля 1785 года дворянам даровались права каждые три года выбирать уездных и губернских предводителей дворянства, которые становились помощниками местной администрации. Каждые три года дворяне съезжались в губернский город и выбирали друг друга на разные должности в ходе увеселений и пиров, которые им устраивали губернский предводитель и губернатор. Оживление, каким отличались дворянские сословные учреждения, даже вызвало преувеличенное опасение у иностранцев: *«Два француза, путешествовавшие по России в начале 1790-х годов, наслушавшись этих речей, пророчили в своих записках, что "рано или поздно эти собрания непременно приведут к великой революции" »*[1].

Ничего похожего на Великую Французскую революцию не произошло. Дворяне не вернулись даже к проектам «затейки» верховников. Может быть, потому, что незачем им это было: они и так оставались самым привилегированным сословием.

---

[1] *Ключевский В. О.* Указ. соч.

В Жалованной грамоте дворянству окончательно были определены его права: дворянин пользуется недвижимым имуществом своим вместе с крестьянами на праве полной собственности, передает свое звание жене и детям, не лишается этого звания иначе как по суду за известные преступления, приговор о преступлении дворянина получает силу только с утверждения верховной власти. Дворянин свободен от личных податей, от рекрутской повинности и от телесных наказаний.

Такой вот особый народ внутри русского народа. С совершенно особым статусом и привилегиями. Сословная матрешка. Очень быстро глубочайшее социальное, экономическое разделение усугубилось разделением нравственным и даже культурным. Я писал об этом в первой книге «Мифов...», рассказывая о «двух разных народах», живших в России к середине XIX века и просто не понимавших толком друг друга, ибо они даже в быту говорили на разных языках.

Сословия жили по разным законам. Единых правил почти не существовало, члены разных сословий почти никогда не собирались для совершения общих дел. У них не было единых выборных органов власти.

Но высшее сословие России — уже с конца XVIII века жило в режиме самоуправления и демократии.

Самоуправление городов

В тот же день, 21 апреля 1785 года, была опубликована и Жалованная грамота городам.

По ней городское хозяйство и управление вели местные органы самоуправления – *городские думы.*

Города получали право иметь свои гербы и составлять свои уставы. Устав уездного города утверждался на уровне губернии, устав губернского – на уровне правительства Империи. Устав города определял правила приобретения собственности и пользования собственностью в городе, устанавливал местные налоги и формы их уплаты, определял число и полномочия выборных должностных лиц. Если угодно – местную городскую политику.

В XVIII веке известно до 20 разных уставов. К началу XX века их в Российской империи уже 1 820. Города Империи тоже жили в режиме самоуправления и корпоративной демократии.

Генеральные штаты Екатерины II

Екатерина II понимала, что России нужны новые законы: и Уложение 1649 года, и Указы Петра I невероятно устарели. Царица искренне хотела управлять, опираясь на как можно более широкие слои населения. 14 декабря 1766 года она издала Манифест о созыве депутатов в «Комиссию для сочинения проекта нового уложения».

Комиссия составлялась из представителей правительственных учреждений (Сената, Синода, коллегий и канцелярий) и из депутатов от различных категорий населения.

Система выборов в Комиссию была по-настоящему сложной. Одного депутата выбирал каждый город от домовладельцев, каждый уезд – от дворян – землевладельцев и каждая провинция – по депутату от однодворцев, от пахотных солдат, от государственных черносошных крестьян и из оседлых инородцев от каждого народа, крещеного или некрещеного. Примерно так, но с многочисленными уточнениями[1].

Всего депутатов было избрано 564.

В Комиссии не были представлены крепостные крестьяне. Больше всего было представлено депутатов от городов, хотя и многоты-

[1] Число депутатов от казаков предоставлено было определить их высшим командирам. Выборы уездные и городские были прямые, по провинциям – трехстепенные. Дворяне-землевладельцы уезда под председательством выбранного на два года дворянского предводителя, а горожане-домохозяева под председательством тоже на два года выбранного городского головы прямо избирали депутата в Комиссию. Только самые большие города могли избирать выборщиков по городским частям.

Однодворцы и другие свободные сельские обыватели упомянутых разрядов, «дом и землю в погосте (сельском приходе) имеющие», выбирали погостных поверенных, которые избирали поверенных уездных, а из их среды выбирался провинциальный депутат. Таким образом, в Комиссии представлены были центральные правительственные учреждения, некоторые сословия, инородческие племена.

В городах в выборах участвовали все домохозяева, лица всякого звания, т. е. городские выборы были всесословными. *(Прим. науч. ред.)*

сячная Москва, и уездный город Буй, в котором насчитывалось всего несколько сотен обывателей, послали по одному депутату. Городские жители не составляли и 5 % всего населения империи, зато в составе Комиссии городских депутатов было аж 39 %. Пропорциональное отношение представительства по классам выглядит так:[1]

Правительственные учреждения	5 %
Дворянство	30 %
Города	39 %
Сельские обыватели	14 %
Казаки, инородцы, остальные классы	12 %

564 депутата привезли с собой больше полутора тысяч наказов[2].

Для историков эти наказы – ценнейшие документы, потому что сразу видно, чем жили люди в том или другом уголке России. И наказы, и протоколы заседаний Комиссии показывают: нужны были настолько разные вещи, что ни о какой общей выработке законов для всей Империи не могло быть и речи. Например,

---

[1] Состав депутатов оказался невероятно пестрым. Над одним очень сложным делом – выработкой законов призваны были работать петербургские генералы и казанские черемисы, экономические крестьяне и купцы, православные священники и мусульмане. На одном из заседаний член Святейшего синода митрополит Новгородский и Великолуцкий Димитрий Сеченов сидел рядом с представителем некрещеных казанских чувашей Анюком Ишелиным, который плохо знал русский язык. (*Прим. науч. ред.*)

[2] При выборах прямых, городских и дворянских избиратели, выбрав депутата, составляли комиссию, которая три дня выслушивала от избирателей заявления об их нуждах, а потом в другие три дня сводила эти заявления в наказ. Эти наказы комиссия прочитывала избирателям и вручала депутату. При трехстепенных выборах провинциальных депутатов от сельских жителей погостовые или приходские избиратели составляли «всенижайшее челобитье» о своих нуждах. Специальный поверенный передавал наказы уездному поверенному, а тот – своему провинциальному депутату. (См.: *Исаев И. А.* История государства и права России. М., 2006.)

Каждый провинциальный депутат вез с собой в Комиссию столько челобитий или наказов, сколько было погостов с обывателями его разряда в представляемой им провинции. Крестьянский депутат Архангельской провинции, например, привез 195 погостовых наказов. Впрочем, чаще из погостовых челобитий составлялся сводный уездный и даже провинциальный наказ. Первый наказ, заслушанный Комиссией, был от черносошных крестьян Каргопольского уезда Белозерской провинции Новгородской губернии.

депутаты от самоедов заявили в Комиссии, что они вообще не нуждаются ни в каком законодательстве, лишь бы только правительство запретило русским поселенцам и начальникам притеснять их. А больше им, мол, ничего не нужно.

Екатерина относилась к работе комиссии крайне серьезно. Депутатам было назначено государево жалованье. Они получили больше привилегий, чем кто-либо еще в тогдашней России. Все депутаты находились под «собственным охранением» императрицы, на всю жизнь. В «какое бы прегрешение» не впали бы депутаты, они освобождались от смертной казни, пытки и телесного наказания. Их имущество подвергалось конфискации только за долги. За преступление против депутата полагалось наказание в двойном размере – так охранялась их личная безопасность. Кроме того, депутатам были даны для ношения особые значки. Дворянским депутатам по окончании дела их дозволялось вносить в свои гербы, «дабы потомки знать могли, какому великому делу они участниками были».

Но быстро выяснилось, что комиссия ничего путного сделать не может. Поняв, что в результате ее работы не получается никакого свода законов, только одни «дополнительные бюджетные расходы», Екатерина оставила мысль о «народном создании законов».

Из этого опыта можно сделать разные выводы... Самым важным из них будет, наверное, следующий: о распространении демократических принципов в России. Не только дворянство, но и свободные крестьяне и незнатные горожане превосходно умеют выбрать из своей среды гласных. Притом все представленные в Комиссии сословия очень настойчиво и единодушно заявляли, что хотят вести свои дела через выборных представителей.

Почему же не состоялась русская демократия?!

Приходится сделать второй вывод: Россия была слишком разной и слишком большой. Различия между ее жителями – национальные, территориальные, сословные – не позволяли достигнуть понимания даже в самом основном. Зная о Земских Соборах

Депутат отвечал перед обществом своих избирателей за своевременное представление их ходатайств в надлежащие учреждения. Он не мог противоречить этому наказу, и в случае личного несогласия с ним должен был сложить с себя полученные полномочия. (*Прим. науч. ред.*)

XVII века, Екатерина в Комиссии сделала попытку опять свести сословия для совместной деятельности.

И все же демократия в России была вполне возможна. Более того, она и существовала внутри сел, волостей, городов, сословий. Но для управления всей колоссальной и невероятно пестрой Россией был нужен некий высший арбитр, стоящий над всей этой пестротой. В те времена был нужен монарх или группа аристократов, осуществляющих верховное управление. В итоге вот что мы видим в России: сочетание монархии, аристократии, бюрократии с элементами представительной сословной демократии — низового, местного самоуправления.

В «пяти минутах» от Конституции

Очередной проект конституции подал выдающийся государственный деятель начала XIX века Михаил Сперанский, – вот пример, как замечательные способности получили достойную оценку.

Сперанский родился в 1772 году во Владимирской губернии в семье сельского священника. Слепой дед научил его читать. Учение проходило так: во время службы в церкви мальчик читал церковные книги, а его слепой дед-священник поправлял его по памяти, если он делал ошибку. Сперанский рано обратил на себя внимание своими способностями и, благодаря связям влиятельного вельможи, которому принадлежало его родное село, попал в семинарию при Александро-Невском монастыре в Петербурге. Там же по окончании курса он был определен учителем математики, физики, красноречия и философии. Одновременно Сперанский стал домашним секретарем князя Куракина и поселился в его доме.

При Александре I Сперанский перешел на службу в министерство внутренних дел.

Александр лично познакомился с ним в 1806 году, когда начальник Сперанского – князь Кочубей во время своих частых болезней начал посылать его с докладами вместо себя. Государь оценил выдающиеся способности молодого чиновника. В 1808

году Сперанский находился в свите государя во время его эрфуртского свидания с Наполеоном. Прекрасно зная французский, Сперанский легко общался с французскими генералами и политиками.

В. Тропинин. Портрет М. М. Сперанского. 1839 г.
Выдающийся либерал и реформатор правительства Александра I с возрастом в демократии разочаровался и стал весьма консервативен. Был отправлен в Сибирь генерал-губернатором. Закончил службу (и жизнь) председателем департамента законов Госсовета

Если верить одному из свидетельств, Александр спросил Сперанского о его впечатлениях от Франции и от французов...

– Законы у них лучше, Государь... – ответил Сперанский. – Но у нас лучше люди.

– Вот о том и надлежит нам говорить, чтобы законы у нас тоже стали хороши, – ответил император.

Осенью того же года император поручил ему проекты государственных преобразований. Нередко царь проводил с ним целые вечера в беседах и чтении сочинений, относящихся к этому предмету. Они готовились к широким демократическим преобразованиям.

Полностью предложения Сперанского не известны: сохранилось явно не все, многие документы известны в нескольких редакциях. Насколько мы знаем, главные черты преобразования должны были состоять в следующем:

1) Законодательное собрание (Государственная Дума).

2) Судебная реформа. Члены судебного сословия будут свободно выбираться народом, но надзор за соблюдением судебных форм и охранение общественной безопасности будут лежать на правительстве.

3) Исполнительная власть должна принадлежать правительству, но, чтобы оно не могло исказить закон, необходимо сделать правительство ответственным перед законодательным собранием.

Эти общие принципы были развиты и обоснованы во «Введении к уложению государственных законов», составленном Сперанским

к осени 1809 года. По его проекту, политические права принадлежат, при условии владения собственностью, дворянству и среднему состоянию. К последнему принадлежат все, владеющие недвижимостью. Низшее состояние, в котором числятся помещичьи крестьяне, мастеровые, их работники и домашние слуги, должны иметь общие гражданские права, но не иметь прав политических.

Переход из низшего класса в средний открыт всем, кто приобрел недвижимую собственность.

Будь проект реализован, Россия оказалась бы самым демократическим государством мира – ведь недвижимую собственность имели 90 % некрепостных крестьян и очень многие горожане. В Британии парламент тогда избирался по-прежнему 2 % жителей. В России опорой Государственной Думе стало бы абсолютное большинство населения.

Александр I предполагал осуществить этот план через совершение нескольких шагов: 1 января 1810 года открыть Государственный Совет; 1 мая манифестом назначить выбор депутатов в Государственную Думу и открыть ее 1 сентября. Из этого плана был реализован только проект Государственного Совета.

Большинство дворян были категорически против народного представительства: их власть мгновенно бы зашаталась. Идеологию дворянства блестяще выразил Карамзин в своей «Записке о древней и новой России»[1]. Главная мысль «Записки»: царь не имеет права ограничить свою власть, потому что Россия вручила его предку неограниченную монархию, и так должно быть во веки веков.

Многие обвиняли Сперанского чуть ли не в прямой измене: он широко пользовался «Кодексом Наполеона» и многое брал из тогдашних французских законов. К тому же, несмотря на состояние войны с Францией, Сперанский продолжал переписываться с французскими юристами.

В 1812 году Александр I вынужден был как-то отреагировать на многочисленные обвинения в сношениях его главного реформатора с неприятелем. Во время двухчасовой аудиенции он сказал Сперанскому, что ввиду приближения неприятеля к пределам империи, не имеет возможности проверить все взведенные

---

[1] *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. М., 1991.

на него обвинения. 17 марта 1812 года Сперанский был отправлен в ссылку в Нижний Новгород.

В письме государю из Нижнего он высказал свое глубокое убеждение, что составленный им план государственного преобразования – «первый и единственный источник всего, что случилось» с ним, и вместе с тем выражал надежду, что рано или поздно государь возвратится «к тем же основным идеям». Как и следовало ожидать, громадное большинство дворянского общества встретило падение Сперанского с ликованием.

Но не думайте – судьба реформатора «в опале» не сложилась трагически. Он становится губернатором в Пензе, с 1819 года назначен сибирским генерал-губернатором. Александр I в собственноручном письме писал, что этим назначением желает доказать, насколько несправедливо враги оклеветали Сперанского. С 1821 года Сперанский — опять член Государственного Совета.

В царствование Николая I его главным делом было составление «Полного Собрания» и «Свода Законов», обнародованных в 1833 году. С октября 1835 по апрель 1837 года Сперанский много раз вел беседы о законах и правлении государством с наследником престола, будущим Александром II.

Возведенный 1 января 1839 года в графское достоинство, Сперанский скончался 2 февраля того же года.

Напомню, сын сельского священника прожил жизнь крупнейшего чиновника и царедворца, видного сановника Российской империи и получил титул графа. Судьбы и Сперанского, и Маслова, и многих других исторических лиц Российской империи свидетельствуют: в ней было вполне возможно выдвижение людей из низов. В Британии гордились: сын сельского батрака стал знаменитым мореплавателем Джеймсом Куком! Демократия! Каждый батрак может стать адмиралом! У нас таких счастливых случаев можно насчитать тысячи...

Снова расставлю акценты: мы крайне далеки от идеализирования царской России. Но не стоит и преувеличивать косность и жестокость строя империи. Если с 1700 по 1900 год население выросло в 6 раз, то дворянство и слои, имевшие права личного дворянства, – в 40 раз. Новые дворяне имели простонародных предков, и часто совсем недавних.

У нас почему-то меньше говорят о карьере крепостного мужика Воронихина, построившего Казанский собор, великого русского флотоводца адмирала Макарова, чей отец выслужился в прапорщики из солдат, генерала Деникина, сына солдата и внука крепостного. Может быть, именно потому, что для нас такие карьерые взлеты были привычны и естественны?

Что же до отсутствия Конституции... Свод законов Российской империи открывался Сводом основных государственных законов – совокупностью основных правил устройства государства. Его первым разделом были «Основные государственные законы», вторым – «Учреждение об императорской фамилии».

Ряд актов царского правительства, принятых на разных этапах, носил характер государственных реформ и установления новых общегосударственных законов. Взять хотя бы освобождение крестьян от крепостной зависимости, судебные реформы, введение земских учреждений и многое другое. Отрицать конституционное значение подобного рода актов бессмысленно.

В Британии до сих пор нет единого текста конституции, а есть законодательные акты разного времени – в точности, как у нас были в Своде законов. Но никто не сомневается, что монархическая Британия и без конституции – глубоко демократическое государство. В Великобритании акты различного времени в совокупности представляются как неписаная Конституция этого государства.

Считать ли, что своими Основными законами Российская империя создавала конституционную основу развития России, – это во многом дело вкуса. А демократия... Она была и есть.

И еще одно... История Сперанского – очень яркий пример того, какова судьба 90 % реформаторов в России. Действительно, какой-то парадокс русской истории: со времен Ивана Грозного постоянно появляются проекты конституционного устройства. Постоянно возникают ситуации, что вот еще чуть-чуть... А чуть-чуть-то и не наступает. «Затейка» верховников. Конституция Панина. Воспитание Павла. Комиссия Екатерины. Проекты Сперанского. И все не реализовано.

Но у всех этих неудач есть причина, и совершенно не мистическая, лежащая не в глубинах «загадочной русской души» и «непостижимого российского менталитета». Все проще.

В громадной и очень неоднородной стране во главе верховной власти стоит монарх и аристократия либо олигархия. Для этих двух сил создать эффективную демократическую систему управления всем государством – значит поступиться своей собственной властью.

Иногда монарх даже и сам уже вроде не против этого... Власть ведь не только удовольствие (особенно когда тебе и так, по рождению, позволены все доступные удовольствия мира), но и тяжкое бремя. Кажется, вот все – монарх решился на либерализацию общественных отношений, а от личности монарха в России зависит очень многое... Но если даже Екатерина или Александр захотят Конституции, против преобразований восстанут аристократы. Им не нужна ни конституция, ни ограничение самодержавия. Они, как сталинская номенклатура, – будут стеной стоять за тиранию Сталина, ибо она обеспечивает им доступ к власти и собственности. Они, как брежневское Политбюро – будут делать все, чтобы Леонид Ильич правил до гробовой доски, даже вопреки своему желанию, ибо только статус кво обеспечивает им незыблемость кресел и отсутствие конкуренции.

Это тот случай, когда не свита играет монарха, а целый мощный, богатый, вооруженный социальный слой держит трон Лидера, но держит ровно до того момента, пока Лидер делает то, чего от него хочет *«коллективное самодержавие»*. Хочет брежневская номенклатура, хотят сталинские соколы-наркомы, хочет просвещенное екатерининское дворянство. И боже упаси пойти этому коллективному самодержавию наперекор. Тогда – апоплексический удар табакеркой в висок – не спасут ни гвардейцы охраны, ни ров с водой в центре столицы, ни разводные мосты замка-крепости.

И мало кто в истории пытается бороться с собственным окружением – для этого надо иметь одержимость Грозного, бешенную энергию Петра, ледяную жестокость Сталина или кадровый цинизм Ельцина. И все равно – встают новые элиты, и новые незримые оковы надеваются на руки каждого самодержца...

«Искусство править, – любила говорить Екатерина Великая, – это искусство давать своим поданным те приказы, которые они хотят получить». А вот никакой Конституции и ни-

какой демократии большинство русского дворянства никогда не хотело.

Но все равно на местах, подальше от центра, демократия все же жила, и даже развивалась.

А умные и активные все же прорывались к вершине общественной пирамиды.

Николай I «Палкин» и его «вертикаль власти»

О невеселых последствиях правления Николая I написано много. Начиная со Льва Толстого многие историки и писатели описывали Николая I в самых мрачных тонах. Получалось так, что раз он человек плохой, то и правление не удалось.

Но проблема гораздо сложнее. Судя по всему, Николай I был как раз душевно здоровым, не жестоким и не злым человеком.

«Император выглядит очень мужественно: он атлетически сложен, имеет рост шесть футов, у него римские черты лица и орлиный профиль. Царь хорошо держится в седле. Император придерживается строгого распорядка дня. Он встает рано и некоторое время уделяет докладу начальника генерального штаба, обсуждая с ним военные проблемы. После завтрака царь принимает министров, в час едет на смотр войск, затем в экипаже или пешком отправляется на прогулку с императрицей. В четыре обедает в кругу семьи, после чего принимает министров либо уединяется со своим личным секретарем и работает с документами до десяти часов вечера»[1].

Есть много примеров того, как Николай стремился вознаградить самых незначительных чиновников и солдат за верную службу, стремился к справедливости (в своем понимании этого слова, конечно), искренне заботился об устроении России. Покровительствовал Гоголю, Пушкину. Нередко проявлял неплохое чувство юмора и самоиронии при рассмотрении тех или иных текущих дел. А способность к самоиронии – всегда свойство хорошего ума. Потому я и подчеркивал в первой книге «Мифов о России», что пресловутая чрезмерная жестокость, тупость и необразованность Николая Павловича – ложь и постыдный миф.

---

[1] *Александер Дж.* Россия глазами иностранца. М., 2008.

Читатели «Комсомолки» поведали мне такую показательную историю. Как-то Николаю на утверждение попало дело некоего крестьянина, который в кабаке плюнул на портрет Императора. Мужику грозила каторга. Резолюция Николая:

1. мне тоже на него наплевать;

2. нечего вешать мои портреты в кабаках;

3. отпустить с Богом.

Может, и выдумка придворных пиарщиков, но что-то больно их много, таких «PR-выдумок» о Николае «Палкине». А дыма без огня не бывает.

Он был глубоко убежден в том, что России нужно любой ценой избежать ужасов революции и что управлять в ней можно только суровостью и строгостью.

Беда Николая в другом. Не в том, что «120 человек в Сибирь послал и пятерых повесил». Не в том, что, «верный союзническому долгу», помог Австрии подавить венгерское восстание 1848 года, заслужив прозвище «жандарма Европы». После чего наивно ждал от Австрии «ответной помощи» в Крымской войне. И не в том, что проявлял удивительную дипломатическую близорукость, не подав руки дружбы бедному лондонскому эмигранту Луи Наполеону, вскоре ставшему императором Франции Наполеоном III, когда последний так отчаянно умолял его о поддержке. Это, кстати, отдельная, и очень увлекательная история, во многом предопределившая крах николаевской России в Крымской войне.

Николаю I византийства его старшего брата как раз не хватало. Вот Александр в этом отношении был хитер безумно. Малоизвестный факт. Перед тем, как Наполеона выслали на остров Эльба в 1814 году, Александр I тайно предложил отрекшемуся от трона императору политическое убежище в России – как частному лицу. И даже направил графа Шувалова в Фонтенбло на переговоры.

Представляете ситуацию, если бы Наполеон принял его приглашение? Но тот вежливо отказался и предпочел ссылку на Эльбу.

А если бы согласился, то Александр получил бы мощный козырь. Зная непопулярность новых французских властей, он мог бы шантажировать всю Европу: плохо себя ведете? – вот отпущу Наполеона. Он вам покажет, мало не будет. А если ему еще и денег дам и казаков... (Ха-ха-ха).

Истинная ошибка Николая I – в безрассудном строительстве своей бюрократической «вертикали власти».

Вообще, для понимания того, почему неудачно в целом правление Николая I, бессмысленно выяснять, был он «плохим» или «хорошим». Герцен — тот вообще называл Николая I царем-фельдфебелем.

С одной стороны, были объективные успехи. Николай последовательно и довольно успешно проводил политику протекционизма отечественной промышленности и торговли.

Развивалась при нем сеть средних учебных заведений. Университетов строили мало, а вот гимназий много.

Он пытался навести порядок в госаппарате, как мог, боролся со взяточничеством, добивался ответственности чиновников за порученное им дело. Чего стоит только его указ 1848 года «О высылке из столицы чиновников, отставляемых за дурное поведение и нетрезвость».

В конце концов, окончательный выход ко всему Черноморскому побережью произошел при Николае I.

И человеком он, кстати, был храбрым. Малоизвестный эпизод: 14 декабря 1825 года на Сенатской площади вместе с Милорадовичем под выстрелы к декабристам поскакал и сам государь. Просто Милорадович прискакал первым, и был убит. Когда в сентябре 1830 года в Москве вспыхнула эпидемия холеры, государь лично обходил холерные бараки. На эту тему, правда, не написано никаких картин, как в случае с Наполеоном, единожды посетившим барак с чумными солдатами в Яффе.

Бесспорно, технические новшества при Николае I вводились слабо, крепостничество консервировало ситуацию. Последовательный изоляционизм царя проявлялся даже в мелочах.

Именно он приказал, начав железнодорожное строительство в России, расширить колею на тринадцать сантиметров. Сделано это было сознательно, чтобы не дать военным эшелонам ехать напрямую от Парижа и Берлина в Москву и Петербург. То, что это мешало торговле, создавая массу технологических трудностей, царя не волновало, важнее были военные задачи.

Кстати, между Москвой и Питером до сих пор не курсирует ни один экспрес «Николай I». А зря. И Николаевский вокзал в Москве до сих пор носит имя несуществующего города Ленинграда — словно нам отшибло историческую память.

Однако надо выделить главное, что несмотря на все локальные успехи определило общую неудачу его царствия.

Николай чрезвычайно усилил принцип бюрократии в ущерб всем остальным формам управления Россией.

Даже самые лучшие дела в период его правления, в т. ч. деятельность Комиссий по крестьянскому вопросу, вершились чисто бюрократическим путем, через собрания высших чиновников.

Аристократия? Николай дворянское самоуправление тоже последовательно ограничивал, еще последовательнее наступал на наследственные права дворян. Ему была крайне неприятна всякая независимость людей от монаршей воли.

Представительная демократия? Николаю и в голову не приходило собрать даже самое незначительное собрание по типу Уложенной комиссии своей бабки Екатерины.

Бюрократия при Николае постоянно наступала и на местное самоуправление, и на корпоративное самоуправление дворян и городов. В результате получилось то, что и должно было: лишенный прав действовать, исчезал класс людей самостоятельных, убежденных, активных. На смену им приходили чиновники: послушные, изредка, по воле случая – честные как Аракчеев, и эффективные – как Бенкендорф, но, как правило, – посредственности, равнодушные и ни за что не отвечающие. Как в «Ревизоре».

Это касается и снабжения армии в ходе Крымской войны. Широко известно, в каких невероятных масштабах воровали интенданты и поставщики. На поставках в русскую армию в эти годы делались состояния[1].

А чему удивляться? Всеми вопросами организации и снабжения армии заведовали чиновники, то есть люди, которые считали не свои деньги, и даже не общественные, а государственные. Деньги в принципе чужие, и к тому же настолько большие, что велик был соблазн прикарманить их под шумок артиллерийской канонады.

[1] В России помнят имя Генриха Шлимана. Происходил он из бедняков, в детстве служил разносчиком в лавке. В лавку часто заходил совершенно спившийся тип, из лучших времен помнивший наизусть стихи Гомера, знаменитую «Илиаду». Мальчик просил его читать наизусть и даже покупал ему водку – лишь бы послушать. Генрих Шлиман с тех пор мечтал найти Трою, описанную в «Илиаде» Гомера. Целеустремленный юноша не только выучил несколько язы-

Это целовальник XVII века распоряжался деньгами «обчества». Это подрядчик-предприниматель вкладывал СВОИ деньги. Это дворянину грозило бесчестие и изгнание из своего сословия, если он позволял себе украсть из кассы «дворянского собрания».

Чиновники же делали то, что творили во все времена и при всех социально-экономических формациях: пока в должности – наживались на порученных им делах. Такая вот «вертикаль власти». Если бы история чему-нибудь учила...

Но говоря о строителях властных вертикалей, имеет смысл обратиться не только к российской, но и европейской истории.

Одним из известных сторонников идеи «вертикали власти» – наравне с нашим Николаем I был и Наполеон Бонапарт, который полностью искоренил все местное самоуправление на подвластной ему территории. Во-первых, как мы знаем, Франция была разделена на департаменты (аналог русских губерний). Их префекты просто напрямую назначались. Все выборные должности были упразднены, все местное самоуправление – полностью уничтожено, депутаты и собрания всех уровней – распущены. Даже суд присяжных также был упразднен (во Франции он при монархии, что удивительно, действовал). Теперь же «французский суд, самый гуманный суд в мире» пошел прямиком по административно-советскому пути.

Ну, и конечно, была создана глобальная полицейская система. Известный министр полиции Фуше, с помощью созданной им не

ков, в том числе и древнегреческий, он смог накопить огромное состояние и тратил его на ведение раскопок. Генрих Шлиман сумел осуществить мечту своей юности и в конце концов нашел Трою Гомера, доказав подлинность «Илиады»...

Такова легенда. Не буду сейчас говорить о том, что ученые очень сильно сомневаются, Трою ли нашел Шлиман или принял за нее совершенно другой древний город. Что и неудивительно – специального образования у него не было, в наше время никто не позволил бы ему вести раскопки. Для этой книги интереснее другое... Свое богатство Генрих Шлиман сколотил на поставках в русскую армию времен Крымской войны. Шлиман поставлял в действующую армию сапоги с картонными подметками и тухлую солонину, но средства для раскопок у него в результате появились. Об этом источнике богатств Шлимана в наше время считается неловким упоминать. А собственно говоря, почему? *(Прим. науч. ред.)*

только внутрифранцузской, но и общеевропейской агентурной сети, знал все, всегда и про всех. Гораздо меньше известно, что существовало министерство внутри министерства – было создано специальное подразделение, которое должно было шпионить за Фуше и докладывать обо всем подозрительном непосредственно Бонапарту. Однако, понимая, что Фуше является опасным партнером и вполне может узнать, что за ним ведется слежка, Наполеон создал и третью полицию. Такая получилась французская матрешка. Специальное подразделение сверхсекретных агентов, которые шпионили за теми агентами, которые шпионили за Фуше, и следили за тем, чтобы министр их не подкупил.

Но вот с Наполеоном покончили. 1814 год. Реставрация. Во Франции действует избирательное право, восстановлено местное самоуправление. При этом правом голосовать, т. е. активным избирательным правом, пользуются 100 тысяч человек. Это приблизительно около 3 процентов населения. Я думаю, меньше, чем в России времен Земского собора.

Земская демократия

Александр II обрушил на общество такое изобилие реформ, что неизбежны стали перекосы общественного развития. Это и судебная реформа, вводившая суд присяжных, и реформа армии, заменявшая рекрутов системой призыва, и городская реформа.

Но самой значительной и важной из них стала земская реформа.

В соответствии с «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 года в уездах и губерниях вводились выборные органы местного самоуправления – земства. Губернские и уездные управы действовали в 34, а к 1914 году – в 43 (из 60) губерниях.

Земская реформа. Даже само слово очень «историческое» – оно прямо восходит к представлениям о Земле, существовавшим еще в Древней Руси.

Созданные в 1864 году земские учреждения, органы местного самоуправления, как бы локальные мини-парламенты, состояли

из представителей всех сословий, но избирательное право обусловливалось имущественным цензом.

Создавались также исполнительные органы – губернские и уездные земские управы.

Земские учреждения имели собственные земские капиталы.

Из местных налогов, которыми распоряжались земства, создавались страховые капиталы от огня, наводнений и других несчастий, кредитные учреждения для поддержки мелких предпринимателей[1].

Вводились земства постепенно и не во всех районах империи. Министерство внутренних дел и губернаторы имели право отмены постановлений земств. Сфера деятельности и права земских собраний постоянно урезались правительством.

И несмотря на все это, земства сыграли исключительную роль в хозяйственном подъеме России начала XX века, а также в культурном развитии народа. В ведении земств находились просвещение, медицина, частично – общественная безопасность, пожарные и т. д. Статус земского врача и учителя был так высок, что память об этом дожила до нашего времени.

В самом конце XIX века, уже при Николае II, возникло «Земское движение». Его сторонники объединялись в нелегальные организации и требовали предоставления политических прав земствам, введения самоуправления на уровне волостей, конституции, проведения демократических преобразований[2].

---

[1] В 1865 г. земствам разрешили даже учреждать наряду с государственной и земскую почту со своими правилами и таксами. Одновременно им предоставили право иметь и свои почтовые марки, но с тем непременным условием, чтобы марки эти по своему рисунку не имели ничего общего с марками государственной почты. *(Прим. науч. ред.)*

[2] 17 января 1895 г. император Николай II принял представителей земств и городов, чтобы выяснить их настроения. Царь и земства остались друг другом недовольны.

8 июня 1903 г. состоялся I съезд «земцев-конституционалистов» в Москве. Это движение подготовило создание партий октябристов и кадетов 23 июня 1905 г. и 18 октября 1905 г. *(Прим. науч. ред.)*

Но лишь Временное правительство в июне–августе 1917 года ввело, наконец, земства на всей территории России.

Манифест 17 октября

17 октября 1905 года, во время революции 1905 года, провозглашается «Манифест об усовершенствовании государственного порядка», провозгласивший: дарование свободы совести, слова, собраний и союзов, привлечение к выборам широких слоев населения, обязательный порядок утверждения Государственной Думой всех издаваемых законов.

В стране возникают и легализуются многочисленные политические партии, в своих программах формулирующие требования и пути политического преобразования строя: РСДРП, социалистов-революционеров (эсеров), Радикальная партия, Партия свободомыслящих, Конституционных демократов, Умеренно-прогрессистская, Торгово-промышленный союз, Союз 17 октября, Партия правопорядка, Монархистов-конституционалистов, Союз русского народа, Союз Михаила архангела и другие.

Этот исторический флаг Союза русского народа бережно хранится в семье Ильи Глазунова

Казалось бы, Россия стремительно движется к парламентской монархии по типу Британии, Голландии или Швеции. В действительности деятельность партий имела очень противоречивые последствия. А. И. Солженицын полагает даже, что России вообще не свойственна парламентская партийная система. По Солженицыну, для России гораздо более уместна беспартийная демократия с опорой не на программу, а на личность избираемого кандидата.

В любом случае, Манифест позволил русскому обществу широко участвовать в политической жизни. И общество оказалось на это вполне способным.

Государственная Дума

Учреждение I Государственной Думы было прямым следствием Революции 1905 года. Николай II под давлением либерального крыла правительства, преимущественно в лице премьер-министра С. Ю. Витте, решил не накалять обстановку в России, издав Манифест о Государственной Думе: *«Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включая для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, коему предоставляется разработка и обсуждение государственных доходов и расходов».*

Уже 11 октября 1905 года издается указ «Об изменении положения о выборах в Государственную Думу», которым практически все мужское население страны в возрасте старше 25 лет, кроме солдат, студентов, подённых рабочих и части кочевников, получило избирательные права. Право выбора не было прямым и оставалось неравным для избирателей разных категорий.

Лишены избирательных прав были военнослужащие на действительной службе, учащиеся в учебных заведениях, лица до 25-летнего возраста и женщины.

Таврический дворец.
Место работы первых четырех Государственных Дум России и первого и последнего Учредительного собрания. Каждому, кто побывает в зале для пленарного заседания в этом дворце, а потом – в нынешнем думском зале-коробочке без окон на Охотном Ряду в Москве, сразу станет ясно, где ощущается больше света, воздуха и духа свободы

Современного человека может возмущать такая недемократическая система выборов. Но она была, по крайней мере, ничем не хуже избирательной системы в Британии и даже в США. По крайней мере, плутократии в России было заметно меньше. В числе депутатов часто оказывались люди очень небогатые.

Бюрократия, аристократия, монархия и непосредственная демократия на местах были дополнены парламентской демократией, – и опять же народ оказался к этому вполне подготовленным.

Временное правительство

> Если бы нашелся безумец, который в настоящее время одним знаком пера осуществил бы политические свободы России, то завтра же в Петербурге заседал бы совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования ввергнул бы Россию в геенну огненную.
>
> Петр Столыпин, 1910 год (!)

В эпоху Временного правительства Россия оказывается самым демократическим государством в мире. Добром это, к сожалению, не кончилось.

22 марта 1917 года принимается постановление «Об отмене вероисповедных и национальных ограничений». Временное правительство объявляло о том, что оно исходит из незыблемого убеждения, что в свободной стране все граждане должны быть равными перед законом. Поэтому все установленные действующими узаконениями ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности, отменяются.

Постановление от 14 июля 1917 года «О свободе совести» объявляет, что каждому гражданину Российского государства обеспечивается свобода пользования гражданскими и политическими правами, которое не зависит от вероисповедания. Никто не может быть преследуем и ограничиваем в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры.

12 апреля 1917 года Временное правительство принимает постановление «О собраниях и союзах». Оно объявляло, что все без исключения российские граждане имеют право без особого на то разрешения образовывать общества и союзы в целях, не противных уголовным законам. Таким образом, отменяются любые ограничения на создание общественных объединений. Это были прогрессивные решения не только для своего времени.

Даже сегодня, спустя почти 100 лет, современное законодательство Российской Федерации о создании политических партий, общественных организаций и НКО (некоммерческих объединений) – намного строже и менее либерально.

1 сентября 1917 года Временное правительство своим Манифестом объявляет, что «государственный порядок, которым управляется Российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает Российскую республику».

Таким образом, именно с 1 сентября 1917 года Россия обрела республиканскую форму правления.

Затем было утверждено Положение о выборах в Учредительное собрание. *Впервые не только в российской, но и в мировой истории* избирательное право было предоставлено как мужчинам, так и женщинам по достижении ими 20-летнего возраста, а также военнослужащим. Права участия в выборах лишались только лица, осужденные за ряд уголовных преступлений, дезертиры, а также члены царствовавшего дома (то есть весь род Романовых).

Временное правительство провозгласило настолько широкие права личности, дало пассивные и активные избирательные права такому количеству людей, что Россия с марта по октябрь 1917 года стала самым демократическим государством мира. Но будем откровенны: выборы – вообще не самый эффективный институт формирования институтов власти.

Выборы в Учредительное собрание, в советы всех уровней, проводившиеся без цензов и ограничений – совершенно не соответствовали уровню развития российского общества.

О каком осознанном и ответственном выборе пути развития Государства Российского можно было говорить в стране, где 70 % избирателей были неграмотны? Они и налоги-то платили не индивидуально, а общинами, по сословиям, причем каждое такое сословие имело собственную мораль, зачастую не совпадающую с законами государства.

Существовавший при «проклятом царизме» принцип квот и цензов – образовательных, имущественных и так далее – хотя бы служил определенным фильтром, не дававшим попадать во власть СЛИШКОМ большому количеству преступников, люмпенов и закомплексованных негодяев.

Что ж, как всегда, демократия, не обеспеченная ответственностью избирателя, мгновенно обратилась охлократией.

Это и стало одной из причин успеха Октябрьского переворота.

Учредительное собрание

«Революция — не игра в бирюльки».
В. И. Ленин

Считается, что нынешняя Государственная Дума – наследница той, что возникла по царскому манифесту во время общероссийского кризиса 1905 года. Это не совсем так.

Наша Государственная Дума – скорее преемница другого представительного учреждения.

А именно Всероссийского Учредительного собрания.

Его созыв был провозглашен важнейшей задачей Временного правительства в декларации от 2 марта 1917 года. Цель – принятие Конституции.

Малоизвестный факт: оружие красногвардейцам было выдано в августе-сентябре 1917 года распоряжением Керенского, который полагал, что таким образом они будут защищать его от мятежных военных, в первую очередь – Корнилова. Этим же оружием они потом свергли Временное правительство. И разогнали «учредилку».

Выборы, повторю, проводились всеобщие, прямые и тайные, пропорциональные (!) по партийным спискам. Это были первые в истории всенародные выборы, масштаба которых мировая практика еще не знала.

Общий список избранных членов Учредительного собрания включал 707 человек.

Выборы в Учредительное собрание состоялись в различных избирательных округах 12–14 и в последующие дни ноября, а также в декабре 1917 г. и даже в начале января 1918 г. В выборах участвовала почти половина избирателей. 40–44 % (до 59 % вместе с близкими к ним украинскими и мусуль-

манскими социалистами) голосов получили эсеры, 22–24 % – большевики, 13–17 % – несоциалистические демократические партии (примерно 5 % кадеты), 2–3 % – меньшевики и до 1 % – народные социалисты (энесы). В общем списке избранных членов Учредительного собрания было 370 эсеров, 175 большевиков, 86 представителей национальных групп, 40 левых эсеров, 17 кадетов, 16 меньшевиков, 2 энеса и 1 неизвестной партийности. В масштабах страны наибольшее число избирателей – прежде всего крестьян в деревнях – продолжало считать эсеров своей партией. Значительное большинство избирателей поддержало тех, кто осудил и признал Октябрьский переворот незаконным.

Здесь необходимо небольшое отступление. Как я выше уже отмечал, В. В. Жириновский оказался внимательным читателем этой книги. Он прислал мне ряд дополнительных материалов, в т. ч. свое весьма любопытное выступление на открытии выставки в Историческом музее «12 часов 40 минут демократии в России». С сокращениями привожу его текст.

«Нам приятно увидеть на этой выставке реальные исторические документы, которые нам сегодня, 90 лет спустя, подтверждают, что была историческая возможность у нас пойти 90 лет назад нормальным демократическим путем. Ведь мы тогда уже опередили Европу, мы уже предоставили избирательные права женщинам. В 1917 году ни в одной европейской стране не было такого широкого представительства. Всем национальным общинам той России тоже были предоставлены избирательные права. И не просто избирательные права, а у них были собственные списки. И впервые мы в России применили самую современную избирательную технологию – голосование по партийным спискам. Европа еще не дошла до этого...

12 ноября состоялись выборы в 1917 году, уже после незаконного захвата власти силовыми методами большевиков. Но и они, захватив власть, в Декрете, принятом 2-м Съездом, написали: "Вплоть до созыва учредительного собрания". И население России избрало 700 депутатов только по партийным спискам. Это было большое количество партий – около 10. И самая большая, крупная партия, кадеты, конституционно-демократическая, и эсэры левые и правые, большевики и меньшевики, и представители других партий, социал-революционеры и кто-то еще, то есть около 10 партий. И 40 %, большинство, получили правые эсэры.

Это было реальное отражение ситуации в стране. И не было никакого телевидения, и радио еще было слабым. Только печатная продукция. И вся страна была завешена плакатами любых партий. И там были нормальные призывы, обращенные ко всем профессиям, ко всем слоям общества. И это были условия войны. Мы еще участвовали в Первой мировой войне, Российское Государство, и избрали демократический парламент»...

Всероссийское Учредительное собрание открылось 5 января 1918 года в Петрограде в Таврическом дворце. Его председателем стал эсер В. М. Чернов.

По вопросу о государственном строе собрание приняло постановление, в котором от имени народов нашего государства говорилось: ***«Государство Российское провозглашается Российской Демократической Федеративной Республикой, объединяющей в неразрывном союзе народы и области, в установленных федеральной Конституцией пределах, суверенные»***. Собрание успело принять Декларацию в пользу всеобщего демократического мира и основные десять пунктов Закона о земле, который передал землю в народное достояние без выкупа и был близок к Декрету о земле.

Фактически Учредительное собрание просуществовало 12 часов 40 минут. Именно столько было отпущено в первый раз демократии в России. Ну, такой демократии, как мы понимаем ее сегодня. Она кончилась, когда матрос Железняк сказал бессмертную фразу, обращаясь к «заработавшимся» депутатам: ***«Караул устал»***.

22-летний начальник караула Таврического дворца анархист Железняков не проявил инициативу, а всего лишь выполнил партийное задание: только что 6 января Совнарком принял решение о роспуске Учредительного собрания.

В короткой жизни «матроса Железняка» слова «побег» и «амнистия» были ключевыми. Он работал кочегаром на торговом флоте, а когда его призвали на Балтийский флот, то не отслужил и года. Дезертировал и вплоть до Февральской революции ходил на торговых судах по Черному морю под вымышленной фамилией. Тут – амнистия дезертирам, и анархист Железняков оказался в Кронштадте. За убийство военных казаков летом 17-го приговорен к 14 годам каторги, но бежал из тюрьмы. После Октябрьского

переворота – с большевиками. Вошел в историю сольным выступлением с трибуны Учредительного собрания, но политической карьеры не сделал, поскольку рассорился с другим знатным революционером Подвойским, и в который раз объявлен вне закона. На этот раз самими большевиками. Опять бежал из-под расстрела и с помощью левых эсеров скрылся в Тамбове. Опять попал под амнистию, но повоевать в рядах РККА не успел — был направлен на подпольную работу в Одессу. Вот тут Железняк оказался в своей стихий: подружился с Котовским и вместе с его бандой участвовал в грабежах и налетах на банки. Погиб в 1919-м, что безусловно спасло его от 37-го. Иосиф Виссарионыч амнистий не давал никому.

Какова судьба первого 100 % демократически избранного законодательного органа России?

Практически все его депутаты были уничтожены.

Разгон Учредительного собрания начался с расстрела мирной демонстрации интеллигенции, служащих, студентов, гимназистов, солдат и рабочих в поддержку собрания в Петрограде 5 января 1918 года. *«На углу Фурштадтской процессия встретила вооруженную засаду красногвардейцев, которые, взяв ружья наперевес, предложили разойтись, угрожая расстрелом и осыпая манифестантов площадной бранью. Во главе красногвардейцев находился какой-то солдат и мальчик лет 18-ти. Попытки солдат, шедших с манифестацией, убедить красногвардейцев в недопустимости расстрела безоружных ни к чему не привели. Без предупреждения красногвардейцы открыли частый огонь. Процессия полегла. Стрельба продолжалась по лежащим...*

В это время началась перекрестная стрельба пачками с разных улиц. Литейный проспект от угла Фурштадтской до угла Пантелеймоновской наполнился дымом. Стреляли разрывными пулями в упор, прикладывая штыки к груди. ...Со всех сторон подходящие колонны подвергаются перекрестному огню... Взад и вперед носят носилки, мелькают повозки Красного Креста. Тут же, из-за чего-то поссорившись, стреляют друг в друга красногвардейцы. Процессии рассеиваются, оставляя раненых и убитых»[1].

---

[1] Дело народа. 6 января 1918 г. Цит. по: *Суханов Н. Н.* Записки о революции. М., 1992.

Ровно за полгода до этого, июле 1917 года, стрельба в Питере уже велась. Тогда большевики вывели вооруженную демонстрацию – и тоже под лозунгами за демократию. Правда, они требовали передать всю власть Советам. Но в июле захватить власть духу у них не хватило. А Временное правительство не решилось на эффективное подавление мятежа. Немного постреляв поверх голов, солдаты ушли в казармы, лидеры большевиков – в подполье, а правительство отложило выборы в Учредительное собрание на ноябрь. Тем самым подписав себе смертный приговор.

Большевики ошибок Керенского не повторяли. В бирюльки они не игрались. Часть депутатов Учредительного собрания погибла во время развернувшегося в стране большевистского террора; в ту же ночь в Мариинской больнице были убиты кадеты Ф. Ф. Кокошкин и А. И. Шингарев. Часть – во время Гражданской войны, одной из причин которой и стал разгон высшего законодательного органа. Наконец, те 20–24 % большевиков, что вошли в состав Учредительного собрания, были уничтожены во время большого сталинского террора. Остались карандашные зарисовки большевистских вождей, участвовавших в заседании Учредительного собрания в ту историческую ночь: В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева, Ф. Э. Дзержинского, М. С. Урицкого...

«6 января партия Ленина при поддержке левых эсеров разогнала Всероссийское Учредительное собрание, непосредственного предшественника Федерального собрания Российской Федерации, – писал заместитель директора Института российской истории РАН Владимир Лавров. – Партия Ленина совершила антидемократический государственный переворот»[1].

Выводы

В Российской империи народное самоуправление существовало всегда. И общинное, и корпоративное.

Существовал представительный орган власти – Земский собор, для своего времени даже более демократичный и обладавший не меньшими полномочиями, чем представительные органы Англии

[1] Политический журнал. – 2008. – № 1.

и Франции. Власти неоднократно пытались «сверху» ввести более широкое народное представительство даже на уровне верховного государственного управления. Но всякий раз мешала придворная камарилья, аристократия у трона.

Тем не менее политический строй России никогда не представлял собой абсолютного господства монархии, как изучали мы по школьным учебникам. Это было сложное сочетание демократии, бюрократии, монархии и аристократии. Значение каждого из этих принципов могло быть разным в разные эпохи, но в целом элементы самоуправления и демократии были всегда. Россияне всех сословий предпочитали самоуправление бюрократии.

Работа земских учреждений доказала, что самоуправление на местах укоренилось довольно прочно. И способно развиваться. На уровне отдельных губерний и городов земские учреждения фактически становились местными парламентами.

Работа Государственной Думы всех четырех созывов подтвердила, что Россия вполне готова к парламентаризму.

Возможно, проблема России в том, что демократия в ней оказалась даже слишком развита. Выражусь точнее – демократическая форма обогнала общественное содержание, обогнала готовность общества в тот момент самоуправляться не в пределах земства и города, а во всей необъятной державе. Что и стало одной из причин постепенного сползания России в большевистское безумие.

Глава 5

Демократия в СССР

> Когда я вижу эту новую жизнь, эти сдвиги, мне не хочется улыбаться, мне хочется молиться!
>
> И. Ильф, Е. Петров
> *«Двенадцать стульев»*

Возможно ли?!

У современного российского школьника, студента СССР чаще всего ассоциируется с «империей зла». С ужасной тиранией, в которой не было и не могло быть демократии и прав человека.

Старшее поколение не согласно с этим мнением. Просто потому, что еще помнит Советский Союз. В СССР действительно не сложилось демократии в западном смысле этого слова: права избираться и быть избранным в органы власти, права гласно выражать свое мнение в печати, права не соглашаться с решениями власти и не участвовать в ее политике.

Не будем впадать в ностальгический самообман – ничего этого в СССР реально НЕ СУЩЕСТВОВАЛО.

Все права граждан, провозглашенные в конституциях, от Конституции 1924 до Конституции 1977 года, оставались на бумаге, и с бумажкой этой никто не считался. Реально правили даже не Советы разного уровня, а Коммунистическая партия, КПСС. На мой частный взгляд, Советская власть в чистом варианте просуществовала в России меньше недели. Дело в том, что захватывая Зимний и арестовывая Временное правительство, Ленин и Троцкий действовали не от имени партии большевиков. На самом деле Октябрьский переворот инициировал полулегитимный проходивший тогда в Петрограде Съезд Советов.

Это была своего рода «вторая власть», которая не контролировала армию, госаппарат и финансы, но имела собственные официальные военные формирования – Красную гвардию, располагала влиянием в ряде воинских частей – и чем дальше от фронта и боевых действий, тем, собственно, большим влиянием. По сути она контролировала часть Балтийского флота и гарнизон крепости Кронштадт, который представлял собой этакий общефлотский дисбат, куда ссылали самую недисциплинированную матросню со всех флотов Российской империи.

Но самое главное – самопровозглашенные Советы были напористы, энергичны и не стеснялись молниеносно переходить от слов к делу, чего так недоставало либеральным политикам того времени. Ну так вот, свергнув Временное правительство от лица «2-й власти» – Советов, Ленин объявил об этом на Съезде в ту же ночь – с 7 на 8 ноября (н. ст.), провозгласил знаменитые Декреты и призвал Советы по всей стране брать власть в свои руки по аналогичной схеме, устанавливая наконец в России таким образом властное единоначалие.

Дальше – самое интересное. Большевиков даже на этом съезде – меньшинство. Но именно они жестко контролируют вооруженные отряды гвардейцев, мосты, телеграфы, вокзалы, правительственные учреждения. Понятно, что съезд Советов – это неорганизованная и в целом необразованная толпа (649 делегатов), этакий полуСобор, в формировании которого, правда, совершенно не принимали участия «верхние слои общества». Власть народа, одним словом. Но толпа неработоспособна, поэтому встает вопрос о формировании постоянно действующего органа Съезда – ВЦИК (Всероссийского центрального исполнительного комитета, именно с этой поры слово «исполком» намертво вживается в политический лексикон России: исполком Интернационала, горисполком, ЦИК «Единой России» и т. д. – ибо всегда принципиально важно не просто кто и как *принимает* решение. Главное – кто и как будет его *исполнять*). На этом этапе часть делегатов — эсеров, меньшевиков покинула съезд в знак протеста, поэтому у Ленина и левых эсеров образуется большинство. ВЦИК еще включает представителей нескольких партий (скажем, среди его членов – 29 левых эсеров) , поэтому тут же, 9 ноября, со-

здается еще одно, настоящее Правительство – Совет народных комиссаров. Именно Совнарком и становится на ближайшие годы истинным центром принятия и исполнения всех властных полномочий. Почувствуйте, какая тонкая игра слов – опять Совет, опять вроде – народ... Но разница – колоссальна.

Разница с ВЦИК (полуправительством) и тем более со Съездом (полуСобором – полупарламентом) в том, что СНК – изначально однопартиен, состоит только из большевиков, ближайших соратников Ленина. «Слабак и размазня» Каменев, будучи первым главой ВЦИК (полуПрезидентом) только заикнулся о формировании коалиционного с эсерами правительства, как тут же был размазан Лениным и заменен на самого молодого в руководстве большевиков, преданного и, видимо, всем обязанного Ленину, «менеджера» Якова Мойшевича Свердлова. Между Лениным (47) и Свердловым (32) явно была какая-то «химия», именно ему с той поры доверяет Ильич вести заседания Совнаркома в свое отсутствие.

Итак, Советская власть прожила де-факто в стране несколько дней, а де-юре – до подписания Брестского мира и выхода из состава СНК последних левых эсеров. Затем была установлена однопартийная диктатура большевиков.

Точнее, их руководства. Партия это не отрицала: с каждым из ее съездов мы удовлетворенно приходили к выводу, что «руководящая роль партии» в обществе возрастает.

Для молодых читателей, кто не помнит, как во времена «развитого социализма» осуществлялась Советская власть (т. е. власть выборных Советов) на местах, рассказываю классическую схему «народного советского самоуправления» уровня, скажем, района. Итак, заседание некоего районного Совета (например Н-ского района Н-ской области РСФСР, численность жителей условно 100 000 человек) назначается на понедельник в 14.00.

Все депутаты райсовета работают на общественных началах, но, естественно, на сессию райсовета по сложившейся традиции их отпускают с предприятий на весь день, благо сессии случаются не часто, несколько раз в году.

Райсовет, который должен рассмотреть некие важные вопросы жизни района, обычно собирается в актовом зале здания

райисполкома (избираемого Советом на несколько лет исполнительного органа районной власти, по-нашему – администрации района). В этом же скромном административном здании обычно еще находится райком партии и райком комсомола, на соседних этажах, что удобно с точки зрения взаимодействия и экономии. Поэтому, кстати, зал заседаний на все три организации – один. Экономно.

В 10.00 утра того же дня в том же зале собирается конференция районной партийной организации. В президиуме, в центре – первый секретарь райкома, его замы, председатель райисполкома (он всегда член бюро райкома партии «по должности», как председатель райсовета – также обычно член бюро райкома). В зале – делегаты конференции.

Теперь главное. Среди делегатов конференции уже находится $^2/_3$ участников будущего (через 4 ч) заседания районного Совета. Почему? А как же: партия руководит и направляет, поэтому в любом Совете любого уровня «конституционное большинство» – за членами КПСС.

Удобно, когда заседания идут одно за другим. Предприятие отпустило ценного работника только на день: он до обеда «отработал» на партконференции, после обеда – на заседании Совета.

Начало представления. Первый секретарь райкома, достав на трибуне бумажку, информирует делегатов конференции, что «бюро райкома партии накануне рассмотрело... проработало... и руководствуясь... предлагает конференции принять следующие решения...»

Далее следуют подготовленные выступления делегатов и короткая дискуссия (если позволяет характер первого секретаря и хватает времени на обед, а также есть в наличии желающие «критически обсудить вопрос»). Делегаты конференции голосуют. Антракт.

В 14.00 – второе действие спланированного спектакля. Зал тот же. Публика немного меняется. Часть делегатов партконференции, кто не депутат, отправились по своим частным делам, но костяк сидит. К нему добавилась $^1/_3$ новеньких – это те из районных депутатов, кто беспартийные и комсомольцы. В президиуме те же самые лица, но первый секретарь райкома и председатель райсовета поменялись местами. На трибуну выходит председа-

тель райсовета (или райисполкома, это вмешательство «исполнительной власти в законодательную» никого не смущает, тем более что нередко – это вообще одно лицо) и зачитывает по бумажке тот же самый текст:

«На состоявшемся вчера... рассмотрели, обсудили, проработали»... Далее идет новелла: «Прошедшая накануне партийная конференция района также рассмотрела... и руководствуясь... решила...»

Все согласно кивают. Далее можете продолжить сами...

Предположить, что партконференция (делегаты – ну, почти рядовые члены партии, по крайней мере не получающие напрямую материального вознаграждения) не поддержит полностью и безоговорочно предложения бюро горкома, то есть профессионального аппарата, еще теоретически можно. Говорят, такое иногда бывало. Это всегда – ЧП областного, иногда республиканского масштаба. Но вот предположить, что Совет может не согласиться и не поддержать решение партконференции – уже невозможно даже теоретически. Точнее математически.

Не буду, дорогой читатель, проводить напрашивающихся аналогий с современной действительностью. Как пелось в популярной песенке времен «расцвета застоя»: «Думайте сами, решайте сами... иметь или не иметь». Я, конечно, имею в виду демократию ☺.

В общем, никакой демократии, никакого «народовластия» (это я не подделываюсь под советский стиль, а просто перевожу слово «демократия» с греческого языка на русский) не существовало и в помине.

Все это совершенно справедливо. Но ведь была и другая сторона советской власти, о которой сейчас говорить не принято.

В конце концов, демократия – это еще и защищенность каждого рядового человека. Это и возможность самостоятельно изменить свое положение в обществе. А по этим параметрам советский строй был, по крайней мере, не хуже западных демократий, а то и лучше.

И еще. Многие считают советский режим чем-то чужеродным для России, заимствованным у Запада. Идеология марксизма действительно принесена с Запада и не имеет глубоких корней в народной русской традиции. Но Советы – как раз очень русская система власти. И уходит она корнями в Земские соборы.

Сущность советского строя

Классическая позиция сторонников демократии такова: демократия начинается с того, что собирается орган, который учреждает основные принципы нового политического устройства. Прямо как в США: «Мы, народ Соединенных Штатов, даем сами себе эту конституцию...»

В 1917 году пропагандировался созыв как раз такого органа: Учредительного собрания.

Теория была следующая: Учредительное собрание – это как бы собрание из 60 или 70 миллионов взрослых россиян, отдельных самостоятельных личностей, которые учреждают сами образ правления и верховную власть. Эти люди не могут все сразу собраться в одном зале или на одном поле и поэтому они выбирают своих представителей, чтобы учредить новую власть.

Россияне были готовы избирать и быть избранными, учреждать новые формы власти. Например, в 1917–18 годах прошел Церковный Собор русской православной церкви. На нем было восстановлено Патриаршество и избран патриарх Тихон. Так же, наверное, большинство проголосовало бы и за царя... если бы им дали слово. Конечно же, они не проголосовали бы за Николая II (тем более после постыдного поражения от «макакяпошек», «кровавого воскресенья», Распутина и бессмысленного четырехлетнего участия в общемировой бойне) и не стали бы утверждать на престоле «скверную полунемецкую династию», как назвал Романовых неискоренимый монархист Пуришкевич[1].

А самое главное – большинство народа хотело не парламентской демократии. Она казалась им слишком формализованной, непонятной, «холодной». Образцом демократического правления для них был скорее сход на местах или Собор, то есть орган, в который выбирают своих представителей сословия и жители территорий. На таком Земском Соборе должны быть представлены не личности, а группы людей. Цель Собора – учитывать коллективные интересы, а не частные.

---

[1] *Шульгин В. В.* 1920. М., 1990.

Образом Собора на местах становится вовсе не выборная в городе или на территории Дума, а сход крестьян или горожан, либо Совет.

Совет – это вообще поразительная система власти, удивительная помесь Земских Соборов Московии и парламентаризма. Советы родились как маленькие, местные Земские соборчики...[1]

На первый взгляд, Советы – очень примитивная форма власти, какой-то гибрид митинга с парламентом, исполнительной властью и даже с элементами суда одновременно.

Первые Советы руководили военными действиями, хозяйством, общественной жизнью, даже женили и разводили. Выборы в них велись разными партиями. И получалось – внутри советской системы был поначалу возможен какой-то своеобразный парламентаризм, партийная борьба и т. п.

Но советская власть возможна и без партий – они здесь не обязательны: могут быть, а могут и не быть.

Эта нерасчлененность функций Совета непонятна для европейцев, да и для европеизированного русского городского слоя. Но это недостаток только с их точки зрения. Для большинства россиян того времени было не очень понятно и не нужно расчленение власти по функциям, разделения ветвей власти[2].

В феврале 1917 года начали расти как грибы Советы рабочих и солдатских депутатов, а в провинции – Советы крестьянских депутатов: волостные, уездные и губернские. Долгое время Петроградский Совет фактически выполнял роль Всероссийского Совета, – тем более приехать в Петроград можно было не из всех районов страны. Так, в Московии Земский Собор иногда избирался меньшинством населения, голосами жителей Москвы и

---

[1] Первым стал Совет уполномоченных в Иваново в мае 1905 г. Всего же за годы революции 1905–07 гг. появились 62 Совета, в т. ч. Совет солдатских и казачьих депутатов в Чите. Советы матросских, рабочих и солдатских депутатов были в Севастополе. В Тверской губернии появились Советы крестьянских депутатов. *(Прим. науч. ред.)*

[2] Заметим, ни в одной стране и ни у одного народа Европы, кому бы СССР их ни навязывал, все же не привились Советы! Только в Индии во время восстания сипаев в 1857–59 гг., в Персии во время революции 1911 г. появилось что-то похожее на Советы. (*Прим. науч. ред.*)

окрестностей, но считался именно Земским Собором, то есть Собором всей Земли.

При этом и всеобщие Соборы всея Земли – Всероссийские съезды Советов появляются очень быстро[1].

В июле 1918 года Пятый Всероссийский съезд Советов принял конституцию Советской России. Он официально закрепил создание нового политического строя.

Партийной борьбы внутри Советов больше не было: большевики уничтожили и запретили все партии, кроме своей собственной. Поэтому уже в 1920-е годы власть самих по себе Советов значила меньше, чем партийная власть ВКП(б), как тогда называлась КПСС. Теперь фактически решали все вопросы коммунисты-чиновники, номенклатура, а Советы все больше становились ширмой. Не зря же этот строй называют еще «партократией». Реально рычаги управления государством СССР находились в руках верхушки КПСС.

Но при всех своих недостатках советский строй давал определенную возможность выражать свою позицию большим корпорациям: жителям городов и субъектов федерации, народам, профессиональным союзам. Он был сложным гибридом представительной, непосредственной и сословно-представительской демократии.

Советский человек участвовал в работе Советов разного уровня, избирая в него депутатов, давая им наказы. Это создавало, по

---

[1] 1 июня 1917 г. собирается Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. 25 октября, в канун Октябрьского переворота – Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. А ведь есть еще и крестьянские Советы... 10–25 ноября проходит Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Уже 26 ноября–10 декабря 1917 г. – Второй Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Началось объединение Советов разных групп населения, выстраивание стройной системы Советов. 13 января 1918 г. прошло слияние двух съездов: Третьего Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов и Третьего Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. К марту 1918 г. процесс слияния Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов окончательно завершился. Тогда же (10–11 марта) Советское правительство переехало из Петербурга в Москву. Это очень символический поступок – фактически разрыв с традицией петербургского периода нашей истории. (*Прим. науч. ред.*)

крайней мере, иллюзию того, что он является субъектом права и обладает реальными политическими правами.

Но в этом смысле и западный человек участвовал в работе парламентов и прочих демократических учреждений, выбирая в них своих представителей – чаще всего из политической элиты страны. Профессиональные рабочие были членами Британского парламента за всю его историю всего пять раз. А вот в Советах они были представлены постоянно. Опять фикция?

Да – с одной стороны. Советы всех уровней реально значили все меньше, а партократия – все больше. Нет – с другой стороны. Потому что депутаты Советов все же могли что-то решать – пусть в очень ограниченных масштабах.

Возможность управлять государством у отдельного человека при советской власти была невелика: для этого ему следовало стать чиновником в системе партийных назначенцев, ему необходимо было сделать партийную карьеру, войти в узкий круг тех, «кого партия знает» и «кому партия доверяет». Но ведь никто не мешал рядовому человеку вступать в КПСС и строить партийную карьеру. И есть много примеров того, как эту карьеру делали люди, начинавшие с очень немногого.

Конечно, даже став партийным функционером, чиновник мало что решал. Бюрократия всегда работает, подчиняясь импульсам сверху, а не снизу. Впрочем, в таком громадном государстве как Россия, центральное управление, как правило, всегда недемократично.

До 1917 года у трона стеной стояло дворянство – аристократия. Теперь в этой роли выступала верхушка КПСС, профессиональные партийные функционеры. Качество, конечно, другое...

Николай Бердяев писал: *«Диктатура пролетариата, усилив государственную власть, развивает колоссальную бюрократию, охватывающую как паутина всю страну и все себе подчиняющую. Эта новая советская бюрократия, более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может легко эксплуатировать народные массы. Это и происходит»*.

Довольно точно определил Бердяев функцию, которую потом назовут номенклатурой. Собственно, вот она та бюрократия, та власть чиновника, которая усилилась Петром, которая нараста-

ла и тысячекратно увеличилась после 1917 года и плоды которой, – невозможность перебороть ее обычными мирными средствами, нереволюционными, – мы и пожинаем сегодня.

Откровенно говоря, на страницах этой историко-публицистической книги мне бы не хотелось углубляться в тему советской бюрократии. Вероятно, это тема отдельного исследования мифологии советского периода. Позволю себе лишь напомнить читателю абсолютно гениальную сказку Джорджа Оруэлла, написанную, по-моему, в военные годы, которая называется «Скотный двор» (или «Ферма животных» – Animal Farm).

Аллегория Оруэлла повествует, как на некоем хуторе животные устроили революцию против господства эксплуатировавших их людей. И сами стали хозяйничать. Однако республика освободившихся домашних животных очень быстро оказалась под властью самых хитрых и жирных свиней. И их свирепых охранников – сторожевых псов.

Уделом же всех остальных зверей стал беспросветный труд, выполнение составляемых свиньями планов пятилеток. Все это обильно сдабривалось свинской демагогией, рассказами о том, что раньше, мол, животные работали на людей, а теперь – на себя. Так реальными владельцами хутора стали управляющие — свиньи. Любопытно, что люди из соседних селений свиньям завидовали: те смогли создать такой режим, при котором все другие животные работали гораздо больше, а еды получали меньше, чем на хуторах, по-прежнему управляемых людьми. Сказка Оруэлла входила в список злостной антисоветской литературы и была строжайше запрещена во всех социалистических странах.

Свиньи – новая бюрократия. Новый класс, прорвавшийся к господству после 17-го года, класс партийных управляющих. Если критически рассуждать о засилье чиновничества и бюрократии, Башмачкиных, столоначальников и ревизоров царской России, то мы должны признать – они были, скажем так, профессиональными посредниками, ***натягивавшими*** на себя некие управленческие функции. После революции, «освободившей» трудящихся, бюрократия стала *единственным правящим* классом в стране Советов.

Кучка людей, присвоивших право распоряжаться страной. Кучка, которая порой сужается до считанных единиц – тех, кто «при-

нимает судьбоносные решения». Скажем, ввод советских войск в Афганистан в 1979 году (т. е. по сути присоединение Афганистана к «большому СССР») с последующей войной с моджахедами – «приговорили», как считается, три человека.

Сравним: присоединение Украины, а затем и войну с Польшей при САМОДЕРЖЦЕ Алексее Михайловиче все-таки «приговаривал» Земский Собор.

Власть партии единомышленников в этом смысле не лучше и не хуже любой другой формы олигархии или монархии. И, судя по всему, может даже чем-то лучше американской плутократии.

Если отвлечься от личных пристрастий и взять в руки томик Аристотеля, то, видимо, советский строй правильнее всего назвать смесью олигархии и бюрократии. С добавлением нескольких щепоток русского национальной специи – «советской демократии». Исключительно для вкуса.

Однако это дополнялось огромными социальными гарантиями и правами человека на местах и в профессиональной сфере.

Социальная защищенность

Всегда считалось: одна из самых больших потерь каждого эмигранта, сбежавшего из СССР, – потеря чувства социальной защищенности.

В Советском Союзе ходила шутка, что «профсоюзы защищают трудящихся даже тогда, когда они не трудятся». Так и было. Человек приходил на работу, и уволить его не было почти никакой возможности, что бы он ни выделывал. Можно было являться на работу пьяным и ругать начальника матом, можно было в служебное время раскладывать пасьянсы, травить анекдоты и валять дурака множеством других способов.

Не всем эта сторона социальной защищенности была так уж нужна, но она ведь была.

Не говорю уже о неукоснительной оплате больничных листов, декретных отпусков, пособий по болезни и пенсий по старости, стипендий. Житель СССР мог трудиться не особо напряга-

ясь – свой минимум имели все, кроме разве что бродяг и многодетных мамаш из самых низов общества[1].

Где бы ни работал подданный СССР, везде была очередь на получение жилья или на право вступить в жилищный кооператив. На богатых предприятиях предлагали подписать договор на несколько лет и призывно позванивали ключами от квартиры. На бедных – человек работал на квартиру и 10, и 15 лет. Но 15 лет – это срок получения бесплатной государственной квартиры. Получил – и кто же тебя из нее выгонит?!

Житель Запада тоже мог заработать на жилье. Но он или платил от 25 до 33 % своего бюджета за снятое жилище, или тратил примерно такую же сумму на выплату процентов по ипотечному кредиту. И платил не 10 и не 15, а как правило, 20 или 25 лет.

А ведь многие советские люди получали квартиру гораздо быстрее, чем за 10 лет, особенно в новых городах или у кого были востребованные профессии. Западный человек, если терял работу, платить по кредиту не мог. Болезнь вполне реально могла обернуться тем, что всей семье становится негде жить[2].

По качеству советское жилье, по крайней мере, на этапе до 1970-х годов было ничуть не хуже западного. Как свидетельствует В. Аксенов, «советские "жилплощади" тесноваты, но они теплые и удобные», не требующие ремонта[3]. Да и ремонт дома тоже делало государство.

В свое время Марина Влади устроила в Париже выставку привезенного из СССР дамского белья. Лейтмотивом этой выставки было что-то типа: «какой ужас!!!» Действительно, одежда советского производства проигрывала западной. Женщины томились

---

[1] Помню, в 1980-е, в эпоху «перестройки», в прессе много говорилось о мамах с пятью детьми. Работает разнорабочей, получает 90 руб., основная еда всей семьи – макароны и картошка. Но таких было единицы, и до такого состояния себя надо было еще довести. Во всех странах и при любом социально-экономическом строе есть такая же «голь перекатная». И в Российской Федерации она есть. *(Прим. науч. ред.)*

[2] По данным британских профсоюзов, каждый год в Британии 10 тыс. чел. лишаются жилья, как неплатежеспособные. Для советского человека такая ситуация была чем-то вроде предутреннего кошмара. *(Прим. науч. ред.)*

[3] *Аксенов В.* В поисках грустного бэби. М., 1997.

в очередях, чтобы «достать» колготки из ГДР или туфли из Венгрии. Но одежда и обувь всегда были, и всегда по доступной цене.

Советский человек в 1960–70-е годы был хорошо и без особых усилий обеспечен даже сравнительно со средними странами Запада, причем пищей лучше, чем жильем, а жильем лучше, чем одеждой.

Добавьте к тому доступность транспорта и отдыха. Сегодня билет на самолет Москва–Владивосток стоит в 2 раза больше средней месячной зарплаты по России. В СССР он стоил МЕНЬШЕ одной месячной зарплаты по стране. Ездить на поездах могли люди самого скромного достатка. У жителей Москвы и Ленинграда, в том числе у студентов и младших научных сотрудников, была возможность в пятницу сесть в поезд на Таллин или Ригу, погулять по городу день, вечером опять на поезд – и домой.

Многие семьи, в том числе из Казахстана и Сибири, даже с Дальнего Востока, регулярно отдыхали на Черном море. Путевки давал профсоюз – даром или за полцены. Проезд был копеечным.

Добавьте к этому доходящее до абсурда (с современной, но не с советской точки зрения) равенство в доходах[1]. Шофер на Севере, член Академии наук, уникальный специалист – все они могли иметь максимальную зарплату в 800–1000 рублей. При том, что минимальная зарплата составляла 90 рублей, а средняя по СССР – 140–150 рублей.

Разрыв в доходах между самыми богатыми и самыми бедными в СССР мог достигать в 10 раз. Пожалуй, это предел. Наиболее четко эта ситуация видна на примере окладной системы советской армии. Лейтенант – выпускник училища получал в среднем около 220 рублей, это выше, кстати, средней зарплаты по стране.

Полковник, командир полка – около 400. Генерал – от 500. То есть разрыв – в 2–3 раза, не более. И это после 25–30 лет «безупречной» и тяжелой армейской службы. Никому в голову не приходило, что в одном городе могут жить люди с разницей в доходах не в 10, а в 1000 или в 10 000 раз. Что кто-то может ездить на машине, а кто-то способен купить разве что покрышку от ее колеса – если подкопит.

Уже давно, еще в 1960-е годы, за рубежом стали писать, что именно опыт СССР подталкивал Запад к социализму. Ведь если где-то су-

---

[1] Сейчас еще больше абсурда. Даже примеры приводить не надо. (*Прим. ред.*)

ществует царство такой социальной защищенности, приходится волей-неволей на это царство равняться. Иначе жди неприятностей...

По крайней мере с послевоенных времен Запад захлестывает вал социальных реформ, все новых и новых гарантий. Для капитализма изначально нехарактерных. И современная европейская благодать, такая привлекательная для некоторых российских граждан, – прямая заслуга Советского Союза.

Социальная мобильность

В СССР социальная стратификация была заметно ниже, чем в странах Запада, уже благодаря праву – и фактической возможности – любого человека приобретать какие угодно профессии. В СССР считалось, что способности и желания талантливой молодежи – нечто почти священное. Ограничивать юношей и девушек в их стремлении учиться и получать профессии казалось совершенно безнравственным.

Доступность лучшего в мире (на 1960–70 гг.[1], оговорюсь) высшего и среднеспециального образования открывала перед всеми рядовыми гражданами Союза ДЕЙСТВИТЕЛЬНО равные возможности в развитии.

В этом отношении еще вопрос, где в большей степени было реализовано так называемое общество равных возможностей: у нас или в США. Сразу отмечу: я по убеждениям – совершеннейший антикоммунист и считаю теорию Маркса–Энгельса психологически и экономически ошибочной, а практику Ленина–Сталина преступной.

Но даже мне, честно говоря, кажется, что все-таки в хрущевско-брежневский период СССР имел куда больше прав называть себя НАСТОЯЩИМ ОБЩЕСТВОМ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ, чем, например, Америка.

То же самое касается и вертикальной стратификации, а попросту – социальной карьеры. Пропаганда обрушивала на жи-

---

[1] До сих пор наши университеты дают более глубокое и качественное образование, чем многие университеты мира! *(Прим. ред.)*

теля СССР каскады трескучих фраз про то, что ему открыты все дороги, что он по стране шагает как хозяин и может легко прошагать путь от разнорабочего до министра.

В США тоже родился классический стереотип – от чистильщика обуви до миллионера. Только вот на практике никто не видел миллионера, который начинал бы карьеру с чистильщика сапог.

А в СССР не то что представители элиты, а непосредственно руководители государства начинали именно с разнорабочих, с сельских батраков и грузчиков. Хрущев из шахтеров. Брежнев был землеустроителем – техником-геодезистом. Путь в министры, партийные начальники был принципиально открыт.

Человек, в том числе самого скромного общественного положения, действительно чувствовал себя субъектом права: «народ управляет государством». Субъектом права он, конечно, на самом деле не был, правил государством не народ, а верхушка партии, но тут важна психология, а не реальное положение дел. Такой человек мог попытаться прорваться наверх. И нередко получалось. «Выдвиженцы» 1930–50-х годов составили огромный отряд элитной технической интеллигенции в СССР, вплоть до руководства целыми заводами, промышленными округами, министерствами, отраслями экономики.

Конечно же, «выдвиженцев» тщательно проверяли: нет ли у них в роду «классово чуждых элементов», всегда ли они были лояльны к советской власти, и как там у них по части пролетарской идеологии. Но если у «выдвиженца» характер был «нордический» и стойкий, с мозгами и оргспособностями все в порядке, то продвигался он по служебной лестнице без вопросов.

А была область, где и классовое происхождение, и наличие чуждых элементов почти прощалось: наука. В директора крупного академического института сына «врага народа» могли и не пустить, но стать доктором наук, профессором, заведовать лабораторией или сектором он мог.

Состояние дел изменилось, когда положение верхушки КПСС окончательно сделалось полунаследственным: в 1970–80-е годы. Эту эпоху называют иногда временем «самозащиты советской власти от пришельцев». И это не грустная ирония, а довольно точное описание того, что происходило в стране. По сути, партия окончательно пре-

вратилась из хотя бы плохой, шаткой, но карьерной лестницы в монолитную стену без окон и дверей. Не свой – не пролезешь.

Олигархия бюрократов не могла развиваться: на то она и бюрократия олигархов. Вести страну стало некуда, темпы развития снижались, СССР начал тихо загнивать.

Тогда у некоторых юношей-карьеристов даже появилась мода на своего рода мужскую проституцию: чтобы добиться легкого успеха в жизни, надо было попросту жениться на дочке какого-нибудь партийно-советского бонзы. Поколением раньше в такого рода жертвах не было никакой необходимости: во-первых, сегодня ты «бонза», завтра – «враг народа», а во-вторых, любой парень был убежден, что может и сам добиться почестей и славы.

Так что до эпохи «самозащиты власти от пришельцев» система более-менее развивалась.

Бессмысленно сопоставлять парламентскую демократию и советский строй: это будет сравнением квадратного метра и секунды.

Констатируем факт: советская власть вовсе не была примитивно тоталитарной и не знающей никаких элементов демократии.

Население СССР жило в своей, советской социалистической демократии – пусть очень своеобразной. Можно сказать – извращенной. Во многом она, конечно, уступает парламентской, но по некоторым пунктам ее превосходит.

Выводы

Россию так долго попрекали за априорную историческую неспособность к демократии, что многие из нас всерьез в это поверили.

Но стоит присмотреться, и фантастические конструкции рассеиваются как утренний туман. Россия *в историческом разрезе* оказывается страной ничуть не менее демократичной, чем любая из держав Европы, в том числе и Британия, признанный лидер демократии.

И с вековыми традициями у нас все нормально.

Демократические институты у нас были не такие, как в Европе, да и само государство принимало совсем иные формы. Но чем больше вглядываешься в проблему, тем больше кажется – дело-то имен-

но в форме. Всякий раз, когда Россия некритически заимствовала западный опыт – просто потому, что он казался более «прогрессивным» и подлежащим непременному заимствованию, – все кончалось плохо. В том числе и для развития демократии.

К сожалению, традиция совершенно некритически перенимать чужой опыт сохраняется. Вот уже сегодня в Государственной Думе отказались от мажоритарной демократии. Почему? «Посмотрите, как на Западе». Действительно, кое-где в Европе действует та или иная форма пропорциональной избирательной системы.

Но почему мы должны непременно на это смотреть? Почему нужно обязательно использовать странный чужой опыт, а не свой собственный?

В XVI–XVII веках Россия была самобытным, но ничуть не отстающим от других государством Европы. Вот после петровского чужебесия Россия и правда отстала, на короткий срок превратившись в примитивное государство типа Древнего Вавилона. И потребовалось почти 100 лет, чтобы вернуться к сравнимому уровню развития демократических институтов.

С 60-х годов XIX века Россия по уровню демократии, по крайней мере, не хуже других, а временами явно вырывается в лидеры.

И в XX веке, при советской власти, во многом мы безнадежно отстаем, но в чем-то – лидируем, заставляя Запад равняться на нас.

Наверное, развитие демократии в России нуждается не в слепых заимствованиях, а в развитии нашего исторического опыта. Прежде всего уникального опыта рационального сплава твердой верховной «центральной власти» и абсолютно свободного развития местного самоуправления на всех уровнях: от ТСЖ в доме и муниципального собрания района до города и губернии.

Вот тогда мы станем ощущать себя более свободными и более ответственными гражданами *своей* страны. Тогда и в остальном мире будем вызывать не бесконечные упреки в «попрании основ демократии», а уважение, стремление изучать нашу российскую традицию, заимствовать наш отечественный опыт.

Двадцать лет между двумя фотографиями

Вот этот господин в тройке, с щегольскими усами и модно стриженной бородкой – мой прадед.

И на другом старом фото на следующей странице, – он же, а рядом с ним прабабка моя, остзейская немка Августа Фридриховна.

Между этими фотографиями 20 лет.

И то и другое – классические семейные фотокарточки, сделанные соответственно в 1909 и 1929 годах. Но как говорится, почувствуйте разницу!

На предыдущем, снятом ровно сто лет назад, – не буржуин, не дворянин и даже не профессор.

Это – человек, у которого за спиной всего четыре класса церковно-приходской школы. Правда, он выписывал газеты и, по семейному преданию, сам прочитал всего Ключевского и Соловьева. Выбился из рабочих в главные механики сахарного завода в Малороссии. Почти «белый воротничок» – над ним был только управляющий и хозяин.

Этим же главным механиком он и проработал на разных заводах на Украине до самой пенсии. Власть менялась, а толковые механики были нужны всегда. Я думаю, тогда, в 1909-м, это были очень небогатые люди. Но они шли фотографироваться как на праздник, стремились выглядеть эффектно, одеться в лучшее, может чтобы с гордостью послать фотокарточку родным в село – смотрите, как мы выбились в люди!

Первая жена моего прадеда в длинном выходном платье с белоснежными кружевами... Они выглядят как респектабельные

буржуа. Если бы сказали, что на фото директор, я бы не удивился, а ведь это всего лишь квалифицированный рабочий.

Кажется, что вот еще чуть-чуть, и эти люди поедут с круизом по Средиземному морю, в Ниццу. Поработают, подкопят – и поедут. А может, потом и завод этот откупят у хозяина. Мой предок очень хочет стать буржуа, он очень хочет стать главным инженером, пробиться наверх, у него есть цель, мотивация. И он очень гордится тем, чего уже добился.

На втором фото прадед – тот же главный механик сахарного завода. Но здесь все в точности до наоборот. Люди вроде тоже прилично одеты, но какие-то серые мешкообразные платья, прадед – единственный, кто еще как-то хочет выделиться, демонстрируя модный галстук. А остальные – уже все, уже рабочий класс. Это не вопрос следования моде, просто люди перестали мечтать, перестали стремиться зарабатывать деньги, выбиваться в следующий слой социального пирога. Наоборот – не дай бог вылезти, а то раскулачат. Как раз — 1929-й на дворе. НЭПу конец. Коллективизация. Вот и хотят они выглядеть как все, ничем не выделяться, быть похожими на пролетариев на своем же заводе.

На первом фото – внутренне свободные, к чему-то стремящиеся, имеющие мотивацию люди. А на втором – ну нет такого ощущения. Ну сфоткались на память, потом отметили это дело, выпили по рюмке самогона, а завтра – на завод. Марш, марш, вперед, рабочий народ...

Не хочется впадать в банальности и начинать стенать по России, которую мы потеряли. Но почему-то каждый раз, когда смотрю на эти семейные фото с 20-летним разрывом, грустные мысли приходят в голову...

Литература

Источники, тексты, классики

Аристотель. Политика. Антология мировой философии. М., 1969.

Батыр К. И. Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. М., 1996.

Бартольд В. В. Арабские известия о руссах. Сочинения. М., 1963.

Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1–7. СПб., 1997–1999.

Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М., 2000.

Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М., 1975.

Великая хроника о Польше, Руси и их соседях. М., 1987.

Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975.

Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.

Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских. М., 1961.

Гегель Г. Работы разных лет. В 2 т. М., 1976.

Геродот. История. М., 2001.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968.

Домострой. СПб.: Наука, 1994.

Записки императрицы Екатерины II. М., 2007.

Ибн Сина. Избранное. Ташкент, 1981.

Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. М., 1998.

Исторические песни. М., 1955.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1970.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1993.

Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2007.

Ключевский В. О. Курс русской истории. В 5 т. М., 1956.

Ключевский В. О. Русская история. В 3 т. Ростов-на-Дону, 2000.

Ключевский В. О. Собр. соч. в 8 т. 1958.

Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб., 1880.

Котошихин Г. К. Россия в царствовании Алексея Михайловича. М., 1999.

Крижанич Ю. Политика. М., 1965.

Лев Диакон. История. М., 1988.

Лейбниц Г. В. Соч. Т. 3. М., 1984.

Ломоносов М. В. Древняя российская история от начала русского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года. СПб.: Изд-во Российской АН, 1766.

Ленин В. И. ПСС.

Маркс К., Энгельс Ф. О колониализме. Сборник. Изд. 7. М., 1978.

Мельникова Е. А. Древнескандинавские географические сочинения: Тексты, перевод, комментарий. М., 1986.

Менделеев Д. И. К познанию России. М., 2002.

Новиков Н. И. Избр. соч. М.–Л., 1951.

Неру Дж. Взгляд на всемирную историю. М., 1989.

Памятники куликовского цикла. Под ред. Б. А. Рыбакова. СПб., 1998.

Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М., 2006.

Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994.

Повесть временных лет. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. СПб., 1996.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. 1830.

Полное собрание русских летописей. М.–Л.: Наука, 1962.

Полное собрание русских летописей. М., 1997–2000.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. М., 1960.

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву. М., 1954.

Радугин А. А. Хрестоматия по философии. М., 1978.

Сказки, легенды, предания: Антология семейного чтения. М., 1990.

Сказки. Легенды. Предания. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1991.

Слово о полку Игореве. М., 1967.

Собрание китайских летописей. М.: Наука, 1966.

Соловьёв С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1963.

Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 2005.

Сталин И. В. Собр. соч. в 13 т. Т. 4. М., 1949.

Суханов Н. Н. Записки о революции. М., 1992.

Татищев В. Н. История Российская. М.–Л., 1962–1964.

Транквилл Г. С. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.

Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. М., 1973.

Хрестоматия по истории Древнего Рима под редакцией В. И. Кузищина. М., 1987.

Чаадаев П. Я. Философические письма. М., 2001.

Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. М., 2003.

Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. М., 1984.

Энциклопедии, справочные издания, коллективные научные труды

Большая Советская Энциклопедия. Изд. 3. М.: Советская энциклопедия, 1970–1978.

История Европы в 8 т. Т. 3. От Средневековья к Новому времени. М.: Наука, 1968.

История отечественного государства и права. М., 1997.

История средних веков. В 2 т. М., 2002.

История Франции / Отв. ред. А. З. Манфред. Т. 1. М., 1972; Т. 2. 1973.

Мифология. Энциклопедия. М., 2002.

Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1996.

Народы России. Энциклопедия. М., 1994.

Бибиблиографический словарь. Под ред. О. В. Творогова. М., 1996.

Россия. В 2 т. Т. 1. СПб., 1880.

Россия. Статистический справочник. СПб., 1899.

Россия. Энциклопедический словарь. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1898.

Советская военная энциклопедия в 8 т. М., 1964.
Сухарев А. Большой юридический словарь. 2005.
Таганцев Н. С. Уголовное право (Общая часть). СПб., 1902.
Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995.

Монографии, исследования, учебники

Абрамсон М. Л., Гуревич А. Я., Колесницкий Н. Ф. История средних веков. М., 1964.

Авербух Р. А. Революция в Австрии (1848–1849 гг.). М., 1970.

Алпатов М. А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.–Л., 1949.

Анисимов Е. В. Петр Первый: рождение империи // История отечества. Люди, идеи, решения. М., 1991.

Арисов Н. Н. Французский гражданский кодекс 1804 г. (Кодекс Наполеона). М., 1972.

Атаманчук Г. В. Государственное управление (организационно-функциональные вопросы). М., 2004.

Бах М. История австрийской революции 1848 г. М.–Пг., 1923.

Бейлис В. М. Арабские авторы IX–первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // Древнейшие государства на территории СССР. 1985.

Белецкий С. В. Начало Пскова. СПб., 1996.

Бирюков Ю. М. Государство и право Древнего Рима. М., 1969.

Бирюков Ю. М. Правовые памятники Древнего мира, М., 1969.

Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. 1–2. М., 1909–1912.

Валишевский К. Иван Грозный. М., 1993.

Васильев А. А. Лекции по истории Византии. Время до крестовых походов (до 1081). Л., 1924.

Васильев А. А. История Византийской империи. СПб., 2000.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М., 1998.

Вернадский Г. В. Начертание русской истории. СПб., 2000.

Вернадский Г. В. Киевская Русь. М., 1995.

Вернадский Г. В. Монгольское иго в русской истории. Paris, 1927.

Верхотуров Д. Н. Сталинская индустриализация. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Владимиров В. В. Смысл русской жизни. М., 2006.

Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М., 1870.

Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

Граля И. Мотивы «Оршанского триумфа» в Ягеллонской пропаганде // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма: Чтения памяти В. Б. Кобрина. М., 1992.

Грегуар Л. История Франции в XIX в. Т. 1. М., 1893.; Т. 2. 1894; Т. 3. 1896.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.

Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Мир истории. Русские земли в XIII–XV веках. М., 1988.

Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. М., 1964.

Григулевич И. Р. Инквизиция. М., 1970.

Грин Дж. Р. История английского народа. В 3 т. М., 1892.

Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1978.

Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

Гуревич А. Я. Избранные труды. Древние германцы. Викинги. СПб., 2007.

Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1984.

Европейские революции 1848 г. М., 2001.

Жидков С. А. История буржуазного права. М., 1971.

Забелин И. Е. История города Москвы. М.: Саблин, 1905.

Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

Зинн Г. Народная история США: с 1492 года до наших дней. М., 2006.

История и культура удэгейцев. Л., 1989.

История русской литературы X–XVII вв.: Учебное пособие для студентов педагогических институтов. М., 1979.

Кабо В. Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., 1975.

Кабузан В. М. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII–начале XX века. М., 1998.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны. Глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002.
Кизеветтер А. А. Евразийство // Философские науки. – 1991. – № 12.
Кларендон Э. Х. История мятежа и гражданских войн в Англии. М., 1992.
Колингвуд Р. Д. Идея истории. М., 1991.
Корсаков Д. А. Воцарение императрицы Анны Ивановны. Казань, 1880.
Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.
Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
Ливанцев К. Е. История государства и права. Л., 1986.
Ливингстон Д. Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1855 г. М., 1955.
Линков Я. Н. Очерки крестьянского движения в России в 1825–1861 гг. М., 1952.
Лихачев Д. С. Культура русского народа X–XVII вв. М.–Л., 1961.
Мавродин В. В. Рождение новой России. Л., 1988.
Макинский А. В. История государства и права зарубежных стран. М., 1999.
Масси Р. Петр Великий. В 3 т. Смоленск, 1996.
Матюшкин Н. В. И. Ленин о дружбе народов. М., 1954.
Меринг Ф. Карл Маркс. История его жизни, Пг., 1920 г.
Мешкис Э. Наполеон и Египет // VIII Международная конференция по проблемам цивилизации. Москва, 21–23 мая 2004 года. М., 2004.
Миндалев П. Моление Даниила Заточника и связанные с ним памятники. Казань, 1941.
Михлин А. С. Смертная казнь. Вчера, сегодня, завтра. М., 1997.
Михневич Н. П. Война между Германией и Францией 1870–1871 гг. СПб., 1897.
Моммзен Т. История Рима. СПб., 1997.
Мотли Д. Л. Возникновение Голландской республики. М., 1937.

Немировский А. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964.

Немировский А. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962.

Нефедов С. А. История нового времени. М., 1996.

Нечкина М. В., Лейбенгруб П. С. История СССР. Учебник для 7 класса. Изд. 15. М., 1980.

Новиков М. Н. Христианизация Киевской Руси: методологический аспект. М., 1991.

Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.) Л.: Соцэкгиз, 1937.

Омельченко О. А. Всеобщая история государства и права. Учебник. М., 1998.

Освободительные движения народов Австрийской империи: возникновение и развитие. Конец XVIII–1849 г. М., 1980.

Осипова Н. П. История Псковской книжной культуры. Псков, 2004.

Осокин П. Первая инквизиция и завоевание Лангедока франками. Казань, 1872.

Памятники архитектуры в дореволюционной России: Очерки истории архитектурной реставрации. М., 2002

Панкратова А. Великий русский народ. М.: Госполитиздат, 1952.

Первая война России и Европы. Материалы круглого стола // Родина. – 2004. – № 12.

Поликарпов В. С. Лекции по культурологии. М., 1997.

Понырко Н. В. «Сказание о граде Китеже» // Литература Древней Руси.

Похлебкин В. В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. (от битвы на реке Сить до покорения Сибири). Справочник. М., 2005.

Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. СПб., 2000.

Пушкарев С. Г. Самоуправление и свобода в России. Франкфурт-на-Майне, 1987.

Роджерс Т. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX век. СПб., 1883.

Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.

Рыбаков Б. А. Мир истории. Начальные века русской истории. (Рождение Руси). М., 1987.

Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М., 1975.

Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1947.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1978.

Сафаров Г. Колониальная революция (опыт Туркестана). Государственное издательство, 1921. Переиздание: Oxford: The Society for Central Asian Studies, 1985.

Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.

Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Сергеев В. С. Очерки истории Древнего Рима. Ч. 1–2. М.: Соцэкгиз, 1938.

Сергеев Д. Д. Представления о государстве и государственной власти римских писателей эпохи Августа // Античный мир. Проблемы истории и культуры. Сборник научных статей к 65-летию со дня рождения проф. Э. Д. Фролова. Под ред. д-ра ист. наук. И. Я. Фроянова. СПб., 1998.

Скобов А. В. История России в 1917–1940 гг. СПб., 2004.

Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969.

Скрынников Р. Г. Царство террора, СПб., 1992.

Скрынников Р. Г. Иван III. М., 2006.

Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975.

Скрынников Р. Г. Русская история IX–XVII веков. СПб., 2006.

Скрынников Р. Г. Третий Рим. СПб., 1994.

Славяне и скандинавы. М., 1986.

Соловьев Э. С. Прошлое толкует нас. М., 1991.

Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Спивак Д. Л. Метафизика Петербурга. СПб., 2003.

Стурлусон С. «Старшая Эдда». СПб., 2000.

Сурков В. Тексты 97-07. М., 2008.

Тарле Е. В. Наполеон. М., 1956.

Тарле Е. В. Крымская война. М.–Л., 1941–1944.

Токвиль А. Демократия в Америке. М., 2000.

Тьерри О. Избр. соч. М., 1937.

Устрялов Н. Г. Сказания современников о Димитрии Самозванце. Ч. I. СПб., 1859.

Устрялов Н. Г. Собр. соч. в 3 т. М., 1997.

Федоров-Давыдов Г. А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.

Фонвизин М. А. Политическая жизнь в России М. А. Фонвизин // Библиотека декабристов. – 1907. – Вып. IV.

Фроянов И. Я. Мятежный Новгород. СПб., 1992.

Фукс Э. История нравов. Т. 2. Галантный век. М., 1993.

Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. Изд. 3-е, дополненное. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Казань: Комбинат изд-ва и печати, 1923). М.: ИНСАН, Совет по сохранению и развитию культур малых народов, СФК, 1991.

Цибиков Г. Ц. Сочинения в 2 т. Новосибирск, 1974.

Черниловский З. М. Всеобщая история государства и права. М., 1996.

Черных Н. Б. Дендрохронология и археология. М.: Наука, 1996.

Шафаревич И. Р. Собр. соч. в 3 т. М., 1994.

Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шильдер Н. К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. В 2 т. СПб., 1903.

Шлезингер А. М. Циклы американской истории. М., 1992.

Шмурло Е. Ф. XVI век и его значение в русской истории. СПб., 1891.

Шульгин В. В. 1920. М., 1990.

Шушарин В. П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961.

Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. М., 2000.

Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

Научно-популярная литература, публицистика

Авторханов А. Империя Кремля. Советский тип колониализма. Франкфурт, 1988.

Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Вермонт, 1984.

Биллингтон Д. Х. Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М., 2001.

Бунич И. Золото партии. М., 1996.

Буровский А. М. Крах империи. М., 2004.

Буровский А. М. Несостоявшая Россия. М., 2003.

Бушков А. А. Россия, которой не было. М., 1997.

В помощь партучебе. – 1938. – № 34.

Гернет М. Н. Смертная казнь. М., 1913.

Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. СПб.: Звезда, 1999.

Гордин Я. А. Между рабством и свободой. СПб., 1993.

Горянин А. Б. Мифы о России и дух нации. М., 2001.

Грин В. Безумные короли. М.–Ростов-на-Дону, 1997.

Д'Анкос Эллен Карер. Расколотая империя. Национальный бунт в СССР. Лондон, 1982.

Иванов В. В. Русь Великая. М., 1983.

Каргалов В. В., Сахаров А Н. Полководцы Древней Руси. М., 1985.

Карташов А. В. Что значит «Святая Русь»? // Русское Возрождение. – 1988. – № 42.

Ландсбергис Г. Богачи и сверхбогачи. М., 1956.

Маршалл А. Мы такие же люди. М., 1947.

Мирабо. Меттерних. Франклин. Вашингтон. Линкольн. Челябинск, 1998.

Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия. М., 1990.

Можейко И. Другие 27 чудес. М.: Наука, 1969.

О государстве русском. СПб., 1906.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.

Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом виде. М.: Политиздат, 1922.

Политический журнал. – 2008. – № 1.

Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М., 1994.

Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб., 1993.

Рабинович М. Г. Судьбы вещей. М., 1973.

Родионов В. Черный холокост Америки // «Чайка» № 11(11) от 19 декабря 2003.

Российские самодержцы. М., 1993.

Россия. Пять веков Империи // Эксперт. – 2008. – № 1.

«Совершенно секретно». Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934). М., 2003.

Сорос Дж. Кризис мирового капитализма. М., 1999.

Сорос Дж. Новый взгляд на открытое общество. М., 1997.

Субтельний О. Розпад імперії та утворення національних держав: випадок України // Сучасність. – 1994. – № 12.

Суворов В. В. Очищение. М., 2003.

Сухарева О. В. Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005.

Ульянов Н. Замолчанный Маркс. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1969.

Фоменко А. Т., Носовский Г. В. Новая хронология Руси. М., 1997.

Шапошникова В. Годы и дни Мадраса. М., 1968.

Янин В. Л. «Я послал тебе бересту...» М., 1978.

Мемуары, дневники, путевые записки

Алаев Л. Б. Такой я видел Индию. М., 1968.

Айни С. М. Бухара: Воспоминания. М., 1957.

Боборыкин П. Д. За полвека (мои воспоминания). М.–Л., 1929.

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. В 3 т. М., 1993.

Бунин И. А. Окаянные дни. Тула, 1992.

Вернадский В. И. Дневники. Киев: Наукова думка, 1997.

Воспоминания очевидца о пребывании французов в Москве в 1812 году. М., 1862.

Гарин-Михайловский Н. Г. Путешествие по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову // Гарин-Михайловский Н. Г. Собр. соч. в 16 т. Т. 8. Пг., 1916.

Гиляровский В. А. Собр. соч. в 4 т. М., 1967.

Деникин А. И. Кто спас советскую власть от гибели. М., 1991.

Завадский Б. И. Пять лет за океаном. М., 1960.

Локвуд Дж. Я – абориген. М., 1974.

Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.

Овчинников В. В. Сакура и дуб. М.: Дрофа, 2003.
Сат-Ок. Земля Соленых Скал. М., 1957.
Стенли Г. М. В дебрях Африки. М., 1948.
Уэллс Г. Россия во мгле. Собр. соч. в 15 т. Т. 15. М., 1964.
Хейердал Т. В поисках рая. М., 1982.
Эйзенхауэр Д. Сочинения. Крестовый поход в Европу. М., 1980.
Энгельгардт А. Н. Письма из деревни. М.: Просвещение, 1989.

Записки иностранцев о России

Александер Дж. Россия глазами иностранца. М., 2008.
Барберини Р. Путешествие в Московию Рафаэля Барберини // Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веке. СПб., 1840.
Буссов К. Московская хроника. 1584–1613. М.–Л.: АН СССР, 1961.
Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
Герберштейн С. Московия. М., 2007.
Горсей Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. М.: Изд-во МГУ, 1990.
Иностранцы о древней Москве. Москва XVI–XVII вв. М., 1991.
Кампенезе А. Письмо к Папе Клименту VII о делах Московии. Киев, 1993.
Коллинс С. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. М., 1846.
Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699). СПб., 1906.
Кюстин А. де. Россия в 1839 году. М., 2006.
Маржерет Я. Состояние Российской державы и Великого княжества Московского с 1590 по 1606 г. // Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Ч. 1. СПб., 1859.
Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1905.
Олеарий А. Описания путешествия в Московию. М., 2003.
Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. В 3 кн. М., 1983.
Путешествие сэра Джерома Горсея. М., 1870.

Сказания Массы и Геркмана о Смутном времени в России. СПб., 1874.

Стрейс Я. Я. Три путешествия. М., 1935.

Флетчер Д. О государстве Русском, или Образ правления русского царя (обыкновенно называемого царем Московским) с описанием нравов и обычаев жителей этой страны // О государстве русском. СПб., 1906.

Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе России и князе московском // Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М.: Соцэкгиз, 1937.

Шлихтинг А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1935.

Штаден Г. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925.

Художественная литература

Айни С. М. Рабы. М., 1975.

Аксенов В. В поисках грустного бэби. М., 1997.

Бестужев (Марлинский). Ночь на корабле. Повести и рассказы. М., 1988.

Булгаков М. А. Собачье сердце. М., 1993.

Верн Ж. Пятнадцатилетний капитан. М., 2003.

Высоцкий В. С. Стихотворения. Красноярск, 1988.

Герцен А. И. Былое и думы. М., 2007.

Голон А. и С. Анжелика. В 8 т. М., 1993.

Грибоедов А. С. Горе от ума. М., 1974.

Еффремов И. А. Лезвие бритвы. М., 2006.

Зюскинд П. Парфюмер. История одного убийцы. СПб., 2006.

Иванов В. Д. Русь изначальная. М., 1978.

Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. М.: Худлит, 1940.

Киплинг Р. Ким. М., 1994.

Коллинз У. Лунный камень. М., 2004.

Кристи А. Отель «Бертрам». Рассказы. М., 1989.

Лермонтов М. Ю. Собр. соч. в 4 т. М., 1948.

Лондон Дж. Собр. соч. в 8 т. М., 1966.

Марков С. Н. Идущие к вершинам. М., 1968.
Мериме П. Хроника царствования Карла IX. М., 1986.
Оруэлл Дж. 1984. М., 1989.
Пикуль В. С. Богатство. Каторга. М., 2004.
Станюкович К. М. Морские рассказы. Минск, 1981.
Станюкович К. М. Морские рассказы. Минск, 1981.
Толстой А. Н. Петр I. Собр. соч. в 6 т. Т. 5. М., 1960.
Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. М., 2006.
Фадеев А. А. Последний из удэге. М., 1988.
Фонвизин Д. И. Собр. соч. Т. I, II. М.–Л., 1974.
Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1961.
Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1963.
Чернышевский Н. Г. Пролог М.–Л., 1936.
Шолохов М. А. Судьба человека. Поднятая целина. М., 2005.
Твен М. Позолоченный век. Собр. соч. в 12 т. Т. 3. М., 1959.

Суммарный тираж серии Владимира Мединского «Мифы о России» составляет 465 000 экземпляров

Историко-публицистическое издание

Мединский Владимир Ростиславович

О РУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ, ГРЯЗИ
И «ТЮРЬМЕ НАРОДОВ»

Научный редактор *А. М. Буровский*

Руководитель проекта: *А. Е. Соколов*
Шеф-редактор: *С. З. Кодзова*
Ответственный за выпуск: *Е. В. Демина*
Корректор: *А. П. Гундаев*
Дизайн обложки: *Н. Куликова*
Компьютерная верстка: *Н. А. Платонова*

Подписано в печать 25.02.2015
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «MyslC»
Печать офсетная. Бумага газетная
Уч.-изд. л. 27,85. Усл.-печ. л. 39,0
Изд. № ОП-12-1264-Миф
Доп. тираж 3000 экз.
Заказ № О-566.

В соответствии с ФЗ-436 для детей старше 12 лет

ОАО «ОЛМА Медиа Групп»
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, пом. I, комн. 5
Почтовый адрес: 143421, Московская область,
Красногорский район, 26-й км автодороги «Балтия»,
бизнес-центр «Рига Ленд», стр. 3
http://www.olmamedia.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

Схема сокращения зоны нашего влияния после распада СССР

1. Флаг РСФСР (1918 – 1920)
2. Флаг РСФСР (1920 – 1937)
3. Флаг СССР по Конституции 1923 года – предполагавшийся внешний вид
4. Флаг СССР (1923 – 1991)
5. Флаг РСФСР, Российской Федерации (1991 – 1993)
6. Флаг Российской Федерации (с 1993)
7. Флаг на основе президентского штандарта

1

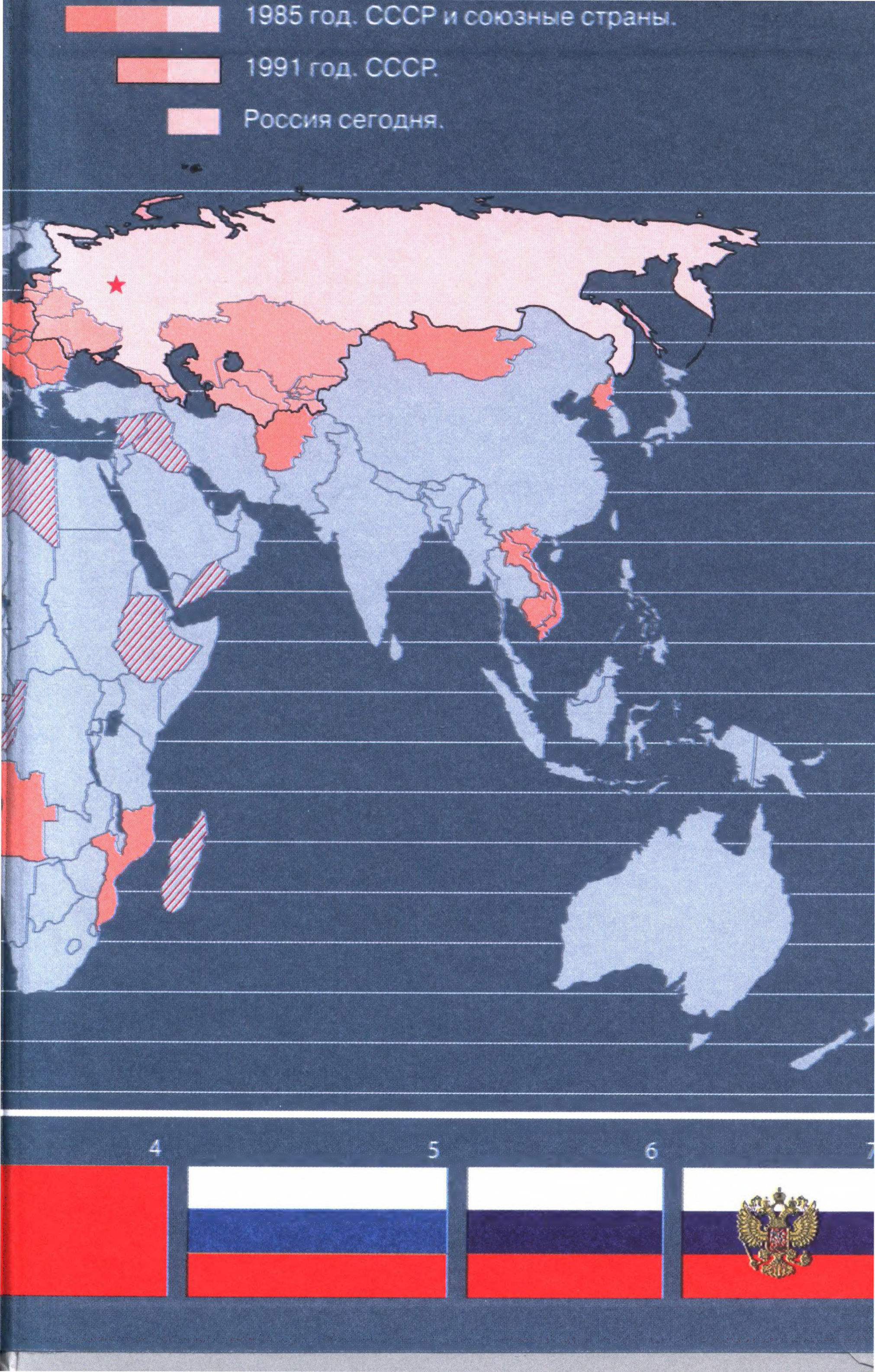
2

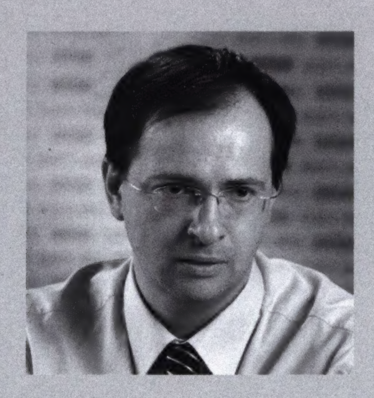

3

1985 год. СССР и союзные страны.
1991 год. СССР.
Россия сегодня.
4
5
6
7

Владимир МЕДИНСКИЙ

Профессор МГИМО МИД РФ, доктор исторических наук

Нет народа, о котором было бы выдумано столько лжи, нелепостей и клеветы, как народ русский.

Екатерина Великая, урожденная немка

«Самая популярная историческая книга современной России».

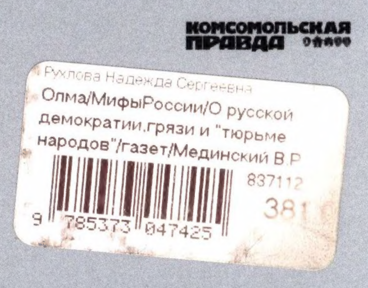
Коммерсантъ

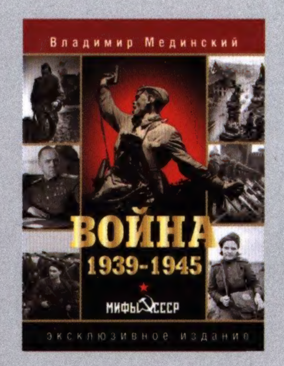
«Бестселлеры Мединского стремятся развеять негативные стереотипы о России».

The New York Times

«Блестящий авторский экскурс из истории — в сегодня».

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

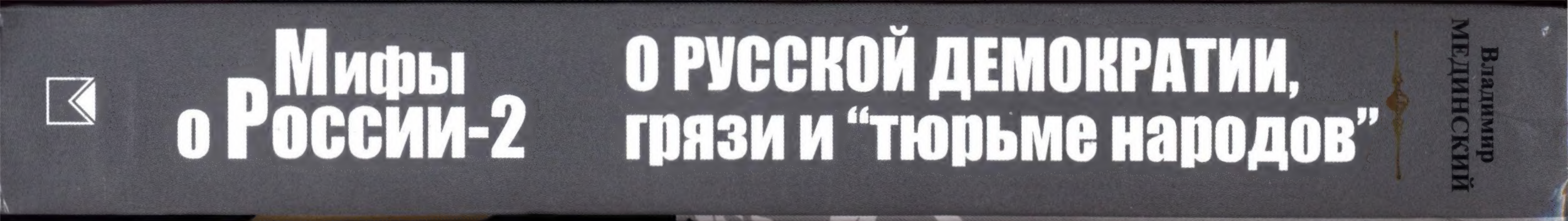

Автор всегда на связи в Твиттере: **@medinskiy_vr**

Бестселлер Владимира Мединского

ISBN 978-5-373-04742-5
9 785373 047425

Мифы
о России-2
О русской демократии,
грязи и "тюрьме народов"
Владимир
МЕДИНСКИЙ